

А. КОНАН ДОЙЛ

Записки о Шерлоке Холмсе

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1978

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

Записки о Шерлоке Холмсе

Рассказы и повесть

Перевод с английского

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

И (Англ)
К64

Предисловие
КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

Рисунки Л. НЕПОМНЯЩЕГО

Оформление В. СОЛОВЬЕВА

К $\frac{70803—548}{М101(03)78}$ 441—78

© Иллюстрации. Оформление.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978 г.

Корней Чуковский
О Шерлоке Холмсе

I

Молодого Макферлена обвиняют в большом преступлении. Лондонские газеты печатают, будто прошедшей ночью он убил одного старика архитектора.

Газеты ошибаются: Макферлен невиновен. Но доказать это невозможно. Все улики против него: в ту ночь он был единственным гостем старика, и найденное орудие убийства несомненно принадлежит ему. Сейчас полиция схватит его, и так как он не может сказать в свою защиту ни единого слова, его сошлют на каторгу или вздернут на виселицу.

Что ему делать? Как защитить себя от ужасной судебной ошибки?

Есть во всем Лондоне лишь один человек, который может спасти Макферлена, доказать обвинителям, что он невиновен.

Только бы добежать до этого человека, только бы рассказать ему все, а уж он отыщет виновного, он доберется до правды, он не допустит, чтобы ни в чем не повинные люди попадали на скамью подсудимых!

Зовут его Шерлок Холмс. Он живет недалеко: на Бейкер-стрит. Это очень незаметная, тихая улица, но она известна всему миру именно потому, что на ней живет Шерлок Холмс.

Скольких невинно осужденных людей спасал он от каторги, от тюрьмы, а иногда и от петли!

Еще недавно полиция арестовала водопроводчика Хорнера, обвиняя его в краже редкостного драгоценного камня. Но Шерлок Холмс исследовал все это дело и доказал, что Хорнер невиновен. И Хорнера тотчас же отпустили на волю.

Макферлен знает, что Холмс защитит и его. Потому-то, воспользовавшись последним получасом свободы, он с такой страстной надеждой бежит через весь Лондон на ту улицу, где живет Шерлок Холмс.

Полиция гонится за Макферленом по пятам, она сию минуту настигнет его, но ему все же удается добежать до Бейкер-стрит и в двух словах рассказать Шерлоку Холмсу о своей ужасной беде.

Этого совершенно достаточно.

Пусть теперь приходят полицейские, надевают на него железные наручники и волокут его в тюрьму за решетку — он спокоен. Он знает, что с этой минуты Шерлок Холмс не станет ни есть, ни спать, ни думать о посторонних вещах, пока не отыщет разгадку всей этой чудовищной загадки, пока не разоблачит негодяя, который, совершив преступление, укрылся от правосудия и взвалил свою вину на другого.

Так и случилось. Чуть только молодого человека взяли под стражу и увели в полицейский участок, Шерлок Холмс тотчас же принялся за работу.

— Завтрак на столе. Ешьте скорее, простынет! — говорит ему его друг и товарищ, отставной военный врач Уотсон, живущий вместе с ним в одной квартире, тут же на Бейкер-стрит.

Но Шерлок Холмс отодвигает тарелку, так как он весь поглощен одной-единственной мыслью — о той загадке, которую он должен теперь разгадать. Он знает, что от решения этой загадки зависит человеческая жизнь. По словам доктора Уотсона, бывали такие случаи, когда Шерлок Холмс во время своих разысканий «буквально падал с ног, лишался чувств — так много сил отдавал он своей самоотверженной и вдохновенной работе».

Работа эта вполне бескорыстна. Да и какие деньги может получить Шерлок Холмс от бедняка Макферлена, которого он после многодневных усилий в конце концов спасает от тюрьмы! И ровно ничего не заплатит ему веснушчатая гувернантка мисс Хантер, которую в рассказе «Медные буки» он — с опасностью для собственной жизни — защищает от жестоких хозяев.

В рассказе «Черный Питер» тот же доктор Уотсон сообщает о Шерлоке Холмсе:

«Он был настолько бескорыстен — или настолько независим,— что нередко отказывал в помощи богатым и знатным... В то же время он целые недели ревностно занимался делом какого-нибудь бедняка».

Конечно, он вызволяет из беды не одних бедняков — к нему за помощью нередко обращаются и министры, и банкиры, и герцоги. Дверь Шерлока Холмса открыта для всех, с кем произошел какой-нибудь странный, загадочный случай. Такие случаи интересуют его больше всего. Тайны и загадки — его специальность. Иному даже может показаться, что не из доброты, не из сострадания к людям проводит он целые ночи без сна, подвергает себя тысячам опасностей, а только потому, что он любит распутывать всякие запутанные случаи. Он и сам повторяет не раз, что без тайн и загадок ему скучно: такая жизнь кажется ему слишком неинтересной и тусклой.

— Я похож на математика,— говорит он.— Меня занимает одно: правильное решение трудной задачи, а как это решение отразится на людях, мне, право же, вполне безразлично.

Но, конечно, он клевещет на себя. Он добрее и сердечнее, чем кажется ему самому. Хоть он действительно больше всего на свете любит размышлять над загадками жизни, но судьба тех людей, что замешаны во всех этих загадках, мучит и тревожит его.

Он, правда, человек очень скрытный и сдержанный, но все же нетрудно заметить, что он страшно волнуется, когда ему не удается оправдать те надежды, которые возлагают на него обратившиеся к нему за помощью люди,— волнуется потому, что жалеет и любит этих несчастных людей.

Одна женщина, миссис Сент-Клер, как-то попросила его, чтобы он помог ей найти без вести пропавшего мужа. Шерлок Холмс ищет, но долго не может напасть на его след; эта неудача удручает его потому, что он чувствует, какие страдания причинит она миссис Сент-Клер.

— Что я скажу этой маленькой милой женщине, когда она встретит меня на пороге?..— говорит он своему неизменному спутнику, доктору Уотсону.— О, как тяжело мне встречаться с ней, Уотсон, пока я не могу сообщить ей ничего нового о ее муже!

Значит, равнодушие у него напускное, притворное, а на самом деле он так близко принимает к сердцу чужие несчастья, что мучительно терзается каждой своей неудачей.

— Вы, Уотсон, видите перед собой одного из величайших глупцов, какие только существуют в Европе! — яростно ругает он себя в такие минуты.— Я был слеп, как крот. Мне следовало бы дать такого тумака, чтобы я полетел отсюда до Черинг-кросса!

Разгадка каждого запутанного дела — для Холмса вопрос жизни и смерти. Нет таких опаснейших подвигов, от которых он уклонился бы, если они могут обеспечить ему победу добра и правды.

Есть у него враг — Мориарти, который то и дело пытается отравить, подколоть, подстрелить его, столкнуть в водопад и т. д. Но Шерлок Холмс героически храбр. Он не боится ни яда, ни пуль. В рассказе «Пестрая лента» он остается в темноте один на один с ядовитой змеей, укус которой грозит ему гибелью. В другом рассказе, переодевшись стариком, он отправляется в разбойничий притон, где малейшая неосторожность грозит ему смертью.

— Если бы меня узнали в той трущобе,— говорит он доктору Уотсону,— жизнь моя не стоила бы медяка, так как я уже бывал там не раз и негодяй ласкар [1], хозяин притона, поклялся расправиться со мною.

[1] Ласка́р — так у англичан называется уроженец Ост-Индии, служивший матросом на британском корабле.

II

Шерлока Холмса любят дети всего мира, и хотя книги о его приключениях написаны для взрослых читателей, они давно уже стали детскими книгами.

Какие бы школьники ни приезжали, бывало, с экскурсией в Лондон — французские, канадские, австралийские, бельгийские, греческие, они всегда, еще на вокзале, просили, чтобы их раньше всего повели на Бейкер-стрит и показали им тот дом, где живет Шерлок Холмс.

Дети любят его не только за то, что он самоотвержен и храбр,— в мировой литературе есть немало героев, которые столь же бесстрашны. Главное, что привлекает читателей к этому искоренителю преступлений и зол,— замечательная сила его мысли.

В то давнее время, когда впервые появились рассказы о Холмсе, у детей всего мира было немало любимых литературных героев, но, кажется, никто из этих героев не отличался (по воле автора!) такой сокрушительной логикой, таким проницательным и победоносным умом.

Недаром к Шерлоку Холмсу со всего света стекаются люди, ошеломленные каким-нибудь загадочным, необычайным событием, которое они не в силах понять. Они уверены, что Шерлок Холмс обладает почти чудодейственной мыслительной силой, что при помощи своей могучей аналитической мысли он разъяснит и распутает все, что заурядным умам представляется безнадежно запутанным.

Шерлок Холмс — чуть ли не единственный из персонажей детской мировой литературы, главное занятие которого — мышление, логика.

Почти в каждом рассказе о приключениях Шерлока Холмса его мыслительная работа демонстрируется как основной его подвиг.

В рассказе «Человек с рассеченной губой» мы читаем:

«Шерлок Холмс, когда у него была какая-нибудь нерешенная задача, мог не спать по целым суткам и даже неделям, обдумывая ее, сопоставляя факты, рассматривая ее с разных точек зрения до тех пор, пока ему не удавалось либо разрешить ее, либо убедиться, что он находится на ложном пути. Я скоро понял, что он готовится просидеть без сна всю ночь. Он снял пиджак и жилет, надел синий просторный халат и принялся собирать в одну кучу подуш-

ки с кровати, с кушетки и с кресел. Из этих подушек он соорудил себе нечто вроде восточного дивана и взгромоздился на него, поджав ноги и положив перед собой пачку табаку и коробок спичек. При тусклом свете лампы я видел, как он сидит там в облаках голубого дыма, со старой трубкой во рту, рассеянно устремив глаза в потолок, безмолвный, неподвижный, и свет озаряет резкие, орлиные черты его лица.

Так сидел он, когда я засыпал, и так сидел он, когда я при блеске утреннего солнца открыл глаза, разбуженный его внезапным восклицанием».

В повести «Собака Баскервилей» опять-таки огромное значение придается многочасовым размышлениям Шерлока Холмса над предложенной ему житейской загадкой.

— Постарайтесь не возвращаться до вечера,— говорит он доктору Уотсону, а сам на весь день усаживается в свое знаменитое кресло и начинает размышлять о событиях, о которых ему сейчас рассказали.

«Я знал,— пишет Уотсон,— что в часы усиленной умственной сосредоточенности другу моему важнее всего одиночество. В эти часы он взвешивает все доказательства, сопоставляет их, подвергает их самой строгой проверке и устанавливает, какие пункты существенно важны, а какие не имеют значения».

Мышление Шерлока Холмса реалистично, конкретно. Оно всегда касается житейских событий и фактов, и потому его результаты очевидны для всех. Нам то и дело показывают самый процесс мышления, а это в беллетристике — величайшая редкость.

Каждый рассказ о Шерлоке Холмсе есть, так сказать, наглядный урок о могуществе человеческого разума. Здесь главная ценность всего этого цикла рассказов. Каждый из них есть гимн победительной логике,— какой бы наивной и зыбкой ни казалась эта логика иному читателю.

Мышление Шерлока Холмса тесно связано с другой его необыкновенной способностью — внимательно и зорко подмечать в окружающем мире такие явления, мимо которых мы обычно проходим, как слепые. Он редкостно наблюдателен. Стоит ему посмотреть на любого человека, и он скажет вам, чем этот человек занимается, какой у него характер, женат ли он или холост и какова его прошлая жизнь. Эта наблюдательность кажется почти сверхъестественной; он выработал ее в себе долгими годами тренировки, ибо наблюдательность, как и всякую другую способность ума, можно изощрять и совершенствовать. Рядом с ним все другие люди кажутся почти всегда ротозеями.

— Вы проглядели многое,— укоризненно говорит Шерлок Холмс своему приятелю Уотсону.— Я никак не могу научить вас понимать, какое огромное значение в деле определения человеческой личности имеют рукава, как много могут объяснить ногти и какие важные заключения можно вывести из шнуровки ботинок.

А подошвы людей! А носки их ботинок! Шерлок Холмс не пропустит ни одного посетителя, не поглядев, какая пыль или грязь прилипла к его башмакам.

В рассказе «Пять зернышек апельсина» он говорит одному человеку:

— Я вижу, вы приехали с юго-запада... Смесь глины и мела на носках ваших ботинок очень характерна для тех мест.

Он целую научную работу написал о различных почвах окрестностей Лондона, для того чтобы возможно точнее определять те места, откуда к нему могут явиться преступники. Иногда ему даже не нужно видеть самого человека; пусть этот человек оставит у него свою шляпу, или перчатки, или палку — и он, пристально всмотревшись в этот заурядный предмет, заключит при помощи дедукции [1] (его любимое слово!), что это за человек и какова вообще его жизнь. Внимательно рассматривая, например, в «Собаке Баскервилей» палку доктора Мортимера, он пришел к заключению, что доктор — молодой человек, никак не старше тридцати лет, любезный, рассеянный, скромный и что у него есть собака, которая несколько больше терьера.

Все эти догадки подтвердились. Вначале они казались читателю чудом, но потом, когда Шерлок Холмс объяснил их одну за другой, обнаружилось, что каждый человек, если бы он развил в себе эту способность всматриваться в мелочи окружающей жизни и, главное, сопоставлять одну с другой, мог бы достичь таких же результатов.

— Я думаю, что зрение у меня не хуже вашего,— говорит Шерлоку Холмсу доктор Уотсон.

---

[1] Дедукция — логический метод мышления.

— Совершенно верно,— отвечает Шерлок Холмс.— Вы смотрите, но вы не наблюдаете, а это большая разница. Например, вы часто видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

— Часто.

— Как часто?

— Ну, несколько сот раз!

— Отлично. Сколько же там ступенек?

— Сколько? Не обратил внимания.

— Вот-вот, не обратили внимания. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну, а я знаю, что ступенек — семнадцать, потому что я и видел, и наблюдал.

В этом особая привлекательность Холмса для всякого молодого читателя.

Холмс требует от каждого из нас повышенной зоркости, сосредоточенного внимания к самым обыкновенным вещам, он приучает нас ориентироваться в окружающем мире; он искореняет, как великий порок, всякое ротозейство, верхоглядство, всякое равнодушие к мельчайшим подробностям окружающей жизни, и это огромное воспитательное значение рассказов о подвигах Холмса признают даже те, кто высокомерно посмеиваются над некоторыми (действительно, порою слишком наивными) приемами его знаменитого «дедуктивного метода».

Один из врагов Шерлока Холмса, доктор Гримсби Ройлотт, злобно кричит ему:

— Вы проныра! Полицейская ищейка!

Это, конечно, неправда. Во всех рассказах о Шерлоке Холмсе постоянно указывается, что у него нет ничего общего с полицейскими сыщиками. Холмс постоянно издевается над их тупоумием, над их неумелостью, он злорадствует, когда они попадают впросак. А впросак они попадают буквально на каждом шагу. Особенно один из них, Лестрейд, агент Скотленд-Ярда[1]. Он словно затем и появляется в книге, чтобы всякий раз обнаружить полную свою неспособность. Его плоский, робкий, казенный, неповоротливый ум кажется еще более немощным оттого, что ему всегда противопоставляется в этих рассказах находчивое и смелое мышление Шерлока Холмса.

[1] Скотленд-Ярд — главное полицейское управление Англии.

Не только в его работе, но и во всей его психике нет ничего полицейского. Он скорее поэт и художник. Он страстно любит музыку, особенно Гайдна и Вагнера, и сам превосходно играет на скрипке. Концерт скрипача Сарасате для него большое событие. В разговоре он часто цитирует Горация, Петрарку, Гафиза, Флобера. Вообще он человек высокой культуры: у него есть несколько ученых трудов по психиатрии и химии. Ему не чуждо и философское мышление.

III

В начале XX века с Шерлоком Холмсом случилось большое несчастье: у него появился отвратительный двойник.

Слишком уж огромен был успех повестей и рассказов, которые напечатал о Шерлоке Холмсе английский писатель Конан Дойл. Слишком уж громка была слава этого любимого героя миллионов детей и подростков. Английские критики утверждали в то время, что из всех знаменитых героев, какие когда-либо появлялись в мировой беллетристике, Шерлок Холмс — самый знаменитый.

Поэтому нашлись спекулянты-издатели, которые ради легкой наживы стали печатать в Америке, в Австралии, в Норвегии, в Турции, а также в России тысячи фальшивых книжонок, где распространяли о Шерлоке Холмсе всякую бездарную ложь, то есть выдумали своего собственного Шерлока Холмса, не имеющего ничего общего с тем, о котором мы сейчас говорили. И хотя этот поддельный Шерлок Холмс был раньше всего идиот, многие одураченные читатели не разглядели подделки и простодушно уверовали, что этот-то Шерлок Холмс и есть настоящий.

Многим мелким лавочникам, обывателям, черносотенцам этот поддельный Шерлок Холмс понравился даже больше, чем подлинный. Подлинный был слишком интеллигентен для них, слишком много размышлял и разговаривал. А им хотелось, чтобы он и в самом деле был полицейской ищейкой, побольше бы стрелял из револьвера и почаще бы бил кулаками ненавистных им евреев, китайцев, негров.

Дело дошло до того, что подлинный Шерлок Холмс отошел куда-то в тень, стушевался, а этот поддельный —

прислужник богачей и наемный убийца — сделался буквально кумиром наиболее реакционных кругов. В каждом газетном киоске стали продаваться десятки «сыщицких» брошюр под такими заглавиями: «Кровавый талисман», «Желтые черти», «Заговор негров», «Павильон крови», «Хищники китайской курильни» и т. д., и т. д. А так как в Америке около этого времени орудовал некий Нат Пинкертон, содержавший специальную сыщицкую контору, с обширным штатом вольнонаемных шпионов, которые обслуживали главным образом фабрикантов и других бизнесменов в их борьбе с рабочими, то в конце концов Шерлока Холмса смешали с этим низкопробным дельцом, чем окончательно осквернили его доброе имя...

Подлинный Шерлок Холмс, как мы только что видели, во всем этом ничуть не повинен, равно как и его создатель — Конан Дойл.

IV

Автор повестей и рассказов о подлинном Шерлоке Холмсе, знаменитый английский писатель Артур Конан Дойл, родился в Эдинбурге в 1859 году. Отец его был художником. Семья постоянно нуждалась. Мальчику пришлось уехать в Германию, чтобы учиться там на свой собственный заработок. Заработок был скудный, и только могучее здоровье Конан Дойла дало ему возможность при такой тяжелой нагрузке окончить медицинский факультет (1885).

Так как он с раннего детства мечтал о морских путешествиях, то, чуть только ему дали диплом, он поступил корабельным медиком на китобойное судно и уехал в Ледовитый океан, а на следующий год — тоже в качестве корабельного медика — совершил путешествие в Африку.

Потом Конан Дойл обосновался в Лондоне, но медицинская практика в первое время не давала ему никакого дохода. Он сидел у себя в кабинете и с утра до вечера поджидал пациентов. А пациенты не шли. И вот, чтобы чем-нибудь заполнить свой невольный досуг, он стал писать для журналов всевозможные рассказы и очерки. Эти произведения не имели успеха.

Но как-то он вспомнил одного чудака, Джозефа Белла, который был преподавателем в том медицинском техникуме,

Sherlock Holmes
Consulting Detective

London W-1 Baker St. 222b

где он, Конан Дойл, учился еще в Эдинбурге. Этот Джозеф Белл изумлял студентов своей наблюдательностью и необыкновенным умением при помощи «дедуктивного метода» разбираться в самых запутанных житейских проблемах. Конан Дойл решил сделать Джозефа Белла героем одной своей повести — под вымышленным именем Шерлока Холмса. Повесть прошла незамеченной. Но когда в 1889 году он написал свою вторую повесть о Шерлоке Холмсе, «Знак четырех», эта повесть дала ему и его герою огромную славу. С тех пор стоило появиться в журнале новому рассказу Конан Дойла о Шерлоке Холмсе, и у всех книжных магазинов выстраивались длинные очереди нетерпеливых читателей, жаждущих возможно скорее узнать, какие новые подвиги совершил их любимый герой. В начале 90-х годов вышли отдельной книгой «Приключения Шерлока Холмса», за ними последовали «Записки о Шерлоке Холмсе», «Собака Баскервилей», «Возвращение Шерлока Холмса» и т. д.

Популярность этого героя была так велика, что читатели требовали от писателя все новых и новых рассказов о нем. Конан Дойла увлекали и другие сюжеты. В 1888 году он написал исторический роман «Майка Кларк», в 1896 — «Подвиги бригадира Жерара» и большую повесть «Родни Стон», но читатели, признавая достоинства всех этих книг, все же не переставали высказывать то же упорное требование, чтобы он дал им еще что-нибудь о Шерлоке Холмсе. Между тем Конан Дойл чувствовал, что в этой области фантазия его истощается, что новые рассказы о Шерлоке Холмсе с каждым годом делаются хуже, и все же не мог уклониться от угождения читательским вкусам. Последние его книги о Шерлоке Холмсе и сравнить невозможно с его первыми книгами. Они схематичны, бесцветны, лишены остроумия и кажутся бледными копиями прежних рассказов.

Я познакомился с Конан Дойлом в Лондоне в 1916 году. Это был широколицый, плечистый мужчина огромного роста, с очень узкими глазками и обвислыми моржовыми усами, которые придавали ему добродушно-свирепый вид. Было в нем что-то захолустное, наивное и очень уютное.

Я стал рассказывать ему, как русские дети любят его Шерлока Холмса. Один из присутствующих заметил с упреком:

— Сэр Артур написал не только Шерлока Холмса...

— Да,— сказал я,— мы знаем и бригадира Жерара, и Майку Кларка, и профессора Чаленджера, но Шерлок Холмс нам почему-то милее...

Профессор Чаленджер был героем двух его последних романов — «Затерянный мир» и «Отравленный пояс». Эти романы казались мне гораздо более художественными, чем иные рассказы о Шерлоке Холмсе.

Я сказал об этом Конан Дойлу, и он кивнул своей большой головой.

— Я тоже так думаю,— сказал он.— О, если бы вы знали, до чего надоело мне считаться автором одного только Шерлока Холмса!

На следующий день он любезно зашел за нами — за Алексеем Толстым и за мной (мы жили в одной гостинице), чтобы показать нам достопримечательности Лондона.

— Ну, что хотели бы вы видеть, друзья мои? — спросил он, когда мы вышли на улицу.

— Конечно, Бейкер-стрит! — сказали мы.— Ту улицу, где живет Шерлок Холмс.

Пробираясь к Бейкер-стрит, мы могли убедиться в колоссальной популярности Конан Дойла. Извозчики, чистильщики сапог, репортеры, уличные торговцы, мальчишки-газетчики, школьники то и дело узнавали его и приветствовали фамильярным кивком головы.

— Хэлло, Шерлок Холмс! — сказал ему какой-то подросток.

Конан Дойл объяснил нам, что с ним это случается часто: его смешивают с Шерлоком Холмсом.

— Нет, видно, от Шерлока мне никуда не уйти. Ничего не поделаешь! — сказал он с улыбкой.

В то время он был в трауре. Незадолго до этого он получил извещение, что на войне убит его единственный сын. Это горе придавило его, но он всячески старался бодриться.

Умер Конан Дойл в 1930 году. И хотя он написал очень много томов — в том числе три тома стихотворений,— он и после смерти остается для всех «автором Шерлока Холмса». Он не был великим писателем; его и сравнивать нельзя с такими гениями английской литературы, как Свифт, Дефо, Филдинг, Теккерей, Диккенс. Он был типичнейший буржуазный писатель, ни разу не

дерзнувший восстать против «старого мира», с которым всегда оставался в ладу. Нигде в его книгах не видно ни тени протеста. Его Шерлок Холмс бесстрашно и упорно борется с десятками всевозможных злодеев, но ни разу не догадался спросить себя: почему же хваленая английская жизнь порождает так много уголовных преступников?

Вообще далеко не все произведения Конан Дойла могут вызвать сочувствие советских читателей. Поэтому из его рассказов о Шерлоке Холмсе мы даем в этой книге лишь лучшие — лишь те, что вошли в золотой фонд мировой литературы для детей.

Эти рассказы называются детективными, так как детектив — по-английски «сыщик». Задолго до Конан Дойла такие рассказы начал писать знаменитый американский писатель Эдгар По, автор «Золотого жука». Позднее талантливый английский беллетрист Уилки Коллинз прославился детективным романом «Лунный камень», имевшим немалый успех в России. Оба писателя были учителями Конан Дойла, но ни один из их героев не приобрел такой широкой популярности, какая досталась на долю «отшельника с Бейкер-стрит».

Союз рыжих

Это было осенью прошлого года. У Шерлока Холмса сидел какой-то пожилой джентльмен, очень полный, огненно-рыжий. Я хотел было войти, но увидел, что оба они увлечены разговором, и поспешил удалиться. Однако Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

— Вы пришли как нельзя более кстати, мой дорогой Уотсон,— приветливо проговорил он.

— Я боялся вам помешать. Мне показалось, что вы заняты.

— Да, я занят. И даже очень.

— Не лучше ли мне подождать в другой комнате?

— Нет, нет... Мистер Уилсон,— сказал он, обращаясь к толстяку,— этот джентльмен не раз оказывал мне дружескую помощь во многих моих наиболее удачных иссле-

дованиях. Не сомневаюсь, что и в вашем деле он будет мне очень полезен.

Толстяк привстал со стула и кивнул мне головой; его маленькие, заплывшие жиром глазки пытливо оглядели меня.

— Садитесь сюда, на диван,— сказал Холмс.

Он опустился в кресло и, как всегда в минуты задумчивости, сложил концы пальцев обеих рук вместе.

— Я знаю, мой дорогой Уотсон,— сказал он,— что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, ко всему, что нарушает однообразие нашей будничной жизни. Если бы у вас не было этой любви к необыкновенным событиям, вы не стали бы с таким энтузиазмом записывать скромные мои приключения... причем по совести должен сказать, что иные из ваших рассказов изображают мою деятельность в несколько приукрашенном виде.

— Право же, ваши приключения всегда казались мне такими интересными,— возразил я.

— Не далее, как вчера, я, помнится, говорил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необычайных и диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни.

— Я тогда же ответил вам, что позволяю себе усомниться в правильности вашего мнения.

— И тем не менее, доктор, вам придется признать, что я прав, ибо в противном случае я обрушу на вас такое множество удивительных фактов, что вы будете вынуждены согласиться со мной. Вот хотя бы та история, которую мне сейчас рассказал мистер Джабез Уилсон. Обстановка, где она произошла, совершенно заурядная и будничная, а между тем мне сдается, что за всю свою жизнь я не слыхал более чудесной истории... Будьте добры, мистер Уилсон, повторите свой рассказ. Я прошу вас об этом не только для того, чтобы мой друг, доктор Уотсон, выслушал рассказ с начала до конца, но и для того, чтобы мне самому не упустить ни малейшей подробности. Обычно, едва мне начинают рассказывать какой-нибудь случай, тысячи подобных же случаев возникают в моей памяти. Но на этот раз я вынужден признать, что ничего похожего я никогда не слыхал.

Толстый клиент с некоторой гордостью выпятил грудь, вытащил из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету и разложил ее у себя на коленях. Пока он, вытянув шею, пробегал глазами столбцы объявлений, я внимательно разглядывал его и пытался, подражая Шерлоку Холмсу, угадать по его одежде и внешности, кто он такой.

К сожалению, мои наблюдения не дали почти никаких результатов. Сразу можно было заметить, что наш посетитель — самый заурядный мелкий лавочник, самодовольный, тупой и медлительный. Брюки у него были мешковатые, серые, в клетку. Его не слишком опрятный черный сюртук был расстегнут, а на темном жилете красовалась массивная цепь накладного золота, на которой в качестве брелока болтался просверленный насквозь четырехугольный кусочек какого-то металла. Его поношенный цилиндр и выцветшее бурое пальто со сморщенным бархатным воротником были брошены тут же на стуле. Одним словом, сколько я ни разглядывал этого человека, я не видел в нем ничего примечательного, кроме пламенно-рыжих волос. Было ясно, что он крайне озадачен каким-то неприятным событием.

От проницательного взора Шерлока Холмса не ускользнуло мое занятие.

— Конечно, для всякого ясно,— сказал он с улыбкой,— что наш гость одно время занимался физическим трудом, что он нюхает табак, что он франкмасон [1], что он был в Китае и что за последние месяцы ему приходилось много писать. Кроме этих очевидных фактов, я не мог отгадать ничего.

Мистер Джабез Уилсон вскочил с кресла и, не отрывая указательного пальца от газеты, уставился на моего приятеля.

— Каким образом, мистер Холмс, могли вы все это узнать? — спросил он.— Откуда вы знаете, например, что я занимался физическим трудом? Да, действительно, я начал свою карьеру корабельным плотником.

— Ваши руки рассказали мне об этом, мой дорогой сэр. Ваша правая рука больше левой. Вы работали ею, и мускулы на ней сильнее развиты.

— А нюханье табаку? А франкмасонство?

— О франкмасонстве догадаться нетрудно, так как вы,

[1] Франкмасоны (сокр. масоны) — члены тайного религиозно-философского общества.

вопреки строгому уставу вашего общества, носите запонку с изображением дуги и окружности [1].

— Ах да! Я и забыл про нее... Но как вы отгадали, что мне приходилось много писать?

— О чем ином может свидетельствовать ваш лоснящийся правый рукав и протертое до гладкости сукно на левом рукаве возле локтя!

— А Китай?

— Только в Китае могла быть вытатуирована та рыбка, что красуется на вашем правом запястье. Я изучал татуировки, и мне приходилось даже писать о них научные статьи. Обычай окрашивать рыбью чешую нежно-розовым цветом свойствен одному лишь Китаю. Увидев китайскую монетку на цепочке ваших часов, я окончательно убедился, что вы были в Китае.

Мистер Джабез Уилсон громко расхохотался.

— Вот оно что! — сказал он.— Я сначала подумал, что вы бог знает какими мудреными способами отгадываете, а, оказывается, это так просто.

— Я думаю, Уотсон,— сказал Холмс,— что совершил ошибку, объяснив, каким образом я пришел к моим выводам. Как вам известно, «Omne ignotum pro magnifico»[2], и моей скромной славе грозит крушение, если я буду так откровенен... Вы нашли объявление, мистер Уилсон?

— Нашел,— ответил тот, держа толстый красный палец в центре газетного столбца.— Вот оно. С этого все и началось. Прочтите его сами, сэр.

Я взял газету и прочел:

> СОЮЗ РЫЖИХ во исполнение завещания покойного Иезекии Хопкинса из Лебанона, Пенсильвания (США),
>
> ОТКРЫТА новая вакансия для члена Союза. Предлагается жалованье *четыре фунта стерлингов* в неделю за чисто номинальную работу. Каждый рыжий не моложе двадцати одного года, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, может оказаться пригодным для этой работы. Обращаться лично к Дункану Россу в понедельник, в одиннадцать часов, в контору Союза, Флит-стрит, Попс-корт, 7.

[1] Дуга и окружность — масонские знаки. Прежде они были тайными, но современные масоны, нарушая старинный устав, нередко носят их на брелоках и запонках.

[2] «Все неведомое кажется нам великолепным» (лат.).

— Что это, черт побери, может означать? — воскликнул я, дважды прочитав необычайное объявление.

Холмс беззвучно засмеялся и весь как-то съежился в кресле, а это служило верным признаком, что он испытывает немалое удовольствие.

— Не слишком заурядное объявление, как по-вашему, а? — сказал он.— Ну, мистер Уилсон, продолжайте вашу повесть и расскажите нам о себе, о своем доме и о том, какую роль сыграло это объявление в вашей жизни. А вы, доктор, запишите, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

— «Утренняя хроника». 27 апреля 1890 года. Ровно два месяца назад.

— Отлично. Продолжайте, мистер Уилсон.

— Как я вам уже говорил, мистер Шерлок Холмс,— сказал Джабез Уилсон, вытирая лоб,— у меня есть маленькая ссудная касса на Сэкс-Кобург-сквер, неподалеку от Сити. Дело у меня и прежде шло неважно, а за последние два года доходов с него хватало только на то, чтобы кое-как сводить концы с концами. Когда-то я держал двух помощников, но теперь у меня только один; мне трудно было бы платить и ему, но он согласился работать на половинном жалованье, чтобы иметь возможность изучить мое дело.

— Как зовут этого услужливого юношу? — спросил Шерлок Холмс.

— Его зовут Винсент Сполдинг, и он далеко не юноша. Трудно сказать, сколько ему лет. Более расторопного помощника мне не сыскать. Я отлично понимаю, что он вполне мог бы обойтись без меня и зарабатывать вдвое больше. Но, в конце концов, раз он доволен, зачем же я стану внушать ему мысли, которые нанесут ущерб моим интересам?

— В самом деле, зачем? Вам, я вижу, очень повезло: у вас есть помощник, которому вы платите гораздо меньше, чем платят за такую же работу другие. Не часто встречаются в наше время такие бескорыстные служащие.

— О, у моего помощника есть свои недостатки! — сказал мистер Уилсон.— Я никогда не встречал человека, который так страстно увлекался бы фотографией. Щелкает аппаратом, когда нужно работать, а потом ныряет в пог-

реб, как кролик в нору, и проявляет пластинки. Это его главный недостаток. Но в остальном он хороший работник.

— Надеюсь, он и теперь еще служит у вас?

— Да, сэр. Он да девчонка четырнадцати лет, которая кое-как стряпает и подметает полы. Больше никого у меня нет, я вдовец и к тому же бездетный. Мы трое живем очень тихо, сэр, поддерживаем огонь в очаге и платим по счетам — вот и все наши заслуги... Это объявление выбило нас из колеи,— продолжал мистер Уилсон.— Сегодня исполнилось как раз восемь недель с того дня, когда Сполдинг вошел в контору с этой газетой в руке и сказал:

«Хотел бы я, мистер Уилсон, чтобы господь создал меня рыжим».

«Почему?» — спрашиваю я.

«Да вот,— говорит он,— открылась новая вакансия в Союзе рыжих. Тому, кто займет ее, она даст недурные доходы. Там, похоже, больше вакансий, чем кандидатов, и душеприказчики ломают себе голову, не зная, что делать с деньгами. Если бы волосы мои способны были изменить свой цвет, я непременно воспользовался бы этим выгодным местом».

«Что это за Союз рыжих?» — спросил я.

Видите ли, мистер Холмс, я большой домосед, и так как мне не приходится бегать за клиентами, клиенты сами приходят ко мне, я иногда по целым неделям не переступаю порога. Вот почему я мало знаю о том, что делается на свете, и всегда рад услышать что-нибудь новенькое...

«Неужели вы никогда не слыхали о Союзе рыжих?» — спросил Сполдинг, широко раскрыв глаза.

«Никогда».

«Это очень меня удивляет, так как вы один из тех, кто имеет право занять вакансию».

«А много ли это может дать?» — спросил я.

«Около двухсот фунтов стерлингов в год, не больше, но работа пустяковая и притом такая, что не мешает человеку заниматься любым другим делом».

«Расскажите мне все, что вы знаете об этом Союзе»,— сказал я.

«Как вы видите сами,— ответил Сполдинг, показывая мне объявление,— в Союзе рыжих имеется вакантное

место, а вот и адрес, по которому вы можете обратиться за справкой, если хотите узнать все подробности. Насколько мне известно, этот Союз был основан американским миллионером Иезекией Хопкинсом, большим чудаком. Он сам был огненно-рыжий и сочувствовал всем рыжим на свете. Умирая, он оставил своим душеприказчикам огромную сумму и завещал употребить ее на облегчение участи тех, у кого волосы ярко-рыжего цвета. Мне говорили, что этим счастливцам платят превосходное жалованье, а работы не требуют с них почти никакой».

«Но ведь рыжих миллионы,— сказал я,— и каждый пожелает занять это вакантное место».

«Не так много, как вам кажется,— ответил он.— Объявление, как видите, обращено только к лондонцам и притом лишь ко взрослым. Этот американец родился в Лондоне, прожил здесь свою юность и хотел облагодетельствовать свой родной город. Кроме того, насколько я слышал, в Союз рыжих не имеет смысла обращаться тем лицам, у которых волосы светло-рыжие или темно-рыжие,— там требуются люди с волосами яркого, ослепительного, огненно-рыжего цвета. Если вы хотите воспользоваться этим предложением, мистер Уилсон, вам нужно только пройтись до конторы Союза рыжих. Но имеет ли для вас смысл отвлекаться от вашего основного занятия ради нескольких сот фунтов?..»

Как вы сами изволите видеть, джентльмены, у меня настоящие ярко-рыжие волосы огненно-красного оттенка, и мне казалось, что если дело дойдет до состязания рыжих, у меня, пожалуй, будет шанс занять освободившуюся вакансию. Винсент Сполдинг, как человек весьма сведущий в этом деле, мог принести мне большую пользу, поэтому я распорядился закрыть ставни на весь день и велел ему сопровождать меня в помещение Союза. Он очень обрадовался, что сегодня ему не придется работать, и мы, закрыв контору, отправились по адресу, указанному в объявлении.

Я увидел зрелище, мистер Холмс, какого мне никогда больше не придется увидеть! С севера, с юга, с востока и с запада все люди, в волосах которых был хоть малейший оттенок рыжего цвета, устремились в Сити. Вся Флит-стрит была забита рыжими, а Попс-корт был похож на тачку разносчика, торгующего апельсинами. Никогда

я не думал, что в Англии столько рыжих. Здесь были все оттенки рыжего цвета: соломенный, лимонный, оранжевый, кирпичный, оттенок ирландских сеттеров, оттенок желчи, оттенок глины; но, как и указал Сполдинг, голов настоящего — живого, яркого, огненного цвета тут было очень немного. Все же, увидев такую толпу, я пришел в отчаяние. Сполдинг не растерялся. Не знаю, как это ему удалось, но он проталкивался и протискивался с таким усердием, что сумел провести меня сквозь толпу, и мы очутились на лестнице, ведущей в контору. По лестнице двигался двойной людской поток: одни поднимались, полные приятных надежд, другие спускались в унынии. Мы протискались вперед и скоро очутились в конторе...

— Замечательно интересная с вами случилась история! — сказал Холмс, когда его клиент замолчал, чтобы освежить свою память понюшкой табаку.— Пожалуйста, продолжайте.

— В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и простого соснового стола, за которым сидел маленький человечек, еще более рыжий, чем я. Он обменивался несколькими словами с каждым из кандидатов, по мере того как они подходили к столу, и в каждом обнаруживал какой-нибудь недостаток. Видимо, занять эту вакансию было не так-то просто. Однако, когда мы, в свою очередь, подошли к столу, маленький человечек встретил меня гораздо приветливее, чем остальных кандидатов, и, едва мы вошли, запер двери, чтобы побеседовать с нами без посторонних.

«Это мистер Джабез Уилсон,— сказал мой помощник.— Он хотел бы занять вакансию в Союзе».

«И он вполне достоин того, чтобы занять ее,— ответил человечек.— Давно не случалось мне видеть такие прекрасные волосы!»

Он отступил на шаг, склонил голову набок и глядел на мои волосы так долго, что мне стало неловко. Затем внезапно кинулся вперед, схватил мою руку и горячо поздравил меня.

«Было бы несправедливостью с моей стороны медлить,— сказал он.— Однако, надеюсь, вы простите меня, если я приму некоторые меры предосторожности».

Он вцепился в мои волосы обеими руками и дернул так, что я взвыл от боли.

«У вас на глазах слезы,— сказал он, отпуская меня.— Значит, все в порядке. Извините, нам приходится быть осторожными, потому что нас дважды обманули с помощью париков и один раз — с помощью краски. Я мог бы рассказать вам о таких бесчестных проделках, которые внушили бы вам отвращение к людям».

Он подошел к окну и крикнул во все горло, что вакансия уже занята. Стон разочарования донесся снизу, толпа расползлась по разным направлениям, и скоро во всей этой местности не осталось ни одного рыжего, кроме меня и того человека, который меня нанимал.

«Меня зовут мистер Дункан Росс,— сказал он,— и я тоже получаю пенсию из того фонда, который оставил нам наш великодушный благодетель. Вы женаты, мистер Уилсон? У вас есть семья?»

Я ответил, что я бездетный вдовец. На лице у него появилось выражение скорби.

«Боже мой! — мрачно сказал он.— Да ведь это серьезнейшее препятствие! Как мне грустно, что вы не женаты! Фонд был создан для размножения и распространения рыжих, а не только для поддержания их жизни. Какое несчастье, что вы оказались холостяком!»

При этих словах мое лицо вытянулось, мистер Холмс, так как я стал опасаться, что меня не возьмут; но, подумав, он заявил, что все обойдется:

«Ради всякого другого мы не стали бы отступать от правил, но человеку с такими волосами можно пойти навстречу. Когда вы могли бы приступить к выполнению ваших новых обязанностей?»

«Это несколько затруднительно, так как я занят в другом деле»,— сказал я.

«Не беспокойтесь об этом, мистер Уилсон! — сказал Винсент Сполдинг.— С той работой я справлюсь и без вас».

«В какие часы я буду занят?» — спросил я.

«От десяти до двух».

Так как в ссудных кассах главная работа происходит по вечерам, мистер Холмс, особенно по четвергам и по пятницам, накануне получки, я решил, что недурно будет заработать кое-что в утренние часы. Тем более, что помощник мой — человек надежный и вполне может меня заменить, если нужно.

«Эти часы мне подходят,— сказал я.— А какое вы платите жалованье?»

«Четыре фунта в неделю».

«А в чем заключается работа?»

«Работа чисто номинальная».

«Что вы называете чисто номинальной работой?»

«Все назначенное для работы время вам придется находиться в нашей конторе или, по крайней мере, в здании, где помещается наша контора. Если вы хоть раз уйдете в рабочие часы, вы потеряете службу навсегда. Завещатель особенно настаивает на точном выполнении этого пункта. Будет считаться, что вы не исполнили наших требований, если вы хоть раз покинете контору в часы работы».

«Если речь идет всего о четырех часах в сутки, мне, конечно, и в голову не придет покидать контору»,— сказал я.

«Это очень важно,— настаивал мистер Дункан Росс.— Потом мы никаких извинений и слушать не станем. Никакие болезни, никакие дела не будут служить оправданием. Вы должны находиться в конторе — или вы теряете службу».

«А в чем все-таки заключается работа?»

«Вам придется переписывать «Британскую энциклопедию». Первый том — в этом шкафу. Чернила, перья, бумагу и промокашку вы достаете сами; мы же даем вам стол и стул. Можете ли вы приступить к работе завтра?»

«Конечно»,— ответил я.

«В таком случае, до свиданья, мистер Джабез Уилсон. Позвольте мне еще раз поздравить вас с тем, что вам удалось получить такое хорошее место».

Он кивнул мне. Я вышел из комнаты и отправился домой вместе с помощником, радуясь своей необыкновенной удаче. Весь день я размышлял об этом происшествии и к вечеру несколько упал духом, так как мне стало казаться, что все это дело — просто мошенничество, хотя мне никак не удавалось отгадать, в чем может заключаться цель подобной затеи. Казалось невероятным, что существует такое завещание и что люди согласны платить такие большие деньги за переписку «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг изо всех сил старался подбодрить меня, но, ложась спать, я твердо решил отказаться от этого дела. Однако утром мне пришло в голову, что

следует хотя бы сходить туда на всякий случай. Купив на пенни [1] чернил, захватив гусиное перо и семь больших листов бумаги, я отправился в Попс-корт. К моему удивлению, там все было в порядке. Я очень обрадовался. Стол был уже приготовлен для моей работы, и мистер Дункан Росс ждал меня. Он велел мне начать с буквы «А» и вышел; однако время от времени он возвращался в контору, чтобы посмотреть, работаю ли я. В два часа он попрощался со мной, похвалил меня за то, что я успел так много переписать, и запер за мной дверь конторы.

Так шло изо дня в день, мистер Холмс. В субботу мой хозяин выложил передо мной на стол четыре золотых соверена [2] — плату за неделю. Так прошла и вторая неделя и третья. Каждое утро я приходил туда ровно к десяти и ровно в два уходил. Мало-помалу мистер Дункан Росс начал заходить в контору только по утрам, а со временем и вовсе перестал туда наведываться. Тем не менее я, понятно, не осмеливался выйти из комнаты даже на минуту, так как не мог быть уверен, что он не придет, и не хотел рисковать такой выгодной службой.

Прошло восемь недель; я переписал статьи об Аббатах, об Артиллерии, об Архитектуре, об Аттике и надеялся в скором времени перейти к букве «Б». У меня ушло очень много бумаги, и написанное мною уже едва помещалось на полке. Но вдруг все разом кончилось.

— Кончилось?

— Да, сэр. Сегодня утром. Я пошел на работу, как всегда, к десяти часам, но дверь оказалась запертой на замок, а к двери был прибит гвоздиком клочок картона. Вот он, читайте сами.

Он протянул нам картон величиною с листок блокнота. На картоне было написано:

СОЮЗ РЫЖИХ РАСПУЩЕН
9 ОКТЯБРЯ 1890 ГОДА

Мы с Шерлоком Холмсом долго разглядывали и краткую эту записку и унылое лицо Джабеза Уилсона; наконец

[1] Пенни — мелкая медная монета.
[2] Соверен — золотая монета.

смешная сторона происшествия заслонила от нас все остальное: не удержавшись, мы захохотали.

— Не вижу здесь ничего смешного! — крикнул наш клиент, вскочив с кресла и покраснев до корней своих жгучих волос.— Если вы, вместо того чтобы помочь мне, собираетесь смеяться надо мной, я обращусь за помощью к кому-нибудь другому!

— Нет, нет! — воскликнул Холмс, снова усаживая его в кресло.— С вашим делом я не расстанусь ни за что на свете. Оно буквально освежает мне душу своей новизной. Но в нем, простите меня, все же есть что-то забавное... Что же предприняли вы, найдя эту записку на дверях?

— *Я был потрясен, сэр.* Я не знал, что делать. Я обошел соседние конторы, но там никто ничего не знал. Наконец, я отправился к хозяину дома, живущему в нижнем этаже, и спросил его, не может ли он сказать мне, что случилось с Союзом рыжих. Он ответил, что никогда не слыхал о такой организации. Тогда я спросил его, кто такой мистер Дункан Росс. Он ответил, что это имя он слышит впервые.

«Я говорю,— сказал я,— о джентльмене, который снимал у вас квартиру номер четыре».

«О рыжем?»

«Да».

«Его зовут Уильям Моррис. Он юрист, снимал у меня помещение временно — его постоянная контора была в ремонте. Вчера выехал».

«*Где его можно найти?*»

«В его постоянной конторе. Он оставил свой адрес. Вот: Кинг-Эдуард-стрит, 17, близ собора святого Павла».

Я отправился по этому адресу, мистер Холмс, но там оказалась протезная мастерская; в ней никто никогда не слыхал ни о мистере Уильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

— Что же вы предприняли тогда? — спросил Холмс.

— Я вернулся домой на Сэкс-Кобург-сквер и посоветовался со своим помощником. Он ничем не мог мне помочь. Он сказал, что следует подождать и что, вероятно, мне сообщат что-нибудь по почте. Но меня это не устраивает, мистер Холмс. Я не хочу уступать такое отличное место без боя, и так как я слыхал, что вы даете советы бедным

людям, попавшим в трудное положение, я отправился прямо к вам.

— И правильно поступили,— сказал Холмс.— Ваш случай — замечательный случай, и я счастлив, что имею возможность заняться им. Выслушав вас, я прихожу к заключению, что дело это гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

— Уж чего серьезнее! — сказал мистер Джабез Уилсон.— Я лишился четырех фунтов в неделю.

— Если говорить о вас лично,— сказал Холмс,— вряд ли вы можете жаловаться на этот необычайный Союз. Напротив, вы, насколько я понимаю, стали благодаря ему богаче фунтов на тридцать, не говоря уже о том, что вы *приобрели глубокие познания* о предметах, начинающихся на букву «А». Так что, в сущности, вы ничего не потеряли.

— Не спорю, все это так, сэр. Но мне хотелось бы разыскать их, узнать, кто они такие и чего ради они сыграли со мной эту шутку, если только это была шутка. Забава обошлась им довольно дорого: они заплатили за нее тридцать два фунта.

— Мы попытаемся все это выяснить. Но сначала разрешите мне задать вам несколько вопросов, мистер Уилсон. Давно ли служит у вас этот помощник... тот, что показал вам объявление?

— К тому времени он служил у меня около месяца.

— Где вы нашли его?

— Он явился ко мне по моему объявлению в газете.

— Только он один откликнулся на ваше объявление?

— Нет, откликнулось человек десять.

— Почему вы выбрали именно его?

— Потому что он разбитной и дешевый.

— Вас прельстила возможность платить ему половинное жалованье?

— Да.

— Каков он из себя, этот Винсент Сполдинг?

— Маленький, коренастый, очень живой. Ни одного волоска на лице, хотя ему уже под тридцать. На лбу у него белое пятнышко от ожога кислотой.

Холмс выпрямился. Он был очень взволнован.

— Я так и думал! — сказал он.— А вы не замечали у него в ушах дырочек для серег?

— Заметил, сэр. Он объяснил мне, что уши ему проколола какая-то цыганка, когда он был маленький.

— Гм! — произнес Холмс и откинулся на спинку кресла в глубоком раздумье.— Он до сих пор у вас?

— О да, сэр, я только что видел его.

— Он хорошо справлялся с вашими делами, когда вас не было дома?

— Не могу пожаловаться, сэр. Впрочем, по утрам в моей ссудной кассе почти нечего делать.

— Довольно, мистер Уилсон. Через день или два я буду иметь удовольствие сообщить вам, что я думаю об этом происшествии. Сегодня суббота... Надеюсь, в понедельник мы всё уже будем знать.

— Ну, Уотсон,— сказал Холмс, когда наш посетитель ушел,— что вы обо всем этом думаете?

— Ничего не думаю,— ответил я откровенно.— Дело это представляется мне совершенно таинственным.

— Общее правило таково,— сказал Холмс,— чем страннее случай, тем меньше в нем оказывается таинственного. Как раз заурядные, бесцветные преступления разгадать труднее всего, подобно тому как труднее всего разыскать в толпе человека с заурядными чертами лица. Но с этим случаем нужно покончить как можно скорее.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я.

— Курить,— ответил он.— Эта задача как раз на три трубки, и я прошу вас минут десять не разговаривать со мной.

Он скрючился в кресле, подняв худые колени к ястребиному носу, и долго сидел в такой позе, закрыв глаза и выставив вперед черную глиняную трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Я пришел к заключению, что он заснул, и сам уже начал дремать, как вдруг он вскочил с видом человека, принявшего твердое решение, и положил свою трубку на камин.

— Сарасате [1] играет сегодня в Сент-Джемс-холле,— сказал он.— Что вы думаете об этом, Уотсон? Могут ваши пациенты обойтись без вас в течение нескольких часов?

— Сегодня я свободен. Моя практика отнимает у меня не слишком много времени.

[1] Сарасате (1844—1908) — знаменитый испанский скрипач и композитор.

— В таком случае, надевайте шляпу и идем. Раньше всего мне нужно в Сити. Где-нибудь по дороге закусим.

Мы доехали в метро до Олдерсгэйта, оттуда прошли пешком до Сэкс-Кобург-сквер, где совершились все те события, о которых нам рассказывали утром.

Сэкс-Кобург-сквер — маленькая сонная площадь с жалкими претензиями на аристократический стиль. Четыре ряда грязноватых двухэтажных кирпичных домов глядят окнами на крохотный садик, заросший сорной травой, среди которой несколько блеклых лавровых кустов ведут тяжкую борьбу с насыщенным копотью воздухом. Три позолоченных шара и висящая на углу коричневая вывеска с надписью «Джабез Уилсон», выведенной белыми буквами, указывали, что здесь находится предприятие нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед дверью, устремил на нее глаза, ярко блестевшие из-под полуприкрытых век. Затем он медленно прошелся по улице, потом возвратился к углу, внимательно вглядываясь в дома. Перед ссудной кассой он раза три с силой стукнул тростью по мостовой, затем подошел к двери и постучал. Дверь тотчас же распахнул расторопный, чисто выбритый молодой человек и попросил нас войти.

— Благодарю вас,— сказал Холмс.— Я хотел только спросить, как пройти отсюда на Стрэнд.

— Третий поворот направо, четвертый налево,— мгновенно ответил помощник мистера Уилсона и захлопнул дверь.

— Ловкий малый! — заметил Холмс, когда мы снова зашагали по улице.— Я считаю, что по ловкости он занимает четвертое место в Лондоне, а по храбрости, пожалуй, даже третье. Я о нем кое-что знаю.

— Видимо,— сказал я,— помощник мистера Уилсона играет немалую роль в этом Союзе рыжих. Уверен, вы спросили у него дорогу лишь затем, чтобы взглянуть на него.

— Не на него.

— На что же?

— На его колени.

— И что вы увидели?

— То, что ожидал увидеть.

— А зачем вы стучали по камням мостовой?

— Милейший доктор, сейчас время для наблюдений, а не для разговоров. Мы — разведчики в неприятельском лагере. Нам удалось кое-что узнать о Сэкс-Кобург-сквер. Теперь обследуем улицы, которые примыкают к ней с той стороны.

Разница между Сэкс-Кобург-сквер и тем, что мы увидели, когда свернули за угол, была столь же велика, как разница между картиной и ее оборотной стороной. За углом проходила одна из главных артерий города, соединяющая Сити с севером и западом. Эта большая улица была вся забита экипажами, движущимися двумя потоками вправо и влево, а на тротуарах чернели рои пешеходов. Глядя на ряды прекрасных магазинов и роскошных контор, трудно было представить себе, что позади этих самых домов находится такая убогая, безлюдная площадь.

— Позвольте мне вдоволь насмотреться,— сказал Холмс, остановившись на углу и внимательно разглядывая каждый дом один за другим.— Я хочу запомнить порядок зданий. Изучение Лондона — моя страсть... Сначала табачный магазин Мортимера, затем газетная лавчонка, затем кобургское отделение Городского и Пригородного банка, затем вегетарианский ресторан, затем каретное депо Макферлена. А там уже следующий квартал... Ну, доктор, наша работа окончена! Теперь мы можем немного поразвлечься: бутерброд, чашка кофе и — в страну скрипок, где все сладость, нега и гармония, где нет рыжих клиентов, досаждающих нам головоломками.

Мой друг страстно увлекался музыкой; он был не только очень способный исполнитель, но и незаурядный композитор. Весь вечер просидел он в кресле, вполне счастливый, слегка двигая длинными тонкими пальцами в такт музыке; его мягко улыбающееся лицо, его влажные, затуманенные глаза ничем не напоминали о Холмсе-ищейке, о безжалостном хитроумном Холмсе, преследователе бандитов. Его удивительный характер слагался из двух начал. Мне часто приходило в голову, что его потрясающая своей точностью проницательность родилась в борьбе с поэтической задумчивостью, составлявшей основную черту этого человека. Он постоянно переходил от полнейшей расслабленности к необычайной энергии. Мне хорошо было известно, с каким бездумным спокойствием отдавался он по вечерам своим импровизациям и нотам. Но внезапно охотничья страсть охватывала его, свойственная ему блистательная сила мышления возрастала до степени интуиции, и люди, незнакомые с его методом, начинали думать, что перед ними не человек, а какое-то сверхъестественное существо. Наблюдая за ним в Сент-Джемс-холле и видя, с какой полнотой душа его отдается музыке, я чувствовал, что тем, за кем он охотится, будет плохо.

— Вы, доктор, собираетесь, конечно, идти домой,— сказал он, когда концерт кончился.

— Домой, понятно.

— А мне предстоит еще одно дело, которое отнимет у меня три-четыре часа. Это происшествие на Кобург-сквер — очень серьезная штука.

— Серьезная?

— Там готовится крупное преступление. У меня есть все основания думать, что мы еще успеем предотвратить его. Но все усложняется из-за того, что сегодня суббота. Вечером мне может понадобиться ваша помощь.

— В котором часу?

— Часов в десять, не раньше.

— Ровно в десять я буду на Бейкер-стрит.

— Отлично. Имейте в виду, доктор, что дело будет опасное. Суньте в карман свой армейский револьвер.

Он помахал мне рукой, круто повернулся и мгновенно исчез в толпе.

Я не считаю себя глупее других, но всегда, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом, меня угнетает тяжелое сознание собственной тупости. Ведь вот я слышал то же самое, что слышал он, я видел то же самое, что видел он, однако, судя по его словам, он знает и понимает не только то, что случилось, но и то, что случится, мне же все это дело по-прежнему представляется непонятной нелепостью.

По дороге домой я снова припомнил и весь необычайный рассказ рыжего переписчика «Британской энциклопедии», и наше посещение Сэкс-Кобург-сквер, и те зловещие слова, которые Холмс сказал мне при прощании. Что означает эта ночная экспедиция и для чего нужно, чтобы я пришел вооруженным? Куда мы отправимся с ним и что предстоит нам делать? Холмс намекнул мне, что безбородый помощник владельца ссудной кассы весьма опасный человек, способный на большие преступления.

Я изо всех сил пытался разгадать эти загадки, но ничего у меня не вышло, и я решил ждать ночи, которая должна была разъяснить мне все.

В четверть десятого я вышел из дому и, пройдя по Гайд-парку, по Оксфорд-стрит, очутился на Бейкер-стрит. У подъезда стояли два кэба [1], и, войдя в прихожую, я услышал шум голосов. Я застал у Холмса двух человек. Холмс оживленно разговаривал с ними. Одного из них я знал — это был Питер Джонс, официальный агент полиции; другой был длинный, тощий, угрюмый мужчина в сверкающем цилиндре, в удручающе безукоризненном фраке.

— А, вот мы и в сборе! — сказал Холмс, застегивая матросскую куртку и беря с полки охотничий хлыст с тяжелой рукоятью.— Уотсон, вы, кажется, знакомы с мистером Джонсом из Скотленд-Ярда? Позвольте вас представить мистеру Мерриуэзеру. Мистер Мерриуэзер тоже примет участие в нашем ночном приключении.

— Как видите, доктор, мы с мистером Холмсом снова охотимся вместе,— сказал Джонс с обычным своим важным и снисходительным видом.— Наш друг — бесценный человек. Но в самом начале охоты ему нужна для преследования зверя помощь старого гончего пса.

— Боюсь, что мы подстрелим не зверя, а утку,— угрюмо сказал мистер Мерриуэзер.

— Можете вполне положиться на мистера Холмса, сэр,— покровительственно проговорил агент полиции.— У него свои собственные любимые методы, которые, позволю себе заметить, несколько отвлеченны и фантастичны, но тем не менее дают отличные результаты. Нужно признать, что бывали случаи, когда он оказывался прав, а официальная полиция ошибалась.

— Раз уж вы так говорите, мистер Джонс, значит, все в порядке,— снисходительно сказал незнакомец.— И все же, признаться, мне жаль, что сегодня не придется сыграть мою обычную партию в роббер. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, который я проведу без карт.

— В сегодняшней игре ставка покрупнее, чем в ваших карточных играх,— сказал Шерлок Холмс,— и самая игра увлекательнее. Ваша ставка, мистер Мерриуэзер, равна

[1] К э б — извозчичий одноконный экипаж.

тридцати тысячам фунтов стерлингов. А ваша ставка, Джонс,— человек, которого вы давно хотите поймать.

— Джон Клей — убийца, вор, взломщик и мошенник,— сказал Джонс.— Он еще молод, мистер Мерриуэзер, но это искуснейший вор в стране: ни на кого другого я не надел бы наручников с такой охотой, как на него. Он замечательный человек, этот Джон Клей. Его дед был герцог, сам он учился в Итоне и в Оксфорде [1]. Мозг его так же изощрен, как его пальцы, и хотя мы на каждом шагу натыкаемся на его следы, он до сих пор остается неуловимым. На этой неделе он обворует кого-нибудь в Шотландии, а на следующей он уже собирает деньги на постройку детского приюта в Корнуэлле. Я гоняюсь за ним уже несколько лет, а еще ни разу не видел его.

— Сегодня ночью я буду иметь удовольствие представить его вам. Мне тоже приходилось раза два натыкаться на подвиги мистера Джона Клея, и я вполне согласен с вами, что он искуснейший вор в стране... Уже одиннадцатый час, и нам пора двигаться в путь. Вы двое поезжайте в первом кэбе, а мы с Уотсоном поедем во втором.

Шерлок Холмс во время нашей долгой поездки был не слишком общителен: он сидел откинувшись и насвистывал мелодии, которые слышал сегодня на концерте. Мы колесили по бесконечной путанице освещенных газом улиц, пока наконец не добрались до Фаррингдон-стрит.

— Теперь мы совсем близко,— сказал мой приятель.— Мерриуэзер — директор банка и лично заинтересован во всем деле. Джонс тоже нам пригодится. Он славный малый, хотя ничего не смыслит в своей профессии. Впрочем, у него есть одно несомненное достоинство: он отважен, как бульдог, и цепок, как рак. Если уж схватит кого-нибудь своей клешней, так не выпустит... Мы приехали. Вот и они.

Мы снова остановились на той же людной и оживленной улице, где были утром. Расплатившись с извозчиками и следуя за мистером Мерриуэзером, мы вошли в какой-то узкий коридор и юркнули в боковую дверцу, которую он отпер для нас. За дверцей оказался другой коридор, очень

[1] В Итоне и Оксфорде находятся аристократические учебные заведения.

короткий. В конце коридора были массивные железные двери. Открыв эти двери мы спустились по каменным ступеням винтовой лестницы и подошли к еще одним дверям, столь же внушительным. Мистер Мерриуэзер остановился, чтобы зажечь фонарь, и повел нас по темному, пахнущему землей коридору. Миновав еще одну дверь, мы очутились в обширном склепе или погребе, заставленном корзинами и тяжелыми ящиками.

— Сверху проникнуть сюда не так-то легко,— заметил Холмс, подняв фонарь и оглядев потолок.

— Снизу тоже,— сказал мистер Мерриуэзер, стукнув тростью по плитам, которыми был выложен пол.— Черт побери, звук такой, будто там пустота! — воскликнул он с изумлением.

— Я вынужден просить вас не шуметь,— сердито сказал Холмс.— Из-за вас вся наша экспедиция может закончиться крахом. Будьте любезны, сядьте на один из этих ящиков и не мешайте.

Важный мистер Мерриуэзер с оскорбленным видом сел на корзину, а Холмс опустился на колени и с помощью фонаря и лупы принялся изучать щели между плитами. Через несколько секунд, удовлетворенный результатами своего исследования, он поднялся и спрятал лупу в карман.

— У нас впереди по крайней мере час,— заметил он,— так как они вряд ли примутся за дело прежде, чем почтенный владелец ссудной кассы заснет. А когда он заснет, они не станут терять ни минуты, потому что чем раньше они окончат работу, тем больше времени у них останется для бегства... Мы находимся, доктор,— как вы, без сомнения, уже догадались,— в подвалах отделения одного из богатейших лондонских банков. Мистер Мерриуэзер — председатель правления банка; он объяснит нам, что заставляет наиболее дерзких преступников именно в настоящее время с особым вниманием относиться к этим подвалам.

— Мы храним здесь наше французское золото,— шепотом сказал директор.— Мы уже имели ряд предупреждений, что будет совершена попытка похитить его.

— Ваше французское золото?

— Да. Несколько месяцев назад нам понадобились дополнительные средства, и мы заняли тридцать тысяч

наполеондоров [1] у банка Франции. Но нам даже не пришлось распаковывать эти деньги, и они до сих пор лежат в наших подвалах. Корзина, на которой я сижу, содержит две тысячи наполеондоров, уложенных между листами свинцовой бумаги. Редко в одном отделении банка хранят столько золота, сколько хранится у нас в настоящее время. Каким-то образом это стало известно многим, и это заставляет директоров беспокоиться.

— У них есть все основания для беспокойства,— заметил Холмс.— Ну, нам пора приготовиться. Я полагаю, что в течение ближайшего часа все будет кончено. Придется, мистер Мерриуэзер, закрыть этот фонарь чем-нибудь темным...

— И сидеть в темноте?

— Боюсь, что так. Я захватил колоду карт, чтобы вы могли сыграть свою партию в роббер, так как нас здесь четверо. Но я вижу, что приготовления врага зашли очень далеко и что оставить здесь свет было бы рискованно. Кроме того, нам нужно поменяться местами. Они смелые люди и, хотя мы нападем на них внезапно, могут причинить нам немало вреда, если мы не будем осторожны. Я стану за этой корзиной, а вы спрячьтесь за теми. Когда я направлю на грабителей свет, хватайте их. Если они начнут стрельбу, Уотсон, стреляйте в них без колебания.

Я положил свой заряженный револьвер на крышку деревянного ящика, а сам притаился за ящиком. Холмс накрыл фонарь и оставил нас в полнейшей тьме. Запах нагретого металла напоминал нам, что фонарь не погашен и что свет готов вспыхнуть в любое мгновение. Мои нервы, напряженные от ожидания, были подавлены этой внезапной тьмой, этой холодной сыростью подземелья.

— Для бегства у них есть только один путь — обратно, через дом на Сэкс-Кобург-сквер,— прошептал Холмс.— Надеюсь, вы сделали то, о чем я просил вас, Джонс?

— Инспектор и два офицера ждут их у парадного входа.

— Значит, мы заткнули все дыры. Теперь нам остается только молчать и ждать.

Как медленно тянулось время! В сущности, прошел всего час с четвертью, но мне казалось, что ночь уже кончилась и наверху рассветает. Ноги у меня устали и за-

[1] Наполеондоры — французские золотые монеты.

текли, так как я боялся шевельнуться; нервы были натянуты. И вдруг внизу я заметил мерцание света.

Сначала это была слабая искра, мелькнувшая в просвете между плитами пола. Вскоре искра эта превратилась в желтую полоску. Потом без всякого шума в полу возникло отверстие, и в самой середине освещенного пространства появилась рука — белая, женственная,— которая как будто пыталась нащупать какой-то предмет. В течение минуты эта рука с движущимися пальцами торчала из пола. Затем она исчезла так же внезапно, как возникла, и все опять погрузилось во тьму; лишь через узенькую щель между двумя плитами пробивался слабый свет.

Однако через мгновение одна из широких белых плит перевернулась с резким скрипом, и на ее месте оказалась глубокая квадратная яма, из которой хлынул свет фонаря. Над ямой появилось гладко выбритое мальчишеское лицо; неизвестный зорко глянул во все стороны: две руки уперлись в края отверстия; плечи поднялись из ямы, потом поднялось все туловище; колено уперлось в пол. Через секунду незнакомец уже во весь рост стоял на полу возле ямы и помогал влезть своему товарищу, такому же маленькому и гибкому, с бледным лицом и с вихрами ярко-рыжих волос.

— Все в порядке,— прошептал он.— Стамеска и мешки у тебя?.. Черт! Прыгай, Арчи, прыгай, а уж я за себя постою.

Шерлок Холмс схватил его за шиворот. Второй вор юркнул в нору; Джонс пытался его задержать, но, видимо, безуспешно: я услышал треск рвущейся материи. Свет блеснул на стволе револьвера, но Холмс охотничьим хлыстом стегнул своего пленника по руке, и револьвер со звоном упал на каменный пол.

— Бесполезно, Джон Клей,— сказал Холмс мягко.— Вы попались.

— Вижу,— ответил тот совершенно спокойно.— Но товарищу моему удалось ускользнуть, и вы поймали только фалду его пиджака.

— Три человека поджидают его за дверями,— сказал Холмс.

— Ах вот как! Чисто сработано! Поздравляю вас.

— А я — вас. Ваша выдумка насчет рыжих вполне оригинальна и удачна.

— Сейчас вы увидите своего приятеля,— сказал Джонс.— Он шибче умеет нырять в норы, чем я. А теперь я надену на вас наручники.

— Уберите свои грязные руки, пожалуйста! Не трогайте меня! — сказал ему наш пленник после того, как наручники были надеты.— Может быть, вам неизвестно, что во мне течет королевская кровь. Будьте же любезны, обращаясь ко мне, называть меня «сэр» и говорить мне «пожалуйста».

— Отлично,— сказал Джонс, усмехаясь.— Пожалуйста, сэр, поднимитесь наверх и соблаговолите сесть в кэб, который отвезет вашу светлость в полицию.

— Вот так-то лучше,— спокойно сказал Джон Клей.

Величаво кивнув нам головой, он безмятежно удалился под охраной сыщика.

— Мистер Холмс,— сказал Мерриуэзер, выводя нас из кладовой,— я, право, не знаю, как наш банк может отблагодарить вас за эту услугу. Вам удалось предотвратить крупнейшую кражу.

— У меня были свои собственные счеты с мистером Джоном Клеем,— сказал Холмс.— Расходы я на сегодняшнем деле понес небольшие, и ваш банк безусловно возместит их мне, хотя, в сущности, я уже вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и услышал замечательную повесть о Союзе рыжих...

— Видите ли, Уотсон,— объяснил мне рано утром Шерлок Холмс, когда мы сидели с ним на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой,— мне с самого начала было ясно, что единственной целью этого фантастического объявления о Союзе рыжих и переписывания «Британской энциклопедии» может быть только удаление из дому не слишком умного владельца ссудной кассы на несколько часов ежедневно. Способ, который они выбрали, конечно, курьезен, однако благодаря этому способу они вполне добились своего. Весь этот план, без сомнения, был подсказан вдохновенному уму Клея цветом волос его сообщника. Четыре фунта в неделю служили для Уилсона приманкой, а что значит четыре фунта для них, если они рассчитывали получить тысячи! Они поместили в газете объявление; один мошенник снял временно контору, другой мошенник угово-

рил своего хозяина сходить туда, и оба вместе получили возможность каждое утро пользоваться его отсутствием. Чуть только я услышал, что помощник довольствуется половинным жалованьем, я понял, что для этого у него есть основательные причины.

— Но как вы отгадали их замысел?

— Предприятие нашего рыжего клиента — ничтожное, во всей его квартире нет ничего такого, ради чего стоило бы затевать столь сложную игру. Следовательно, они имели в виду нечто находящееся вне его квартиры. Что это может быть? Я вспомнил о страсти помощника к фотографии, о том, что он пользуется этой страстью, чтобы лазить зачем-то в погреб. Погреб! Вот другой конец запутанной нити. Я подробно расспросил Уилсона об этом таинственном помощнике и понял, что имею дело с одним из самых хладнокровных и дерзких преступников Лондона. Он что-то делает в погребе, что-то сложное, так как ему приходится работать там по нескольку часов каждый день в течение двух месяцев. Что же он может там делать? Только одно: рыть подкоп, ведущий в какое-нибудь другое здание. Придя к такому выводу, я захватил вас и отправился познакомиться с тем местом, где все это происходит. Вы были очень удивлены, когда я стукнул тростью по мостовой. А между тем я хотел узнать, куда прокладывается подкоп — перед фасадом или на задворках. Оказалось, что перед фасадом его не было. Я позвонил. Как я и ожидал, мне открыл помощник. У нас уже бывали с ним кое-какие стычки, но мы никогда не видали друг друга в лицо. Да и на этот раз я в лицо ему не посмотрел. Я хотел видеть его колени. Вы могли бы и сами заметить, как они у него были грязны, помяты, протерты. Они свидетельствовали о многих часах, проведенных за рытьем подкопа. Оставалось только выяснить, куда он вел свой подкоп. Я свернул за угол, увидел вывеску Городского и Пригородного банка и понял, что задача решена. Когда после концерта вы отправились домой, я поехал в Скотленд-Ярд, а оттуда к председателю правления банка.

— А как вы узнали, что они попытаются совершить ограбление именно этой ночью? — спросил я.

— Закрыв контору Союза рыжих, они тем самым давали понять, что больше не нуждаются в отсутствии мистера Джабеза Уилсона,— другими словами, их подкоп

готов. Было ясно, что они постараются воспользоваться им поскорее, так как, во-первых, подкоп может быть обнаружен, а во-вторых, золото может быть перевезено в другое место. Суббота им особенно удобна, потому что она предоставляет им для бегства лишние сутки. На основании всех этих соображений я и пришел к выводу, что попытка ограбления будет совершена ближайшей ночью.

— Ваши рассуждения прекрасны! — воскликнул я в непритворном восторге.— Вы создали такую длинную цепь, и каждое звено в ней безупречно.

— Этот случай спас меня от угнетающей скуки,— проговорил Шерлок Холмс, зевая.— Увы, я чувствую, что скука снова начинает одолевать меня! Вся моя жизнь — сплошное усилие избегнуть тоскливого однообразия наших жизненных будней. Маленькие загадки, которые я порой разгадываю, помогают мне достигнуть этой цели.

— Вы истинный благодетель человечества,— сказал я.

Холмс пожал плечами:

— Пожалуй, я действительно приношу кое-какую пользу. «L'homme c'est rien — l'oeuvre c'est tout» [1], как выразился Гюстав Флобер в письме к Жорж Санд [2].

---

[1] «Человек — ничто, дело — все» (франц.).

[2] Гюстав Флобер и Жорж Санд (Аврора Дюдеван) — знаменитые французские писатели XIX века.

Тайна Боскомской долины

Однажды утром, когда мы с женой завтракали, горничная подала мне телеграмму от Шерлока Холмса:

«Не можете ли вы освободиться на два дня? Вызван на запад Англии связи трагедией Боскомской долине. Буду рад если присоединитесь ко мне. Воздух пейзаж великолепны. Выезжайте Паддингтона 11.15».

— Ты поедешь? — ласково взглянув на меня, спросила жена.

— Право, и сам не знаю. Сейчас у меня очень много пациентов...

— О, Анструзер всех их примет! Последнее время у тебя утомленный вид. Поездка пойдет тебе на пользу. И ты всегда так интересуешься каждым делом, за которое берется мистер Шерлок Холмс.

Мой опыт лагерной жизни в Афганистане имел по крайней мере то преимущество, что я стал закаленным и легким на подъем путешественником. Вещей у меня было немного, так что я сел со своим саквояжем в кэб гораздо раньше, чем рассчитывал, и помчался на Паддингтонский вокзал.

Шерлок Холмс ходил вдоль платформы; его серый дорожный костюм и суконное кепи делали его худую, высокую фигуру еще более худой и высокой.

— Вот чудесно, что вы пришли, Уотсон,— сказал он.— Совсем другое дело, когда рядом со мной человек, на которого можно вполне положиться. Местная полиция или совсем бездействует, или идет по ложному следу. Займите два угловых места, а я пойду за билетами.

Мы сели в купе. Холмс принялся читать газеты, которые он принес с собой; иногда он отрывался, чтобы записать что-то и обдумать.

Так мы доехали до Рэдинга. Неожиданно он смял все газеты в огромный ком и забросил его в багажную сетку.

— Вы слышали что-нибудь об этом деле? — спросил он.

— Ни слова. Я несколько дней не заглядывал в газеты.

— Лондонская печать не помещала особенно подробных отчетов. Я только что просмотрел все последние газеты, чтобы вникнуть в подробности. Это, кажется, один из тех несложных случаев, которые всегда так трудны.

— Ваши слова звучат несколько парадоксально.

— Но это сама правда. В необычности почти всегда ключ к разгадке тайны. Чем проще преступление, тем труднее докопаться до истины... Как бы то ни было, в данном случае выдвинуто очень серьезное обвинение против сына убитого.

— Значит, это убийство?

— Ну, так предполагают. Я ничего не берусь утверждать, пока сам не ознакомлюсь с делом. В нескольких словах я объясню вам положение вещей, каким оно мне представляется...

Боскомская долина — это сельская местность вблизи Росса, в Хирфордшире. Самый крупный землевладелец в тех краях — мистер Джон Тэнер. Он составил себе капитал в Австралии и несколько лет назад вернулся на родину. Одну из своих ферм, Хазерлей, он сдал в аренду мистеру Чарлзу Маккарти, тоже приехавшему из Австралии. Они познакомились в колониях, и ничего странного не было в том, что, переехав на новое место, они поселились как можно ближе друг к другу. Тэнер, правда, был богаче, и Маккарти сделался его арендатором, но они, по-видимому, оставались в приятельских отношениях. У Маккарти один сын, юноша восемнадцати лет, а у Тэнера — единственная дочь такого же возраста, жены у обоих стариков умерли. Они, казалось, избегали знакомства с английскими семействами и вели уединенный образ жизни, хотя оба Маккарти любили спорт и часто посещали скачки по соседству. Маккарти держали лакея и горничную. У Тэнера было большое хозяйство, по крайней мере с полдюжины слуг. Вот и все, что мне удалось разузнать об этих семействах. Теперь о самом происшествии.

Третьего июня, то есть в прошлый понедельник, Маккарти вышел из своего дома в Хазерлей часа в три дня и направился к Боскомскому омуту. Это небольшое озеро, образованное разлившимся ручьем, который протекает по Боскомской долине. Утром он ездил в Росс и сказал своему слуге, что очень торопится, так как в три часа у него важное свидание. С этого свидания он не вернулся.

От фермы Хазерлей до Боскомского омута четверть мили, и когда он шел туда, его видели два человека. Во-первых, старуха, имя которой не упомянуто в газетах, и, во-вторых, Уильям Краудер, лесник мистера Тэнера. Оба эти свидетеля показали, что мистер Маккарти шел один. Лесник добавил, что вскоре после встречи с мистером Маккарти он увидел его сына — Джеймса Маккарти. Молодой человек шел с ружьем. Лесник утверждал, что он следовал за отцом по той же дороге. Лесник совсем было позабыл об этой встрече, но вечером он услышал о происшедшей трагедии и все вспомнил.

Обоих Маккарти заметили еще раз после того, как Уильям Краудер, лесник, потерял их из виду. Боскомский омут окружен густым лесом, все берега его заросли камышом. Дочь привратника Боскомского имения, Пэшенс Моран,

девочка лет четырнадцати, собирала в соседнем лесу цветы. Она заявила, что видела у самого озера мистера Маккарти и его сына. Было похоже, что они сильно ссорятся. Она слышала, как старший Маккарти грубо кричал на сына, и видела, как последний замахнулся на своего отца, будто хотел ударить его. Она была так напугана этой ужасной сценой, что стремглав бросилась домой и рассказала матери, что в лесу у омута отец и сын Маккарти затеяли ссору и что она боится, как бы дело не дошло до драки. Едва она сказала это, как молодой Маккарти вбежал в сторожку и сообщил, что он нашел в лесу своего отца мертвым, и позвал привратника на помощь. Он был сильно возбужден, без ружья, без шляпы; на правой руке его и на рукаве были видны свежие пятна крови. Следуя за ним, привратник подошел к мертвецу, распростертому на траве у самой воды. Череп покойного был размозжен ударами какого-то тяжелого, тупого оружия. Такие раны можно было нанести прикладом ружья, принадлежавшего сыну, которое валялось в траве в нескольких шагах от убитого. Под тяжестью этих улик молодой человек был сразу же арестован. Во вторник следствие вынесло предварительный приговор: «преднамеренное убийство»; в среду Джеймс Маккарти предстал перед мировым судьей Росса, который направил дело на рассмотрение суда присяжных. Таковы основные факты, известные следователю и полиции.

— Невозможно себе представить более гнусного дела,— заметил я.— Если когда-нибудь косвенные доказательства изобличали преступника, так это именно в данном случае.

— Косвенные доказательства очень обманчивы,— задумчиво проговорил Холмс.— Они могут совершенно ясно указывать в одном направлении, но если вы способны разобраться в этих доказательствах, то можете обнаружить, что на самом деле они очень часто ведут нас не к истине, а в противоположную сторону. Правда, сейчас дело окончательно обернулось против молодого человека; не исключена возможность, что он и есть преступник. Нашлись, однако, люди по соседству, и среди них мисс Тэнер, дочь землевладельца, которые верят в его невиновность. Мисс Тэнер пригласила Лестрейда — может быть, вы его помните? — для защиты подсудимого. Лестрейд, считающий защиту очень трудной, передал ее мне, и вот два джентльмена средних лет мчатся на запад со скоростью пятьдесят

миль в час, вместо того чтобы спокойно завтракать у себя дома.

— Боюсь,— сказал я,— факты слишком убедительны, и у вас будут очень ограниченные возможности выиграть этот процесс.

— Ничто так не обманчиво, как слишком очевидные факты,— ответил Холмс, смеясь.— Кроме того, мы можем случайно наткнуться на какие-нибудь столь же очевидные факты, которые не оказались очевидными для мистера Лестрейда. Вы слишком хорошо меня знаете и не подумаете, что это хвастовство. Я или пользуюсь уликами, собранными Лестрейдом, или начисто их отвергаю, потому что сам он совершенно не в состоянии ни воспользоваться ими, ни даже разобраться в них. Взять хотя бы первый пришедший в голову пример: мне совершенно ясно, что в вашей спальне окно с правой стороны, но я далеко не уверен, заметит ли мистер Лестрейд даже такой очевидный факт.

— Но как, в самом деле...

— Милый мой друг, я давно с вами знаком. Мне известна военная аккуратность, отличающая вас. Вы бреетесь каждое утро и в это время года — при солнечном свете; но левая часть лица выбрита у вас несравненно хуже правой, чем левее — тем хуже, доходя, наконец, до полного неряшества. Совершенно очевидно, что эта часть лица у вас хуже освещена, чем другая. Я не могу себе представить, чтобы человек с вашими привычками смирился с плохо выбритой щекой, глядя в зеркало при нормальном освещении. Я привожу это только как простой пример наблюдательности и умения делать выводы. В этом и заключается мое ремесло, и вполне возможно, что оно пригодится нам в предстоящем расследовании. Имеется одна или две незначительные детали, которые стали известны во время допроса. Они заслуживают внимания.

— Что же это?

— Оказывается, молодого Маккарти арестовали не сразу, а несколько позже, когда он уже вернулся на ферму Хазерлей. Полицейский инспектор заявил ему, что он арестован, а он ответил, что это его ничуть не удивляет, так как он все-таки заслуживает наказания. Его фраза произвела должный эффект — исчезли последние сомнения, которые, может быть, еще имелись у следователя.

— Это было признание! — воскликнул я.

— Нет, затем он заявил о полной своей невиновности.

— После дьявольски веских улик это звучит подозрительно.

— Наоборот,— сказал Холмс,— это единственный проблеск, который я сейчас вижу среди туч. Ведь он не может не знать, какие тяжелые подозрения падают на него. Если бы он притворился удивленным или возмущенным при известии об аресте, это показалось бы мне в высшей степени подозрительным, потому что подобное удивление или негодование были бы совершенно неискренни при сложившихся обстоятельствах. Такое поведение как раз свидетельствовало бы о его неискренности. Его бесхитростное поведение в минуту ареста говорит либо о его полной невиновности, либо, наоборот, изобличает его незаурядное самообладание и выдержку. Что же касается его ответа, что он заслуживает ареста, это тоже вполне естественно, если вспомнить, что он настолько забыл о своем сыновнем долге, что нагрубил отцу и даже, как утверждает девочка — а ее показания очень важны,— замахнулся на него. Его ответ, который говорит о раскаянии и об угрызениях совести, представляется мне скорее признаком неиспорченности, чем доказательством преступных намерений.

Я покачал головой.

— Многих вздернули на виселицу и без таких тяжких улик,— заметил я.

— Это верно. И среди них было много невиновных.

— Каковы же объяснения самого молодого человека?

— Не особенно ободряющие для его защитников, хотя есть один или два положительных пункта. Вы здесь это найдете, можете почитать про себя.

Он достал из своей папки несколько местных хартфордширских газет и, перегнув страницу, указал на те строки, в которых несчастный молодой человек дает объяснения всему происшедшему. Я уселся в углу купе и стал внимательно читать. Вот что там было написано:

«Затем был вызван мистер Джеймс Маккарти, единственный сын покойного. Он дал следующие показания:

— В течение трех дней меня не было дома: я был в Бристоле и вернулся как раз утром в прошлый понедельник, третьего числа. Когда я приехал, отца не было дома, и горничная сказала, что он поехал в Росс с Джоном

Коббом, конюхом. Вскоре после моего приезда я услышал скрип колес его двуколки и, выглянув из окна, увидел, что он быстро пошел со двора, но я не знал, в каком направлении он пойдет. Потом я взял свое ружье и решил пройтись к Боскомскому омуту, чтобы осмотреть пустошь, где живут кролики; пустошь расположена на противоположном берегу озера. По пути я встретил Уильяма Краудера, лесничего, как он уже сообщил в своих показаниях; однако он ошибается, считая, что я догонял отца. Мне и в голову не приходило, что отец идет впереди меня. Когда я был приблизительно в ста шагах от омута, я услышал крик «Коу!», которым я и мой отец обычно звали друг друга. Я сразу побежал вперед и увидел, что он стоит у самого омута. Он, по-видимому, очень удивился, заметив меня, и спросил довольно грубо, зачем я здесь. Разговор дошел до очень резких выражений, чуть ли не до драки, потому что отец мой был человек крайне вспыльчивый. Видя, что ярость его неукротима, я предпочел уйти от него и направился к ферме Хазерлей. Не прошел я и полутораста шагов, как услышал позади себя леденящий душу крик, который заставил меня снова бежать назад. Я увидел распростертого на земле отца; на голове его зияли ужасные раны, в нем едва теплилась жизнь. Ружье выпало у меня из рук, я приподнял голову отца, но почти в то же мгновение он умер. Несколько минут я стоял на коленях возле убитого, потом пошел к привратнику мистера Тэнера попросить его помощи. Дом привратника был ближе других. Вернувшись на крик отца, я никого не увидел возле него, и я не могу себе представить, кто мог его убить. Его мало кто знал, потому что нрава он был несколько замкнутого и неприветливого. Но все же, насколько мне известно, настоящих врагов у него не было.

Следователь. Сообщил ли вам что-нибудь перед смертью ваш отец?

Свидетель. Он пробормотал несколько слов, но я мог уловить только что-то похожее на «крыса».

Следователь. Что это, по-вашему, значит?

Свидетель. Не имею понятия. Наверное, он бредил.

Следователь. Что послужило поводом вашей последней ссоры?

Свидетель. Я предпочел бы умолчать об этом.

Следователь. К сожалению, я вынужден настаивать на ответе.

Свидетель. Но я не могу ответить на этот вопрос. Уверяю вас, что разговор наш не имел никакого отношения к ужасной трагедии, которая последовала за ним.

Следователь. Это решит суд. Излишне объяснять вам, что нежелание отвечать послужит вам во вред, когда вы предстанете перед выездной сессией суда присяжных.

Свидетель. И все же я не стану отвечать.

Следователь. По-видимому, криком «Коу!» вы с отцом всегда подзывали друг друга?

Свидетель. Да.

Следователь. Как же могло случиться, что он подал условный знак до того, как вас увидел, и даже до того, как он узнал, что вы вернулись из Бристоля?

Свидетель (*очень смущенный*). Не знаю.

Присяжный заседатель. Не бросилось ли вам в глаза что-нибудь подозрительное, когда вы прибежали на крик и нашли отца смертельно раненным?

Свидетель. Ничего особенного.

Следователь. Что вы хотите этим сказать?

Свидетель. Я был так взволнован и напуган, когда выбежал из лесу, что мог думать только об отце, больше ни о чем. Все же у меня было смутное представление, что в тот момент что-то лежало на земле слева от меня. Мне показалось: какая-то серая одежда — может быть, плед. Когда я встал на ноги и хотел рассмотреть эту вещь, ее уже не было.

— Вы полагаете, что она исчезла прежде, чем вы пошли за помощью?

— Да, исчезла.

— Не можете ли вы сказать, что это было?

— Нет, у меня просто было ощущение, что там что-то лежит.

— Далеко от убитого?

— Шагах в десяти.

— А на каком расстоянии от леса?

— Приблизительно на таком же.

— Значит, эта вещь находилась на расстоянии менее двадцати шагов от вас, когда она исчезла?

— Да, но я повернулся к ней спиной.

Этим заканчивается допрос свидетеля».

— Мне ясно,— сказал я, взглянув на газетный столбец,— что в конце допроса следователь совершенно беспощаден к молодому Маккарти. Он указал, и не без основания, на противоречия в показании о том, что отец позвал сына, не зная о его присутствии, и также на отказ передать содержание его разговора с отцом, затем на странное объяснение последних слов умирающего. Все это, как заметил следователь, сильно вредит сыну.

Холмс потянулся на удобном диване и с улыбкой сказал:

— Вы со следователем страдаете одним и тем же недостатком: отбрасываете все положительное, что есть в показаниях молодого человека. Неужели вы не видите, что приписываете ему то слишком много, то слишком мало воображения? Слишком мало — если он не мог придумать такой причины ссоры, которая завоевала бы ему симпатии присяжных; и слишком много — если он мог дойти до такой выдумки, как упоминание умирающего о крысе и происшествие с исчезнувшей одеждой. Нет, сэр, я буду придерживаться той точки зрения, что все, сказанное молодым человеком,— правда. Посмотрим, к чему приведет нас эта гипотеза. А теперь я займусь своим карманным Петраркой. Пока мы не прибудем на место происшествия — об этом деле ни слова. Наш второй завтрак в Суиндоне. Я думаю, мы приедем туда минут через двадцать.

Было около четырех часов, когда мы, миновав прелестную Страудскую долину и широкий сверкающий Сэверн, очутились наконец в милом маленьком провинциальном городке Россе. Аккуратный, похожий на хорька человечек, очень сдержанный, с хитрыми глазками, ожидал нас на платформе. Хотя он был в коричневом пыльнике и в сапогах, которые он считал подходящими для сельской местности, я без труда узнал в нем Лестрейда из Скотленд-Ярда. С ним мы доехали до «Хирфорд Армз», где нам были оставлены комнаты.

— Я заказал карету,— сказал Лестрейд за чашкой чая.— Мне известна ваша деятельная натура. Ведь вы до тех пор не можете успокоиться, пока не попадете на место преступления.

— Это очень похвально с вашей стороны,— ответил Холмс.— Но теперь все зависит от показаний барометра.

Лестрейд чрезвычайно удивился.

— Я не совсем понимаю вашу мысль,— сказал он.

— Каковы показания барометра? Двадцать девять, ветра нет, на небе ни облачка — дождя не будет. А у меня целая пачка сигарет, которые надо выкурить. К тому же диван здесь несравненно лучше обычной мерзости деревенских гостиниц. Я думаю, что мне не удастся воспользоваться этой каретой сегодня вечером.

Лестрейд снисходительно засмеялся.

— Вы, конечно, уже пришли к какому-то заключению, прочитав газетные отчеты,— сказал он.— Дело это ясное, как день, и чем глубже вникаешь в него, тем яснее оно становится. Но, конечно, нельзя отказать в просьбе женщине, да еще такой очаровательной. Она слышала о вас и захотела пригласить именно вас для защиты подсудимого, хотя я неоднократно говорил ей, что вы не сделаете ничего, что бы не было уже давно сделано мной. О боже! У дверей ее экипаж!

Едва он сказал это, как в комнату вбежала одна из прелестнейших девушек, каких я когда-либо видел. Голубые глаза сверкали, губы были слегка приоткрыты, нежный румянец заливал щеки. Сильное волнение заставило ее забыть обычную сдержанность.

— О, мистер Шерлок Холмс! — воскликнула она, переводя взгляд с него на меня и наконец, с безошибочной женской интуицией, останавливаясь на моем друге.— Как я рада, что вы здесь! Я приехала сказать вам это. Я уверена, что Джеймс невиновен. Приступая к вашей работе, вы должны знать то, что известно мне. Не допускайте сомнений ни на одну минуту. Мы с ним дружили с раннего детства, я лучше всех знаю все его слабости, но он так мягкосердечен, что не обидит и мухи. Всем, кто действительно знает его, такое обвинение представляется совершенно нелепым.

— Надеюсь, нам удастся оправдать его, мисс Тэнер,— сказал Шерлок Холмс.— Поверьте, я сделаю все, что в моих силах.

— Но вы читали отчеты, и у вас уже есть определенное мнение обо всем происшедшем? Не видите ли вы какого-нибудь просвета? Уверены ли вы сами, что он невиновен?

— Я считаю это вполне возможным.

— Вот, наконец! — воскликнула она, гордо поднимая

голову и вызывающе глядя на Лестрейда.— Вы слышали? Теперь у меня есть надежда.

Лестрейд пожал плечами.

— Боюсь, что мой коллега слишком поспешен в своих выводах,— сказал он.

— Но ведь он прав — о, я уверена, что он прав! Джеймс не способен на преступление. Что же касается его ссоры с отцом — я знаю: он потому ничего не сказал следователю, что в этом была замешана я.

— Каким образом? — спросил Холмс.

— Сейчас не время что-нибудь скрывать. У Джеймса были большие неприятности с отцом из-за меня. Отец Джеймса очень хотел, чтобы мы поженились. Мы с Джеймсом всегда любили друг друга, как брат и сестра, но он, конечно, еще слишком молод, не знает жизни и... и... ну, словом, он, естественно, и думать не хотел о женитьбе. На этой почве возникали ссоры, и, я уверена, это была одна из таких ссор.

— А ваш отец? — спросил Холмс.— Хотел ли он вашего союза?

— Нет, он тоже был против. Кроме отца Джеймса, этого не хотел никто.— Сплошной румянец залил ее свежее лицо, когда Холмс бросил на нее один из своих испытующих взглядов.

— Благодарю вас за эти сведения,— сказал он.— Могу ли я увидеться с вашим отцом, если зайду завтра?

— Боюсь, доктор этого не позволит.

— Доктор?

— Да, разве вы не знаете? Последние годы мой бедный отец все время прихварывал, а это несчастье совсем сломило его. Он слег, и доктор Уиллоуз говорит, что у него сильное нервное потрясение от перенесенного горя. Мистер Маккарти был единственным оставшимся в живых человеком, кто знал папу в далекие времена в Виктории.

— Хм! В Виктории? Это очень важно.

— Да, на приисках.

— Совершенно верно, на золотых приисках, где, как я понимаю, мистер Тэнер и составил свой капитал?

— Ну конечно.

— Благодарю вас, мисс Тэнер. Вы очень помогли мне.

— Сообщите, пожалуйста, если завтра у вас будут какие-нибудь новости. Вы, наверно, навестите Джеймса

в тюрьме? О, если вы увидите его, мистер Холмс, скажите ему, что я убеждена в его невиновности.

— Непременно скажу, мисс Тэнер.

— Я спешу домой, потому что папа серьезно болен. Я ему нужна. Прощайте, да поможет вам бог!

Она вышла из комнаты так же поспешно, как и вошла, и мы услыхали стук колес удаляющегося экипажа.

— Мне стыдно за вас, Холмс,— с достоинством сказал Лестрейд после минутного молчания.— Зачем вы подаете надежды, которым не суждено оправдаться? Я не страдаю излишней чувствительностью, но считаю, что вы поступили жестоко.

— Кажется, я вижу путь к спасению Джеймса Маккарти,— сказал Холмс.— У вас есть ордер на посещение тюрьмы?

— Да, но только для нас двоих.

— В таком случае, я изменяю свое решение не выходить из дома. Мы поспеем в Хирфорд, чтобы увидеть заключенного сегодня вечером?

— Вполне.

— Тогда поедем! Уотсон, боюсь, вам будет скучно, но часа через два я вернусь.

Я проводил их до станции, прошелся по улицам городка, наконец вернулся в гостиницу, прилег на кушетку и начал читать бульварный роман. Однако сюжет повествования был слишком плоским по сравнению с ужасной трагедией, открывающейся перед нами. Я заметил, что мысли мои все время возвращаются от книги к действительности, поэтому я швырнул книжку в другой конец комнаты и погрузился в размышления о событиях истекшего дня. Если предположить, что показания этого несчастного молодого человека абсолютно правдивы, то что же за дьявольщина, что за непредвиденное и невероятное бедствие могло произойти в тот промежуток времени, когда он отошел от своего отца, а потом прибежал на его крики? Это было нечто ужасное, кошмарное. Что же это могло быть? Пожалуй, мне, как врачу, дело станет яснее, если я познакомлюсь с характером повреждений. Я позвонил и потребовал последние номера местных газет, содержащие все материалы следствия слово в слово.

В показаниях хирурга устанавливалось, что третья задняя теменная кость и левая часть затылочной кости

размозжены сильным ударом тупого орудия. Я нащупал это место на своей собственной голове. Несомненно, такой удар может быть нанесен только сзади. Это в некоторой степени снимало подозрения с обвиняемого, так как во время ссоры его видели стоящим лицом к лицу с покойным. Но этому нельзя придавать большого значения, потому что отец мог отвернуться, перед тем как его ударили. Однако нужно сообщить Холмсу и об этом. Затем очень странным представилось мне упоминание о крысе. Что это значит? Во всяком случае, не бред. Человек, умирающий от внезапного удара, никогда не бредит. Нет, вероятно, он пытался объяснить, как он встретил свою смерть. Что же он хотел сказать? Я долго пытался найти какое-нибудь подходящее объяснение. Вспомнил и случай с этой серой одеждой, которую заметил молодой Маккарти. Если так было на самом деле, значит, убийца потерял что-то, когда убегал,— наверно, пальто,— и у него хватило наглости вернуться и взять его за спиной у сына, в двадцати шагах от него, когда тот опустился на колени возле убитого. Какое сплетение таинственного и невероятного в этом происшествии!

Меня не удивило мнение Лестрейда, но я верил в дальновидность Холмса и не терял надежды: мне казалось, что каждая новая деталь укрепляет его уверенность в невиновности молодого Маккарти.

Когда вернулся Холмс, было уже совсем поздно. Он был один, так как Лестрейд остановился в городе.

— Барометр все еще не падает,— заметил он, садясь.— Только бы не было дождя, пока мы доберемся до места происшествия! Ведь человек должен вложить в такое славное дело все силы ума и сердца. По правде сказать, я не хотел приниматься за работу, когда был утомлен длинной дорогой. Я виделся с молодым Маккарти.

— Что же вы от него узнали?

— Ничего.

— Дело не стало яснее?

— Ничуть. Я был склонен думать, что ему известно имя преступника и что он скрывает его. Но теперь я убежден — для него это такая же загадка, как и для всех остальных. Молодой Маккарти не особенно умен, но очень миловиден, и мне показалось, что он человек неиспорченный.

— Я не одобряю его вкуса,— заметил я,— если это

действительно правда, что он не хотел жениться на такой очаровательной молодой девушке, как мисс Тэнер.

— О, под всем этим кроется пренеприятная история! Он страстно, безумно любит ее. Но как вы думаете, что он сделал года два назад, когда она была еще в пансионе, а сам он был совсем подростком? Этот идиот попался в лапы одной бристольской буфетчице и зарегистрировал свой брак с нею. Об этом никто не подозревает, но можете себе представить, какое было для него мучение слушать упреки, что он не делает того, за что он сам отдал бы полжизни! Вот это-то отчаяние и охватило его, когда он простер руки к небу в ответ на требование отца сделать предложение мисс Тэнер. С другой стороны, у него не было возможности защищаться, и отец его, который, как все утверждают, был человек крутого нрава, выгнал бы его из дому навеки, если бы узнал всю правду. Это со своей женой-буфетчицей юноша провел в Бристоле последние три дня, а его отец не знал, где он был. Запомните это обстоятельство, это очень важно. Однако не было бы счастья — несчастье помогло. Буфетчица, узнав из газет, что ее мужа обвиняют в тяжелом преступлении и, вероятно, скоро повесят, сразу же его бросила и призналась ему в письме, что у нее уже давно есть другой законный муж, который живет в Бермудских доках [1], и что с мистером Джеймсом Маккарти ее на самом деле ничто не связывает. Я думаю, это известие искупило все страдания молодого Маккарти.

— Но если он невиновен, кто же тогда убийца?

— Да, кто убийца? Я бы обратил ваше внимание на следующие два обстоятельства. Первое: покойный должен был с кем-то встретиться у омута, и этот человек не мог быть его сыном, потому что сын уехал и не было известно, когда он вернется. Второе: отец кричал «Коу!» еще до того, как он узнал о возвращении сына. Это основные пункты, которые предрешают исход процесса... А теперь давайте поговорим о творчестве Джорджа Мередита [2], если вам угодно, и оставим все второстепенные дела до завтра.

Как и предсказывал Холмс, дождя не было; утро выда-

[1] Доки — портовое сооружение для постройки и ремонта судов.

[2] Джордж Мередит (1828—1909) — известный английский писатель.

лось яркое и безоблачное. В девять часов за нами в карете приехал Лестрейд, и мы отправились на ферму Хазерлей и к Боскомскому омуту.

— Серьезные известия,— сказал Лестрейд.— Говорят, что мистер Тэнер из Холла так плох, что долго не протянет.

— Вероятно, он очень стар? — спросил Холмс.

— Около шестидесяти, но он потерял в колониях здоровье и уже очень давно серьезно болеет. Тут большую роль сыграло это дело. Он был старым другом Маккарти и, добавлю, его истинным благодетелем. Как мне стало известно, он даже не брал с него арендной платы за ферму Хазерлей.

— Вот как! Это очень интересно! — воскликнул Холмс.

— О да. И он помогал ему всевозможными другими способами. Здесь все говорят о том, что мистер Тэнер был очень добр к покойному.

— Да что вы! А вам не показалось несколько необычным, что этот Маккарти, человек очень небогатый, был так обязан мистеру Тэнеру и все же поговаривал о женитьбе своего сына на дочери Тэнера, наследнице всего состояния? Да еще таким уверенным тоном, будто стоило только сделать предложение — и все будет в порядке! Это чрезвычайно странно. Ведь вам известно, что Тэнер и слышать не хотел об их браке. Его дочь сама рассказала об этом. Не можете ли вы сделать из всего сказанного какие-нибудь выводы методом дедукции?

— Мы занимались дедукцией и логическими выводами,— сказал Лестрейд, подмигивая мне.— Знаете ли, Холмс, если в дальнейшем так же орудовать фактами, можно очень легко удалиться от истины в мир догадок и фантазий.

— Что правда, то правда,— сдержанно ответил Холмс.— Вы очень плохо пользуетесь фактами.

— Как бы то ни было, я подтвердил один факт, который оказался очень трудным для вашего понимания,— раздраженно возразил Лестрейд.

— То есть, что...

— Что Маккарти-старший встретил свою смерть от руки Маккарти-младшего и что все теории, отрицающие этот факт,— просто лунные блики.

— Ну, лунные-то блики гораздо ярче тумана! — смеясь,

ответил Холмс.— Если я не ошибаюсь, слева от нас ферма Хазерлей.

— Она самая.

Это было широко раскинувшееся комфортабельное двухэтажное, крытое шифером здание с большими желтыми пятнами лишайника на сером фасаде. Опущенные шторы на окнах и трубы, из которых не шел дым, придавали дому угрюмый вид, будто кошмарное преступление всей своей тяжестью легло на эти стены.

Мы позвонили у двери, и горничная, по требованию Холмса, показала нам ботинки, в которых был ее хозяин, когда его убили, и обувь сына, которую он надевал в тот день. Холмс тщательно измерил всю обувь в семи или восьми местах, затем попросил провести нас во двор, откуда мы пошли по извилистой тропинке, ведущей к Боскомскому омуту.

Шерлок Холмс весь преображался, когда шел по горячему следу. Люди, знающие бесстрастного мыслителя с Бейкер-стрит, ни за что не узнали бы его в этот момент. Он мрачнел, лицо его покрывалось румянцем, брови вытягивались в две жесткие черные линии, из-под них стальным блеском сверкали глаза. Голова его опускалась, плечи сутулились, губы плотно сжимались, на мускулистой шее вздувались вены. Его ноздри расширялись, как у охотника, захваченного азартом преследования. Он настолько был поглощен стоящей перед ним задачей, что на вопросы, обращенные к нему, или вовсе ничего не отвечал, или нетерпеливо огрызался в ответ.

Безмолвно и быстро шел он по тропинке, пролегавшей через лес и луга к Боскомскому омуту. Это глухое, болотистое место, как и вся долина. На тропинке и около нее, где растет низкая трава, было видно множество следов. Холмс то спешил, то останавливался, а один раз круто повернул и сделал по лужайке несколько шагов назад. Лестрейд и я следовали за ним, сыщик — с видом безразличным и пренебрежительным, в то время как я наблюдал за моим другом с большим интересом, потому что был убежден, что каждое его действие ведет к благополучному завершению дела.

Боскомский омут — небольшое, шириной ярдов [1] в пять-

[1] Ярд — около 0,9 метра.

десят, пространство воды, окруженное зарослями камыша и расположенное на границе фермы Хазерлей и парка богача мистера Тэнера. Над лесом, подступающим к дальнему берегу, видны красные остроконечные башенки, возвышающиеся над жилищем богатого землевладельца.

Со стороны Хазерлей лес очень густой; только узкая полоска влажной травы шагов в двадцать шириной отделяет последние деревья от камышей, окаймляющих озеро. Лестрейд точно указал, где нашли тело; а земля действительно была такая сырая, что я мог ясно увидеть место, где упал убитый. Что же касается Холмса, то по его энергичному лицу и напряженному взгляду я видел, что он многое разглядел на затоптанной траве. Он метался, как гончая, напавшая на след, а потом обратился к нашему спутнику.

— Что вы здесь делали? — спросил он.

— Я прочесал граблями всю лужайку. Я искал какое-нибудь оружие или другие улики. Но как вам удалось...

— Ну, хватит, у меня нет времени! Вы выворачиваете левую ногу, и следы этой вашей левой ноги видны повсюду. Вас мог бы выследить даже крот. А здесь, в камышах, следы исчезают. О, как было бы все просто, если бы я пришел сюда до того, как это стадо буйволов все здесь вытоптало! Здесь стояли те, кто пришел из сторожки, они затоптали все следы вокруг убитого на шесть или семь футов [1].

Он достал лупу, лег на непромокаемый плащ, чтобы было лучше видно, и разговаривал более с самим собой, чем с нами.

— Вот следы молодого Маккарти. Он проходил здесь дважды и один раз бежал так быстро, что следы каблуков почти не видны, а остальная часть подошвы отпечаталась четко. Это подтверждает его показания. Он побежал, когда увидел отца лежащим на земле. Далее, здесь следы ног отца, когда он ходил взад и вперед. Что же это? След от приклада, на который опирался сын, когда стоял и слушал отца. А это? Ха-ха, что же это такое? Кто-то подкрадывался на цыпочках! К тому же это квадратные, совершенно необычные ботинки. Он пришел, ушел и снова вернулся — на этот раз, конечно, за своим пальто. Но откуда он пришел?

[1] Фут — около 0,3 метра.

Холмс бегал туда и сюда, иногда теряя след, иногда вновь натыкаясь на него, пока мы не очутились у самого леса, в тени очень большой, старой березы. Холмс нашел его следы за этим деревом и снова лег на живот. Раздался радостный возглас. Холмс долго оставался неподвижным, переворачивал опавшие листья и сухие сучья, собрал в конверт что-то похожее на пыль и осмотрел сквозь лупу землю, а также, сколько мог достать, и кору дерева. Камень с неровными краями лежал среди мха; он поднял и осмотрел его. Затем он пошел по тропинке до самой дороги, где следы терялись.

— Этот камень представляет большой интерес,— заметил он, возвращаясь к своему обычному тону.— Серый дом справа — должно быть, сторожка. Я зайду к Морану, чтобы сказать ему два слова и написать коротенькую записку. После этого мы еще успеем добраться до гостиницы ко второму завтраку. Вы идите к карете, я присоединюсь к вам.

Минут через десять мы уже ехали к Россу. В руках у Холмса все еще был камень, который он поднял в лесу.

— Это может заинтересовать вас, Лестрейд,— сказал он, протягивая ему камень.— Вот чем было совершено убийство.

— Я не вижу на нем никаких следов.

— Их нет.

— Тогда как же вы это узнали?

— Под ним росла трава. Он пролежал там всего лишь несколько дней. Нигде вокруг не было видно места, откуда он взят. Это имеет прямое отношение к убийству. Следов какого-нибудь другого оружия нет.

— А убийца?

— Это высокий человек, левша, он хромает на правую ногу, носит охотничьи сапоги на толстой подошве и серое пальто, курит индийские сигары с мундштуком, в кармане у него тупой перочинный нож. Есть еще несколько примет, но и этого достаточно, чтобы помочь нам в наших поисках.

Лестрейд засмеялся.

— К сожалению, я до сих пор остаюсь скептиком,— сказал он.— Ваши теории очень хороши, но мы должны иметь дело с твердолобыми британскими присяжными.

— Ну, это мы увидим,— ответил спокойно Холмс.— У вас одни методы, у меня другие... Кстати, я, может быть, сегодня с вечерним поездом вернусь в Лондон.

— И оставите ваше дело незаконченным?

— Нет, законченным.

— Но как же тайна?

— Она разгадана.

— Кто же преступник?

— Джентльмен, которого я описал.

— Но кто он?

— Это можно очень легко узнать. Здесь не так уж много жителей.

Лестрейд пожал плечами.

— Я человек действия,— сказал он,— и никак не могу заниматься поисками джентльмена, о котором известно только, что он хромоногий левша. Я бы стал посмешищем всего Скотленд-Ярда.

— Хорошо,— спокойно ответил Холмс.— Я предоставил вам все возможности для разгадки этой тайны. Я ведь ничего не утаил от вас, и вы сами могли разгадать таинственное преступление. Вот мы и приехали. Прощайте. Перед отъездом я вам напишу.

Оставив Лестрейда возле его двери, мы направились к нашему отелю, где нас уже ждал завтрак.

Холмс молчал, погруженный в свои мысли. Лицо его было мрачно, как у человека, который попал в затруднительное положение.

— Вот послушайте, Уотсон,— сказал он, когда убрали со стола.— Садитесь в это кресло, и я изложу перед вами то немногое, что мне известно. Я не знаю, что мне делать. Я бы хотел получить от вас совет. Закуривайте, а я сейчас начну.

— Пожалуйста.

— Ну вот, при изучении этого дела нас поразили два пункта в рассказе молодого Маккарти, хотя меня они настроили в его пользу, а вас восстановили против него. Во-первых, то, что отец закричал «Коу!» до того, как увидел своего сына. Во-вторых, что умирающий упомянул только о крысе. Понимаете, он пробормотал несколько слов, но сын уловил лишь одно. Наше расследование должно начаться с этих двух пунктов. Предположим, что все, сказанное юношей,— абсолютная правда.

— А что такое «коу»?

— Очевидно, он звал не своего сына. Он думал, что сын в Бристоле. Сын совершенно случайно услышал этот зов. Этим криком «Коу!» он звал того, кто назначил ему свидание. Но «коу» — австралийское слово, оно в ходу только между австралийцами. Это веское доказательство, что человек, которого Маккарти надеялся встретить у Боскомского омута, бывал в Австралии.

— Ну, а крыса?

Шерлок Холмс достал из кармана сложенный лист бумаги, расправил его на столе.— Это карта штата Виктория,— сказал он.— Я телеграфировал прошлой ночью в Бристоль, чтобы мне ее прислали.— Он закрыл ладонью часть карты.— Прочтите,— попросил он.

— АРЭТ [1],— прочитал я.

— А теперь? — Он поднял руку.

— БАЛЛАРЭТ.

— Совершенно верно. Это и есть слово, произнесенное умирающим, но сын уловил только последние два слога. Он пытался назвать имя убийцы. Итак, Балларэт.

— Это потрясающе! — воскликнул я.

— Это вне всяких сомнений. А теперь, как видите, круг сужается. Наличие у преступника серого одеяния было третьим пунктом. Исчезает полная неизвестность, и появляется некий австралиец из Балларэта в сером пальто.

— И в самом деле!

— К тому же он местный житель, потому что возле омута, кроме фермы и усадьбы, ничего нет, и посторонний вряд ли забредет туда.

— Конечно.

— Затем наша сегодняшняя экспедиция. Исследуя почву, я обнаружил незначительные улики, о которых и рассказал этому тупоумному Лестрейду. Это касалось установления личности преступника.

— Но как вы их обнаружили?

— Вам известен мой метод. Он базируется на сопоставлении всех незначительных улик.

— О его росте вы, разумеется, могли приблизительно судить по длине шага. О его обуви также можно было догадаться по следам.

---

[1] A rat (а рэт) — по-английски значит «крыса».

— Да, это была необыкновенная обувь.

— А то, что он хромой?

— Следы его правой ноги не так отчетливы, как следы левой. На правую ногу приходится меньше веса. Почему? Потому что он прихрамывал — он хромой.

— А то, что он левша?

— Вы сами были поражены характером повреждений, описанных хирургом. Удар был внезапно нанесен сзади, но с левой стороны. Кто же это мог сделать, как не левша? Во время разговора отца с сыном он стоял за деревом. Он даже курил там. Я нашел пепел и благодаря моему знанию различных сортов табака установил, что он курил индийскую сигару. Я, как вам известно, немного занимался этим вопросом и написал небольшую монографию о пепле ста сорока различных сортов трубочного, сигарного и папиросного табака. Обнаружив пепел сигары, я оглядел все вокруг и нашел место, куда он ее бросил. То была индийская сигара, изготовленная в Роттердаме.

— А мундштук?

— Я увидел, что он не брал ее в рот. Следовательно, он курит с мундштуком. Кончик был обрезан, а не откушен, но срез был неровный, поэтому я решил, что нож у него тупой.

— Холмс,— сказал я,— вы опутали преступника сетью, из которой он не сможет вырваться, и вы спасли жизнь ни в чем не повинному юноше, вы просто сняли петлю с его шеи. Я вижу, где сходятся все ваши улики. Имя убийцы...

— Мистер Джон Тэнер,— доложил официант, открывая дверь в нашу гостиную и впуская посетителя.

У вошедшего была странная, совершенно необычная фигура. Замедленная, прихрамывающая походка и опущенные плечи делали его дряхлым, в то время как его жесткое, резко очерченное, грубое лицо и огромные конечности говорили о том, что он наделен необыкновенной физической силой. Его спутанная борода, седеющие волосы и всклокоченные, нависшие над глазами брови придавали ему гордый и властный вид. Но лицо его было пепельно-серым, а губы и ноздри имели синеватый оттенок. Я с первого взгляда понял, что он страдает какой-то неизлечимой, хронической болезнью.

— Присядьте, пожалуйста, на диван,— мягко предложил Холмс.— Вы получили мою записку?

— Да, ее принес привратник. Вы пишете, что хотите видеть меня, дабы избежать скандала.

— Я думаю, будет много толков, если я выступлю в суде.

— Зачем я вам понадобился?

Тэнер посмотрел на моего приятеля. В усталых глазах его было столько отчаяния, будто он уже получил ответ на свой вопрос.

— Да,— промолвил Холмс, отвечая более на взгляд его, чем на слова.— Это так. Мне все известно о Маккарти.

Старик закрыл лицо руками.

— Помоги мне, господи! — воскликнул он.— Но я бы не допустил гибели молодого человека! Даю вам слово, что я открыл бы всю правду, если бы дело дошло до выездной сессии суда присяжных...

— Рад это слышать,— сурово сказал Холмс.

— Я бы уже давно все открыл, если бы не моя дорогая девочка. Это разбило бы ее сердце, она не пережила бы моего ареста.

— Можно и не доводить дело до ареста,— ответил Холмс.

— Неужели?

— Я неофициальное лицо. Поскольку меня пригласила ваша дочь, я действую в ее интересах. Вы сами понимаете, что молодой Маккарти должен быть освобожден.

— Я скоро умру,— сказал старый Тэнер.— Я уже много лет страдаю диабетом. Мой доктор сомневается, протяну я месяц или нет. Все-таки мне легче будет умереть под своей собственной крышей, чем в тюрьме.

Холмс встал, подошел к письменному столу, взял перо и бумагу.

— Рассказывайте все, как было,— предложил он,— а я вкратце запишу. Вы это подпишете, а Уотсон засвидетельствует. Я представлю ваше признание только в случае крайней необходимости, если нужно будет спасать Маккарти. В противном случае обещаю вам не прибегать к этой мере.

— Хорошо,— ответил старик.— Скорее всего, я не доживу до выездной сессии суда, так что меня это мало волнует. Я хотел бы только избавить Алису от такого

удара. А теперь я все вам расскажу... Тянулось это долго, но рассказать я могу очень быстро... Вы не знали покойного Маккарти. Это был сущий дьявол, уверяю вас. Упаси вас бог от клещей такого человека! Я был в его тисках последние двадцать лет, он совершенно отравил мне жизнь.

Сначала я расскажу вам, как я очутился в его власти. Это произошло в начале шестидесятых годов на золотых приисках. Я тогда был совсем молодым человеком, безрассудным и горячим, готовым на любое дело. Я попал в плохую компанию, начал выпивать. На участке моем не оказалось ни крупинки золота — я стал бродяжничать и сделался, как у вас говорится, рыцарем большой дороги. Нас было шестеро, мы вели дикую, привольную жизнь, совершали время от времени налеты на станцию, останавливали фургоны на дорогах к приискам. Меня называли Балларэтским Черным Джеком. Моих ребят до сих пор помнят в колониях как банду Балларэта.

Однажды из Балларэта в Мельбурн под охраной конвоя отправили золото. Мы устроили засаду. Золото охраняли шесть конвоиров, нас тоже было шесть человек. Произошла жаркая схватка. Первым залпом мы уложили четырех. Но когда мы взяли добычу, нас осталось только трое. Я приставил дуло пистолета к голове кучера — это и был Маккарти. Господи, лучше бы я убил его тогда! Но я пощадил его, хотя и заметил, что он смотрит на меня своими маленькими злыми глазками, будто хочет запомнить черты моего лица. Мы завладели золотом, стали богатыми людьми и приехали в Англию, никем не заподозренные. Здесь я навсегда расстался со своими бывшими приятелями и начал спокойную, обеспеченную жизнь.

Я купил это имение, которое как раз продавалось в то время, и старался принести хотя бы небольшую пользу своими деньгами, чтобы как-то искупить прошлое. К тому же я женился, и хотя жена моя умерла молодой, она оставила мне милую маленькую Алису. Даже когда Алиса была совсем крошкой, ее ручонки удерживали меня на праведном пути, как ничто в мире. Словом, я навсегда покончил с прошлым. Все шло великолепно, пока я не попался в руки Маккарти...

Я поехал в город по денежным делам и на Риджент-стрит встретил Маккарти. На нем не было ни приличного пальто, ни обуви.

«Вот мы и встретились, Джек,— сказал он, прикасаясь к моей руке.— Теперь уж мы с вами больше не расстанемся. Я не один: у меня есть сынишка, и вы должны о нас позаботиться. В противном случае, вы знаете: Англия прекрасная страна, где чтут законы. Кроме того, везде есть полисмены».

Вот он и поселился со своим сыном на западе, и я не мог от них отделаться; они бесплатно живут на моей земле. У меня не было ни покоя, ни отдыха, ни забвения. Куда бы я ни шел, я везде натыкался на его хитрую, ухмыляющуюся физиономию. Когда Алиса подросла, стало еще хуже, так как он заметил, что для меня страшнее всякой полиции, если о моем прошлом узнает дочь. Что бы он ни захотел, он получал по первому требованию, будь то земля, постройка или деньги, пока он не потребовал невозможного. Он потребовал Алису. Сын его, видите ли, подрос, моя дочь — тоже, и, так как о моей болезни всем было известно, ему представилось, что это великолепный шанс для его сына завладеть всем моим состоянием. Но на этот раз я был тверд. Я и мысли не мог допустить, что его проклятый род соединится с моим.

Нельзя сказать, чтобы мне не нравился его сын, но в жилах юноши текла кровь его отца, этого было достаточно. Я все же стоял на своем. Маккарти, выведенный из себя, стал угрожать.

Мы должны были встретиться у омута, на полпути между нашими домами, чтобы поговорить обо всем. Когда я пришел на условленное место, я увидел, что он толкует о чем-то с сыном. Я закурил и ждал за деревом, пока он останется один. Но по мере того как я вслушивался в его слова, во мне закипала горечь и злоба, я не мог больше этого вынести. Он принуждал сына жениться на моей дочери, ничуть не заботясь о том, как она отнесется к этому, будто речь шла об уличной девчонке.

Я чуть с ума не сошел, когда подумал, что все, чем я дорожу, может очутиться во власти такого человека. Не лучше ли разбить эти оковы? Я уже умирающий, доведенный до отчаяния человек. Хотя рассудок мой ясен и силы не покинули меня, я понимал, что моя жизнь кончена. Но мое имя и моя дочь! Я спасу и то и другое, если заставлю Маккарти держать язык за зубами... Я его убил, мистер Холмс... Я бы убил его снова. Я большой

грешник, но разве жизнь, полная страданий, не искупает вины? Я все терпел, но мысль, что моя дочь попадет в ту же западню, была невыносима. Я убил его без угрызения совести, будто это была отвратительная ядовитая тварь. На крик прибежал его сын, но я успел спрятаться в лесу, хотя мне пришлось вернуться за пальто, которое я обронил... Это чистая правда, джентльмены, все случилось именно так.

— Что же, не мне судить вас,— промолвил Холмс, когда старик подписал свои показания.— Думаю, нам не придется представлять эти сведения в суд.

— Я вам полностью доверяю, сэр! Но что вы хотите предпринять?

— Принимая во внимание ваше здоровье — ничего. Вы сами знаете, что скоро предстанете перед судом, который выше земного суда. Я сохраню ваше признание, мне придется воспользоваться им, если Маккарти будет осужден. Если же он будет оправдан — ни один смертный, будете вы живы или нет, не узнает о вашей тайне, все это останется между нами.

— Тогда прощайте,— торжественно сказал старик.— Когда настанет ваш смертный час, вам будет легче при мысли о том, какое успокоение вы внесли в мою душу.

Шатаясь и дрожа всем своим гигантским телом, он медленно вышел из комнаты, прихрамывая на правую ногу.

— Бедные мы, бедные! — после долгой паузы воскликнул Холмс.— Почему судьба играет такими жалкими, беспомощными созданиями, как мы?

Выездная сессия суда присяжных оправдала Джеймса Маккарти под давлением многочисленных доказательств, представленных Холмсом. Старый Тэнер прожил месяцев семь после нашего свидания, сейчас его уже нет в живых. Есть все основания полагать, что Джеймс и Алиса могут спокойно жить в счастливом браке, не думая больше о черных тучах, которые омрачали их прошлое.

Скандал в Богемии

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Этой Женщиной». Я редко слышал, чтобы он называл ее каким-либо другим именем. В его глазах она затмевала всех представительниц своего пола. Не то чтобы он испытывал к Ирэн Адлер какое-либо чувство, близкое к любви. Все чувства, и особенно любовь, были ненавистны его холодному, точному, но удивительно уравновешенному уму. По-моему, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир; но в качестве влюбленного он оказался бы не на своем месте. Он всегда говорил о нежных чувствах не иначе, как с презрительной насмешкой, с издевкой. Нежные чувства были в его глазах

великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством сорвать покров с человеческих побуждений и дел. Но для изощренного мыслителя допустить такое вторжение чувства в свой утонченный и великолепно налаженный внутренний мир означало бы внести туда смятение, которое свело бы на нет все завоевания его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительный инструмент, или трещина в одной из его могучих линз — вот что такое была бы любовь для такого человека, как Холмс. И все же для него существовала одна женщина, и этой женщиной была покойная Ирэн Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

За последнее время я редко виделся с Холмсом — моя женитьба отдалила нас друг от друга. Моего личного безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится господином собственного домашнего очага, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, ненавидевший своей цыганской душой всякую форму светской жизни, оставался жить в нашей квартире на Бейкер-стрит, окруженный грудами своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином [1] с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана [2] — с дикой энергией, присущей его натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен расследованием преступлений. Он отдавал свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности поискам нитей к выяснению тех тайн, которые официальной полицией были признаны непостижимыми. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, что его вызывали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали и, наконец, о поручении голландского королевского дома, выполненном им исключительно тонко и удачно.

Однако, помимо этих сведений о его деятельности, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, я мало знал о моем прежнем друге и товарище.

[1] Кокаин — одурманивающее вещество, наркотик.

[2] Наркоман — человек, испытывающий болезненное влечение к одурманивающим ядам (наркотикам).

Однажды ночью — это было 20 марта 1888 года — я возвращался от пациента (так как теперь я вновь занялся частной практикой), и мой путь привел меня на Бейкер-стрит. Когда я проходил мимо хорошо знакомой двери, которая в моем уме навсегда связана с воспоминанием о времени моего сватовства и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», меня охватило острое желание вновь увидеть Холмса и узнать, над какими проблемами нынче работает его замечательный ум. Его окна были ярко освещены, и, посмотрев вверх, я увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на опущенной шторе. Он быстро, стремительно ходил по комнате, низко опустив голову и заложив за спину руки. Мне, знавшему все его настроения и привычки, его ходьба из угла в угол и весь его внешний облик говорили о многом. Он вновь принялся за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грезы и распутывал нити какой-то новой загадки. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без восторженных излияний. Таким излияниям он предавался чрезвычайно редко, но, мне кажется, был рад моему приходу. Почти без слов, он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и указал на погребец, где хранилось вино. Затем он встал перед камином и оглядел меня своим особым, проницательным взглядом.

— Семейная жизнь вам на пользу,— заметил он.— Я думаю, Уотсон, что с тех пор, как я вас видел, вы пополнели на семь с половиной фунтов.

— На семь.

— Правда? Нет, нет, немного больше. Чуточку больше, уверяю вас. И снова практикуете, как я вижу. Вы мне не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

— Так откуда же вы это знаете?

— Я вижу это, я делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно сильно промокли и что ваша горничная большая неряха?

— Дорогой Холмс,— сказал я,— это уж чересчур. Вас несомненно сожгли бы на костре, если бы вы жили несколько веков назад. Правда, что в четверг мне пришлось быть за городом и я вернулся домой весь испачканный, но ведь я переменил костюм, так что от дождя не осталось

следов. Что касается Мэри Джен, она и в самом деле неисправима, и жена уже предупредила, что хочет уволить ее. И все же я не понимаю, как вы догадались об этом.

Холмс тихо рассмеялся и потер свои длинные нервные руки.

— Проще простого! — сказал он.— Мои глаза уведомляют меня, что с внутренней стороны вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, на коже видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, царапины были сделаны кем-то, кто очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда я, как видите, делаю двойной вывод, что вы выходили в дурную погоду и что у вас очень скверный образчик лондонской прислуги. А что касается вашей практики,— если в мою комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от азотной кислоты, а на цилиндре — шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, я должен быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного мира.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне путь своих умозаключений.

— Когда вы раскрываете свои соображения,— заметил я,— все кажется мне смехотворно простым, я и сам без труда мог бы все это сообразить. А в каждом новом случае я совершенно ошеломлен, пока вы не объясните мне ход ваших мыслей. Между тем я думаю, что зрение у меня не хуже вашего.

— Совершенно верно,— ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле.— Вы смотрите, но вы не наблюдаете, а это большая разница. Например, вы часто видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

— Часто.

— Как часто?

— Ну, несколько сот раз!

— Отлично. Сколько же там ступенек?

— Сколько? Не обратил внимания.

— Вот-вот, не обратили внимания. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну, а я знаю, что ступенек — семнадцать, потому что я и видел, и наблюдал. Кстати, вы ведь интересуетесь теми небольшими проблемами, в разрешении которых заключается мое ремесло, и даже были добры описать два-три из моих маленьких опытов. Поэтому вас может, пожалуй, заинтересовать вот это письмо.

Он бросил мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшийся на столе.

— Получено только что,— сказал он.— Прочитайте-ка вслух.

Письмо было без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь,— говорилось в записке,— к Вам придет джентльмен, который хочет получить у Вас консультацию по очень важному делу. Услуги, оказанные Вами недавно одному из королевских семейств Европы, показали, что Вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о Вас мы со всех сторон получали. Будьте дома в этот час и не подумайте ничего плохого, если Ваш посетитель будет в маске».

— Это в самом деле таинственно,— заметил я.— Как вы думаете, что все это значит?

— У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, опасно. Незаметно для себя человек начинает подтасовывать факты, чтобы подогнать их к своей теории, вместо того чтобы обосновывать теорию фактами. Но сама записка! Какие вы можете сделать выводы из записки?

Я тщательно осмотрел письмо и бумагу, на которой оно было написано.

— Написавший это письмо, по-видимому, располагает средствами,— заметил я, пытаясь подражать приемам моего друга.— Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Очень уж она прочная и плотная.

— Диковинная — самое подходящее слово,— заметил Холмс.— И это не английская бумага. Посмотрите ее на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое «E» и маленькое «g», затем «P» и большое «G» с маленьким «t».

— Какой вывод вы можете из этого сделать? — спросил Холмс.

— Это несомненно имя фабриканта или, скорее, его монограмма [1].

[1] Монограмма — соединение двух букв (инициалов) в одном рисунке.

— Вот и ошиблись! Большое «G» с маленьким «t» — это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше «К⁰». «P», конечно, означает «Papier», бумага. Расшифруем теперь «E». Заглянем в иностранный географический справочник...— Он достал с полки тяжелый фолиант [1] в коричневом переплете.— Eglow, Eglönitz... Вот мы и нашли: Egeria. Это местность, где говорят по-немецки, в Богемии, недалеко от Карлсбада [2]. Место смерти Валленштейна [3], славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками... Ха-ха, мой мальчик, какой вы из этого делаете вывод? — Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей папиросы большое синее облако.

— Бумага изготовлена в Богемии,— сказал я.

— Именно. А человек, написавший записку, немец. Вы замечаете странное построение фразы: «Такой отзыв о вас мы со всех сторон получали»? Француз или русский не мог бы так написать. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, лишь бы не показать своего лица... Вот и он сам, если я не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы услышали резкий стук лошадиных копыт и визг колес, скользнувших вдоль ближайшей обочины. Вскоре затем кто-то с силой дернул звонок.

Холмс присвистнул.

— Судя по звуку, парный экипаж... Да,— продолжал он, выглянув в окно,— изящная маленькая карета и пара рысаков... по сто пятьдесят гиней [4] каждый. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Уотсон.

— Я думаю, что мне лучше уйти, Холмс?

— Нет, нет, оставайтесь! Что я стану делать без моего биографа? Дело обещает быть интересным. Будет жаль, если вы пропустите его.

— Но ваш клиент...

— Ничего, ничего. Мне может понадобиться ваша помощь, и ему тоже... Ну, вот он идет. Садитесь в это кресло, доктор, и будьте очень внимательны.

[1] Фолиант — книга большого формата.
[2] Карлсбад (Карловы Вары) — курорт в Чехословакии.
[3] Валленштейн — немецкий полководец XVII века.
[4] Гинея — английская золотая монета.

Медленные, тяжелые шаги, которые мы слышали на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью. Затем раздался громкий и властный стук.

— Войдите! — сказал Холмс.

Вошел человек ростом едва ли меньше шести футов и шести дюймов [1], геркулесовского [2] сложения. Он был одет роскошно, но эту роскошь сочли бы в Англии вульгарной. Рукава и отвороты его двубортного пальто были оторочены тяжелыми полосами каракуля; темно-синий плащ, накинутый на плечи, был подбит огненно-красным шелком и застегнут на шее пряжкой из сверкающего берилла [3]. Сапоги, доходящие до половины икр и обшитые сверху дорогим коричневым мехом, дополняли то впечатление варварской пышности, которое производил весь его облик. В руке он держал широкополую шляпу, а верхняя часть его лица была закрыта черной маской, опускавшейся ниже скул. Эту маску, походившую на забрало, он, очевидно, только что надел, потому что, когда он вошел, рука его была еще поднята. Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный прямой подбородок говорили о решительности, переходящей в упрямство.

— Вы получили мою записку? — спросил он низким, грубым голосом с сильным немецким акцентом.— Я сообщал, что приду к вам.— Он смотрел то на одного из нас, то на другого, видимо не зная, к кому обратиться.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал Холмс.— Это мой друг и товарищ, доктор Уотсон. Он так добр, что иногда помогает мне в моей работе. С кем имею честь говорить?

— Вы можете считать, что я граф фон Крамм, богемский дворянин. Полагаю, что этот джентльмен, ваш друг,— человек, достойный полного доверия, и я могу посвятить его в дело чрезвычайной важности? Если это не так, я предпочел бы беседовать с вами наедине.

[1] Шесть футов и шесть дюймов — приблизительно 1 метр 90 сантиметров.
[2] Геркулес — герой древнегреческих сказаний, отличавшийся необыкновенной силой.
[3] Берилл — прозрачный бледно-зеленый драгоценный камень.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и толкнул обратно в кресло:

— Говорите либо с нами обоими, либо не говорите. В присутствии этого джентльмена вы можете сказать все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал широкими плечами.

— В таком случае, я должен прежде всего взять с вас обоих слово, что дело, о котором я вам сейчас расскажу, останется в тайне два года. По прошествии двух лет это не будет иметь значения. В настоящее время я могу, не преувеличивая, сказать: вся эта история настолько серьезна, что может отразиться на судьбах Европы.

— Даю слово,— сказал Холмс.

— И я.

— Простите мне эту маску,— продолжал странный посетитель.— Августейшее лицо, по поручению которого я действую, пожелало, чтобы его доверенный остался для вас неизвестен, и я должен признаться, что титул, которым я себя назвал, не совсем точен.

— Это я заметил,— сухо сказал Холмс.

— Обстоятельства очень щекотливые, и необходимо принять все меры, чтобы из-за них не разросся огромный скандал, который мог бы сильно скомпрометировать одну из царствующих династий Европы. Говоря проще, дело связано с царствующим домом Ормштейнов, королей Богемии.

— Так я и думал,— пробормотал Холмс, поудобнее располагаясь в кресле и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением посмотрел на лениво развалившегося равнодушного человека, которого ему, несомненно, описали как самого проницательного и самого энергичного из всех европейских сыщиков. Холмс медленно открыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего тяжеловесного клиента.

— Если ваше величество соблаговолите посвятить нас в свое дело,— заметил он,— мне легче будет дать вам совет.

Посетитель вскочил со стула и принялся шагать по комнате в сильном возбуждении. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

— Вы правы,— воскликнул он,— я король! Зачем мне пытаться скрывать это?

— Действительно, зачем? Ваше величество еще не

начали говорить, как я уже знал, что передо мной Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельштейнский и наследственный король Богемии.

— Но вы понимаете,— сказал наш странный посетитель, снова усевшись и поводя рукой по высокому белому лбу,— вы понимаете, что я не привык лично заниматься такими делами! Однако вопрос настолько щекотлив, что я не мог доверить его кому-нибудь из полицейских агентов, не рискуя оказаться в его власти. Я приехал из Праги инкогнито специально затем, чтобы обратиться к вам за советом.

— Пожалуйста, обращайтесь,— сказал Холмс, снова закрывая глаза.

— Факты вкратце таковы: лет пять назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с хорошо известной авантюристкой Ирэн Адлер. Это имя вам, несомненно, знакомо?

— Будьте любезны, доктор, посмотрите в моей картотеке,— пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет назад он завел систему регистрации разных фактов, касавшихся людей и вещей, так что трудно было назвать лицо или предмет, о которых он не мог бы сразу дать сведения. В данном случае я нашел биографию Ирэн Адлер между биографией еврейского раввина и биографией одного начальника штаба, написавшего труд о глубоководных рыбах.

— Покажите-ка,— сказал Холмс.— Гм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто, гм... Ла Ска́ла [1], так-так!.. Примадонна императорской оперы в Варшаве, да! Покинула оперную сцену, ха! Проживает в Лондоне... совершенно верно! Ваше величество, насколько я понимаю, попали в сети к этой молодой особе, писали ей компрометирующие письма и теперь желали бы вернуть эти письма.

— Совершенно верно. Но каким образом?

— Вы тайно женились на ней?

— Нет.

— Никаких документов или свидетельств?

— Никаких.

---

[1] Ла Скала — знаменитый оперный театр в Милане (Италия).

— В таком случае, я вас не понимаю, ваше величество. Если эта молодая женщина захочет использовать письма для шантажа или других целей, как она докажет их подлинность?

— Мой почерк.

— Пустяки! Подлог.

— Моя личная почтовая бумага.

— Украдена.

— Моя личная печать.

— Подделка.

— Моя фотография.

— Куплена.

— Но мы сфотографированы вместе!

— О-о, вот это очень плохо! Ваше величество действительно допустили большую оплошность.

— Я был без ума от Ирэн.

— Вы серьезно себя скомпрометировали.

— Тогда я был всего лишь кронпринцем. Я был молод. Мне и теперь только тридцать.

— Фотографию необходимо во что бы то ни стало вернуть.

— Мы пытались, но нам не удалось.

— Ваше величество должны пойти на издержки: фотографию надо купить.

— Ирэн не желает ее продавать.

— Тогда ее надо выкрасть.

— Было сделано пять попыток. Я дважды нанимал взломщиков, и они перерыли весь ее дом. Раз, когда она путешествовала, мы обыскали ее багаж. Дважды ее заманивали в ловушку. Мы не добились никаких результатов.

— Никаких?

— Абсолютно никаких.

Холмс засмеялся.

— Ничего себе задачка! — сказал он.

— Но для меня это очень серьезная задача! — с упреком возразил король.

— Да, действительно. А что она намеревается сделать с фотографией?

— Погубить меня.

— Но каким образом?

— Я собираюсь жениться.

— Об этом я слышал.

— На Клотильде Лотман фон Саксен-Менинген. Быть может, вы знаете строгие принципы этой семьи. Сама Клотильда — воплощенная чистота. Малейшая тень сомнения относительно моего прошлого привела бы к разрыву.

— А Ирэн Адлер?

— Она грозит, что пошлет фотоснимок родителям моей невесты. И пошлет, непременно пошлет! Вы ее не знаете. У нее железный характер. Да, да, лицо обаятельной женщины, а душа жестокого мужчины. Она ни перед чем не остановится, лишь бы не дать мне жениться на другой.

— Вы уверены, что она еще не отправила фотографию вашей невесте?

— Уверен.

— Почему?

— Она сказала, что пошлет фотографию в день моей официальной помолвки. А это будет в ближайший понедельник.

— О, у нас остается три дня! — сказал Холмс, зевая.— И это очень приятно, потому что сейчас мне надо заняться кое-какими важными делами. Ваше величество, конечно, останетесь пока что в Лондоне?

— Конечно. Вы можете найти меня в гостинице Лэнгхэм под именем графа фон Крамма.

— В таком случае, я пришлю вам записочку — сообщу, как подвигается дело.

— Очень прошу вас. Я так волнуюсь!

— Ну, а как насчет денег?

— Тратьте, сколько найдете нужным. Вам предоставляется полная свобода действий.

— Абсолютно?

— О, я готов отдать за эту фотографию любую из провинций моего королевства!

— А на текущие расходы?

Король достал из-под плаща тяжелый кожаный мешочек и положил его на стол.

— Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями,— сказал он.

Холмс написал расписку на страничке своей записной книжки и вручил королю.

— Адрес мадемуазель? — спросил он.

— Брайони-лодж, Серпантайн-авеню, Сент-Джонс-вуд.

Холмс записал.

— И еще один вопрос,— сказал он. — Фотография была кабинетного размера?

— Да, кабинетного.

— А теперь доброй ночи, ваше величество, и я надеюсь, что скоро у нас будут хорошие вести... Доброй ночи, Уотсон,— добавил он, когда колеса королевского экипажа застучали по мостовой.— Будьте любезны зайти завтра в три часа, я бы хотел потолковать с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина с намерением дождаться его, сколько бы мне ни пришлось ждать. Я глубоко заинтересовался его расследованием, хотя оно было лишено причудливых и мрачных черт, присущих тем двум преступлениям, о которых я рассказал в другом месте. Но своеобразные особенности этого случая и высокое положение клиента придавали делу необычный характер. Если даже оставить в стороне самое содержание исследования, которое производил мой друг,— как удачно, с каким мастерством он сразу овладел всей ситуацией и какая строгая, неопровержимая логика была в его умозаключениях! Мне доставляло истинное удовольствие следить за быстрыми, ловкими приемами, с помощью которых он разгадывал самые запутанные тайны. Я настолько привык к его неизменным триумфам, что самая возможность неудачи не укладывалась у меня в голове.

Было около четырех часов, когда дверь отворилась и в комнату вошел подвыпивший грум [1], с бакенбардами, с растрепанной шевелюрой, с воспаленным лицом, одетый бедно и вульгарно. Как ни привык я к удивительной способности моего друга менять свой облик, мне пришлось трижды вглядеться, прежде чем я удостоверился, что это действительно Холмс. Кивнув мне на ходу, он исчез в своей спальне, откуда появился через пять минут в темном костюме, корректный, как всегда. Сунув руки в карманы, он протянул ноги к пылающему камину и несколько минут весело смеялся.

[1] Грум — конюх.

— Чудесно! — воскликнул он, затем закашлялся и снова расхохотался, да так, что под конец обессилел и в полном изнеможении откинулся на спинку кресла.

— В чем дело?

— Смешно, невероятно смешно! Уверен, что вы никогда не угадаете, как я провел это утро и что я в конце концов сделал.

— Не могу себе представить. Полагаю, что вы наблюдали за привычками или, может быть, за домом мисс Ирэн Адлер.

— Совершенно верно, но последствия были довольно необычайные... Однако расскажу по порядку. В начале девятого я вышел из дому под видом безработного грума. Существует удивительная симпатия, своего рода содружество между всеми, кто имеет дело с лошадьми. Станьте грумом, и вы узнаете все, что вам надо. Я быстро нашел Брайони-лодж. Это крохотная шикарная двухэтажная вилла; она выходит на улицу, позади нее сад. Массивный замóк на садовой калитке. С правой стороны большая гостиная, хорошо обставленная, с высокими окнами, почти до полу, и с нелепыми английскими оконными затворами, которые мог бы открыть и ребенок. За домом ничего особенного, кроме того, что к окну галереи можно добраться с крыши каретного сарая. Я обошел этот сарай со всех сторон и рассмотрел его очень внимательно, но ничего интересного не заметил. Затем я пошел вдоль улицы и увидел, как я и ожидал, в переулке, примыкающем к стене сада, конюшню. Я помог конюхам чистить лошадей и получил за это два пенса, стакан водки, два пакета табаку и вдоволь сведений о мисс Адлер, а также и о других местных жителях. Местные жители меня не интересовали нисколько, но я был вынужден выслушать их биографии.

— А что вы узнали об Ирэн Адлер? — спросил я.

— О, она вскружила головы всем мужчинам в этой части города. Она самое прелестное существо из всех, носящих дамскую шляпку на этой планете. Так говорят в один голос все серпантайнские конюхи. Она живет тихо, выступает иногда на концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает кататься и ровно в семь возвращается к обеду. Редко выезжает в другое время, кроме тех случаев, когда она поет. Только один мужчина посещает ее — только один, но зато очень часто. Брюнет, красавец, прекрасно одевается,

бывает у нее ежедневно, а порой и по два раза в день. Его зовут мистер Годфри Нортон из Темпла [1]. Видите, как выгодно войти в доверие к кучерам! Они его возили домой от серпантайнских конюшен раз двадцать и все о нем знают. Выслушав то, что они мне рассказывали, я снова стал прогуливаться взад и вперед вблизи Брайони-лодж и обдумывать дальнейшие действия.

Этот Годфри Нортон, очевидно, играет существенную роль во всем деле. Он юрист. Это звучит зловеще. Что их связывает и какова причина его частых посещений? Кто она: его клиентка? Его друг? Его возлюбленная? Если она его клиентка, то, вероятно, отдала ему на хранение ту фотографию. Если же возлюбленная — едва ли. От решения этого вопроса зависит, продолжать ли мне работу в Брайони-лодж или обратить внимание на квартиру того джентльмена в Темпле. Этот вопрос очень щекотлив и расширяет поле моих розысков... Боюсь, Уотсон, что надоедаю вам этими подробностями, но чтобы вы поняли всю ситуацию, я должен открыть вам мои мелкие затруднения.

— Я внимательно слежу за вашим рассказом,— ответил я.

— Я все еще взвешивал в уме это дело, когда к Брайони-лодж подкатил изящный экипаж и из него выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, усатый, смуглый, с орлиным носом. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал. По-видимому, он очень спешил и был крайне взволнован. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь, с видом человека, который чувствует себя в этом доме хозяином.

Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперед по комнате, возбужденно толкует о чем-то и размахивает руками. Ее я не видел. Но вот он вышел на улицу, еще более взволнованный. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните, как дьявол! — крикнул он кучеру.— Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви святой Моники на Эджвер-роуд. Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

[1] Темпл — лондонский квартал, где сосредоточены конторы юристов.

Они умчались, а я как раз соображал, не последовать ли мне за ними, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо [1]. Пальто на кучере было полузастегнуто, узел галстука торчал под самым ухом, а ремни упряжи выскочили из пряжек. Кучер едва успел остановить лошадей, как Ирэн выпорхнула из дверей виллы и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но и этого было довольно: очень миловидная женщина с таким лицом, в которое мужчины влюбляются до смерти. «Церковь святой Моники, Джон! — крикнула она.— Полгинеи, если доедете за двадцать минут!»

Это был случай, которого нельзя было упустить, Уотсон. Я уже начал раздумывать, что лучше: бежать за ней вслед или прицепиться к задку ландо, как вдруг на улице показался кэб. Кучер дважды посмотрел на такого неказистого седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо возразить. «Церковь святой Моники,— сказал я,— и полгинеи, если вы доедете за двадцать минут!» Было без двадцати пяти минут двенадцать, и, конечно, нетрудно было догадаться, в чем дело.

Мой кэб мчался стрелой. Не думаю, чтобы когда-нибудь я ехал быстрее, но экипаж и ландо со взмыленными лошадьми уже стояли у входа в церковь. Я рассчитался с кучером и взбежал по ступеням. В церкви не было ни души, кроме тех, за кем я следовал, да священника, который, по-видимому, обращался к ним с какими-то упреками. Все трое стояли перед алтарем. Я стал бродить по боковому приделу, как праздношатающийся, случайно зашедший в церковь. Внезапно, к моему изумлению, те трое обернулись ко мне, и Годфри Нортон со всех ног бросился в мою сторону.

«Слава богу! — закричал он.— Вас-то нам и нужно. Идемте! Идемте!»

«В чем дело?» — спросил я.

«Идите, идите, добрый человек, всего три минуты!»

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, еще не успев опомниться, я бормотал ответы, которые мне шептали в ухо, клялся в том, чего совершенно не знал, и вообще помогал бракосочетанию Ирэн Адлер, девицы, с Годфри Нортоном, холостяком.

---

[1] Ландо — открытая коляска, запряженная парой лошадей.

Все это совершилось в одну минуту, и вот джентльмен благодарит меня с одной стороны, леди — с другой, а священник так и сияет улыбкой. Это было самое нелепое положение, в каком я когда-либо находился; воспоминание о нем и заставило меня сейчас хохотать. По-видимому, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник наотрез отказался совершить обряд бракосочетания, если не будет свидетеля. Мое удачное появление в церкви избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного. Невеста дала мне гинею, и я собираюсь носить эту монету на часовой цепочке как память о своем приключении.

— Дело приняло весьма неожиданный оборот,— сказал я.— Что же будет дальше?

— Ну, я понял, что мои планы под серьезной угрозой. Похоже было на то, что молодожены собираются немедленно уехать, и потому с моей стороны требовались быстрые и энергичные действия. Однако у дверей церкви они расстались: он уехал в Темпл, она — к себе домой. «Я поеду кататься в парк, как всегда, в пять часов»,— сказала она, прощаясь с ним. Больше я ничего не слыхал. Они разъехались в разные стороны, а я вернулся, чтобы взяться за свои приготовления.

— В чем они заключаются?

— Немного холодного мяса и стакан пива,— ответил Холмс, дергая колокольчик.— Я был слишком занят и совершенно забыл о еде. Вероятно, сегодня вечером у меня будет еще больше хлопот. Кстати, доктор, мне понадобится ваше содействие.

— Буду очень рад.

— Вы не боитесь нарушать законы?

— Ничуть.

— И опасность ареста вас не пугает?

— Ради хорошего дела готов и на это.

— О, дело великолепное!

— В таком случае, я к вашим услугам.

— Я был уверен, что могу на вас положиться.

— Но что вы задумали?

— Когда миссис Тернер принесет ужин, я вам все объясню... Теперь,— сказал он, жадно накидываясь на скромную пищу, приготовленную нашей экономкой,— я должен во время еды обсудить с вами все дело, потому что времени

у меня осталось мало. Сейчас без малого пять часов. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирэн или, скорее, миссис, возвращается со своей прогулки в семь часов. Мы должны быть у Брайони-лодж, чтобы встретить ее.

— Что же дальше?

— А это предоставьте мне. Я уже подготовил то, что должно произойти. Я настаиваю только на одном: что бы ни случилось — не вмешивайтесь. Вы понимаете?

— Я должен быть нейтрален?

— Вот именно. Не делать ничего. Вероятно, получится небольшая неприятность. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня отнесут в дом. Через четыре или пять минут откроют окно гостиной. Вы должны стать поближе к этому открытому окну.

— Хорошо.

— Вы должны наблюдать за мною, потому что я буду у вас на виду.

— Хорошо.

— И когда я подниму руку — вот так,— вы бросите в комнату то, что я вам дам для этой цели, и в то же время закричите: «Пожар!» Вы меня понимаете?

— Вполне.

— Тут ничего нет опасного,— сказал он, вынимая из кармана сверток в форме сигары.— Это обыкновенная дымовая ракета, снабженная с обоих концов капсюлем, чтобы она сама собою воспламенялась. Вся ваша работа сводится к этому. Когда вы закричите «Пожар!», ваш крик будет подхвачен множеством людей, после чего вы можете дойти до конца улицы, а я нагоню вас через десять минут. Надеюсь, вы поняли?

— Я должен оставаться нейтральным, подойти поближе к окну, наблюдать за вами и по вашему сигналу бросить в окно этот предмет, затем поднять крик о пожаре и ожидать вас на углу улицы.

— Совершенно верно.

— Можете на меня положиться.

— Ну, и отлично. Пожалуй, мне пора уже начать подготовку к новой роли, которую придется сегодня играть.

Он скрылся в спальне и через несколько минут появился в виде любезного, простоватого священника. Его широкополая черная шляпа, мешковатые брюки, белый галстук, привлекательная улыбка и общее выражение благожелательного любопытства были бесподобны. Дело не только в том, что Холмс переменил костюм. Выражение его лица, манеры, самая душа, казалось, изменялись при каждой новой роли, которую ему приходилось играть. Сцена потеряла в его лице прекрасного актера, а наука — тонкого мыслителя, когда он стал специалистом по расследованию преступлений.

В четверть седьмого мы вышли из дому, и до назначенного часа оставалось десять минут, когда мы оказались на Серпантайн-авеню. Уже смеркалось, на улице только что зажглись фонари, и мы принялись расхаживать мимо Брайони-лодж, поджидая возвращения его обитателей. Дом был как раз такой, каким я его себе представлял по краткому описанию Шерлока Холмса, но местность оказалась далеко не такой безлюдной, как я ожидал. Наоборот: эта маленькая, тихая улица на окраине города буквально кишела народом. На одном углу курили и смеялись какие-то оборванцы, тут же был точильщик со своим колесом, два гвардейца, флиртовавших с нянькой, и несколько хорошо одетых молодых людей, расхаживавших взад и вперед с сигарами во рту.

— Видите ли,— заметил Холмс, когда мы бродили перед домом,— эта свадьба значительно упрощает все дело. Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Возможно, что Ирэн так же не хочется, чтобы фотографию увидел мистер Годфри Нортон, как не хочется нашему клиенту, чтобы она попалась на глаза его принцессе. Вопрос теперь в том, где мы найдем фотографию.

— Действительно, где?

— Совершенно невероятно, чтобы Ирэн носила ее при себе. Фотография кабинетного формата слишком велика, и ее не спрятать под женским платьем. Ирэн знает, что король способен заманить ее куда-нибудь и обыскать. Две попытки такого рода уже были сделаны. Значит, мы можем быть уверены, что с собой она фотографию не носит.

— Ну, а где же она ее хранит?

— У своего банкира или у своего адвоката. Возможно и то и другое, но я сомневаюсь и в том и в другом. Женщины по своей природе склонны к таинственности и любят окружать себя секретами. Зачем ей посвящать в свой секрет кого-нибудь другого? Она могла положиться на собственное умение хранить вещи, но вряд ли у нее была

уверенность, что деловой человек, если она вверит ему свою тайну, сможет устоять против политического или какого-нибудь иного влияния. Кроме того, вспомните, что она решила пустить в ход фотоснимок в ближайшие дни. Для этого нужно держать его под рукой. Фотоснимок должен быть в ее собственном доме.

— Но два раза взломщики перерыли дом.

— Чепуха! Они не знали, как надо искать.

— А как вы будете искать?

— Я не буду искать.

— А как же иначе?

— Я сделаю так, что Ирэн покажет его мне сама.

— Она откажется.

— В том-то и дело, что ей это не удастся... Но, я слышу, стучат колеса. Это ее карета. Теперь в точности выполняйте мои указания.

В эту минуту свет боковых фонарей кареты показался на повороте, и нарядное маленькое ландо подкатило к дверям Брайони-лодж. Когда экипаж остановился, один из бродяг, стоявших на углу, бросился открыть дверцы в надежде заработать медяк, но его оттолкнул другой бродяга, подбежавший с тем же намерением. Завязалась жестокая драка. Масла в огонь подлили оба гвардейца, ставшие на сторону одного из бродяг, и точильщик, который с такой же горячностью принялся защищать другого. В одно мгновение леди, вышедшая из экипажа, оказалась в свалке разгоряченных, дерущихся людей, которые дико лупили друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы защитить леди. Но, пробившись к ней, он вдруг испустил крик и упал на землю с залитым кровью лицом. Когда он упал, солдаты бросились бежать в одну сторону, оборванцы — в другую. Несколько прохожих более приличного вида, не принимавших участия в потасовке, подбежали, чтобы защитить леди и оказать помощь раненому. Ирэн Адлер, как я буду по-прежнему ее называть, взбежала по ступенькам, но остановилась на площадке и стала смотреть на улицу; ее великолепная фигура выделялась на фоне освещенной гостиной.

— Бедный джентльмен сильно ранен? — спросила она.

— Он умер,— ответило несколько голосов.

— Нет, нет, он еще жив! — крикнул кто-то.— Но он умрет раньше, чем вы его довезете до больницы.

— Вот смелый человек! — сказала какая-то женщина.— Если бы не он, они отобрали бы у леди и кошелек и часы. Их тут целая шайка, и очень опасная. А-а, он стал дышать!

— Ему нельзя лежать на улице... Вы позволите перенести его в дом, мадам?

— Конечно! Перенесите его в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайони-лодж и уложили в гостиной, между тем как я все еще наблюдал за происходившим со своего поста у окна. Лампы были зажжены, но шторы не были опущены, так что я мог видеть Холмса, лежащего на диване. Не знаю, упрекала ли его совесть за то, что он играл такую роль,— я же ни разу в жизни не испытывал более глубокого стыда, чем в те минуты, когда эта прелестная женщина, в заговоре против которой я участвовал, ухаживала с такой добротой и лаской за раненым. И все же было бы черной изменой, если бы я не выполнил поручения Холмса. С тяжелым сердцем я достал из-под моего пальто дымовую ракету. «В конце концов,— подумал я,— мы не причиняем ей вреда, мы только мешаем ей повредить другому человеку».

Холмс приподнялся на диване, и я увидел, что он делает движения, как человек, которому не хватает воздуха. Служанка бросилась к окну и широко распахнула его. В то же мгновение Холмс поднял руку; по этому сигналу я бросил в комнату ракету и крикнул: «Пожар!» Едва это слово успело слететь с моих уст, как его подхватила вся толпа. Хорошо и плохо одетые джентльмены, конюхи и служанки — все завопили в один голос: «Пожар!» Густые облака дыма клубились в комнате и вырывались через открытое окно. Я видел, как там, за окном, мечутся люди; мгновением позже послышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога.

Проталкиваясь сквозь толпу, я добрался до угла улицы. Через десять минут, к моей радости, меня догнал Холмс, взял под руку, и мы покинули место бурных событий. Некоторое время он шел быстро и не проронил ни единого слова, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведущих на Эджвер-род.

— Вы очень ловко это проделали, доктор,— заметил Холмс.— Как нельзя лучше. Все в порядке.

— Достали фотографию?

— Я знаю, где она спрятана.

— А как вы узнали?

— Ирэн мне сама показала, как я вам предсказывал.

— Я все же ничего не понимаю.

— Я не делаю из этого никакой тайны,— сказал он, смеясь.— Все было очень просто. Вы, наверно, догадались, что все эти зеваки на улице были моими сообщниками. Все они были наняты мною.

— Об этом-то я догадался.

— В руке у меня было немного влажной красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и предстал окровавленный... Старый прием.

— Это я тоже смекнул...

— Они вносят меня в дом. Ирэн Адлер вынуждена принять меня, что ей остается делать? Я попадаю в гостиную, в ту самую комнату, которая была у меня на подозрении. Фотография где-то поблизости, либо в гостиной, либо в спальне. Я твердо решил выяснить, где именно. Меня укладывают на кушетку, я притворяюсь, что мне не хватает воздуха. Они вынуждены открыть окно, и вы получаете возможность сделать свое дело.

— А что вы от этого выиграли?

— Очень много. Когда женщина думает, что у нее в доме пожар, инстинкт заставляет ее спасать то, что ей всего дороже. Это самый властный импульс, и я не раз извлекал из него пользу. В случае дарлингтоновского скандала я использовал его, также и в деле с арнсворским дворцом. Замужняя женщина спасает ребенка, незамужняя — шкатулку с драгоценностями. Теперь мне ясно, что для нашей леди в доме нет ничего дороже того, что мы ищем. Она бросилась спасать именно это. Пожарная тревога была отлично разыграна. Дыма и крика было достаточно, чтобы потрясти стальные нервы. Ирэн поступила точно так, как я ждал. Фотография находится в тайничке, за выдвижной дощечкой, как раз над шнурком от звонка. Ирэн в одно мгновение очутилась там, и я даже увидел краешек фотографии, когда она наполовину вытащила ее. Когда же я закричал, что это ложная тревога, Ирэн положила фотографию обратно, глянула мельком на ракету, выбежала из комнаты, и после этого я ее не видел. Я встал и, извинившись, выскользнул из дома. Мне хотелось сразу достать фотографию, но в комнату вошел кучер и начал зорко следить за мною, так что мне поневоле пришлось отложить свой налет до другого раза. Излишняя поспешность может погубить все.

— Ну, а дальше? — спросил я.

— Практически наши розыски закончены. Завтра я приду к Ирэн Адлер с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать. Нас попросят подождать в гостиной, но весьма вероятно, что, выйдя к нам, леди не найдет ни нас, ни фотографии. Возможно, что его величеству будет приятно своими собственными руками достать фотографию.

— А когда вы отправитесь туда?

— В восемь часов утра. Она еще будет в постели, так что нам обеспечена полная свобода действий. Кроме того, надо действовать быстро, потому что брак может полностью изменить ее быт и ее привычки. Я должен немедленно послать королю телеграмму.

Мы дошли до Бейкер-стрит и остановились у дверей нашего дома. Холмс искал в карманах свой ключ, когда какой-то прохожий сказал:

— Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!

На панели в это время было несколько человек, но приветствие, по-видимому, исходило от проходившего мимо стройного юноши в длинном пальто.

— Я где-то уже слышал этот голос,— сказал Холмс, оглядывая скудно освещенную улицу,— но не понимаю, черт возьми, кто бы это мог быть.

III

Эту ночь я спал на Бейкер-стрит. Мы сидели утром за кофе с гренками, когда в комнату стремительно вошел король Богемии.

— Вы действительно добыли фотографию? — воскликнул он, обнимая Шерлока Холмса за плечи и весело глядя ему в лицо.

— Нет еще.

— Но вы надеетесь ее достать?

— Надеюсь.

— В таком случае, идемте! Я сгораю от нетерпения.

— Нам нужна карета.

— Мой экипаж у дверей.

— Это упрощает дело.

Мы сошли вниз и снова направились к Брайони-лодж.

— Ирэн Адлер вышла замуж,— заметил Холмс.

— Замуж? Когда?

— Вчера.

— За кого?

— За английского адвоката, по имени Нортон.

— Но она, конечно, не любит его?

— Надеюсь, что любит.

— Почему вы надеетесь?

— Потому что это избавит ваше величество от всех будущих неприятностей. Если леди любит своего мужа, значит, она не любит ваше величество, и тогда у нее нет основания мешать планам вашего величества.

— Верно, верно. И все же... О, как я хотел бы, чтобы она была одного ранга со мною! Какая бы это была королева!

Он погрузился в угрюмое молчание, которого не прерывал, пока мы не выехали на Серпантайн-авеню.

Двери виллы Брайони-лодж были открыты, и на лестнице стояла пожилая женщина. Она с какой-то странной иронией смотрела на нас, пока мы выходили из экипажа.

— Мистер Шерлок Холмс? — спросила она.

— Да, я Шерлок Холмс,— ответил мой друг, смотря н нее вопрошающим и удивленным взглядом.

— Так и есть! Моя хозяйка предупредила меня, что вы, вероятно, зайдете. Сегодня утром, в пять часов пятнадцать минут, она уехала со своим мужем на континент с Черингкросского вокзала.

— Что?! — Шерлок Холмс отшатнулся назад, бледный, от огорчения и неожиданности.— Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

— Да. Навсегда.

— А бумаги? — хрипло спросил король.— Все потеряно!

— Посмотрим! — Холмс быстро прошел мимо служанки и бросился в гостиную.

Мы с королем следовали за ним. Вся мебель в комнате была беспорядочно сдвинута, полки стояли пустые, ящики были раскрыты — видно, хозяйка второпях рылась в них, перед тем как пуститься в бегство.

Холмс бросился к шнурку звонка, отодвинул маленькую выдвижную планку и, засунув в тайничок руку, вытащил фотографию и письмо. Это была фотография Ирэн Адлер в вечернем платье, а на письме была надпись: «*Мистеру Шерлоку Холмсу. Вручить ему, когда он придет*».

Мой друг разорвал конверт, и мы все трое принялись читать письмо. Оно было датировано минувшей ночью, и вот что было в нем написано:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, вы действительно великолепно все это разыграли. На первых порах я отнеслась к вам с доверием. До пожарной тревоги у меня не было никаких подозрений. Но затем, когда я поняла, как выдала себя, я не могла не задуматься. Уже несколько месяцев назад меня предупредили, что если король решит прибегнуть к агенту, он, конечно, обратится к вам. Мне дали ваш адрес. И все же вы заставили меня открыть то, что вы хотели узнать. Несмотря на мои подозрения, я не хотела дурно думать о таком милом, добром, старом священнике... Но вы знаете, я сама была актрисой. Мужской костюм для меня не новость. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Я послала кучера Джона следить за вами, а сама побежала наверх, надела мой костюм для прогулок, как я его называю, и спустилась вниз, как раз когда вы уходили. Я следовала за вами до ваших дверей и убедилась, что мною действительно интересуется знаменитый Шерлок Холмс. Затем я довольно неосторожно пожелала вам доброй ночи и поехала в Темпл, к мужу.

Мы решили, что, поскольку нас преследует такой сильный противник, лучшим спасением будет бегство. И вот, явившись завтра, вы найдете гнездо опустевшим. Что касается фотографии, то ваш клиент может быть спокоен: я люблю человека, который лучше его. Человек этот любит меня. Король может делать все, что ему угодно, не опасаясь препятствий со стороны той, кому он причинил столько зла. Я сохраняю у себя фотографию только ради моей безопасности, ради того, чтобы у меня осталось оружие, которое защитит меня в будущем от любых враждебных шагов короля. Я оставляю здесь другую фотографию, которую ему, может быть, будет приятно сохранить у себя, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, преданная вам Ирэн Нортон, урожденная Адлер».

— Что за женщина, о, что за женщина! — воскликнул король Богемии, когда мы все трое прочитали это послание.— Разве я не говорил вам, что она находчива, умна и предприимчива? Разве она не была бы восхитительной королевой? Разве не жаль, что она не одного ранга со мной?

— Насколько я узнал эту леди, мне кажется, что она действительно совсем другого уровня, чем ваше величество,— холодно сказал Холмс.— Я сожалею, что не мог довести дело вашего величества до более удачного завершения.

— Наоборот, дорогой сэр! — воскликнул король.— Большей удачи не может быть. Я знаю, что ее слово нерушимо. Фотография теперь так же безопасна, как если бы она была сожжена.

— Я рад слышать это от вашего величества.

— Я бесконечно обязан вам. Пожалуйста, скажите мне, как я могу вознаградить вас? Это кольцо...

Он снял с пальца изумрудное кольцо и поднес его на ладони Холмсу.

— У вашего величества есть нечто еще более ценное для меня,— сказал Холмс.

— Вам стоит только указать.

— Эта фотография.

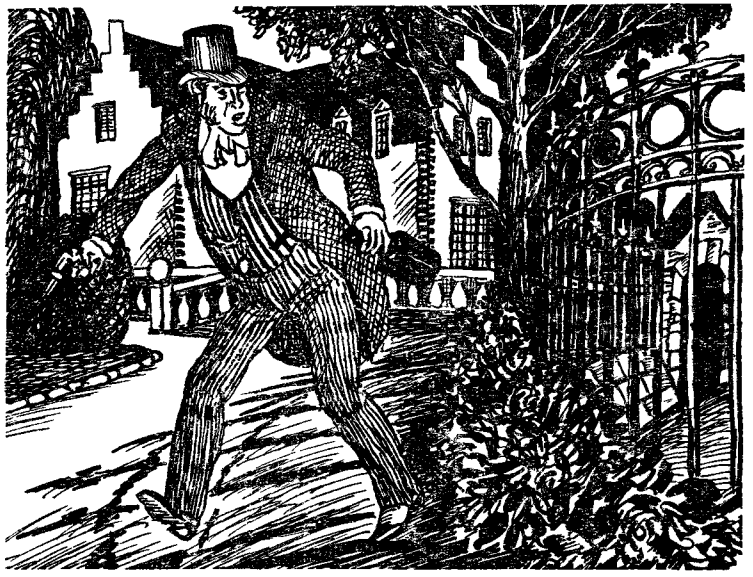
Король посмотрел на него с изумлением.

— Фотография Ирэн?! — воскликнул он.— Пожалуйста, если она вам нужна.

— Благодарю, ваше величество. В таком случае, с этим делом покончено. Имею честь пожелать вам всего лучшего.

Холмс поклонился и, не замечая руки, протянутой ему королем, вместе со мною отправился домой.

Вот рассказ о том, как в королевстве Богемии чуть было не разразился очень громкий скандал и как хитроумные планы мистера Шерлока Холмса были разрушены мудростью женщины. Холмс вечно подшучивал над женским умом, но за последнее время я уже не слышу его издевательств. И когда он говорит об Ирэн Адлер или вспоминает ее фотографию, то всегда произносит, как почетный титул: «Эта Женщина».

Пять зернышек апельсина

Когда я просматриваю мои заметки о Шерлоке Холмсе за годы от 1882 до 1890, я нахожу так много удивительно интересных дел, что просто не знаю, какие выбрать. Однако одни из них уже известны публике из газет, а другие не дают возможности показать во всем блеске те своеобразные качества, которыми мой друг обладал в такой высокой степени. Все же одно из этих дел было так замечательно по своим подробностям и так неожиданно по результатам, что мне хотелось бы рассказать о нем, хотя с ним связаны такие обстоятельства, которые, по всей вероятности, никогда не будут полностью выяснены.

1887 год принес длинный ряд более или менее интерес-

ных дел. Все они записаны мною. Среди них — рассказ о «Парадол-чэмбер», Общество Нищих-любителей, которое имело роскошный клуб в подвальном этаже большого мебельного магазина: отчет о фактах, связанных с гибелью британского судна «Софи Эндерсон»; рассказ о странных приключениях Грайса Петерсона на острове Юффа и, наконец, записки, относящиеся к Кемберуэльскому делу об отравлении. В последнем деле Шерлоку Холмсу удалось путем исследования механизма часов, найденных на убитом, доказать, что часы были заведены за два часа до смерти и поэтому покойный лег спать в пределах этого времени,— вывод, который помог обнаружить преступника.

Все эти дела я, может быть, опишу когда-нибудь позже, но ни одно из них не обладает такими своеобразными чертами, как те необычайные события, которые я намерен сейчас изложить.

Был конец сентября, и осенние бури свирепствовали с неслыханной яростью. Целый день завывал ветер, и дождь барабанил в окна так, что даже здесь, в самом сердце огромного Лондона, мы невольно отрывались на миг от привычного течения жизни и ощущали присутствие грозных сил разбушевавшейся стихии. К вечеру буря разыгралась сильнее; ветер в трубе плакал и всхлипывал, как ребенок.

Шерлок Холмс был мрачен. Он расположился у камина и приводил в порядок свою картотеку преступлений, а я, сидя против него, так углубился в чтение прелестных морских рассказов Кларка Рассела, что завывание бури слилось в моем сознании с текстом, а шум дождя стал казаться мне рокотом морских волн.

Моя жена гостила у тетки, и я на несколько дней устроился в нашей старой квартире на Бейкер-стрит.

— Послушайте,— сказал я, взглянув на Холмса,— это звонок. Кто же может прийти сегодня? Кто-нибудь из ваших друзей?

— Кроме вас, у меня нет друзей,— ответил Холмс.— А гости ко мне не ходят.

— Может быть, клиент?

— Если так, то дело должно быть очень серьезное. Что другое заставит человека выйти на улицу в такой день и в такой час? Но, скорее всего, это какая-нибудь кумушка, приятельница нашей квартирной хозяйки.

Однако Холмс ошибся, потому что послышались шаги в прихожей и стук в нашу дверь.

Холмс протянул свою длинную руку и повернул лампу от себя так, чтобы осветить пустое кресло, предназначенное для посетителя.

— Войдите! — сказал он.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, изящно одетый, с некоторой изысканностью в манерах. Зонт, с которого бежала вода, и блестевший от дождя длинный непромокаемый плащ свидетельствовали об ужасной погоде. Вошедший тревожно огляделся, и при свете лампы я увидел, что лицо его бледно, а глаза полны беспокойства, как у человека, внезапно охваченного большой тревогой.

— Я должен перед вами извиниться,— произнес он, поднося к глазам золотой лорнет.— Надеюсь, вы не сочтете меня навязчивым... Боюсь, что я принес в вашу уютную комнату некоторые следы бури и дождя.

— Дайте мне ваш плащ и зонт,— сказал Холмс.— Они могут повисеть здесь, на крючке, и быстро высохнут. Я вижу, вы приехали с юго-запада.

— Да, из Хоршема.

— Смесь глины и мела на носках ваших ботинок очень характерна для этих мест.

— Я пришел к вам за советом.

— Его легко получить.

— И за помощью.

— А вот это не всегда так легко.

— Я слышал о вас, мистер Холмс. Я слышал от майора Прендергаста, как вы спасли его от скандала в клубе Тэнкервилл.

— А-а, помню. Он был ложно обвинен в нечистой картежной игре.

— Он сказал мне, что вы можете во всем разобраться.

— Он чересчур много мне приписывает.

— По его словам, вы никогда не знали поражений.

— Я потерпел поражение четыре раза. Три раза меня побеждали мужчины и один раз женщина.

— Но что это значит в сравнении с числом ваших успехов?

— Да, обычно у меня бывают удачи.

— В таком случае, вы добьетесь успеха и в моем деле.

— Прошу вас придвинуть ваше кресло к камину и сообщить мне подробности дела.

— Дело мое необыкновенное.

— Обыкновенные дела ко мне не попадают. Я высшая апелляционная инстанция.

— И все же, сэр, я сомневаюсь, чтобы вам приходилось за все время вашей деятельности слышать о таких непостижимых и таинственных происшествиях, как те, которые произошли в моей семье.

— Вы меня очень заинтересовали,— сказал Холмс.— Пожалуйста, сообщите нам для начала основные факты, а потом я расспрошу вас о тех деталях, которые покажутся мне наиболее существенными.

Молодой человек придвинул кресло и протянул мокрые ноги к пылающему камину.

— Меня зовут Джон Опеншоу,— сказал он.— Но, насколько я понимаю, мои личные дела мало связаны с этими ужасными событиями. Это какое-то наследственное дело, и поэтому, чтобы дать вам представление о фактах, я должен вернуться к самому началу всей истории...

У моего деда было два сына: мой дядя, Элиас, и мой отец, Джозеф. Мой отец владел небольшой фабрикой в Ковентри. Ему удалось расширить ее, когда началось производство велосипедов. Отец изобрел особо прочные шины «Опеншоу», и его предприятие пошло очень успешно, так что когда отец в конце концов продал свою фирму, он удалился на покой вполне обеспеченным человеком.

Мой дядя Элиас в молодые годы эмигрировал в Америку и стал плантатором во Флориде, где, как говорили, дела его шли очень хорошо. Во времена войны [1] он сражался в армии Джексона, а затем под командованием Гуда и достиг чина полковника. Когда Ли сложил оружие [2], мой дядя возвратился на свою плантацию, где прожил три или четыре года. В 1869 или 1870 году он вернулся в Европу и арендовал небольшое поместье в Сассексе, вблизи Хоршема. В Соединенных Штатах он нажил большой капитал и покинул Америку, так как питал отвращение к неграм и был недоволен республиканским правительством, освободившим их от рабства. Дядя был странный человек — жестокий и вспыльчивый. При всякой вспышке гнева он изрыгал страшные ругательства. Жил он одиноко и чуждался людей. Сомневаюсь, чтобы в течение всех лет, прожитых под Хоршемом, он хоть раз побывал в городе. У него был сад, лужайки вокруг дома, и там он прогуливался, хотя часто неделями не покидал своей комнаты. Он много пил и много курил, но избегал общения с людьми и не знался даже с собственным братом. А ко мне он, пожалуй, даже привязался, хотя впервые мы увиделись, когда мне было около двенадцати лет. Это произошло в 1878 году. К тому времени дядя уже восемь или девять лет прожил в Англии. Он уговорил моего отца, чтобы я переселился к нему, и был ко мне по-своему очень добр. В трезвом виде он любил играть со мной в кости и в шашки. Он доверил мне все дела с прислугой, с торговцами, так что к шестнадцати годам я стал полным хозяином в доме. У меня хранились все ключи, мне позволялось ходить куда угодно и делать все что вздумается при одном условии: не нарушать уединения дяди. Но было все же одно странное исключение: на чердаке находилась комната, постоянно запертая, куда дядя не разрешал заходить ни мне, ни кому-либо другому. Из мальчишеского любопытства я заглядывал в замочную скважину, но ни разу не увидел ничего, кроме старых сундуков и узлов.

Однажды — это было в марте 1883 года — на столе перед прибором дяди оказалось письмо с иностранной маркой. Дядя почти никогда не получал писем, потому что покупки он всегда оплачивал наличными, а друзей у него не было.

«Из Индии,— сказал он, беря письмо.— Почтовая марка Пондишерри! Что это может быть?»

Дядя поспешно разорвал конверт; из него выпало пять сухих зернышек апельсина, которые выкатились на его тарелку. Я было рассмеялся, но улыбка застыла у меня на губах, когда я взглянул на дядю. Его нижняя губа отвисла, глаза выкатились из орбит, лицо стало серым; он смотрел на конверт, который продолжал держать в дрожащей руке.

[1] Гражданская война Южных и Северных штатов (1861—1865), окончившаяся победой северян над рабовладельческим Югом.

[2] Генерал Ли командовал Южной армией. Джексон и Гуд — генералы этой армии.

«К.К.К.»! — воскликнул он.— Боже мой, боже мой! Вот расплата за мои грехи!»

«Что это, дядя?» — спросил я.

«Смерть»,— сказал он, встал из-за стола и ушел в свою комнату, оставив меня в недоумении и ужасе.

Я взял конверт и увидел, что на внутренней его стороне красными чернилами была три раза написана буква «К». В конверте не было ничего, кроме пяти сухих зернышек апельсина. Почему дядю охватил такой ужас?

Я вышел из-за стола и взбежал по лестнице наверх. Навстречу мне спускался дядя. В одной руке у него был старый, заржавевший ключ, по-видимому от чердачного помещения, а в другой — небольшая шкатулка из латуни.

«Пусть они делают что хотят, я все-таки им не сдамся! — проговорил он с проклятием.— Скажи Мэри, чтобы затопила камин в моей комнате, и пошла за Фордхэмом, хоршемским юристом».

Я сделал все, как он велел. Когда приехал юрист, меня позвали в комнату дяди. Пламя ярко пылало, а на решетке камина толстым слоем лежал пепел, по-видимому, от сожженной бумаги. Рядом стояла открытая пустая шкатулка. Взглянув на нее, я невольно вздрогнул, так как заметил на внутренней стороне крышки тройное «К» — точно такое же, какое я сегодня утром видел на конверте.

«Я хочу, Джон,— сказал дядя,— чтобы ты был свидетелем при составлении завещания. Я оставляю свое поместье моему брату, твоему отцу, от которого оно несомненно, перейдет к тебе. Если ты сможешь мирно пользоваться им, тем лучше! Если же ты убедишься, что это невозможно, то последуй моему совету, мой мальчик, и отдай поместье своему злейшему врагу. Мне очень грустно, что приходится оставлять тебе такое наследство, но я не знаю, какой оборот примут дела. Будь любезен, подпиши бумагу в том месте, какое тебе укажет мистер Фордхэм».

Я подписал бумагу, как мне было указано, и юрист взял ее с собой.

Этот странный случай произвел на меня, как вы понимаете, очень глубокое впечатление, и я все время думал о нем, не находя объяснений. Я не мог отделаться от смутного чувства страха, хотя оно притуплялось по мере того, как шли недели и ничто не нарушало привычного течения жизни. Правда, я заметил перемену в моем дяде.

Он пил больше прежнего и стал еще более нелюдимым. Большую часть времени он проводил запершись в своей комнате. Но иногда в каком-то пьяном бреду он выбегал из дому, слонялся по саду с револьвером в руке и кричал, что никого не боится и не даст ни человеку, ни дьяволу зарезать себя, как овцу. Однако когда эти горячечные припадки проходили, он сразу бежал домой и запирался в комнате на ключ и на засовы, как человек, охваченный непреодолимым страхом. Во время таких припадков его лицо даже в холодные дни блестело от пота, как будто он только что вышел из бани.

Чтобы покончить с этим, мистер Холмс, и не злоупотреблять вашим терпением, скажу только, что однажды настала ночь, когда он совершил одну из своих пьяных вылазок, после которой уже не вернулся. Мы отправились на розыски. Он лежал ничком в маленьком, заросшем тиной пруде, расположенном в глубине нашего сада. На теле не было никаких признаков насилия, а воды в пруде было не больше двух футов. Поэтому суд присяжных, принимая во внимание чудачества дяди, признал причиной смерти самоубийство. Но я, знавший, как его пугала самая мысль о смерти, не мог убедить себя, что он добровольно расстался с жизнью. Как бы то ни было, дело на этом и кончилось, и мой отец вступил во владение поместьем и четырнадцатью тысячами фунтов, которые лежат на его текущем счете в банке...

— Позвольте,— прервал его Холмс.— Ваше сообщение, как я вижу, одно из самых интересных, каких я когда-либо слышал. Укажите мне дату получения вашим дядей письма и дату его предполагаемого самоубийства.

— Письмо пришло десятого марта 1883 года. Он погиб через семь недель, в ночь на второе мая.

— Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

— Когда отец вступил во владение хоршемской усадьбой, он по моему настоянию произвел тщательный осмотр чердачного помещения, которое всегда было заперто. Мы нашли там латунную шкатулку. Все ее содержимое было уничтожено. Ко внутренней стороне крышки была приклеена бумажная этикетка с тремя буквами «К» и подписью внизу: «Письма, записи, расписки и реестр». Как мы полагаем, эти слова указывали на характер бумаг, уничтоженных полковником Опеншоу. Кроме этого, на

чердаке не было ничего существенного, если не считать огромного количества разбросанных бумаг и записных книжек, касавшихся жизни дяди в Америке. Некоторые из них относились ко времени войны и свидетельствовали о том, что дядя хорошо выполнял свой долг и заслужил репутацию храброго солдата. Другие бумаги относились к эпохе преобразования Южных штатов и по большей части касались политических вопросов, так как дядя, очевидно, играл большую роль в оппозиции.

Так вот, в начале 84 года отец поселился в Хоршеме, и все шло у нас как нельзя лучше до 85 года. Четвертого января, когда мы все сидели за завтраком, отец внезапно вскрикнул от изумления. В одной руке он держал только что вскрытый конверт, а на протянутой ладони другой руки — пять сухих зернышек апельсина. Он всегда смеялся над тем, что он называл «небылицами насчет полковника», а теперь и сам испугался, когда получил такое же послание.

«Что бы это могло значить, Джон?» — пробормотал он.

Мое сердце окаменело.

«Это «К. К. К.»,— ответил я.

Отец заглянул внутрь конверта.

«Да, здесь те же буквы. Но что это написано под ними?»

«Положите бумаги на солнечные часы»,— прочитал я, заглянув ему через плечо.

«Какие бумаги? Какие солнечные часы?» — спросил он.

«Солнечные часы в саду, других здесь нет. Но бумаги, должно быть, те, которые уничтожены».

«Черт возьми! — сказал он.— Мы живем в цивилизованной стране и не можем принимать всерьез такую чушь. Откуда это письмо?»

«Из Данди»,— ответил я, взглянув на почтовый штемпель.

«Чья-нибудь нелепая шутка,— сказал он.— Какое мне дело до солнечных часов и бумаг? Нечего и обращать внимания на этакий вздор!»

«Я бы сообщил полиции»,— сказал я.

«Чтобы меня высмеяли? И не подумаю».

«Тогда позвольте мне это сделать».

«Ни в коем случае. Я не хочу поднимать шум из-за таких пустяков».

Уговаривать отца было бы напрасным трудом, потому что он был очень упрям. А меня охватили тяжелые предчувствия.

На третий день после получения письма отец поехал навестить своего старого друга, майора Фрибоди, который командует одним из фортов Портсдаун-Хилла. Я был рад, что он уехал, так как мне казалось, что вне дома он дальше от опасности. Однако я ошибся. На второй день после его отъезда я получил от майора телеграмму, в которой он умолял меня немедленно приехать. Отец упал в один из глубоких меловых карьеров, которыми изобилует местность, и лежал без чувств, с раздробленным черепом. Я поспешил к нему, но он умер, не приходя в сознание. По-видимому, он возвращался из Фэрхема в сумерки. А так как местность ему незнакома и меловые шахты не огорожены, суд присяжных, не колеблясь, вынес решение: «Смерть от несчастного случая».

Я тщательно изучил все факты, связанные с его смертью, но не мог обнаружить ничего, что наводило бы на мысль об убийстве. Не было признаков насилия, не было никаких следов на земле, не было ограбления, не было посторонних лиц на дорогах. И все же излишне говорить вам, что я не находил покоя и был почти уверен, что отец мой попал в расставленные кем-то сети.

При таких трагических обстоятельствах я вступил в права наследства. Вы спросите меня, почему я не отказался от него? Отвечу вам: я был убежден, что наши несчастья каким-то образом связаны с давними событиями в жизни моего дяди и что опасность будет мне угрожать одинаково в любом доме.

Мой бедный отец скончался в январе 85 года; с тех пор прошло два года и восемь месяцев. Все это время я мирно прожил в Хоршеме и начал уже надеяться, что это проклятье не тяготеет больше над нашей семьей, что оно рассеялось после гибели старшего поколения. Однако я слишком рано успокоился. Вчера утром меня постиг удар в той же самой форме, в какой он постиг моего отца...

Молодой человек достал из кармана смятый конверт и, повернувшись к столу, высыпал на скатерть пять маленьких сухих зернышек апельсина.

— Вот конверт,— продолжал он.— Почтовый штемпель — Лондон, Восточный район. Внутри те же самые слова, которые были в письме, полученном моим отцом: «К. К. К.», а затем: «Положите бумаги на солнечные часы».

— Что вы сделали? — спросил Холмс.

— Ничего.

— Ничего?

— По правде говоря,— он опустил лицо на тонкие белые руки,— я почувствовал себя беспомощным, как жалкий кролик, к которому приближается змея. По-видимому, я во власти какой-то непреодолимой и неумолимой силы, от которой не могут спасти никакие предосторожности.

— Что вы! Что вы! — воскликнул Шерлок Холмс.— Вы должны действовать, иначе вы погибнете. Только энергия может спасти вас. Теперь не время предаваться отчаянию.

— Я был в полиции.

— Ну, и?..

— Но там с улыбкой выслушали мой рассказ. Я убежден, что инспектор считает эти письма чьей-то шуткой, а смерть моих родных, как и установил суд присяжных,— несчастным случаем, никак не связанным с этими предупреждениями.

Холмс потряс в воздухе сжатыми кулаками.

— Невероятная тупость! — воскликнул он.

— Все же ко мне прикомандировали полицейского, который все время дежурит в моем доме.

— Он пришел с вами сейчас?

— Нет, ему приказано находиться при доме.

Холмс снова потряс в воздухе кулаками.

— Зачем вы пришли ко мне? — спросил он.— И главное, почему вы не пришли ко мне сразу?

— Я не знал. Только сегодня я говорил о моих опасениях с майором Прендергастом, и он посоветовал мне обратиться к вам.

— Ведь уже два дня, как вы получили письмо. Вам следовало начать действовать раньше. У вас нет, я полагаю, других данных, кроме тех, которые вы мне сообщили? Нет каких-либо наводящих подробностей, которые могли бы нам помочь?

— Есть одна вещь,— сказал Джон Опеншоу. Он по-

шарил в кармане пальто и, вынув кусок выцветшей синей бумаги, положил его на стол.— Мне помнится,— сказал он,— что в день, когда дядя жег бумаги, маленькие несгоревшие полоски, лежавшие среди пепла, были такого же цвета. Этот лист я нашел на полу дядиной комнаты и склонен думать, что это одна из бумаг, которая случайно отлетела от остальных и таким образом избежала уничтожения. Кроме упоминания зернышек, я не вижу в этой бумаге ничего, что могло бы нам помочь. Я думаю, что это страница дневника. Почерк, несомненно, дядин.

Холмс повернул лампу, и мы оба нагнулись над листом бумаги, неровные края которого свидетельствовали о том, что лист был вырван из книги. Наверху была надпись: «Март 1869 года», а внизу следующие загадочные заметки:

4-го. Гудзон явился. Прежняя платформа.
7-го. Посланы зернышки Мак-Коули, Парамору и Джону Свейну из Сент-Августина.
9-го. Мак-Коули убрался.
10-го. Джон Свейн убрался.
12-го. Посетили Парамора. Все в порядке.

— Благодарю вас,— сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее нашему посетителю.— Теперь вы не должны терять ни минуты. Мы даже не можем тратить время на обсуждение того, что вы мне сообщили. Вы должны немедленно вернуться домой и действовать.

— Что я должен делать?

— Есть только одно дело, и оно должно быть выполнено немедленно. Вы должны положить бумагу, которую только что нам показали, в латунную шкатулку, описанную вами. Вы должны приложить записку и в ней сообщить, что все остальные бумаги были сожжены вашим дядей и остался только этот лист. Вы должны заявить это словами, внушающими доверие. Написав такое письмо, немедленно поставьте шкатулку на диск солнечных часов, как вам указано. Вы понимаете?

— Вполне понимаю.

— Не думайте в настоящее время о мести или о чем-либо подобном. Я полагаю, что этого мы могли бы добиться законным путем, но ведь нам еще предстоит сплести свою сеть, тогда как их сеть уже сплетена. Прежде всего надо отстранить непосредственную опасность, угрожающую вам.

А затем уже выяснить это таинственное дело и наказать виновных.

— Благодарю вас,— сказал молодой человек, вставая и надевая плащ.— Вы вернули мне жизнь и надежду. Я поступлю так, как вы мне советуете.

— Не теряйте ни минуты. И главное, берегите себя, так как не может быть сомнения, что вам угрожает весьма реальная и большая опасность. Каким путем вы думаете вернуться домой?

— Поездом, с вокзала Ватерлоо.

— Еще нет девяти часов. На улицах будет очень людно, так что, я надеюсь, вы будете в безопасности. И все же вы должны очень остерегаться врагов.

— Я вооружен.

— Это хорошо. Завтра я примусь за ваше дело.

— Значит, я увижу вас в Хоршеме?

— Нет, секрет вашего дела — в Лондоне, и здесь я буду его искать.

— В таком случае, я приду к вам через день или два и сообщу все, что будет выяснено насчет шкатулки и бумаг. Я в точности выполню все ваши советы.

Он пожал нам руки и простился.

Ветер по-прежнему завывал и дождь стучал в окна. Казалось, этот странный рассказ навеян обезумевшей стихией, занесен к нам, как морская трава заносится бурей, и теперь снова поглощен ею.

Холмс сидел некоторое время молча, опустив голову и устремив взгляд на красное пламя камина. Затем он закурил трубку и, откинувшись на спинку кресла, стал следить за синими кольцами дыма, которые нагоняли друг друга под потолком.

— Я думаю, Уотсон,— заметил он наконец,— что в нашей практике не было более опасного и фантастического дела.

— Но вы составили себе определенное представление о характере этих опасностей? — спросил я.

— Здесь не может быть сомнения относительно их характера,— ответил он.

— Но в чем дело? Кто этот К. К. К. и почему он преследует несчастную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза и, опершись на подлокотники кресла, соединил концы пальцев.

— Истинный мыслитель,— заметил он,— увидев один-единственный факт во всей полноте, может вывести из него не только всю цепь событий, приведших к нему, но также и все последствия, вытекающие из него. Как Кювье [1] мог правильно описать целое животное на основании одной кости, так и наблюдатель, основательно изучивший одно звено в серии событий, должен быть в состоянии точно установить все остальные звенья — и предшествующие, и последующие. Но чтобы довести искусство мышления до высшей точки, необходимо, чтобы мыслитель мог использовать все установленные факты, а для этого ему нужны самые обширные познания. Если мне не изменяет память, вы в ранние дни нашей дружбы очень точно определили границы моих знаний.

— Да,— ответил я, смеясь,— это был необыкновенный документ. Я помню, что философия, астрономия и политика стояли под знаком нуля. Познания в ботанике — колеблющиеся, в геологии — глубокие, поскольку дело касается пятен грязи из любого района в пределах пятидесяти миль вокруг Лондона; в химии — эксцентрические; в анатомии — разрозненные; в области уголовной литературы и судебных отчетов — исключительные; при этом скрипач, боксер, владеет шпагой, юрист, отравляет себя кокаином и табаком. Таковы были главнейшие пункты моего анализа.

Холмс усмехнулся при последних словах.

— Что ж, я говорю сейчас, как говорил и тогда, что человек должен обставить чердачок своего мозга всем, что ему, вероятно, понадобится, а остальные знания он должен сложить в чулан при своей библиотеке, откуда может достать их в случае надобности. Для такого дела, какое было предложено нам сегодня вечером, мы, конечно, должны мобилизовать все доступные нам ресурсы. Дайте мне, пожалуйста, том на букву «К» из Американской энциклопедии. Он стоит на полке, которая рядом с вами. Благодарю вас. Теперь обсудим все обстоятельства и посмотрим, какой можно сделать из них вывод. Начать мы должны с предположения, что у полковника Опеншоу были весьма серьезные причины, заставившие его покинуть Америку. В его

[1] Кювье (1769—1832) — знаменитый французский ученый, положивший начало палеонтологии (наука об ископаемых животных).

годы люди не склонны нарушать все свои привычки и добровольно отказываться от прелестного климата Флориды ради уединенной жизни в английском провинциальном городке. Его крайнее пристрастие к уединению в Англии подсказывает мысль, что он боялся кого-то или чего-то. Поэтому мы можем принять как рабочую гипотезу, что то был страх перед кем-то или чем-то, что заставило его покинуть Америку. О том, чего именно он боялся, мы можем судить только на основании зловещих писем, которые получали он и его наследники. Вы заметили почтовые штемпели этих писем?

— Первое было из Пондишерри, второе — из Данди и третье — из Лондона.

— Из Восточного Лондона! Какой вы можете сделать отсюда вывод?

— Это все океанские порты. По-видимому, писавший находился на борту корабля.

— Великолепно! У нас уже есть ключ. Вероятно, весьма вероятно, что писавший письма находился на борту корабля. А теперь посмотрим на это дело с другой стороны. В случае с Пондишерри прошло семь недель между угрозой и ее выполнением. В случае с Данди между угрозой и выполнением прошло всего три-четыре дня. Это вас наводит на какую-нибудь мысль?

— Большее расстояние, которое надо было в первом случае преодолеть.

— Но ведь письмо тоже должно было пройти большое расстояние.

— Тогда я не понимаю, в чем дело.

— Есть основание предполагать, что судно, на котором находится этот человек — или, может быть, их несколько,— парусное судно. Похоже на то, что они всегда посылали свои странные предупреждения или знаки перед тем, как отправиться на выполнение своего дела. Вы видите, как быстро дело последовало за предупреждением, посланным из Данди. Если бы они ехали из Пондишерри пароходом, они прибыли бы почти одновременно с письмом. Но прошло семь недель. Я думаю, что семь недель представляют разницу между скоростью почтового парохода, доставившего письмо, и скоростью парусника, доставившего автора письма.

— Это возможно.

— Это более чем возможно. Это вероятно. Теперь вы видите смертельную опасность в нашем последнем деле и понимаете, почему я настаивал, чтобы молодой Опеншоу был осторожен. Удар всегда настигал к концу срока, который нужен был отправителям письма, чтобы пройти расстояние на паруснике. Но ведь это письмо послано из Лондона, и поэтому мы не можем рассчитывать на отсрочку!

— Боже мой! — воскликнул я.— Что значит это беспощадное преследование?

— Очевидно, бумаги, увезенные Опеншоу, представляют жизненный интерес для человека или людей, находящихся на паруснике. Полагаю, что там не один человек. Один человек не мог бы совершить два убийства таким образом, чтобы ввести в заблуждение судебное следствие. В этом должно было участвовать несколько человек, притом изобретательных и решительных. Свои бумаги они решили получить, в чьих бы руках те ни находились. Таким образом, вы видите что «К. К. К.» перестают быть инициалами человека, а становятся знаком целого общества.

— Но какого общества?

— Вы никогда не слышали о Ку-клукс-клане? — сказал Шерлок Холмс, нагибаясь и понижая голос.

— Никогда не слышал.

Холмс перелистал страницы тома, лежавшего у него на коленях:

— Вот что здесь говорится: «Ку-клукс-клан — название, происходящее от сходства со звуком взводимого затвора винтовки. Это ужасное тайное общество было создано бывшими солдатами Южной армии после гражданской войны и быстро образовало местные отделения в различных штатах, главным образом в Теннессии, в Луизиане, в обеих Каролинах, в Джорджии и Флориде. Это общество использовало свои силы в политических целях, главным образом для того, чтобы терроризировать негритянских избирателей, а также для убийства или изгнания из страны тех, кто противился его взглядам. Их преступлениям обычно предшествовало предупреждение, посылаемое намеченному лицу в фантастической, но широко известной форме: в некоторых частях страны — дубовые листья, в других — семена дыни или зернышки апельсина. Получив это предупреждение, человек должен был либо открыто

отречься от прежних взглядов. Либо покинуть страну. Если он не обращал внимания на предупреждение, его неизменно постигала смерть, обычно странная и непредвиденная. Общество было так хорошо организовано и его методы были настолько продуманны, что едва ли известен хоть один случай, когда человеку удалось безнаказанно пренебречь предупреждением или когда были раскрыты виновники злодеяния. Несколько лет организация процветала, несмотря на усилия правительства Соединенных Штатов и прогрессивных кругов Юга. В 1869 году движение неожиданно прекратилось, хотя отдельные вспышки расовой ненависти наблюдались и позже...»[1] Заметьте,— сказал Холмс, откладывая том энциклопедии,— что внезапное прекращение деятельности общества совпало с отъездом из Америки Опеншоу, когда он увез с собой бумаги этой организации. Весьма возможно, что тут налицо и причина и следствие. Не приходится удивляться, что за молодым Опеншоу и его семьей следят беспощадные люди. Вы понимаете, что эта опись и дневники могут опорочить виднейших деятелей Юга и что многие не заснут спокойно, пока эти бумаги не будут у них в руках?

— Значит, страница, которую мы видели...

— Такая, какую можно было ожидать. Если мне не изменяет память, там было написано: «Посланы зернышки А. Б. В.» — то есть послали им предупреждение. Затем последовательно идут записи, что А и Б убрались, то есть покинули страну, и что В навестили. Боюсь, это плохо кончилось для В. Я думаю, доктор, нам удастся пролить некоторый свет на это темное дело. А тем временем единственное спасение для молодого Опеншоу — действовать так, как я ему посоветовал. Сегодня ничего больше мы не *можем ни сказать, ни сделать... Передайте мне мою скрипку,* и попытаемся на полчаса забыть отвратительную погоду и еще более отвратительные поступки людей.

К утру буря стихла, и солнце тускло светило сквозь

[1] Американская энциклопедия, на которую ссылается Холмс, сообщила читателю неверные сведения: террористическая фашистская организация в США Ку-клукс-клан никогда не прекращала своей позорной деятельности и свирепствует и поныне, преследуя главным образом негров, революционно настроенных рабочих и прогрессивных общественных деятелей.

туманный покров, нависший над Лондоном. Шерлок Холмс уже завтракал, когда я спустился вниз.

— Извините, что я начал без вас,— сказал он.— Я предвижу, что мне придется много поработать по делу молодого Опеншоу.

— Какие шаги вы собираетесь предпринять? — спросил я.

— Это в значительной степени зависит от результатов моих первых расследований. Может быть, мне придется еще съездить в Хоршем.

— Вы не собираетесь прежде всего поехать туда?

— Нет, я начну с Сити. Позвоните, и служанка принесет нам кофе.

В ожидании кофе я взял со стола газету и стал бегло просматривать ее. Я увидел заголовок, от которого у меня похолодело сердце.

— Холмс,— воскликнул я,— вы опоздали!

— А-а! — сказал он, отставляя чашку.— Я опасался, что так и будет. Как это произошло? — Он говорил спокойно, но я видел, что он глубоко взволнован.

Мне бросилось в глаза имя Опеншоу и заголовок: «Трагедия у моста Ватерлоо». Вот что было написано:

«Вчера между девятью и десятью вечера констебль[1] Кук, дежуривший у моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск воды. Однако ночь была очень темная, бушевала буря, так что, несмотря на смелые попытки *нескольких прохожих, оказалось невозможным спасти* тонувшего. Был дан сигнал тревоги, и с помощью речной полиции тело удалось найти. Это был молодой джентльмен, имя которого, как видно по конверту, найденному в его кармане, Джон Опеншоу, проживавший вблизи Хоршема. Предполагают, что он спешил к последнему поезду, отходившему со станции Ватерлоо, и что в спешке при исключительной темноте сбился с дороги и шагнул через край одной из маленьких пристаней речного пароходства. На теле не было обнаружено следов насилия, и не может быть сомнения в том, что покойный оказался жертвой несчастного случая; это должно заставить власти обратить внимание на состояние речных пристаней».

[1] Констебль — полицейский.

Несколько минут мы сидели молча. Я никогда не видел Холмса таким угнетенным.

— Это наносит удар моему самолюбию,— сказал он наконец.— Бесспорно, самолюбие мелкое чувство, но с этим ничего не поделаешь. Теперь это становится для меня личным делом, и если бог пошлет мне здоровье, я выловлю всю банду. Он пришел ко мне за помощью, и я же послал его на смерть!

Он вскочил со стула, зашагал по комнате с пылающим румянцем на бледном лице, нервно сжимая и разжимая свои длинные, тонкие пальцы.

— Хитрые дьяволы! — выкрикнул он наконец.— Как им удалось заманить его туда, вниз, к реке? Набережная не лежит по дороге к станции. На мосту, конечно, даже в такую ночь было слишком людно. Ну, Уотсон, посмотрим, кто в конечном счете победит. Сейчас я пойду!

— В полицию?

— Нет, я сам буду полицией. Я сплету паутину, и пусть тогда полиция ловит в нее мух, но не раньше.

Весь день я был занят своей медицинской практикой и вернулся на Бейкер-стрит поздно вечером. Шерлок Холмс еще не приходил. Было почти десять часов, когда он вошел, бледный и усталый. Он подошел к буфету и, отломив кусок хлеба, стал жадно жевать его, запивая большими глотками воды.

— Проголодались? — заметил я.

— Умираю от голода. Совершенно забыл поесть. С утреннего завтрака у меня не было во рту ни крошки.

— Ничего?

— Ни крошки. Мне некогда было об этом думать.

— А как ваши успехи?

— Хороши.

— Вы нашли ключ?

— Они у меня в руках. Молодой Опеншоу недолго останется неотмщенным. Знаете, Уотсон, поставим на них их собственное дьявольское клеймо! Разве это плохо придумано?

— Что вы хотите сказать?

Он взял из буфета апельсин, разделил его на дольки и выдавил на стол зернышки. Из них он взял пять и положил в конверт. На внутренней стороне конверта он написал: «Ш. Х. за Д. О.». Затем он запечатал конверт и адресовал

его: «Капитану Джеймсу Келгуну, парусник «Одинокая звезда», Саванна, Джорджия».

— Письмо будет ждать Келгуна, когда он войдет в порт,— сказал Холмс, тихо смеясь.— Это ему обеспечит бессонную ночь. Я уверен, что он сочтет письмо вестником той же судьбы, какая постигла Опеншоу.

— А кто этот капитан Келгун?

— Вожак всей шайки. Я доберусь и до других, но он будет первым.

— Как вы его обнаружили?

Он достал из кармана большой лист бумаги, сплошь исписанный датами и именами.

— Я провел весь день над ллойдовскими журналами и связками старых бумаг, прослеживая дальнейшую судьбу каждого корабля, прибывавшего в Пондишерри в январе и феврале 83 года. За эти месяцы было отмечено тридцать шесть судов значительного водоизмещения; из них одно судно, «Одинокая звезда», сразу привлекло мое внимание, так как местом отправления указан был Лондон, между тем «Одинокая звезда» — это прозвище одного из штатов Америки.

— Кажется, Техаса.

— Я не был в этом уверен, не уверен и сейчас. Но я знал, что это судно должно быть американского происхождения.

— И что же?

— Я просмотрел записи прихода и ухода судов в Данди, и когда я обнаружил, что парусник «Одинокая звезда» был там в январе 85 года, мои подозрения обратились в уверенность. Тогда я навел справки относительно судов, находящихся в настоящее время в Лондонском порту.

— И что же?

— «Одинокая звезда» прибыла сюда на прошлой неделе. Я спустился к докам Альберта и узнал, что сегодня утром с ранним приливом «Одинокая звезда» ушла вниз по реке, чтобы последовать обратно в Саванну. Я телеграфировал в Гревзенд и узнал, что «Одинокая звезда» прошла там недавно, и так как ветер восточный, я не сомневаюсь, что она уже миновала Гудуин и находится недалеко от острова Уайт.

— Что же вы теперь сделаете?

— О, Келгун теперь в моих руках! Он и два матроса,

как я узнал,— единственные американцы на корабле. Все остальные финны и немцы. Я знаю также, что прошлую ночь все трое провели не на судне. Это мне сказал грузчик, который работал на погрузке «Одинокой звезды». Прежде чем парусник достигнет Саванны, почтовый пароход доставит мое письмо, а телеграф сообщит полиции в Саванне, что эти три джентльмена крайне нужны здесь в связи с обвинением их в убийстве.

Однако в самых лучших человеческих планах всегда оказывается какая-нибудь трещина, и убийцам Джона Опеншоу не суждено было получить зернышки апельсина, которые показали бы им, что другой человек, такой же хитрый и решительный, как они, напал на их след.

В том году равноденственные штормы были очень продолжительны и жестоки. Мы долго ждали из Саванны вестей об «Одинокой звезде», но так и не дождались. Наконец мы узнали, что где-то далеко, в Атлантике, видели разбитую корму корабля, залитую волной; на ней были вырезаны буквы «О. З.». Это все, что суждено было нам узнать о судьбе «Одинокой звезды».

Человек с рассеченной губой

Айза Уитни приучился курить опий[1]. Еще в колледже, прочитав книгу де Куинси, в которой описываются сны и ощущения курильщика опия, он начал подмешивать опий к своему табаку, чтобы пережить то, что пережил этот писатель. Как и многие другие, он скоро убедился, что начать курить гораздо легче, чем бросить, и в продолжение многих лет был рабом своей страсти, внушая сожаление и ужас всем своим друзьям. Я так и вижу перед собой его желтое, одутловатое лицо, его глаза с набрякшими веками и сузившимися зрачками, его тело, бессильно лежащее в кресле,— жалкие развалины человека.

[1] Опий, или опиум,— наркотик, приготовленный из маковых зерен.

Однажды вечером, в июне 1889 года, как раз в то время, когда начинаешь уже зевать и посматривать на часы, в квартире моей раздался звонок. Я выпрямился в кресле, а жена, опустив свое шитье на колени, недовольно поморщилась.

— Пациент! — сказала она.— Тебе придется идти к больному.

Я вздохнул, потому что незадолго до этого вернулся домой после целого дня утомительной работы.

Мы услышали шум отворяемой двери и чьи-то торопливые шаги в коридоре. Дверь нашей комнаты распахнулась, и вошла дама в темном платье, с черной вуалью на лице.

— Извините, что я ворвалась так поздно,— начала она и вдруг, потеряв самообладание, бросилась к моей жене, обняла ее и зарыдала у нее на плече.— Ох, у меня такое горе! — воскликнула она.— Мне так нужна помощь!

— Да ведь это Кэт Уитни,— сказала жена, приподняв ее вуаль.— Как ты испугала меня, Кэт! Мне и в голову не пришло, что это ты.

— Я обращаюсь к тебе, потому что не знаю, что делать.

Это было обычным явлением. Люди, с которыми случалась беда, устремлялись к моей жене, как птицы к маяку.

— И правильно поступила. Садись поудобнее, выпей вина с водой и рассказывай, что случилось. Может быть, ты хочешь, чтобы я отправила Джеймса спать?

— О нет, нет! От доктора я тоже жду совета и помощи. Дело идет об Айзе. Вот уже два дня, как его нет дома. Я так боюсь за него!

Не в первый раз беседовала она с нами о своем несчастном муже — со мной как с доктором, а с женой как со своей старой школьной подругой. Мы утешали и успокаивали ее как могли. Знает ли она, где находится ее муж? Нельзя ли съездить за ним и привезти его домой?

Оказалось, что это вполне возможно. Ей было известно, что за последнее время он обычно курил опий в притоне, который находился на одной из восточных улиц Сити. До сих пор его оргии всегда ограничивались одним днем и к вечеру он возвращался домой в полном изнеможении, совершенно разбитый, но на этот раз он отсутствует уже сорок восемь часов и, конечно, лежит там среди всяких подозрительных личностей, вдыхая яд или отсыпаясь после

курения. Она была убеждена, что он находился именно там, в «Золотом самородке» на Эппер-Суондем-лейн. Но что она может сделать? Как может она, молодая, застенчивая, робкая женщина, войти в такое место и вырвать своего мужа из толпы подонков?

Не пойти ли нам с ней вместе? Впрочем, зачем ей идти? Я лечил Айзу Уитни и, как доктор, мог повлиять на него. Без нее мне будет легче справиться с ним. Я дал ей слово, что в течение ближайших двух часов усажу ее мужа в кэб и отправлю домой, если он действительно находится в «Золотом самородке».

Через десять минут, покинув уютную гостиную, я уже мчался в экипаже на восток. Я знал, что мне предстоит довольно необычное дело, но в действительности оно оказалось еще более странным, чем я ожидал.

Сначала все шло хорошо. Эппер-Суондем-лейн — грязный переулок, расположенный позади высоких верфей, которые тянутся на восток вдоль северного берега реки, вплоть до Лондонского моста. Притон, который я разыскивал, находился в подвале между грязной лавкой и кабаком; в эту черную дыру, как в пещеру, вели крутые ступени. Посередине каждой ступеньки образовалась ложбинка — такое множество пьяных ног спускалось и поднималось по ним.

Приказав кэбу подождать, я спустился вниз. При свете мигающей керосиновой лампочки, висевшей над дверью, я отыскал щеколду и вошел в длинную низкую комнату, полную густого коричневого дыма; вдоль стен тянулись деревянные нары, как на баке эмигрантского корабля.

Сквозь мрак я не без труда разглядел безжизненные тела, лежащие в странных, фантастических позах: со сгорбленными плечами, с поднятыми коленями, с запрокинутыми головами, с торчащими вверх подбородками. То там, то тут замечал я темные, потухшие глаза, бессмысленно уставившиеся на меня. Среди тьмы вспыхивали крохотные красные огоньки, тускневшие по мере того, как уменьшалось количество яда в маленьких металлических трубках. Большинство лежали молча, но иные бормотали что-то себе под нос, а иные вели беседы странными низкими монотонными голосами, то возбуждаясь и торопясь, то внезапно смолкая, причем никто не слушал своего собеседника — всякий был поглощен лишь собственными мыслями. В са-

мом дальнем конце подвала стояла маленькая жаровня с пылающими углями, возле которой на трехногом стуле сидел высокий, худой старик, опустив подбородок на кулаки, положив локти на колени и неподвижно глядя в огонь.

Как только я вошел, ко мне кинулся смуглый малаец, протянул мне трубку, порцию опия и показал свободное место на нарах.

— Спасибо, я не могу здесь остаться,— сказал я.— Здесь находится мой друг, мистер Айза Уитни. Мне нужно поговорить с ним.

Справа от меня что-то шевельнулось, я услышал чье-то восклицание и, вглядевшись во тьму, увидел Уитни, который пристально смотрел на меня, бледный, угрюмый и какой-то встрепанный.

— Боже, да это Уотсон! — проговорил он.

Он находился в состоянии самой плачевной реакции после опьянения.

— Который теперь час, Уотсон?

— Скоро одиннадцать.

— А какой нынче день?

— Пятница, девятнадцатое июня.

— Неужели? А я думал, что еще среда. Нет, сегодня среда. Признайтесь, что вы пошутили. И что вам за охота пугать человека!

Он закрыл лицо ладонями и зарыдал.

— Говорю вам, что сегодня пятница. Ваша жена ждет вас уже два дня. Право, вам должно быть стыдно!

— Я и стыжусь. Но вы что-то путаете, Уотсон, я здесь всего несколько часов. Три трубки... четыре трубки... забыл сколько! Но я поеду с вами домой. Я не хочу, чтобы Кэт волновалась... Бедная маленькая Кэт! Дайте мне руку. Есть у вас кэб?

— Есть. Ждет у дверей.

— В таком случае, я уеду сейчас же. Но я им должен. Узнайте, сколько я должен, Уотсон. Я совсем рязмяк и ослабел. Нет сил даже расплатиться.

По узкому проходу между двумя рядами спящих, задерживая дыхание, чтобы не вдыхать одуряющих паров ядовитого зелья, я отправился разыскивать хозяина. Поравнявшись с высоким стариком, сидевшим у жаровни, я почувствовал, что меня кто-то дергает за пиджак, и услышал шепот:

— Пройдите мимо меня, а потом оглянитесь.

Эти слова я расслышал вполне отчетливо. Их мог произнести только находившийся рядом со мною старик. Однако у него по-прежнему был такой вид, будто он погружен в себя и ничего кругом не замечает. Он сидел тощий, сморщенный, согбенный под тяжестью лет; трубка с опием висела у него между колен, словно вывалившись из его обессиленных пальцев. Я сделал два шага вперед и оглянулся. Мне понадобилось все мое самообладание, чтобы не вскрикнуть от удивления. Он повернулся так, что лица его не мог видеть никто, кроме меня. Спина его выпрямилась, морщины разгладились, в тусклых глазах появился их обычный блеск. Возле огня сидел, посмеиваясь над моим удивлением, не кто иной, как Шерлок Холмс. Он сделал мне украдкой знак, чтобы я подошел к нему, и опять превратился в дрожащего старика с отвислой губой.

— Холмс! — прошептал я.— Что делаете вы в этом притоне?

— Говорите как можно тише,— прошептал он,— у меня превосходный слух. Если вы избавитесь от вашего ошалелого друга, я буду счастлив немного побеседовать с вами.

— Меня за дверью ждет кэб.

— Так отправьте вашего друга домой одного в этом кэбе. Вы можете за него не бояться, так как он слишком слаб, чтобы впутаться в какой-нибудь скандал. Будет лучше всего, если вы пошлете с кучером записку вашей жене, что вы встретили меня и остались со мной. Подождите меня на улице, я выйду через пять минут.

Трудно отказать Шерлоку Холмсу: его требования всегда так определенны и точны и выражены таким повелительным тоном. К тому же я чувствовал, что как только я усажу Уитни в кэб, я уже выполню все свои обязательства по отношению к нему и мне уже ничто не помешает принять участие в одном из тех необычайных приключений, которые составляли повседневную практику моего знаменитого друга.

Помогать Шерлоку Холмсу в его изысканиях было для меня наивысшим счастьем. Поэтому я тотчас же написал записку жене, заплатил за Уитни, усадил его в кэб и стал терпеливо ждать неподалеку от дома. Кэб сразу же скрылся во мраке. Через несколько минут из курильни вышел

старик, и я зашагал за ним по улице. Два квартала он прошел не разгибая спины и неуверенно шаркая старческими ногами. Потом торопливо оглянулся, выпрямился и от души захохотал. Предо мною был Шерлок Холмс.

— Вероятно, Уотсон,— сказал он,— вы вообразили, что я пристрастился к курению опия.

— По правде сказать, я действительно был удивлен, когда увидел вас в этой трущобе.

— И все же я удивился еще больше, чем вы, когда увидел в этой трущобе вас.

— Я искал там друга.

— А я — врага.

— Врага?

— Да. Короче говоря, Уотсон, я занят чрезвычайно любопытным делом и надеялся узнать кое-что из бессвязной болтовни очумелых курильщиков опия. Прежде мне это иногда удавалось. Если бы меня узнали в той трущобе, жизнь моя не стоила бы медяка, так как я уже бывал там не раз и негодяй ласкар, хозяин притона, поклялся расправиться со мною. На задворках этого дома, возле верфи святого Павла, есть потайная дверца, которая могла бы порассказать много диковинных историй, о том, что выбрасывают через нее в черные, безлунные ночи.

— Неужели трупы?

— Да, Уотсон, трупы. Мы с вами были бы миллионерами, если бы получили по тысяче фунтов за каждого несчастного, убитого в этом притоне. Это самая страшная ловушка на всем берегу реки, и я опасаюсь, что Невилл Сент-Клер, попавший в нее, никогда не вернется домой. Но мы тоже устроим ловушку.

Шерлок Холмс сунул два пальца в рот и резко свистнул. Тотчас же издалека донесся такой же свист, а затем мы услышали грохот колес и стук копыт.

— Ну что же, Уотсон,— сказал Холмс, когда из темноты вынырнула двуколка с двумя фонарями, бросавшими яркие полосы света,—поедете вы со мною?

— Если буду вам полезен...

— Верный товарищ всегда полезен. В моей комнате в «Кедрах» имеются две кровати.

— В «Кедрах»?

— Да. Так называется дом мистера Сент-Клера. Я буду жить в его доме, пока не распутаю это дело.

— Где же этот дом?

— В Кенте, неподалеку от Ли. Нам нужно проехать семь миль.

— Ничего не понимаю.

— Вполне естественно. Сейчас я вам все объясню. Садитесь... Хорошо, Джон, вы нам больше не нужны. Вот вам полкроны. Ждите меня завтра часов в одиннадцать. Дайте мне вожжи. Прощайте.

Он хлестнул лошадь, и мы понеслись по бесконечным темным, пустынным улицам и наконец очутились на каком-то широком мосту, под которым медленно текли мутные воды реки. За мостом были такие же улицы с кирпичными домами; тишина этих улиц нарушалась только тяжелыми размеренными шагами полицейских да песнями и криками запоздалых гуляк.

Черные тучи медленно ползли по небу, и в разрывах между ними то там, то здесь тускло мерцали звезды. Холмс молча правил лошадью, в глубокой задумчивости опустив голову на грудь, а я сидел рядом с ним, стараясь отгадать, что занимает его мысли, и не смея прервать его раздумье. Мы проехали несколько миль и уже пересекали пояс пригородных вилл, когда он наконец очнулся, передернул плечами и закурил трубку.

— Вы наделены великим талантом молчания, Уотсон,— сказал он.— Благодаря этой способности вы незаменимый товарищ. Однако сейчас мне нужен человек, с которым я мог бы поболтать, чтобы разогнать неприятные мысли. Представления не имею, что я скажу этой маленькой милой женщине, когда она встретит меня на пороге.

— Вы забываете, что я ничего не знаю.

— У меня как раз хватит времени рассказать вам все, пока мы доедем до Ли. Дело кажется до смешного простым, а между тем я не знаю, как за него взяться. Нитей много, но ни за одну из них я не могу ухватиться как следует. Я расскажу вам все, Уотсон, и, быть может, вам удастся найти хоть искру света в окружающем мраке.

— Рассказывайте.

— Несколько лет назад — точнее, в мае 1884 года — в Ли появился джентльмен по имени Невилл Сент-Клер, который, видимо, имел много денег. Он снял большую виллу, разбил вокруг нее прекрасный сад и зажил на широкую ногу, по-барски. Мало-помалу он подружился

с соседями и в 1887 году женился на дочери местного пивовара, от которой теперь имеет уже двоих детей. Определенных занятий у него нет, но он принимает участие в нескольких коммерческих предприятиях и обычно каждое утро ездит в город, возвращаясь оттуда с поездом 5.14. Мистеру Сент-Клеру теперь тридцать семь лет. Живет он скромно; он хороший муж и любящий отец; люди, встречавшиеся с ним, отзываются о нем превосходно. Могу еще прибавить, что долгов у него всего восемьдесят восемь фунтов десять шиллингов, а в банке на его текущем счету двести двадцать фунтов стерлингов. Следовательно, нет оснований предполагать какие-нибудь денежные затруднения.

В прошлый понедельник мистер Невилл Сент-Клер отправился в город раньше обычного, сказав перед отъездом, что у него два важных дела и что он привезет своему сынишке коробку с кубиками. Случайно в тот же самый понедельник, вскоре после его отъезда, жена его получила телеграмму, что на ее имя в Эбердинском пароходном обществе получена небольшая, но весьма ценная посылка, которую она ожидала уже давно. Если вы хорошо знаете Лондон, вам известно, что контора этого пароходного общества помещается на Фресно-стрит, которая упирается в Эппер-Суондем-лейн, где вы нашли меня сегодня вечером. Миссис Сент-Клер позавтракала, отправилась в город, сделала кое-какие покупки, заехала в контору общества, получила там свою посылку и в четыре часа тридцать пять минут шла по Суондем-лейн, направляясь к вокзалу... До сих пор вам все ясно, не правда ли?

— Конечно, здесь нет ничего непонятного.

— Если помните, в понедельник было очень жарко, и миссис Сент-Клер шла медленно, поглядывая, нет ли где кэба, так как ей очень не понравился район города, в котором она очутилась. И вот, идя по Суондем-лейн, она внезапно услышала крик и вся похолодела, увидев своего мужа, который смотрел на нее из окна второго этажа какого-то дома и, как ей показалось, жестами звал ее к себе. Окно было раскрыто, и она ясно разглядела лицо мужа, показавшееся ей чрезвычайно взволнованным. Он протянул к ней обе руки и вдруг исчез так внезапно, будто его насильно оттащили от окна. Однако ее зоркий женский взгляд успел заметить, что, хотя он одет в тот же черный

пиджак, в котором он уехал из дому, на нем нет ни воротничка, ни галстука.

Уверенная, что с мужем случилась беда, она сбежала вниз по ступенькам (дом был тот самый, в котором помещается трущоба, где вы нашли меня нынче вечером) и, пробежав через переднюю комнату, попыталась подняться по лестнице, ведущей в верхние этажи. Но у лестницы она наткнулась на негодяя ласкара, о котором я вам сейчас говорил. Ласкар с помощью своего подручного выставил ее на улицу. У него есть подручный, датчанин. Обезумев от ужаса, она побежала по улице и, к счастью, на Фресно-стрит встретила полицейских, которые совершали обход во главе с инспектором.

Инспектор с двумя констеблями последовал за миссис Сент-Клер, и, несмотря на упорное сопротивление хозяина, им удалось проникнуть в ту комнату, в окне которой она видела мужа. Но здесь его не оказалось. Во всем этаже не нашли никого, кроме какого-то калеки отвратительной внешности, который, видимо, там и живет. И он и ласкар упорно клялись, что тут никого больше не было. Они так решительно все отрицали, что инспектор стал было уже сомневаться, не ошиблась ли миссис Сент-Клер, как вдруг она с криком кинулась к небольшому деревянному ящичку, стоявшему на столе, и сорвала с него крышку. Из ящичка посыпались детские кубики. То была игрушка, которую ее муж обещал привезти из города.

Эта находка и внезапное смущение калеки убедили инспектора в серьезности дела. Комнаты были тщательно обысканы, и обыск привел к открытию гнусного преступления.

Убранство этой квартиры, конечно, убогое. Передняя комната представляет собою что-то вроде гостиной, а рядом с ней помещается небольшая спальня, окно которой выходит на задворки одной из верфей. Между верфью и окном спальни есть узкий канал, который высыхает во время отлива, а во время прилива наполняется водой на четыре с половиной фута. Окно в спальне широкое и открывается снизу.

При осмотре были обнаружены на подоконнике следы крови; несколько кровавых пятен нашли также и на деревянном полу. За шторой в передней комнате удалось обнаружить всю одежду мистера Невилла Сент-Клера.

Не было только его пиджака. Его ботинки, его носки, его шляпа, его часы — все оказалось тут. На одежде не нашли никаких следов насилия. Но сам мистер Невилл Сент-Клер бесследно исчез. Исчезнуть он мог только через окно, и зловещие кровавые пятна на подоконнике ясно указывали, что вряд ли ему удалось спастись вплавь, тем более что в тот час, когда совершалась трагедия, прилив достиг наивысшего уровня.

Теперь обратимся к негодяям, на которых падает подозрение. Ласкар известен как человек с темным прошлым, но из рассказа миссис Сент-Клер мы знаем, что через несколько мгновений после появления ее мужа в окне он находился внизу, и, следовательно, его можно считать лишь соучастником преступления. Он отрицает всякую свою причастность к этому делу. По его словам, у него нет ни малейшего представления о том, чем вообще занимается его жилец, Хью Бун. Появление в комнате одежды пропавшего джентльмена — для него полнейшая загадка.

Вот все, что известно о хозяине-ласкаре. Теперь обратимся к угрюмому калеке, который живет во втором этаже над притоном и безусловно является последним человеком, видевшим Невилла Сент-Клера. Его зовут Хью Бун, и его безобразное лицо хорошо знает всякий, кому приходится часто бывать в Сити. Он профессиональный нищий; впрочем, для того чтобы обойти полицейские правила, он делает вид, будто продает восковые спички.

Как вы, вероятно, не раз замечали, на левой стороне Трэд-Нидл-стрит есть ниша. В этой нише сидит калека, поджав ноги и разложив у себя на коленях несколько спичечных коробков; вид его вызывает сострадание, и дождь милостыни так и льется в грязную кожаную кепку, которая лежит перед ним на мостовой. Я не раз наблюдал за ним, еще не предполагая, что нам когда-нибудь придется познакомиться с ним, как с преступником, и всегда удивлялся тому, какую обильную жатву он собирает в самое короткое время. У него такая незаурядная внешность, что никто не может пройти мимо, не обратив на него внимания. Оранжево-рыжие волосы, бледное лицо, изуродованное чудовищным шрамом, нижний конец которого рассек надвое верхнюю губу, бульдожий подбородок и проницательные темные глаза, цвет которых представляет такой резкий контраст

с цветом его волос,— все это выделяет его из серой толпы попрошаек. У него всегда наготове едкая шутка для каждого, кто, проходя мимо, попытается задеть его насмешливым словом.

Таков обитатель верхнего этажа этой подозрительной курильни... После него никто уже не видел джентльмена, которого мы разыскиваем.

— Но ведь он калека! — сказал я.— Как мог он один совладать с сильным, мускулистым молодым человеком?

— У него искалечена только нога, и он слегка прихрамывает на ходу, вообще же он здоровяк и силач. Вы, Уотсон, как медик, конечно, знаете, что часто слабость одной конечности возмещается необычайной силой других.

— Пожалуйста, рассказывайте дальше.

— При виде крови на подоконнике миссис Сент-Клер стало дурно, и ее отправили домой в сопровождении полицейского, тем более что для дальнейшего расследования ее присутствие не было необходимо. Инспектор Бартон, принявший на себя ведение этого дела, тщательно обыскал весь притон, но не нашел ничего нового. Сделали ошибку: не арестовали Буна в первую же минуту и тем самым предоставили ему возможность в течение нескольких минут обменяться двумя-тремя словами со своим другом, ласкаром. Однако ошибка эта была скоро исправлена: Буна схватили и обыскали. Но обыск не дал никаких улик против него. Правда, на правом рукаве его рубашки оказались следы крови, но он показал полицейским свой безымянный палец, на котором был порез возле самого ногтя, и прибавил, что следы крови на подоконнике, вероятно, являются следствием того же пореза, так как он подходил к окну, когда у него из пальца шла кровь. Он упорно утверждал, что никогда не видел мистера Сент-Клера, и клялся, что присутствие одежды этого джентльмена у него в комнате — такая же тайна для него, как и для полиции. А когда ему передали, что миссис Сент-Клер видела своего мужа в окне его комнаты, он сказал, что это ей либо почудилось в припадке безумия, либо просто приснилось. Буна отвели в участок. Он громко протестовал. Инспектор остался поджидать отлива, надеясь обнаружить на дне канала какие-нибудь новые улики. И действительно, в липкой грязи, на самом дне, нашли кое-что, но совсем не то, что они с таким страхом ожидали найти. Когда отхлы-

нула вода, они обнаружили в канале не самого Невилла Сент-Клера, а лишь пиджак Невилла Сент-Клера. И как вы думаете, что они нашли в карманах пиджака?

— Представить себе не могу.

— Я и не думаю, чтобы вы могли угадать. Все карманы были набиты монетами в пенни и в полпенни — четыреста двадцать одно пенни и двести семьдесят полпенни. Неудивительно, что отлив не унес пиджака. А вот труп — дело другое. Между домом и верфью очень сильное течение. Вполне допустимо, что труп был унесен в реку, в то время как тяжеловесный пиджак остался на дне.

— Но, если не ошибаюсь, всю остальную одежду нашли в комнате. Неужели на трупе был один лишь пиджак?

— Нет, сэр, но этому можно найти объяснение. Предположим, что Бун выбросил Невилла Сент-Клера через окно и этого никто не видел. Что стал бы он делать дальше? Естественно, что первым долгом он попытался бы избавиться от одежды, которая могла его выдать. Он берет пиджак, хочет выбросить его за окно, но тут ему приходит в голову, что пиджак не потонет, а поплывет. Он страшно торопится, ибо слышит суматоху на лестнице, слышит, как жена Сент-Клера требует, чтобы ее пустили к мужу, да вдобавок, быть может, его сообщник ласкар предупреждает его о приближении полиции. Нельзя терять ни минуты. Он кидается в укромный угол, где спрятаны плоды его нищенства, и набивает карманы пиджака первыми попавшимися под руку монетами. Затем он выбрасывает пиджак и хочет выбросить остальные вещи, но слышит шум шагов на лестнице и перед появлением полиции едва успевает захлопнуть окно.

— Это правдоподобно.

— Примем это как рабочую гипотезу, за неимением лучшего... Бун, как я вам уже говорил, был арестован и приведен в участок. Прежняя его жизнь, в сущности, безупречна. Правда, в продолжение многих лет он был известен как профессиональный нищий, но жил спокойно и ни в чем дурном замечен не был.

Вот в каком положении находится все это дело в настоящее время. Как видите, по-прежнему остаются нерешенными вопросы о том, что делал Невилл Сент-Клер в этой курильне опия, что там с ним случилось, где он теперь и какое отношение имеет Хью Бун к его исчезновению.

Должен признаться, что не помню случая в моей практике, который на первый взгляд казался бы таким простым и был бы в действительности таким трудным.

Пока Шерлок Холмс рассказывал мне подробности этих удивительных происшествий, мы миновали предместье огромного города, оставили позади последние дома и покатили по дороге, с обеих сторон которой тянулись деревенские плетни. Как раз к тому времени, как мы очутились в деревне, весь его рассказ был закончен. Кое-где в окнах мерцали огни.

— Мы въезжаем в Ли,— сказал мой приятель.— За время нашего небольшого путешествия мы побывали в трех графствах Англии: выехали из Миддлсекса, пересекли угол Сэрри и приехали в Кент. Видите те огоньки между деревьями? Это «Кедры». Там возле лампы сидит женщина, настороженный слух которой несомненно уже уловил стук копыт нашей лошади.

— Отчего, ведя это дело, вы живете тут, а не на Бейкер-стрит? — спросил я.

— Оттого, что многое приходится расследовать здесь... Миссис Сант-Клер любезно предоставила в мое распоряжение две комнаты, и можете быть уверены, что она будет рада оказать гостеприимство моему другу, помогающему мне в моих розысках. О, как тяжело мне встречаться с ней, Уотсон, пока я не могу сообщить ей ничего нового о ее муже! Приехали. Тпру!..

Мы остановились перед большой виллой, окруженной садом. Передав лошадь выбежавшему нам навстречу конюху, мы с Холмсом пошли к дому по узенькой дорожке, посыпанной гразием. При нашем приближении дверь распахнулась, и у порога появилась маленькая белокурая женщина в светлом шелковом платье с отделкой из пышного розового шифона. Одной рукой она держалась за дверь, а другую подняла в нетерпении; нагнувшись вперед, полураскрыв губы, жадно глядя на нас, она, казалось, всем своим обликом спрашивала, что нового мы ей привезли.

— Ну? — громко спросила она.

Заметив, что нас двое, она радостно вскрикнула, но крик этот превратился в стон, когда товарищ мой покачал головой и пожал плечами.

— Узнали что-нибудь хорошее?

— Нет.

— А дурное?

— Тоже нет.

— И то слава богу. Но входите же. У вас был трудный день, вы, наверно, устали.

— Это мой друг, доктор Уотсон. Он был чрезвычайно полезен мне во многих моих расследованиях, и, по счастливой случайности, мне удалось привезти его сюда, чтобы воспользоваться его помощью в наших поисках.

— Рада вас видеть,— сказала она, приветливо пожимая мне руку.— Боюсь, что вам покажется у нас неуютно. Ведь вы знаете, какой удар внезапно обрушился на нашу семью...

— Сударыня,— сказал я,— я отставной солдат, привыкший к походной жизни, но, право, если бы даже я не был солдатом, вам не в чем было бы извиняться передо мною. Буду счастлив, если мне удастся принести пользу вам или моему другу.

— Мистер Шерлок Холмс,— сказала она, вводя нас в ярко освещенную столовую, где нас поджидал холодный ужин,— я хочу задать вам несколько откровенных вопросов и прошу вас ответить на них так же прямо и откровенно.

— Извольте, сударыня.

— Не щадите моих чувств. Со мной не бывает ни истерик, ни обмороков. Я хочу знать ваше настоящее, подлинное мнение.

— О чем?

— Верите ли вы в глубине души, что Невилл жив?

Шерлок Холмс, видимо, был смущен этим вопросом.

— Говорите откровенно,— повторила она, стоя на ковре и пристально глядя Холмсу в лицо.

— Говоря откровенно, сударыня, не верю.

— Вы думаете, что он умер?

— Да, думаю.

— Убит?

— Я этого не утверждаю.

— В какой же день он умер?

— В понедельник.

— В таком случае, мистер Холмс, будьте любезны объяснить мне, каким образом я могла получить от него сегодня это письмо?

Шерлок Холмс вскочил с кресла, словно его ударило электрическим током.

— Что? — закричал он.

— Да, сегодня.

Она улыбалась, держа в руке листок бумаги.

— Можно прочитать?

— Пожалуйста.

Он выхватил письмо у нее из рук, разложил его на столе, разгладил и принялся внимательно рассматривать. Я поднялся с кресла и стал смотреть через его плечо. Конверт был простой, конторский; на конверте стоял почтовый штемпель Гревзенда; на штемпеле — сегодняшнее или, вернее, вчерашнее число, так как полночь уже миновала.

— Грубый почерк,— пробормотал Холмс.— Уверен, что это почерк не вашего мужа, сударыня.

— Да, на конверте чужой почерк, но внутри — почерк моего мужа.

— Человеку, который надписывал конверт, пришлось наводить справки о вашем адресе.

— Откуда вы это знаете?

— Имя на конверте, как видите, выделяется своей чернотой, потому что чернила, которыми оно написано, высохли сами собою. Адрес же бледноват, потому что к нему прикладывали пресс-папье. Если бы надпись на конверте была сделана сразу и если бы ее всю высушили пресспапье, все слова были бы одинаково серы. Этот человек написал на конверте сперва только ваше имя и лишь спустя некоторое время приписал к нему адрес, из чего можно заключить, что адрес не был ему вначале известен. Конечно, это пустяк, но в моей профессии нет ничего важнее пустяков. Дайте мне взглянуть на письмо... Ага! Туда было что-то вложено.

— Да, там было кольцо. Его кольцо с печатью.

— А вы уверены, что это почерк вашего мужа?

— Один из его почерков.

— Один из его почерков?

— Его почерк, когда он пишет второпях. Обычно он пишет совсем иначе, но и этот его почерк мне хорошо знаком.

— «Дорогая, не волнуйся. Все кончится хорошо. Произошла ошибка, на исправление которой требуется некоторое время. Жди терпеливо. Невилл»... Написано карандашом на листке, вырванном из блокнота. Гм! Отправлено сегодня из Гревзенда человеком, у которого большой палец

чем-то выпачкан. Ха! Если не ошибаюсь, человек, заклеивавший конверт, жует табак... Вы убеждены, сударыня, что это почерк вашего мужа?

— Убеждена. Это письмо написал Невилл.

— Оно отправлено сегодня из Гревзенда. Что ж, миссис Сент-Клер, тучи рассеиваются, хотя я не могу сказать, что опасность уже миновала.

— Однако он жив, мистер Холмс!

— Если только это не ловкая подделка, чтобы направить нас на ложный след. Кольцо, в конце концов, ничего не доказывает. Кольцо могли отнять у него.

— Но это его, его, его почерк!

— Хорошо. Но что, если письмо написано в понедельник, а послано только сегодня?

— Это возможно.

— А за этот срок многое могло произойти.

— О, не отнимайте у меня моей радости, мистер Холмс! Я знаю, что с ним ничего не случилось. Мы с ним настолько близки, что я непременно почувствовала бы, если бы он попал в настоящую беду. За день до того, как он исчез, он порезал себе нечаянно палец. Я была в столовой, он — в спальне, и я сразу побежала к нему, чувствуя, что с ним случилась беда. Неужели вы думаете, что я не знала бы о его смерти, если даже такой пустяк способен повлиять на меня!

— Я человек опытный и знаю, что женское непосредственное чутье может быть иногда ценнее всяких логических выводов. И это письмо, конечно, служит важным указанием, что вы правы. Однако, если мистер Сент-Клер жив, если он может писать вам письма, отчего же он не с вами?

— Не знаю. И представить себе не могу.

— В понедельник, уезжая, он ни о чем вас не предупреждал?

— Нет.

— И вы очень удивились, увидев его на Суондем-лейн?

— Очень.

— Окно было открыто?

— Да.

— Он мог бы окликнуть вас из окна?

— Да.

— Между тем, насколько я понял, у него вырвалось только бессвязное восклицание?

— Да.

— Вы подумали, что он зовет вас на помощь?

— Да. Он махнул мне руками.

— Но, быть может, он вскрикнул от неожиданности. Он мог всплеснуть руками от изумления, что видит вас.

— Возможно.

— И вам показалось, что его оттащили от окна?

— Он исчез так внезапно...

— Он мог просто отскочить от окна. Вы никого больше не видели в комнате?

— Никого. Но ведь этот отвратительный нищий сам признался, что Невилл был там. А ласкар стоял внизу, у лестницы.

— Совершенно верно. Насколько вы могли разглядеть, ваш муж был одет, как всегда?

— Но на нем не было ни воротничка, ни галстука. Я отчетливо видела его голую шею.

— Он когда-нибудь говорил с вами о Суондем-лейн?

— Никогда.

— А вы никогда не замечали каких-нибудь признаков, указывающих на то, что он курит опий?

— Никогда.

— Благодарю вас, миссис Сент-Клер. Это основные пункты, о которых я хотел знать всё. Теперь мы поужинаем и пойдем отдохнуть, так как весьма возможно, что завтра нам предстоит много хлопот.

В наше распоряжение была предоставлена просторная, удобная комната с двумя кроватями, и я сразу улегся, так как ночные похождения утомили меня. Но Шерлок Холмс, когда у него была какая-нибудь нерешенная задача, мог не спать по целым суткам и даже неделям, обдумывая ее, сопоставляя факты, рассматривая ее с разных точек зрения до тех пор, пока ему не удавалось либо разрешить ее, либо убедиться, что он находится на ложном пути. Я скоро понял, что он готовится просидеть без сна всю ночь. Он снял пиджак и жилет, надел синий просторный халат и принялся собирать в одну кучу подушки с кровати, с кушетки и с кресел. Из этих подушек он соорудил себе нечто вроде восточного дивана и взгромоздился на него, поджав ноги и положив перед собой пачку табаку и коро-

бок спичек. При тусклом свете лампы я видел, как он сидит там в облаках голубого дыма, со старой трубкой во рту, рассеянно устремив глаза в потолок, безмолвный, неподвижный, и свет озаряет резкие орлиные черты его лица.

Так сидел он, когда я засыпал, и так сидел он, когда я при блеске утреннего солнца открыл глаза, разбуженный его внезапным восклицанием. Трубка все еще торчала у него изо рта, дым все еще вился кверху, комната была полна табачного тумана, а от пачки табаку, которую я видел вечером, уже ничего не осталось.

— Проснулись, Уотсон? — спросил он.

— Да.

— Хотите прокатиться?

— С удовольствием.

— Так одевайтесь. В доме еще все спят, но я знаю, где ночует конюх, и сейчас у нас будет коляска.

При этих словах он усмехнулся; глаза его блестели, и он нисколько не был похож на того мрачного мыслителя, которого я видел ночью.

Одеваясь, я взглянул на часы. Неудивительно, что в доме все еще спали: было двадцать пять минут пятого. Едва я успел одеться, как вошел Холмс и сказал, что конюх уже запряг лошадь.

— Хочу проверить одну свою версию,— сказал он, надевая ботинки.— Вы, Уотсон, видите перед собой одного из величайших глупцов, какие только существуют в Европе! Я был слеп, как крот. Мне следовало бы дать такого тумака, чтобы я полетел отсюда до Черинг-кросса! Но теперь я, кажется, нашел ключ к этой загадке.

— Где же он, ваш ключ? — спросил я, улыбаясь.

— В ванной,— ответил Холмс.— Нет, я не шучу,— продолжал он, заметив мой недоверчивый взгляд.— Я уже был в ванной, взял его и спрятал вот сюда, в чемоданчик. Поедем, друг мой, и посмотрим, подойдет ли этот ключ к замку.

Мы спустились с лестницы, стараясь ступать как можно тише. На дворе уже ярко сияло утреннее солнце. У ворот нас поджидала коляска; конюх держал под уздцы запряженную лошадь.

Мы вскочили в экипаж и быстро покатили по лондонской дороге. Изредка мы обгоняли телеги, которые везли

в столицу овощи, но на виллах кругом все было тихо — все спало, как в заколдованном городе.

— В некоторых отношениях это совершенно исключительное дело,— сказал Холмс, пуская лошадь галопом.— Сознаюсь, я был слеп, как крот, но лучше поумнеть поздно, чем никогда.

Мы въехали в город со стороны Сэрри. В окнах уже начали появляться заспанные лица только что проснувшихся людей. Мы переехали через реку по мосту Ватерлоо, свернули направо по Веллингтон-стрит и очутились на Бау-стрит. Шерлока Холмса хорошо знали в полицейском управлении, и когда мы подъехали, два констебля отдали ему честь. Один из них взял лошадь под уздцы, а другой повел нас внутрь здания.

— Кто дежурный? — спросил Холмс.

— Инспектор Брэдстрит, сэр.

Из вымощенного каменными плитами коридора навстречу нам вышел высокий грузный полицейский в полной форме.

— А, Брэдстрит! Как поживаете? Я хочу поговорить с вами, Брэдстрит.

— Пожалуйста, мистер Холмс. Зайдите ко мне, в мою комнату.

Комната была похожа на контору: на столе огромная книга для записей, на стене телефон.

Инспектор сел за стол:

— Чем могу служить, мистер Холмс?

— Я хочу расспросить вас о том нищем, который замешан в деле исчезновения мистера Невилла Сент-Клера.

— Его арестовали и привезли сюда для допроса.

— Я знаю. Он здесь?

— В камере.

— Не буйствует?

— Нет, ведет себя тихо. Но как он грязен, этот негодяй!

— Грязен?

— Да. Еле-еле заставили его вымыть руки, а лицо у него черное, как у медника. Вот пусть только кончится следствие, а там уж ему не избежать тюремной ванны! Если бы вы на него посмотрели, вы согласились бы со мною.

— Я очень хотел бы на него посмотреть.

— Правда? Это нетрудно устроить. Идите за мной. Чемоданчик свой можете оставить здесь.

— Нет, я захвачу его с собой.

— Хорошо. Пожалуйте сюда.

Он открыл запертую дверь, спустился по винтовой лестнице и привел нас в коридор с выбеленными стенами. Справа и слева шла вереница дверей.

— Его камера — третья справа,— сказал инспектор.— Вот здесь.

Он осторожно отодвинул дощечку в верхней части двери и глянул в отверстие.

— Спит,— сказал он.— Вы можете хорошенько его рассмотреть.

Мы оба приникли к решетке. Арестант крепко спал, медленно и тяжело дыша. Лицо его было обращено к нам. Это был мужчина среднего роста, одетый, как и подобает людям его профессии, очень скверно: сквозь прорехи порванного пиджака торчали лохмотья цветной рубахи. Он был действительно необычайно грязен, но даже толстый слой грязи, покрывавший лицо, не мог скрыть его отталкивающего безобразия. Широкий шрам шел от глаза к подбородку, и сквозь щель, прорубленную к верхней губе, постоянным оскалом торчали три зуба. Клок ярчайших рыжих волос падал на лоб и на глаза.

— Красавец, не правда ли? — сказал инспектор.

— Ему необходимо помыться,— заметил Холмс.— я уже и раньше об этом догадывался и захватил с собой весь инструмент.

Он раскрыл чемоданчик и, к нашему изумлению, вынул из него большую губку.

— Хе-хе, да вы шутник! — засмеялся инспектор.

— Будьте любезны, откройте нам тихонько дверь, и мы живо придадим ему более приличный вид.

— Ладно,— сказал инспектор.— А то он и в самом деле позорит нашу тюрьму.

Инспектор открыл дверь, и мы втроем бесшумно вошли в камеру. Арестант шевельнулся, но сразу же заснул еще крепче. Холмс подошел к рукомойнику, намочил свою губку и дважды с силой провел ею по лицу арестанта.

— Позвольте мне представить вас мистеру Невиллу Сент-Клеру из Ли, в графстве Кент! — воскликнул Холмс.

Никогда в жизни не видел я ничего подобного. Лицо сползло с арестанта, как кора с дерева. Исчез грубый темный загар. Исчез ужасный шрам, пересекавший все лицо наискосок. Исчезла разрезанная губа. Исчез отталкивающий оскал зубов. Рыжие лохматые волосы исчезли от одного взмаха руки Холмса, и мы увидели бледного, грустного, изящного человека с черными волосами и нежной кожей, который, сидя в постели, протирал глаза и с недоумением глядел на нас, еще не вполне очнувшись от сна. Внезапно он понял все, вскрикнул и зарылся головой в подушку.

— Боже,— закричал инспектор,— да ведь это и есть пропавший! Я знаю его, я видел фотографию!

Арестант повернулся к нам с безнадежным видом человека, решившего не противиться судьбе.

— Будь что будет! — сказал он.— За что вы меня держите здесь?

— За убийство мистера Невилла Сент... Тьфу! В убийстве вас теперь обвинить невозможно. Вас могли бы обвинить, пожалуй, только в попытке совершить самоубийство,— сказал инспектор, усмехаясь.— Я двадцать семь лет служу в полиции, но ничего подобного не видел.

— Раз я мистер Невилл Сент-Клер, то, значит, преступления совершено не было и, следовательно, я арестован незаконно.

— Преступления нет, но сделана большая ошибка,— сказал Холмс.— Вы напрасно не доверились жене.

— Дело не в жене, а в детях,— пылко сказал арестант.— Я не хотел, чтобы они стыдились отца. Боже, какой позор! Что мне делать?

Шерлок Холмс сел рядом с ним на койку и ласково похлопал его по плечу.

— Если вы позволите разбираться в вашем деле суду, вам, конечно, не избежать огласки,— сказал он.— Но если вам удастся убедить полицию, что за вами нет никакой вины, газеты ничего не узнают. Инспектор Брэдстрит может записать ваши показания и передать их надлежащим властям, и дело до суда не дойдет.

— О, как я вам благодарен! — вскричал арестант.— Я охотно перенес бы заточение, даже смертную казнь, лишь бы не опозорить детей раскрытием моей несчастной тайны! Вы первые услышите мою историю...

Отец мой был учителем в Честерфилде, и я получил там превосходное образование. В юности я много путешествовал, работал на сцене и, наконец, стал репортером одной вечерней лондонской газеты. Однажды моему редактору понадобилась серия очерков о нищенстве в столице, и я вызвался написать их. С этого и начались все мои приключения. Чтобы добыть необходимые для моих очерков факты, я решил переодеться нищим и стал попрошайничать. Когда я был еще актером, я славился умением гримироваться. Теперь это умение пригодилось. Я раскрасил себе лицо, а для того чтобы вызывать побольше жалости, намалевал на лице шрам и с помощью пластыря телесного цвета изуродовал себе губу, слегка приподняв ее. Затем, надев лохмотья и рыжий парик, я сел в самом оживленном месте Сити и принялся под видом продажи спичек просить милостыню. Семь часов я просидел не вставая, а вечером, вернувшись домой, к величайшему своему изумлению, обнаружил, что набрал двадцать шесть шиллингов и четыре пенса.

Я написал очерки и позабыл обо всей этой истории. Но вот, некоторое время спустя, мне предъявили вексель, по которому я поручился уплатить за приятеля двадцать пять фунтов. Я понятия не имел, где достать эти деньги, и вдруг мне в голову пришла отличная мысль. Упросив кредитора подождать две недели, я взял на работе отпуск и провел его в Сити, прося милостыню. За десять дней я собрал необходимую мне сумму и уплатил долг. Теперь вообразите себе, легко ли работать за два фунта в неделю, когда знаешь, что эти два фунта ты можешь получить в один день, выпачкав себе лицо, положив кепку на землю и ровно ничего не делая?

Долго длилась борьба между моей гордостью и стремлением к наживе, но страсть к деньгам в конце концов победила. Я бросил работу и стал все дни проводить на давно облюбованном мною углу, вызывая жалость своим уродливым видом и набивая карманы медяками.

Только один человек был посвящен в мою тайну — владелец низкопробного притона на Суондем-лейн, в котором я поселился. Каждое утро я выходил оттуда в виде жалкого нищего, и каждый вечер я превращался там в хорошо одетого господина, я щедро платил этому ласкару

за его комнаты, так как был уверен, что он никому ни при каких обстоятельствах не выдаст моей тайны.

Вскоре я стал откладывать крупные суммы денег. Вряд ли в Лондоне есть хоть один нищий, зарабатывающий по семисот фунтов в год, а я зарабатывал и больше. Я навострился шуткой парировать замечания прохожих и скоро прославился на все Сити. Поток пенсов вперемешку с серебром сыпался на меня непрестанно, и я считал неудачными дни, когда получал меньше двух фунтов. Чем богаче я становился, тем шире я жил. Я снял дом за городом, я женился, и никто не подозревал, чем я занимаюсь в действительности. Моя милая жена знает, что у меня есть какие-то дела в Сити. Но какого рода эти дела, она не имеет ни малейшего представления.

В прошлый понедельник, закончив работу, я переодевался у себя в комнате, как вдруг, выглянув в окно, увидел, к своему ужасу, что жена моя стоит на улице и смотрит прямо на меня. Я вскрикнул от изумления, поднял руки, чтобы закрыть лицо, и кинулся к моему соучастнику ласкару, умоляя его никого ко мне не пускать. Я слышал внизу голос жены, но я знал, что подняться она не сможет. Я быстро разделся, натянул на себя нищенские лохмотья, парик и разрисовал лицо. Даже жена не могла бы узнать меня в этом виде.

Но затем мне пришло в голову, что комнату мою могут обыскать, и тогда моя одежда выдаст меня. Я распахнул окно, причем второпях задел раненый палец (я поранил себе палец утром в спальне), и из ранки опять потекла кровь. Потом я схватил пиджак, набитый медяками, которые я только что переложил туда из своей нищенской сумы, швырнул его в окно, и он исчез в Темзе. Я собирался швырнуть туда и остальную одежду, но тут ко мне ворвались полицейские и через несколько минут, вместо того чтобы быть изобличенным как мистер Невилл Сент-Клер, я оказался арестованным как его убийца.

Больше мне нечего прибавить. Желая сохранить грим на лице, я отказывался от умывания. Зная, что жена будет очень тревожиться обо мне, я тайком от полицейских снял с пальца кольцо и передал его ласкару вместе с наскоро нацарапанной запиской, в которой я сообщал ей, что мне не угрожает никакая опасность.

— Она только вчера получила эту записку,— сказал Холмс.

— О боже! Какую неделю она провела!

— За ласкаром следила полиция,— сказал инспектор Брэдстрит,— и ему, видимо, никак не удавалось отправить записку незаметно. Он, вероятно, передал ее какому-нибудь матросу, завсегдатаю своего притона, а тот в течение нескольких дней все забывал опустить ее в ящик.

— Так это, без сомнения, и было,— подтвердил Холмс.— Но неужели вас никогда не привлекали к суду за нищенство?

— Много раз. Но что значит для меня незначительный штраф!

— Однако теперь вам придется оставить свое ремесло,— сказал Брэдстрит.— Если вы хотите, чтобы полиция замяла эту историю, Хью Бун должен исчезнуть.

— Я уже поклялся себе в этом самой торжественной клятвой, какую только может дать человек.

— В таком случае, все будет забыто,— сказал Брэдстрит.— Но если вас заметят опять, мы уже не станем скрывать ничего... Мы очень признательны вам, мистер Холмс, за то, что вы раскрыли это дело. Хотел бы я знать, каким образом вы достигаете подобных результатов.

— На этот раз,— отозвался мой друг,— мне понадобилось посидеть на пяти подушках и выкурить полфунта табаку... Мне кажется, Уотсон, что если мы сейчас поедем на Бейкер-стрит, мы поспеем как раз к завтраку.

Голубой карбункул

На третий день рождества зашел я к моему приятелю Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате; справа от него было несколько трубок, набитых табаком, а слева — груда смятых утренних газет, которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул; на его спинке висела сильно поношенная, жалкая фетровая шляпа, продырявленная в нескольких местах. Холмс, должно быть, очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же, на сиденье стула, лежали пинцет и лупа.

— Вы заняты,— сказал я.— Боюсь, что я вам мешаю.

— Нисколько,— ответил он.— Я рад, что у меня есть товарищ, с которым я могу побеседовать о результатах

моих исследований. Вещь, как видите, весьма заурядная,— он ткнул большим пальцем в сторону старой шляпы,— но с этой вещью связаны кое-какие любопытные события, не лишенные даже некоторой поучительности.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна покрылись плотными ледяными узорами.

— Хотя эта шляпа кажется очень невзрачной, она, должно быть, связана с какой-нибудь кровавой историей,— заметил я.— Очевидно, она послужит ключом к разгадке каких-нибудь страшных тайн, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

Шерлок Холмс засмеялся.

— Нет, нет,— сказал он,— тут не преступление, а очень мелкий, смешной эпизод, который всегда может произойти в такой местности, где четыре миллиона человек толкутся на пространстве в несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье всегда возможны любые комбинации фактов, которые, будучи чрезвычайно загадочны, все же не таят в себе никаких преступлений. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

— Еще бы! — воскликнул я.— Из последних шести эпизодов, которые были описаны мною, три не заключали в себе ничего беззаконного.

— Совершенно верно. Я не сомневаюсь, что и этот пустячный случай окажется столь же невинным. Вы знаете Петерсона, рассыльного?

— Да.

— Этот трофей принадлежит ему.

— То есть это его шляпа?

— Нет, нет, он нашел ее. Владелец ее неизвестен. Попробуйте посмотреть на нее не как на старую рухлядь, а как на серьезную задачу... Раньше всего расскажу вам, как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день рождества вместе с отличным, жирным гусем, который в данное время жарится у Петерсона на кухне. Произошло это так. На рождество, в четыре часа утра, Петерсон, человек, как вы знаете, благородный и честный, возвращался с пирушки домой по улице Тотенхем-Корт-роуд. При свете газового фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идет какой-то высокий субъект и несет на плече белоснежного гуся. На углу Гудж-стрит к незнакомцу

пристали хулиганы. Один из них сбил с него шляпу. Незнакомец, защищаясь, размахнулся палкой и нечаянно попал в витрину магазина, оказавшуюся у него за спиной. Стекло разлетелось вдребезги. Петерсон бросился вперед, чтобы защитить незнакомца, но несчастный, потрясенный тем, что разбил стекло, как только увидел бегущего к нему человека, бросил гуся, помчался со всех ног и исчез в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тотенхем-Корт-роуд. Петерсон был в форме, и это, должно быть, больше всего напугало беглеца. Так как при появлении Петерсона хулиганы разбежались, рассыльный очутился один на поле битвы и оказался обладателем добычи в виде этой помятой шляпы и превосходного рождественского гуся...

— ...которого Петерсон, конечно, возвратил незнакомцу.

— Вот в этом-то и заключается наша загадка, мой милый. Кто этот незнакомец и где он живет? Правда, на маленькой карточке, привязанной к левой лапке гуся, было написано: «Миссис Генри Бейкер», правда и то, что инициалы «Г. Б.» можно разобрать на подкладке этой шляпы. Но так как в городе живет несколько тысяч Бейкеров и в том числе несколько сот Генри Бейкеров, нелегко вернуть потерянную собственность одному из них.

— Что же сделал Петерсон?

— Он попросту принес мне и гуся и шляпу, зная, что меня занимает решение даже самых ничтожных загадок. Гуся мы продержали вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его все же лучше съесть, не откладывая. Петерсон унес гуся и угостился на славу, а у меня осталась шляпа незнакомца, потерявшего свой рождественский ужин.

— Он не помещал объявления в газете?

— Нет.

— Как же вы узнаете, кто он?

— Только путем размышлений.

— Размышлений над этой шляпой?

— Конечно.

— Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого, рваного фетра?

— Вот моя лупа. Возьмите ее и попробуйте применить к этой шляпе мой метод. Вам ведь он хорошо известен.

Что вы можете сказать о человеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел ее в руках. Самая обыкновенная черная круглая шляпа. Жесткая, сильно поношенная. Шелковая подкладка была некогда красной, но теперь полиняла. Фабричную марку мне обнаружить не удалось, но, как и сказал мне Холмс, внутри сбоку виднелись инициалы «Г. Б.». На полях я заметил дырочку для придерживавшей шляпу резинки, но резинки не оказалось. Вообще шляпа была рваная, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазать эти пятна чернилами.

— Я ничего в ней не вижу,— сказал я, возвращая шляпу Шерлоку Холмсу.

— Нет, Уотсон, вы видите всё, но не даете себе труда поразмыслить над тем, что вы видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

— Тогда, пожалуйста, скажите мне, какие выводы делаете вы из осмотра этой шляпы.

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать ее проницательным взглядом, свойственным ему одному.

— Конечно, не все в ней достаточно ясно,— заметил он,— но кое-что можно установить наверняка, а кое-что можно предположить с достаточной долей вероятия. Совершенно очевидно, например, что владелец ее — человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги, а теперь настали для него черные дни. Он всегда был очень предусмотрителен, всегда заботился о завтрашнем дне, а сейчас немного опустился. Так как благосостояние его тоже упало, мы вправе предположить, что он пристрастился к какому-нибудь пагубному пороку — быть может, к пьянству. По-видимому, из-за этого и жена разлюбила его...

— Милый мой Холмс!

— Но все же в какой-то степени он еще сохранил свое достоинство,— продолжал Холмс, не обращая внимания на мое восклицание.— Он ведет сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом. Это человек средних лет, у него седые волосы, он мажет их помадой и недавно постригся. Вдобавок я твердо уверен, что в доме у него нет газового освещения.

— Вы, конечно, шутите, Холмс.

— Ничуть. Неужели даже теперь, когда я вам все рассказал, вы не понимаете, как я узнал обо всем этом!

— Считайте меня идиотом, но должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы взяли, что он очень умен?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шляпу себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и уперлась в переносицу.

— Видите, какая кубатура! — сказал он.— Не может же быть совершенно пустым такой большой череп.

— Ну, а откуда вы взяли, что он обеднел?

— Этой шляпе три года. Плоские поля, загнутые по краям, были тогда очень модными. Шляпа лучшего качества. Взгляните-ка на эту шелковую ленту, на превосходную подкладку. Если три года назад этот человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, совершенно ясно, что дела у него пошатнулись.

— Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли узнать, что он человек предусмотрительный и что в настоящее время он переживает душевный упадок?

— Предусмотрительность — вот она,— сказал он, показывая на дырочку от резинки.— Резинки никогда не продают вместе со шляпами, их нужно покупать отдельно. Раз этот человек купил резинку и велел прикрепить ее к шляпе, значит, он заботился о том, чтобы уберечь свою шляпу от ветра. Но резинка оторвалась, и он не стал прилаживать новую, а это значит, что раньше он следил за своей наружностью, теперь же опустился и, так сказать, махнул на себя рукой. Однако, с другой стороны, он пытался прикрыть пятна на шляпе, замазать их чернилами,— значит, он еще не вполне потерял чувство собственного достоинства.

— Все это очень похоже на правду.

— Что он человек средних лет, что у него седина, что он недавно стригся, что он помадит волосы — все это становится ясным, если внимательно осмотреть в его шляпе нижнюю часть подкладки. В лупу видны приставшие к подкладке волосы, срезанные ножницами парикмахера. Все эти волосы пахнут помадой. Заметьте, что пыль на ней не уличная — серая и песочная, а домашняя — бурая, пушистая. Значит, шляпа большей частью висела дома. А следы влажности на внутренней ее стороне говорят о

том, как легко владелец ее покрывается потом, потому что он отвык от движения.

— А как вы узнали, что его разлюбила жена?

— Шляпа не чищена уже несколько недель. Если бы я увидел, мой дорогой Уотсон, что ваша шляпа не чищена хотя бы одну неделю и что ваша жена позволяет вам выходить в таком виде, я стал бы опасаться, что и вы имели несчастье утратить расположение вашей супруги.

— А может быть, он холостяк?

— Нет, он нес гуся домой именно для того, чтобы задобрить жену. Вспомните карточку, привязанную к лапке этой птицы.

— У вас на все готов ответ. Но откуда вы можете знать, что в его доме нет газа?

— Одно-два сальных пятна на шляпе — случайность. Но когда я вижу их не меньше пяти, я могу не сомневаться в том, что этому человеку часто приходится пользоваться сальной свечой — вероятно, подниматься ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой оплывшую сальную свечу. Во всяком случае, от газа не бывает сальных пятен... Теперь вы согласны со мною?

— Да, все это очень просто,— смеясь, сказал я.— Но в том, что вы рассказали, еще нет преступления. Никто не понес убытков — никто, кроме человека, потерявшего гуся,— и, значит, вы ломали себе голову зря.

Шерлок Холмс раскрыл было рот для ответа, но в это мгновение дверь распахнулась, и в комнату, потрясенный, взволнованный, влетел посыльной Петерсон. Щеки у него буквально пылали.

— Гусь-то, гусь, мистер Холмс! — задыхаясь, прокричал он.

— Ну? Что с ним такое? Ожил он, что ли, и вылетел в кухонное окно?

Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше всмотреться в возбужденное лицо Петерсона.

— Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Он протянул руку, и на его ладони мы увидели ярко сверкающий голубой камень величиной чуть поменьше горошины. Камень был такой чистой воды, что светился на темной ладони, точно электрическая искра.

Холмс свистнул и опустился на кушетку.

— Честное слово, Петерсон,— сказал он,— вы нашли сокровище! Надеюсь, вы понимаете, что это такое?

— Бриллиант, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, словно масло!

— Это не просто драгоценный камень — это т о т с а м ы й драгоценный камень.

— Неужели это голубой карбункул [1] графини Моркар? — вскричал я.

— Совершенно правильно. Я знаю, каков он, так как последнее время каждый день читал объявления в «Таймс». Камень этот — единственный в своем роде, и можно только догадываться о его настоящей цене. Награда в тысячу фунтов, которую предлагают нашедшему, едва ли составляет двадцатую долю его стоимости.

— Тысяча фунтов! О боже!

Рассыльный бухнулся в кресло, изумленно тараща глаза то на меня, то на Холмса.

— Награда наградой, но у меня есть основания думать,— сказал Холмс,— что по некоторым соображениям графиня отдала бы половину всех своих богатств, только бы вернуть этот камень.

— Если память мне не изменяет, он пропал в гостинице «Космополитен»,— заметил я.

— Совершенно верно, двадцать второго декабря, ровно пять дней назад. В краже этого камня был обвинен Джон Хорнер, паяльщик. Улики против него так серьезны, что дело направлено в суд. Кажется, у меня есть об этом деле газетный отчет.

Шерлок Холмс долго рылся в газетах, наконец вытащил одну, сложил ее пополам и прочитал следующее·

КРАЖА ДРАГОЦЕННОСТЕЙ В ОТЕЛЕ «КОСМОПОЛИТЕН»

Джон Хорнер, 26 лет, паяльщик, обвиняется в том, что 22 сего месяца похитил у графини Моркар из шкатулки ее драгоценный камень, известный под именем «голубой карбункул». Джеймс Райдер, старший слуга отеля, показал, что в день кражи видел Хорнера в

[1] К а р б у н к у л — полупрозрачный драгоценный камень, обычно красного цвета.

туалетной комнате графини Моркар, где тот припаивал расшатанный прут каминной решетки. Некоторое время Райдер оставался в комнате с Хорнером, но потом его вызвали. Возвратившись, он увидел, что Хорнер исчез, бюро взломано и, как обнаружилось впоследствии, маленький сафьяновый футляр, в котором графиня имела обыкновение держать драгоценный камень, валяется пустой на туалетном столике. Райдер сейчас же забил тревогу, и в тот же вечер Хорнер был арестован. Но камня не нашли ни при нем, ни в его комнате. Кэтрин Кьюзек, горничная графини, показала, что, услышав отчаянный крик Райдера, она вбежала в комнату и тоже обнаружила исчезновение камня. Полицейский инспектор Брэдстрит из округа «Б» отдал распоряжение арестовать Хорнера, который бурно сопротивлялся и горячо доказывал свою невиновность. Но так как Хорнер и раньше судился за кражу, судья отказался разбирать это дело и передал его суду присяжных. Хорнер, все время выказывавший признаки сильной тревоги, упал в обморок при этом решении и был вынесен из зала суда.

— Гм! Вот и все полицейские сведения,— задумчиво сказал Холмс, откладывая газету в сторону.— Наша задача теперь — выяснить, каким образом из футляра графини камень очутился в гусином зобу. Видите, Уотсон, наши скромные размышления оказались внезапно не такими уж невинными. Они гораздо полезнее, чем мы полагали. Вот камень. Этот камень был в гусе, а гусь был у мистера Генри Бейкера, у того самого обладателя истрепанной шляпы, личность которого я пытался охарактеризовать перед вами, чем и навел на вас невыносимую скуку. Что ж, теперь мы должны серьезно заняться розысками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии. Чтобы разыскать его, мы раньше всего испробуем самый простой способ: напечатаем объявление во всех вечерних газетах. Если таким путем мы не достигнем цели, я прибегну к иным методам.

— Что будет сказано в объявлении?

— Дайте мне карандаш и клочок бумаги. Вот: «На углу Гудж-стрит найдены гусь и черная фетровая шляпа. Мистер Генри Бейкер может получить их сегодня на Бейкер-стрит, 221-Б, в 6.30 вечера». Коротко и ясно.

— Весьма. Но заметит ли он объявление?

— Конечно. Он просматривает теперь все газеты, так как он бедный человек и рождественский гусь для него

целое состояние. Он до такой степени был напуган, услышав звон разбитого стекла и увидев бегущего Петерсона, что кинулся бежать, не думая ни о чем. Но потом, конечно, ему стало жалко, что он поддался страху и выронил гуся. В газете мы упоминаем его имя, и любой знакомый обратит его внимание на нашу публикацию... Так вот, Петерсон, бегите скорее в бюро объявлений и поместите эти строки в вечерних газетах.

— В каких, сэр?

— О, в «Глоб», «Стар», «Пэлл-Мэлл», «Сент-Джеймс газетт», «Ивнинг ньюз», «Стандард», «Ико» и во всех других, какие придут вам на ум.

— Слушаю, сэр. А как быть с этим камнем?

— Ах да! Камень я оставлю у себя. Благодарю вас. А на обратном пути, Петерсон, купите гуся и принесите его ко мне. Мы ведь должны дать этому джентльмену гуся взамен того, которого в настоящее время уписывает ваша семья.

Рассыльный вышел, а Холмс взял камень и стал рассматривать его на свет.

— Славный камешек! — сказал он.— Взгляните, как он сверкает и искрится. Как и всякий драгоценный камень, он притягивает к себе преступников, словно магнит. Вот уж подлинно ловушка сатаны. В больших старых драгоценных камнях каждая грань повествует о каком-нибудь кровавом злодеянии. Этому камню нет еще и двадцати лет. Он был найден на берегу реки Амой, в Южном Китае, и замечателен тем, что имеет все свойства карбункула, кроме одного: он не рубиново-красный, а голубой. Несмотря на его молодость, с ним уже связано много ужасных историй. Из-за этого прозрачного кусочка угля весом в сорок гран было совершено множество ограблений, два убийства, одно самоубийство и кого-то облили серной кислотой. Кто бы мог сказать, что такая красивая безделушка ведет людей к тюрьмам и виселицам! Я запру камень в свой несгораемый шкаф и напишу графине, что он хранится у нас

— Вы считаете, что Хорнер невиновен?

— Не могу ничего утверждать.

— А замешан в это дело Генри Бейкер?

— Вернее всего, Генри Бейкер здесь совсем ни при чем. Я думаю, ему и в голову не приходит, что будь этот

гусь из чистого золота, он и то стоил бы гораздо дешевле. Все это мы очень скоро узнаем наверняка, если Генри Бейкер откликнется на наше объявление.

— А до тех пор вы ничего не можете предпринять?

— Ничего.

— В таком случае, я уеду к своим пациентам, а вечером в назначенный час снова приду сюда. Я хочу знать, чем окончится это запутанное дело.

— Буду счастлив вас видеть. Я обедаю в семь. Кажется, к обеду будет куропатка. Кстати, после недавних событий не попросить ли миссис Хадсон тщательно осмотреть ее зоб?

Я немного задержался, и было уже больше половины седьмого, когда я снова попал на Бейкер-стрит.

Подойдя к дверям, я увидел высокого мужчину в шотландской шапочке и в наглухо застегнутом до подбородка сюртуке. Как раз в тот момент, когда я подошел, ему отперли, и мы одновременно вошли в комнату Шерлока Холмса.

— Если не ошибаюсь, мистер Генри Бейкер? — сказал Холмс, поднимаясь с кресла и встречая посетителя с наивно-равнодушным видом, который он умел напускать на себя.— Пожалуйста, присаживайтесь поближе к огню, мистер Бейкер. Вечер холодный, а мне кажется, что лето вы переносите лучше, чем зиму... Уотсон, вы пришли как раз вовремя... Это ваша шляпа, мистер Бейкер?

— Да, сэр, это несомненно моя шляпа.

Бейкер был крупный сутулый человек с большой головой, с широким умным лицом и остроконечной каштановой бородкой. Красные пятна на носу и щеках и легкое дрожание протянутой руки подтверждали догадку Холмса о его наклонности к выпивке. На нем был порыжелый сюртук, застегнутый на все пуговицы, а на тощих запястьях, торчащих из рукавов, не видно было ни малейшего признака белья. Он говорил глухо и отрывисто, старательно подбирая слова, и производил впечатление человека интеллигентного, но сильно помятого жизнью.

— Мы на несколько дней задержали шляпу и гуся,— сказал Холмс,— так как все время ждали, что вы напечатаете в газетах объявление со своим адресом. Не понимаю, почему вы этого не сделали.

Наш посетитель смущенно усмехнулся.

— У меня не так много шиллингов, как бывало когда-то,— сказал он.— Я был уверен, что хулиганы, напавшие на меня, унесли с собой и шляпу и гуся, и не хотел тратить деньги по-пустому.

— Вполне естественно. Между прочим, ведь нам пришлось съесть вашего гуся.

— Съесть?!

Наш посетитель в большом волнении приподнялся на стуле.

— Да ведь он все равно испортился бы, если бы мы его не съели,— продолжал Холмс.— Но я полагаю, что вон тот гусь на буфете, совершенно свежий и того же веса, заменит вам вашего гуся.

— О, конечно, конечно! — ответил мистер Бейкер, облегченно вздохнув.

— Но у нас от вашей птицы остались перья, лапки и зоб, так что, если вы хотите...

Бейкер от души расхохотался.

— Разве только на память о моем приключении,— сказал он.— Право, не знаю, на что мне могут пригодиться бренные останки моего покойного знакомца! Нет, сэр, позвольте мне, с вашего разрешения, сосредоточить внимание на том превосходном гусе, которого я вижу на буфете.

Шерлок Холмс быстро переглянулся со мной и чуть заметно пожал плечами.

— Вот ваша шляпа, а вот ваш гусь,— сказал он.— Кстати, не скажете ли мне, где вы достали того гуся? Я кое-что смыслю в этом деле и, признаться, редко видывал столь откормленный экземпляр.

— Охотно, сэр,— сказал Бейкер; он встал и сунул под мышку своего нового гуся.— Наша небольшая компания посещает трактир «Альфа», близ музея,— мы, понимаете ли, проводим в музее целый день. В этом году хозяин нашего трактира Виндигет, отличный человек, основал «гусиный клуб». Выплачивая по нескольку пенсов в неделю, каждый из нас к рождеству получает по гусю. Я уже целиком выплатил свою долю. Остальное вам известно. Весьма обязан вам, сэр,— ведь неудобно солидному человеку в моем возрасте носить шотландскую шапочку.

Он поклонился нам с комически торжественным видом и ушел.

— С Генри Бейкером покончено,— сказал Холмс,

закрыв за ним дверь.— Совершенно очевидно, что он понятия не имеет о драгоценном камне. Вы голодны, Уотсон?

— Не особенно.

— Тогда я предлагаю превратить обед в ужин и немедленно отправиться по горячим следам.

— С удовольствием.

Был морозный вечер, и нам пришлось надеть пальто и обмотать шею шарфом. Звезды холодно сияли на безоблачно ясном небе, и пар от дыхания прохожих был похож на дымки от множества пистолетных выстрелов. Четко и гулко раздавались по улицам наши шаги. Мы шли по Уимпол-стрит, Гарли-стрит, через Вигмор-стрит вышли на Оксфорд-стрит и через четверть часа были в Блумсбери, возле трактира «Альфа», скромного заведения на углу одной из улиц, ведущих к Холборну. Холмс вошел в бар и заказал две кружки пива краснощекому трактирщику в белом переднике.

— У вас, надо полагать, превосходное пиво, если оно не хуже ваших гусей,— сказал Холмс.

— Моих гусей?

Трактирщик, казалось, был изумлен.

— Да. Полчаса назад я беседовал с мистером Генри Бейкером, членом вашего «гусиного клуба».

— А! Да, понимаю. Но, видите ли, сэр, гуси-то ведь не мои.

— В самом деле? А чьи же?

— Я купил две дюжины гусей у одного торговца на Ковент-гарден.

— Да ну? Я знаю кое-кого из них. У кого же вы купили?

— Его зовут Брэкинридж.

— А! Нет, Брэкинриджа я не знаю. Ну, за ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего заведения! Доброй ночи!..

— А теперь к мистеру Брэкинриджу,— сказал Холмс, выходя на мороз и застегивая пальто.— Не забудьте, Уотсон, что на одном конце нашей цепи только гусь, а к другому ее концу прикован человек, которому грозит не меньше семи лет каторги, если мы не докажем его невиновность. Возможно, впрочем, что наши розыски обнаружат, что виноват именно он, но, во всяком случае, в наших руках нить, ускользнувшая от полиции и случайно попавшая к

нам. Дойдем же, держась за нее, до конца, как бы печален он ни был. Итак, поворот на юг и шагом марш!

Мы пересекли Холборн, пошли по Эндел-стрит и через какие-то трущобы вышли на Ковентгарденский рынок. На одной из самых больших лавок было написано: «Брэкинридж». Хозяин лавки, человек с лошадиным лицом и холеными бакенбардами, помогал мальчику запирать ставни.

— Добрый вечер! Каков мороз, а? — сказал Холмс.

Торговец кивнул головой и бросил вопросительный взгляд на моего друга.

— Гуси, видно, распроданы,— продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

— Завтра утром можете получить хоть пятьсот штук.

— Завтра они мне ни к чему.

— Вон в той лавке, где горит свет, кое-что осталось.

— Да, но меня направили к вам.

— Кто же?

— Хозяин «Альфы».

— А, да! Я отослал ему две дюжины.

— Отличные были гуси! Откуда вы их достали?

К моему удивлению, вопрос этот привел торговца в бешенство.

— А ну-ка, мистер,— сказал он, поднимая голову и упирая руки в бока,— к чему вы клоните? Говорите прямо.

— Я говорю достаточно прямо. Мне хотелось бы знать, кто продает вам тех гусей, которых вы поставляете в «Альфу».

— Вот и не скажу.

— Не скажете — и не надо. Велика важность! Интересно, отчего вы кипятитесь из-за таких пустяков?

— Кипячусь? Небось на моем месте и вы кипятились бы, если бы к вам так приставали! Я плачу хорошие деньги за хороший товар, и, казалось бы, дело с концом. Так нет: «Где гуси?», «У кого вы купили гусей?», «Кому вы продали гусей?» и «Сколько вы возьмете за ваших гусей?» Можно подумать, что на этих гусях свет клином сошелся, когда послушаешь, какой из-за них подняли шум!

— Я не имею никакого отношения к тем людям, которые пристают к вам с расспросами,— небрежно сказал Холмс.— Не хотите говорить — и не надо. Но я понимаю

толк в птице и держал пари на пять фунтов стерлингов, что гусь, которого я ел, выкормлен в деревне.

— Вот и пропали ваши фунты! Гусь-то городской! — выпалил торговец.

— Быть не может!

— А я говорю, городской!

— Ни за что не поверю!

— Уж не думаете ли вы, что смыслите в этом деле больше меня, хотя я этим делом занимаюсь чуть не с пеленок? Говорю вам, все гуси, проданные в «Альфу», выкормлены не в деревне, а в городе.

— Вы никогда не заставите меня поверить в такую нелепость.

— Хотите пари?

— Это значило бы просто взять у вас деньги. Я не сомневаюсь в своей правоте. Но я согласен поставить со́верен только для того, чтобы проучить вас за упрямство.

Торговец мрачно ухмыльнулся.

— Принеси-ка мне книги, Билл,— сказал он.

Мальчишка принес две книги: одну тоненькую, а другую большую, засаленную, и положил их на прилавок под лампой.

— Ну-с, мистер Спорщик,— сказал торговец,— я считал, что сегодня распродал всех гусей, но бог занес ко мне в лавку еще одного гуся. Видите эту книжку?

— Ну и что же?

— Это список тех, у кого я покупаю товар. Видите? Вот здесь, на этой странице, имена деревенских поставщиков, а цифра после каждой фамилии обозначает страницу в большой книге, где ведутся их счета. А эту страницу, исписанную красными чернилами, видите? Это список моих городских поставщиков. Взгляните-ка на третью фамилию. Прочтите ее вслух.

— «Миссис Окшот, Брикстон-роуд, 117, страница 249»,— прочел Холмс.

— Совершенно правильно. Теперь откройте 249 страницу в большой книге.

Холмс открыл указанную страницу.

— Вот: «Миссис Окшот, Брикстон-роуд, 117 — поставщица дичи и яиц».

— А что гласит последняя запись?

— «Декабрь, двадцать второго. Двадцать четыре гуся по семь шиллингов шесть пенсов».

— Правильно. Запомните это. А внизу?

— «Проданы мистеру Уиндигету, «Альфа», по двенадцать шиллингов».

— Ну, что вы теперь скажете?

Шерлок Холмс, казалось, был глубоко огорчен. Вынув соверен из кармана, он швырнул его на прилавок, повернулся и вышел молча, с расстроенным видом. Пройдя несколько метров, он остановился под фонарем и рассмеялся своим особенным — веселым и беззвучным смехом.

— Если вы видите человека с такими усами и с таким красным платком в кармане, вы можете выудить из него все что угодно, предложив ему любое пари,— сказал он.— Я утверждаю, что и за сто фунтов мне никогда не удалось бы получить у него такие подробные сведения, какие я получил, побившись с ним об заклад. Итак, Уотсон, мне кажется, что мы почти до конца распутали загадочную нить. Единственное, что нам осталось решить,— пойдем ли мы к этой миссис Окшот сейчас или отложим наше посещение до утра. Из слов того грубияна ясно, что этим делом интересуется еще кто-то, кроме нас, и я...

Громкий шум, донесшийся внезапно из лавки, которую мы только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернувшись, мы в желтом свете качающейся лампы увидели маленького краснолицего человечка. Брэкинридж, стоя в дверях лавки, яростно потрясал перед ним кулаками.

— Хватит с меня и вас и ваших гусей! — орал Брэкинридж.— Провалитесь вы все к дьяволу! Если вы еще раз сунетесь ко мне с вашими дурацкими расспросами, я спущу на вас цепную собаку. Приведите сюда миссис Окшот, ей я отвечу. А вы-то тут при чем? Ваших, что ли, я купил гусей?

— Нет, но все же один из них — мой,— захныкал человечек.

— Ну и спрашивайте его тогда с миссис Окшот!

— Она мне велела узнать у вас.

— Спрашивайте хоть у прусского короля! С меня хватит! Довольно! Убирайтесь отсюда!

Он яростно бросился вперед, и человечек быстро исчез во мраке.

— Ага, нам, кажется, не придется идти на Брикстон-

роуд,— прошептал Холмс.— Пойдем посмотрим, не пригодится ли нам этот субъект.

Пробираясь между кучками ротозеев, бродящих вокруг освещенных ларьков, мой друг быстро нагнал человечка и положил ему руку на плечо. Тот порывисто обернулся, и при свете газового фонаря я увидел, что он сильно побледнел.

— Кто вы такой? Что вам надо? — спросил он дрожащим голосом.

— Извините меня,— мягко сказал Холмс,— но я случайно слышал, какой вопрос вы задали этому торговцу. Я думаю, что могу быть вам полезен.

— Вы? Кто вы? Откуда вы могли узнать, что мне нужно?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия — знать то, чего не знают другие.

— Но о том, что мне нужно, вы ничего не можете знать.

— Прошу прощения, но я знаю всё. Вы пытаетесь разыскать следы гусей, проданных миссис Окшот с Брикстон-роуд торговцу по имени Брэкинридж, которых он продал мистеру Виндигету, владельцу «Альфы», а тот, в свою очередь, своему «гусиному клубу», членом которого является Генри Бейкер.

— О сэр, вы как раз тот самый человек, с которым я жаждал встретиться! — вскричал человечек, протягивая дрожащие руки.— Я просто не могу выразить вам, как все это важно для меня!

Шерлок Холмс остановил проезжавшего извозчика.

— В таком случае, лучше разговаривать в уютной комнате, чем тут, на ветреной рыночной площади,— сказал он.— Но прежде чем мы отправимся в путь, скажите мне, пожалуйста, кому я имею удовольствие оказывать посильную помощь?

Человечек заколебался на мгновение.

— Меня зовут Джон Робинсон,— сказал он, отводя глаза в сторону.

— Нет, нет, как ваше н а с т о я щ е е имя? — ласково сказал Холмс.— Всегда гораздо удобнее действовать под собственным именем.

Бледные щеки незнакомца загорелись румянцем.

— В таком случае,— сказал он,— мое настоящее имя Джеймс Райдер.

— Вот это правильно. Вы служите в отеле «Космополитен». Садитесь, пожалуйста, в кэб, и вскоре я расскажу вам все, что вы пожелаете знать.

Маленький человечек не двигался с места. Он смотрел то на одного, то на другого из нас, и в глазах его надежда сменялась испугом. Видно было, что он не знал, ждет ли его беда или великое счастье. Наконец он сел в экипаж, и через полчаса мы уже были в гостиной на Бейкер-стрит.

Дорогой не было произнесено ни единого слова. Но спутник наш так громко дышал, так крепко сжимал и разжимал ладони, что и без слов было ясно, в каком нервном возбуждении находился он во время пути.

— Ну, вот мы и дома! — весело сказал Холмс.— Что может быть лучше пылающего камина в такую погоду! Вы, кажется, озябли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, в плетеное кресло. Я только надену домашние туфли, и мы сейчас же займемся вашим делом. Ну вот! Вы хотите знать, что стало с теми гусями?

— Да, сэр.

— Пожалуй, вернее, с тем гусем? Мне кажется, вас интересовал лишь один из них — белый, с черной полоской на хвосте...

Райдер затрепетал от волнения.

— О сэр! — вскричал он.— Вы можете мне сказать, где находится этот гусь?

— Он здесь.

— Здесь?

— Да. И он оказался необыкновенным гусем. Неудивительно, что вы так заинтересовались им. После смерти он снес яйцо; красивое, сверкающее голубое яичко. Оно здесь, у меня в музее.

Наш посетитель встал, шатаясь, и правой рукой уцепился за каминную доску. Холмс открыл несгораемый шкаф и вытащил оттуда голубой карбункул, сверкавший, словно звезда, холодным ярким переливчатым светом. Райдер стоял с искаженным лицом, не зная, требовать ли камень себе или отказаться от всяких прав на него.

— Игра проиграна, Райдер,— спокойно сказал Шерлок Холмс.— Держитесь крепче на ногах, не то вы упадете в огонь. Помогите ему сесть, Уотсон. Он еще недостаточно

силен, чтобы хладнокровно мошенничать. Дайте ему глоток водки. Так. Теперь он немного похож на человека. Ну и жалкая же козявка!

Райдер зашатался и чуть не упал на пол, но водка вызвала на его щеки слабый румянец, и он сел, испуганно глядя на своего обличителя.

— Я знаю почти все, и в моих руках почти все доказательства, поэтому вам немногое придется добавить. Однако это немногое вы должны рассказать нам сейчас же, чтобы в деле не было ни малейшей неясности. Откуда вы узнали, Райдер, об этом голубом карбункуле графини Моркар?

— Мне сказала о нем Кэтрин Кьюзек,— ответил тот дрожащим голосом.

— Знаю: горничная ее сиятельства. И искушение легкой наживы оказалось слишком сильным для вас, как это неоднократно бывало и с более достойными людьми. И вы не стали разбираться в средствах. Мне кажется, Райдер, что из вас мог бы выйти неплохой негодяй! Вы знали, что этот паяльщик Хорнер был уже однажды уличен в воровстве и что подозрения раньше всего падут на него. Что же вы сделали? Вы сломали прут от каминной решетки в комнате графини — вы и ваша сообщница Кьюзек — и устроили так, что именно Хорнера послали сделать необходимый ремонт. Когда Хорнер ушел, вы украли камень из футляра, подняли тревогу, и бедняга был арестован. После этого...

Тут Райдер внезапно сполз на ковер и обеими руками обхватил колени моего друга.

— Ради бога, сжальтесь надо мной! — закричал он.— Подумайте о моем отце, о моей матери! Это убьет их! Я никогда не воровал! Никогда! Это не повторится, клянусь вам! Я поклянусь вам на Библии! О, не доводите этого дела до суда! Ради бога, не доводите его до суда!

— Ступайте на место,— сурово сказал Холмс.— Хорошо вам теперь пресмыкаться и ползать! А что вы думали, когда отправляли беднягу Хорнера на скамью подсудимых за преступление, в котором он неповинен?

— Я могу бежать, мистер Холмс! Я покину Англию, сэр! Тогда обвинение против него отпадет...

— Гм! Мы еще потолкуем об этом. А пока послушаем правдивый рассказ о том, что случилось после воровства.

Каким образом камень попал в гуся и как этот гусь попал на рынок? Говорите правду, ибо для вас правда — единственный путь к спасению.

Райдер провел языком по пересохшим губам.

— Я расскажу вам всю правду,— сказал он.— Когда арестовали Хорнера, я решил, что мне лучше унести камень, пока полиции не пришло в голову обыскать меня и мою комнату. В гостинице не было подходящего места, чтобы спрятать камень. Я вышел, будто по служебному делу, и направился к дому моей сестры. Она замужем за неким Окшотом, живет на Брикстон-роуд и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу для рынка. Каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком, и, несмотря на холодный вечер, пот градом струился у меня по лицу, пока я не дошел до Брикстон-роуд. Сестра спросила меня, что случилось и почему я так бледен. Я ответил, что меня взволновала кража драгоценности в нашем отеле. Потом я прошел на задний двор, закурил трубку и стал раздумывать, что предпринять.

У меня был приятель, по имени Модсли, который сбился с пути и отбыл срок наказания в Пентонвильской тюрьме. Однажды мы встретились с ним, разговорились о ворах, и он рассказал мне, как воры сбывают краденое. Я понимал, что он меня не выдаст, так как я сам знал за ним кое-какие грехи, и потому решил идти прямо к нему в Килбурн и посвятить его в свою тайну. Он научил бы меня, как превратить этот камень в деньги. Но как добраться до него? Я вспомнил о тех терзаниях, которые я пережил по пути из гостиницы. Каждую минуту меня могли схватить, обыскать и найти камень в моем жилетном кармане. Я стоял прислонившись к стене, глядя на гусей, которые, переваливаясь, бродили у моих ног, и внезапно мне пришла в голову мысль, как обмануть самого ловкого сыщика в мире...

Несколько недель назад сестра сказала мне, что к рождеству я получу от нее отборнейшего гуся в подарок, а я знал, что она всегда держит слово. Я решил взять гуся сейчас же и в нем донести камень до Килбурна. Во дворе был какой-то сарай, и за этот сарай я загнал огромного, очень хорошего гуся, белого с полосатым хвостом. Я поймал его, открыл ему клюв и как можно глубже засунул камень ему в глотку. Гусь глотнул, и я ощутил рукою, как камень

прошел к нему в зоб. Но гусь бился и хлопал крыльями, и сестра вышла узнать, в чем дело. Когда я повернулся к ней, чтобы ответить, негодный гусь вырвался у меня из рук и смешался со стадом.

«Что ты сделал с птицей, Джеймс?» — спросила сестра.

«Да вот,— сказал я,— ты говорила, что подаришь мне гуся к рождеству, и я пробовал, который из них пожирнее».

«О,— сказала она,— мы уже отобрали для тебя гуся. Мы так и называем его: «гусь Джеймса». Вон тот, большой, весь белый. Гусей всего двадцать шесть, из них один для тебя, один для нас, а две дюжины — на продажу».

«Спасибо, Мэгги,— сказал я.— Но если тебе все равно, дай мне того, которого я только что держал в руках».

«Твой тяжелее этого по крайней мере фунта на три, и мы откармливали его специально для тебя».

«Это ничего не значит. Я хочу именно этого и хочу сейчас же взять его с собой».

«Твое дело,— сказала сестра немного обиженно.— Какого же хотел бы ты взять?»

«Вон того белого, с черной полоской на хвосте... Вон он, в середине стада».

«Пожалуйста. Режь его и бери!»

Я так и сделал, мистер Холмс, и понес птицу в Килбурн. Я рассказал своему приятелю обо всем — он из тех людей, кому легко рассказывать подобные вещи. Он хохотал до упаду, а потом мы взяли нож и разрезали гуся. У меня остановилось сердце, когда я увидел, что камня здесь нет и что произошла страшная ошибка. Я оставил гуся, пустился бегом к сестре и влетел к ней на задний двор. Во дворе гусей не было.

«Где гуси, Мэгги?» — крикнул я.

«Отправлены торговцу».

«Какому торговцу?»

«Брэкинриджу, на Ковент-гарден».

«А был среди гусей еще один с полосатым хвостом — такой же, как и тот, которого я только что зарезал?» — спросил я.

«Да, Джеймс, было два гуся с полосатыми хвостами, и я всегда путала их».

Тут, конечно, я понял все и со всех ног помчался к этому Брэкинриджу. Но он уже распродал всех гусей и ни за что не хотел сказать кому. Вы слышали сами, как грубо

он мне отвечал. Сестра моя думает, что я сошел с ума. Порой мне самому кажется, что я сумасшедший. И вот... и вот я — презренный вор, хотя даже не прикоснулся к богатству, ради которого погубил свою жизнь. Боже, помоги мне! Боже, помоги!

Он судорожно зарыдал, закрыв лицо руками. Наступило долгое молчание, прерываемое лишь тяжелыми вздохами Райдера, да мерным постукиванием пальцев моего друга по краю стола. Вдруг Шерлок Холмс встал и распахнул настежь парадную дверь.

— Убирайтесь! — проговорил он.

— Как, сэр?.. О, да благословит вас небо!

— Ни слова! Убирайтесь отсюда!

Повторять не пришлось. На лестнице загрохотали стремительные шаги, внизу хлопнула дверь, и с улицы донесся быстрый топот.

— В конце концов, Уотсон,— сказал Холмс, протягивая руку к глиняной трубке,— я работаю отнюдь не затем, чтобы исправлять промахи нашей полиции. Если бы Хорнеру грозила опасность, тогда другое дело. Но Райдер не станет показывать против него, и дело заглохнет. Возможно, я делаюсь укрывателем мошенника, но, вернее, я спасаю человека от окончательной гибели. С этим молодцом подобных случаев уже не повторится — он слишком напуган. Жизнь столкнула нас со странной и забавной загадкой! Разрешение этой загадки — само по себе награда. Если вы будете любезны дернуть звонок, мы займемся новым «исследованием», в котором главную роль будет играть опять-таки птица: не забудьте, что к обеду у нас куропатка.

Пестрая лента

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса — а таких записей у меня больше семидесяти,— я нахожу в них немало трагического, кое-что забавное, кое-что странное, но нет ни в одной из них ничего заурядного. Работая из любви к своему искусству, а не ради денег, Холмс никогда не брался за расследование обыкновенных, банальных дел; его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Особенно причудливым кажется мне дело Ройлотта. Мы с Холмсом, два холостяка, жили тогда вместе на Бейкер-стрит. Вероятно, я бы и раньше опубликовал свои

записи, но я дал слово держать это дело в тайне и освободился от своего слова лишь месяц назад, после безвременной кончины той женщины, которой оно было дано. Пожалуй, будет небесполезно представить это дело в истинном свете, потому что молва приписывала смерть доктора Гримсби Ройлотта еще более ужасным обстоятельствам, чем те, которые были в действительности.

Проснувшись в одно апрельское утро 1883 года, я увидел, что Шерлок Холмс стоит у моей кровати. Одет он был не по-домашнему. Обычно он поднимался с постели поздно, но теперь часы на камине показывали лишь четверть восьмого. Я посмотрел на него с удивлением и даже несколько укоризненно.

— Весьма сожалею, что разбудил вас, Уотсон,— сказал он.— Но такой уж сегодня день. Разбудили миссис Хадсон, она — меня, а я — вас.

— Что же там такое? Пожар?

— Нет, клиентка. Какая-то девушка, ужасно взволнованная, приехала и непременно желает повидаться со мной. Она ждет в приемной. А уж если молодые дамы решаются в столь ранний час путешествовать по улицам столицы и поднимать с постелей незнакомых людей, я полагаю, что они хотят сообщить какие-то очень важные факты. Дело может оказаться интересным, и вам будет неприятно, если вы не услышите этой истории с самого первого слова.

— Буду счастлив услышать ее.

Я не знал большего наслаждения, как следовать за Холмсом во время его профессиональных занятий и любоваться его стремительной мыслью. Порою казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а каким-то вдохновенным чутьем, но на самом деле все его выводы были основаны на точной и строгой логике.

Я быстро оделся и через несколько минут был готов. Мы вошли в гостиную. Дама, одетая в черное, с густой вуалью на лице, поднялась при нашем появлении.

— Доброе утро, сударыня,— сказал Холмс приветливо.— Меня зовут Шерлок Холмс. Это мой близкий друг и помощник, доктор Уотсон, с которым вы можете быть столь же откровенны, как и со мной. Ага, я вижу: миссис Хадсон догадалась затопить камин. Это хорошо, так как вы очень продрогли. Подсаживайтесь поближе к огню и разрешите предложить вам чашку кофе.

— Не холод заставляет меня дрожать, мистер Холмс,— тихо сказала женщина, подсаживаясь к камину.

— А что же?

— Страх, мистер Холмс, ужас!

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, как она возбуждена, какое у нее бледное, искаженное ужасом лицо. В ее остановившихся глазах был испуг, словно у затравленного зверя. Ей было не больше тридцати лет, но в волосах уже блестела седина.

Шерлок Холмс окинул ее своим быстрым всепонимающим взглядом.

— Вам нечего бояться,— сказал он, ласково погладив ее по руке.— Я уверен, что нам удастся отстранить от вас все неприятности... Вы приехали утренним поездом.

— Разве вы меня знаете?

— Нет, но я заметил в вашей левой перчатке обратный билет. Вы рано встали, а потом, направляясь на станцию, долго тряслись в двуколке по скверной дороге..

Дама сильно вздрогнула и в замешательстве взглянула на Холмса.

— Здесь нет никакого чуда, сударыня,— сказал он, улыбаясь.— Левый рукав вашего жакета по крайней мере в семи местах обрызган грязью. Пятна совершенно свежие. Так обрызгаться можно только в двуколке, сидя слева от кучера.

— Все так и было,— сказала она.— Около шести часов я выбралась из дому, в двадцать минут седьмого была в Лэтерхэде и с первым поездом приехала в Лондон, на станцию Ватерлоо... Сэр, я не могу больше вынести этого, я сойду с ума! Я умру!.. У меня нет никого, к кому я могла бы обратиться. Есть, впрочем, один человек, который принимает во мне большое участие, но чем он может мне помочь, бедняга? Я слышала о вас, мистер Холмс, слышала от миссис Фаринтош, которой вы так помогли в минуту ее тяжелого горя. Она дала мне ваш адрес. О сэр, помогите и мне или по крайней мере попытайтесь пролить хоть немного света в тот непроницаемый мрак, который окружает меня! Я не в состоянии отблагодарить вас сейчас за ваши услуги, но месяца через два я буду замужем, тогда у меня будет право распоряжаться своими доходами, и вы увидите, что я умею быть благодарной.

Холмс подошел к конторке, открыл ее, достал оттуда записную книжку..

— Фаринтош...— сказал он.— Ах да, я вспоминаю этот случай. По-моему, это было еще до нашего знакомства, Уотсон. Дело шло о диадеме из опалов. Могу вас уверить, сударыня, что я буду счастлив отнестись к вашему делу с таким же усердием, с каким отнесся к делу вашей приятельницы. А вознаграждения мне никакого не нужно, так как моя работа и служит мне вознаграждением. Конечно, у меня будут кое-какие расходы, и их вы можете возместить, когда вам будет угодно. А теперь попрошу вас сообщить нам все подробности вашего дела.

— Увы!— ответила девушка.— Ужас моего положения заключается в том, что мои страхи так неопределенны и смутны, подозрения основываются на таких мелочах, что даже тот, к кому я имею право обратиться за советом и помощью, считает все мои рассказы бреднями нервной женщины. Он не говорит мне ничего, но я читаю это в его успокоительных словах и уклончивых взорах. Я слышала, мистер Холмс, что вы, как никто, разбираетесь во всяких порочных наклонностях человеческого сердца, и вы можете посоветовать, что мне делать среди окружающих меня опасностей.

— Я весь внимание, сударыня.

— Меня зовут Эллен Стонер. Я живу в доме моего отчима, Ройлотта. Он является последним отпрыском одной из старейших саксонских фамилий в Англии.

Холмс кивнул головой.

— Мне знакомо это имя,— сказал он.

— Было время, когда семья Ройлоттов была одной из самых богатых в Англии. На севере Ройлотты владели поместьями в Беркшире, а на западе — в Хемпшире. Но в прошлом столетии четыре поколения подряд проматывали свое состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью во времена регентства. От прежнего поместья остались лишь несколько акров земли да старинный дом, построенный лет двести назад. Впрочем, дом уже давно заложен.

Последний помещик из этого рода влачил в своем доме жалкое существование нищего аристократа. Но его единственный сын, мой отчим, поняв, что надо как-то приспособляться к новому положению вещей, взял взаймы у

какого-то родственника необходимую сумму денег, поступил в университет, окончил его с дипломом врача и уехал в Калькутту, где благодаря своему искусству и выдержке вскоре приобрел широкую практику. Но вот в доме у него случилась кража. Кража эта так возмутила Ройлотта, что в припадке бешенства он избил до смерти туземца-дворецкого, который служил у него. С трудом избежав смертной казни, он долгое время томился в тюрьме, а потом возвратился в Англию угрюмым и разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стонер, молодой вдове генерал-майора бенгальской артиллерии [1]. Мы были близнецы — я и моя сестра Джулия. Когда мать наша выходила замуж за доктора, нам едва минуло два года. Она обладала порядочным состоянием, дававшим ей не меньше тысячи фунтов дохода в год. По ее завещанию, всем этим доходом должен был пользоваться доктор Ройлотт, но только до тех пор, пока мы живем в его доме. Если мы выйдем замуж, каждой из нас должна быть выделена определенная сумма годового дохода.

Вскоре после нашего возвращения в Англию моя мать умерла — она погибла восемь лет назад при железнодорожной катастрофе. После ее смерти доктор Ройлотт оставил свои попытки обосноваться в Лондоне, чтобы наладить там медицинскую практику, и вместе с нами поселился в родовом поместье в Сток-Морене. Состояния нашей матери вполне хватало на то, чтобы удовлетворять все наши желания, и, казалось, ничто не должно было мешать нашему счастью.

Но странная перемена произошла с моим отчимом. Вместо того чтобы подружиться с соседями, которые вначале радовались, увидев, что Ройлотт из Сток-Морена вернулся в старое родовое гнездо, он заперся в усадьбе и очень редко выходил из дому, да и то лишь затем, чтобы затеять безобразную ссору с первым же человеком, который встретится ему на пути.

Бешеная вспыльчивость, доходящая до исступления, передавалась по мужской линии всем представителям этого

[1] Речь идет о британских колониальных войсках в одной из областей Индии — Бенгалии.

рода, а у моего отчима она, вероятно, еще более усилилась благодаря долгому пребыванию в тропиках.

Много было у него яростных столкновений с соседями. Два раза дело кончалось полицейским участком. Он сделался грозой всего селения... Нужно сказать, что он человек невероятной физической силы, и так как он в припадке гнева совершенно не владеет собой, люди при встрече с ним буквально шарахались в разные стороны.

На прошлой неделе он швырнул в реку местного кузнеца, и, чтобы откупиться от публичного скандала, мне пришлось отдать все деньги, какие я могла собрать. Единственные друзья его — кочующие цыгане. Этим бродягам он позволяет раскидывать шатры на небольшом, заросшем ежевикой клочке земли, составляющем все его родовое поместье, и порой кочует вместе с ними, по целым неделям не возвращаясь домой. Еще есть у него страсть к животным, которых присылает ему из Индии один знакомый, и в настоящее время по его владениям свободно разгуливают пантера и павиан, наводя на жителей почти такой же страх, как и он сам.

Из моих слов вы можете заключить, что мы с сестрой жили не слишком-то весело. Слуги не хотели жить у нас, и долгое время всю домашнюю работу мы исполняли сами. Сестре было всего тридцать лет, когда она умерла, а у нее уже начинала пробиваться седина, такая же, как у меня.

— Ваша сестра умерла?

— Она умерла ровно два года назад, и как раз о ее смерти я хочу рассказать вам. Вы сами понимаете, что при таком образе жизни у нас было мало возможностей встречаться с людьми нашего возраста и нашего круга. У нас есть незамужняя тетка, сестра нашей матери, мисс Гонория Уэстфайл, которая живет близ Хэрроу, и к ней время от времени нас отпускали погостить. Два года назад моя сестра Джулия проводила у нее рождество. Там она встретилась с отставным майором флота, и он сделался ее женихом. Вернувшись домой, она рассказала о своей помолвке нашему отчиму. Отчим не возражал против ее замужества, но за две недели до свадьбы случилось ужасное событие, лишившее меня моей единственной подруги...

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на диванную подушку. Глаза его были

закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

— Прошу вас рассказать все возможно точнее, не пропуская ни одной подробности,— сказал он.

— Мне легко быть точной, потому что все события этого ужасного времени глубоко врезались в мою память... Как я уже говорила, помещичий дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит доктор Ройлотт, во второй спала моя сестра, а в третьей — я. Между спальнями нет сообщения, все они выходят в один коридор. Достаточно ли ясно я рассказываю?

— О да, очень ясно.

— Окна всех трех спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройлотт рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он не лег, так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Запах этот заставил сестру покинуть свою комнату и перейти в мою, где мы просидели некоторое время, болтая о ее предстоящем замужестве. В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня:

«Скажи, Эллен, не кажется ли тебе по ночам, будто кто-то свистит?»

«Нет»,— сказала я.

«И ты уверена, что тебе не случалось свистеть во время сна?»

«Конечно, не случалось. Но почему ты спрашиваешь об этом?»

«В последние ночи, часов около трех, мне ясно слышится тихий отчетливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит меня. Я не могу понять, откуда он доносится,— быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слыхала ли ты его».

«Нет, не слыхала. Может, свистят цыгане?»

«Очень возможно. Однако если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слышала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, все это пустяки»,— улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как щелкнул ключ в ее двери.

— Вот как! — сказал Холмс.— Вы на ночь всегда запирались на ключ?

— Всегда.

— А почему?

— Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили пантера и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

— Понимаю. Прошу продолжать.

— Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Была жуткая ночь: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди грохота бури раздался дикий вопль ужаса. То кричала моя сестра. Я спрыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось, что я слышу тихий свист, о котором мне рассказывала сестра, а затем что-то звякнуло, словно упал на землю тяжелый металлический предмет. Подбежав к комнате сестры, я увидела, что дверь приоткрыта. Я остановилась, пораженная ужасом, не понимая, что происходит. При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с белым от ужаса лицом, протягивая вперед руки, словно моля о помощи. Подбежав к ней, я обняла ее, но в это мгновение колени ее подогнулись и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, а руки и ноги ее сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнала, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула... О, я никогда не забуду ее страшного голоса!

«Боже мой, Эллен!— кричала она.— Пестрая банда!»

Она пыталась еще что-то сказать, указала пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал ее слова.

Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он вбежал к ней в комнату. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за деревенским врачом, но все усилия спасти ее были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры...

— Позвольте спросить,— сказал Холмс,— вы уверены, что слышали свист и металлический лязг? Могли бы вы показать это под присягой?

— Об этом спрашивал меня следователь на допросе. Мне кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение завывания бури и потрескивания старого дома.

— Ваша сестра была одета?

— Нет, она выбежала в одной ночной рубашке. В правой руке у нее была обгорелая спичка, а в левой спичечная коробка.

— Это доказывает, что она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало ее. Очень важная подробность. А к каким выводам пришел следователь?

— Он тщательно изучил все это дело, потому что буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось найти мало-мальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались очень прочными. Исследование полов тоже не дало результатов. Печная труба широка, в ней целых четыре вьюшки. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей ее катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

— А как насчет яда?

— Врачи исследовали ее, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

— Что же, по-вашему, было причиной смерти?

— Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я не представляю себе, кто мог ее так напугать.

— А цыгане были в то время в усадьбе?

— Да, цыгане почти всегда живут у нас.

— А что, по-вашему, могли означать ее слова о банде, о пестрой банде?

— Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда я думала, что они относятся к какой-то банде людей — может быть, к бàнде цыган. Но почему эта банда пестрая? Возможно, что платки в крапинку, которые многие цыганки носят на голове, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, такое объяснение не удовлетворяло его.

— Это дело темное,— сказал он.— Прошу вас, продолжайте.

— С тех пор прошло два года, и жизнь моя была еще более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один близкий мне человек, которого я знала много лет, сделал мне предложение. Его зовут Эрмитедж, Пэрси Эрмитедж, он второй сын мистера Эрмитеджа из Крэнуотера, близ Рединга. Мой отчим не возражал против нашего брака, и весной мы должны были обвенчаться.

Два дня назад в западном крыле нашего дома начались кое-какие переделки. Была пробита стена моей спальни, и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она. Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лежа без сна и размышляя о ее трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником гибели сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Лечь в постель я не могла — я была слишком взволнованна, поэтому я оделась и, чуть рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Лэтерхэд, а оттуда сюда — с одной только мыслью повидать вас и просить у вас совета.

— Вы очень умно поступили,— сказал мой друг.— Но всё ли вы рассказали мне?

— Да, всё.

— Нет, не всё, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

— Я не понимаю вас...

Вместо ответа Холмс откинул черную кружевную отделку рукава нашей посетительницы. Пять багровых пятнышек — следы пяти пальцев — явно виднелись на белом запястье.

— С вами обошлись очень жестоко,— сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

— Отчим суровый человек,— сказала она.— Он очень силен и, возможно, сам не сознает своей силы.

Наступило долгое молчание, во время которого Холмс

сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивавший в камине огонь.

— Это очень сложное дело,— сказал он наконец.— Мне хотелось бы выяснить еще тысячи подробностей, прежде чем решить, как надо действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Если бы мы сегодня же приехали в Сток-Морен, удалось бы нам осмотреть эти комнаты так, чтобы ваш отчим ничего не узнал?

— Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то очень важным делам. Возможно, что он будет отсутствовать весь день, и тогда никто вам не помешает. У нас есть экономка, но она стара и глупа, и я легко могу удалить ее.

— Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Уотсон?

— Ровно ничего.

— Тогда мы приедем оба. А что вы сами собираетесь делать?

— У меня есть кое-какие дела, которые мне хотелось бы сделать здесь, в городе. Но я вернусь двенадцатичасовым поездом, чтобы быть на месте к вашему приезду.

— Ждите нас вскоре после полудня. У меня тоже здесь есть кое-какие дела. Может быть, вы останетесь и позавтракаете с нами?

— Нет, мне надо идти! У меня камень свалился с души, когда я рассказала вам о своем горе. Я буду рада снова увидеться с вами.

Она опустила на лицо черную густую вуаль и вышла из комнаты.

— Так что же вы обо всем этом думаете, Уотсон? — спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

— По-моему, это в высшей степени темное и грязное дело.

— Достаточно грязное и достаточно темное.

— Но если наша гостья права, утверждая, что пол и стены в той комнате крепки, что через двери, окна и печную трубу невозможно туда проникнуть, ее сестра в минуту своей таинственной смерти находилась в полном одиночестве.

— В таком случае, что означают эти ночные свисты и в высшей степени странные слова умирающей?

— Представить себе не могу.

— Если сопоставить все факты вместе: ночные свисты, банду цыган, с которой у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то банду и, наконец, тот факт, что мисс Эллен Стонер слышала какой-то металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни... если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы,— я полагаю, что мы напали на верные следы, которые помогут нам пролить свет на это таинственное происшествие.

— Что же, по-вашему, делали здесь цыгане?

— Не знаю... Не могу сообразить.

— У меня множество возражений против вашей гипотезы.

— У меня тоже, и потому мы сегодня же едем в Сток-Морен. Я хочу проверить все на месте... Но, черт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась и в комнату ввалился какой-то субъект колоссального роста. Одет он был не то как врач, не то как помещик. Его костюм представлял собою странную смесь: черный цилиндр, длинный сюртук, высокие гетры и охотничий хлыст. Он был так высок, что шляпой задевал верхнюю перекладину нашей двери, и так широк в плечах, что едва протискался в эту дверь. Его толстое, желтое от загара лицо было перерезано тысячью морщин, а глубоко сидящие, злобно сверкающие глаза и длинный, тонкий, костлявый нос придавали ему сходство со старой хищной птицей.

Он переводил взгляд с Шерлока Холмса на меня и обратно.

— Который из вас Холмс? — промолвил наконец посетитель.

— Это мое имя, сэр,— спокойно ответил мой друг.— Теперь вы имеете предо мной преимущество, так как ваша фамилия мне неизвестна.

— Я доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морена.

— Садитесь, пожалуйста, доктор,— любезно сказал Шерлок Холмс.

— Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?

— Холодная у нас нынче весна! — сказал Холмс.

— Что она говорила вам? — злобно закричал старик.

— Но я слышал, что крокусы будут отлично цвести,— невозмутимо продолжал мой приятель.

— Ага, вы хотите отделаться от меня! — сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая охотничьим хлыстом.— Знаю я вас: вы подлец! Я уже слышал про вас. Вы любите соваться в чужие дела.

Мой друг улыбнулся.

— Вы проныра!

Холмс улыбнулся еще шире.

— Полицейская ищейка!

Холмс от души расхохотался.

— Вы удивительно приятный собеседник,— сказал он.— Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

— Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стонер была здесь, я выследил ее! Горе тому, кто станет у меня на пути! Глядите!

Он быстро подошел, взял кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми руками.

— Постарайтесь не попадаться мне в лапы! — прорычал он, швырнул искривленную кочергу в камин и вышел из комнаты.

— Какой любезный господин! — смеясь, сказал Холмс.— Я не такой великан, но если бы он не ушел, мне пришлось бы показать ему, что я едва ли слабее его.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил ее.

— Какая наглость смешивать меня с полицейскими! Благодаря этому происшествию наши исследования стали еще интереснее. Надеюсь, что наша приятельница не пострадает оттого, что так необдуманно позволила этой скотине проследить за собой. Сейчас, Уотсон, мы позавтракаем, а затем я отправлюсь к юристам и наведу у них несколько справок.

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

— Я видел завещание покойной жены доктора,— сказал он.— Чтобы точнее разобраться в нем, мне пришлось справиться о нынешней стоимости ценных бумаг, в которых

помещено состояние покойной. В год смерти общий доход ее составлял почти тысячу сто фунтов стерлингов, но с тех пор, в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты, уменьшился до семисот пятидесяти фунтов стерлингов. При выходе замуж каждая дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получал бы только жалкие крохи. Его доходы значительно уменьшились бы и в том случае, если бы замуж вышла лишь одна из дочерей... Я не напрасно потратил все утро, так как получил ясные доказательства, что у отчима были весьма важные основания препятствовать замужеству падчериц. Обстоятельства слишком серьезны, Уотсон, и нельзя терять ни минуты, тем более что старик уже знает, как мы интересуемся его делами. Если вы готовы, надо поскорей вызвать кэб и ехать на вокзал. Буду вам чрезвычайно признателен, если вы сунете в карман револьвер. Револьвер — превосходный аргумент для джентльмена, который может завязать узлом стальную кочергу. Револьвер да зубная щетка — вот и все, что нам понадобится.

На вокзале Ватерлоо нам посчастливилось сразу попасть в вагон. Приехав в Лэтерхэд, мы в гостинице возле станции взяли тарантас и проехали миль пять живописными дорогами Сэрри. Был чудный солнечный день, и лишь несколько перистых облаков плыло по небу. На деревьях и на живой изгороди возле дорог только что распустились зеленые почки, и воздух был напоен восхитительным запахом влажной земли.

Странным казался мне контраст между сладостным пробуждением весны и ужасным делом, из-за которого мы прибыли сюда! Мой приятель сидел, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза, опустив подбородок на грудь, погруженный в глубокие думы. Внезапно он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал мне на луга куда-то вдаль:

— Посмотрите!

Обширный парк раскинулся по склону холма; из-за веток виднелись очертания крыши и шпиль старинного помещичьего дома.

— Сток-Морен? — спросил Шерлок Холмс.

— Да, сэр, это дом доктора Гримсби Ройлотта,— ответил возница.

— Там сбоку есть постройка,— сказал Холмс.— Нам нужно попасть туда.

— Мы едем к деревне,— сказал возница, указывая на крыши, видневшиеся в некотором отдалении слева.— Но если вы хотите скорей попасть к дому, ближе всего вам будет перелезть через изгородь, потом пройти полями по тропинке. По той тропинке, где идет эта леди.

— А эта леди как будто мисс Стонер,— сказал Холмс, заслоняя глаза от солнца.— Да, мы пойдем по тропинке.

Мы вышли из тарантаса, расплатились, и экипаж покатил обратно в Лэтерхэд.

— Пусть этот малый думает, что мы архитекторы,— сказал Холмс,— тогда наш приезд не вызовет особых толков. Добрый день, мисс Стонер! Видите, как точно мы сдержали свое слово!

Наша утренняя посетительница радостно спешила нам навстречу.

— Я с таким нетерпением ждала вас! — воскликнула она, горячо пожимая нам руки.— Все устроилось чудесно: доктор Ройлотт уехал в город и вряд ли возвратится раньше вечера.

— Мы имели удовольствие познакомиться с доктором,— сказал Холмс и в двух словах рассказал о том, что произошло.

Мисс Стонер побледнела.

— Боже мой! — воскликнула она.— Значит, он шел за мной следом!

— Похоже на то.

— Он так хитер, что я никогда не чувствую себя в безопасности. Что скажет он, когда возвратится?

— Придется ему быть осторожнее, потому что здесь может найтись кое-кто похитрее его. Вы должны на ночь запереться от него на ключ. Если он будет буйствовать, мы увезем вас к вашей тетке в Хэрроу... Ну, а теперь нам нужно как можно лучше использовать время, и потому проводите нас, пожалуйста, в те комнаты, которые мы должны обследовать.

Дом был построен из серого, покрытого лишайником камня и имел два полукруглых крыла, распростертых, словно клещи краба, по обеим сторонам высокого центрального здания. В одном из этих крыльев окна были выбиты и заколочены досками; крыша местами провалилась. Центральная часть казалась почти столь же разрушенной. Зато правое крыло было сравнительно недавно отделано, и по шторам на окнах, по голубоватым дымкам, которые вились из труб, видно было, что семья живет именно здесь. У крайней стены были воздвигнуты леса, начаты кое-какие работы. Но ни одного каменщика не было видно.

Холмс стал медленно расхаживать по нерасчищенной лужайке, с глубоким вниманием изучая внешний вид окон.

— Насколько я понимаю, тут комната, в которой вы жили прежде. Среднее окно — из комнаты вашей сестры, а третье окно, то, что поближе к главному зданию,— из комнаты доктора Ройлотта...

— Совершенно правильно. Но теперь я живу в средней комнате.

— Понимаю, из-за ремонта. Кстати, как-то незаметно, чтобы эта стена нуждалась в столь неотложном ремонте.

— Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы убрать меня из моей комнаты.

— Весьма вероятно. Итак, вдоль противоположной стены тянется коридор, куда выходят двери всех трех комнат. В коридоре, без сомнения, есть окна?

— Да, но очень маленькие. Такие узкие, что в них невозможно пролезть.

— Так как вы обе запирались на ключ, то с той стороны пробраться в ваши комнаты было никак нельзя. Будьте любезны, пройдите в свою комнату и закройте ставни.

Мисс Стонер исполнила его просьбу. Холмс употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно: не было ни одной щелки, сквозь которую можно было бы просунуть хоть лезвие ножа, чтобы поднять засов. Он при помощи лупы осмотрел петли, но они были из твердого железа и крепко вделаны в массивную стену.

— Гм! — проговорил он, в раздумье почесывая подбородок.— Моя первоначальная гипотеза не подтверждается фактами. Никто не может влезть в эти окна, когда ставни закрыты... Ладно, посмотрим, не удастся ли нам выяснить что-нибудь, осмотрев комнаты изнутри.

Маленькая боковая дверца вела в выбеленный известкой коридор, в который выходили двери всех трех спален. Холмс не счел нужным осматривать третью комнату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стонер

и где умерла ее сестра. Это была просто обставленная комнатка с низким потолком и с широким камином из тех, что встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный стол. Убранство комнаты довершали два стула да плетеный коврик посередине. Панели на стенах были из темного, источенного червями дуба, такие древние, что, казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг всей комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

— Куда проведен этот звонок? — спросил он наконец, указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала почти на подушке.

— Он проведен в комнату прислуги.

— Он как будто новее всех прочих вещей.

— Да, он проведен всего два-три года назад.

— Вероятно, ваша сестра просила об этом?

— Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда всё делали сами.

— Действительно, здесь это лишняя роскошь. Вы меня извините, я задержу вас на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперед по полу, внимательно исследуя каждую трещину в половицах. Так же тщательно он осмотрел и панели на стенах. Потом подошел к кровати, внимательно оглядел ее и всю стену. Потом взял шнур от звонка и дернул его.

— А звонок-то фальшивый! — сказал он.

— Он не звонит?

— Он даже не соединен с проводом. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентиляции.

— Как странно! Я и не заметила этого.

— Очень странно...— бормотал Холмс, дергая шнур.— В этой комнате многое обращает на себя внимание. Например, каким нужно быть безмозглым строителем, чтобы вывести вентиляцию в соседнюю комнату, когда ее с такой же легкостью можно было вывести наружу!

— Все это сделано тоже очень недавно,— сказала Эллен.

— Сделано примерно в одно время со звонком,— заметил Холмс.

— Да, как раз в то время здесь произвели кое-какие переделки.

— Интересные переделки: звонки, которые не звонят, и вентиляция, которая не вентилирует помещение. С вашего позволения, мисс Стонер, мы перенесем наши исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримсби Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлена так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техническими, кресло рядом с кроватью, простой плетеный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф — вот те предметы, которые бросились нам в глаза при входе в комнату. Холмс медленно похаживал вокруг, исследуя каждую вещь с живейшим интересом.

— Что здесь? — спросил он, стукнув по несгораемому шкафу.

— Деловые бумаги.

— Ого! Значит, вы заглядывали в этот шкаф?

— Только раз, несколько лет назад. Я помню, там была куча бумаг.

— А нет ли в нем, например, кошки?

— Нет. Что за странная мысль.

— А вот посмотрите!

Он снял со шкафа маленькое блюдце с молоком.

— Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть пантера и павиан.

— Пантера, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдце может удовлетворить ее жажду. В этом кроется как раз то, что хотел бы я выяснить.

Он присел на корточки перед стулом и принялся с глубоким вниманием изучать его сиденье.

— Благодарю вас, все ясно,— сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман.— Ага, вот нечто весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая плеть для собаки, висевшая в углу кровати. На ее конце была петля.

— Что вы об этом думаете, Уотсон?

— По-моему, самая обыкновенная плеть. Не понимаю, для чего понадобилось свертывать ее в петлю.

— Не такая уж обыкновенная... Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал все, что мне нужно, а теперь, с вашего разрешения, мы выйдем пройтись по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и мрачным. Некоторое время мы расхаживали взад и вперед в глубоком молчании, и ни я, ни мисс Стонер не прерывали течения его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости.

— Очень важно, мисс Стонер, чтобы вы в точности следовали моим советам,— сказал он.

— Я исполню все беспрекословно.

— Обстоятельства слишком серьезны, и колебаться нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

— Я отдаю себя в ваши руки.

— Во-первых, мы оба — мой друг и я — должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стонер и я взглянули на него с изумлением.

— Это необходимо. Я вам все объясню. Что это там, на той стороне? Деревенская гостиница?

— Да, там «Корона».

— Очень хорошо. Оттуда видны ваши окна?

— Конечно.

— Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, уйдите в свою комнату и запритесь на ключ. Потом, когда вы услышите, что он пошел спать, вы откроете ставни вашего окна, снимете засов и поставите на окно лампу; эта лампа будет для нас сигналом. Потом, захватив с собой все, что пожелаете, вы пройдете в ту комнату, которую раньше занимали. Я убежден, что, несмотря на ремонт, вы можете один раз переночевать в ней.

— Безусловно.

— Остальное предоставьте нам.

— Но что же вы собираетесь сделать?

— Мы проведем ночь в вашей комнате и выясним причину шума, напугавшего вас.

— Мне кажется, мистер Холмс, что вы уже пришли к какому-то выводу,— сказала мисс Стонер, дотрагиваясь до рукава моего друга.

— Быть может, да.

— Тогда, ради всего святого, скажите мне: отчего умерла моя сестра?

— Я хотел бы собрать более точные улики.

— Тогда скажите мне, по крайней мере, верно ли мое предположение, что она умерла от внезапного испуга?

— Нет, неверно: я полагаю, что причина ее смерти была более вещественна... А теперь, мисс Стонер, мы должны вас покинуть, потому что, если мистер Ройлотт, возвратившись, увидит нас, наша поездка окажется совершенно напрасной. До свиданья! Будьте мужественны, сделайте все, что я сказал, и не сомневайтесь, что мы быстро устраним грозящую вам опасность.

Мы с Шерлоком Холмсом без всяких затруднений сняли номер в гостинице «Корона». Номер наш находился в верхнем этаже, и из нашего окна видны были ворота парка и обитаемое крыло стокморенского дома. В сумерках мы видели, как мимо проехал доктор Гримсби Ройлотт; его грузное тело вздымалось горой рядом с тощей фигурой мальчишки, правившего экипажем. Мальчишке не сразу удалось открыть тяжелые ворота, и мы слышали, как хрипло рычал на него доктор, и видели, с какой яростью он потрясал перед ним кулаками. Экипаж миновал ворота, и через несколько минут свет от лампы, зажженной в одной из гостиных, замелькал среди деревьев.

Мы сидели в потемках, не зажигая огня.

— Право, не знаю,— сказал Холмс,— брать ли вас сегодня ночью с собой! Дело-то, оказывается, очень опасное.

— Могу ли я быть полезен вам?

— Ваша помощь может оказаться огромной.

— Тогда я непременно пойду.

— Спасибо.

— Вы говорите об опасности. Очевидно, вы видели в этих комнатах что-то такое, чего я не видел.

— Нет, я видел то же самое, но сделал другие выводы.

— Я не заметил в комнате ничего странного, кроме шнура от звонка, но, признаюсь, не способен понять, для какой цели может служить такой звонок.

— А на вентиляцию вы обратили внимание?

— Да, но мне кажется, что в этом маленьком отверстии между двумя комнатами нет ничего необычного. Оно так мало, что даже мышь едва ли пролезет сквозь него.

— Я знал об этом отверстии прежде, чем мы приехали в Сток-Морен.

— Неужели?

— Да, знал. Вы помните, мисс Стонер сказала, что ее сестра чувствовала запах сигар доктора Ройлотта? А это доказывает, что между двумя комнатами есть отверстие, и, конечно, оно очень мало, иначе оно было бы замечено следователем при осмотре комнаты. Я решил, что тут должна быть вентиляция.

— Но какую опасность может таить в себе вентиляция?

— А посмотрите, какое странное совпадение: над кроватью просверливают отверстие для вентиляции, вешают шнур, и леди, спящая на кровати, умирает. Разве это не поражает вас?

— Я до сих пор не могу связать эти обстоятельства.

— А в кровати вы не заметили ничего особенного?

— Нет.

— Она привинчена к полу. Вы когда-нибудь видели прежде, чтобы кровати привинчивали к полу?

— Пожалуй, не видел.

— Леди не могла передвинуть свою кровать, ее кровать всегда оставалась в одном и том же положении по отношению к вентиляционному отверстию и шнуру. Этот звонок приходится называть просто шнуром, так как он не звонит.

— Холмс! — вскричал я.— Кажется, для меня немного проясняется то, что для вас совершенно ясно. Мы явились как раз вовремя, чтобы предотвратить ужасное и утонченное преступление.

— Да, утонченное и ужасное. Когда врач совершает преступления, он ужаснее всех прочих преступников. У него сильные нервы и опасные знания... Этот человек очень хитер, но я надеюсь, Уотсон, что нам удастся перехитрить его. Сегодня ночью нам предстоит пережить немало страшного, и потому прошу вас, давайте пока спокойно закурим трубки и проведем эти несколько часов, разговаривая о чем-нибудь более веселом.

Часов около девяти свет, видневшийся между деревьями, погас, и усадьба погрузилась во тьму. Так прошло часа два, и вдруг ровно в одиннадцать одинокий яркий свет засиял прямо против нашего окна.

— Это сигнал для нас,— сказал Холмс, вскакивая.— Свет горит в среднем окне.

Выходя, он объяснил хозяину гостиницы, что мы идем в гости к одному знакомому и, возможно, там и переночуем. Через минуту мы вышли на темную дорогу. Свежий ветер дул нам в лицо, и желтый свет, мерцая перед нами во мраке, указывал путь.

Попасть к дому было нетрудно, потому что старая ограда обрушилась во многих местах. Пробираясь между деревьями, мы достигли лужайки, пересекли ее и только собирались лезть в окно, как вдруг какое-то существо, похожее на отвратительного урода-ребенка, выскочило из лавровых кустов, бросилось, корчась, на траву, а потом быстро промчалось через лужайку и скрылось в темноте.

— Боже! — прошептал я.— Вы видели?

В первое мгновение Холмс испугался не меньше меня. Он схватил мою руку и сжал ее словно тисками. Потом тихо рассмеялся и пробормотал еле слышно:

— Милая семейка! Ведь это павиан.

Я забыл о любимцах доктора. А пантера, которая каждую минуту может оказаться у нас на плечах? Признаться, я почувствовал себя значительно лучше, когда, следуя примеру Холмса, сбросил ботинки, влез в окно и очутился в спальне. Мой друг бесшумно закрыл ставни, переставил лампу на стол и быстро оглядел комнату. Здесь было все как днем. Он приблизился ко мне и, сложив руку трубкой, прошептал:

— Малейший звук погубит нас.

Я кивнул головой.

— Нам придется сидеть без огня. Сквозь вентиляцию он может заметить свет.

Я кивнул еще раз.

— Не засните — от этого зависит ваша жизнь. Держите револьвер наготове. Я сяду на край кровати, а вы садитесь на стул.

Я вытащил револьвер и положил его на угол стола. Холмс принес с собой длинную тонкую трость и положил ее возле себя на кровать вместе с коробкой спичек и огарком свечи, потом задул лампу, и мы остались в полной темноте.

Забуду ли я когда-нибудь эту страшную бессонную ночь! Ни один звук не доносился до меня. Я не слышал даже дыхания своего друга, а между тем знал, что он сидит в двух шагах от меня с открытыми глазами,

в таком же напряженном нервном состоянии, как и я. Ставни не пропускали ни малейшего луча, и мы сидели в абсолютной тьме. Изредка снаружи доносился крик ночной птицы, а раз у самого нашего окна раздался протяжный вой, похожий на кошачье мяуканье: пантера, видимо, в самом деле гуляла на свободе. Слышно было, как вдалеке церковные часы глухо отбивали четверти. Какими долгими они казались нам, каждые пятнадцать минут! Пробило двенадцать, час, два, три, а мы всё сидели молча, ожидая чего-то неизбежного.

Внезапно в отверстии над кроватью мелькнул луч света. Он сразу же исчез, но мы почувствовали сильный запах горелого масла и накаленного металла — кто-то в соседней комнате зажег потайной фонарь. Я услышал, как что-то двинулось, потом все смолкло, и только запах стал еще сильнее. С полчаса я сидел, напряженно вглядываясь в темноту. Внезапно послышался какой-то новый звук, нежный и тихий, словно вырывалась из котла тонкая струйка пара. Услыхав этот звук, Холмс сразу вскочил с кровати, чиркнул спичкой и яростно хлестнул своей тростью по шнуру.

— Вы видите ее, Уотсон?— проревел он.— Видите?

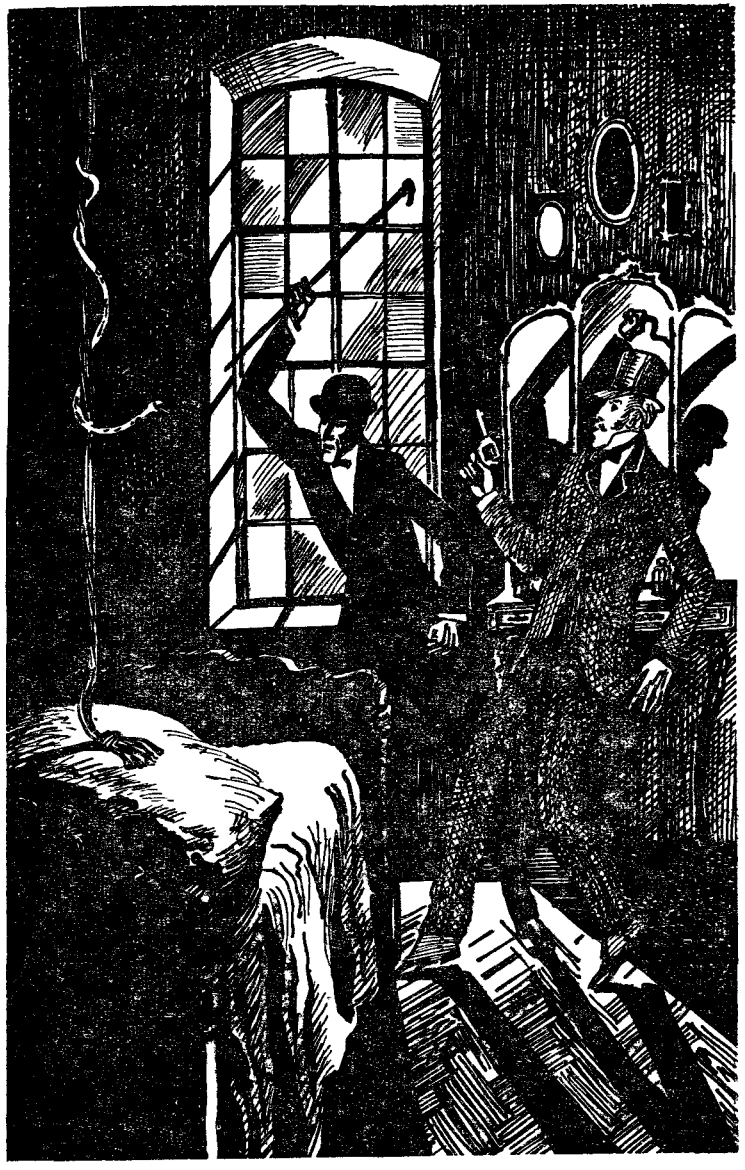
Но я ничего не видел. Пока Холмс чиркал спичкой, я слышал тихий отчетливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомленные глаза, что я не мог ничего разглядеть и не понял, почему Холмс так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице.

Холмс перестал хлестать, но не спускал глаз с отверстия в стене, и вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание, страх и ярость, становился все громче и громче. Рассказывали потом, что не только в деревне, но даже в отдаленном домике священника крик этот разбудил всех спящих. Мы в ужасе глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в тишине.

— Что это значит?— спросил я, задыхаясь.

— Это значит, что все кончено,— ответил Холмс.— И, в сущности, это к лучшему. Возьмите револьвер, и пойдем в комнату доктора Ройлотта.

Лицо его было сурово. Он зажег лампу и пошел по

коридору. Дважды он стукнул в дверь комнаты доктора, но изнутри никто не ответил. Тогда он повернул ручку и вошел в комнату. Я шел за ним следом, держа в руке заряженный револьвер.

Необычайное зрелище представилось нашим взорам. На столе стоял потайной фонарь, бросая яркий луч света на железный несгораемый шкаф, дверца которого была полуоткрыта. У стола на соломенном стуле сидел доктор Гримсби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы еще днем заметили в его комнате. Он сидел, задрав подбородок кверху, неподвижно устремив глаза в потолок; в его взоре застыло страшное, угрюмое выражение. Вокруг его головы обвилась какая-то необыкновенная, желтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал ни звука.

— Лента! Пестрая лента! — прошептал Холмс.

Я сделал шаг вперед. В то же мгновение странный головной убор зашевелился, и из волос доктора Ройлотта поднялась граненая головка ужасной змеи.

— Болотная гадюка!— вскричал Холмс.— Самая смертоносная индийская змея! Он умер через десять секунд после укуса. «Поднявший меч от меча и погибнет». Посадим эту тварь в ее логово, потом отправим мисс Стонер в какое-нибудь спокойное место и дадим знать полиции о том, что случилось.

При этих словах он быстро взял плеть с колен мертвого, накинул петлю на голову змеи, стащил ее с ее ужасного насеста, понес змею на вытянутой руке к несгораемому шкафу, швырнул туда и захлопнул дверцу.

Таковы истинные обстоятельства смерти доктора Гримсби Ройлотта из Сток-Морена. Не стану подробно рассказывать, как мы сообщили печальную новость испуганной девушке, как с утренним поездом мы препроводили ее на попечение тетки в Хэрроу и как туповатое полицейское следствие пришло к заключению, что доктор погиб от собственной неосторожности, забавляясь со своей любимицей — ядовитой змеей. Остальное Шерлок Холмс рассказал мне, когда мы на следующий день ехали обратно.

— Вначале я пришел к совершенно неправильным выводам, мой дорогой Уотсон,— сказал он,— и это доказывает, как опасно опираться на неточные данные. Присутствие цыган, слово «банда»[1], сказанное несчастной девушкой,— всего этого было достаточно, чтобы навести меня на ложный след. Но когда мне стало ясно, что в комнату невозможно проникнуть ни через дверь, ни через окно, что не оттуда грозит опасность обитателю этой комнаты, я сразу понял свою ошибку, и это может послужить мне оправданием. Как я уже говорил вам, внимание мое сразу привлекли вентиляция и шнур от звонка, висящий над кроватью. Когда обнаружилось, что звонок фальшивый, а кровать прикреплена к полу, у меня сразу зародилось подозрение, что шнур служит лишь мостом, соединяющим отверстие с кроватью. Мне сразу пришла мысль о змее, а зная, как доктор любит окружать себя всевозможными индийскими тварями, я понял, что, пожалуй, напал на верный след. Именно такому хитрому, жестокому злодею, прожившему много лет на Востоке, могло прийти к голову употребить яд, который нельзя обнаружить химическим путем. В пользу этого яда, с его точки зрения, говорило и то, что он действует мгновенно. Следователь должен был бы обладать поистине необыкновенно острым зрением, чтобы разглядеть два крошечных темных пятнышка, оставленных зубами змеи. Потом я вспомнил о свисте. Свистом доктор звал змею обратно, чтобы ее не увидели на рассвете. Вероятно, давая ей молоко, он приучил ее возвращаться к нему. Змею он пропускал через вентиляцию в самый глухой час ночи и знал наверняка, что она поползет по шнуру и спустится на кровать. Рано или поздно девушка должна была стать жертвой ужасного замысла, змея ужалила бы ее — если не сейчас, то через неделю. Я пришел к этим выводам еще до того, как посетил комнату доктора Ройлотта. Когда же я исследовал сиденье его стула, я понял, что у доктора была привычка становиться на стул, чтобы достать до вентиляции. А когда я увидел несгораемый шкаф, блюдце с молоком и плеть, мои последние сомнения окончательно рассеялись. Металлический лязг, который слышала мисс Стонер, был, очевидно, стуком дверцы

[1] В английском языке слово «band» означает и «банда» и «лента».

несгораемого шкафа, куда доктор прятал змею. Вам известно, что я предпринял, убедившись в правильности своих выводов. Как только я услышал шипенье змеи, я немедленно зажег свет и начал стегать ее тростью.

— Вы прогнали ее назад в вентиляцию...

— ... и тем самым заставил напасть на хозяина. Удары моей трости разозлили ее, в ней проснулась змеиная злоба, и она напала на первого попавшегося ей человека. Таким образом, я косвенно виновен в смерти доктора Гримсби Ройлотта, но не могу сказать, чтобы эта вина тяжким бременем легла на мою совесть.

Обряд дома Месгрейвов

В характере моего друга Холмса меня часто поражала одна странная особенность: хотя в своей умственной работе он был точнейшим и аккуратнейшим из людей, а его одежда всегда отличалась не только опрятностью, но даже изысканностью, во всем остальном это было самое беспорядочное существо в мире и его привычки могли свести с ума любого человека, живущего с ним под одной кровлей.

Не то чтобы я сам был безупречен в этом отношении. Сумбурная работа в Афганистане, еще усилившая мое врожденное пристрастие к кочевой жизни, сделала меня более безалаберным, чем это позволительно для врача.

Но все же моя неаккуратность имеет известные границы, и когда я вижу, что человек держит свои сигары в ведерке для угля, табак — в носке персидской туфли, а письма, которые ждут ответа, прикалывает перочинным ножом к деревянной доске над камином, мне, право же, начинает казаться, будто я образец всех добродетелей. Кроме того, я всегда считал, что стрельба из пистолета, бесспорно, относится к такого рода развлечениям, которыми можно заниматься только под открытым небом. Поэтому, когда у Холмса появлялась охота стрелять и он, усевшись в кресло с револьвером и патронташем, начинал украшать противоположную стену патриотическим вензелем «К. В.»[1], выводя его при помощи пуль, я особенно остро чувствовал, что это занятие отнюдь не улучшает ни воздух, ни внешний вид нашей квартиры.

Комнаты наши были вечно полны странных предметов, связанных с химией или с какой-нибудь уголовщиной, и эти реликвии постоянно оказывались в самых неожиданных местах — например, в масленке, а то и в еще менее подходящем месте. Однако больше всего мучили меня бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно если они были связаны с делами, в которых он когда-либо принимал участие, но вот разобрать свои бумаги и привести их в порядок — на это у него хватало мужества не чаще одного или двух раз в год. Где-то в своих бессвязных записках я, кажется, уже говорил, что приливы кипучей энергии, которые помогали Холмсу в замечательных расследованиях, прославивших его имя, сменялись у него периодами безразличия, полного упадка сил. И тогда он по целым дням лежал на диване со своими любимыми книгами, лишь изредка поднимаясь, чтобы поиграть на скрипке. Таким образом, из месяца в месяц бумаг накапливалось все больше и больше, и все углы были загромождены пачками рукописей. Жечь эти рукописи ни в коем случае не разрешалось, и никто, кроме их владельца, не имел права распоряжаться ими.

В один зимний вечер, когда мы сидели вдвоем у камина, я отважился намекнуть Холмсу, что, поскольку

[1] «К. В.» — начальные буквы слов: «Королева Виктория», которая правила в Англии в XIX веке.

он кончил вносить записи в свою памятную книжку, пожалуй, не грех бы ему потратить часок-другой на то, чтобы придать нашей квартире более жилой вид. Он не мог не признать справедливости моей просьбы и с довольно унылой физиономией поплелся к себе в спальню. Вскоре он вышел оттуда, волоча за собой большой жестяной ящик. Поставив его посреди комнаты и усевшись перед ним на стул, он откинул крышку. Я увидел, что ящик был уже на одну треть заполнен пачками бумаг, перевязанных красной тесьмой.

— Здесь немало интересных дел, Уотсон,— сказал он, лукаво посматривая на меня.— Если бы вы знали, что́ лежит в этом ящике, то, пожалуй, попросили бы меня извлечь из него кое-какие бумаги, а не укладывать туда новые.

— Так это отчеты о ваших прежних делах?— спросил я.— Я не раз жалел, что у меня нет записей об этих давних случаях.

— Да, мой дорогой Уотсон. Все они происходили еще до того, как у меня появился собственный биограф, вздумавший прославить мое имя.

Мягкими, ласкающими движениями он вынимал одну пачку за другой.

— Не все дела кончались удачей, Уотсон,— сказал он,— но среди них есть несколько прелюбопытных головоломок. Вот, например, отчет об убийстве Тарлтона. Вот дело Вамбери, виноторговца, и происшествие с одной русской старухой. Вот странная история алюминиевого костыля. Вот подробный отчет о кривоногом Риколетти и его ужасной жене. А это... вот это действительно прелестно.

Он сунул руку на самое дно ящика и вытащил деревянную коробочку с выдвижной крышкой, похожую на те, в каких продаются детские игрушки. Оттуда он вынул измятый листок бумаги, медный ключ старинного фасона, деревянный колышек с привязанным к нему мотком бечевки и три старых, заржавленных металлических кружка.

— Ну что, друг мой, как вам нравятся эти сокровища?— спросил он, улыбаясь недоумению, написанному на моем лице.

— Любопытная коллекция.

— Очень любопытная. А история, которая с ней связана, покажется вам еще любопытнее.

— Так у этих реликвий есть своя история?

— Больше того, они сами — история.

— Что вы хотите этим сказать?

Шерлок Холмс разложил все эти предметы на краю стола, уселся в свое кресло и стал разглядывать их блестевшими от удовольствия глазами.

— Это все,— сказал он,— что я оставил себе на память об одном деле, связанном с «Обрядом дома Месгрейвов».

Холмс не раз упоминал и прежде об этом деле, но мне все не удавалось добиться от него подробностей.

— Как бы мне хотелось, чтобы вы рассказали об этом случае!..— попросил я.

— И оставил весь этот хлам неубранным?— насмешливо возразил он.— А как же ваша любовь к порядку? Впрочем, я и сам хочу, чтобы вы приобщили к своим летописям это дело, потому что в нем есть такие детали, которые делают его уникальным в хронике уголовных преступлений не только Англии, но и других стран. Коллекция моих маленьких подвигов была бы неполной без описания этой весьма оригинальной истории...

Вы, должно быть, помните, как происшествие с «Глорией Скотт» и мой разговор с тем несчастным стариком, о судьбе которого я вам рассказывал, впервые натолкнули меня на мысль о профессии, ставшей потом делом всей моей жизни. Сейчас мое имя стало широко известно. Не только публика, но и официальные круги считают меня последней инстанцией для разрешения спорных вопросов. Но даже и тогда, когда мы только что познакомились с вами — в то время я занимался делом, которое вы увековечили под названием «Этюд в багровых тонах»,— у меня уже была довольно значительная, хотя и не очень прибыльная практика. И вы не можете себе представить, Уотсон, как трудно мне приходилось вначале и как долго я ждал успеха.

Когда я впервые приехал в Лондон, я поселился на Монтегю-стрит, совсем рядом с Британским музеем, и там я жил, заполняя свой досуг — а его у меня было даже чересчур много — изучением всех тех отраслей знания, какие могли бы мне пригодиться в моей профессии. Время

от времени ко мне обращались за советом — преимущественно по рекомендации бывших товарищей-студентов, потому что в последние годы моего пребывания в университете там немало говорили обо мне и моем методе. Третье дело, по которому ко мне обратились, было дело «Дома Месгрейвов», и тот интерес, который привлекла к себе эта странная цепь событий, а также те важные последствия, какие имело мое вмешательство, и явились первым шагом на пути к моему нынешнему положению.

Реджинальд Месгрейв учился в одном колледже со мной, и мы были с ним в более или менее дружеских отношениях. Он не пользовался особенной популярностью в нашей среде, хотя мне всегда казалось, что высокомерие, в котором его обвиняли, было лишь попыткой прикрыть крайнюю застенчивость. По наружности это был типичный аристократ: тонкое лицо, нос с горбинкой, большие глаза, небрежные, но изысканные манеры. Это и в самом деле был отпрыск одного из древнейших родов королевства, хотя и младшей его ветви, которая еще в шестнадцатом веке отделилась от северных Месгрейвов и обосновалась в Западном Суссексе, а замок Харлстон — резиденция Месгрейвов — является, пожалуй, одним из самых старинных зданий графства. Казалось, дом, где он родился, оставил свой отпечаток на внешности этого человека, и когда я смотрел на его бледное, с резкими чертами лицо и горделивую осанку, мне всегда невольно представлялись серые башенные своды, решетчатые окна и все эти благородные остатки феодальной архитектуры. Время от времени нам случалось беседовать, и, помнится, всякий раз он живо интересовался моими методами наблюдений и выводов.

Мы не виделись года четыре, и вот однажды утром он явился ко мне на Монтегю-стрит. Изменился он мало, одет был прекрасно — он всегда был немного франтоват — и сохранил спокойное изящество, отличавшее его и прежде.

— Как поживаете, Месгрейв?— спросил я после того, как мы обменялись дружеским рукопожатием.

— Вы, вероятно, слышали о смерти моего бедного отца,— сказал он.— Это случилось около двух лет назад. Разумеется, мне пришлось тогда взять на себя управление Харлстонским поместьем. Кроме того, я депутат от своего округа, так что человек я занятой. А вы, Холмс,

говорят, решили применить на практике те выдающиеся способности, которыми так удивляли нас в былые времена?

— Да,— ответил я,— теперь я пытаюсь зарабатывать на хлеб с помощью собственной смекалки.

— Очень рад это слышать, потому что ваш совет был бы сейчас просто драгоценен для меня. У нас в Харлстоне произошли странные вещи, и полиции не удалось ничего выяснить. Это настоящая головоломка.

Можете себе представить, с каким чувством я слушал его, Уотсон. Ведь случай, тот самый случай, которого я с таким жгучим нетерпением ждал в течение этих месяцев бездеятельности, наконец-то, казалось мне, был передо мной. В глубине души я всегда был уверен, что могу добиться успеха там, где другие потерпели неудачу, и теперь мне представлялась возможность испытать самого себя.

— Расскажите мне все подробности! — вскричал я.

Реджинальд Месгрейв сел против меня и закурил папиросу.

— Надо вам сказать,— начал он,— что хоть я и не женат, мне приходится держать в Харлстоне целый штат прислуги. Замок очень велик, выстроен он крайне бестолково и потому нуждается в постоянном присмотре. Кроме того, у меня есть заповедник, и в сезон охоты на фазанов в доме обычно собирается большое общество, что тоже требует немало слуг. Всего у меня восемь горничных, повар, дворецкий, два лакея и мальчуган на посылках. В саду и при конюшнях имеются, конечно, свои работники.

Из этих людей дольше всех прослужил в нашей семье Брантон, дворецкий. Когда отец взял его к себе, он был молодым школьным учителем без места, и вскоре благодаря своему сильному характеру и энергии он сделался незаменимым в нашем доме. Это рослый, красивый мужчина с великолепным лбом, и хотя он прожил у нас лет около двадцати, ему и сейчас не больше сорока. Может показаться странным, что при такой привлекательной наружности и необычайных способностях — он говорит на нескольких языках и играет чуть ли не на всех музыкальных инструментах — он так долго удовлетворялся своим скромным положением, но, видимо, ему жилось хорошо, и он не стремился ни к каким переменам. Харлстонский дворецкий всегда обращал на себя внимание всех наших гостей.

Но у этого совершенства есть один недостаток: он немного Дон Жуан, и, как вы понимаете, в нашей глуши ему не слишком трудно играть эту роль.

Все шло хорошо, пока он был женат, но когда его жена умерла, он стал доставлять нам немало хлопот. Правда, несколько месяцев назад мы уже было успокоились и решили, что все опять наладится: Брантон обручился с Рэчел Хауэлз, нашей младшей горничной. Однако вскоре он бросил ее ради Дженет Треджелис, дочери старшего егеря. Рэчел — славная девушка, но очень горячая и неуравновешенная, как все вообще уроженки Уэлса. У нее началось воспаление мозга, и она слегла, но потом выздоровела и теперь ходит — вернее, ходила до вчерашнего дня — как тень; у нее остались одни глаза...

Такова была наша первая драма в Харлстоне, но вторая быстро изгладила ее из нашей памяти, тем более что этой второй предшествовало еще одно большое событие: дворецкий Брантон был с позором изгнан из нашего дома.

Вот как это произошло. Я уже говорил вам, что Брантон очень умен, и, как видно, именно ум стал причиной его гибели, ибо в нем проснулось жадное любопытство к вещам, не имевшим к нему никакого отношения. Мне и в голову не приходило, что оно может завести его так далеко, но случай открыл мне глаза.

Как я уже говорил, наш дом выстроен очень бестолково: в нем множество всяких ходов и переходов. На прошлой неделе — точнее, в прошлый четверг ночью — я никак не мог уснуть, потому что по глупости выпил после обеда чашку крепкого черного кофе. Промучившись до двух часов ночи и почувствовав, что все равно не засну, я наконец встал и зажег свечу, чтобы продолжить чтение начатого романа. Но оказалось, что книгу я забыл в бильярдной, поэтому, накинув халат, я отправился за нею.

Чтобы добраться до бильярдной, мне надо было спуститься на один лестничный пролет и пересечь коридор, ведущий в библиотеку и в оружейную. Можете вообразить себе мое изумление, когда, войдя в этот коридор, я увидел слабый свет, падавший из открытой двери библиотеки! Перед тем как лечь в постель, я сам погасил там лампу

и закрыл дверь. Разумеется, первой моей мыслью было, что к нам забрались воры. Стены всех коридоров в Харлстоне украшены старинным оружием — это военные трофеи моих предков. Схватив с одной из стен алебарду, я поставил свечу на пол, прокрался на цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь библиотеки.

Дворецкий Брантон, совершенно одетый, сидел в кресле. На коленях у него был разложен лист бумаги, похожий на географическую карту, и он смотрел на него в глубокой задумчивости. Остолбенев от изумления, я не шевелился и наблюдал за ним из темноты. Комната была слабо освещена огарком свечи. Вдруг Брантон встал, подошел к бюро, стоявшему у стены, отпер его и выдвинул один из ящиков. Вынув оттуда какую-то бумагу, он снова сел на прежнее место, положил ее на стол возле свечи, разгладил и стал внимательно рассматривать. Это спокойное изучение наших фамильных документов привело меня в такую ярость, что я не выдержал, шагнул вперед, и Брантон увидел, что я стою в дверях. Он вскочил, лицо его позеленело от страха, и он поспешно сунул в карман похожий на карту лист бумаги, который только что изучал.

«Отлично!— сказал я.— Вот как вы оправдываете наше доверие! С завтрашнего дня вы уволены».

Он поклонился с совершенно подавленным видом и проскользнул мимо меня, не сказав ни слова. Огарок остался на столе, и при его свете я разглядел бумагу, которую Брантон вынул из бюро. К моему изумлению, оказалось, что это не какой-нибудь важный документ, а всего лишь копия с вопросов и ответов, произносимых при выполнении одного оригинального старинного обряда, который называется у нас «Обряд дома Месгрейвов». Вот уже несколько веков каждый мужчина из нашего рода, достигнув совершеннолетия, выполняет известный церемониал, который представляет интерес только для членов нашей семьи или, может быть, для какого-нибудь археолога — как вообще вся наша геральдика [1],— но никакого практического применения иметь не может.

— К этой бумаге мы еще вернемся,— сказал я Месгрейву.

[1] Геральдика — собрание сведений о старинных гербах.

— Если вы полагаете, что это действительно необходимо...— с некоторым колебанием ответил мой собеседник.— Итак, я продолжаю изложение фактов. Замкнув бюро ключом, который оставил Брантон, я уже собрался было уходить, как вдруг с удивлением увидел, что дворецкий вернулся и стоит передо мной.

«Мистер Месгрейв,— вскричал он голосом, хриплым от волнения,— я не вынесу бесчестья! Я человек маленький, но гордость у меня есть, и бесчестье убьет меня. Смерть моя будет на вашей совести, сэр, если вы доведете меня до отчаяния! Умоляю вас, если после того, что случилось, вы считаете невозможным оставить меня в доме, дайте мне месяц сроку, чтобы я мог сказать, будто ухожу добровольно. А быть изгнанным на глазах у всей прислуги, которая так хорошо меня знает,— нет, это выше моих сил!»

«Вы не стоите того, чтобы с вами особенно церемонились, Брантон,— ответил я.— Ваш поступок просто возмутителен. Но так как вы столько времени прослужили в нашей семье, я не стану подвергать вас публичному позору. Однако месяц — это слишком долго. Можете уйти через неделю и под каким хотите предлогом».

«Через неделю, сэр? — вскричал он с отчаянием.— О, дайте мне хотя бы две недели!»

«Через неделю,— повторил я,— и считайте, что с вами обошлись очень мягко».

Низко опустив голову, он медленно побрел прочь, совершенно уничтоженный, а я погасил свечу и пошел к себе.

В течение двух следующих дней Брантон самым тщательным образом выполнял свои обязанности. Я не напоминал ему о случившемся и с любопытством ждал, что́ он придумает, чтобы скрыть свой позор. Но на третий день он, вопреки обыкновению, не явился ко мне за приказаниями. После завтрака, выходя из столовой, я случайно увидел горничную Рэчел Хауэлз. Как я уже говорил вам, она только недавно оправилась после болезни и сейчас была так бледна, у нее был такой изнуренный вид, что я даже пожурил ее за то, что она начала работать.

«Напрасно вы встали с постели,— сказал я.— Примитесь за работу, когда немного окрепнете».

Она взглянула на меня с таким странным выражением,

что я подумал, уж не подействовала ли болезнь на ее рассудок.

«Я уже окрепла, мистер Месгрейв»,— ответила она.

«Посмотрим, что скажет врач,— возразил я.— А пока бросьте работу и идите вниз. Кстати, скажите Брантону, чтобы он зашел ко мне».

«Дворецкий пропал»,— сказала она.

«Пропал?! То есть как пропал?»

«Пропал. Никто не видел его. В комнате его нет. Он пропал, да-да, пропал!»

Она прислонилась к стене и начала истерически хохотать, а я, напуганный этим внезапным припадком, подбежал к колокольчику и позвал на помощь. Девушку увели в ее комнату, причем она все еще продолжала хохотать и рыдать, я же стал расспрашивать о Брантоне. Сомнения не было: он исчез. Постель его оказалась нетронутой, и никто не видел его с тех пор, как он ушел к себе накануне вечером. Однако трудно было бы себе представить, каким образом он мог выйти из дому, потому что утром и окна и двери оказались запертыми изнутри. Одежда, часы, даже деньги Брантона — все было в его комнате, все, кроме черной пары, которую он обыкновенно носил. Не хватало также комнатных туфель, но сапоги были налицо. Куда же мог уйти ночью дворецкий Брантон и что с ним сталось?

Разумеется, мы обыскали дом и все службы, но нигде не обнаружили его следов. Повторяю, наш дом — это настоящий лабиринт, особенно самое старое крыло, теперь уже необитаемое, но все же мы обыскали каждую комнату и даже чердаки. Все наши поиски оказались безрезультатными. Мне просто не верилось, чтобы Брантон мог уйти из дому, оставив все свое имущество, но ведь все-таки он ушел, и с этим приходилось считаться. Я вызвал местную полицию, но ей не удалось что-либо обнаружить. Накануне шел дождь, и осмотр лужаек и дорожек вокруг дома ни к чему не привел. Так обстояло дело, когда новое событие отвлекло наше внимание от этой загадки.

Двое суток Рэчел Хауэлз переходила от бредового состояния к истерическим припадкам. Она была так плоха, что приходилось на ночь приглашать к ней сиделку. На третью ночь после исчезновения Брантона сиделка, увидев, что больная спокойно заснула, тоже задремала в своем кресле. Проснувшись рано утром, она увидела, что

кровать пуста, окно открыто, а пациентка исчезла. Меня тотчас разбудили, я взял с собой двух лакеев и отправился на поиски пропавшей. Мы легко определили, в какую сторону она убежала: начиная от окна по газону шли следы, которые кончались у пруда рядом с посыпанной гравием дорожкой, выводившей из наших владений. Пруд в этом месте имеет восемь футов глубины, и вы можете себе представить, какое чувство охватило нас, когда мы увидели, что отпечатки ног бедной безумной девушки обрывались у самой воды. Разумеется, мы немедленно вооружились баграми и принялись разыскивать тело утопленницы, но не нашли его. Зато мы извлекли на поверхность другой, совершенно неожиданный предмет. Это был полотняный мешок, набитый обломками старого, заржавленного, потерявшего цвет металла и какими-то тусклыми осколками не то гальки, не то стекла. Кроме этой странной добычи, мы не нашли в пруду решительно ничего, и несмотря на все наши вчерашние поиски и расспросы, так ничего и не узнали ни о Рэчел Хауэлз, ни о Ричарде Брантоне. Местная полиция совершенно растерялась, и теперь последняя моя надежда на вас.

Можете себе представить, Уотсон, с каким интересом выслушал я рассказ об этих необыкновенных событиях, как хотелось мне связать их в единое целое и отыскать путеводную нить, которая привела бы к разгадке!

Дворецкий исчез. Горничная исчезла. Прежде горничная любила дворецкого, но потом имела основания возненавидеть его. Она была уроженка Уэлса, натура необузданная и страстная. После исчезновения дворецкого она была крайне возбуждена. Она бросила в пруд мешок с весьма странным содержимым. Каждый из этих фактов заслуживал внимания, но ни один из них не объяснял сути дела. Где я должен был искать начало этой запутанной цепи событий? Ведь предо мной было лишь последнее ее звено...

— Месгрейв,— сказал я,— мне необходимо видеть документ, изучение которого ваш дворецкий считал настолько важным, что даже пошел ради него на риск потерять место.

— В сущности, этот наш обряд — чистейший вздор,—

ответил он,— и единственное, что его оправдывает,— это его древность. Я захватил с собой копию вопросов и ответов на случай, если бы вам вздумалось взглянуть на них.

Он протянул мне тот самый листок, который вы видите у меня в руках, Уотсон. Этот обряд — нечто вроде экзамена, которому должен был подвергнуться каждый мужчина из рода Месгрейвов, достигший совершеннолетия. Сейчас я прочитаю вам вопросы и ответы в том порядке, в каком они записаны здесь:

«Кому это принадлежит?»

«Тому, кто ушел».

«Кому это будет принадлежать?»

«Тому, кто придет».

«В каком месяце это было?»

«В шестом, начиная с первого».

«Где было солнце?»

«Над дубом».

«Где была тень?»

«Под вязом».

«Сколько надо сделать шагов?»

«На север — десять и десять, на восток — пять и пять, на юг — два и два, на запад — один и один и потом вниз».

«Что мы отдадим за это?»

«Все, что у нас есть».

«Ради чего отдадим мы это?»

«Во имя долга».

— В подлиннике нет даты,— заметил Месгрейв,— но, судя по его орфографии, он относится к середине семнадцатого века. Боюсь, впрочем, что он мало поможет нам в раскрытии нашей тайны.

— Зато он ставит перед нами вторую загадку,— ответил я,— еще более любопытную. И возможно, что, разгадав ее, мы тем самым разгадаем и первую. Надеюсь, что вы не обидетесь на меня, Месгрейв, если я скажу, что ваш дворецкий, по-видимому, очень умный человек и обладает бóльшей проницательностью и чутьем, чем десять поколений его господ.

— Признаться, я вас не понимаю,— ответил Месгрейв.— Мне кажется, что эта бумажка не имеет никакого практического значения.

— А мне она кажется чрезвычайно важной именно в практическом отношении, и, как видно, Брантон был того

же мнения. По всей вероятности, он видел ее и до той ночи, когда вы застали его в библиотеке.

— Вполне возможно. Мы никогда не прятали ее.

— По-видимому, на этот раз он просто хотел освежить в памяти ее содержание. Насколько я понял, он держал в руках какую-то карту или план, который сравнивал с манускриптом и немедленно сунул в карман, как только увидел вас?

— Совершенно верно. Но зачем ему мог понадобиться наш старый семейный обряд и что означает весь этот вздор?

— Полагаю, что мы можем выяснить это без особого труда,— ответил я.— С вашего позволения, мы первым же поездом отправимся с вами в Суссекс и глубже разберемся в деле уже на месте.

Мы прибыли в Харлстон в тот же день. Вам, наверно, случалось, Уотсон, видеть изображение этого знаменитого древнего замка или читать его описания, поэтому я скажу лишь, что он имеет форму буквы «L», причем длинное крыло его является более современным, а короткое — более древним, так сказать, зародышем, из которого и выросло все остальное. Над низкой массивной дверью в центре старинной части высечена дата «1607», но знатоки единодушно утверждают, что деревянные балки и каменная кладка значительно старше. В прошлом веке чудовищно толстые стены и крошечные окна этой части здания побудили наконец владельцев выстроить новое крыло, и старое теперь служит лишь кладовой и погребом, а то и вовсе пустует. Вокруг здания великолепный парк с прекрасными старыми деревьями. Озеро же или пруд, о котором упоминал мой клиент, находится в конце аллеи, в двухстах ярдах от дома.

К этому времени у меня уже сложилось твердое убеждение, Уотсон, что тут не было трех отдельных загадок, а была только одна и что если бы мне удалось вникнуть в смысл обряда Месгрейвов, это дало бы мне ключ к тайне исчезновения обоих — и дворецкого Брантона и горничной Хауэлз. На это я и направил все силы своего ума. Почему Брантон так стремился проникнуть в суть этой старинной формулы? Очевидно, потому, что он увидел в ней нечто ускользнувшее от внимания всех поколений родовитых владельцев замка,— нечто такое, из чего он

надеялся извлечь какую-то личную выгоду. Что же это было и как это могло отразиться на дальнейшей судьбе дворецкого?

Когда я прочитал бумагу, мне стало совершенно ясно, что все цифры относятся к какому-то определенному месту, где спрятано то, о чем говорится в первой части документа, и что если бы мы нашли это место, мы оказались бы на верном пути к раскрытию тайны — той самой тайны, которую предки Месгрейвов сочли нужным облечь в столь своеобразную форму. Для начала поисков нам даны были два ориентира: дуб и вяз. Что касается дуба, то тут не могло быть никаких сомнений. Прямо перед домом, слева от дороги, стоял дуб, дуб-патриарх, одно из великолепнейших деревьев, какое мне когда-либо приходилось видеть.

— Он уже существовал, когда был записан ваш «обряд»? — спросил я Месгрейва.

— По всей вероятности, этот дуб стоял здесь еще во времена завоевания Англии норманнами,— ответил он.— Он имеет двадцать три фута в обхвате.

Таким образом, один из нужных мне пунктов был выяснен.

— Есть у вас здесь старые вязы? — спросил я.

— Был один очень старый, недалеко отсюда, но десять лет назад в него ударила молния и пришлось срубить его под корень.

— Но вы знаете то место, где он рос прежде?

— Ну конечно, знаю.

— А других вязов поблизости нет?

— Старых нет, а молодых очень много.

— Мне бы хотелось взглянуть, где он рос.

Мы приехали в двуколке, и мой клиент сразу, не заходя в дом, повез меня к тому месту на лужайке, где когда-то рос вяз. Это было почти на полпути между дубом и домом. Пока что мои поиски шли успешно.

— По всей вероятности, сейчас уже невозможно определить высоту этого вяза? — спросил я.

— Могу вам ответить сию же минуту: в нем было шестьдесят четыре фута.

— Как вам удалось узнать это? — воскликнул я с удивлением.

— Когда мой домашний учитель задавал мне задачи по тригонометрии, они всегда были построены на измерениях высоты. Поэтому я еще мальчиком измерил каждое дерево и каждое строение в нашем поместье.

Вот это была неожиданная удача! Нужные мне сведения пришли ко мне быстрее, чем я мог рассчитывать.

— А скажите, пожалуйста, ваш дворецкий никогда не задавал вам такого же вопроса? — спросил я.

Реджинальд Месгрейв взглянул на меня с большим удивлением.

— Теперь я припоминаю,— сказал он,— что несколько месяцев назад Брантон действительно спрашивал меня о высоте этого дерева. Кажется, у него вышел какой-то спор с грумом.

Это было превосходное известие, Уотсон. Значит, я был на верном пути. Я взглянул на солнце. Оно уже заходило, и я рассчитал, что меньше чем через час оно окажется как раз над ветвями старого дуба. Итак, одно условие, упомянутое в документе, будет выполнено. Что касается тени от вяза, то речь шла, очевидно, о самой дальней ее точке — в противном случае указателем направления избрали бы не тень, а ствол. И, следовательно, теперь мне нужно было определить, куда падал конец тени от вяза в тот момент, когда солнце оказывалось прямо над дубом...

— Это, как видно, было нелегким делом, Холмс? Ведь вяза-то уже не существовало.

— Конечно. Но я знал, что если Брантон мог это сделать, то смогу и я. А кроме того, это было не так уж трудно. Я пошел вместе с Месгрейвом в его кабинет и вырезал себе вот этот колышек, к которому привязал длинную веревку, сделав на ней узелки, отмечающие каждый ярд. Затем я связал вместе два удилища, что дало мне шесть футов, и мы с моим клиентом отправились обратно к тому месту, где когда-то рос вяз. Солнце как раз касалось в эту минуту вершины дуба. Я воткнул свой шест в землю, отметил направление тени и измерил ее. В ней было девять футов.

Дальнейшие мои вычисления были совсем уж несложны. Если палка высотой в шесть футов отбрасывает тень в девять футов, то дерево высотой в шестьдесят четыре фута отбросит тень в девяносто шесть футов, и направление той и другой, разумеется, будет совпадать. Я отмерил это расстояние. Оно привело меня почти к самой стене дома, и я воткнул там колышек. Вообразите мое торжество,

Уотсон, когда в двух дюймах от колышка я увидел в земле конусообразное углубление! Я понял, что это была отметина, сделанная Брантоном при его измерении, и что я продолжаю идти по его следам.

От этой исходной точки я начал отсчитывать шаги, предварительно определив с помощью карманного компаса, где север, где юг. Десять шагов и еще десять (очевидно, имелось в виду, что каждая нога делает поочередно по десять шагов) в северном направлении повели меня параллельно стене дома, и, отсчитав их, я снова отметил место своим колышком. Затем я тщательно отсчитал пять и пять шагов на восток, потом два и два — к югу, и они привели меня к самому порогу старой двери. Оставалось сделать один и один шаг на запад, но тогда мне пришлось бы пройти эти шаги по выложенному каменными плитами коридору. Неужели это и было место, указанное в документе?

Никогда в жизни я не испытывал такого горького, такого жгучего разочарования, Уотсон. На минуту мне показалось, что в мои вычисления вкралась какая-то существенная ошибка. Заходящее солнце ярко освещало своими лучами пол коридора, и я видел, что эти старые, избитые серые каменные плиты были плотно спаяны цементом и, уж конечно, не сдвигались с места в течение многих и многих лет. Нет, Брантон не прикасался к ним, это было ясно. Я постучал по полу в нескольких местах, но звук получался одинаковый повсюду, и не было никаких признаков трещины или щели. К счастью, Месгрейв, который начал вникать в смысл моих действий и был теперь не менее взволнован, чем я, вынул документ, чтобы проверить мои расчеты.

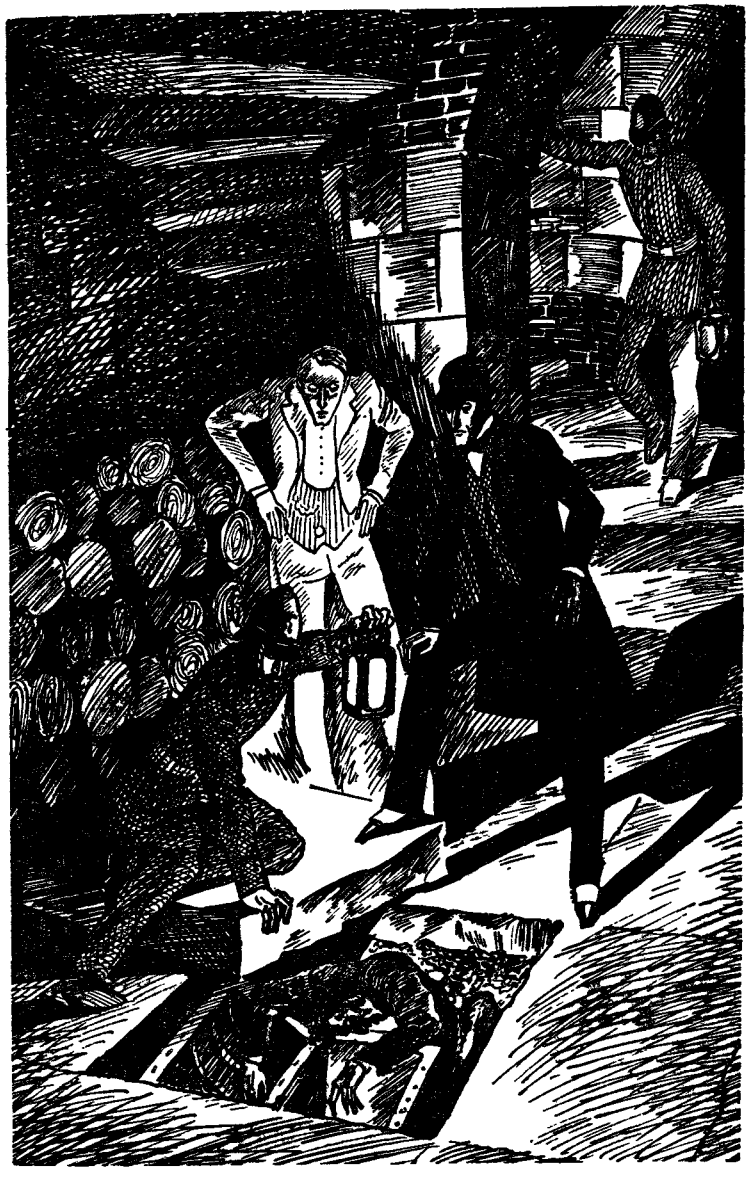
— И вниз! — вскричал он.— Вы забыли об этих словах: «и вниз».

Я думал, это означало, что в указанном месте надо будет копать землю, но теперь мне сразу стало ясно, что я ошибся.

— Так, значит, у вас внизу есть подвал? — воскликнул я.

— Да, и он ровесник этому дому. Скорее вниз, через эту дверь!

По винтовой каменной лестнице мы спустились вниз, и мой спутник, чиркнув спичкой, зажег большой фонарь,

стоявший на бочке в углу. В то же мгновение мы убедились, что попали туда, куда нужно, и что кто-то недавно побывал здесь до нас.

В этом подвале хранились дрова, но поленья, которые, как видно, покрывали прежде весь пол, теперь были отодвинуты к стенкам, освободив пространство посередине. Здесь лежала широкая и тяжелая каменная плита с заржавленным железным кольцом в центре, а к кольцу был привязан плотный клетчатый шарф.

— Черт возьми, это шарф Брантона! — вскричал Месгрейв.— Я не раз видел этот шарф у него на шее. Но что он мог здесь делать, этот негодяй?

По моей просьбе были вызваны два местных полисмена, и в их присутствии я сделал попытку приподнять плиту, ухватившись за шарф. Однако я лишь слегка пошевелил ее, и только с помощью одного из констеблей мне удалось немного сдвинуть ее в сторону. Под плитой зияла черная яма, и все мы заглянули в нее. Месгрейв, стоя на коленях, опустил свой фонарь вниз.

Мы увидели узкую квадратную каморку глубиной около семи футов, шириной и длиной около четырех. У стены стоял низкий, окованный медью деревянный сундук с откинутой крышкой; в замочной скважине торчал вот этот самый ключ — забавный и старомодный. Снаружи сундук был покрыт толстым слоем пыли. Сырость и черви до того изъели дерево, что оно поросло плесенью даже изнутри. Несколько металлических кружков, таких же, какие вы видите здесь,— должно быть, старинные монеты — валялись на дне. Больше в нем не было ничего.

Однако в первую минуту мы не смотрели на старый сундук — глаза наши были прикованы к тому, что находилось рядом. Какой-то мужчина в черном костюме сидел на корточках, опустив голову на край сундука и обхватив его обеими руками. Лицо этого человека посинело и было искажено до неузнаваемости, но, когда мы приподняли его, Реджинальд Месгрейв по росту, одежде и волосам сразу узнал в нем своего пропавшего дворецкого. Брантон умер уже несколько дней назад, но на теле у него не было ни ран, ни кровоподтеков, которые могли бы объяснить его страшный конец. И когда мы вытащили труп из подвала,

то оказались перед загадкой, пожалуй, не менее головоломной, чем та, которую мы только что разрешили...

Признаюсь, Уотсон, пока что я был обескуражен результатами моих поисков. Я предполагал, что стоит мне найти место, указанное в древнем документе, как все станет ясно само собой, но вот я стоял здесь, на этом месте, а разгадка тайны, так тщательно скрываемой семейством Месгрейвов, была, по-видимому, столь же далека от меня, как и раньше! Правда, я пролил свет на участь Брантона, но теперь мне предстояло еще выяснить, каким образом постигла его эта участь и какую роль сыграла во всем этом исчезнувшая женщина. Я присел на бочонок в углу и стал еще раз перебирать в уме все подробности случившегося...

Вы знаете мой метод в подобных случаях, Уотсон: я ставлю себя на место действующего лица и, прежде всего уяснив для себя его умственный уровень, пытаюсь вообразить, как бы я сам поступил при аналогичных обстоятельствах. В этом случае дело упрощалось: Брантон был человек незаурядного ума, так что мне не приходилось принимать в расчет разницу между уровнем его и моего мышления. Брантон знал, что где-то было спрятано нечто ценное. Он определил это место. Он убедился, что камень, закрывающий вход в подземелье, слишком тяжел для одного человека. Что он сделал потом? Он не мог прибегнуть к помощи людей посторонних. Ведь даже если бы нашелся человек, которому он мог бы довериться, пришлось бы отпирать ему наружные двери, а это было сопряжено со значительным риском. Удобнее было бы найти помощника внутри дома. Но к кому мог обратиться Брантон? Та девушка была когда-то предана ему. Мужчина, как бы скверно ни поступил он с женщиной, никогда не верит, что ее любовь окончательно потеряна для него. Очевидно, оказывая Рэчел мелкие знаки внимания, Брантон попытался помириться с ней, а потом уговорил ее сделаться его сообщницей. Ночью они вместе спустились в подвал, и объединенными усилиями им удалось сдвинуть камень. До этой минуты их действия были мне так ясны, как будто я наблюдал их собственными глазами.

Но и для двух человек, особенно если один из них женщина, вероятно, это была нелегкая работа. Даже нам — мне и здоровенному полисмену из Суссекса — стоило не-

малых трудов сдвинуть эту плиту. Что же они сделали, чтобы облегчить свою задачу? Да, по-видимому, то же, что сделал бы и я на их месте. Тут я встал, внимательно осмотрел валявшиеся на полу дрова и почти сейчас же нашел то, что ожидал найти. Одно полено длиной около трех футов было обломано на конце, а несколько других сплющены: видимо, они испытали на себе действие значительной тяжести. Должно быть, приподнимая плиту, Брантон и его помощница вводили эти поленья в щель, пока отверстие не расширилось настолько, что в него уже можно было проникнуть, а потом подперли плиту еще одним поленом, поставив его вертикально, так что оно вполне могло обломаться на нижнем конце — ведь плита давила на него всем своим весом. Пока что все мои предположения были как будто вполне обоснованны.

Как же должен был я рассуждать дальше, чтобы полностью восстановить картину ночной драмы? Ясно, что в яму мог забраться только один человек, и, конечно, это был Брантон. Девушка, должно быть, ждала наверху. Брантон отпер сундук и передал ей содержимое (это было очевидно, так как ящик оказался пустым), а потом... что же произошло потом?

Быть может, жажда мести, тлевшая в душе этой пылкой женщины, разгорелась ярким пламенем, когда она увидела, что ее обидчик — а обида, возможно, была гораздо сильнее, чем мы могли подозревать, — находится теперь в ее власти. Случайно ли упало полено и каменная плита замуровала Брантона в этом каменном гробу? Если так, Рэчел виновна лишь в том, что умолчала о случившемся. Или она намеренно вышибла подпорку и сама захлопнула ловушку? Так или иначе, но я словно видел перед собой эту женщину: прижимая к груди найденное сокровище, она летела вверх по ступенькам винтовой лестницы, убегая от настигавших ее заглушенных стонов и отчаянного стука в каменную плиту, под которой задыхался ее неверный возлюбленный.

Вот в чем была разгадка ее бледности, ее возбуждения, приступов истерического смеха на следующее утро. Но что же все-таки было в сундуке? Что сделала девушка с его содержимым? Несомненно, это были те самые обломки старого металла и осколки камней, которые она при первой же возможности бросила в пруд, чтобы скрыть следы своего преступления...

Минут двадцать я сидел неподвижно, в глубоком раздумье. Месгрейв, очень бледный, все еще стоял, раскачивая фонарь, и глядел вниз, в яму.

— Это монеты Карла Первого [1], — сказал он, протягивая мне несколько кружочков, вынутых из сундука. — Видите, мы правильно определили время возникновения нашего «обряда».

— Пожалуй, мы найдем еще кое-что, оставшееся от Карла Первого! — вскричал я, вспомнив вдруг первые два вопроса документа. — Покажите-ка мне содержимое мешка, который вам удалось выудить в пруду.

Мы поднялись в кабинет Месгрейва, и он разложил передо мной обломки. Взглянув на них, я понял, почему Месгрейв не придал им никакого значения: металл был почти черен, а камешки бесцветны и тусклы. Но я потер один из них о рукав, и он засверкал, как искра, у меня на ладони. Металлические части имели вид двойного обруча, но они были погнуты, перекручены и почти потеряли свою первоначальную форму.

— Вы, конечно, помните, — сказал я Месгрейву, — что партия короля главенствовала в Англии даже и после его смерти. Очень может быть, что перед тем, как бежать, ее члены спрятали где-нибудь самые ценные вещи, намереваясь вернуться за ними в более спокойные времена.

— Мой предок, сэр Ральф Месгрейв, занимал видное положение при дворе и был правой рукой Карла Второго во время его скитаний.

— Ах вот что! — ответил я. — Прекрасно. Это дает нам последнее, недостающее звено. Поздравляю вас, Месгрейв! Вы стали обладателем — правда, при весьма трагических обстоятельсвах — одной реликвии, которая представляет огромную ценность и сама по себе и как историческая редкость.

— Что же это такое? — спросил он, страшно взволнованный.

— Ни более ни менее, как древняя корона английских королей.

— Корона?!

— Да, корона. Вспомните, что говорится в документе:

[1] Карл Первый, английский король, был свергнут с престола и казнен в 1649 году.

«Кому это принадлежит?» «Тому, кто ушел». Это было написано после казни Карла Первого. «Кому это будет принадлежать?» «Тому, кто придет». Речь шла о Карле Втором, чье восшествие на престол уже предвиделось в то время. Итак, вне всяких сомнений, эта измятая и бесформенная диадема венчала головы королей из династии Стюартов.

— Но как же она попала в пруд?

— А вот на этот вопрос не ответишь в одну минуту.

И я последовательно изложил Месгрейву весь ход моих предположений и доказательств. Сумерки сгустились, и луна уже ярко сияла в небе, когда я кончил свой рассказ.

— Но интересно, почему же Карл Второй не получил обратно свою корону, когда вернулся? — спросил Месгрейв, снова засовывая в полотняный мешок свою реликвию.

— О, тут вы поднимаете вопрос, который мы с вами вряд ли сможем когда-либо разрешить. Должно быть, тот Месгрейв, который был посвящен в тайну, оставил перед смертью своему преемнику этот документ в качестве руководства, но совершил ошибку, не объяснив ему его смысла. И с этого дня вплоть до нашего времени документ переходил от отца к сыну, пока наконец не попал в руки человека, который сумел вырвать его тайну, но поплатился за это жизнью...

Такова история «Обряда дома Месгрейвов», Уотсон. Корона и сейчас находится в Харлстоне, хотя владельцам замка пришлось немало похлопотать и заплатить порядочную сумму денег, пока они не получили официального разрешения оставить ее у себя. Если вам вздумается взглянуть на нее, они, конечно, с удовольствием ее покажут, стоит вам только назвать мое имя.

Что касается той женщины, она бесследно исчезла. По всей вероятности, она покинула Англию и унесла в заморские края память о своем преступлении.

Последнее дело Холмса

С тяжелым сердцем приступаю я к последним строкам этих воспоминаний, повествующих о необыкновенных талантах моего друга Шерлока Холмса. В бессвязной и — я сам это чувствую — в совершенно неподходящей манере я пытался рассказать об удивительных приключениях, которые мне довелось пережить бок о бок с ним, начиная с того случая, который я в своих записках назвал «Этюд в багровых тонах», и вплоть до истории с «Морским договором», когда вмешательство моего друга, безусловно, предотвратило серьезные международные осложнения. Признаться, я хотел поставить здесь точку и умолчать о событии, оставившем такую пустоту в моей жизни, что даже

двухлетний промежуток оказался бессильным ее заполнить. Однако недавно опубликованные письма полковника Джеймса Мориарти, в которых он защищает память своего покойного брата; вынуждают меня взяться за перо, и теперь я считаю своим долгом открыть людям глаза на то, что произошло. Ведь одному мне известна вся правда, и я рад, что настало время, когда уже нет причин ее скрывать.

Насколько мне известно, в газеты попали только три сообщения: заметка в «Журналь де Женев», от 6 мая 1891 года, телеграмма агентства Рейтер в английской прессе от 7 мая и, наконец, недавние письма, о которых упомянуто выше. Из этих писем первое и второе чрезвычайно сокращены, а последнее, как я сейчас докажу, совершенно искажает факты. Моя обязанность — поведать наконец миру о том, что на самом деле произошло между профессором Мориарти и мистером Шерлоком Холмсом.

Читатель, может быть, помнит, что после моей женитьбы тесная дружба, связывавшая меня с Холмсом, приобрела несколько иной характер. Я занялся частной врачебной практикой. Он продолжал время от времени заходить ко мне, когда нуждался в спутнике для своих расследований, но это случалось все реже и реже, а в 1890 году было только три случая, о которых у меня сохранились кое-какие записи.

Зимой этого года и в начале весны 1891-го газеты писали о том, что Холмс приглашен французским правительством по чрезвычайно важному делу, и из полученных от него двух писем — из Нарбонна и Нима — я заключил, что, по-видимому, его пребывание во Франции сильно затянется. Поэтому я был несколько удивлен, когда вечером 24 апреля он внезапно появился у меня в кабинете. Мне сразу бросилось в глаза, что он еще более бледен и худ, чем обычно.

— Да, я порядком истощил свои силы,— сказал он, отвечая скорее на мой взгляд, чем на слова.— В последнее время мне приходилось трудновато... Что, если я закрою ставни?

Комната была освещена только настольной лампой, при которой я обычно читал. Осторожно двигаясь вдоль стены, Холмс обошел всю комнату, захлопывая ставни и тщательно замыкая их засовами.

— Вы чего-нибудь боитесь? — спросил я.

— Да, боюсь.

— Чего же?

— Духового ружья [1].

— Дорогой мой Холмс, что вы хотите этим сказать?

— Мне кажется, Уотсон, вы достаточно хорошо меня знаете, и вам известно, что я не робкого десятка. Однако не считаться с угрожающей тебе опасностью — это скорее глупость, чем храбрость. Дайте мне, пожалуйста, спичку.

Он закурил папиросу, и, казалось, табачный дым благотворно подействовал на него.

— Во-первых, я должен извиниться за свой поздний визит,— сказал он.— И кроме того, мне придется попросить у вас позволения совершить второй бесцеремонный поступок — перелезть через заднюю стенку вашего сада, ибо я намерен уйти от вас именно таким путем.

— Но что все это значит? — спросил я.

Он протянул руку ближе к лампе, и я увидел, что суставы двух его пальцев изранены и в крови.

— Как видите, это не совсем пустяки,— сказал он с улыбкой.— Пожалуй, этак можно потерять и всю руку. А где миссис Уотсон? Дома?

— Нет, она уехала погостить к знакомым.

— Ага! Так, значит, вы один?

— Совершенно один.

— Если так, мне легче будет предложить вам поехать со мной на недельку на континент.

— Куда именно?

— Куда угодно. Мне решительно все равно.

Все это показалось мне как нельзя более странным. Холмс не имел обыкновения праздно проводить время, и что-то в его бледном, изнуренном лице говорило о дошедшем до предела нервном напряжении. Он заметил недоумение в моем взгляде и, опершись локтями о колени и сомкнув кончики пальцев, стал объяснять мне положение дел.

— Вы, я думаю, ничего не слышали о профессоре Мориарти? — спросил он.

— Нет.

— Гениально и непостижимо. Человек опутал своими

[1] Духовое ружье — ружье, стреляющее бесшумно, при помощи сжатого воздуха.

сетями весь Лондон, и никто даже не слышал о нем. Это-то и поднимает его на недосягаемую высоту в уголовном мире. Уверяю вас, Уотсон, что если бы мне удалось победить этого человека, если бы я мог избавить от него общество, это было бы венцом моей деятельности, я считал бы свою карьеру законченной и готов был бы перейти к более спокойным занятиям. Между нами говоря, Уотсон, благодаря последним двум делам, которые позволили мне оказать кое-какие услуги королевскому дому Скандинавии и республике Франции, я имею возможность вести образ жизни, более соответствующий моим наклонностям, и серьезно заняться химией. Но я еще не могу отдыхать, не могу спокойно сидеть в своем кресле, пока такой человек, как профессор Мориарти, свободно разгуливает по улицам Лондона.

— Что же он сделал?

— О, у него необычная биография! Он происходит из хорошей семьи, получил блестящее образование и от природы наделен феноменальными математическими способностями. Когда ему исполнился двадцать один год, он написал трактат о биноме Ньютона, завоевавший ему европейскую известность. После этого он получил кафедру математики в одном из наших провинциальных университетов, и, по всей вероятности, его ожидала блестящая будущность. Но в его жилах течет кровь преступника. У него наследственная склонность к жестокости. И его необыкновенный ум не только не умеряет, но даже усиливает эту склонность и делает ее еще более опасной. Темные слухи поползли о нем в том университетском городке, где он преподавал, и в конце концов он был вынужден оставить кафедру и перебраться в Лондон, где стал готовить молодых людей к экзамену на офицерский чин... Вот то, что знают о нем все, а сейчас вы услышите, что удалось разузнать мне самому.

Мне не надо вам говорить, Уотсон, что никто не знает лондонского уголовного мира лучше меня. И вот уже несколько лет, как я чувствую, что за спиною у многих преступников существует неизвестная мне сила — могучая организующая сила, действующая наперекор закону и прикрывающая злодея своим щитом. Сколько раз в самых разнообразных случаях, будь то подлог, ограбление или убийство, я ощущал присутствие этой силы и логическим

путем обнаруживал ее следы также и в тех еще не распутанных преступлениях, к расследованию которых я не был непосредственно привлечен. В течение нескольких лет пытался я прорваться сквозь скрывавшую ее завесу, и вот пришло время, когда я нашел конец нити и начал распутывать узел, пока эта нить не привела меня после тысячи хитрых петель к бывшему профессору Мориарти, знаменитому математику.

Он — Наполеон преступного мира, Уотсон. Он — организатор половины всех злодеяний и почти всех нераскрытых преступлений в нашем городе. Это гений, философ, это человек, умеющий мыслить абстрактно. У него первоклассный ум. Он сидит неподвижно, словно паук в центре своей паутины, но у этой паутины тысячи нитей, и он улавливает вибрацию каждой из них. Сам он действует редко. Он только составляет план. Но его агенты многочисленны и великолепно организованы. Если кому-нибудь понадобится выкрасть документ, ограбить дом, убрать с дороги человека,— стоит только довести об этом до сведения профессора, и преступление будет подготовлено, а затем и выполнено. Агент может быть пойман. В таких случаях всегда находятся деньги, чтобы взять его на поруки или пригласить защитника. Но главный руководитель, тот, кто послал этого агента, никогда не попадется: он вне подозрений. Такова организация, Уотсон, существование которой я установил путем логических умозаключений, и всю энергию я отдал на то, чтобы обнаружить ее и сломить.

Но профессор хитро замаскирован и так великолепно защищен, что, несмотря на все мои старания, раздобыть улики, достаточные для судебного приговора, невозможно. Вы знаете, на что я способен, милый Уотсон, и все же спустя три месяца я вынужден был признать, что наконец-то встретил достойного противника. Ужас и негодование, которые внушали мне его преступления, почти уступили место восхищению перед его мастерством. Однако в конце концов он сделал промах, маленький, совсем маленький промах, но ему нельзя было допускать и такого, поскольку за ним неотступно следил я. Разумеется, я воспользовался этим промахом и, взяв его за исходную точку, начал плести вокруг Мориарти свою сеть. Сейчас она почти готова, и через три дня, то есть в ближайший понедельник, все

будет кончено,— профессор вместе с главными членами своей шайки окажется в руках правосудия. А потом начнется самый крупный уголовный процесс нашего века. Разъяснится тайна более чем сорока загадочных преступлений, и все виновные понесут наказание. Но стоит поторопиться, сделать один неверный шаг, и они могут ускользнуть от нас даже в самый последний момент.

Все было бы хорошо, если бы я мог действовать так, чтобы профессор Мориарти не знал об этом. Но он слишком коварен. Ему становился известен каждый шаг, который я предпринимал для того, чтобы поймать его в свои сети. Много раз пытался он вырваться из них, но я каждый раз преграждал ему путь. Право же, друг мой, если бы подробное описание этой безмолвной борьбы могло появиться в печати, оно заняло бы свое место среди самых блестящих и волнующих книг в истории детектива. Никогда еще я не поднимался до такой высоты, и никогда еще не приходилось мне так туго от действий противника. Его удары были сильны, но я отражал их с еще бóльшей силой. Сегодня утром я предпринял последние шаги, и мне нужны были еще три дня, только три дня, чтобы завершить дело. Я сидел дома, обдумывая все это, как вдруг дверь отворилась — передо мной стоял профессор Мориарти.

У меня крепкие нервы, Уотсон, но, признаюсь, я не мог не вздрогнуть, увидев, что человек, занимавший все мои мысли, стоит на пороге моей комнаты. Его наружность была хорошо знакома мне и прежде. Он очень тощ и высок. Лоб у него большой, выпуклый и белый. Глубоко запавшие глаза. Лицо гладко выбритое, бледное, аскетическое,— что-то еще осталось в нем от профессора Мориарти. Плечи сутулые — должно быть, от постоянного сидения за письменным столом, а голова выдается вперед и медленно, по-змеиному, раскачивается из стороны в сторону. Его колючие глаза так и впились в меня.

«У вас не так развиты лобные кости, как я ожидал,— сказал он наконец.— Опасная это привычка, мистер Холмс, держать заряженный револьвер в кармане собственного халата».

Действительно, когда он вошел, я сразу понял, какая огромная опасность мне угрожает: ведь единственная возможность спасения заключалась для него в том, чтобы заставить мой язык замолчать навсегда. Поэтому я молни-

еносно переложил револьвер из ящика стола в карман и в этот момент нащупывал его через сукно. После его замечания я вынул револьвер из кармана и, взведя курок, положил на стол перед собой. Мориарти продолжал улыбаться и щуриться, но что-то в выражении его глаз заставляло меня радоваться близости моего оружия.

«Вы, очевидно, не знаете меня»,— сказал он.

«Напротив,— возразил я,— мне кажется, вам нетрудно было понять, что я вас знаю. Присядьте, пожалуйста. Если вам угодно что-нибудь мне сказать, я могу уделить вам пять минут».

«Все, что я хотел вам сказать, вы уже угадали»,— ответил он.

«В таком случае, вы, вероятно, угадали мой ответ».

«Вы твердо стоите на своем?»

«Совершенно твердо».

Он сунул руку в карман, а я взял со стола револьвер. Но он вынул из кармана только записную книжку, где были нацарапаны какие-то даты.

«Вы встали на моем пути четвертого января,— сказал он.— Двадцать третьего вы снова причинили мне беспокойство. В середине февраля вы уже серьезно потревожили меня. В конце марта вы совершенно расстроили мои планы. А сейчас из-за вашей непрерывной слежки я оказался в таком положении, что передо мной стоит реальная опасность потерять свободу. Так продолжаться не может».

«Что вы предлагаете?» — спросил я.

«Бросьте это дело, мистер Холмс,— сказал он, покачивая головой.— Право же, бросьте».

«После понедельника»,— ответил я.

«Полноте, мистер Холмс. Вы слишком умны и, конечно, поймете меня: вам необходимо устраниться. Вы сами повели дело так, что другого исхода нет. Я испытал интеллектуальное наслаждение, наблюдая за вашими методами борьбы, и, поверьте, был бы огорчен, если бы вы заставили меня прибегнуть к крайним мерам... Вы улыбаетесь, сэр, но уверяю вас, я говорю искренне».

«Опасность — неизбежный спутник моей профессии»,— заметил я.

«Это не опасность, а неминуемое уничтожение,— возразил он.— Вы встали поперек дороги не одному человеку, а огромной организации, всю мощь которой даже вы, при

всем вашем уме, не в состоянии постигнуть. Вы должны отойти в сторону, мистер Холмс, или вас растопчут».

«Боюсь,— сказал я, вставая,— что из-за нашей приятной беседы я могу пропустить одно важное дело, призывающее меня в другое место».

Он тоже встал и молча смотрел на меня, с грустью покачивая головой.

«Ну что ж! — сказал он наконец.— Мне очень жаль, но я сделал все, что мог. Я знаю каждый ход вашей игры. До понедельника вы бессильны. Это поединок между нами, мистер Холмс. Вы надеетесь посадить меня на скамью подсудимых — заявляю вам, что этого никогда не будет. Вы надеетесь победить меня — заявляю вам, что это вам никогда не удастся. Если у вас хватит умения погубить меня, то, уверяю вас, вы и сами погибнете вместе со мной».

«Вы наговорили мне столько комплиментов, мистер Мориарти, что я хочу ответить тем же и потому скажу, что во имя общественного блага я с радостью согласился бы на второе, будь я уверен в первом».

«Первого обещать не могу, зато охотно обещаю второе»,— отозвался он со злобной усмешкой и, повернувшись ко мне сутулой спиной, вышел, оглядываясь и щурясь.

Такова была моя своеобразная встреча с профессором Мориарти, и, по правде говоря, она оставила во мне неприятное чувство. Его спокойная и точная манера выражаться заставляет верить в его искренность, несвойственную заурядным преступникам. Вы, конечно, скажете мне: «Почему же не прибегнуть к помощи полиции?» Но ведь дело в том, что удар будет нанесен не им самим, а его агентами — в этом я убежден. И у меня уже есть веские доказательства.

— Значит, на вас уже было совершено нападение?

— Милый мой Уотсон, профессор Мориарти не из тех, кто любит откладывать дело в долгий ящик. После его ухода, часов около двенадцати, мне понадобилось пойти на Оксфорд-стрит. Переходя улицу на углу Бентинк-стрит и Уэлбек-стрит, я увидел парный фургон, мчавшийся со страшной быстротой прямо на меня. Я едва успел отскочить на тротуар. Какая-то доля секунды — и я был бы раздавлен насмерть. Фургон завернул за угол и мгновенно исчез. Теперь уж я решил не сходить с тротуара, но на Вир-стрит с крыши одного из домов упал кирпич и рассыпался на мелкие куски у моих ног. Я подозвал полицейского и

приказал осмотреть место происшествия. На крыше были сложены кирпичи и шиферные плиты, приготовленные для ремонта, и меня хотели убедить в том, что кирпич сбросило ветром. Разумеется, я лучше знал, в чем дело, но у меня не было доказательств. Я взял кэб и доехал до квартиры моего брата на Пэлл-Мэлл, где и провел весь день. Оттуда я отправился прямо к вам. По дороге на меня напал какой-то негодяй с дубинкой. Я сбил его с ног, и полиция задержала его, но даю вам слово, что никому не удастся обнаружить связь между джентльменом, о чьи передние зубы я сегодня разбил руку, и тем скромным учителем математики, который, вероятно, решает сейчас задачки на грифельной доске за десять миль отсюда. Теперь вы поймете, Уотсон, почему, придя к вам, я прежде всего закрыл ставни и зачем мне понадобилось просить вашего разрешения уйти из дома не через парадную дверь, а каким-нибудь другим, менее заметным ходом.

Я не раз восхищался смелостью моего друга, но сегодня меня особенно поразило его спокойное перечисление далеко не случайных происшествий этого ужасного дня.

— Надеюсь, вы переночуете у меня? — спросил я.

— Нет, друг мой, я могу оказаться опасным гостем. Я уже обдумал план действий, и все кончится хорошо. Сейчас дело находится в такой стадии, что арест могут произвести и без меня. Моя помощь понадобится только во время следствия. Таким образом, на те несколько дней, которые еще остаются до решительных действий полиции, мне лучше всего уехать. И я был бы очень рад, если бы вы могли поехать со мной на континент.

— Сейчас у меня мало больных,— сказал я,— а мой коллега, живущий по соседству, охотно согласится заменить меня. Так что я с удовольствием поеду с вами.

— И можете выехать завтра же утром?

— Если это необходимо.

— О да, совершенно необходимо. Теперь выслушайте мои инструкции, и я попрошу вас, Уотсон, следовать им буквально, так как нам предстоит вдвоем вести борьбу против самого талантливого мошенника и самого мощного объединения преступников во всей Европе. Итак, слушайте. Свой багаж, не указывая на нем станции назначения, вы должны сегодня же вечером отослать с надежным человеком на вокзал Виктория. Утром вы пошлете слугу за кэбом,

но скажете ему, чтобы он не брал ни первый, ни второй экипажи, которые попадутся ему навстречу. Вы сядете в кэб и поедете на Стренд, к Лоусерскому пассажу, причем адрес вы дадите кучеру на листке бумаги и скажете, чтобы он ни в коем случае не выбрасывал его. Расплатитесь с ним заранее и, как только кэб остановится, моментально ныряйте в пассаж с тем расчетом, чтобы ровно в четверть десятого оказаться на другом его конце. Там, у самого края тротуара, вы увидите небольшой экипаж. Править им будет человек в плотном черном плаще с воротником, обшитым красным кантом. Вы сядете в этот экипаж и прибудете на вокзал как раз вовремя, чтобы попасть на экспресс, отправляющийся на континент.

— А где я должен встретиться с вами?

— На станции. Нам будет оставлено второе от начала купе первого класса.

— Так, значит, мы встретимся уже в вагоне?

— Да.

Тщетно я упрашивал Холмса остаться у меня ночевать. Мне было ясно, что он боится навлечь неприятности на приютивший его дом и что это единственная причина, которая гонит его прочь. Сделав еще несколько торопливых указаний по поводу наших завтрашних дел, он встал, вышел вместе со мной в сад, перелез через стенку прямо на Мортимер-стрит, свистком подозвал кэб, и я услышал удаляющийся стук колес.

На следующее утро я в точности выполнил указания Холмса. Кэб был взят со всеми необходимыми предосторожностями — он никак не мог оказаться ловушкой,— и сразу после завтрака я поехал в условленное место. Подъехав к Лоусерскому пассажу, я пробежал через него со всей быстротой, на какую был способен, и увидел карету, которая ждала меня, как было условлено. Как только я сел в нее, огромного роста кучер, закутанный в темный плащ, стегнул лошадь и мигом довез меня до вокзала Виктория. Едва я успел сойти, он повернул экипаж и снова умчался, даже не взглянув в мою сторону.

Пока все шло прекрасно. Мой багаж уже ждал меня на вокзале, и я без труда нашел купе, указанное Холмсом, хотя бы потому, что оно было единственное с надписью «занято». Теперь меня тревожило только одно — отсутствие Холмса. Я посмотрел на вокзальные часы: до отхода по-

езда оставалось всего семь минут. Напрасно искал я в толпе отъезжающих и провожающих худощавую фигуру моего друга — его не было. Несколько минут я убил, помогая почтенному итальянскому патеру, пытавшемуся на ломаном английском языке объяснить носильщику, что его багаж должен быть отправлен прямо в Париж. Потом я еще раз обошел платформу и вернулся в свое купе, где застал уже знакомого мне дряхлого итальянца. Оказалось, что, хотя у него не было билета в это купе, носильщик все-таки усадил его ко мне. Бесполезно было объяснять моему непрошеному дорожному спутнику, что его вторжение мне неприятно: я владел итальянским еще менее, чем он английским. Поэтому я только пожал плечами и продолжал тревожно смотреть в окно, ожидая моего друга. Мною начал овладевать страх: а вдруг его отсутствие означало, что за ночь с ним произошло какое-нибудь несчастье! Уже все двери были закрыты, раздался свисток, как вдруг...

— Милый Уотсон, вы даже не соблаговолили поздороваться со мной! — произнес возле меня чей-то голос.

Я оглянулся, пораженный. Пожилой священник стоял теперь ко мне лицом. На секунду его морщины разгладились, нос отодвинулся от подбородка, нижняя губа перестала выдвигаться вперед, а рот — шамкать, тусклые глаза заблистали прежним огоньком, сутулая спина выпрямилась. Но все это длилось одно мгновение, и Холмс исчез так же быстро, как появился.

— Боже милостивый! — вскричал я.— Ну и удивили же вы меня!

— Нам все еще необходимо соблюдать максимальную осторожность,— прошептал он.— У меня есть основания думать, что они напали на наш след. А вот и сам Мориарти!

Поезд как раз тронулся, когда Холмс произносил эти слова. Выглянув из окна и посмотрев назад, я увидел высокого человека, который яростно расталкивал толпу и махал рукой, словно желая остановить поезд. Однако было уже поздно: скорость движения все увеличивалась, и очень быстро станция осталась позади.

— Вот видите,— сказал Холмс со смехом,— несмотря на все наши предосторожности, нам еле-еле удалось отделаться от этого человека.

Он встал, снял с себя черную сутану и шляпу — принадлежности своего маскарада — и спрятал их в саквояж.

— Читали вы утренние газеты, Уотсон?

— Нет.

— Значит, вы еще не знаете о том, что случилось на Бейкер-стрит?

— На Бейкер-стрит?

— Сегодня ночью они подожгли нашу квартиру, но большого ущерба не причинили.

— Как же быть, Холмс? Это становится невыносимым.

— По-видимому, после того как их агент с дубинкой был арестован, они окончательно потеряли мой след. Иначе они не могли бы предположить, что я вернулся домой. Но потом они, как видно, стали следить за вами — вот что привело Мориарти на вокзал Виктория. Вы не могли сделать какой-нибудь промах по пути к вокзалу?

— Я в точности выполнил все ваши указания.

— Нашли экипаж на месте?

— Да, он ожидал меня.

— А кучера вы узнали?

— Нет.

— Это был мой брат, Майкрофт. В таких делах лучше не посвящать в свои секреты наемного человека. Ну, а теперь мы должны подумать, как нам быть с Мориарти.

— Поскольку мы едем экспрессом, а пароход отойдет, как только придет наш поезд, мне кажется, теперь уж ему ни за что не угнаться за нами.

— Милый мой Уотсон, ведь я говорил вам, что, когда речь идет об интеллекте, к этому человеку надо подходить с той же меркой, что и ко мне. Неужели вы думаете, что, если бы на месте преследователя был я, такое ничтожное происшествие могло бы меня остановить? Ну, а если нет, то почему же вы так плохо думаете о нем?

— Но что он может сделать?

— То же, что сделал бы я.

— Тогда скажите мне, как поступили бы вы.

— Заказал бы экстренный поезд.

— Но ведь он все равно опоздает.

— Никоим образом. Наш поезд останавливается в Кентербери, а там всегда приходится по крайней мере четверть часа ждать парохода. Вот там-то он нас и настигнет.

— Можно подумать, что преступники мы, а не он. Прикажите арестовать его, как только он приедет.

— Это уничтожило бы плоды трехмесячной работы. Мы поймали бы крупную рыбу, а мелкая уплыла бы из сетей в разные стороны. В понедельник все они будут в наших руках. Нет, сейчас арест недопустим.

— Что же нам делать?

— Мы должны выйти в Кентербери.

— А потом?

— А потом придется проехать в Ньюхейвен и оттуда — в Дьепп. Мориарти снова сделает то же, что сделал бы я: он приедет в Париж, пойдет в камеру хранения багажа, определит, какие чемоданы наши, и будет там два дня ждать. Мы же тем временем купим себе пару ковровых дорожных мешков, поощряя таким образом промышленность и торговлю тех мест, по которым будем путешествовать, и спокойно направимся в Швейцарию через Люксембург и Базель.

Я слишком опытный путешественник и потому не позволил себе огорчаться из-за потери багажа, но, признаюсь, мне была неприятна мысль, что мы должны увертываться и прятаться от преступника, на счету у которого столько гнусных злодеяний. Однако Холмс, конечно, лучше понимал положение вещей. Поэтому в Кентербери мы вышли. Здесь мы узнали, что поезд в Ньюхейвен отходит только через час.

Я все еще уныло смотрел на исчезавший вдали багажный вагон, быстро уносивший весь мой гардероб, когда Холмс дернул меня за рукав и показал на железнодорожные пути.

— Видите, как быстро! — сказал он.

Вдалеке, среди Кентских лесов, вилась тонкая струйка дыма. Через минуту другой поезд, состоявший из локомотива с одним вагоном, показался на изогнутой линии рельсов, ведущей к станции. Мы едва успели спрятаться за какими-то тюками, как он со стуком и грохотом пронесся мимо нас, дохнув нам в лицо струей горячего пара.

— Проехал! — сказал Холмс, следя взглядом за вагоном, подскакивавшим и слегка покачивавшимся на рельсах.— Как видите, проницательность нашего друга тоже имеет границы. Было бы поистине чудом, если бы он сделал

точно те же выводы, какие сделал я, и действовал бы в соответствии с ними.

— А что бы он сделал, если бы догнал нас?

— Без сомнения, попытался бы меня убить. Ну, да ведь и я не стал бы дожидаться его сложа руки. Теперь вопрос в том, позавтракать ли нам здесь или рискнуть умереть с голоду и подождать до Ньюхейвена.

В ту же ночь мы приехали в Брюссель и провели там два дня, а на третий двинулись в Страсбург. В понедельник утром Холмс послал телеграмму лондонской полиции, и вечером, придя в нашу гостиницу, мы нашли там ответ. Холмс распечатал телеграмму и с проклятием швырнул ее в камин.

— Я должен был это предвидеть! — простонал он.— Бежал!

— Мориарти?

— Они накрыли всю шайку, кроме него! Он один ускользнул! Ну конечно: я уехал, и этим людям было не справиться с ним. Хотя я был уверен, что дал им в руки все нити. Знаете, Уотсон, вам лучше поскорее вернуться в Англию.

— Почему это?

— Я теперь опасный спутник. Этот человек потерял всё. Если он вернется в Лондон, он погиб. Насколько я понимаю его характер, он направит теперь все свои силы на то, чтобы отомстить мне. Он очень ясно высказался во время нашего короткого свидания, и я уверен, что это не пустая угроза. Право же, я советую вам вернуться в Лондон, к вашим пациентам.

Но я, старый солдат и старинный друг Холмса, конечно, не счел возможным покинуть его в такую минуту. Более получаса мы спорили об этом, сидя в ресторане страсбургской гостиницы, и в ту же ночь двинулись дальше, в Женеву.

Целую неделю мы с наслаждением бродили по долине Роны, а потом, миновав Лейк, направились через перевал Жемми, еще покрытый глубоким снегом, и дальше — через Интерлакен — к деревушке Мейринген. Это была чудесная прогулка — нежная весенняя зелень внизу и белизна девственных снегов наверху, над нами,— но мне было ясно, что ни на одну минуту Холмс не забывал о нависшей над ним угрозе. В уютных альпийских деревушках, на уединенных

горных тропах — всюду я видел по его быстрому, пристальному взгляду, внимательно изучающему лицо каждого встречного путника, что он твердо убежден в неотвратимой опасности, идущей за нами по пятам.

Помню такой случай: мы проходили через Жемми и шли берегом задумчивого Даубензее, как вдруг большая каменная глыба сорвалась со скалы, возвышавшейся справа, скатилась вниз и с грохотом погрузилась в озеро позади нас. Холмс взбежал на скалу и, вытянув шею, начал осматриваться по сторонам. Тщетно уверял его проводник, что весною обвалы каменных глыб — самое обычное явление в здешних краях. Холмс ничего не ответил, но улыбнулся мне с видом человека, который давно уже предугадывал эти события.

И все же при всей своей настороженности он не предавался унынию. Напротив, я не помню, чтобы мне когда-либо приходилось видеть его в таком жизнерадостном настроении. Он снова и снова повторял, что, если бы общество было избавлено от профессора Мориарти, он с радостью прекратил бы свою деятельность.

— Мне кажется, я имею право сказать, Уотсон, что не совсем бесполезно прожил свою жизнь,— говорил он,— и даже если бы мой жизненный путь должен был оборваться сегодня, я все-таки мог бы оглянуться на него с чувством душевного удовлетворения. Благодаря мне воздух Лондона стал чище. Я принимал участие в тысяче с лишним дел и убежден, что никогда не злоупотреблял своим влиянием, помогая неправой стороне. В последнее время меня, правда, больше привлекало изучение загадок, поставленных перед нами природой, нежели те поверхностные проблемы, ответственность за которые несет несовершенное устройство нашего общества. В тот день, Уотсон, когда я увенчаю свою карьеру поимкой или уничтожением самого опасного и самого талантливого преступника в Европе, вашим мемуарам придет конец.

Теперь я постараюсь кратко, но точно изложить то немногое, что еще осталось недосказанным. Мне нелегко задерживаться на этих подробностях, но я считаю своим долгом не пропустить ни одной из них.

3 мая мы пришли в местечко Мейринген и остановились в гостинице «Англия», которую в то время содержал Петер Штайлер-старший. Наш хозяин был человек смышленый

и превосходно говорил по-английски, так как около трех лет прослужил кельнером в гостинице «Гровнер» в Лондоне. 4 мая, во второй половине дня, мы по его совету отправились вдвоем в горы с намерением провести ночь в деревушке Розенлау. Хозяин особенно рекомендовал нам осмотреть Рейхенбахский водопад, который находится примерно на половине подъема, но несколько в стороне.

Это — поистине страшное место. Вздувшийся от тающих снегов горный поток низвергается в бездонную пропасть, и брызги взлетают из нее, словно дым из горящего здания. Ущелье, куда устремляется поток, окружено блестящими скалами, черными, как уголь. Внизу, на неизмеримой глубине, оно суживается, превращаясь в пенящийся, кипящий колодец, который все время переполняется и со страшной силой выбрасывает воду обратно, на зубчатые скалы вокруг. Непрерывное движение зеленых струй, с беспрестанным грохотом падающих вниз, плотная, волнующаяся завеса водяной пыли, в безостановочном вихре взлетающей вверх,— все это доводит человека до головокружения и оглушает его своим несмолкаемым ревом.

Мы стояли у края, глядя в пропасть, где блестела вода, разбивающаяся далеко внизу о черные камни, и слушали доносившееся из бездны бормотание, похожее на человеческие голоса.

Дорожка, по которой мы поднялись, проложена полукругом, чтобы дать туристам возможность лучше видеть водопад, но она кончается обрывом, и путнику приходится возвращаться той же дорогой, какой он пришел. Мы как раз повернули, собираясь уходить, как вдруг увидели мальчика-швейцарца, который бежал к нам навстречу с письмом в руке. На конверте стоял штамп той гостиницы, где мы остановились. Оказалось, что письмо от хозяина и адресовано мне. Он писал, что буквально через несколько минут после нашего ухода в гостиницу прибыла англичанка, находящаяся в последней стадии чахотки. Она провела зиму в Давосе, а теперь ехала к своим друзьям в Люцерн, но по дороге у нее внезапно пошла горлом кровь. По-видимому, ей осталось жить не более нескольких часов, но для нее было бы большим утешением видеть около себя доктора-англичанина, и если бы я приехал, то... и т. д. и т. д. В постскриптуме добряк Штайлер добавлял, что он и сам будет мне крайне обязан, если я соглашусь приехать, так

как приезжая дама категорически отказывается от услуг врача-швейцарца, и что на нем лежит огромная ответственность.

Я не мог не откликнуться на этот призыв, не мог отказать в просьбе соотечественнице, умиравшей на чужбине. Но вместе с тем я опасался оставить Холмса одного. Однако мы решили, что с ним в качестве проводника и спутника останется юный швейцарец, а я вернусь в Мейринген. Мой друг намеревался еще немного побыть у водопада, а затем потихоньку отправиться через холмы в Розенлау, где вечером я должен был к нему присоединиться. Отойдя немного, я оглянулся: Холмс стоял, прислонившись к скале, и, скрестив руки, смотрел вниз, на дно стремнины. Я не знал тогда, что больше мне не суждено было видеть моего друга.

Спустившись вниз, я еще раз оглянулся. С этого места водопад уже не был виден, но я разглядел ведущую к нему дорожку, которая вилась вдоль уступа горы. По этой дорожке быстро шагал какой то человек. Его черный силуэт отчетливо выделялся на зеленом фоне. Я заметил его, заметил необыкновенную быстроту, с какой он поднимался, но я и сам очень спешил к моей больной, а потому вскоре забыл о нем.

Примерно через час я добрался до нашей гостиницы в Мейрингене. Старик Штайлер стоял на пороге.

— Ну что? — спросил я, подбегая к нему.— Надеюсь, ей не хуже?

На лице у него выразилось удивление, брови поднялись. Сердце у меня так и оборвалось.

— Значит, не вы писали это? — спросил я, вынув из кармана письмо.— В гостинице нет больной англичанки?

— Ну конечно, нет! — вскричал он.— Но что это? На конверте стоит штамп моей гостиницы?.. А, понимаю! Должно быть, письмо написал высокий англичанин, который приехал вскоре после вашего ухода. Он сказал, что...

Но я не стал ждать дальнейших объяснений хозяина. Охваченный ужасом, я уже бежал по деревенской улице к той самой горной дорожке, с которой только что спустился.

Спуск к гостинице занял у меня час, и, несмотря на то, что я бежал изо всех сил, прошло еще два, прежде чем я

снова достиг Рейхенбахского водопада. Альпеншток [1] Холмса все еще стоял у скалы, возле которой я его оставил, но самого Холмса не было, и я тщетно звал его. Единственным ответом было эхо, гулко повторявшее мой голос среди окружавших меня отвесных скал.

При виде этого альпенштока я похолодел. Значит, Холмс не ушел на Розенлау. Он оставался здесь, на этой дорожке шириной в три фута, окаймленной отвесной стеной с одной стороны и заканчивавшейся отвесным обрывом с другой. И здесь его настиг враг. Юного швейцарца тоже не было. По-видимому, он был подкуплен Мориарти и оставил противников с глазу на глаз. А что случилось потом? Кто мог сказать мне, что случилось потом?

Минуты две я стоял неподвижно, скованный ужасом, силясь прийти в себя. Потом я вспомнил о методе самого Холмса и сделал попытку применить его, чтобы объяснить себе разыгравшуюся трагедию. Увы, это было нетрудно! Во время нашего разговора мы с Холмсом не дошли до конца тропинки, и альпеншток указывал на то место, где мы остановились. Черноватая почва никогда не просыхает здесь из-за постоянных брызг потока, так что птица — и та оставила бы на ней свой след. Два ряда шагов четко отпечатывались почти у самого конца тропинки. Они удалялись от меня. Обратных следов не было. За несколько шагов от края земля была вся истоптана и разрыта, а терновник и папоротник вырваны и забрызганы грязью. Я лег лицом вниз и стал всматриваться в несущийся поток. Стемнело, и теперь я мог видеть только блестевшие от сырости черные каменные стены да где-то далеко в глубине сверкание бесчисленных водяных брызг. Я крикнул, но лишь гул водопада, чем-то похожий на человеческие голоса, донесся до моего слуха.

Однако судьбе было угодно, чтобы последний привет моего друга и товарища все-таки дошел до меня. Как я уже сказал, его альпеншток остался прислоненным к невысокой скале, нависшей над тропинкой. И вдруг на верхушке этого выступа что-то блеснуло. Я поднял руку — то был серебряный портсигар, который Холмс всегда носил с собой. Когда я взял его, несколько листочков бумаги,

[1] Альпеншток — длинная палка с острым железным наконечником для ходьбы по горам.

лежавших под ним, рассыпались и упали на землю. Это были три листика, вырванные из блокнота и адресованные мне. Характерно, что адрес был написан так же четко, почерк был так же уверен и разборчив, как если бы Холмс писал у себя в кабинете.

«Дорогой мой Уотсон, я пишу Вам эти строки благодаря любезности мистера Мориарти, который ждет меня для окончательного разрешения вопросов, касающихся нас обоих. Он бегло обрисовал мне способы, с помощью которых ему удалось ускользнуть от английской полиции и узнать о нашем маршруте. Они только подтверждают мое высокое мнение о его выдающихся способностях. Мне приятно думать, что я могу избавить общество от дальнейших неудобств, связанных с его существованием, но боюсь, что это будет достигнуто ценой, которая огорчит моих друзей, и особенно Вас, милый Уотсон. Впрочем, я уже говорил Вам, что мой жизненный путь дошел до своей высшей точки, и я не мог бы желать для себя лучшего конца. Между прочим, если говорить откровенно, я нимало не сомневался в том, что письмо из Мейрингена — западня, и, отпуская Вас, был твердо убежден, что последует нечто в этом роде. Передайте инспектору Петерсону, что бумаги, необходимые для разоблачения шайки, лежат у меня в столе, в ящике под литерой «М» — синий конверт с надписью: «Мориарти». Перед отъездом из Англии я сделал все необходимые распряжения относительно моего имущества и оставил их у моего брата Майкрофта. Прошу Вас передать мой сердечный привет миссис Уотсон.

Искренне преданный Вам
Шерлок Холмс».

Остальное можно рассказать в двух словах. Осмотр места происшествия, произведенный экспертами, не оставил никаких сомнений в том, что схватка между противниками кончилась так, как она неизбежно должна была кончиться при данных обстоятельствах: видимо, они вместе упали в пропасть, так и не разжав смертельных объятий. Попытки отыскать трупы были тотчас же признаны безнадежными, и там, в глубине этого страшного котла кипящей воды и бурлящей пены, навеки остались лежать тела опаснейшего преступника и искуснейшего поборника правосудия своего

времени. Мальчика-швейцарца так и не нашли — разумеется, это был один из многочисленных агентов, находившихся в распоряжении Мориарти. Что касается шайки, то, вероятно, все в Лондоне помнят, с какой полнотой улики, собранные Холмсом, разоблачили всю организацию и обнаружили, в каких железных тисках держал ее покойный Мориарти. На процессе страшная личность ее главы и вдохновителя осталась почти не освещенной, и если мне пришлось раскрыть здесь всю правду о его преступной деятельности, это вызвано теми недобросовестными защитниками, которые пытались обелить его память нападками на того, кого я всегда буду считать самым благородным и самым мудрым из всех известных мне людей.

Пустой дом

Весной 1894 года весь Лондон был крайне взволнован, а высший свет даже потрясен убийством юного графа Рональда Адэра, совершенным при самых необычайных и загадочных обстоятельствах. В свое время широкая публика познакомилась с теми деталями этого преступления, которые выяснились в ходе полицейского дознания, но дело было настолько серьезно, что бóльшую часть подробностей пришлось утаить. И только теперь, спустя почти десять лет, мне предоставлена возможность восполнить недостающие звенья этой изумительной цепи фактов. Преступление представляло интерес и само по себе, но интерес этот совершенно бледнел рядом с теми невероят-

ными событиями, которые явились его следствием и которые поразили и потрясли меня больше, чем любой из эпизодов моей столь богатой приключениями жизни. Даже сейчас, после стольких лет, я все еще ощущаю трепет, вспоминая об этом деле, и вновь испытываю недоверие, изумление и радость, нахлынувшие на меня тогда и переполнившие всю мою душу. Пусть же читатели, которые проявляли некоторый интерес к моим очеркам, повествующим о деяниях и помыслах одного замечательного человека, простят мне, что я не сразу поделился с ними своим открытием. Я счел бы своим долгом немедленно сообщить им всю эту историю, не будь я связан категорическим запрещением, исходившим из уст этого самого человека,— запрещением, снятым совсем недавно, третьего числа прошлого месяца.

Вполне понятно, что со времени моей тесной дружбы с Шерлоком Холмсом я начал проявлять глубокий интерес к разного рода уголовным делам, а после его исчезновения стал особенно внимательно просматривать в газетах все отчеты о нераскрытых преступлениях. Не раз случалось даже, что я для собственного удовольствия пытался разгадать их, пользуясь теми же методами, какие применял мой друг, хотя далеко не с тем же успехом. Однако ни одно из этих преступлений не взволновало меня в такой мере, как трагическая гибель Рональда Адэра. Прочитав материалы следствия, установившего только то, что «убийство было преднамеренным и совершено одним или несколькими неизвестными лицами», я глубже, чем когда бы то ни было, осознал, какую тяжелую потерю понесло наше общество в лице Шерлока Холмса. В этом странном деле существовали обстоятельства, которые, несомненно, привлекли бы его особое внимание, и действия полиции были бы дополнены или, вернее, предвосхищены благодаря бдительному уму и изощренной наблюдательности лучшего из всех европейских сыщиков. Весь день, разъезжая по своим пациентам, я снова и снова мысленно возвращался к делу Адэра, но так и не мог найти ни одного объяснения, которое показалось бы мне удовлетворительным. Рискуя повторить то, что уже всем известно, я все-таки хочу напомнить факты в том виде, в каком они были сообщены публике после окончания следствия.

Сэр Рональд Адэр был вторым сыном графа Мэйнуса, губернатора одной из наших австралийских колоний. Мать Адэра приехала из Австралии в Англию, где ей должны были сделать глазную операцию — удалить катаракту,— и вместе с сыном Рональдом и дочерью Хильдой жила на Парк-лейн, 427. Юноша вращался в лучшем обществе, по-видимому, не имел никаких врагов и никаких особенных пороков. Одно время он был помолвлен с мисс Эдит Вудли из Карстерса, но за несколько месяцев до описываемых событий жених и невеста решили разойтись, и, судя по всему, ничье сердце не оказалось разбитым. Вообще жизнь молодого человека протекала в узком семейном и великосветском кругу, характер у него был спокойный, а вкусы и привычки самые умеренные. И вот этого-то беззаботного молодого аристократа поразила самая странная, самая неожиданная смерть. Случилось это вечером 30 марта 1894 года, между десятью и двадцатью минутами двенадцатого.

Рональд Адэр был любителем карточной игры, постоянно играл, но никогда не выходил за пределы благоразумия. Он состоял членом трех клубов — Болдвин, Кавендиш и Бэгетель. Было установлено, что в день своей смерти, после обеда, Рональд сыграл один роббер в вист в клубе Бэгетель. Он играл там также и до обеда. Его партнеры — мистер Меррей, сэр Джон Харди и полковник Моран — показали, что игра шла именно в вист и что игроки остались почти при своих. Адэр проиграл, быть может, фунтов пять, но не более. Состояние у него было значительное, и такой проигрыш никак не мог его взволновать. Он играл почти ежедневно то в одном клубе, то в другом, но играл осторожно и обычно оставался в выигрыше. Из свидетельских показаний выяснилось также, что месяца за полтора до своей смерти Адэр, играя в паре с полковником Мораном, в один вечер выиграл у Годфри Милнера и лорда Балморала четыреста двадцать фунтов. Вот и все, что стало известно о последних неделях его жизни.

В тот роковой вечер он вернулся из клуба ровно в десять часов. Матери и сестры дома не было, они уехали в гости. На допросе горничная показала, что она слышала, как он вошел в свою комнату. Комната эта, расположенная во втором этаже, выходила окнами на улицу и слу-

жила ему гостиной. Перед приходом молодого графа горничная затопила там камин и, так как камин дымил, открыла окно. Ни одного звука не доносилось из комнаты до двадцати минут двенадцатого — в это время вернулись домой леди Мэйнус и ее дочь. Леди Мэйнус хотела зайти к сыну и пожелать ему спокойной ночи, но дверь в его комнату оказалась запертой изнутри, и, несмотря на крики и стук, никто не отзывался. Тогда она подняла тревогу, и дверь пришлось взломать. Несчастный юноша лежал на полу возле стола. Голова его была страшно изуродована револьверной пулей, но никакого оружия в комнате не оказалось. На столе лежали два кредитных билета по десять фунтов и семнадцать фунтов десять шиллингов серебром и золотом, причем монеты были сложены маленькими столбиками разной величины. Рядом с ними лежал лист бумаги, на котором были написаны цифры, а против них — имена нескольких клубных приятелей Адэра. Из этого можно было заключить, что перед самой смертью молодой человек занимался подсчетом своих карточных выигрышей и проигрышей.

После тщательного расследования всех обстоятельств дело оказалось еще более загадочным. Прежде всего непонятно было, зачем молодой человек заперся изнутри. Правда, дверь мог запереть и убийца, а затем выскочить в окно, но окно находилось по меньшей мере в двадцати футах от земли, а грядка цветущих крокусов под ним оказалась совершенно нетронутой — не был помят ни один цветок. Никаких следов не осталось также на узкой полосе газона, отделявшего дом от дороги. Итак, видимо, дверь запер сам Рональд Адэр. Но каким образом настигла его смерть? Ведь никто не мог бы влезть в окно, не оставив следов. Если же предположить, что убийца стрелял через окно, то, по-видимому, это был замечательный стрелок, так как убить человека наповал револьверной пулей на таком расстоянии чрезвычайно трудно. Кроме того, Парк-лейн — многолюдная улица, и в каких-нибудь ста ярдах от дома находится стоянка кэбов. Однако выстрела никто не слыхал. А между тем налицо был убитый и налицо была револьверная пуля, которая прошла навылет и, судя по характеру раны, явилась причиной моментальной смерти. Таковы были обстоятельства таинственного убийства на Парк-лейн — убийства, загадочность которого еще усиливалась из-за полного отсутствия каких-либо видимых мотивов: ведь, как я уже говорил, у молодого Адэра не было как будто никаких врагов, а деньги и ценности, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Весь день я перебирал в уме все эти факты, пытаясь применить к ним какую-нибудь теорию, которая примирила бы их между собой, и найти «точку наименьшего сопротивления», которую мой погибший друг считал отправным пунктом всякого расследования. Должен признаться, что это мне не удалось. Вечером я бродил по парку и около шести часов очутился вдруг на углу Парк-лейн и Оксфорд-стрит. На тротуаре собралась толпа зевак, глазевших на одно и то же окно, и я понял, что это был тот самый дом, где произошло убийство. Высокий худой человек в темных очках, по-моему переодетый сыщик, развивал какую-то теорию по поводу случившегося, остальные слушали, окружив его тесным кольцом. Я протиснулся поближе, но его рассуждения показались мне до того нелепыми, что с чувством, близким к отвращению, я подался назад, стремясь уйти. При этом я нечаянно толкнул какого-то сгорбленного старика, стоявшего сзади, и он уронил несколько книг, которые держал под мышкой. Помогая ему поднимать их, я заметил заглавие одной книги: «Происхождение культа деревьев» — и подумал, что, по-видимому, это какой-нибудь бедный библиофил [1], который то ли ради заработка, то ли из любви к искусству собирает редкие издания. Я начал было извиняться перед ним, но, должно быть, эти книги, с которыми я имел несчастье обойтись столь невежливо, были очень дороги их владельцу, ибо он сердито буркнул что-то, презрительно отвернулся, и вскоре его сгорбленная спина и седые бакенбарды исчезли в толпе.

Мои наблюдения за домом № 427 по Парк-лейн мало чем помогли мне в разрешении заинтересовавшей меня загадки. Дом отделялся от улицы низенькой стеной с решеткой, причем все это вместе не достигало и пяти футов. Следовательно, каждый мог легко проникнуть в сад. Зато окно было совершенно неприступно: возле не было

[1] Библиофил (греч.) — любитель книг.

ни водосточной трубы, ни малейшего выступа, так что взобраться по стене не мог бы даже самый искусный гимнаст. Недоумевая еще больше прежнего, я отправился обратно в Кенсингтон и пришел домой. Но не пробыл я у себя в кабинете и пяти минут, как горничная доложила, что меня желает видеть какой-то человек. К моему удивлению, это оказался не кто иной, как мой оригинальный старик библиофил. Его острое морщинистое лицо выглядывало из рамки седых волос; под мышкой он держал не менее дюжины своих драгоценных книг.

— Вы, конечно, удивлены моим приходом, сэр? — спросил он странным, каркающим голосом.

Я подтвердил его догадку.

— Видите ли, сэр, я человек деликатный. Ковыляя сзади по той же дороге, что и вы, я вдруг увидел, как вы вошли в этот дом, и решил про себя, что должен зайти к такому любезному господину и извиниться перед ним. Ведь если я был чуточку груб с вами, сэр, то, право же, не хотел обидеть вас и очень вам благодарен за то, что вы подняли мои книги.

— Не стоит говорить о таких пустяках,— сказал я.— А позвольте спросить, как вы узнали, кто я?

— Осмелюсь сказать, сэр, что я ваш сосед. Моя маленькая книжная лавчонка находится на углу Черчстрит, и я буду счастлив, если вы когда-нибудь посетите меня. Может быть, вы тоже собираете книги, сэр? Вот «Птицы Британии», «Катулл», «Священная война». Купите, сэр. Отдам за бесценок. Пять томов как раз заполнят пустое место на второй полке вашего книжного шкафа, а то у нее какой-то неаккуратный вид, не правда ли, сэр?

Я оглянулся, чтобы посмотреть на полку, а когда я снова повернул голову, возле моего письменного стола стоял, улыбаясь мне, Шерлок Холмс. Я вскочил и несколько секунд смотрел на него в немом изумлении, а потом, должно быть, потерял сознание — в первый и, надеюсь, в последний раз в моей жизни. Помню только, что какой-то серый туман закружился у меня перед глазами, а когда он рассеялся, воротник у меня оказался расстегнутым и на губах я ощутил вкус коньяка. Холмс стоял с фляжкой в руке, наклонившись над моим стулом.

— Дорогой мой Уотсон,— сказал хорошо знакомый голос,— приношу тысячу извинений. Я никак не предполагал, что это так подействует на вас.

Я схватил его за руку.

— Холмс! — вскричал я.— Вы ли это? Неужели вы в самом деле живы? Возможно ли, что вам удалось выбраться из той ужасной пропасти?

— Погодите минутку,— ответил он.— Вы уверены, что уже в состоянии вести беседу? Мое чересчур эффектное появление слишком сильно взволновало вас.

— Мне лучше, но, право же, Холмс, я не верю своим глазам. Боже милостивый! Неужели это вы, вы, а не кто иной, стоите в моем кабинете?

Я снова схватил его за рукав и нащупал его тонкую мускулистую руку.

— Нет, вы не дух, это несомненно,— сказал я.— Дорогой мой друг, до чего я счастлив, что вижу вас! Садитесь же и рассказывайте, каким образом вам удалось спастись из той страшной бездны.

Холмс сел против меня и знакомым небрежным жестом закурил папиросу. На нем был поношенный сюртук букиниста, но все остальные принадлежности этого маскарада — кучка седых волос и связка старых книг — лежали на столе. Казалось, он еще более похудел и взгляд его стал еще более пронзителен. Мертвенная бледность его тонкого лица с орлиным носом свидетельствовала, что образ жизни, который он вел в последнее время, был не слишком полезен для его здоровья.

— Как приятно вытянуться, Уотсон! — сказал он.— Человеку высокого роста нелегко сделаться короче на целый фут и оставаться в таком положении несколько часов подряд. А теперь, мой дорогой друг, поговорим о серьезных вещах... Дело в том, что я хочу просить вашей помощи, и если вы согласны, то обоим нам предстоит целая ночь тяжелой и опасной работы. Не лучше ли отложить рассказ о моих приключениях до той минуты, когда эта работа будет позади?

— Но я сгораю от любопытства, Холмс, и предпочел бы выслушать вас сейчас же.

— Вы согласны пойти со мной сегодня ночью?

— Когда и куда вам угодно.

— Совсем как в доброе старое время. Пожалуй, мы

еще успеем немного закусить перед уходом... Ну, а теперь насчет этой самой пропасти. Мне было не так уж трудно выбраться из нее по той простой причине, что я никогда в ней не был.

— Не были?!

— Нет, Уотсон, не был. Однако моя записка к вам была написана совершенно искренне. Когда зловещая фигура покойного профессора Мориарти возникла вдруг на узкой тропинке, преграждая мне единственный путь к спасению, я был вполне убежден, что для меня все кончено. В его серых глазах я прочитал неумолимое решение. Мы обменялись с ним несколькими словами, и он любезно позволил мне написать коротенькую записку, которую вы и нашли. Я оставил ее вместе с моим портсигаром и альпенштоком, а сам пошел по тропинке вперед. Мориарти шел за мной по пятам. Дойдя до конца тропинки, я остановился: дальше идти было некуда. Он не вынул никакого оружия, но бросился ко мне и обхватил меня своими длинными руками. Он знал, что его песенка спета, и хотел только одного — отомстить мне. Не выпуская друг друга, мы стояли, шатаясь, на краю обрыва. Я не знаю, известно ли это вам, но я немного знаком с приемами японской борьбы — баритсу, которые не раз сослужили мне хорошую службу. Я сумел увернуться от него. Он издал вопль и несколько секунд отчаянно балансировал на краю, хватаясь руками за воздух. Но все-таки ему не удалось сохранить равновесие, и он сорвался вниз. Нагнувшись над обрывом, я еще долго следил взглядом за тем, как он летел в пропасть. Потом он ударился о выступ скалы и погрузился в воду.

С глубоким волнением слушал я Холмса, который, рассказывая, спокойно попыхивал папиросой.

— Но следы! — вскричал я.— Я сам, собственными глазами видел отпечатки двух пар ног, спускавшихся вниз по тропинке, и никаких следов в обратном направлении.

— Это произошло так. В ту секунду, когда профессор исчез в глубине пропасти, я вдруг понял, какую необыкновенную удачу посылает мне судьба. Я знал, что Мориарти был не единственным человеком, искавшим моей смерти. Оставались по меньшей мере три его сообщника. Гибель главаря могла только разжечь в их сердцах жажду мести. Все они были чрезвычайно опасные люди. Кому-нибудь из них непременно удалось бы через некоторое время при-

кончить меня. А если эти люди будут думать, что меня уже нет в живых, они начнут действовать более открыто, легче выдадут себя, и, рано или поздно, мне удастся их уничтожить. Тогда я и объявлю, что я жив! Человеческий мозг работает быстро; профессор Мориарти не успел, должно быть, опуститься на дно Рейхенбахского водопада, как я уже обдумал этот план.

Я встал и осмотрел скалистую стену, возвышавшуюся у меня за спиной. В вашем живописном отчете о моей трагической гибели, который я с большим интересом прочел несколько месяцев спустя, вы утверждаете, будто стена была совершенно отвесной и гладкой. Это не совсем так. В скале есть несколько маленьких выступов, на которые можно было поставить ногу, и, кроме того, по некоторым признакам я понял, что чуть повыше в ней имеется выемка... Утес так высок, что вскарабкаться на самый верх было явно невозможно, и так же невозможно было пройти по сырой тропинке, не оставив следов. Правда, я мог бы надеть сапоги задом наперед, как я не раз поступал в подобных случаях, но три пары отпечатков ног, идущих в одном направлении, неминуемо навели бы на мысль об обмане. Итак, лучше было рискнуть на подъем. Это оказалось не так-то легко, Уотсон. Подо мной ревел водопад. Я не обладаю пылким воображением, но, клянусь вам, мне чудилось, что до меня доносится голос Мориарти, взывающий ко мне из бездны. Малейшая оплошность могла стать роковой. Несколько раз, когда пучки травы оставались у меня в руке или когда нога скользила по влажным уступам скалы, я думал, что все кончено. Но я продолжал карабкаться вверх и наконец дополз до расселины, довольно глубокой и поросшей мягким зеленым мхом. Здесь я мог вытянуться, никем не видимый, и отлично отдохнуть. И здесь я лежал, в то время как вы, мой милый Уотсон, и все те, кого вы привели с собой, пытались весьма трогательно, но безрезультатно восстановить картину моей смерти.

Наконец, сделав неизбежные, но тем не менее совершенно ошибочные выводы по поводу случившегося, вы ушли в свою гостиницу, и я остался один. Я воображал, что мое приключение кончено, но одно весьма неожиданное происшествие показало, что меня ждет еще немало сюрпризов. Огромный обломок скалы с грохотом пролетел вдруг

совсем около меня, ударился о тропинку и низринулся в пропасть. В первый момент я приписал это простой случайности, но, взглянув вверх, увидел на фоне угасающего неба голову мужчины, и почти в ту же секунду другой камень ударился о край той самой расселины, где я лежал, в нескольких дюймах от моей головы. Я понял, что́ это означает. Мориарти действовал не один. Его сообщник — и я с первого же взгляда увидел, как опасен был этот сообщник,— стоял на страже, когда на меня напал профессор. Издали, невидимый мною, он стал свидетелем смерти своего друга и моего спасения. Выждав некоторое время, он обошел скалу, взобрался на вершину с другой стороны и теперь пытался сделать то, что не удалось Мориарти.

Я недолго размышлял об этом, Уотсон. Выглянув, я снова увидел над скалой свирепое лицо этого субъекта и понял, что оно является предвестником нового камня. Тогда я пополз вниз, к тропинке. Не знаю, сделал ли бы я это в хладнокровном состоянии. Спуск был в тысячу раз труднее, чем подъем. Но мне некогда было размышлять — третий камень прожужжал возле меня, когда я висел, цепляясь руками за край расселины. На полдороге я сорвался вниз, но все-таки каким-то чудом оказался на тропинке. Весь ободранный и в крови, я побежал со всех ног, в темноте прошел через горы десять миль и неделю спустя очутился во Флоренции, уверенный в том, что никто в мире ничего не знает о моей судьбе.

Я посвятил в свою тайну только одного человека — моего брата Майкрофта. Приношу тысячу извинений, дорогой Уотсон, но мне было крайне важно, чтобы меня считали умершим, а вам никогда не удалось бы написать такое убедительное сообщение о моей трагической смерти, не будь вы сами уверены в том, что это правда. За эти три года я несколько раз порывался написать вам — и всякий раз удерживался, опасаясь, как бы ваша привязанность ко мне не заставила вас совершить какую-нибудь оплошность, которая выдала бы мою тайну. Вот почему я отвернулся от вас сегодня вечером, когда вы рассыпали мои книги. Ситуация была в тот момент очень опасной, и возглас удивления или радости мог бы привлечь ко мне внимание и привести к печальным, даже непоправимым последствиям. Что касается Майкрофта, я поневоле должен был

открыться ему, так как мне необходимы были деньги. В Лондоне дела шли не так хорошо, как я того ожидал. После суда над шайкой Мориарти остались на свободе два самых опасных ее члена, оба — мои смертельные враги. Поэтому два года я пропутешествовал по Тибету, посетил из любопытства Лхассу и провел несколько дней у далай-ламы [1]. Вы, вероятно, читали о нашумевших исследованиях норвежца Сигерсона, но, разумеется, вам и в голову не приходило, что то была весточка от вашего друга. Затем я объехал всю Персию, заглянул в Мекку и побывал с коротким, но интересным визитом у калифа [2] в Хартуме... Отчет об этом визите был затем представлен мною министру иностранных дел.

Вернувшись в Европу, я провел несколько месяцев во Франции, где занимался исследованиями веществ, получаемых из каменноугольной смолы. Это происходило в одной лаборатории на юге Франции, в Монпелье. Успешно закончив опыты и узнав, что теперь в Лондоне остался лишь один из моих заклятых врагов, я подумывал о возвращении домой, когда известие о нашумевшем убийстве на Парк-лейн заставило меня поторопиться с отъездом. Эта загадка заинтересовала меня не только сама по себе, но и потому, что ее раскрытие, по-видимому, могло помочь мне осуществить кое-какие проекты, касающиеся меня лично. Итак, я немедленно приехал в Лондон, явился собственной персоной на Бейкер-стрит, вызвал сильный истерический припадок у миссис Хадсон и убедился в том, что Майкрофт позаботился сохранить мои комнаты и бумаги точно в том же виде, в каком они были прежде. Таким образом, сегодня, в два часа дня, я очутился в своей старой комнате, в своем старом кресле, и единственное, чего мне оставалось желать, это — чтобы мой старый друг Уотсон сидел рядом со мной в другом кресле, которое он так часто украшал своей особой.

Такова была изумительная повесть, рассказанная мне в тот апрельский вечер, повесть, которой я бы ни за что не поверил, если бы не видел своими глазами высокую, худощавую фигуру и умное, энергичное лицо человека,

[1] Далай-лама — в то время верховный правитель Тибета (духовный и светский); город Лхасса был местом пребывания далай-ламы.

[2] Калиф (халиф) — титул духовного главы мусульман.

которого уже никогда не чаял увидеть. Каким-то образом Холмс успел узнать о смерти моей жены, но его сочувствие проявилось скорее в тоне, нежели в словах.

— Работа — лучшее противоядие от горя, дорогой Уотсон,— сказал он,— а нас с вами ждет сегодня ночью такая работа, что человек, которому удастся успешно довести ее до конца, сможет смело сказать, что он недаром прожил свою жизнь.

Тщетно упрашивал я его высказаться яснее.

— Вы достаточно услышите и увидите до наступления утра,— ответил он.— А пока что у нас и без того есть о чем поговорить — ведь мы не виделись три года. Надеюсь, что до половины десятого нам хватит этой темы, а потом мы отправимся в путь, навстречу одному интересному приключению в пустом доме.

И правда, все было как в доброе старое время, когда в назначенный час я очутился в кэбе рядом с Холмсом. В кармане я нащупал револьвер, и сердце мое сильно забилось в ожидании необычайных событий. Холмс был сдержан, угрюм и молчалив. Когда свет уличных фонарей упал на его суровое лицо, я увидел, что брови его нахмурены, а тонкие губы плотно сжаты: казалось, он был погружен в глубокое раздумье. Я еще не знал, какого хищного зверя нам предстояло выследить в темных джунглях лондонского преступного мира, но все повадки этого искуснейшего охотника сказали мне, что приключение обещает быть одним из самых опасных, а язвительная усмешка, появлявшаяся время от времени на аскетически строгом лице моего спутника, не предвещала ничего доброго для той дичи, которую мы выслеживали.

Я предполагал, что мы едем на Бейкер-стрит, но Холмс приказал кучеру остановиться на углу Кавендиш-сквера. Выйдя из экипажа, он внимательно осмотрелся по сторонам и потом оглядывался на каждом повороте, желая удостовериться, что никто не увязался за нами следом. Мы шли какой-то странной дорогой. Холмс всегда поражал меня знанием лондонских закоулков, и сейчас он уверенно шагал через лабиринт каких-то конюшен и извозчичьих дворов, о существовании которых я даже не подозревал. Наконец мы вышли на узкую улицу с двумя рядами старых, мрачных домов, и она вывела нас на Манчестер-стрит, а затем на Блэндфорд-стрит. Здесь Холмс быстро свернул

в узкий тупичок, прошел через деревянную калитку в пустынный двор и открыл ключом заднюю дверь одного из домов. Мы вошли, и он тотчас же заперся изнутри.

Было совершенно темно, но я сразу понял, что дом необитаем. Голый пол скрипел и трещал под ногами, а на стене, к которой я нечаянно прикоснулся, висели клочья рваных обоев. Холодные тонкие пальцы Холмса сжали мою руку, и он повел меня по длинному коридору, пока наконец перед нами не обрисовались еле заметные контуры полукруглого окна над дверью. Здесь Холмс внезапно повернул вправо, и мы очутились в большой квадратной пустой комнате, совершенно темной по углам, но слегка освещенной в середине уличными огнями. Впрочем, поблизости от окна фонаря не было, да и стекло было покрыто густым слоем пыли, так что мы с трудом различали друг друга. Мой спутник положил руку мне на плечо и почти коснулся губами моего уха.

— Знаете ли вы, где мы? — шепотом спросил он.

— Кажется, на Бейкер-стрит,— ответил я, глядя через мутное стекло.

— Совершенно верно, мы находимся в доме Кэмдена, как раз напротив нашей прежней квартиры.

— Но зачем мы пришли сюда?

— Затем, что отсюда открывается прекрасный вид на это живописное здание. Могу ли я попросить вас, дорогой Уотсон, подойти чуть ближе к окну? Только будьте осторожны, никто не должен вас видеть. Ну, а теперь взгляните на окна наших прежних комнат, где было положено начало стольким интересным приключениям. Сейчас увидим, совсем ли я потерял способность удивлять вас за три года нашей разлуки.

Я шагнул вперед, посмотрел на знакомое окно, и у меня вырвался возглас изумления. Штора была опущена, комната ярко освещена, и тень человека, сидевшего в кресле в глубине ее, отчетливо выделялась на светлом фоне окна. Посадка головы, форма широких плеч, острые черты лица — все это не оставляло никаких сомнений. Голова была видна вполоборота и напоминала те черные силуэты, которые любили рисовать наши бабушки. Это была точная копия Холмса. Я был так поражен, что невольно протянул руку, желая убедиться, действительно ли сам он

стоит здесь, рядом со мной. Холмс трясся от беззвучного смеха.

— Ну? — спросил он.

— Это просто невероятно! — прошептал я.

— Кажется, годы не убили мою изобретательность, а привычка не засушила ее,— сказал он, и я уловил в его голосе радость и гордость художника, любующегося своим творением.— А ведь правда похож?

— Я готов был бы поклясться, что это вы.

— Честь выполнения принадлежит господину Менье из Гренобля. Он лепил эту фигуру несколько дней. Она сделана из воска. Все остальное устроил я сам, когда заходил на Бейкер-стрит сегодня утром.

— Но зачем вам понадобилось все это?

— У меня были на то серьезные причины, милый Уотсон. Я хочу, чтобы некоторые люди думали, что я нахожусь там, в то время как в действительности я нахожусь в другом месте.

— Так вы думаете, что за квартирой следят?

— Я *знаю*, что за ней следят.

— Кто же?

— Мои старые враги, Уотсон. Та очаровательная компания, шеф которой покоится на дне Рейхенбахского водопада. Как вы помните, они — и только они — знали, что я еще жив. Они были уверены, что рано или поздно я вернусь в свою прежнюю квартиру. Они не переставали следить за ней, и вот сегодня утром они увидели, что я возвратился.

— Но как вы догадались об этом?

— Выглянув из окна, я узнал их дозорного. Это довольно безобидный малый, по имени Паркер, по профессии грабитель и убийца и в то же время прекрасный органист. Он мало меня интересует. Меня гораздо больше интересует другой — тот страшный человек, который скрывается за ним, ближайший друг Мориарти, тот, кто швырял в меня камнями с вершины скалы,— самый хитрый и самый опасный преступник во всем Лондоне. Именно этот человек охотится за мной сегодня ночью, Уотсон, и не подозревает, что мы охотимся за ним.

Планы моего друга постепенно прояснились для меня. Из нашего удобного убежища мы имели возможность наблюдать за теми, кто стремился наблюдать за нами, и следить за нашими преследователями. Тонкий силуэт в окне служил приманкой, а мы — мы были охотниками. Молча стояли мы рядом в темноте, плечом к плечу, и внимательно вглядывались в фигуры прохожих, сновавших взад и вперед по улице напротив нас. Холмс не говорил мне ни слова и не шевелился, но я чувствовал, что он страшно напряжен и что глаза его не отрываясь следят за людским потоком на тротуаре. Ночь была холодная и ненастная, резкий ветер дул вдоль длинной улицы. Народу было много; почти все прохожие шли торопливой походкой, уткнув носы в воротники или кашне. Мне показалось, что одна и та же фигура несколько раз прошла взад и вперед мимо дома, и особенно подозрительны были мне два человека, которые, словно укрываясь от ветра, долго торчали в одном подъезде невдалеке от нас. Я сделал попытку обратить на них внимание Холмса, но он ответил мне лишь еле слышным возгласом досады и продолжал внимательно смотреть на улицу. Время от времени он переминался с ноги на ногу или нервно барабанил пальцами по стене. Я видел, что ему становится не по себе и что события разворачиваются не совсем так, как он предполагал. Наконец, когда дело подошло к полуночи и улица почти опустела, он зашагал по комнате, уже не скрывая своего волнения. Я хотел было что-то сказать ему, как вдруг взгляд мой упал на освещенное окно, и я снова почувствовал изумление. Схватив Холмса за руку, я показал ему на окно.

— Фигура шевельнулась!— воскликнул я.

И действительно, теперь силуэт был обращен к нам уже не в профиль, а спиной.

Как видно, годы не смягчили резкого характера Холмса, и он был все так же нетерпелив, сталкиваясь с проявлениями ума менее тонкого, чем его собственный.

— Разумеется, она шевельнулась,— сказал он.— Неужели я такой уж безмозглый болван, Уотсон, чтобы посадить в комнате явное чучело и надеяться с его помощью провести самых хитрых мошенников, какие только существуют в Европе? Мы торчим в этой дыре два часа, и за это время миссис Хадсон меняла положение фигуры восемь раз, то есть каждые четверть часа. Само собой, она подходит к ней так, чтобы ее собственный силуэт не был виден... Ага!

Внезапно он затаил дыхание и замер. В полумраке я

увидел, как он стоит, вытянув шею, в позе напряженного ожидания. Улица была теперь совершенно пустынна. Возможно, что те двое все еще стояли, притаившись, в подъезде, но я уже не мог их видеть. Вокруг нас царили безмолвие и мрак. И во мраке отчетливо выделялся желтый экран ярко освещенного окна с контурами черной фигуры в центре.

В полном безмолвии я слышал дыхание Холмса, выдававшее сильное, с трудом сдерживаемое волнение. Внезапно он толкнул меня в глубь комнаты, в самый темный ее угол, и зажал мне на минуту рот рукой, требуя тем самым полного молчания. В эту минуту я ощутил, как дрожат его пальцы. Никогда еще я не видел его в таком возбуждении, а между тем темная улица казалась все такой же пустынной и безмолвной.

И вдруг я услышал то, что уже уловил более тонкий слух моего друга. Какой-то тихий, приглушенный звук донесся до меня, но не со стороны Бейкер-стрит, а из глубины того самого дома, где мы прятались. Вот открылась и закрылась входная дверь. Через секунду чьи-то крадущиеся шаги послышались в коридоре — шаги, которые, очевидно, стремились быть тихими, но гулко отдавались в пустом доме. Холмс прижался к стене; я сделал то же, крепко стиснув револьвер. Вглядываясь в темноту, я различил неясный мужской силуэт, черный силуэт чуть темнее черного прямоугольника открытой двери. Минуту он постоял там, затем пригнулся и, крадучись, двинулся вперед. Во всех его движениях таилась угроза. Эта зловещая фигура была в трех шагах от нас, и я уже напряг мускулы, готовясь встретить нападение пришельца, как вдруг до моего сознания дошло, что он и не подозревает о нашем присутствии. Едва не коснувшись нас, он прошел мимо, прокрался к окну и очень осторожно, совершенно бесшумно, поднял раму почти на полфута. Когда он нагнулся до уровня образовавшегося отверстия, свет с улицы, уже не заслоненный грязным стеклом, упал на его лицо. Это лицо выдавало крайнюю степень возбуждения. Глаза лихорадочно горели, черты были страшно искажены. Незнакомец был уже немолодой человек с тонким ястребиным носом, высоким лысеющим лбом и длинными седыми усами. Цилиндр его был сдвинут на затылок, пальто распахнулось и открывало белоснежную грудь фрачной манишки. Смуглое мрачное

лицо было испещрено глубокими морщинами. В руке он держал нечто вроде трости, но, когда он положил ее на пол, она издала металлический лязг. Затем он вынул из кармана пальто какой-то предмет довольно больших размеров и несколько минут возился с ним, пока не щелкнула какая-то пружина или задвижка. Стоя на коленях, он нагнулся вперед и всей своей тяжестью налег на какой-то рычаг, в результате чего мы услышали длинный, скрежещущий, резкий звук. Тогда он выпрямился, и я увидел, что в руке у него было нечто вроде ружья с каким-то странным, неуклюжим прикладом. Он открыл затвор, вложил что-то внутрь и снова защелкнул его. Потом, сев на корточки, положил конец ствола на подоконник, и его длинные усы повисли над стволом, а глаза сверкнули, вглядываясь в точку прицела. Наконец он приложил ружье к плечу и с облегчением вздохнул: мишень была перед ним — изумительная мишень, черный силуэт, четко выделявшийся на светлом фоне. На мгновение он застыл, потом его палец нажал на собачку, и раздалось странное жужжание, а вслед за ним серебристый звон разбитого стекла. В тот же миг Холмс, как тигр, прыгнул на спину стрелка и повалил его на пол. Но через секунду тот вскочил на ноги и с невероятной силой схватил Холмса за горло. Тогда рукояткой моего револьвера я ударил злодея по голове, и он снова упал. Я навалился на него, и в ту же минуту Холмс дал резкий свисток. С улицы послышался топот бегущих людей, и вскоре два полисмена в форме, а с ними сыщик в штатском платье ворвались в комнату через парадную дверь.

— Это вы, Лестрейд? — спросил Холмс.

— Да, мистер Холмс. Я решил сам заняться этим делом. Рад видеть вас снова в Лондоне, сэр.

— Мне казалось, что вам не помешает наша скромная неофициальная помощь. Три нераскрытых убийства за один год — многовато, Лестрейд. Но дело о тайне Молси вы вели не так уж... то есть я хотел сказать, что вы провели его недурно...

Все мы уже стояли на ногах. Наш пленник тяжело дышал в руках двух дюжих констеблей, крепко державших его с двух сторон. На улице начала собираться толпа зевак. Холмс подошел к окну, закрыл его и опустил штору. Лестрейд зажег две принесенные им свечи, а полицейские

открыли свои потайные фонарики. Наконец-то я мог рассмотреть нашего пленника.

У него было необычайно мужественное и в то же время отталкивающее лицо. Лоб философа и челюсть сластолюбца говорили о том, что в этом человеке была заложена способность как к добру, так и ко злу. Но жестокие, стального оттенка глаза с нависшими веками и циничным взглядом, хищный, ястребиный нос и глубокие морщины, избороздившие лоб, указывали, что сама природа позаботилась наделить его признаками, свидетельствовавшими об опасности этого субъекта для общества. Ни на кого из нас он не обращал ни малейшего внимания; взгляд его был прикован к лицу Холмса, на которого он глядел с изумлением и ненавистью.

— Дьявол! — шептал он.— Хитрый дьявол!

— Итак, полковник,— сказал Холмс, поправляя свой измятый воротник,— все пути ведут к свиданью, как поется в старинной песенке. Кажется, я еще не имел удовольствия видеть вас после того, как вы удостоили меня своим благосклонным вниманием,— помните, когда я лежал в той расселине над Рейхенбахским водопадом.

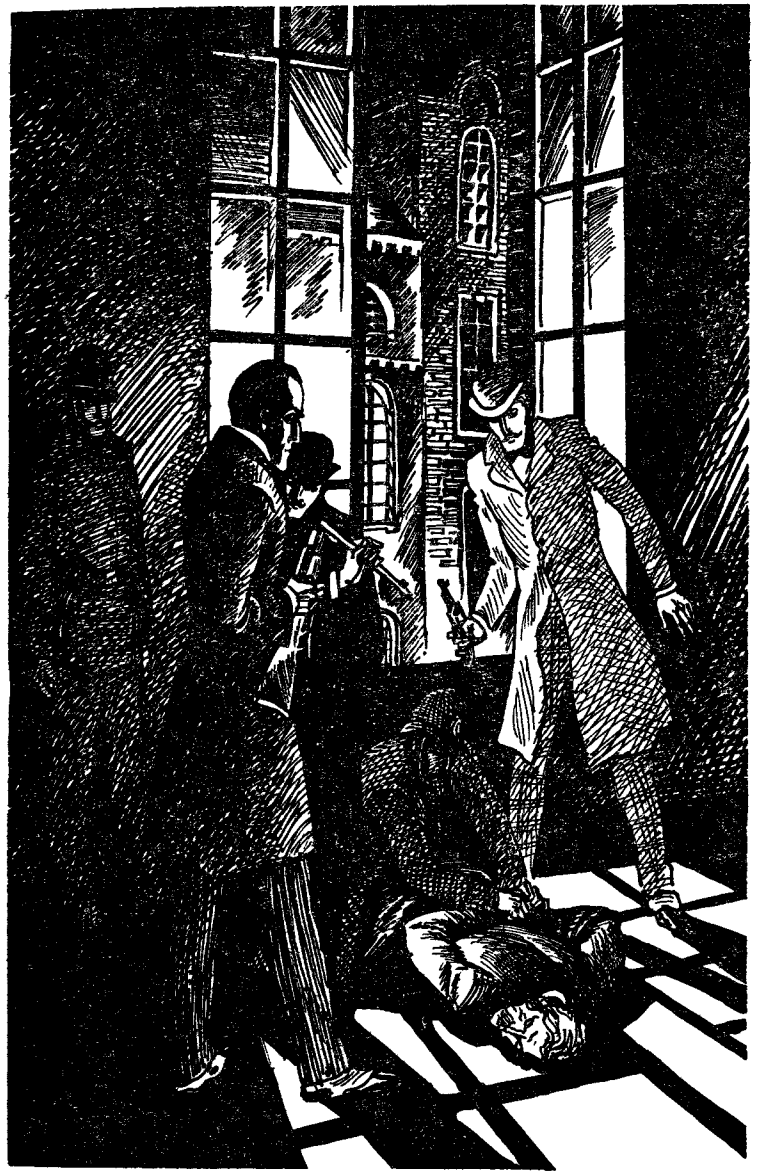
Полковник, словно загипнотизированный, не мог оторвать взгляда от моего друга.

— Дьявол, сущий дьявол! — снова и снова повторял он.

— Я еще не представил вас,— сказал Холмс.— Джентльмены, это полковник Себастьян Моран, бывший офицер Индийской армии ее величества и лучший охотник на крупного зверя, какой когда-либо существовал в наших восточных владениях. Думаю, что не ошибусь, полковник, если скажу, что по числу убитых вами тигров вы все еще остаетесь на первом месте?

Пленник с трудом сдерживал ярость, но продолжал молчать. Он и сам был похож на тигра, глаза у него злобно сверкали, усы ощетинились.

— Меня удивляет, что моя несложная выдумка могла обмануть такого опытного охотника,— продолжал Холмс.— Для вас она не должна быть новинкой. Разве вам не приходилось привязывать под деревом козленка и, притаившись в ветвях с карабином, ждать, пока тигр не придет на приманку? Этот пустой дом — мое дерево, а вы — мой тигр. Думаю, что иногда вам случалось иметь в резерве других

стрелков на случай, если бы вдруг явилось несколько тигров, или же на тот маловероятный случай, если бы вы промахнулись. Эти господа,— он показал на нас,— мои запасные стрелки. Мое сравнение точно, не так ли?

Внезапно полковник Моран с яростным воплем рванулся вперед, но констебли оттащили его. Лицо его выражало такую ненависть, что страшно было смотреть.

— Признаюсь, вы устроили мне небольшой сюрприз,— продолжал Холмс.— Я не предполагал, что вы сами захотите воспользоваться этим пустым домом и этим окном, действительно очень удобным. Мне представлялось, что вы будете действовать с улицы, где вас ждал мой друг Лестрейд со своими помощниками. За исключением этой детали, все произошло так, как я ожидал.

Полковник Моран обратился к Лестрейду.

— Независимо от того, есть у вас основания для моего ареста или у вас их нет,— сказал он,— я не желаю переносить издевательства этого господина. Если я в руках закона, пусть все идет законным порядком.

— Это, пожалуй, справедливо,— заметил Лестрейд.— Вы имеете еще что-нибудь сказать, перед тем как мы уйдем отсюда, мистер Холмс?

Холмс поднял с пола громадное духовое ружье и стал рассматривать его механизм.

— Превосходное и единственное в своем роде оружие! — сказал он.— Стреляет бесшумно и действует с сокрушительной силой. Я знал немца фон Хердера, слепого механика, который сконструировал его по заказу покойного профессора Мориарти. Вот уже много лет, как мне было известно о существовании этого ружья, но никогда еще не приходилось держать его в руках. Я особенно рекомендую его вашему вниманию, Лестрейд, а также и пули к нему.

— Не беспокойтесь, мистер Холмс, мы займемся им,— сказал Лестрейд, когда все присутствовавшие двинулись к дверям.— Это все?

— Все. Впрочем, я хотел бы спросить, какое обвинение вы собираетесь предъявить преступнику?

— Как какое обвинение, сэр? Ну, разумеется, в покушении на убийство мистера Шерлока Холмса.

— О нет, Лестрейд, я не имею никакого желания фигурировать в этом деле. Вам, и только вам, принадлежит честь замечательного ареста, который вы произвели. Поздравляю вас, Лестрейд! Благодаря сочетанию свойственной вам проницательности и смелости вы наконец поймали этого человека.

— Этого человека? Но кто же он такой, мистер Холмс?

— Тот, кого безуспешно искала вся полиция,— полковник Себастьян Моран, который тридцатого числа прошлого месяца застрелил сэра Рональда Адэра выстрелом из духового ружья, произведенным через окно второго этажа дома № 427 по Парк-лейн. Вот каково должно быть обвинение, Лестрейд... А теперь, Уотсон, если вы не боитесь сквозного ветра из разбитого окна, давайте посидим полчаса у меня в кабинете и выкурим по сигаре — надеюсь, что это немного развлечет вас.

Благодаря наблюдению Майкрофта Холмса и непосредственным заботам миссис Хадсон в нашей прежней квартире ничего не изменилось. Правда, когда я вошел, меня удивила ее непривычная опрятность, но все знакомые предметы стояли на своих местах. На месте был «уголок химии», в котором по-прежнему стоял сосновый стол, покрытый пятнами от едких кислот. На полке по-прежнему были выстроены в ряд огромные альбомы газетных вырезок и справочники, которые так охотно швырнули бы в огонь многие из наших сограждан! Диаграммы, футляр со скрипкой, полочка со множеством трубок, даже персидская туфля с табаком — все было вновь перед моими глазами, когда я осмотрелся по сторонам. В комнате находились двое: во-первых, миссис Хадсон, встретившая нас радостной улыбкой, а во-вторых, странный манекен, сыгравший такую важную роль в событиях сегодняшней ночи. Это был раскрашенный восковой бюст моего друга, сделанный с необыкновенным мастерством и поразительно похожий на оригинал. Он стоял на высокой подставке и был так искусно задрапирован старым халатом Холмса, что, если смотреть с улицы, иллюзия получалась полная.

— Надо полагать, вы выполнили все мои указания, миссис Хадсон? — спросил Холмс.

— Я подползала к нему на коленях, сэр, как вы приказали.

— Отлично. Вы проделали все это как нельзя лучше. Заметили вы, куда попала пуля?

— Да, сэр. Боюсь, что она испортила вашу красивую статую — прошла через голову и сплющилась о стену. Я подняла ее с ковра. Вот она.

Холмс протянул ее мне.

— Мягкая револьверная пуля, посмотрите, Уотсон. Ведь это просто гениально! Ну кто бы подумал, что такая штука может быть пущена из духового ружья? Прекрасно, миссис Хадсон, благодарю вас за помощь... А теперь, Уотсон, садитесь, как бывало, на свое старое место. Мне хочется побеседовать с вами кое о чем.

Он сбросил поношенный сюртук, накинул старый халат, сняв его предварительно со своего двойника, и передо мной снова был прежний Холмс.

— Нервы у старого охотника все так же крепки, а глаз так же верен,— сказал он со смехом, разглядывая продырявленный лоб восковой фигуры.— Попал в самую середину затылка и пробил мозг. Это был искуснейший стрелок Индии. Думаю, что и в Лондоне у него найдется не так уж много соперников. Вы когда-нибудь слышали прежде его имя?

— Нет, никогда.

— Да, вот она, слава! Впрочем, вы ведь, насколько я помню, еще недавно сознавались, что не слышали даже имени профессора Джеймса Мориарти, а это был один из величайших умов нашего века. Кстати, снимите, пожалуйста, с полки биографический указатель...

Удобно расположившись в кресле и попыхивая сигарой, Холмс лениво переворачивал страницы.

— У меня отличная коллекция на «М»,— сказал он.— Одного Мориарти было бы достаточно, чтобы прославить любую букву, а тут еще Морган — отравитель, и Мерридью, оставивший по себе жуткую память, и Мэтьюз — тот самый, который выбил мне левый клык в зале ожидания на Черинг-кросском вокзале. А вот наконец и наш сегодняшний друг.

Он протянул мне книгу, и я прочитал:

«Моран Себастьян, полковник в отставке. Служил в первом саперном бангалурском полку. Родился в Лондоне в 1840 году. Сын сэра Огастеса Морана, кавалера ордена Бани, бывшего британского посланника в Персии. Окончил Итонский колледж и Оксфордский университет. Участвовал в кампаниях Джовакской, Афганской, Чарасиабской

(дипломатическим курьером), Шерпурской и Кабульской. Автор книг: «Охота на крупного зверя в Западных Гималаях» (1881) и «Три месяца в джунглях» (1884). Адрес: Кондуит-стрит. Клубы: Англо-индийский, Тэнкервильский и карточный клуб Багатель».

На полях четким почерком Холмса было написано: «Самый опасный человек в Лондоне после Мориарти».

— Странно,— сказал я, возвращая Холмсу книгу.— Казалось бы, его путь — это путь честного солдата.

— Вы правы,— ответил Холмс.— До известного момента он не делал ничего дурного. Это был человек с железными нервами, и в Индии до сих пор ходят легенды о том, как он прополз по высохшему руслу реки и спас человека, вырвав его из когтей раненого тигра. Есть такие деревья, Уотсон, которые растут нормально до определенной высоты, а потом вдруг обнаруживают в своем развитии какое-нибудь уродливое отклонение от нормы. Это часто случается и с людьми. Согласно моей теории, каждый индивидуум повторяет в своем развитии историю развития всех своих предков, и я считаю, что каждый неожиданный поворот в сторону добра или зла объясняется каким-нибудь сильным влиянием, источник которого надо искать в родословной человека. И следовательно, его биография является как бы отражением в миниатюре биографии всей семьи.

— Ну, знаете, эта теория несколько фантастична.

— Что ж, не буду на ней настаивать. Каковы бы ни были причины, но полковник Моран вступил на дурной путь. Никакого открытого скандала не было, но он до такой степени восстановил против себя кое-кого в Индии, что ему уже невозможно было оставаться там. Он вышел в отставку, приехал в Лондон и здесь тоже приобрел дурную славу. Вот тогда-то его и открыл профессор Мориарти, у которого он некоторое время был правой рукой. Мориарти щедро снабжал его деньгами, но к помощи его прибегал очень редко — лишь в двух или трех особо трудных случаях, которые были не под силу заурядному преступнику. Вы, может быть, помните странную смерть миссис Стюард из Лаудера в 1877 году? Нет? Я уверен, что тут не обошлось без Морана, хотя против него и не было никаких явных улик. Полковник умел так искусно прятать концы в воду, что даже после того, как разогнали всю шайку

Мориарти, нам все-таки не удалось притянуть его к суду. Помните, Уотсон, тот вечер, когда я пришел к вам и закрыл ставни, опасаясь выстрела из духового ружья? Тогда вам показалось это странным, но я знал, что́ делал, ибо мне было уже известно о существовании этого замечательного ружья, и, кроме того, я знал, что оно находится в руках у одного из искуснейших стрелков. Когда мы с вами поехали в Швейцарию, Моран погнался за нами вместе с Мориарти, и именно из-за него я пережил несколько весьма неприятных минут лежа в расселине скалы над Рейхенбахским водопадом.

Можете себе представить, с каким вниманием читал я английские газеты, когда был во Франции: я надеялся найти хоть какой-нибудь шанс посадить его за решетку. Ведь пока он разгуливал в Лондоне на свободе, я не мог и думать о возвращении. Днем и ночью эта угроза омрачала бы мою жизнь, и так или иначе он нашел бы случай убить меня. Что же мне было делать? Застрелить его при встрече я не мог: ведь я и сам очутился бы тогда на скамье подсудимых. Обращаться в суд тоже было бесполезно: суд не имеет права возбуждать дело на основании одних только недоказанных подозрений, а доказательств у меня не было. Так что я был бессилен что-либо предпринять. Но я неустанно следил за хроникой преступлений, так как был твердо уверен, что рано или поздно мне удастся его изловить. И вот произошло это убийство Рональда Адэра. Наконец-то мой час настал! Зная то, что я знал, мог ли я сомневаться, что его убил именно полковник Моран? Он играл с юношей в карты, он пошел за ним следом после клуба, он застрелил его через открытое окно. Да, сомнений быть не могло. Одна пуля могла стать достаточной уликой, чтобы отправить полковника Морана на виселицу. Я тотчас приехал в Лондон. Дозорный полковника увидел меня и, разумеется, сообщил ему об этом. Тот не мог не связать мой внезапный приезд со своим преступлением и, конечно, сильно встревожился. Я был убежден, что он сделает попытку *немедленно* устранить меня и для этого прибегнет к своему смертоносному оружию. Поэтому я приготовил ему в окне моего кабинета безукоризненную мишень, предупредил полицию, что мне может понадобиться ее помощь (кстати, Уотсон, вы своим зорким взглядом сразу разглядели двух полисменов в том

подъезде), и занял пост, показавшийся мне удобным для наблюдения, хотя, уверяю вас, мне и не снилось, что мой противник выберет для нападения то же самое место. Вот и все, милый Уотсон. Теперь, я думаю, вам все ясно?

— Нет,— ответил я.— Вы еще не объяснили мне, зачем понадобилось полковнику Морану убивать сэра Рональда Адэра.

— Ну, друг мой, здесь уж мы вступаем в область догадок, а в этой области одной логики мало. Каждый может на основании имеющихся фактов создать свою собственную гипотезу, и ваша имеет столько же шансов быть правильной, как и моя.

— Стало быть, ваша гипотеза уже создана?

— Что ж, по-моему, объяснить существующие факты не так уж трудно. Следствием было установлено, что незадолго до убийства полковник Моран и молодой Адэр, будучи партнерами, выиграли порядочную сумму денег? Но Моран, без сомнения, играл нечисто — я давно знал, что он шулер. По всей вероятности, в день убийства Адэр заметил, что Моран плутует. Он поговорил с полковником с глазу на глаз и пригрозил разоблачить его, если он добровольно не выйдет из членов клуба и не даст слово навсегда бросить игру. Едва ли такой юнец, как Адэр, сразу решился бы публично бросить это скандальное обвинение человеку, который значительно старше его и притом занимает видное положение в обществе. Скорее всего, он поговорил с полковником наедине, без свидетелей. Но для Морана, который существовал только на те деньги, которые ему удавалось добывать своими шу́лерскими приемами, исключение из клуба было равносильно разорению. Поэтому он и убил Адэра, убил в тот самый момент, когда молодой человек, не желая пользоваться результатами нечестной игры своего партнера, подсчитывал, какова была его доля выигрыша и сколько денег он должен был возвратить проигравшим. А чтобы мать и сестра не застали его за этим подсчетом и не начали расспрашивать, что означают все эти имена на бумаге и столбики монет на столе, он заперся на ключ... Ну что, правдоподобно, по-вашему, мое объяснение?

— Не сомневаюсь, что вы попали в точку.

— Следствие покажет, прав я или нет. Так или иначе,

полковник Моран больше не будет беспокоить нас, знаменитое духовое ружье фон Хердера украсит коллекцию музея Скотленд-Ярда, и отныне никто не помешает мистеру Шерлоку Холмсу заниматься разгадкой тех интересных маленьких загадок, которыми так богата сложная лондонская жизнь.

Пляшущие человечки

В течение многих часов Шерлок Холмс сидел согнувшись над стеклянной пробиркой, в которой варилось что-то на редкость вонючее. Голова его была опущена на грудь, и он казался мне похожим на странную тощую птицу с тусклыми серыми перьями и черным хохолком.

— Итак, Уотсон,— сказал он внезапно,— вы не собираетесь вкладывать свои сбережения в южноафриканские ценные бумаги?

Я вздрогнул от удивления. Как ни привык я к необычайным способностям Холмса, это внезапное вторжение в самые тайные мои мысли было совершенно необъяснимым.

— Как, черт возьми, вы об этом узнали? — спросил я.

Он повернулся на стуле, держа в руке дымящуюся пробирку, и его глубоко сидящие глаза радостно заблистали.

— Признайтесь, Уотсон, что вы совершенно сбиты с толку,— сказал он.

— Признаюсь.

— Мне следовало бы заставить вас написать об этом на листочке бумаги и подписаться.

— Почему?

— Потому что через пять минут вы скажете, что все это необычайно просто.

— Уверен, что этого я никогда не скажу.

— Видите ли, дорогой мой Уотсон...— Он укрепил пробирку на штативе и принялся читать мне лекцию с видом профессора, обращающегося к аудитории.— Не так уж трудно построить серию выводов, в которой каждый последующий простейшим образом вытекает из предыдущего. Если после этого удалить все средние звенья и сообщить слушателю только первое звено и последнее, они произведут ошеломляющее, хотя и ложное впечатление. После того как я заметил впадинку между большим и указательным пальцами вашей левой руки, мне было вовсе нетрудно заключить, что вы не собираетесь вкладывать свой небольшой капитал в золотые россыпи.

— Но я не вижу никакой связи между этими двумя обстоятельствами!

— Охотно верю. Однако я вам в несколько минут докажу, что такая связь существует. Вот опущенные звенья этой простейшей цепи: во-первых, когда вчера вечером мы вернулись из клуба, впадинка между указательным и большим пальцами на вашей левой руке была выпачкана мелом; во-вторых, всякий раз, когда вы играете на бильярде, вы натираете эту впадинку мелом, чтобы кий лучше скользил у вас в руке; в-третьих, вы играете на бильярде только с Сэрстоном; в-четвертых, месяц назад вы мне сказали, что Сэрстон предложил вам приобрести совместно с ним южноафриканские ценные бумаги, которые поступят в продажу через месяц; в-пятых, ваша чековая книжка заперта

в ящике моего письменного стола, и вы не попросили у меня ключа; в-шестых, вы не собираетесь вкладывать свои деньги в южноафриканские бумаги.

— До чего просто!— воскликнул я.

— Конечно,— сказал он, слегка уязвленный,— всякая задача оказывается очень простой после того, как вам ее растолкуют. А вот вам задача, еще не решенная. Посмотрим, друг Уотсон, как вам удастся с ней справиться.

Он взял со стола листок бумаги, подал его мне и вернулся к своему химическому анализу.

Я с изумлением увидел, что на листке начерчены какие-то бессмысленные иероглифы.

— Позвольте, Холмс, да ведь это рисовал ребенок!— воскликнул я.

— Вот каково ваше мнение!

— Что же это, в таком случае?

— Мистер Хилтон Кьюбит из Ридлинг-Торп-мэнор в Норфолке как раз и хотел бы знать, что это такое. Этот маленький ребус он послал нам с первой почтой, а сам выехал сюда ближайшим поездом. Слышите звонок, Уотсон? Это, вероятно, он.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и через минуту к нам вошел высокий, румяный, чисто выбритый джентльмен. По его ясным глазам и цветущим щекам сразу было видно, что жизнь его протекала вдали от туманов Бейкер-стрит. Казалось, он принес с собой дуновение крепкого свежего ветра с восточного берега. Пожав нам руки, он уже собирался усесться, как вдруг взор его упал на листок с забавными значками, который я только что рассматривал и оставил на столе.

— Что вы об этом думаете, мистер Холмс? — воскликнул он.— Мне рассказывали, что вы большой любитель всяких таинственных случаев, и я решил, что уж страннее этого вам ничего не найти. Я вам заранее выслал эту бумажку, чтобы у вас было время изучить ее до моего приезда.

— Это действительно в высшей степени любопытный рисунок,— сказал Холмс.— С первого взгляда его можно принять за детскую шалость. Кто, казалось бы, кроме детей, мог нарисовать этих крошечных танцующих че-

ловечков? Почему вы придали столь важное значение такому причудливому пустяку?

— Да я не придал бы ему никакого значения, если бы не жена. Она смертельно перепугалась. Она ничего не говорит мне, но я вижу в глазах у нее ужас. Вот почему я принял это так близко к сердцу.

Холмс приподнял бумажку, и лучи солнца озарили ее. Это был листок, вырванный из записной книжки. На нем были начерчены карандашом вот такие фигурки:

Внимательно рассмотрев листок, Холмс бережно сложил его и спрятал в бумажник.

— Это дело обещает много любопытного и необычайного,— сказал он.— Вы уже кое-что рассказали мне в своем письме, мистер Хилтон Кьюбит, но я был бы очень вам признателен, если бы вы любезно согласились повторить свой рассказ, чтобы дать возможность послушать его моему другу, доктору Уотсону.

— Я плохой рассказчик,— сказал наш гость, нервно сжимая и разжимая свои большие сильные руки.— Если в моем рассказе вам что-нибудь покажется неясным, задавайте мне, пожалуйста, вопросы. Начну с того, что в прошлом году я женился... Но предварительно я должен сказать, что, хотя я человек небогатый, наш род живет в Ридлинг-Торп уже в течение пяти столетий и считается самым знатным родом во всем Норфолкском графстве. В прошлом году я приехал в Лондон на праздники и остановился в меблированных комнатах на Рассел-сквер, потому что там остановился Паркер, священник нашего прихода. В этих меблированных комнатах жила молодая американская леди по фамилии Патрик, Илси Патрик. Мы с ней скоро подружились. Не прошло и месяца как я полюбил ее самой пылкой любовью. Мы тихонько повенчались и уехали ко мне в Норфолк.

Вам, вероятно, кажется странным, мистер Холмс, что человек хорошего старинного рода вступает в брак с женщиной, ничего не зная о ее прошлом и о ее семье. Но если бы вы увидели ее и узнали, вам нетрудно было бы меня понять. Она была очень прямодушна со мной, моя Илси, она предоставляла мне полную возможность отказаться от свадьбы, если я захочу. «У меня в моей прежней жизни были очень неприятные знакомства,— говорила она,— я хочу позабыть о них. Я не желаю возвращаться к своему прошлому, потому что всякое воспоминание причиняет мне боль. Если ты на мне женишься, Хилтон, ты женишься на женщине, которая сама ничего постыдного не совершила, но ты должен поверить мне на слово и позволить умолчать обо всем, что было со мною до того, как я стала твоей. Если это условие кажется тебе слишком тяжелым, возвращайся в Норфолк и предоставь мне продолжать ту одинокую жизнь, которую я вела до встречи с тобой».

Она сказала мне это за день до свадьбы. Я ответил ей, что готов подчиниться ее желанию, и сдержал свое слово. Теперь мы женаты уже год и прожили этот год очень счастливо. Но месяц назад, в конце июня, я заметил первые признаки надвигающейся беды. Моя жена получила письмо из Америки — на конверте была американская марка. Жена смертельно побледнела, прочла письмо и швырнула в огонь. Она ни разу о нем не упомянула, и я ничего не спросил, ибо обещание есть обещание. Но с этого часа она ни одного мгновения не была спокойна. У нее теперь всегда испуганное лицо, и по всему видно, что она ожидает чего-то.

Теперь перейду к самой странной части моей истории. Около недели назад, кажется во вторник, я увидел на одном из подоконников пляшущих человечков, таких же самых, как на этой бумажке. Они были нацарапаны мелом. Я думал, что их нарисовал мальчишка, работавший в конюшне, но он поклялся, что ничего о них не знает. Появились они ночью. Я смыл их и случайно упомянул о них в разговоре с Илси. К моему удивлению, она приняла мои слова близко к сердцу и попросила меня, если я опять замечу таких человечков, дать ей взглянуть на них. В течение недели они не появлялись, но вчера утром я нашел в саду на солнечных часах

этот листок. Я показал его Илси, и она тотчас же потеряла сознание. С тех пор она живет как во сне, и глаза ее постоянно полны ужаса. Вот почему я написал вам письмо, мистер Холмс, и послал этот листок. Я не мог обратиться к полиции, потому что там, несомненно, стали бы смеяться надо мной, а вы скажете мне, что делать! Я человек небогатый, но если моей жене угрожает опасность, я готов истратить последний грош, чтобы защитить ее.

Славный он был, этот простодушный гигант с большими голубыми глазами! Любовь и преданность к жене были написаны в каждой черточке его лица. Холмс выслушал его историю с глубоким вниманием, а потом задумался и долго молчал.

— Не думаете ли вы, мистер Кьюбит,— сказал он наконец,— что лучше всего было бы вам напрямик обратиться к жене и попросить ее поделиться с вами своей тайной?

Хилтон Кьюбит покачал своей большой головой:

— Обещание есть обещание, мистер Холмс. Если Илси захочет, она сама мне расскажет все. Если же она не захочет, я не стану насильно добиваться признания. Но у меня есть право все узнавать самому, и я этим правом воспользуюсь.

— В таком случае, я от всего сердца стану вам помогать. Скажите, не появлялись ли по соседству с вами какие-нибудь приезжие?

— Нет.

— Насколько я понимаю, вы живете в очень глухом захолустье. Появление всякого нового лица, вероятно, не может пройти незамеченным.

— Если бы новое лицо появилось в самом ближайшем соседстве, я, конечно, о нем услыхал бы. Но неподалеку от нас есть несколько прибрежных деревушек с хорошими пляжами, и фермеры сдают комнаты приезжающим дачникам.

— В этих странных рисунках бесспорно заключен какой-то смысл. Но та надпись, которую вы мне прислали, так коротка, что я ничего не могу с ней поделать, и те факты, которые вы нам поведали, так неопределенны, что трудно сделать из них какой-либо вывод. По-моему, вам следует вернуться в Норфолк и внимательно

следить за всем, что происходит вокруг. Как только вы обнаружите где-нибудь новых пляшущих человечков, вы должны самым тщательным образом срисовать их. Какая жалость, что вы не срисовали тех, которые были начерчены мелом на подоконнике! Наводите справки обо всех незнакомых лицах, появляющихся по соседству. Чуть вы заметите что-нибудь новое, сразу приезжайте ко мне. Вот лучший совет, какой я могу вам дать, мистер Хилтон Кьюбит. Если понадобится, я всегда готов выехать к вам и навестить ваш норфолкский дом.

После этого свидания Шерлок Холмс часто глубоко задумывался. Не раз видел я, как он вытаскивает из бумажника листок и подолгу разглядывает нарисованные на нем забавные фигурки. Однако только через две недели он снова заговорил со мной об этой истории. Когда я собирался уходить, он вдруг остановил меня:

— Вам бы лучше остаться дома, Уотсон.

— Почему?

— Потому что сегодня утром я получил телеграмму от Хилтона Кьюбита. Помните Хилтона Кьюбита и его пляшущих человечков? Он собирается приехать в Лондон в час двадцать. Каждую минуту он может быть здесь. Из его телеграммы я понял, что у него есть какие-то чрезвычайно важные новости.

Ждать нам пришлось недолго, так как наш норфолкский сквайр [1] примчался с вокзала прямо к нам. Вид у него был озабоченный и подавленный. Он взглянул на нас усталыми глазами, и лоб его избороздили морщины.

— Эта история действует мне на нервы, мистер Холмс,— сказал он, бессильно опускаясь в кресло.— Отвратительное состояние — чувствовать, что ты со всех сторон окружен какими-то неизвестными, невидимыми людьми, которые пытаются вовлечь тебя в какую-то беду, но еще нестерпимее видеть при этом, как изо дня в день постепенно убивают твою жену! Она тает у меня на глазах.

— Сказала она вам хоть что-нибудь?

— Нет, мистер Холмс, ничего не сказала. Бывают

[1] Сквайр — помещик.

минуты, когда ей, бедняжке, я вижу, очень хочется все мне рассказать, но не хватает решимости. Я пытался помочь ей, но у меня это получалось так неуклюже, что я только отпугивал ее. Она часто заговаривает со мной о том, к какому старинному роду мы принадлежим, как нас уважают во всем графстве, как мы гордимся своей незапятнанной честью, и я всякий раз чувствую, что ей хочется еще что-то прибавить, однако она не договаривает и умолкает.

— А вы сами что-нибудь обнаружили?

— Я многое обнаружил, мистер Холмс. Я привез вам на исследование целую кучу свеженьких пляшущих человечков. И самое важное, я видел того...

— Того, кто нарисовал их?

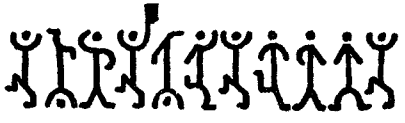
— Да, я видел его за работой. Но позвольте мне все рассказать вам по порядку... Вернувшись от вас, я на следующее же утро нашел новых пляшущих человечков. Они были нарисованы мелом на черной деревянной двери сарая, находящегося возле лужайки; сарай отлично виден из окон нашего дома. Я их всех срисовал. Вот они.

Он достал листок бумаги, развернул его и положил на стол. Вот какие иероглифы были изображены на нем:

— Превосходно! — сказал Холмс.— Превосходно! Продолжайте, пожалуйста.

— Срисовав человечков, я стер их с двери, но два дня спустя на той же двери появилась новая надпись. Вот она:

Холмс потер руки и засмеялся от радости.

— Наш материал быстро разрастается,— сказал он.

— Через три дня на солнечных часах я обнаружил послание, написанное на бумажке. На бумажке лежал камень. Вот она. Как видите, фигурки на ней те же, что и в предыдущем послании. Тогда я решил подстеречь этого рисовальщика. Я взял револьвер и засел у себя в кабинете, из окна которого видны и лужайка и сад. Часа в два ночи, сидя у окна и глядя в залитый лунным светом сад, я услышал у себя за спиной шаги и, обернувшись, увидел свою жену в капоте. Она умоляла меня лечь в постель. Я откровенно сказал ей, что хочу посмотреть, кто это занимается такими глупыми проделками. Она ответила мне, что все это — бессмысленная шутка, на которую не стоит обращать внимания.

«Если это так тебя раздражает, Хилтон, давай поедем путешествовать — ты да я, никто не будет нас беспокоить».

«Как! Позволить какому-то шутнику выжить нас из собственного дома? — сказал я.— Да ведь все графство будет смеяться над нами!»

«Иди спать,— сказала она.— Мы потолкуем об этом утром».

Внезапно лицо ее так побледнело, что я заметил это даже при лунном свете, а пальцы ее впились мне в плечо. Что-то двигалось в тени сарая. Я увидел, как из-за угла выползла темная согнутая фигура и уселась перед дверью. Схватив револьвер, я рванулся вперед, но жена судорожно обняла меня и удержала на месте. Я пытался оттолкнуть ее, но она вцепилась в меня еще отчаяннее. Наконец мне удалось вырваться, но, когда я открыл дверь и добежал до сарая, тот человек уже исчез. Впрочем, он оставил следы своего пребывания, ибо на двери были нарисованы пляшущие человечки. Я обежал весь сад, но нигде его не нашел. Однако, как это ни удивительно, он безусловно находился где-то поблизости, так как, когда утром я снова осмотрел дверь сарая, под той строчкой, которую я уже видел, оказалось несколько новых человечков.

— Вы их срисовали?

— Да. Их было очень немного. Вот они.

Опять он показал нам листок бумаги. Новый танец имел такой вид:

— Скажите,— спросил Холмс, и по его глазам я увидел, что он очень взволнован,— эти человечки были добавлены к предыдущей надписи или нарисованы отдельно?

— Они были нарисованы на нижней панели двери.

— Превосходно! Это для нас важнее всего. Это вселяет в меня надежду. Прошу вас, мистер Хилтон Кьюбит, продолжайте свой интересный рассказ.

— Мне нечего прибавить, мистер Холмс, кроме того, что я очень рассердился на жену за то, что она помешала мне поймать этого прячущегося негодяя. Она уверяла, что боялась за меня. Сначала у меня возникло подозрение, что боялась она вовсе не за меня, а за него, так как я не сомневался, что ей известно, кто он такой и что означают его странные сигналы. Но голос моей жены и взгляд ее, мистер Холмс, обладают свойством рассеивать всякие подозрения, и теперь я уже не сомневаюсь, что она действительно боялась за меня... Вот все, что случилось. А теперь я жду от вас совета, что мне делать дальше. Меня так и тянет спрятать в кустах пять-шесть наших деревенских молодцов. Они дали бы ему такой урок, что он навсегда оставил бы нас в покое.

— Боюсь, что столь сложное дело не излечишь такими простыми лекарствами,— сказал Холмс.— Сколько времени вы можете пробыть в Лондоне?

— Я должен вернуться сегодня же. Я не могу оставить жену на ночь в одиночестве. Она очень нервничала и просила меня вернуться поскорее.

— Вы, пожалуй, правы. Но если бы вы могли остаться, я через день или через два поехал бы вместе с вами. Во всяком случае, оставьте мне эти бумажки. Вскоре я приеду к вам и, по всей вероятности, пролью некоторый свет на это дело.

Шерлок Холмс держался со своим обычным профессиональным спокойствием, но я, так хорошо его знавший, видел, что он глубоко взволнован. Едва широкая спина Хилтона Кьюбита исчезла за дверью, как мой приятель кинулся к столу, разложил перед собой бумажки с пляшущими человечками и углубился в вычисления. В течение двух часов покрывал он страницу за страницей цифрами и буквами. Эта работа так захватила его, что он, видимо, забыл о моем присутствии. Когда дело шло на лад, он начинал напевать и насвистывать, когда же он становился в тупик, он подолгу сидел с нахмуренным лбом и блуждающими глазами. Наконец он удовлетворенно вскрикнул, вскочил со стула и принялся бегать взад и вперед по комнате, потирая руки. Потом он отправил длинную телеграмму.

— Если мне ответят так, как я рассчитываю,— ваша книга, Уотсон, обогатится описанием нового приключения,— сказал он.— Вероятно, завтра мы с вами поедем в Норфолк и окончательно раскроем тайну, доставившую нашему другу столько неприятностей.

Признаться, меня мучило любопытство, но я знал, что Холмс любит давать пояснения только тогда, когда сам находит это нужным, и терпеливо ждал, когда он соблаговолит поделиться со мной своим открытием.

Но ответ на телеграмму не приходил; в течение двух дней Холмс нетерпеливо прислушивался к каждому звонку. На второй день вечером мы получили письмо от Хилтона Кьюбита. Он сообщал, что у него все спокойно; только на подставке солнечных часов сегодня утром появилась длиннейшая надпись. К письму была приложена точная копия этой надписи. Вот она:

Холмс согнулся над этим причудливым рисунком и вдруг, вскочив на ноги, вскрикнул удивленно и сердито. Озабоченное лицо его стало угрюмым.

— Мы позволили этому делу зайти слишком далеко,— сказал он.— Какие поезда отправляются в Норт-Уэлшем по вечерам?

Я заглянул в расписание. Последний поезд только что ушел.

— Придется пораньше позавтракать и выехать первым утренним поездом,— сказал Холмс.— Наше присутствие там необходимо. А! Вот телеграмма, которую я ждал. Погодите минуточку, миссис Хадсон, быть может, понадобится послать ответ... Нет, все обстоит так, как я и ожидал. Эта телеграмма окончательно доказывает, что мы не вправе больше держать мистера Хилтона Кьюбита в неведении о положении дел, потому что наш простодушный норфолкский сквайр попал в чрезвычайно опасную паутину.

Переходя к окончанию этой мрачной истории, показавшейся мне вначале такой вздорной и забавной, я заново переживаю весь тот ужас, который мне пришлось пережить тогда. Как бы я хотел иметь возможность сообщить читателям, что история эта кончилась ко всеобщему благополучию! Но книга моя — точная летопись фактов, и я вынужден проследить вплоть до мрачного конца всю странную цепь событий, из-за которых через несколько дней об усадьбе Ридлинг-Торп-мэнор заговорила вся Англия.

Едва мы успели выйти в Норт-Уэлшем и сказать, куда мы направляемся, к нам подбежал начальник станции.

— Вы, вероятно, сыщики из Лондона?— спросил он.

Холмс взглянул на него с беспокойством:

— Почему вы так думаете?

— Потому что инспектор Мартин из Норвича только что проехал. Или, быть может, вы врачи? Она еще жива. Возможно, вы еще успеете спасти ее... для виселицы.

Холмс был хмур и озабочен.

— Мы едем в Ридлинг-Торп-мэнор,— сказал он,— но мы ничего не слыхали о том, что там случилось.

— Страшное дело!— воскликнул начальник станции.— Они оба застрелены: и мистер Хилтон Кьюбит и его жена. Она выстрелила сначала в него, потом в себя. Так рассказывают служанки. Он умер, она при смерти. Боже, самый древний род в Норфолкском графстве! Все у нас так уважали его!..

Не сказав ни слова, Холмс вскочил в экипаж и в течение всего семимильного путешествия ни разу не раскрыл рта. Не часто случалось мне видеть его в таком мрачном расположении духа. Он и раньше, в продолжение всей нашей поездки из Лондона, испытывал какую-то тревогу, и я с самого начала заметил, с каким беспокойством просматривает он утренние газеты; но теперь, когда внезапно оправдались самые худшие его опасения, он как бы окаменел от печали. Он сидел, откинувшись назад, погруженный в тоскливые думы.

А между тем мы проезжали по одной из самых любопытных местностей Англии. Все современное население этого края ютится в редко разбросанных домишках, но на каждом шагу над зеленой равниной вздымаются огромные четырехугольные башни церквей, свидетельствуя о былой славе и былом процветании старой восточной Англии.

Наконец за зеленым обрывом возникла лиловая полоса Немецкого моря, и кучер кнутом указал нам на две остроконечные крыши, торчащие из-за кущи деревьев.

— Вот Ридлинг-Торп-мэнор,— сказал он.

Когда мы подъехали к дому, я заметил перед ним черный сарай, стоящий за теннисной площадкой, и солнечные часы на пьедестале. Юркий человечек с нафабренными усами только что проворно соскочил с высокой двуколки. Это был инспектор Мартин из норфолкского полицейского управления. Он чрезвычайно удивился, услыхав имя моего приятеля.

— Позвольте, мистер Холмс, ведь преступление было совершено в три часа утра! Каким же образом вам удалось сразу узнать о нем в Лондоне и прибыть сюда одновременно со мной?

— Я предугадал его. Я ехал, чтобы предупредить его.

— Следовательно, у вас есть сведения, которых мы не имеем, так как, по общему мнению, они жили очень дружно.

— У меня есть только те сведения, которые я получил от пляшущих человечков,— сказал Холмс.— Об этом я расскажу вам потом. Я опоздал: трагедия совершилась, мне не удалось предупредить ее... Ну что ж, пусть, в таком случае, те знания, которыми я обладаю, помогут

совершиться правосудию. Угодно ли вам произвести следствие совместно со мною? Или вы предпочли бы, чтобы я действовал самостоятельно?

— Для меня большая честь работать вместе с вами, мистер Холмс,— с искренним чувством ответил инспектор.

— В таком случае, я хотел бы, не откладывая, выслушать свидетелей и осмотреть то место, где было совершено преступление.

Инспектор Мартин был настолько умен, что позволил моему приятелю поступать по-своему. Сам он ограничился тем, что внимательно следил за его работой. Местный врач, седобородый старик, только что вышел из комнаты миссис Хилтон Кьюбит и сообщил, что ее положение серьезно, но не безнадежно; однако в сознание она придет, вероятно, не скоро, так как пуля задела мозг. На вопрос, сама ли она в себя выстрелила или в нее выстрелил кто-нибудь другой, он не решился дать определенный ответ. Во всяком случае, выстрел был сделан с очень близкого расстояния. В комнате нашли всего один револьвер; оба ствола были пусты. Мистер Хилтон Кьюбит убит выстрелом прямо в сердце. Можно было с одинаковой вероятностью допустить и то, что он выстрелил сначала в нее, а потом в себя, и то, что преступницей была именно она, так как револьвер лежал на полу на равном расстоянии от обоих.

— Вы трогали убитого?— спросил Холмс.

— Нет. Мы только подняли и унесли леди. Мы не могли оставить ее, раненную, на полу.

— Давно ли вы здесь, доктор?

— С четырех часов утра.

— Был здесь кто-нибудь, кроме вас?

— Да, был констебль.

— Вы что-нибудь здесь передвигали?

— Ничего.

— Вы поступили благоразумно. Кто вызвал вас?

— Горничная Сондерс.

— Она первая подняла тревогу?

— Она и миссис Кинг, кухарка.

— Где они теперь?

— Вероятно, на кухне.

— В таком случае, начнем с того, что выслушаем их рассказ.

Старинный зал с высокими окнами, облицованный дубом, был превращен в следственную камеру. Холмс уселся в большое старомодное кресло; взор его был непреклонен, лицо сурово. Я читал в его глазах решимость посвятить, если понадобится, всю жизнь тому, чтобы человек, которого ему не удалось спасти, был хотя бы отомщен. Странное наше сборище, кроме меня, состояло из инспектора Мартина, старого, седобородого сельского врача и туповатого деревенского полисмена.

Показания обеих женщин были в высшей степени точны. Их разбудил звук выстрела; через минуту они услышали второй выстрел. Они спали в смежных комнатах, и миссис Кинг бросилась к Сондерс. По лестнице они спустились вместе. Дверь кабинета была раскрыта, свеча горела на столе. Их хозяин лежал посреди комнаты лицом вниз. Он был мертв. Возле окна корчилась его жена, прислонясь головой к стене. Рана ее была ужасна — кровь залила половину лица. Она дышала, но ничего не могла сказать. В коридоре и в комнате стоял дым и пахло порохом. Окно было закрыто на задвижку изнутри, обе женщины утверждали это с полной уверенностью. Они сразу же вызвали доктора и полицейского. Затем, с помощью конюха и работающего на конюшне мальчишки, они отнесли свою раненую хозяйку в ее комнату. На ней было платье, на ее муже — халат, надетый поверх ночной сорочки. Между мужем и женой никогда не бывало ссор. Их все считали чрезвычайно дружными супругами.

Вот главнейшие показания прислуги. Отвечая инспектору Мартину, обе женщины заявили, что все двери были заперты изнутри и что никому не удалось бы ускользнуть из дома. Отвечая Холмсу, они обе вспомнили, что почувствовали запах пороха, как только выбежали из своих комнат на втором этаже.

— Советую вам обратить самое серьезное внимание на этот факт,— сказал Холмс инспектору Мартину.— А теперь, по-моему, следует приступить к осмотру комнаты, в которой было совершено преступление.

Кабинет оказался совсем маленькой комнаткой. Три стены его были заняты книжными полками, а письменный стол стоял возле окна, выходившего в сад. Внимание наше прежде всего было привлечено грузным телом несчастного

сквайра, распростертым на полу. Беспорядок в его одежде свидетельствовал о том, что он был наспех поднят с постели. Пуля пронзила его сердце и застряла в теле. Он умер мгновенно и безболезненно. Ни на его халате, ни на его руках не удалось обнаружить никаких следов пороха! Сельский врач утверждал, что у миссис Кьюбит были пятна пороха на лице, но не на руках.

— Отсутствие пятен на руках ничего не доказывает, а присутствие их доказывает все,— сказал Холмс.— Если только порох случайно не высыплется из плохо прилаженного патрона, вы не запачкаете рук, сколько бы вы ни стреляли!.. Теперь можно унести тело мистера Кьюбита. Вам, доктор, вероятно, не удалось отыскать пулю, которая ранила леди?

— Для этого пришлось бы сделать серьезную операцию. Но в револьвере осталось еще четыре заряда. Выстрелов было два, ран — тоже две, следовательно, установить судьбу каждой пули нетрудно.

— Это так только кажется,— сказал Холмс.— Будьте любезны, установите судьбу вон той пули, которая пробила край оконной рамы.

Он внезапно повернулся и своим длинным, тонким пальцем показал на отверстие в нижней перекладине оконной рамы.

— Черт возьми!— воскликнул инспектор.— Как вам удалось это найти?

— Я нашел, потому что искал.

— Удивительно!— сказал сельский врач.— Вы совершенно правы, сэр: значит, был третий выстрел и, следовательно, был третий человек. Но кто же он такой и куда он делся?

— На этот вопрос мы сейчас попробуем ответить,— сказал Шерлок Холмс.— Если помните, инспектор Мартин, когда служанки заявили, что, выбежав из своих комнат, они сразу почувствовали запах пороха, я вам сказал, что на это нужно обратить внимание.

— Помню, сэр. Но, признаться, я не вполне уловил вашу мысль.

— Это является доказательством того, что и дверь и окно были раскрыты настежь. В противном случае запах пороха не распространился бы с такой скоростью по всему дому. Только сквозняк мог занести запах так

далеко. В этой комнате были открыты и дверь и окно, но на очень короткое время.

— Почему на короткое время?

— Потому что — взгляните сами — эта свеча не оплыла стеарином.

— Верно, верно! — вскричал инспектор.

— Убедившись, что окно во время трагедии было распахнуто, я пришел к выводу, что в этом деле был третий участник, стоявший снаружи и выстреливший в окно. Любой выстрел, направленный в этого третьего, мог попасть в оконную раму. Я взглянул и действительно нашел след пули.

— Но каким же образом окно оказалось закрытым?

— Его, несомненно, закрыла женщина, закрыла инстинктивно... Но что это? А!

На столе кабинета лежала дамская сумочка — нарядная маленькая сумочка из крокодиловой кожи, отделанная серебром. Холмс раскрыл сумочку и вытряхнул на стол ее содержимое. В ней оказалось двадцать пятидесятифунтовых кредитных билетов, перевязанных тесемкой, и больше ничего.

— Возьмите, это будет фигурировать на суде,— сказал Холмс, передавая инспектору сумочку с ее содержимым.— Теперь необходимо выяснить, кому предназначалась третья пуля. Судя по отверстию в оконной раме, стреляли из комнаты. Я хотел бы снова поговорить с миссис Кинг, кухаркой... Вы сказали, миссис Кинг, что вас разбудил громкий выстрел. Вы хотели этим сказать, что первый выстрел был громче второго?

— Я спала, сэр, и поэтому мне трудно судить. Выстрел показался мне очень громким, сэр.

— А не думаете ли вы, что это были два выстрела, грянувшие почти одновременно?

— Не могу в этом разобраться, сэр.

— Я уверен, что так и было. Я полагаю, инспектор Мартин, что в этой комнате мы больше ничего не узнаем. Если вы согласны последовать за мной, отправимся в сад и посмотрим, нет ли там чего-нибудь любопытного.

Как раз под окном кабинета оказалась цветочная клумба. Подойдя к ней, мы громко вскрикнули. Цветы были вытоптаны, на мягкой земле отчетливо отпечатались следы ног; то были крупные мужские следы с очень

длинными острыми носками. Холмс шарил в траве и листьях, как охотничий пес, разыскивающий раненую птицу. Вдруг он радостно вскрикнул, нагнулся и поднял с земли маленький медный цилиндрик.

— Я так и думал!— сказал он.— Вот третья гильза. Мне кажется, инспектор Мартин, что следствие почти кончено.

На лице провинциального инспектора было написано изумление: он явно восхищался быстротой и мастерством работы Холмса. Сперва он пробовал было отстаивать свое собственное мнение, но скоро пришел от Холмса в такой восторг, что полностью подчинился ему.

— Кого вы подозреваете?— спросил он.

— Я скажу вам позже. В этом деле есть несколько пунктов, которые я еще не в состоянии вам разъяснить. Я в своих открытиях зашел уже так далеко, что будет благоразумнее, если я подожду еще немного, а потом объясню вам все сразу.

— Как вам угодно, мистер Холмс, лишь бы убийца не ушел от нас.

— У меня нет ни малейшего намерения скрывать что-нибудь, а просто невозможно в разгаре дела тратить время на длинные и обстоятельные объяснения. Все нити этого преступления у меня в руках. Если даже леди никогда не очнется, нам удастся восстановить все происшествия этой ночи и добиться правосудия. Прежде всего я хотел бы узнать, нет ли поблизости гостиницы под названием «Элридж».

Слуг подвергли перекрестному допросу, но никто из них не слыхал о такой гостинице. Только мальчишка, работавший на конюшне, внезапно вспомнил, что в нескольких милях отсюда, неподалеку от Ист-Рэстон, живет фермер по фамилии Элридж.

— Его ферма лежит в стороне от других?

— Далеко от других, сэр.

— И, вероятно, там еще не слыхали о том, что произошло здесь сегодня ночью?

— Вероятно, не слыхали, сэр.

Холмс задумался, и вдруг лукавая усмешка появилась у него на лице.

— Седлай коня, мой мальчик!— сказал он.— Я хочу попросить тебя свезти записку на ферму Элриджа.

Он вынул из кармана несколько бумажек с пляшущими человечками. Усевшись за стол в кабинете, он разложил их перед собой и погрузился в работу. Наконец он вручил мальчику записку, приказал ему передать ее непосредственно тому лицу, которому она адресована, и при этом ни в коем случае не отвечать ни на какие вопросы. Адрес на записке мне удалось разглядеть — он был написан неровным, неправильным почерком, нисколько не похожим на обычный четкий почерк Холмса. Записка была адресована мистеру Аб Слени, на ферму Элриджа, Ист-Рэстон в Норфолке.

— Мне кажется, инспектор,— заметил Холмс,— что вам следует вызвать по телеграфу конвой, так как, если мои предположения оправдаются, вам предстоит препроводить в тюрьму графства чрезвычайно опасного преступника. Мальчик, которого я посылаю с запиской, может заодно отправить и вашу телеграмму. Мы вернемся в город послеобеденным поездом, Уотсон, так как сегодня вечером мне необходимо закончить один любопытный химический анализ. А дело, которое привело нас сюда, быстро приближается к развязке.

Когда мальчик с запиской ускакал, Шерлок Холмс созвал слуг. Он приказал всякого человека, который явится в дом и выразит желание повидать миссис Хилтон Кьюбит, немедленно провести в гостиную, не сообщая ему о том, что здесь произошло. Он настойчиво потребовал самого точного исполнения этого приказания. Затем он отправился в гостиную и прибавил, что все теперь сделается без нас, а нам остается только сидеть и поджидать, какая дичь попадет в наши сети. Доктор удалился к своим пациентам. С Холмсом остались лишь инспектор и я.

— Я помогу вам провести этот час интересно и полезно,— сказал Холмс, пододвинув свой стул к столу и разложив перед собой множество разных бумажек с изображением танцующих человечков.— Перед вами, друг Уотсон, мне необходимо загладить свою вину: я так долго дразнил ваше любопытство. Для вас же, инспектор, все это дело будет великолепным профессиональным уроком. Прежде всего я должен рассказать вам о своих встречах с мистером Хилтоном Кьюбитом на Бейкер-стрит.

И он коротко рассказал инспектору то, что нам уже известно.

— Вот передо мною эти забавные рисунки, которые могли бы вызвать улыбку, если бы они не оказались предвестниками столь страшной трагедии. Я превосходно знаком со всеми видами тайнописи и сам являюсь автором научного труда, в котором проанализировано сто шестьдесят различных шифров, однако я вынужден признаться, что этот шифр для меня совершенная новость. Цель изобретателя этой системы заключалась, очевидно, в том, чтобы скрыть, что эти значки являются письменами, и выдать их за детские рисунки. Но всякий, кто догадается, что значки эти соответствуют буквам, без особого труда разгадает их, если воспользуется обычными правилами разгадывания шифров. Первая записка была так коротка, что дала мне возможность сделать всего одно правдоподобное предположение, оказавшееся впоследствии правильным. Я говорю о флагах. Флаги эти употребляются лишь для того, чтобы отмечать концы отдельных слов. Больше ничего по первой записке я установить не мог. Мне нужен был свежий материал. Посетив меня во второй раз, мистер Хилтон Кьюбит передал мне три новые записки, из которых последняя, по всей вероятности, содержала всего одно слово, так как в ней не было флагов. Две другие записки начинались, несомненно, с одного и того же слова из четырех букв. Вот это слово:

Как видите, она кончается той же буквой, какой и начинается. Тут меня осенила счастливая мысль. Письма обычно начинаются с имени того, кому письмо адресовано. Человек, писавший миссис Кьюбит эти послания, был безусловно близко с ней знаком. Вполне естественно, что он называет ее просто по имени. А имя ее состоит из четырех букв и кончается той же буквой, какой начинается: зовут ее Илси. Таким образом, я оказался обладателем трех букв: *И*, *Л* и *С*.

Итак, в двух записках он обращается к миссис Кьюбит по имени и, видимо, чего-то требует от нее. Чего он может от нее требовать? Не хочет ли он, чтобы она пришла куда-нибудь, где он мог с ней поговорить? Я обратился ко второму слову третьей записки. Вот оно:

В нем семь букв: третья буква и последняя — *И*. Я предположил, что слово это «*ПРИХОДИ*», и сразу оказался обладателем еще пяти букв: *П*, *Р*, *Х*, *О*, *Д*. Тогда я обратился к той записке, которая состояла всего из одного слова. Как вам известно, слово это появилось на двери сарая, на нижней панели, в стороне от предыдущей надписи. Я предположил, что оно является ответом и что написала его миссис Кьюбит. Вот оно:

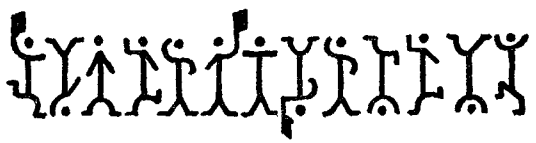

Подставим под него те буквы, которые нам уже известны. Получается:

.*И.О.Д.*

Что же могла миссис Кьюбит ответить на его просьбу прийти? Внезапно я догадался. Она ответила: «*НИКОГДА*».

Теперь я знал уже столько букв, что мог вернуться к самой первой записке. Вот она:

Если подставить под эту надпись уже известные нам буквы, получается:

. .Д.С. А. СЛ.НИ

Предположим, что второе слово «*ЗДЕСЬ*». В таком случае, последнее слово «*СЛЕНИ*». Это фамилия, чрезвычайно распространенная в Америке. Коротенькое словечко из двух букв, стоящее перед фамилией, по всей вероятности, имя. Какое же имя может состоять из двух букв? В Америке весьма распространено имя «Аб». Теперь остается установить только первое слово фразы; оно состоит всего из одной буквы, и отгадать его нетрудно: это местоименние «я». Итак, в первом послании написано: «*Я ЗДЕСЬ. АБ СЛЕНИ*». Ну, а теперь у меня уже столько букв, что я без всякого труда могу прочесть и вторую записку. В ней написано: «*ИЛСИ, Я ЖИВУ У ЭЛРИДЖА*». Мне пришло в голову, что «Элридж» — название дома или гостиницы, в которой живет человек, все это написавший.

Инспектор Мартин и я с глубоким вниманием выслушали подробный и ясный отчет о том, каким образом мой приятель разгадывал тайну пляшущих человечков.

— Что же вы сделали дальше, сэр? — спросил инспектор.

— Так как имя «Аб» употребляется только в Америке и так как все дело началось с того, что из Америки пришло письмо, у меня были все основания предположить, что этот Аб Слени — американец. Кроме того, я подозревал, что за всем этим кроется какое-то преступление. Мое подозрение было вызвано тем, что миссис Кьюбит с таким упорством скрывала от мужа свое прошлое. Я послал телеграмму в нью-йоркское полицейское управление мистеру Уилсону Харгриву, который не раз пользовался моим знанием лондонского преступного мира. Я запросил его, кто такой Аб Слени. Он мне ответил: «Самый опасный бандит в Чикаго». В тот вечер, когда я получил этот ответ, Хилтон Кьюбит сообщил мне последнее послание Слени. Подставив под него уже знакомые буквы, я получил фразу:

ИЛСИ ГО.ОВЬСЯ К С.ЕР.И.

Так я узнал буквы *М* и *Т*, которые до сих пор мне не попадались. «*ИЛСИ, ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ*!» Мерзавец

от просьб перешел к угрозам, а мне известно, что у чикагских бандитов слова не расходятся с делом. Я сразу же отправился в Норфолк со своим другом и помощником, доктором Уотсоном, но, к несчастью, мы прибыли тогда, когда самое худшее уже произошло.

— Большая честь — совместно с вами раскрывать преступление,— сказал инспектор мягко.— Однако, надеюсь, вы позволите мне сказать вам несколько откровенных слов. Вы отвечаете только перед собой, а я отвечаю перед своим начальством. Если этот Аб Слени, живущий у Элриджа, действительно убийца и если он удерет, пока я сижу здесь, меня ждут крупные неприятности.

— Вам нечего беспокоиться: он не попытается удрать.

— Откуда вы знаете?

— Удрать — это значит сознаться в своей вине.

— В таком случае, давайте поедем и арестуем его.

— Я жду его сюда с минуты на минуту.

— Почему вы думаете, что он придет?

— Оттого, что я написал ему и попросил прийти.

— Все это слишком опрометчиво, мистер Холмс! Неужели он придет потому, что вы попросили его? Не легче ли предположить, что ваше письмо возбудит в нем подозрения и он попытается скрыться?

— Все зависит от того, как составить письмо,— сказал Шерлок Холмс.— Если не ошибаюсь, этот джентльмен уже идет к нам собственной персоной вон по той дорожке.

По дорожке, которая вела к дому, шагал какой-то человек. Это был высокий, красивый, смуглый мужчина в сером костюме и широкополой шляпе, с черной жесткой бородой и крупным хищным носом. На ходу он помахивал тростью и шагал с таким видом, словно все кругом принадлежит ему. Наконец раздался громкий, уверенный звонок.

— Я полагаю, джентльмены,— спокойно сказал Холмс,— что вам следует спрятаться за дверь. Когда имеешь дело с таким человеком, нужно принять все меры предосторожности. Приготовьте наручники, инспектор. А разговаривать с ним предоставьте мне.

Целая минута прошла в тишине — одна из тех минут, которых не забудешь никогда. Затем дверь открылась, и наш гость вступил в комнату. В одно мгновение Холмс приставил револьвер к его лбу, а Мартин надел наручники на его запястья.

Все это было проделано так быстро и ловко, что наш пленник оказался в неволе прежде, чем заметил нападающих. Он переводил с одного на другого взгляд своих блестящих черных глаз, потом горько рассмеялся:

— Ну, джентльмены, на этот раз вы поймали меня! Теперь уж мне от вас не уйти... Однако меня вызывала сюда письмом миссис Хилтон Кьюбит... Нет, не говорите мне, что она с вами в заговоре. Неужели она помогла вам заманить меня в эту ловушку?

— Миссис Хилтон Кьюбит тяжело ранена и находится при смерти.

Он громко вскрикнул, и крик его, полный горя, разнесся по всему дому.

— Да вы с ума сошли! — заорал он яростно.— Он ранен, а не она! Разве у кого-нибудь хватило бы духу ранить маленькую Илси? Я угрожал ей, да простит меня бог, но я не коснулся бы ни одного волоса на ее прекрасной головке. Возьмите свои слова обратно, эй, вы! Скажите, что она не ранена!

— Она была найдена тяжело раненной возле своего мертвого мужа.

С глубоким стоном он опустился на диван и закрыл лицо руками. Он молчал целых пять минут. Затем открыл лицо и заговорил с холодным спокойствием отчаяния.

— Мне нечего скрывать от вас, джентльмены,— сказал он.— Я стрелял в него, но и он стрелял в меня,— следовательно, это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я в состоянии ранить ту женщину, значит, вы не знаете ни ее, ни меня. Ни один мужчина никогда не любил ни одной женщины так, как я любил ее. Я имел все права на нее. Она была мне предназначена уже много лет назад. На каком основании этот англичанин встал между нами? Я первый получил на нее права, и я требовал только того, что мне принадлежит.

— Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой,— сурово сказал Холмс.— Она бежала из Америки, чтобы спрятаться от вас, и вышла замуж в Англии за почтенного человека. Вы угрожали ей, вы преследовали ее, вы старались заставить ее бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами... А вас она боялась и ненавидела. Вы кончили тем, что убили этого благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вот ваши

заслуги, мистер Аб Слени, за которые вам придется держать ответ.

— Если Илси умрет, мне все равно, что будет со мною,— сказал американец.

Он разжал кулак и глянул в записку, лежавшую у него на ладони.

— Послушайте, мистер,— вскричал он, и глаза его недоверчиво блеснули,— а не пытаетесь ли вы меня попросту запугать? Если леди ранена так тяжело, кто же написал эту записку?

Он швырнул записку на стол.

— Ее написал я, чтобы заставить вас прийти сюда.

— Ее написали вы?! На всем земном шаре нет ни одного человека, кроме членов нашей шайки, который знал бы тайну пляшущих человечков. Как могли вы написать ее?

— То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим,— сказал Холмс.— Вот приближается кэб, в котором вас отправят в Норвич, мистер Слени. Но у вас есть еще возможность немного исправить причиненное вами зло. Известно ли вам, что миссис Хилтон Кьюбит сама была заподозрена в убийстве своего мужа и что только мое присутствие здесь и добытые мною сведения спасли ее от этого обвинения? Вы обязаны объявить на весь мир, что она ни прямо, ни косвенно неповинна в его трагической смерти.

— Так я и сделаю,— сказал американец.— Я вижу, что для меня выгоднее всего говорить чистую правду. Вам нужно знать, джентльмены, что я познакомился с этой леди, когда она была ребенком. Наша чикагская шайка состояла из семи человек, и отец Илси был нашим главарем. Умный он был старик, этот Патрик! Это он изобрел буквы, которые всеми принимались за детские каракули, пока вам не посчастливилось подобрать к ним ключ. Илси знала о некоторых наших делах, но она терпеть не могла нашей профессии, а так как у нее было немного собственных, заработанных честным трудом денег, она ускользнула от нас и уехала в Лондон. Она была помолвлена со мной и вышла бы за меня замуж, если бы я переменил профессию, но с людьми нашей профессии она не желала иметь ничего общего. Мне удалось напасть на ее след только после того, как она вышла за этого англичанина. Я написал ей, но ответа не получил. Тогда я приехал сюда и, так как она

могла не получать моих писем, я стал писать ей на таких предметах, которые должны были попасться ей на глаза.

Я живу здесь уже целый месяц. Я поселился на ферме. Комната, которую я снял, тем хороша, что расположена в нижнем этаже, и я мог выходить из нее по ночам, не привлекая внимания хозяев. Я изо всех сил старался переманить Илси к себе. Я знал, что она читает мои каракули, потому что однажды под ними она написала ответ. Наконец я потерял терпение и начал ей угрожать. Тогда она прислала мне письмо, в котором умоляла меня уехать, уверяя, что сердце ее будет разбито, если ее муж попадет в какую-нибудь скандальную историю. Она пообещала мне поговорить со мной через окно в три часа ночи, когда муж ее будет спать, если я дам ей слово, что после этого уеду и оставлю ее в покое.

Разговаривая со мной. она стала предлагать мне деньги, чтобы откупиться от меня. Это привело меня в бешенство, я схватил ее за руку и пытался вытащить через окно. В это мгновение прибежал ее муж с револьвером в руке. Илси без чувств опустилась на пол, и мы остались с ним одни лицом к лицу. Я тоже был вооружен и поднял свой револьвер, чтобы испугать его и получить возможность уйти. Он выстрелил и промахнулся. Я выстрелил почти одновременно с ним, и он рухнул на пол. Я побежал прочь через сад и услышал, как сзади захлопнули окно... Все это правда, джентльмены, и больше я ничего об этом не слыхал, пока ко мне не прискакал мальчишка с запиской. Прочитав записку, я побежал сюда и попал к вам в руки...

Тем временем к дому подъехал кэб; в нем сидели два полисмена.

Инспектор Мартин встал и тронул арестованного за плечо:

— Пора ехать.

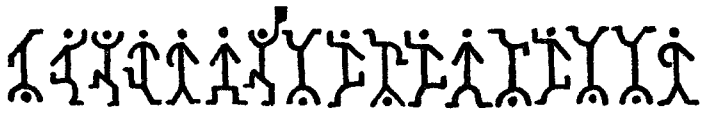
— Нельзя ли мне перед уходом повидаться с ней?

— Нет, она еще не очнулась... Мистер Шерлок Холмс, мне остается только надеяться, что, когда меня снова пошлют расследовать какое-нибудь крупное дело, мне опять посчастливится работать вместе с вами.

Мы стояли у окна и смотрели вслед удаляющемуся кэбу. Обернувшись, я заметил листок бумаги, оставленный преступником на столе. Это была записка, которую послал ему Холмс.

— Попробуйте прочитать ее, Уотсон,— сказал он, улыбаясь.

На ней были нарисованы вот такие пляшущие человечки:

— Если вы вспомните мои объяснения, вы увидите, что здесь написано: «*ПРИХОДИ НЕМЕДЛЕННО*». Я не сомневался, что это приглашение приведет его сюда, ибо он будет убежден, что, кроме миссис Кьюбит, никто так писать не умеет. Словом, мой дорогой Уотсон, этих человечков, столь долго служивших злу, мы принудили в конце концов послужить добру... Мне кажется, я выполнил свое обещание обогатить вашу записную книжку. Наш поезд отходит в три сорок, и мы приедем на Бейкер-стрит как раз к обеду.

Еще несколько слов в заключение. Американец Аб Слени зимней сессией суда в Норвиче был приговорен к смерти. Но, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства и доказанность того, что Хилтон Кьюбит выстрелил в него первым, суд заменил смертную казнь каторжными работами. О миссис Хилтон Кьюбит мне известно только то, что она совершенно поправилась, что она все еще вдова и что она посвятила свою жизнь заботам о бедных.

Черный Питер

Никогда я не видел моего друга в таком расцвете духовных и физических сил, как в 1895 году. Известность его все росла, практика все расширялась. Из уважения к чужим тайнам я не позволю себе даже намекнуть на имена тех знаменитых людей, которым случалось переступать порог нашего скромного жилища на Бейкер-стрит. Надо сказать, что Холмс, как все великие художники, работал только из любви к искусству. Я не слышал (кроме единственного случая с герцогом Холдернесским), чтобы он требовал крупного вознаграждения за свои неоценимые услуги. Он был настолько бескорыстен — или настолько независим,— что нередко отказывал в своей помощи бога-

тым и знатным людям, если не находил ничего увлекательного для себя в расследовании их тайн. В то же время он целые недели ревностно занимался делом какого-нибудь бедняка, если это дело было настолько загадочным и волнующим, что могло зажечь его воображение и давало ему возможность применить свое мастерство.

В этом памятном 1895 году Холмс произвел целый ряд любопытных и разнообразных исследований, начиная с выяснения причин внезапной смерти кардинала Тоски (по настоятельному желанию Ватикана) и кончая арестом преступника Уилсона; этот знаменитый тренер канареек был вместе с тем истинной язвой лондонского Ист-Энда. Вслед за этими громкими делами возникла трагедия в Вудменс-Ли: капитан Питер Кери погиб при самых страшных и таинственных обстоятельствах. В моих записках о деятельности Шерлока Холмса был бы большой пробел, если бы в них отсутствовал рассказ об этом необычайном происшествии.

В течение первой недели июля мой друг так часто и так надолго уходил из дому, что я понял: он чем-то занят. За эти дни несколько раз к нам заходили какие-то люди сурового и грубого вида. Они спрашивали капитана Бэзила. Это убедило меня, что Холмс, скрывая под одной из своих многочисленных масок и под вымышленной фамилией свое собственное грозное имя, ведет какое-то новое расследование. В различных районах Лондона у него было по меньшей мере пять укромных местечек, где он мог изменять свой облик. Холмс ничего не рассказывал мне об этом новом деле, и не в моем обычае было вызывать его на откровенность. О том, в каком направлении он работает, Холмс впервые дал мне понять довольно необычным образом.

Как-то раз он ушел из дому еще перед завтраком; я только что сел за стол, как вдруг он входит в комнату, не снимая шляпы и держа, словно зонтик, под мышкой громадный гарпун.

— Черт возьми, Холмс! — вскричал я.— Неужели вы хотите сказать, что гуляли по Лондону с этакой штукой?

— Нет, я только съездил к мяснику.

— К мяснику?

— И вот возвращаюсь домой с прекрасным аппетитом. Знаете, как полезны физические упражнения перед завтраком? Но, держу пари, вам ни за что не угадать, какие именно упражнения я проделывал.

— И не собираюсь угадывать.

Холмс, посмеиваясь, налил себе кофе.

— Заглянули бы вы в заднюю комнату лавки Аллардайса, так увидели бы: с потолка свисает свиная туша, а какой-то джентльмен, сняв сюртук, яростно старается проткнуть ее вот этим орудием. Джентльмен этот — я. И, увы, оказалось, что мне с одного удара ее не проткнуть. Не хотите ли попробовать сами?

— Ни за что на свете. Но для чего вы этим занимались?

— Мне кажется, что это имеет косвенное отношение к загадочной истории в Вудменс-Ли... А, Хопкинс, я получил вашу телеграмму вчера вечером и ждал вас. Входите, сейчас будем завтракать.

К нам вошел худощавый подвижной человек лет тридцати. На нем был скромный шерстяной костюм, но его выправка свидетельствовала о том, что он привык носить военный мундир. Я сразу узнал Стэнли Хопкинса, молодого инспектора полиции, который, по мнению Холмса, подавал большие надежды. Хопкинс, в свою очередь, считал себя учеником знаменитого сыщика и восхищался его научными методами.

Лицо Хопкинса было хмуро; он опустился в кресло с видом глубокого уныния.

— Нет, благодарю вас, сэр, я уже позавтракал. Я ночевал в городе, потому что приехал сюда для доклада.

— И о чем же вам пришлось докладывать?

— О *неудаче, сэр, о полной неудаче.*

— Вы не сдвинулись с места?

— Нет.

— Неужели? Видно, придется заняться этим делом мне.

— Ради бога, прошу вас, мистер Холмс! Мне в первый раз поручили важное дело, а я не в силах выполнить его. Умоляю, помогите!

— Ладно, ладно. Я как раз внимательно ознакомился со всеми данными следствия. Кстати, что вы думаете по поводу табачного кисета, найденного на месте преступления? Не в нем ли ключ к этому делу?

Хопкинс, казалось, удивился:

— Кисет принадлежал убитому, сэр. Там внутри его

инициалы. И сделан он из тюленьей кожи, а ведь покойный много лет охотился на тюленей.

— Но при нем не оказалось трубки.

— Да, сэр, трубки мы не нашли — он действительно курил мало. Впрочем, мог же он держать табак для приятелей.

— Безусловно. Я лишь потому заговорил об этом, что если бы я сам расследовал этот случай, то сделал бы именно кисет отправным пунктом моих поисков. Однако мой друг, доктор Уотсон, не знает этой истории, и я тоже не прочь еще раз послушать ее. Расскажите нам в двух словах самое существенное.

Стэнли Хопкинс извлек из кармана узкую полоску бумаги:

— В моем распоряжении есть некоторые данные о жизни покойного капитана Питера Кери. Он родился в 1845 году — значит, ему было пятьдесят лет. Он считался одним из самых отважных и удачливых охотников на тюленей и китов. В 1883 году командовал паровым охотничьим судном «Морской единорог» из Данди. В том же году он совершил ряд удачных рейсов, а в следующем вышел в отставку. Затем несколько лет путешествовал и, наконец, купил себе небольшую усадьбу «Вудменс-Ли» возле Форест-Роу, в Суссексе. Там он прожил шесть лет и там же умер ровно неделю назад.

Он отличался большими странностями. В повседневном быту этот молчаливый и мрачный человек был строгим пуританином [1]. Семья его состояла из жены и двадцатилетней дочери. Дом обслуживали две девушки. Служанки часто менялись, ибо жить там было нелегко, а временами становилось просто невыносимо. Кери часто пил, и, когда у него наступал запой, он становился сущим дьяволом. Случалось, что он среди ночи выталкивал из дому жену и дочь и с кулаками гонялся за ними по всему парку. И они, бывало, так кричали, что в соседней деревне жители просыпались от их крика.

Однажды он был привлечен к суду за то, что избил старого священника, который пытался образумить его.

[1] Пуритане — религиозная секта, проповедовавшая строгую нравственность и простоту жизни.

Короче, мистер Холмс, трудно сыскать человека более опасного, чем Питер Кери. Я слышал, что таков он был и в те времена, когда командовал судном. В среде моряков его прозвали Черный Питер — не только за смуглое лицо и огромную черную бороду, но и за его бешеный нрав, который наводил ужас на окружающих. Нечего говорить, что все соседи ненавидели и избегали его; я не слышал ни единого слова сожаления по поводу его ужасного конца.

Вы, мистер Холмс, несомненно, читали в протоколе следствия о «каюте» этого человека, но ваш друг, возможно, ничего не слышал о ней. Неподалеку от дома капитан выстроил себе деревянный флигелек, который всегда называл «каютой»; там проводил он каждую ночь. Это была маленькая, однокомнатная хибарка размером шестнадцать футов на десять; ключ от нее он держал у себя в кармане, сам стелил себе постель, сам убирал комнату и никому не позволял переступать ее порог. В двух стенах этого домика прорублено по небольшому окну. Оба окна были всегда занавешены и никогда не раскрывались, одно из них выходит на проселочную дорогу. Случалось, в домике целую ночь горел свет, и прохожие с недоумением спрашивали, что же там делает Черный Питер? Именно это окно, мистер Холмс, позволило нам установить во время следствия некоторые любопытные подробности.

Вы помните, что каменщик, по имени Слэтер, который шел из Форест-Роу около часа ночи за двое суток до убийства, остановился у владений капитана и посмотрел на квадрат света, видневшийся сквозь деревья. Он клянется, что на занавеске ясно обозначалась тень мужского профиля, но это был не Питер Кери, которого он хорошо знал. Это был тоже бородатый мужчина, но борода у него была короткая и торчала она иначе, чем у капитана. Так утверждает каменщик. Впрочем, нужно сказать, что перед этим он провел два часа в трактире, да и расстояние от дороги до окна порядочное. Кроме того, его показания относятся к понедельнику, а убийство совершено в среду.

Во вторник Питер Кери находился в самом ужасном состоянии. Он был совершенно пьян и, как дикий зверь, свиреп и опасен. Он бродил вокруг дома, и женщины, заслышав его голос, закрылись в доме. Поздно вечером он отправился к себе в хижину. Его дочь спала с открытым окном. Около двух часов ночи страшный крик донесся со

стороны «каюты». Девушка не придала этому значения, ибо капитан в пьяном виде часто кричал и ругался. Поднявшись в семь часов утра, одна из служанок заметила, что дверь хижины открыта настежь, но человек этот внушал такой страх, что до самого полудня домашние не отваживались заглянуть к нему. Посмотрев в открытую дверь, они увидели ужасное зрелище и, бледные от страха, пустились бежать в деревню. Через час я был на месте и приступил к следствию.

Нервы у меня крепкие, вы это знаете, мистер Холмс, но даю вам слово — меня затрясло, когда я заглянул в этот домишко. Он весь гудел, как фисгармония, от налетевших тучами мясных мух, а пол и стены его напоминали бойню. Капитан называл свое помещение каютой, и вправду оно вроде каюты: войдешь туда, и кажется — ты на борту корабля. В одном конце комнаты — койка, рядом — корабельный сундук, на стенах — морские карты, фотоснимок с «Морского единорога», кипа судовых журналов на полке — все в точности, как полагается в капитанской каюте. И посреди всего этого сам капитан — лицо искаженное, как у грешника, терзаемого муками ада, а большая черно-седая борода встала дыбом во время предсмертной агонии. Широкая грудь пробита стальным гарпуном. Гарпун прошел насквозь и глубоко вонзился в деревянную стену. Капитан был приколот к стене, словно жук, прикрепленный булавкой к картону. Конечно, мертв он был с той самой минуты, как испустил вопль.

Я знаком с вашими методами, сэр, и тотчас же стал применять их. Не позволив что-либо трогать с места, я очень тщательно осмотрел землю снаружи и пол в комнате. Но следов не было.

— Вы хотите сказать, что вы не заметили их?

— Уверяю вас, сэр, там не было никаких следов.

— Дорогой мой Хопкинс, я расследовал много преступлений, но ни разу не встречал еще преступника с крыльями. Раз преступник стоит на ногах, он непременно оставит какой-нибудь след, что-нибудь заденет или сдвинет. И человек, владеющий научными методами розыска, непременно обнаружит самую незначительную перемену в расположении окружающих вещей. Нельзя поверить, чтоб в этой залитой кровью комнате не осталось следов, которые могли бы помочь нам отыскать преступника... Впрочем, из протокола следствия я вижу, что на некоторые вещи вы даже не потрудились обратить внимания.

Молодой инспектор насупился; язвительное замечание Холмса задело его за живое.

— Глупо я сделал, мистер Холмс, что не пригласил вас тотчас же,— сказал он.— Однако теперь уж ничем не поможешь. Да, в комнате было несколько предметов, заслуживавших особого внимания. Начать с того гарпуна, которым убит капитан. Кто-то снял этот гарпун со стены. Два гарпуна висят на своих крюках, а третий крюк пустует. На ручке имеется надпись: «Пароход «Морской единорог», Данди». Это, по-видимому, свидетельствует о том, что преступление было совершено в припадке ярости и что убийца схватил первое орудие, какое попалось под руку. А то, что Кери был вполне одет, хотя убийство произошло в два часа ночи, наводит на мысль, что у него было свидание с убийцей. Об этом говорит и то, что на столе оказалась бутылка рома и два грязных стакана.

— Да,— сказал Холмс,— пожалуй, оба ваши вывода можно принять. А что, в комнате нашлись и другие спиртные напитки?

— Да, на сундуке был поднос; там стояли графины с коньяком и виски. Но это не имеет значения. Ведь графины были полны, значит, к ним не притрагивались.

— Все равно их присутствие имеет некоторое значение,— сказал Холмс.— Какие же еще предметы, по-вашему, имеют отношение к делу?

— На столе лежал тот табачный кисет.

— Где именно?

— На самой середине стола. Он сделан из грубой и жесткой тюленьей кожи и завязан кожаным ремешком. Внутри него буквы «П. К.». В кисете было примерно с пол-унции крепкого табака, какой курят моряки.

— Прекрасно. А еще?

Стэнли Хопкинс вытащил из кармана записную книжку в желтовато-сером переплете. Переплет ее был шероховат и потрепан, а странички пожелтели и выцвели. На первой странице значились инициалы «Д. Х. Н.» и дата «1883».

Холмс положил книжку на стол и начал разглядывать ее со свойственной ему тщательностью, в то время как Хопкинс и я смотрели из-за его плеча. На второй странице

мы увидели буквы «К. Т. Ж.», дальше на двух-трех страничках — сплошные цифры. На иных страничках были слова: «Аргентина», «Коста-Рика», «Сан-Паоло», и снова столбцы цифр и каких-то значков.

— Что вы думаете об этих записях? — спросил Холмс.

— По-видимому, это опись биржевых акций. Я считаю, что «Д. Х. Н.» — инициалы маклера, а «К. Т. Ж.», возможно, его клиент.

— Или «Канадская Тихоокеанская железная дорога»,— сказал Холмс.

Стэнли Хопкинс пробормотал проклятье и стукнул себя кулаком по ноге.

— Какой я дурак! — вскричал он.— Конечно, вы совершенно правы. Теперь нам остается расшифровать значение букв «Д. Х. Н.». Я уже просмотрел старые биржевые реестры за 1883 год и не нашел ни одного биржевого маклера с такими инициалами. И все же я на верном пути. Ведь правда же, мистер Холмс, вполне возможно, что это инициалы того человека, который приходил ночью к капитану, то есть, иными словами, убийцы? А эта книжечка, в которой перечислено так много ценных бумаг, может быть, раскроет нам мотивы преступления.

По лицу Холмса было видно, что он захвачен врасплох этим новым открытием.

— Я должен признать справедливость ваших выводов,— сказал он.— Пожалуй, эта книжка, о которой ничего не сказано в протоколе следствия, несколько меняет мои предположения. В обоснованной версии этого преступления для нее нет места. А вы пытались разыскать владельцев ценных бумаг, упомянутых здесь?

— Да. Я обратился в разные конторы с запросами, но ведь это акции южноамериканских предприятий. Боюсь, что получу ответ лишь через несколько недель.

Холмс продолжал рассматривать переплет книжки в увеличительное стекло.

— Тут, несомненно, пятно,— сказал он.

— Да, сэр, это следы крови. Я ведь сказал, что поднял книжку с пола.

— Кровавое пятно было сверху или снизу?

— На стороне, прилегавшей к полу.

— Значит, книжка упала на пол уже после убийства.

— Правильно, мистер Холмс. Я думаю, что убийца

уронил ее при поспешном бегстве. Она лежала у самой двери.

— Вероятно, ни одной из этих ценных бумаг не было найдено среди имущества покойного?

— Нет, сэр.

— Есть у вас основания предполагать ограбление?

— Нет, сэр. По-видимому, ничего не было похищено.

— Черт возьми, какой интересный случай! Там был еще нож, не так ли?

— Нож остался в ножнах, его не успели вынуть. Он лежал у ног убитого. Миссис Кери говорит, что это нож ее мужа.

Холмс задумался.

— Ладно,— сказал он.— Полагаю, мне придется съездить туда и посмотреть.

Стэнли Хопкинс вскрикнул от радости:

— Благодарю вас, сэр! Это снимет с меня тяжкое бремя.

Холмс погрозил пальцем инспектору.

— Все было бы гораздо проще неделю назад,— сказал он.— Но даже и сейчас моя поездка может принести пользу. Уотсон, если вы ничем не заняты, я был бы очень рад съездить вместе с вами. Вызовите карету, Хопкинс, мы отправимся в Форест-Роу через четверть часа.

Сойдя с поезда на маленькой станции, мы ехали еще несколько миль по перелескам, уцелевшим от того огромного дремучего бора, который некогда сдерживал вторжение саксов; этот неприступный край в течение шестидесяти лет служил бастионом Британии. Обширные участки его были вырублены, потому что здесь возникли первые в стране чугуноплавильные заводы, а для плавки руды понадобился лес. Теперь промышленность переместилась в более богатые районы Севера, и только эти поредевшие рощи и огромные борозды на земле напоминали о прошлом. В прогалине на зеленом склоне холма стоял длинный дом из необтесанного камня; к дому вела извилистая дорожка, мелькавшая среди полей. Ближе к дороге, окруженный с трех сторон кустами, находился маленький флигель, обращенный к нам окном и дверью. Здесь-то и произошло убийство.

Стэнли Хопкинс сначала повел нас в дом, где представил угрюмой седой женщине — вдове убитого. Изможден-

ное лицо, глубокие морщины и полный ужаса взгляд запавших глаз с покрасневшими веками говорили о том, что она перенесла годы страданий и горьких обид. Ее дочь, бледная белокурая девушка, вызывающе сверкая глазами, заявила, что она радуется смерти отца и благословляет руку, нанесшую ему смертельный удар. Питер Кери создал в доме страшную, удручающую обстановку, и нам стало легче, когда мы снова очутились на солнечном свете и пошли по тропинке, протоптанной через поле покойным капитаном.

Флигель оказался простейшей деревянной постройкой с легкой кровлей и двумя окнами: одно находилось подле двери, а другое в противоположной стене. Стэнли Хопкинс вынул ключ из кармана и нагнулся к замку; вдруг он остановился, и на его лице отразилось напряженное внимание и удивление.

— Замóк хотели взломать,— сказал он.

В этом не приходилось сомневаться. Дверь была поцарапана, и белые царапины отчетливо выделялись на краске, как будто их только что нанесли. Холмс осмотрел окно.

— И окно кто-то пробовал открыть, но не смог. Видно, неопытный взломщик.

— Это очень странно,— сказал инспектор.— Могу поклясться, что вчера вечером этих царапин не было.

— Может, приходил из деревни какой-нибудь любопытный простак? — предположил я.

— Нет, не похоже. Мало кто решится ступить на двор усадьбы, а уж взломать «каюту» — таких смельчаков нет. А вы что думаете, мистер Холмс?

— Я думаю, что нам повезло.

— Вы полагаете, этот человек придет снова?

— Очень возможно. Он попробовал открыть дверь крохотным перочинным ножом. Это не удалось. Что ему остается теперь?

— Вернуться следующей ночью с более подходящим инструментом.

— Правильно. Глупо будет, если мы не подкараулим его. А пока разрешите мне осмотреть «каюту» внутри.

Следы трагедии были уже уничтожены, но мебель в маленькой комнате все еще стояла так же, как и в ночь убийства. В течение двух часов Холмс с огромным вниманием осматривал поочередно каждый предмет, но по его

лицу было видно, что поиски безуспешны. Только раз он прервал свое кропотливое исследование:

— Вы брали что-нибудь с этой полки, Хопкинс?

— Нет, я не трогал ничего.

— Здесь что-то взято: в этом углу полки пыли меньше. Возможно, тут лежала книга, а может быть, коробка... Пожалуй, больше мне здесь делать нечего. Пойдемте погуляем в этих чудесных рощах, Уотсон, полюбуемся на птиц и на цветы. Мы встретимся с вами здесь попозже, Хопкинс: не удастся ли нам поближе познакомиться с джентльменом, который заходил сюда нынче ночью.

В двенадцатом часу ночи мы устроили засаду. Хопкинс хотел оставить дверь хижины открытой, но Холмс побоялся, что это спугнет незнакомца. Замóк был настолько несложен, что его можно было открыть любым достаточно крепким ножом. Холмс предложил также, чтобы мы засели не внутри хижины, а снаружи, в кустах, которые росли под вторым окном. Таким образом нам удалось бы проследить за этим человеком, если он зажжет свет, и разузнать цель его прихода.

Наступило долгое мучительное ожидание; нервная дрожь охватила нас. Так дрожит охотник, подстерегая у водопоя томимого жаждой зверя. Какой хищник подкрадется сюда из темноты? Лютый тигр, которого можно одолеть только в тяжкой борьбе с его сверкающими клыками и когтями, или трусливый шакал, опасный лишь для слабых и беззащитных?

В полном молчании мы притаились в кустах. Сначала до нас доносились шаги запоздалых прохожих и голоса из деревни, но мало-помалу эти звуки замерли. Наконец наступила полная тишина. Только бой часов на далекой церкви извещал нас о том, что время идет, да мелкий дождь шуршал и шептал в той листве, которая служила нам кровом.

Пробило половину третьего: наступил самый темный предрассветный час. Внезапно мы вздрогнули, услышав тихий, но отчетливый скрип калитки. По дорожке кто-то шел. Потом снова наступила долгая тишина. Я уже подумал, что это ложная тревога, как вдруг позади, за хижиной, послышались осторожные шаги, а через мгновение — лязг и шум металла. Человек пытался взломать замок! На этот раз он действовал более умело или инструмент у него был получше — вскоре послышался треск, и двер-

ные петли заскрипели. Затем чиркнула спичка, и в следующее мгновение ровный свет свечи озарил внутренность хижины. Сквозь тонкие занавески мы увидели все, что происходило внутри.

Ночной посетитель был худощавый, болезненного вида молодой человек. Черные усики оттеняли мертвенную бледность его лица. Ему, наверно, было немногим больше двадцати лет. Я еще ни разу не видел человека, находившегося в таком жалком состоянии: зубы у него стучали от страха, он дрожал всем телом. Он был одет как джентльмен: норфолкская куртка, короткие спортивные штаны, на голове суконное кепи. Мы видели, как он испуганно озирался по сторонам. Затем он поставил свечу на стол и исчез в одном из углов. Оттуда он возвратился с большой книгой — с одним из тех судовых журналов, целая кипа которых стояла на полке. Наклонившись над столом, он быстро перелистывал страницы, пока не наткнулся на запись, которую искал. Тогда он гневно ударил кулаком по журналу, поставил его на место и потушил свет.

Не успел он повернуться к выходу, как Хопкинс схватил его за воротник. Я услышал громкий крик ужаса: взломщик понял, что его поймали. Свечу снова зажгли. Несчастный пленник дрожал и корчился в объятиях сыщика.

— Ну, милейший,— сказал Стэнли Хопкинс,— кто же вы такой и что вам здесь нужно?

Юноша овладел собой и старался казаться спокойным.

— Вы, наверно, сыщик? — спросил он.— И думаете, что я имею отношение к смерти капитана Питера Кери? Уверяю вас, я к этому непричастен.

— Это будет видно,— сказал Хопкинс.— Прежде всего, как вас зовут?

— Джон Холпи Нелиган.

Я заметил, как Холмс и Хопкинс обменялись взглядом.

— Что вы тут делаете?

— Могу я надеяться, что вы не выдадите моей тайны?

— Непременно выдадим. Еще бы!

— В таком случае, какой же мне резон говорить?

— Если вы не скажите, вам плохо придется на суде.

Юноша содрогнулся.

— Ну что же, скажу,— промолвил он.— Почему бы и не сказать? Но как мне отвратительна мысль, что это старое позорное дело снова всплывет на поверхность! Вы когда-нибудь слышали о Даусоне и Нелигане?

По лицу Хопкинса я понял, что ему ничего не известно об этом, но Холмс встрепенулся и сказал:

— Вы имеете в виду владельцев Западного банка? Они обанкротились на миллион, разорили половину Корнуэльского графства, и Нелиган исчез.

— Совершенно верно. Нелиган — мой отец.

Наконец-то вскрылось нечто определенное. Но все же целая пропасть лежала между сбежавшим банкиром и капитаном Питером Кери, которого пригвоздил к стене его же собственный гарпун. И мы внимательно продолжали слушать рассказ молодого человека.

— Банкротство фактически коснулось только моего отца. Даусон удалился от дел раньше. Мне в то время исполнилось всего десять лет, но я был достаточно взрослый и чувствовал весь позор и ужас того, что случилось. Люди говорили, будто мой отец украл все ценные бумаги и сбежал. Это неправда. Отец твердо верил, что если ему дадут время реализовать их, все обойдется и он полностью расплатится со всеми вкладчиками. Он отплыл в Норвегию на маленькой яхте, как раз перед тем, как был отдан приказ об его аресте. Я помню последнюю ночь, когда он прощался с моей матерью. Он оставил нам опись тех ценных бумаг, которые взял с собой. Он клялся, что восстановит свое доброе имя и что ни один из его доверителей не пострадает. С тех пор мы больше не слыхали о нем. И яхта и он исчезли. Мы с матерью были убеждены, что он покоится на дне морском. Есть у нас один верный друг, человек с деловыми связями, вот он-то недавно и узнал, что некоторые ценные бумаги, бывшие у отца, снова появились на Лондонском рынке. Можете себе представить наше изумление! Я потратил несколько месяцев на то, чтобы проследить их путь, испытал множество неудач и наконец установил, что продавал их капитан Питер Кери, владелец этой лачуги.

Естественно, я стал наводить справки о нем. Я узнал, что он командовал китобойным судном, которое возвращалось из полярных морей как раз в то время, когда мой отец следовал в Норвегию. Осень того года была ненастная, на море бушевали штормы. Отцовскую яхту, вероятно, отнесло на север, где ее и встретил корабль капитана Питера Кери. Если это так, то куда же исчез мой отец? Во всяком

случае, если бы Питер Кери помог мне выяснить, как эти ценные бумаги попали на рынок, я доказал бы, что мой отец не продавал их и что он взял их с собой без всякой корыстной цели.

Я приехал в Суссекс, чтобы повидать капитана, но как раз в это время он погиб страшной смертью. В протоколе следствия я прочитал описание его «каюты». Упоминалось, между прочим, что там старые судовые журналы его корабля. Мне пришло в голову, что если бы мне посчастливилось прочитать в одном из этих журналов, что происходило в августе 1883 года на борту «Морского единорога», я узнал бы загадочную судьбу моего отца. Прошлой ночью я попытался добраться до этих журналов, но не мог открыть дверь. Сегодня моя попытка была успешнее, но обнаружилось, что страницы, относящиеся к этому месяцу, вырваны. Тут-то вы меня и схватили.

— Это все?— спросил Хопкинс.

— Да, все.— Глаза юноши забегали при этих словах.

— Вам больше нечего сказать?

Он колебался:

— Нечего.

— Вы здесь не были до вчерашней ночи?

— Нет.

— А как же вы объясните вот это? — вскричал Хопкинс, протягивая ему злосчастную записную книжку с инициалами нашего пленника на первой странице и кровавым пятном на переплете.

Несчастный пал духом. Он закрыл лицо руками и вновь задрожал.

— Откуда же вы взяли ее? — простонал он.— А я и не знал... Я думал, что потерял ее в отеле.

— Довольно! — сурово произнес Хопкинс.— Если вам есть еще что сказать, вы скажете на суде. А теперь вы пойдете со мной в полицию... Ну, мистер Холмс, я весьма признателен вам и вашему другу за то, что вы пришли сюда помочь мне. Как выяснилось, в вашем присутствии не было надобности. Я довел бы дело до конца и без вас, но тем не менее я вам очень благодарен. Для вас оставлены комнаты в отеле «Брэмблтай», и мы можем идти в деревню вместе.

— Ну, Уотсон, каково же ваше мнение обо всем этом? — спросил Холмс, когда на следующее утро мы ехали обратно.

— Я вижу, что вы не удовлетворены.

— О нет, мой дорогой Уотсон, я совершенно удовлетворен. Но в то же время не могу похвалить Стэнли Хопкинса. Его методы никуда не годятся. Я разочаровался в нем. Я ожидал от него большего. Всегда возможно второе решение задачи, и надо искать его. Это первое правило уголовного следствия.

— Какое же здесь возможно второе решение?

— То, которое лежит в основе моего собственного расследования. Может статься, оно ничего и не даст, не могу сказать, но пройду этот путь до конца.

На Бейкер-стрит Холмса ожидало несколько писем. Он схватил одно из них, вскрыл и торжествующе рассмеялся.

— Чудесно, Уотсон! Второе решение назревает. У вас есть телеграфные бланки? Напишите для меня парочку телеграмм: «Самнеру, пароходному агенту, Рэтклифф-хайвей. Пришлите трех человек, отправка завтра десять утра. Бэзил». Это мое имя в тех кругах. Вторая: «Инспектору Стэнли Хопкинсу. Лорд-стрит, 46, Брикстон. Приезжайте завтра девять тридцать завтракать. Важно. Телеграфируйте, если не можете приехать. Шерлок Холмс»... Так вот, Уотсон, эта чертовщина преследовала меня целых десять дней, теперь я хочу развязаться с ней. Завтра, надеюсь, мы покончим с этим делом — и уже навсегда.

Точно в указанный час появился инспектор Стэнли Хопкинс, и мы все уселись за великолепный завтрак, который приготовила миссис Хадсон. Молодой сыщик был в восторге от своей удачи.

— Так вы в самом деле уверены, что ваше объяснение правильно? — обратился к нему Холмс.

— Еще бы! Случай совершенно ясный.

— А по-моему, это дело еще не закончено.

— Вы удивляете меня, мистер Холмс! Чего же еще можно требовать?

— Разве ваше объяснение охватывает все стороны дела?

— Несомненно. Я узнал, что молодой Нелиган прибыл в отель «Брэмблтай» в день, когда было совершено преступление. Он приехал якобы для игры в гольф [1]. Его комната находилась на первом этаже, и он мог уйти, когда ему

[1] Гольф — английская игра в мяч.

вздумается. В ту самую ночь он пошел в Вудменс-Ли, встретился в хижине с Питером Кери, повздорил с ним и убил его гарпуном. Затем, ужаснувшись делом рук своих, он убежал из хижины и обронил записную книжку. Принес он ее потому, что хотел расспросить Питера Кери насчет этих ценных бумаг. Вы, наверно, заметили, что некоторые из них в списке отмечены крестиками? Это те, что проданы на Лондонском рынке. Но большинство их, очевидно, находилось еще у Кери. Молодой Нелиган, по его признанию, мечтал овладеть ими, чтобы выплатить долги отца. Некоторое время после убийства он не отваживался подходить к хижине, но наконец решился, чтобы раздобыть нужные ему сведения. Просто и ясно, не правда ли?

Холмс улыбнулся и покачал головой:

— Я вижу в вашей версии один недостаток, Хопкинс: она абсолютно неправдоподобна. Вы пробовали проткнуть гарпуном тело? Нет? Так вот, дорогой сэр, вам придется обратить особое внимание на эту деталь. Мой друг Уотсон мог бы рассказать вам, как я упражнялся в этом целое утро. Это не так-то легко, тут нужна сильная и натренированная рука. А удар капитану был нанесен с такой силой, что гарпун глубоко вонзился в стену, пройдя его тело насквозь. Можно ли предположить, что этот хилый юноша способен нанести такой страшный удар? И что это именно он — тот человек, который глубокой ночью пил ром с Черным Питером? И что это именно его профиль видели на занавеске за два дня до того? Нет, нет, Хопкинс, придется нам поискать кое-кого пострашнее.

Во время речи Холмса лицо сыщика все больше и больше вытягивалось. Его расчеты и надежды рушились, но он не сдавался без борьбы.

— Вы не можете отрицать, мистер Холмс, что Нелиган был там в ту ночь. Явное доказательство этого — книжка. По-моему, для суда этих данных достаточно, пусть даже в них и есть, по-вашему, слабое место. А самое главное, мистер Холмс, что мой преступник уже задержан. А вашего «человека пострашнее» я что-то не вижу.

— Я склонен думать, что он сейчас поднимается по нашей лестнице,— спокойно ответил Холмс.— Мне кажется, Уотсон, вам лучше держать этот револьвер под рукой.— Холмс встал и положил исписанный лист бумаги на столик, стоявший поблизости.— Теперь мы готовы,— добавил он.

Послышались грубые голоса, а затем миссис Хадсон открыла дверь и сказала, что трое мужчин спрашивают капитана Бэзила.

— Впустите их по одному,— сказал Холмс.

Первым вошел маленький, круглый человечек с румяными щеками и пышными седыми бакенбардами. Холмс вытащил из кармана письмо.

— Ваше имя? — спросил он.

— Джеймс Ланкастер.

— Мне очень жаль, Ланкастер, но место уже занято. Вот вам полсоверена за беспокойство. Пройдите в ту комнату и подождите несколько минут.

Второй был высокий высохший человек с гладкими волосами и болезненным цветом лица. Его звали Хью Пэттино. Он также получил отказ, полсоверена и приказание ждать.

У третьего посетителя была примечательная внешность. Его свирепое, бульдожье лицо обросло взъерошенными волосами и бородой, а из-под жестких, густо нависших бровей сверкали смелые темные глаза. Он поздоровался и стоял в позе моряка, теребя в руках свою кепку.

— Ваше имя? — спросил Холмс.

— Патрик Кэрнс.

— Гарпунщик?

— Да, сэр. Двадцать шесть рейсов.

— Из Данди, кажется?

— Да, сэр.

— Согласны пойти с экспедиционным судном?

— Да, сэр. Жалованье?

— Восемь фунтов в месяц. Могли бы отправиться немедленно?

— Как только получу снаряжение.

— Бумаги при вас?

— Да, сэр.

Он вытащил из кармана связку потрепанных и засаленных документов. Холмс просмотрел их и возвратил ему.

— Как раз такой человек мне и нужен,— сказал он.— Вот контракт на этом столе. Подпишите его, и дело с концом.

Моряк вразвалку прошел по комнате и взялся за перо.

— Здесь подписать? — спросил он, нагнувшись к столу.

Холмс склонился над его плечом и протянул руки поверх его шеи.

— Теперь все в порядке,— сказал он.

Я услышал лязг стали и рев разъяренного быка. В ту же минуту Холмс и моряк, сцепившись, покатились по полу. Моряк обладал гигантской силой: даже в наручниках, которые Холмс так ловко надел ему на руки, он мог бы одолеть моего друга. Но мы с Хопкинсом бросились на помощь. И только когда холодное дуло револьвера прижалось к его виску, он наконец понял, что сопротивление бесполезно. Мы связали ему ноги веревкой и подняли с полу, задыхаясь от борьбы.

— Я должен извиниться перед вами, Хопкинс,— сказал Шерлок Холмс,— яйца всмятку, боюсь, уже холодные. Но, я думаю, такой успешный конец следствия придаст вам аппетит?

Стэнли Хопкинс онемел от изумления.

— Что тут скажешь, мистер Холмс! — наконец выпалил он, мучительно покраснев.— Видно, я с самого начала свалял дурака. Нельзя было ни на минуту забывать, что вы учитель, а я — всего лишь ученик. Даже теперь, видя вашу работу, я все-таки не пойму, как вы это проделали и что это значит.

— Ладно, ладно,— добродушно сказал Холмс,— мы все учимся на своих ошибках. Вот теперь вы уже твердо запомните, что нельзя упускать из виду второе решение. Вы были так поглощены молодым Нелиганом, что даже не вспомнили о Патрике Кэрнсе. А ведь он-то и есть убийца Питера Кери.

Хриплый голос моряка перебил его:

— Послушайте, мистер! Я не жалуюсь, что вы так грубо обошлись со мной, но надо все-таки называть вещи своими именами. Вы говорите: «убийца Питера Кери». А вот я заявляю, что был вынужден убить его. Это далеко не одно и то же. Может, вы не поверите? Может, вы думаете, я плету небылицы?

— Совсем нет,— ответил Холмс.— Мы охотно выслушаем все, что вы хотите сказать.

— Я буду говорить недолго, и, клянусь богом, каждое мое слово — правда. Я знал Черного Питера, и когда он взялся за нож, я схватил гарпун, потому что понимал, что только одному из нас быть в живых. Вот так он и умер.

Может, это и называется убийством. Мне все равно, как умирать, только мне больше нравится испустить дух с веревкой на шее, чем с ножом Черного Питера в сердце.

— Как вы очутились в его доме? — спросил Холмс.

— Я расскажу все по порядку. Только дайте я сяду, так легче будет говорить. Эта история началась в августе 1883 года. Питер Кери был хозяином «Морского единорога», а я у него — запасным гарпунщиком. Мы выбрались из торосистых льдов и шли домой. Встречный ветер трепал нас, а шторм не унимался целую неделю. Вдруг натыкаемся на маленькое суденышко: оно дрейфует на север. Всего экипажа один человек, да и тот не моряк. Остальные, бывшие в этом суденышке, решили, что оно пойдет ко дну, уселись в шлюпку и пошли к норвежскому берегу. И должно быть, все до одного потонули. Так вот, мы этого человека взяли к себе на судно. Они с капитаном долго толковали в каюте. Весь его багаж, принятый к нам на борт, состоял из одной жестяной коробки. Насколько мне известно, имени этого человека ни разу никто не назвал. На вторую же ночь он исчез, будто его и вовсе не бывало. Болтали, будто он или сам бросился в воду, или упал за борт — в ту ночь разыгралась сильная буря. Только один человек знал, что с ним случилось,— это был я. Потому что в глухую темную ночь, за два дня до того, как мы миновали маяки Шотландских островов, я собственными глазами видел, что капитан схватил его за ноги и сбросил в море.

Я никому не сболтнул ни слова. Думаю — посмотрю, что будет дальше. Пришли мы в Шотландию. Дела этого никто не поминал, да никто ни о чем и не спрашивал. Погиб человек случайно, и никому это не интересно. Вскоре Питер Кери вышел в отставку, и только спустя много лет мне удалось узнать, где он поселился. Я сообразил, что он взял грех на душу ради той жестяной коробки. Ну, думаю, теперь он мне заплатит как следует, чтобы я держал язык за зубами.

От одного моряка, который встретил его в Лондоне, я узнал, что он живет здесь, и приехал, чтобы выжать из него кое-что. В первую ночь он держался благоразумно: пообещал мне такую сумму, что я на всю жизнь был бы избавлен от моря. Окончательно договориться мы должны были через две ночи. Я пришел — вижу, он уже пьян и

настроение у него самое гнусное. Мы сели, выпили, поговорили о старых временах. Чем больше он пил, тем меньше мне нравилось выражение его лица. Я заметил гарпун на стене: пожалуй, думаю, он мне понадобится. А того наконец прорвало: ухватил он большой складной нож и полез на меня, изрыгая слюну и ругань. Я по всему видел, что он готов на убийство. Но не успел он раскрыть нож, как я пригвоздил его гарпуном к стене. Боже, как он заревел! Его лицо до сих пор не дает мне уснуть... Кровь лилась ручьем, а я стоял и ждал. Но кругом было тихо, и я успокоился. Огляделся — вижу: на полке жестяная коробка. У меня на нее такое же право, как у Питера Кери, поэтому я взял ее и вышел из хижины. И сдуру забыл на столе свой кисет.

А теперь я расскажу вам самую диковинную часть этой истории. Только я выбрался на воздух, как вдруг слышу чьи-то шаги. Я засел в кустах. Смотрю, к хижине пробирается человек. Вошел в нее, закричал, как полоумный, и пустился бежать со всех ног, пока не пропал из виду. А я всех перехитрил: прошагал десять миль пешком, в Танбридж-Уэллсе сел на поезд и приехал в Лондон.

Когда я раскрыл коробку, оказалось, что в ней ни гроша. Ничего там не было, кроме бумаг, которые я не решился продать. Я потерял власть над Черным Питером и очутился на мели в Лондоне без единого шиллинга. У меня оставалось только мое ремесло. Я увидел эти объявления о гарпунщиках и большом жалованье и отправился к морским агентам, а они послали меня сюда. Вот все, что мне известно. И хоть я прикончил Черного Питера, но правосудие должно благодарить меня — я сэкономил правительству расход на пеньковую веревку.

— Весьма убедительные показания,— сказал Холмс, вставая и закуривая трубку.— Я думаю, Хопкинс, вам следует, не теряя времени, препроводить арестованного в более надежное место. Эта комната не совсем пригодна под камеру, мистер Патрик Кэрнс занимает слишком много места на нашем ковре.

— Не знаю, как и благодарить вас, мистер Холмс,— сказал Хопкинс.— До сих пор я не понимаю, как вы достигли такого успеха.

— Просто я с самого начала ухватился за верную нить. Знай я раньше о записной книжке, она, может быть, так же сбила бы меня с толку, как и вас. Но все, что я слышал об этом деле, вело только в одном направлении. Огромная силища, уменье пользоваться гарпуном, бутылка рома, кисет из тюленьей кожи с крепким табаком — все это указывало на моряка, причем на китобоя. Я был убежден, что инициалы «П. К.» — простое совпадение. Кисет не принадлежал Питеру Кери, потому что тот редко курил и в его «каюте» не нашли трубки. Вы помните, я спрашивал, были ли в «каюте» виски и коньяк. Вы ответили, что были. Но кто, кроме моряка, станет пить ром, когда под рукой есть коньяк или виски? Да, я был уверен, что это моряк.

— А как вы отыскали его?

— Мой дорогой сэр, ведь это же очень просто. Моряк мог быть только из числа тех, кто плавали вместе с Кери на «Морском единороге». Насколько мне было известно, капитан на другом судне не плавал. Я затратил три дня на телеграммы в Данди, чтобы установить имена команды «Морского единорога» в 1883 году. Когда я узнал, что в числе гарпунщиков был Патрик Кэрнс, мои расследования почти закончились. Я считал, что этот человек находится, вероятно, в Лондоне и не прочь на некоторое время покинуть Англию. Поэтому я провел несколько дней в Ист-Энде, выдумал арктическую экспедицию, предложил заманчивые условия для гарпунщиков, которые будут служить под командой капитана Бэзила,— и вот результат.

— Замечательно! — воскликнул Хопкинс.— Просто замечательно!

— Вы должны как можно скорее добиться освобождения молодого Нелигана,— сказал Холмс.— Думаю, вам следует извиниться перед ним. Жестяную коробку надо ему возвратить, но, конечно, те ценные бумаги, что проданы Питером Кери, уже пропали навсегда... Вот и кэб, Хопкинс, вы можете увезти этого человека. Если мое присутствие понадобится на суде, дайте нам знать в Норвегию. Точный адрес я сообщу вам позже.

Шесть Наполеонов

Мистер Лестрейд, сыщик из Скотленд-Ярда, нередко навещал нас по вечерам. Шерлок Холмс охотно принимал его. Лестрейд приносил всевозможные полицейские новости, а Холмс в благодарность за это выслушивал подробные рассказы о тех делах, которые были поручены сыщику, и как бы невзначай давал ему советы, черпая их из сокровищницы своего опыта и обширных познаний.

Но в этот вечер Лестрейд говорил только о погоде и о газетных известиях. Потом он вдруг умолк и стал задумчиво сдувать пепел с сигары. Холмс пристально посмотрел на него:

— У вас есть для меня какое-то интересное дело?

— О нет, мистер Холмс, ничего интересного!

— В таком случае, расскажите.

Лестрейд рассмеялся:

— От вас ничего не скроешь, мистер Холмс. У меня действительно есть на примете один случай, но такой пустяковый, что я не хотел утруждать вас. Впрочем, пустяк-то пустяк, однако довольно странный пустяк, а я знаю, что вас особенно тянет ко всему необычному. Хотя, по правде сказать, это дело, скорее всего, должно бы занимать доктора Уотсона, а не нас с вами.

— Болезнь? — спросил я.

— Сумасшествие. И притом довольно странное сумасшествие. Трудно представить себе человека, который, живя в наше время, до такой степени ненавидит Наполеона Первого, что истребляет каждое его изображение, какое попадется на глаза.

Холмс откинулся на спинку кресла:

— Это дело не по моей части.

— Вот-вот, я так и говорил. Впрочем, если человек этот совершает кражу со взломом и если те изображения Наполеона, которые он истребляет, принадлежат не ему, а другим, он из рук доктора попадает опять-таки к нам.

Холмс выпрямился снова:

— Кража со взломом! Это куда любопытнее. Расскажите же мне все до малейшей подробности.

Лестрейд вытащил служебную записную книжку и перелистал ее, чтобы освежить свою память.

— О первом случае нам сообщили четыре дня назад,— сказал он.— Случай этот произошел в лавке Морза Хэдсона, который торгует картинами и статуями на Кеннингтон-роуд. Приказчик на минуту вышел из магазина и вдруг услышал какой-то треск. Он поспешил назад и увидел, что гипсовый бюст Наполеона, стоявший на прилавке вместе с другими произведениями искусства, лежит на полу, разбитый вдребезги. Приказчик выскочил на улицу, но хотя многие прохожие утверждали, что видели человека, выбежавшего из лавки, приказчику не удалось догнать его. Казалось, это один из тех случаев бессмысленного хулиганства, которые совершаются время от времени... Так об этом и доложили подошедшему констеблю. Гипсовый бюст стоил всего несколько шиллингов, и все дело представлялось таким мелким, что не стоило заводить следствие.

Новый случай, однако, оказался более серьезным и притом не менее странным. Он произошел сегодня ночью. На Кеннингтон-роуд, всего в нескольких сотнях шагов от лавки Морза Хэдсона, живет хорошо известный врач, доктор Барникот, у которого обширнейшая практика на южном берегу Темзы. Доктор Барникот горячий поклонник Наполеона. Весь его дом битком набит книгами, картинами и реликвиями, принадлежавшими французскому императору. Недавно он приобрел у Морза Хэдсона две одинаковые гипсовые копии знаменитой головы Наполеона, вылепленной французским скульптором Девином. Одну из этих копий он поместил у себя в квартире на Кеннингтон-роуд, а вторую поставил на камин в хирургической на Лауэр-Брикстон-роуд. Вернувшись сегодня утром домой, доктор Барникот обнаружил, что ночью его дом подвергся ограблению, но при этом ничего не похищено, кроме гипсового бюста, стоявшего в прихожей. Грабитель вынес бюст из дому и разбил о садовую решетку. Поутру возле решетки была найдена груда осколков.

Холмс потер руки.

— Случай действительно необыкновенный! — сказал он.

— Я был уверен, что вам этот случай понравится. Но я еще не кончил. К двенадцати часам доктор Барникот приехал к себе в хирургическую, и представьте себе его удивление, когда он обнаружил, что окно хирургической открыто и по всему полу разбросаны осколки второго бюста. Бюст был разбит на самые мелкие части. Мы исследовали оба случая, но нам не удалось выяснить, кто он, этот преступник... или этот безумец, занимающийся такими хищениями. Вот, мистер Холмс, все факты.

— Они оригинальны и даже причудливы,— сказал Холмс.— Мне хотелось бы знать, являлись ли бюсты, разбитые в комнатах доктора Барникота, точными копиями того бюста, который был разбит в лавке Морза Хэдсона?

— Их отливали в одной и той же форме.

— Значит, нельзя утверждать, что человек, разбивший бюсты, действовал под влиянием ненависти к Наполеону. Если принять во внимание, что в Лондоне находится несколько тысяч бюстов, изображающих великого императора, трудно предположить, что неизвестный фанатик совершенно случайно начал свою деятельность с уничтожения трех копий одного и того же бюста.

— Это и мне приходило в голову,— сказал Лестрейд.— Что вы об этом думаете, доктор Уотсон?

— Помешательства на одном каком-нибудь пункте безгранично разнообразны,— ответил я.— Существует явление, которое современные психологи называют «навязчивая идея». Идея эта может быть совершенно пустячной, и человек, одержимый ею, может быть здоров во всех других отношениях. Предположим, что этот маньяк слишком много читал о Наполеоне или, скажем, узнал о какой-нибудь обиде, нанесенной его предкам во время наполеоновских войн. У него сложилась «навязчивая идея», и под ее влиянием он оказался способным на самые фантастические выходки.

— Ваша теория нам не подходит, мой милый Уотсон,— сказал Холмс, покачав головой,— ибо никакая «навязчивая идея» не могла бы подсказать вашему занимательному маньяку, где находятся эти бюсты.

— А вы как это объясните?

— Я и не пытаюсь объяснить. Я только вижу, что в эксцентрических поступках этого джентльмена есть какая-то система.

Дальнейшие события произошли быстрее и оказались гораздо трагичнее, чем мы предполагали. На следующее утро, когда я одевался в своей спальне, Холмс постучал ко мне в дверь и вошел, держа в руке телеграмму. Он прочел ее вслух:

— «Приезжайте немедленно в Кенсингтон, Питт-стрит, 131. Лестрейд».

— Что это значит? — спросил я.

— Не знаю. Это может значить все что угодно. Но, мне кажется, это продолжение истории с бюстами. Если я не ошибаюсь, из этого следует, что наш друг маньяк перенес свою деятельность в другую часть Лондона... Кофе на столе, Уотсон, и кэб у дверей.

Через полчаса мы были уже на Питт-стрит — в узеньком переулочке, тянувшемся параллельно одной из самых оживленных лондонских магистралей. Дом № 131 оказался почтенным плоскогрудым строением, в котором не было ничего романтического. Когда мы подъехали, перед его садовой решеткой стояла толпа зевак. Холмс даже присвистнул.

— Черт побери, да ведь тут по крайней мере убийство!

Лестрейд вышел нам навстречу с очень угрюмым лицом и провел нас в гостиную, по которой взад и вперед бегал необыкновенно растрепанный пожилой человек во фланелевом халате. Его нам представили. Он оказался хозяином дома, мистером Хорэсом Харкером, газетным работником Центрального синдиката печати.

— История с Наполеонами продолжается,— сказал Лестрейд.— Вчера вечером она заинтересовала вас, мистер Холмс, и я подумал, что вам будет приятно принять участие в ее расследовании, особенно теперь, когда она привела к такому мрачному событию.

— К какому событию?

— К убийству... Мистер Харкер, расскажите, пожалуйста, этим джентльменам все, что произошло.

Человек в халате повернул к нам свое расстроенное лицо.

— Странная вещь,— сказал он.— Всю жизнь я описывал в газетах события, случавшиеся с другими людьми, а вот когда наконец у меня самого произошло такое большое событие, я до того растерялся, что двух слов не могу написать. Впрочем, ваше имя мне знакомо, мистер Шерлок Холмс, и если вам удастся разъяснить нам это загадочное дело, я буду вознагражден за досадную необходимость снова излагать все происшествие.

Холмс сел и принялся слушать.

— Это убийство связано с бюстом Наполеона, который я купил месяца четыре назад. Он достался мне по дешевке в магазине братьев Хардинг возле Хай-стритского вокзала. Обычно свои статьи я пишу по ночам и часто засиживаюсь за работой до утра. Так было и сегодня. Я сидел в своей норе в самом конце верхнего этажа, как вдруг около трех часов снизу до меня донесся какой-то шум. Я прислушался, но шум не повторился, и я решил, что шумели на улице. Но минут через пять я внезапно услышал ужасающий вопль — никогда еще, мистер Холмс, не приходилось мне слышать таких страшных звуков. Этот вопль будет звучать у меня в ушах до самой смерти. Минуту или две я просидел неподвижно, оцепенев от страха, потом взял кочергу и пошел вниз. Войдя в эту комнату, я увидел, что окно распахнуто и бюст, стоявший на камине, исчез. Я никак не могу понять, отчего грабитель прельстился этим бюстом. Обыкновеннейший гипсовый слепок, и цена ему грош. Как

вы сами видите, человек, который вздумает прыгнуть из этого окна, попадет на ступеньки парадного хода. Так как грабитель, безусловно, удрал именно этим путем, я прошел через прихожую и открыл наружную дверь. Шагнув в темноту, я споткнулся и чуть не упал на лежавшего там мертвеца. Я пошел и принес лампу. У несчастного на горле зияла рана. Все верхние ступени были залиты кровью. Он лежал на спине, подняв колени и раскрыв рот. Это было ужасно. Он будет мне сниться каждую ночь. Я засвистел в свисток и тотчас же потерял сознание. Больше ничего я не помню. Я очнулся в прихожей. Рядом стоял полисмен.

— Кто был убитый? — спросил Холмс.

— Этого определить не удалось,— сказал Лестрейд.— Можете сами осмотреть его в мертвецкой. Мы его уже осматривали, но ничего не узнали. Рослый, загорелый, очень сильный мужчина, еще не достигший тридцати лет. Одет бедно, но на рабочего не похож. Рядом с ним в луже крови валялся складной нож с роговой рукоятью. Не знаю, принадлежал ли он убитому или убийце. На одежде убитого не было меток, по которым можно было бы догадаться, как его зовут. В кармане нашли яблоко, веревочку, карту Лондона и фотографию. Вот она.

Это был моментальный снимок, сделанный маленьким аппаратом. На нем был изображен молодой человек с резкими чертами лица, с густыми бровями, с сильно развитыми челюстями, выступающими вперед, как у павиана. Вообще в нем было что-то обезьянье.

— А что стало с бюстом? — спросил Холмс, внимательно изучив фотографический снимок.

— Бюст удалось обнаружить только перед самым вашим приходом. Он был найден в садике перед пустым домом на Кэмпеден-Хауз-роуд. Он разбит на мелкие куски. Я как раз направляюсь туда, чтобы осмотреть его. Хотите пойти со мной?

Место, где были найдены осколки бюста, находилось всего в нескольких ярдах от дома. Впервые нам удалось увидеть это изображение великого императора, вызвавшее столь бешеную и разрушительную ненависть в сердце какого-то незнакомца. Бюст лежал в траве, разбитый на мелкие куски. Холмс поднял несколько осколков и внимательно их исследовал. Я догадался по его напряженному лицу, что он напал на след.

— Ну что? — спросил Лестрейд.

Холмс пожал плечами.

— Нам еще много придется повозиться с этим делом,— сказал он.— И все-таки... все-таки... все-таки у нас уже есть кое-что для начала. Этот грошовый бюст в глазах того странного преступника стоил дороже человеческой жизни. Вот первый факт, установленный нами. Есть и второй факт, не менее странный. Если единственная цель преступника заключалась в том, чтобы разбить бюст, отчего он не разбил его в доме или возле дома?

— Он был ошеломлен встречей с тем человеком, которого ему пришлось убить. Он сам не понимал, что делает.

— Что ж, это правдоподобно. Однако я хочу обратить ваше внимание на дом, стоящий в саду, где был разбит бюст.

Лестрейд посмотрел вокруг.

— Дом этот пустой,— сказал он,— и преступник знал, что тут его никто не потревожит.

— Да,— возразил Холмс,— но на этой улице есть и другой пустой дом, и ему нужно было пройти мимо него, чтобы дойти до этого дома. Почему он не разбил бюст возле первого пустого дома? Ведь он понимал, что каждый лишний шаг увеличивает опасность встречи с кем-нибудь.

— Я не обратил на это внимания,— сказал Лестрейд.

Холмс ткнул в уличный фонарь, горевший у нас над головой.

— Здесь этот человек мог видеть то, что он делает, а там не мог. Вот что привело его сюда.

— Вы правы, черт побери! — сказал сыщик.— Теперь я вспоминаю, что бюст, принадлежавший доктору Барникоту, был разбит неподалеку от его красной лампы. Но что нам делать с этим фактом, мистер Холмс?

— Запомните его. Впоследствии мы можем наткнуться на обстоятельства, которые заставят нас вернуться к нему. Какие шаги вы теперь собираетесь предпринять, Лестрейд.

— По-моему, сейчас полезнее всего заняться выяснением личности убитого. Это дело не слишком трудное. Когда мы будем знать, кто он таков и кто его товарищи, нам удастся выяснить, что он делал ночью на Питт-стрит, кого он здесь встретил и кто убил его на лестнице мистера Хорэса Харкера. Вы не согласны с этим?

— Согласен. Но я подошел бы к разрешению этой загадки совсем с другого конца.

— С какого?

— О, я не хочу влиять на вас. Вы поступайте по-своему, а я буду поступать по-своему. Впоследствии мы сравним результаты наших розысков и тем самым поможем друг другу.

— Отлично,— сказал Лестрейд.

— Вы сейчас возвращаетесь на Питт-стрит и, конечно, увидите мистера Хорэса Харкера. Так передайте ему, пожалуйста, от моего имени, что, по моему мнению, прошлой ночью его дом посетил кровожадный безумец, одержимый манией наполеононенавистничества. Это пригодится ему для статьи.

Лестрейд изумленно взглянул на Холмса:

— Неужели вы действительно так думаете?

Холмс улыбнулся:

— Так ли я думаю? Может быть, и не так. Но такая версия покажется очень любопытной мистеру Хорэсу Харкеру и подписчикам Центрального синдиката печати... Ну, Уотсон, нам сегодня предстоит хлопотливый день. Я буду счастлив, Лестрейд, если вы вечером, часов в шесть, зайдете к нам на Бейкер-стрит. А до тех пор я оставлю фотографию у себя.

Мы с Шерлоком Холмсом отправились пешком на Хай-стрит и зашли в лавку братьев Хардинг, где бюст был куплен. Молодой приказчик сообщил нам, что мистер Хардинг явится в лавку только к концу дня, а он сам не может дать нам никаких сведений, потому что служит здесь очень недавно. На лице Холмса появилось выражение разочарования и недовольства.

— Что же делать, Уотсон, невозможно рассчитывать на постоянную удачу,— сказал он наконец.— Придется зайти сюда к концу дня, раз до тех пор мистера Хардинга здесь не будет. Я, как вы, конечно, догадались, собираюсь проследить историю этих бюстов с самого начала, чтобы выяснить, не было ли при их возникновении каких-нибудь странных обстоятельств, заранее предопределивших их удивительную судьбу. Отправимся пока к мистеру Морзу Хэдсону на Кеннингтон-роуд и посмотрим, не прольет ли он хоть немного света на эту загадку.

Целый час ехали мы до лавки торговца картинами. Он

оказался маленьким толстым человеком с красным лицом и язвительным характером.

— Да, сэр. Разбил на моем прилавке, сэр,— сказал он.— Чего ради мы платим налоги, если любой негодяй может ворваться к нам и перепортить товар! Да, сэр, это я продал доктору Барникоту оба бюста. Стыд и позор, сэр! Анархистский заговор, вот что это такое, по моему мнению. Только анархист способен разбить статую. Откуда я достал эти бюсты? Не понимаю, какое это может иметь отношение к делу. Ну что ж, если вам действительно нужно знать, я скажу. Я приобрел их у Хелдера и компании, на Черчстрит, в Степни. Это хорошо известная фирма, существующая уже двадцать лет. Сколько я их купил? Три. Два да один равняются трем. Два я продал доктору Барникоту, а один был разбит среди белого дня на моем собственном прилавке. Знаю ли я человека, изображенного на этой фотографии? Нет, не знаю. Впрочем, знаю. Это Беппо, итальянец-ремесленник. Иногда исполняет у меня в лавке кое-какую работу. Может резать по дереву, золотить рамы, всего понемножку. Он ушел от меня неделю назад, и с тех пор я ничего о нем не слыхал. Нет, я не знаю, откуда он взялся. Где он сейчас, тоже не знаю. Я ничего против него не имею. Работал он неплохо. Он ушел за два дня до того, как у меня разбили бюст...

— Что ж, Морз Хэдсон дал нам больше сведений, чем мы могли ожидать,— сказал Холмс, когда мы вышли из лавки.— Итак, этот Беппо принимал участие и в тех событиях, которые произошли в Кенсингтоне. Ради такого факта не жаль проехать десять миль. А теперь, Уотсон, едем в Степни, к Хелдеру и компании, на родину бюстов. Не сомневаюсь, что там мы узнаем много любопытного.

Мы поспешно проехали через фешенебельный Лондон, через Лондон гостиниц, через театральный Лондон, через литературный Лондон, через коммерческий Лондон, через Лондон морской и, наконец, въехали в прибрежный район, застроенный доходными домами. Здесь кишмя кишела беднота, выброшенная сюда со всех концов Европы. Здесь, на широкой улице, мы нашли ту скульптурную мастерскую, которую разыскивали. Мастерская находилась в обширном дворе, наполненном могильными памятниками. Она представляла собой большую комнату, в которой помещалось человек пятьдесят рабочих, занятых резьбой и формовкой.

Рослый белокурый хозяин принял нас вежливо и дал ясные ответы на все вопросы Холмса. Записи в его книгах свидетельствовали, что с мраморной головы Наполеона работы Девина было отформовано множество копий, но те три бюста, которые около года назад он послал Морзу Хэдсону, составляли половину отдельной партии из шести штук. Другие три бюста из этой партии были проданы братьям Хардинг в Кенсингтоне. Нет, бюсты этой шестерки ничем не отличались от всех остальных. Нет, он не знает, по какой причине кому-нибудь может прийти в голову уничтожать эти бюсты, подобная мысль кажется ему просто смешной. Оптовая цена этих бюстов — шесть шиллингов, но в розничной продаже можно за них взять двенадцать и даже больше. Бюсты эти изготовляются так: отливают два гипсовых слепка с двух половинок лица и потом склеивают оба профиля вместе. Всю эту работу обычно выполняют итальянцы вот в этой самой комнате. Когда бюст готов, его ставят на стол в коридоре, чтобы он высох, а потом отправляют на склад. Больше ему нечего нам рассказать.

Но тут Холмс показал хозяину фотографический снимок, и этот снимок произвел на хозяина потрясающее впечатление. Лицо его вспыхнуло от гнева, брови нависли над голубыми тевтонскими глазами.

— А, негодяй! — закричал он.— Да, я хорошо его знаю. Моя мастерская пользуется всеобщим уважением, за все время ее существования в ней только один раз была полиция... по вине вот этого субъекта! Случилось это больше года назад. Он полоснул на улице ножом другого итальянца и, удирая от полиции, вбежал ко мне в мастерскую. Здесь он и был арестован. Его звали Беппо. Фамилии его я не знаю. Я был справедливо наказан за то, что взял на работу человека, у которого такое лицо. Впрочем, он был хороший работник, один из лучших.

— К чему его присудили?

— Тот, кого он ранил, остался в живых, и поэтому его присудили только к году тюремного заключения. Не сомневаюсь, что он уже на свободе, но сюда он не посмеет и носа показать. У меня работает его двоюродный брат. Пожалуй, он может сообщить вам, где Беппо.

— Нет, нет,— вскричал Холмс,— не говорите его брату ни слова... умоляю вас, ни одного слова! Дело это очень

серьезное. Чем больше я в него углубляюсь, тем серьезнее оно кажется мне. В вашей торговой книге помечено, что вы продали эти бюсты третьего июня прошлого года. А не можете ли вы мне сообщить, какого числа был арестован Беппо?

— Я могу установить это приблизительно по платежной ведомости,— ответил хозяин.— Да,— продолжал он, порывшись в своих бумагах,— последнее жалованье было ему выплачено двадцатого мая.

— Благодарю вас,— сказал Холмс.— Не буду больше отнимать у вас время и злоупотреблять вашим терпением.

Попросив его на прощание никому не рассказывать о разговоре с нами, мы вышли из мастерской и вернулись на запад.

Полдень давно миновал, когда нам наконец удалось наспех позавтракать в одном ресторане. У входа в ресторан продавались газеты, и на особом листке, сообщающем о последних известиях, было напечатано крупными буквами: «Преступление в Кенсингтоне. Сумасшедший убийца». Заглянув в газету, мы убедились, что мистеру Хорэсу Харкеру удалось-таки напечатать свою статью. Два столбца были заполнены сенсационным и пышным описанием событий, происшедших у него в доме. Холмс разложил газету на столике и читал, не отрываясь от еды. Раза два он фыркнул.

— Все в порядке, Уотсон,— сказал он.— Послушайте: «Приятно сознавать, что не может быть разных точек зрения на это событие, ибо мистер Лестрейд, один из самых опытных полицейских агентов, и мистер Шерлок Холмс, широко известный консультант и эксперт, сошлись на том, что цепь причудливых происшествий, окончившихся так трагически, свидетельствует о безумии, а не о преступлении. Рассказанные нами факты не могут быть объяснены ничем, кроме помешательства». Печать, Уотсон,— настоящее сокровище, если уметь ею пользоваться. А теперь, если вы уже поели, мы вернемся в Кенсингтон и послушаем, что нам расскажет владелец «Братьев Хардинг».

Основатель этого большого торгового дома оказался проворным, вертлявым человеком, очень подвижным и быстрым, сообразительным и болтливым.

— Да, сэр, я уже все знаю из вечерних газет. Мистер Хорэс Харкер — наш постоянный покупатель. Мы продали ему этот бюст несколько месяцев назад. Три таких бюста мы получили у Гельдера и компании в Степни. Они уже проданы. Кому? Я загляну в свою торговую книгу и отвечу вам. Да, вот тут все записано. Один бюст — мистеру Харкеру, другой — мистеру Джосайе Брауну, живущему в Чизике, на Лабурнум-вэли, в Лабурнум-лодж, а третий — мистеру Сэндфорду, живущему в Рединге, на Лауэр-Гровроуд.

Пока мистер Хардинг говорил, Холмс что-то записывал. Вид у него был чрезвычайно довольный. Однако он ничего не объяснил мне и только сказал, что нам нужно торопиться, потому что нас ждет Лестрейд. Действительно, когда мы приехали на Бейкер-стрит, сыщик уже ждал нас, нетерпеливо шагая по комнате. По его важному виду нетрудно было догадаться, что день прошел для него не бесплодно.

— Как дела, мистер Холмс? — спросил он.

— Нам пришлось как следует поработать, и поработали мы недаром,— сказал мой друг.— Мы посетили обоих лавочников и хозяина мастерской. Я проследил судьбу каждого бюста с самого начала.

— Судьбу каждого бюста! — воскликнул Лестрейд.— Ладно, ладно, мистер Холмс, у всякого свои методы, и я не собираюсь спорить с вами, но мне кажется, что я за день достиг большего, чем вы. Я установил личность убитого.

— Да что вы говорите!

— И определил причину преступления.

— Превосходно!

— У нас есть инспектор, специалист по части итальянских кварталов. А на шее убитого оказался католический крестик. Кроме того, смуглый оттенок его кожи невольно наводит на мысль, что он уроженец юга. Инспектор Хилл узнал его с первого взгляда. Его зовут Пьетро Венуччи, он родом из Неаполя, один из самых страшных головорезов Лондона. Как видите, все начинает проясняться. Его убийца тоже, вероятно, итальянец. Пьетро выслеживал его. Он носил в кармане его фотографию, чтобы по ошибке не зарезать кого-нибудь другого. Он выследил своего врага, видел, как тот вошел в дом, дождался, когда тот вышел, напал на него и в схватке получил смертельную рану... Что вы об этом думаете, мистер Шерлок Холмс?

Холмс с жаром пожал ему руки.

— Превосходно, Лестрейд, превосходно! — воскликнул он.— Но я не вполне понимаю, как вы объясните уничтожение бюстов.

— Опять бюсты! Вы никак не можете выкинуть эти бюсты из головы. В конце концов, история с этими бюстами — пустяки. Мелкая кража, за которую можно присудить самое большее к шести месяцам тюрьмы. Вот убийство — стоящее дело, и, как видите, я уже держу в своих руках все нити.

— Как же вы собираетесь поступить дальше?

— Очень просто. Я отправлюсь вместе с Хиллом в итальянский квартал, мы разыщем человека, изображенного на той фотографии, и я арестую его по обвинению в убийстве. Хотите пойти с нами?

— Едва ли. Пожалуй, нет. Мне кажется, мы добьемся успеха гораздо проще. Не могу ручаться, потому что это зависит... Словом, это зависит от одного обстоятельства, *которое не в нашей власти. Два шанса за успех и один против.* Итак, я надеюсь, что, если вы пойдете со мною сегодня ночью, мы арестуем его.

— В итальянском квартале?

— Нет. По-моему, гораздо вернее искать его в Чизике. Если вы, Лестрейд, сегодня ночью поедете со мной в Чизик, я обещаю вам завтра отправиться с вами в итальянский квартал. От этой отсрочки никакого вреда не будет. А теперь нужно немного поспать, потому что выходить раньше одиннадцати часов нет смысла, а вернуться нам удастся, вероятно, только утром. Пообедайте с нами, Лестрейд, и ложитесь на этот диван. А вы, Уотсон, позвоните и вызовите рассыльного. Мне необходимо немедленно отправить письмо.

Холмс провел вечер, роясь в кипах старых газет, которыми был завален один из наших чуланов. Когда он наконец вышел из чулана, в глазах его сияло торжество, но он ничего не сказал нам о результатах своих поисков. Я уже так изучил методы моего друга, что, даже не понимая его замысла целиком, догадывался, каким образом он рассчитывает захватить преступника. Этот странный преступник теперь попытается уничтожить два оставшихся бюста, один из которых находится, как я запомнил, в Чизике. Несомненно, цель нашего ночного похода — захватить его на месте преступления. Я не мог не восхищаться хитростью моего

друга, который нарочно сообщил вечерней газете совершенно ложные догадки, чтобы убедить преступника, что тот может действовать без всякого риска. И я не удивился, когда Холмс посоветовал мне захватить с собой револьвер. Он сам взял с собой свое любимое оружие — охотничий хлыст, в рукоять которого налит свинец.

В одиннадцать часов у наших дверей остановился экипаж. По Хаммерсмитскому мосту мы переехали на противоположный берег Темзы. Здесь кучер получил приказание подождать. Мы пошли пешком и вскоре вышли на пустынную дорогу, окруженную изящными домиками. Вокруг каждого домика был маленький сад. При свете уличного фонаря на воротах одного из них мы прочли надпись: «Вилла Лабурнум». Обитатели дома, вероятно, уже спали, так как весь дом был погружен во тьму, и только круглое оконце над входной дверью тускло сияло, бросая пятно света на садовую тропинку. Мы вошли в ворота и притаились в густой тени деревянного забора, отделяющего садик от дороги.

Впрочем, ожидание наше оказалось недолгим и окончилось самым неожиданным и странным образом. Внезапно, без всякого предупреждения, садовая калитка распахнулась, и гибкая темная фигурка, быстрая и подвижная, как обезьяна, помчалась по садовой тропинке. Мы видели, как она мелькнула в луче света, падавшем из окна, и исчезла в черной тени. Наступила долгая тишина, во время которой мы стояли затаив дыхание. Наконец слабый треск коснулся нашего слуха — это распахнулось окно. Потом снова наступила тишина. Преступник бродил по дому. Мы внезапно увидели, как вспыхнул в комнате свет его потайного фонаря. Того, что он искал, там, вероятно, не оказалось, потому что через минуту свет переместился в другую комнату.

— Идемте к открытому окну. Мы схватим его, когда он выпрыгнет,— прошептал Лестрейд.

Но преступник выпрыгнул из окна раньше, чем мы успели двинуться с места. Он остановился в луче света, держа под мышкой что-то белое, потом воровато оглянулся. Тишина пустынной улицы успокоила его. Повернувшись к нам спиной, он опустил свою ношу на землю, и через мгновение мы услышали сначала стук сильного удара, а затем постукивание и потрескивание. Он так погрузился

в свое занятие, что не расслышал наших крадущихся шагов. Холмс, как тигр, прыгнул ему на спину, а мы с Лестрейдом схватили его за руки и надели на него наручники. Когда он обернулся, я увидел безобразное бледное лицо, искаженное злобой, и убедился, что это действительно тот человек, которого я видел на фотографии.

Но не на пленника устремил Холмс все свое внимание. Он самым тщательным образом исследовал то, что наш пленник вынес из дома. Это был разбитый вдребезги бюст Наполеона, совершенно такой же, как тот, что мы видели сегодня поутру. Холмс поочередно подносил к свету каждый осколок, не пропустив ни одного, но все они нисколько не отличались от любых других обломков гипса. Едва он успел закончить свое исследование, как дверь отворилась и перед нами предстал хозяин дома — добродушный полный мужчина в рубашке и брюках.

— Мистер Джосайа Браун, если не ошибаюсь? — сказал Холмс.

— Да, сэр. А вы, без сомнения, мистер Шерлок Холмс? Посыльный принес мне вашу записку, и я поступил так, как вы мне посоветовали. Мы закрыли все двери и ждали, что произойдет. Рад видеть, что негодяй не ушел от вас. Пожалуйте, джентльмены, в дом, выпейте на дорогу.

Но Лестрейду хотелось поскорее доставить пленника в надежное убежище, и через несколько минут наш кэб уже вез нас четверых в Лондон. Пленник не произнес ни слова; он злобно глядел на нас из-под шапки курчавых волос.

В полицейском участке его тщательно обыскали, но не нашли ничего, кроме нескольких шиллингов и длинного кинжала, на рукояти которого были обнаружены следы крови.

— Все в порядке,— сказал Лестрейд, прощаясь с нами.— Хилл знает этих людей и без труда установит его личность. Увидите, моя версия подтвердится полностью. Однако я очень благодарен вам, мистер Холмс, за то, что вы с таким мастерством устроили преступнику ловушку. Я до сих пор не совсем понимаю, как вам пришло это в голову.

— Боюсь, в такой поздний час не стоит заниматься разъяснениями,— сказал Холмс.— Кроме того, некоторые подробности еще не вполне установлены, а это дело — одно

из тех, которые необходимо доводить до конца. Если вы заглянете ко мне завтра в шесть, я докажу вам, что даже сейчас мы еще не вполне понимаем подлинное значение этого своеобразного дела.

Посетив нас на следующий вечер, Лестрейд сообщил нам все, что удалось установить о личности арестованного. Фамилия его неизвестна, а зовут его Беппо. Это самый отчаянный головорез во всем итальянском квартале. Когда-то он был искусным скульптором, но потом сбился с пути и дважды побывал в тюрьме: один раз — за мелкое воровство, другой раз — за нанесение раны своему земляку. По-английски говорит он превосходно. До сих пор не выяснено, ради чего он разбивал бюсты, и он упорно отказывается отвечать на вопросы об этом. Но полиции удалось установить, что он сам умеет изготовлять бюсты и что он изготовлял их, работая в мастерской Гельдера и компании.

Все эти сведения, бóльшая часть которых была нам уже известна, Холмс выслушал с вежливым вниманием, но я, знающий его хорошо, заметил, что мысли его заняты чем-то другим, и сквозь маску, которую он надел на себя, ясно увидел, что он чего-то ждет и о чем-то тревожится. Наконец он вскочил со стула, глаза у него заблестели. Раздался звонок. Через минуту мы услышали шаги, и в комнату вошел пожилой краснолицый человек с седыми бакенбардами. В правой руке он держал старомодный чемоданчик. Войдя, он поставил его на стол.

— Можно видеть мистера Шерлока Холмса?

Мой друг поклонился, и на лице его показалась улыбка.

— Мистер Сэндфорд из Рединга, если не ошибаюсь?— сказал он.

— Да, сэр. Я, кажется, немного запоздал, но расписание поездов составлено так неудобно... Вы писали мне об имеющемся у меня бюсте.

— Совершенно верно.

— Я захватил с собой ваше письмо. Вы пишете: «Желая приобрести слепок с бюста Наполеона работы Девина, я готов заплатить десять фунтов за тот слепок, который принадлежит вам». Так ли это?

— Именно так.

— Ваше письмо меня очень удивило, потому что я не

мог догадаться, каким образом вы узнали, что у меня есть этот бюст.

— А между тем все это объясняется очень просто. Мистер Хардинг, владелец торгового дома «Братья Хардинг», сказал мне, что продал вам последнюю копию этого бюста, и сообщил мне ваш адрес.

— Понимаю. А он сказал вам, сколько я заплатил ему за этот бюст?

— Нет, не говорил.

— Я человек честный, хотя и не слишком богатый. Я заплатил за этот бюст только пятнадцать шиллингов, и я хочу поставить вас об этом в известность, прежде чем получу от вас десять фунтов.

— Такая щепетильность делает вам честь, мистер Сэндфорд. Но я сам назвал эту цену и не намерен от нее отказываться.

— Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Я, согласно вашей просьбе, захватил бюст с собой. Вот он.

Он раскрыл чемодан, и наконец мы увидели у себя на столе в совершенно исправном состоянии тот бюст, который до сих пор нам удавалось видеть только в осколках.

Холмс вынул из кармана листок бумаги и положил на стол десятифунтовый кредитный билет.

— Будьте любезны, мистер Сэндфорд, подпишите эту бумагу в присутствии вот этих свидетелей. Здесь сказано, что вы уступаете мне все права, вытекающие из владения этим бюстом. Я, как видите, человек предусмотрительный. Никогда нельзя знать заранее, как впоследствии обернутся обстоятельства... Благодарю вас, мистер Сэндфорд. Вот ваши деньги. Желаю вам всего хорошего.

Когда наш посетитель удалился, Шерлок Холмс снова удивил нас. Он начал с того, что достал из комода чистую белую скатерть и накрыл ею стол. Потом он поставил только что купленный бюст на самую середину скатерти. Затем он поднял свой охотничий хлыст и тяжелой его рукоятью стукнул Наполеона по макушке. Бюст разлетелся на куски, и Холмс самым тщательным образом оглядел каждый кусок. Наконец с победным криком он протянул нам осколок, в котором находилось что-то круглое, темное, похожее на изюминку, запеченную в пудинге.

— Джентльмены! — воскликнул он.— Разрешите представить вам знаменитую черную жемчужину Борджиев! [1]

Мы с Лестрейдом молчали; затем, охваченные внезапным порывом, начали аплодировать, как аплодируют в театре удачной развязке драмы. Бледные щеки Холмса порозовели, и он поклонился нам, как кланяется драматург, вызванный на сцену рукоплесканиями зрителей.

— Да, джентльмены,— сказал он,— это самая знаменитая жемчужина во всем мире, и, к счастью, мне путем размышлений удалось проследить ее судьбу от спальни князя Колонны в гостинице «Дакр», где она пропала, до внутренностей последнего из шести бюстов Наполеона, изготовленных в мастерской Хелдера и компании, в Степни.

Вы, конечно, помните, Лестрейд, сенсационное исчезновение этого драгоценного камня и безуспешные попытки лондонской полиции найти его. Полиция обращалась за помощью даже ко мне, но и я был бессилен помочь. Подозрения пали на горничную княгини, родом итальянку. Всем было известно, что у этой горничной есть в Лондоне брат, но никаких связей между ними установить не удалось. Горничную звали Лукреция Венуччи, и я не сомневаюсь, что Пьетро, которого убили двое суток назад, был ее братом. Я просмотрел старые газеты и обнаружил, что исчезновение жемчужины произошло за два дня до ареста Беппо. А Беппо был арестован в мастерской Хелдера и компании как раз в то время, когда там изготовлялись эти бюсты.

Теперь вам ясна последовательность событий. Жемчужина была у Беппо. Возможно, он украл ее у Пьетро; возможно, он был сам соучастником Пьетро; возможно, он был посредником между Пьетро и его сестрой. В сущности, для нас не важно, которое из этих предположений правильное. Для нас важно, что жемчужина у него была как раз в то время, когда за ним погналась полиция.

Он вбежал в мастерскую, где работал. Он знал, что у него есть всего несколько минут для того, чтобы спрятать необычайной ценности добычу, которую непременно най-

[1] Борджиа — богатый и знатный род, игравший видную роль в истории Италии XV века.

дут, если станут его обыскивать. Шесть гипсовых бюстов Наполеона сохли в коридоре. Один из них был еще совсем мягкий. Беппо, искусный работник, мгновенно проделал отверстие во влажном гипсе, сунул туда жемчужину и несколькими мазками придал бюсту прежний вид. Это было превосходное хранилище: найти там жемчужину невозможно. Но Беппо приговорили к году тюремного заключения, а тем временем все шесть бюстов были проданы в разные концы Лондона. Он не мог знать, в котором из них находится его сокровище. Только разбив все бюсты, он мог найти жемчужину.

Однако Беппо не отчаивался. Он принялся за поиски вдохновенно и последовательно. С помощью двоюродного брата, работавшего у Хелдера, он узнал, каким фирмам были проданы эти бюсты. Ему посчастливилось получить работу у Морза Хэдсона, и он выследил три бюста. В этих трех жемчужины не оказалось. С помощью своих сородичей он разведал, кому были проданы остальные три бюста. Первый из них находился у Харкера. Тут Беппо был выслежен своим сообщником, который считал его виновником пропажи жемчужины, и между ними произошла схватка.

— Если Пьетро был его сообщником, для чего он таскал с собой его фотографию? — спросил я.

— Чтобы можно было расспрашивать о нем у посторонних, это наиболее вероятное предположение. Словом, я пришел к убеждению, что после убийства Беппо не только не отложит, а, напротив, ускорит свои поиски. Он постарается опередить полицию, боясь, как бы она не разнюхала его тайну. Конечно, я не мог утверждать, что он не нашел жемчужины в бюсте, принадлежавшем Харкеру. Я даже не знал наверняка, что это именно жемчужина, но для меня было ясно, что он что-то ищет, так как он разбивал похищенные бюсты только в тех местах, где был свет. Бюст у Харкера был один из трех, и, следовательно, шансы были распределены именно так, как я говорил вам: один шанс «против» и два — «за». Оставались два бюста, и было ясно, что он начнет с того, который находится в Лондоне. Я предупредил обитателей дома, чтобы избежать второй трагедии, и мы достигли блестящих результатов. К этому времени я уже твердо знал, что мы охотимся за жемчужиной Борджиев. Имя убитого связало все факты воедино. Оставался всего один бюст — тот, который находился в Рединге,— и жемчужина могла быть только в нем. Я купил этот бюст в вашем присутствии. И вот жемчужина.

Мы несколько мгновений молчали.

— Да,— сказал Лестрейд,— много раз убеждался я в ваших необычайных способностях, мистер Холмс, но такого мастерства мне еще встречать не приходилось.

— Спасибо! — сказал Холмс.— Спасибо!

Второе пятно

Я думал, что больше мне не придется писать о славных подвигах моего друга Шерлока Холмса. Не то чтобы у меня не было материалов. Напротив, я храню записи о сотнях случаев, никогда еще не упоминавшихся мною. Точно так же нельзя сказать, чтобы у читателей пропал интерес к своеобразной личности и необычным приемам работы этого замечательного человека. Настоящая причина заключалась лишь в том, что Шерлок Холмс ни за что не хотел, чтобы в печати продолжали появляться рассказы о его приключениях. Пока он не отошел от дел, отчеты о его успехах представляли для него практический интерес; когда же он окончательно покинул Лондон и посвятил себя изучению

и разведению пчел на холмах Суссекса, известность стала ему ненавистна, и он настоятельно потребовал, чтобы его оставили в покое. Только после того, как я напомнил ему, что я дал обещание напечатать в свое время этот рассказ, «Второе пятно», и убедил его, что было бы очень уместно завершить весь цикл рассказов столь важным эпизодом из области международной политики — одним из самых ответственных, какими Холмсу приходилось когда-либо заниматься,— я получил от него согласие на опубликование этого дела, так строго хранимого в тайне. Если некоторые детали моего рассказа и покажутся туманными, читатели легко поймут, что для моей сдержанности есть достаточно веская причина.

Однажды осенью, во вторник утром (год и даже десятилетие не могут быть указаны), в нашей скромной квартире на Бейкер-стрит появились два человека, пользующиеся европейской известностью. Один из них, строгий, надменный, с орлиным профилем и властным взглядом, был не кто иной, как знаменитый лорд Беллинджер, дважды занимавший пост премьер-министра Великобритании. Второй, элегантный брюнет с правильными чертами лица, еще не достигший среднего возраста и одаренный не только красотой, но и тонким умом, был Трелони Хоуп, пэр Англии [1] и министр по европейским делам, самый многообещающий государственный деятель нашей страны.

Посетители сели рядом на заваленный бумагами диван. По взволнованным и утомленным лицам легко было догадаться, что их привело сюда спешное и чрезвычайно важное дело. Худые, с просвечивающими венами руки премьера судорожно сжимали костяную ручку зонтика. Он мрачно и настороженно смотрел то на Холмса, то на меня.

Министр по европейским делам нервно теребил усы и перебирал брелоки на цепочке часов.

— Как только я обнаружил пропажу, мистер Холмс,— а это произошло сегодня в восемь часов утра,— я немедленно известил премьер-министра, и он предложил, чтобы мы оба пришли к вам,— сказал он.

---

[1] Пэр Англии — звание, которое дается только представителям высшего слоя английской аристократии.

— Вы известили полицию?

— Нет, сэр! — сказал премьер-министр со свойственными ему быстротой и решительностью.— Не известили и никогда не стали бы извещать. Известить полицию — значит предать дело гласности. А этого-то мы прежде всего и хотим избежать.

— Но почему же, сэр?

— Документ, о котором идет речь, настолько важен, что оглашение его может легко привести, и, пожалуй, в настоящий момент непременно приведет, к международному конфликту. Могу без преувеличения сказать, что вопросы мира и войны зависят от этого документа. Если розыски его не могут проходить в совершенной тайне, лучше совсем отказаться от них, так как этот документ похитили именно для того, чтобы предать его широкой огласке.

— Понимаю. А теперь, мистер Трелони Хоуп, я буду вам весьма признателен, если вы расскажете мне подробно, при каких обстоятельствах исчез этот документ.

— Я вам изложу все в нескольких словах, мистер Холмс... Этот документ — письмо от одного иностранного монарха — был получен шесть дней назад. Письмо имеет такое большое значение, что я не решался оставлять его в сейфе министерства и каждый вечер уносил с собой домой, на Уайтхолл-террас, где хранил его в спальне, в закрытой на ключ шкатулке для официальных бумаг. Оно находилось там и вчера вечером, я уверен в этом. Когда я одевался к обеду, я еще раз открыл шкатулку и убедился, что документ на месте. А сегодня утром письмо исчезло. Шкатулка стояла около зеркала на моем туалетном столе всю ночь. Сплю я чутко, моя жена тоже. Мы оба готовы поклясться, что никто ночью не входил в комнату.

— В котором часу вы обедали?

— В половине восьмого.

— Когда вы легли спать?

— Моя жена была в театре. Я ждал ее. Мы ушли в спальню около половины двенадцатого.

— Значит, в течение четырех часов шкатулка никем не охранялась?

— В спальню входить не позволено никому, кроме горничной — по утрам и моего камердинера или камеристки моей жены — в течение остальной части дня. Но эти двое — верные слуги и давно живут у нас в доме. Кроме того,

ни один из них не мог знать, что в шкатулке хранится нечто более ценное, чем простые служебные бумаги.

— Кто знал о существовании этого письма?

— В моем доме — никто.

— Но ваша жена, конечно, знала?

— Нет, сэр. Я ничего не говорил моей жене до сегодняшнего утра, пока не обнаружил пропажу письма.

Премьер одобрительно кивнул головой.

— Я всегда знал, как велико ваше чувство долга, сэр,— сказал он.— Не сомневаюсь, что в столь важном и секретном деле оно оказалось бы сильнее даже самых тесных семейных уз.

Министр по европейским делам поклонился.

— Совершенно справедливо, сэр. До сегодняшнего утра я ни одним словом не обмолвился жене об этом письме.

— Могла ли она догадаться сама?

— Нет, мистер Холмс, она не могла догадаться, да и никто не мог бы.

— А прежде у вас пропадали документы?

— Нет, сэр.

— Кто здесь в Англии знал о существовании этого письма?

— Вчера о письме были извещены все члены кабинета. Но требование хранить тайну, которое сопровождает каждое заседание кабинета, на этот раз было подкреплено торжественным предупреждением со стороны премьер-министра. Боже мой, и подумать только, что через несколько часов я сам потерял его!

Отчаяние исказило красивое лицо Трелони Хоупа. Он схватился за голову. На мгновение перед нами открылись подлинные чувства человека порывистого, горячего и остро впечатлительного.

Но тут же маска высокомерия снова появилась на его лице, и уже спокойным голосом он продолжал:

— Кроме членов кабинета, о существовании письма знают еще два, возможно, три чиновника департамента, и больше никто во всей Англии, уверяю вас, мистер Холмс.

— А за границей?

— За границей, я уверен, не видел этого письма никто, кроме того, кто его написал. Я твердо убежден, что даже его министры... то есть я хотел сказать, что при отправлении оно миновало обычные официальные каналы.

Холмс на некоторое время задумался, затем сказал:

— А теперь, сэр, я должен получить более точное представление, что это за документ и почему его исчезновение повлечет за собой столь серьезные последствия.

Два государственных деятеля обменялись быстрым взглядом, и премьер нахмурил густые брови:

— Мистер Холмс, письмо было в длинном, узком голубом конверте. На красной сургучной печати изображен приготовившийся к нападению лев. Адрес написан крупным твердым почерком...

— Эти подробности,— прервал его Холмс,— конечно, очень интересны и существенны, но мне надо знать содержание письма. О чем говорилось в нем?

— Это строжайшая государственная тайна, и боюсь, что я не могу ответить вам, тем более что не вижу в этом необходимости. Если с помощью ваших необычайных, как говорят, способностей вам удастся найти соответствующий моему описанию конверт вместе с его содержимым, вы заслужите благодарность своей страны и получите любое вознаграждение, которое будет в наших возможностях.

Шерлок Холмс, улыбаясь, встал.

— Я понимаю, конечно, что вы принадлежите к числу самых занятых людей Англии,— сказал он,— но и моя скромная профессия отнимает у меня много времени. Очень сожалею, что не могу быть вам полезным в этом деле, и считаю дальнейшее продолжение нашего разговора бесполезной тратой времени.

Премьер-министр вскочил. В его глубоко сидящих глазах сверкнул тот недобрый огонь, который нередко заставлял съеживаться от страха сердца членов кабинета.

— Я не привык, сэр...— начал он, но овладел собой и снова занял свое место.

Минуту или более мы сидели молча. Затем старый государственный деятель пожал плечами:

— Мы вынуждены принять ваши условия, мистер Холмс. Вы безусловно правы, и с нашей стороны неразумно ожидать от вас помощи, пока мы не доверимся вам полностью.

— Я согласен с вами, сэр,— сказал молодой дипломат.

— Хорошо, я расскажу вам все, но полагаюсь целиком на вашу скромность и на скромность вашего коллеги, доктора Уотсона. Я взываю к вашему патриотизму, джентльмены, ибо не могу представить себе большего несчастья для нашей страны, чем разглашение этой тайны.

— Вы можете вполне довериться нам.

— Так вот, это письмо одного иностранного монарха; он обеспокоен недавним расширением колоний нашей страны. Оно было написано в минуту раздражения и лежит целиком на его личной ответственности. Наведение справок показало, что его министры ничего не знают об этом письме. К тому же тон письма довольно резкий, и некоторые фразы носят столь вызывающий характер, что его опубликование несомненно взволновало бы общественное мнение Англии. И даже более, сэр: могу сказать не колеблясь, что через неделю после опубликования письма наша страна будет вовлечена в большую войну.

Холмс написал имя на листке бумаги и показал его премьер-министру.

— Совершенно верно, это он. И именно это письмо, которое, возможно, повлечет за собой миллионные расходы и гибель сотен тысяч людей, исчезло таким загадочным образом.

— Вы известили автора письма?

— Да, сэр, была отправлена шифрованная телеграмма.

— Но, может быть, он и рассчитывал на опубликование письма?

— Нет, сэр! У нас есть все основания полагать, что он уже понял неосторожность и опрометчивость своего поступка. Опубликование письма было бы для него и для его страны еще большим ударом, чем для нас.

— Если так, то в чьих же интересах раскрыть содержание этого письма? Для чего кому-то понадобилось украсть его?

— Тут, мистер Холмс, вы заставляете меня коснуться области высокой международной политики. Если вы примете во внимание ситуацию в Европе, вам будет нетрудно понять мотив преступления. Европа представляет собой вооруженный лагерь. Существуют два союза, имеющие равную военную силу. Великобритания держит нейтралитет. Если бы мы были вовлечены в войну с одним союзом, это обеспечило бы превосходство другого, даже независимо от того, участвовал бы он в ней или нет. Вы понимаете?

— Все совершенно ясно. Итак, в краже и разглашении

письма заинтересованы враги этого монарха, стремящиеся посеять раздор между его страной и нами?

— Да, сэр.

— А кому могли переслать этот документ, если бы он попал в руки врага?

— Любому из европейских правительств. Весьма возможно, что в настоящий момент оно несется по назначению с такой скоростью, какую только способен развить пароход.

Мистер Трелони Хоуп опустил голову на грудь и тяжело вздохнул. Премьер ласково положил руку ему на плечо:

— С вами случилось несчастье, мой дорогой друг. Никто не решится обвинить вас — вы приняли все меры предосторожности... Теперь, мистер Холмс, вам известно все. Что вы посоветуете предпринять?

Холмс печально покачал головой:

— Вы полагаете, сэр, что война неизбежна, если этот документ не будет возвращен?

— Думаю, что она вполне возможна.

— Тогда, сэр, готовьтесь к войне.

— Это жестокие слова, мистер Холмс!

— Примите во внимание факты, сэр. Я не допускаю, что письмо было похищено после половины двенадцатого ночи, так как с этого часа и до момента, когда обнаружена пропажа, мистер Хоуп и его жена находились в спальне. Значит, оно было похищено вчера вечером, между половиной восьмого и половиной двенадцатого — вероятно, ближе к половине восьмого, потому что вор знал, где оно лежит, и, конечно, постарался завладеть им как можно раньше. А теперь, сэр, если такой важный документ похищен еще вчера, то где он может быть сейчас? У вора нет никаких причин хранить его. Скорее всего, его уже передали заинтересованному лицу. Какие же у нас теперь шансы перехватить его или даже напасть на его след? Оно для нас недосягаемо.

Премьер-министр поднялся с дивана:

— Вы рассуждаете совершенно логично, мистер Холмс. Я вижу, что тут действительно ничего нельзя сделать.

— Допустим, например, что документ был похищен горничной или лакеем...

— Они оба — старые и верные слуги.

— Насколько я понял, спальня находится на втором этаже и не имеет отдельного хода с улицы, а из передней в нее нельзя подняться незамеченным. Значит, письмо похитил кто-то из домашних. Кому вор мог передать его? Одному из международных шпионов и секретных агентов, имена которых мне хорошо известны. Есть три человека, которые, можно сказать, возглавляют эту компанию. Я начну с того, что узнаю, чем занят сейчас каждый из них. Если кто-нибудь из них уехал, в особенности же если он уехал вчера вечером, мы будем знать, куда делся этот документ.

— А зачем ему уезжать? — спросил министр по европейским делам.— Он мог бы с таким же успехом отнести письмо в посольство здесь же в Лондоне.

— Не думаю. Эти агенты работают совершенно самостоятельно и часто находятся в довольно натянутых отношениях с посольствами.

Премьер-министр кивком головы подтвердил это:

— Полагаю, что вы правы, мистер Холмс. Он собственноручно доставит такой ценный подарок к месту назначения. Ваш план действий мне кажется абсолютно верным. Однако, Хоуп, нам не следует из-за этого несчастья забывать о прочих наших обязанностях. Если в течение дня произойдут новые события, мы сообщим вам, мистер Холмс, и вы, разумеется, информируете нас о результатах ваших собственных расследований.

Министры поклонились и с видом, полным достоинства, вышли из комнаты.

Когда наши высокопоставленные гости ушли, Холмс молча закурил трубку и на некоторое время погрузился в глубокую задумчивость. Я развернул утреннюю газету и начал читать о сенсационном преступлении, которое было совершено в Лондоне накануне вечером, как вдруг мой приятель громко вскрикнул, вскочил на ноги и положил трубку на камин.

— Да,— сказал он, — лучшего пути нет. Положение отчаянное, но не безнадежное. Сейчас необходимо хотя бы узнать, кто этот похититель,— ведь, возможно, письмо еще не ушло из его рук. В конце концов, этих людей интересуют только деньги, а к моим услугам — казначейство Британии. Если письмо продается, я куплю его... даже если правительству придется увеличить на пенни подо-

ходный налог. Возможно, этот человек все еще держит его при себе: надо же ему узнать, какую цену предложат здесь, прежде чем попытать свое счастье за границей! Есть только три человека, способные на такую смелую игру: это Оберштейн, Ля Ротьер и Эдуард Лукас. Я повидаюсь со всеми.

Я заглянул в утреннюю газету:

— Эдуард Лукас с Годолфин-стрит?

— Да.

— Вы не можете повидаться с ним.

— Почему?

— Вчера вечером он был убит в своем доме.

Мой друг так часто удивлял меня во время наших приключений, что я испытал чувство торжества, увидев, как поразило его мое сообщение. Он в изумлении уставился на меня, затем выхватил из моих рук газету. Вот та заметка, которую я читал в ту минуту, когда Холмс встал со своего кресла:

УБИЙСТВО В ВЕСТМИНСТЕРЕ

Вчера вечером в доме № 16 на Годолфин-стрит совершено таинственное преступление. Годолфин-стрит — одна из тех старинных тихих улиц, которые тянутся между рекою и Вестминстерским аббатством, почти под сенью большой башни здания парламента. Большинство ее домов построено еще в XVIII веке. В одном из этих домов, в маленьком, но изысканном особняке, несколько лет подряд проживал мистер Эдуард Лукас, хорошо известный в обществе как обаятельный человек, один из лучших теноров-любителей Англии. Мистер Лукас был холост; ему было тридцать четыре года; его прислуга состояла из пожилой экономки миссис Прингл и лакея Миттона. Экономка обычно по вечерам не работала; она рано поднималась к себе в комнату, расположенную в верхнем этаже дома. Лакей в этот вечер отправился навестить приятеля в Хаммерсмите.

С десяти часов мистер Лукас оставался в квартире один. Пока еще не выяснено, что произошло за это время, но без четверти двенадцать констебль Бэррет, проходя по Годолфин-стрит, заметил, что дверь дома № 16 приоткрыта. Он постучал, но не получил ответа. Увидев в первой комнате свет, он вошел в коридор и снова постучал, но и на этот раз ему не ответили. Тогда он отворил дверь и вошел.

В комнате царил страшный беспорядок: вся мебель была сдвинута в сторону, посередине валялся опрокинутый стул. Около этого стула,

все еще сжимая рукой его ножку, лежал несчастный владелец дома. Он был убит ударом ножа прямо в сердце, причем смерть, вероятно, наступила мгновенно. Нож, которым было совершено убийство, оказался кривым индийским кинжалом, взятым из коллекции восточного оружия, украшавшего одну из стен комнаты. Убийство, по-видимому, было совершено не с целью грабежа, ибо ценные вещи, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Мистер Эдуард Лукас был настолько известен и любим всеми, что сообщение о его насильственной и загадочной смерти встречено искренней скорбью его многочисленных друзей.

— Ну, Уотсон, что вы думаете об этом? — спросил Холмс после долгого молчания.

— Удивительное совпадение!

— Совпадение? Один из трех людей, которых мы считали возможными участниками этой драмы, умирает насильственной смертью в тот самый час, когда разыгрывается драма. Какое же это совпадение! Нет, нет, мой дорогой Уотсон, эти два события связаны между собой, несомненно, связаны. И наша задача — отыскать эту связь.

— Но теперь полиция все узнает.

— Вовсе нет. Они знают только то, что видят на Годолфин-стрит. Они не знают и ничего не узнают об Уайтхолл-террас. Только нам известны оба случая, и только мы можем сопоставить их. Есть одно явное обстоятельство, которое в любом случае возбудило бы мои подозрения против Лукаса. Годолфин-стрит в Вестминстере находится в нескольких шагах ходьбы от Уайтхолл-террас. Другие тайные агенты, о которых я говорил, живут в дальнем конце Вест-Энда. Поэтому, естественно, Лукасу было гораздо проще, чем остальным, установить связь и получить сведения из дома министра по европейским делам. Это незначительное обстоятельство, но если учесть, что события развертывались с такой быстротой, оно может оказаться существенным. Ага! Есть какие-то новости!

Появилась миссис Хадсон, неся на подносе дамскую визитную карточку. Холмс взглянул на нее, поднял брови и передал мне.

— Попросите леди Хильду Трелони Хоуп пожаловать сюда,— сказал он.

Спустя мгновение нашей скромной квартире была вторично оказана честь, на этот раз посещением самой очаро-

вательной женщины в Лондоне. Я часто слышал о красоте младшей дочери герцога Белминстера, но ни одно описание ее, ни одна фотография не могли передать удивительное, мягкое обаяние и прелестные краски ее тонкого лица. Однако в то осеннее утро не красота ее бросилась нам в глаза при первом взгляде. Лицо ее было прекрасно, но бледно от волнения; глаза блестели, но блеск их казался лихорадочным; выразительный рот был крепко сжат — она пыталась овладеть собой. Страх, а не красота — вот что поразило нас, когда наша очаровательная гостья появилась в раскрытых дверях.

— Был у вас мой муж, мистер Холмс?

— Да, миледи, был.

— Мистер Холмс, умоляю вас, не говорите ему, что я приходила сюда!

Холмс холодно поклонился и предложил даме сесть.

— Ваша светлость ставит меня в весьма щекотливое положение. Прошу вас сесть и рассказать, что вам угодно. Но, к сожалению, никаких безусловных обещаний заранее дать я не могу.

Она прошла через всю комнату и села спиной к окну. Это была настоящая королева — высокая, грациозная и очень женственная.

— Мистер Холмс,— начала она, и, пока она говорила, ее руки в белых перчатках беспрестанно сжимались и разжимались,— я буду с вами откровенна и надеюсь, что это заставит вас быть откровенным со мною. Между моим мужем и мною нет тайн ни в чем, кроме одного: это политика. Здесь он молчит, он не рассказывает мне ничего. Однако я узнала, что вчера вечером у нас в доме случилось нечто весьма неприятное. Мне известно, что пропал какой-то документ. Но поскольку здесь затронута политика, мой муж отказывается посвятить меня в это дело. А ведь очень важно... поверьте, очень важно... чтобы я знала об этом все. Кроме членов правительства, вы — единственный человек, кто знает правду. Умоляю вас, мистер Холмс, объясните мне, что произошло и каковы могут быть последствия! Расскажите мне все, мистер Холмс. Пусть интересы вашего клиента не заставят вас молчать. Уверяю вас, я действую в его интересах, и если бы он только понимал это, то, вероятно, полностью доверился бы мне. Что это была за бумага, которую похитили?

— Миледи, вы требуете от меня невозможного.

Она глубоко вздохнула и закрыла лицо руками.

— Вы должны меня понять, миледи. Если ваш муж находит, что вам лучше оставаться в неведении относительно данного дела, как могу я, с которого взяли слово хранить эту тайну, открыть вам то, что он желал бы скрыть? Вы даже не имеете права спрашивать меня — вы должны спросить мужа.

— Я спрашивала его. Я пришла к вам, пытаясь использовать последнюю возможность. Но если даже вы не хотите сказать ничего определенного, вы крайне обяжете меня, ответив на один вопрос.

— Какой, миледи?

— Может ли из-за этого случая пострадать политическая карьера моего мужа?

— Видите ли, миледи, если дело не будет улажено, оно может, конечно, иметь весьма прискорбные последствия.

— О!

Она глубоко вздохнула, как человек, сомнения которого разрешились.

— Еще один вопрос, мистер Холмс. Из слов моего мужа, оброненных им тотчас же после случившегося несчастья, я поняла, что пропажа письма может привести к тяжелым последствиям для всей страны.

— Если он так сказал, я, конечно, не стану отрицать этого.

— Но каковы могут быть эти последствия?

— Ах, миледи, вы снова задаете мне вопрос, на который я не вправе ответить!

— Если так, я больше не буду отнимать у вас время. Не могу упрекать вас, мистер Холмс, за то, что вы отказались быть откровенным со мной, и, надеюсь, вы не подумаете обо мне дурно, потому что я искренне желаю разделить заботы моего мужа даже против его воли. Еще раз прошу вас: ничего не говорите ему о моем посещении.

На пороге она оглянулась, и я опять увидел красивое, взволнованное лицо, испуганные глаза и крепко сжатый рот. Затем она исчезла.

— Ну, Уотсон, прекрасный пол — это уж по вашей части,— улыбаясь, сказал Холмс, когда парадная дверь захлопнулась и больше не было слышно шуршания юбок.—

Какую игру ведет эта красивая дама? Что ей на самом деле нужно?

— Но ведь она все очень ясно объяснила, а беспокойство ее вполне естественно...

— Хм! Вспомните ее выражение лица, едва сдерживаемую тревогу, ее беспокойство, настойчивость, с которой она задавала вопросы. Не забудьте, что она принадлежит к касте, которая умеет скрывать свои чувства.

— Да, она была очень взволнована.

— Вспомните также, как горячо она старалась убедить нас, что действует только в интересах своего мужа и для этого должна знать всё. Что она хотела этим сказать? И вы, наверно, заметили, Уотсон, что она постаралась сесть спиной к свету. Она не хотела, чтобы мы видели ее лицо.

— Да, она выбрала именно это место.

— Женщин вообще трудно понять. Вы помните одну, в Маргейте, которую я заподозрил на том же основании. А потом оказалось, что причиной ее волнения было лишь отсутствие пудры на носу. Как можно строить предположения на таком неверном материале? За самым обычным поведением женщины может крыться очень многое, а ее замешательство иногда зависит от шпильки или щипцов для завивки волос... До свидания, Уотсон.

— Вы уходите?

— Да, я проведу утро на Годолфин-стрит с нашими друзьями из полиции. Решение нашей проблемы — в убийстве Эдуарда Лукаса, хотя, признаюсь, не могу даже представить, какую форму оно примет. Создавать же версию, не имея фактов, большая ошибка. Будьте на страже, мой дорогой Уотсон, и принимайте вместо меня посетителей. А я вернусь к завтраку, если удастся.

Весь этот день и два следующих Холмс был упорно молчалив, как сказали бы его друзья, и мрачен, как сказали бы все остальные. Он то приходил, то уходил, беспрерывно курил, играл на скрипке обрывки каких-то мелодий, часто задумывался, питался одними бутербродами в неурочное время и неохотно отвечал на вопросы, которые я время от времени задавал ему. Я понимал, что поиски его пока не дали никаких результатов. Он ничего не рассказывал мне об этом деле, и только из газет я узнал о ходе следствия, об аресте и быстром освобождении Джона Миттона, лакея покойного.

Следствие установило факт «предумышленного убийства», но убийца не был найден. Не удалось истолковать и мотивы преступления. В комнате находилось много ценных вещей, но ничто не было взято. Бумаги покойного остались нетронутыми. Их тщательно рассмотрели и установили, что покойный ревностно изучал международную политику, неутомимо собирал всякие слухи и сплетни, был выдающимся лингвистом и вел огромную переписку. Он был близко знаком с видными политическими деятелями нескольких стран. Но среди документов, заполнявших ящики его стола, не нашли ничего сенсационного. Что касается его отношений с женщинами, то они, по-видимому, носили беспорядочный и поверхностный характер. Среди женщин у него было много знакомых, но мало друзей, и ни в одну из них он не был влюблен. У него были неизменные привычки, и он вел спокойный образ жизни. Его смерть явилась неразрешимой загадкой, которую так и не удавалось разгадать.

Что касается лакея Джона Миттона, то полиция арестовала его с отчаяния, чтобы прикрыть свою полнейшую беспомощность. Против него не могли выдвинуть никакого обвинения. В тот вечер он был в гостях у своих приятелей в Хаммерсмите. Алиби было налицо. Правда, он ушел домой рано и мог возвратиться в Вестминстер еще до того, как было обнаружено преступление, но он объяснил, что прошел часть пути пешком, и этому можно было верить, если вспомнить, что вечер был чудесный. Он пришел в двенадцать часов и, по-видимому, был потрясен неожиданной трагедией. Миттон всегда был в хороших отношениях с хозяином. Некоторые из вещей, принадлежавших покойному,— например, футляр с бритвами — были найдены в чемоданах лакея, но он заявил, что это подарки его бывшего хозяина, и экономка подтвердила это.

Миттон находился в услужении у Лукаса три года. Примечательно, что Лукас никогда не брал Миттона с собой на континент. Иногда он жил в Париже по три месяца подряд, но Миттона оставлял присматривать за домом на Годолфин-стрит. Что же касается экономки, то в тот вечер, когда было совершено преступление, она не слышала ничего. Если и был у ее хозяина посетитель, очевидно, хозяин сам впустил его.

Итак, судя по газетам, тайна уже три дня оставалась

неразгаданной. А Холмс, если и знал больше газет, ничего не рассказывал мне, только заметил мимоходом, что инспектор Лестрейд ввел его в курс дела, и поэтому я понимал, что он прекрасно осведомлен обо всех новостях. На четвертый день появилась длинная телеграмма из Парижа, которая, казалось, решала весь вопрос.

— «Парижская полиция,— писала газета «Дейли телеграф»,— сделала открытие, приподнимающее завесу над трагической гибелью мистера Эдуарда Лукаса, умершего насильственной смертью вечером в прошлый понедельник на Годолфин-стрит, в Вестминстере. Наши читатели помнят, что покойный джентльмен был найден в своей комнате с ножом в груди и что подозрение пало на его лакея, которому удалось доказать свое алиби. Вчера слуги мадам Анри Фурнэ, проживающей в Париже на улице Аустерлиц, заявили полиции, что их хозяйка сошла с ума. Медицинское освидетельствование показало, что она действительно страдает опасным и хроническим умопомешательством. При расследовании полиция установила, что мадам Анри Фурнэ в прошлый вторник возвратилась из поездки в Лондон, и есть основания думать, что эта поездка имеет какую-то связь с преступлением в Вестминстере. Сличение фотографий дало возможность установить, что муж мадам Анри Фурнэ и мистер Эдуард Лукас — одно лицо и что покойный по какой-то причине жил двойной жизнью — в Лондоне и Париже. Мадам Фурнэ, креолка по происхождению, отличается крайне вспыльчивым характером, и у нее бывали припадки ревности, которые делали ее совершенно невменяемой. Именно во время одного из таких припадков, как предполагают, она и совершила это страшное преступление, взволновавшее весь Лондон. До сих пор не выяснено, что она делала в понедельник вечером, однако известно, что похожая на нее женщина привлекла внимание людей, находившихся на вокзале Черинг-кросс во вторник утром, своим безумным видом и странными жестами. Поэтому возможно, что преступление или было совершено ею в припадке безумия, или оно так повлияло на несчастную женщину, что свело ее с ума. В настоящее время она не в состоянии рассказать о происшедшем, и врачи не выражают надежды на восстановление ее умственных способностей. Есть сведения, что вечером в понедельник какая-то женщина, возможно мадам Фурнэ, в течение

нескольких часов стояла около дома на Годолфин-стрит»... Что вы думаете об этом, Холмс?

Я читал ему заметку вслух, пока он заканчивал свой завтрак.

— Мой дорогой Уотсон,— сказал он, встав из-за стола и расхаживая по комнате,— у вас ангельское терпение, но эти три дня я ничего не рассказывал вам просто потому, что и рассказывать-то было нечего. Даже сейчас эти сведения из Парижа мало чем помогают нам.

— Но дело о смерти этого человека теперь окончательно выяснено.

— Смерть этого человека — простой эпизод, мелкий случай по сравнению с нашей действительной задачей, которая заключается в том, чтобы отыскать письмо и спасти Европу от катастрофы. За минувшие три дня произошло только одно значительное событие: то, что ничего не произошло. Почти ежечасно я получаю сведения от правительства и знаю, что нигде по всей Европе еще нет никаких признаков беспокойства. Если письмо затерялось... нет, оно не могло затеряться... Но если оно не затерялось, то где же оно? У кого? Почему его скрывают? Вот вопрос, который молотом стучит в моем мозгу. И является ли простым совпадением, что Лукас был убит как раз в тот вечер, когда исчезло письмо? Было ли оно вообще у него? Если было, то почему его не нашли среди бумаг? Не унесла ли его с собой обезумевшая жена Лукаса? Если унесла, не находится ли оно у нее дома, в Париже? И как я могу искать его там, не возбудив подозрений французской полиции? Это тот случай, дорогой Уотсон, где законность столь же страшна для нас, как и нарушение ее. Всё против нас, но интересы, поставленные на карту, колоссальны. Если мне удастся успешно завершить это дело, оно, конечно, достойно увенчает мою карьеру... А, вот и последние новости с передовых позиций! — Он быстро взглянул на записку, поданную ему.— Ага! Лестрейд, кажется, нашел что-то интересное. Надевайте шляпу, Уотсон, и мы вместе отправимся в Вестминстер.

Впервые я увидел место, где было совершено преступление: высокий неприглядный, с узким фасадом дом, своей чопорностью, официальностью и массивностью напоминавший то столетие, когда он был построен. Бульдожье лицо Лестрейда выглянуло из окна, и, когда огромный

констебль открыл нам дверь, Лестрейд дружески приветствовал нас.

Комната, в которую мы вошли, оказалась той самой, где было совершено преступление, но следов его уже не осталось, кроме безобразного расплывшегося пятна на ковре. Ковер, маленький квадрат толстого сукна, прикрывал только середину комнаты и был окружен широким пространством натертых до блеска квадратных плиток красивого старинного паркета. Над камином висела замечательная коллекция оружия; из нее-то и был взят кинжал в тот трагический вечер. Около окна стоял роскошный письменный стол, и каждый предмет в комнате: картины, ковры, портьеры — все свидетельствовало об утонченном, даже изнеженном вкусе хозяина.

— Вы слышали новости из Парижа? — спросил Лестрейд.

Холмс утвердительно кивнул.

— На этот раз наши французские друзья попали в самую точку. Убийство, несомненно, произошло именно так, как утверждают они. Она постучала в дверь — неожиданный визит, я думаю, потому что у него никто не бывал. Он впустил ее — нельзя же было держать ее на улице! Она рассказала ему, как выследила его, осыпала его упреками. А затем, благо кинжал был под рукой, скоро наступил конец. Все это произошло, конечно, не сразу, потому что все стулья были свалены в кучу, а один был даже у него в руках, как будто он пытался им обороняться. Мы представляем себе все это так ясно, как будто сами были свидетелями.

Холмс поднял брови:

— И все же вы прислали за мной?

— Ах, да, это другое дело — маленький пустяк, но именно один из тех, какими вы интересуетесь: подозрительный, знаете ли, и, как вы, пожалуй, назовете, странный. На первый взгляд он не имеет ничего общего со всем этим делом.

— Что же это?

— Вам известно, что, после того как преступление обнаружено, мы тщательно следим, чтобы все вещи оставались на прежних местах. Тут ничего не трогали. День и ночь в квартире дежурил полицейский. Сегодня утром, после того как убитого похоронили и обследование этой

комнаты было закончено, мы решили немного привести ее в порядок. И вот ковер... Видите ли, он не прикреплен к полу, его просто положили на пол. Случайно мы подняли его и обнаружили...

— Да? Обнаружили...— Лицо Холмса выражало величайший интерес.

— О-о, я уверен, что вам и за сто лет не отгадать, что мы обнаружили! Вы видите это пятно на ковре? Ведь через этот ковер должно было просочиться порядочное количество крови, не так ли?

— Разумеется.

— И представьте себе, что на светлом паркете в этом месте нет пятна.

— Нет пятна? Но оно должно быть!

— Да, вы так думаете. И все же его там нет.

Он приподнял край ковра, и мы убедились, что так оно и есть.

— Но ведь нижняя сторона ковра тоже запятнана, как и верхняя. Она-то должна была оставить пятно на полу!

Видя изумление прославленного специалиста, Лестрейд захихикал от восторга:

— Ну, а теперь я объясню вам, в чем дело. Второе пятно тоже существует, но оно не совпадает с первым. Взгляните сами.

С этими словами он приподнял другой конец ковра, и действительно, на светлых квадратах паркета, ближе к старинной двери, мы увидели большое темно-красное пятно.

— Что вы скажете об этом, мистер Холмс?

— Здесь все очень просто. Два пятна совпадают друг с другом, но ковер был перевернут. Так как он квадратный и не прикреплен к полу, это было легко сделать.

— Мистер Холмс, полиция не нуждается в том, чтобы вы объясняли ей, что ковер был перевернут. Это совершенно ясно: если положить ковер вот так, пятна приходятся друг над другом. А я вас спрашиваю: кто поднимал ковер и зачем?

По неподвижному лицу Холмса я видел, что он с трудом сдерживает охватившее его волнение.

— Послушайте, Лестрейд,— сказал он,— тот полицейский в коридоре все время дежурит здесь?

— Да.

— Ну, так вот вам мой совет: допросите его хорошенько. Но только не при нас, мы подождем здесь. Отведите его в другую комнату. Наедине с вами он скорее признается. Спросите его, как он посмел впустить человека и оставить его одного в этой комнате. Не спрашивайте, сделал ли он это. Считайте, что это не требует доказательства. Скажите ему, что вам известно, что здесь кто-то был. Пригрозите ему. Скажите, что только чистосердечное признание может искупить его вину. Сделайте все, как я говорю.

— Клянусь, я выжму из него все, если он хоть что-нибудь знает! — воскликнул Лестрейд.

Он выбежал в переднюю, и через минуту мы услышали, как он кричит в соседней комнате.

— Скорее, Уотсон, скорее! — воскликнул Холмс, дрожа от нетерпения.

Вся сверхъестественная сила этого человека, скрываемая под маской апатии, вспыхнула порывом энергии. Он откинул ковер и, быстро опустившись на колени, начал ощупывать каждый квадрат паркета под ним. Один из них, когда он дотронулся до его края, отскочил в сторону. Это была крышка ящичка; под ней находилось маленькое темное углубление. Холмс нетерпеливо засунул туда руку, но, вытащив ее, застонал от досады и горького разочарования. Ящичек был пуст.

— Живее, Уотсон, живее! Кладите его на место!

Едва мы успели закрыть тайник и положить ковер на место, как в коридоре послышался голос Лестрейда. Когда он вошел, Холмс стоял, небрежно прислонившись к камину, с унылым и страдальческим видом, едва сдерживая безудержную зевоту.

— Простите, что задержал вас, мистер Холмс. Вижу, вам до смерти надоело все это дело. Наконец-то он сознался! Войдите, Макферсон. Пусть джентльмены тоже узнают о вашем непростительном поведении.

В комнату боком вошел красный и смущенный констебль огромного роста.

— Уверяю вас, сэр, у меня и в мыслях ничего худого не было. Вчера вечером сюда зашла молодая женщина; она сказала, что ошиблась домом. Мы поговорили. Скучно ведь стоять здесь одному целый день...

— Ну, и что же случилось?

— Она захотела посмотреть, где произошло убийство, сказала, что читала об этом в газетах. Очень порядочная молодая женщина, сэр, и так складно говорила. Я подумал: ничего худого не выйдет, если я пущу ее поглядеть. Но, увидав пятно на ковре, она упала на пол и лежала как мертвая. Я бросился на кухню, принес воды, но не мог привести ее в чувство. Тогда я побежал за угол, в трактир «Ветка плюща», за коньяком, однако, пока я ходил, молодая женщина пришла в себя и ушла... Ей, наверно, было стыдно встретиться со мной.

— А ковра никто не трогал?

— Видите ли, сэр, когда я вернулся, он был, пожалуй, немного сдвинут. Ведь она упала на него, а он ничем не прикреплен к полу. Я его потом расправил.

— Это вам урок, констебль Макферсон, чтобы вы не обманывали меня,— важно проговорил Лестрейд.— Вы, конечно, решили, что это нарушение порядка не откроется, а мне достаточно было бросить только один взгляд на ковер, и я сразу понял, что кто-то заходил в эту комнату. Ваше счастье, приятель, что ничего не пропало, а то вам пришлось бы худо. Мне жаль, мистер Холмс, что я вызвал вас сюда из-за такого пустяка, но я думал, что это второе пятно, не совпадающее с первым, заинтересует вас.

— Разумеется, это очень интересно... Констебль, эта женщина только один раз заходила сюда?

— Да, сэр, только один раз.

— А как ее зовут?

— Не знаю, сэр. Она сказала, что ищет работу по переписке на машинке, но ошиблась номером дома, очень приятная, приличная молодая женщина, сэр.

— Высокая? Красивая?

— Да, сэр, довольно высокая молодая женщина. Можно сказать, что она красивая. Пожалуй, даже очень красивая. «О, офицер, разрешите мне только взглянуть!» — сказала она. У нее были такие приятные, прямо ласковые манеры, и я подумал, что не будет большой беды, если разрешу ей заглянуть в дверь.

— Как она была одета?

— Очень просто, сэр: в длинной накидке до самого пола.

— В котором часу это было?

— Как раз начинало темнеть. Зажгли фонари, когда я возвращался из трактира.

— Очень хорошо,— сказал Холмс.— Пойдемте, Уотсон, нас ждет важное дело в другом месте.

Когда мы выходили из дома, Лестрейд остался в комнате, а полный раскаяния констебль бросился отворять нам дверь. Холмс на пороге повернулся и протянул что-то Макферсону. Констебль всмотрелся.

— Боже мой, сэр! — изумленно воскликнул он.

Холмс приложил палец к губам, сунул этот предмет обратно во внутренний карман и, когда мы вышли на улицу, расхохотался.

— Прекрасно! — сказал он.— Пойдемте, дорогой Уотсон. Занавес поднят, начинается последний акт. Можете быть спокойны: войны не будет, блестящая карьера высокочтимого лорда Трелони Хоупа не пострадает, неосторожный монарх не будет наказан за свою поспешность и премьер-министру не придется распутывать сложное положение в Европе. От нас требуется только некоторая тактичность и находчивость, и тогда вся эта история, грозившая очень неприятными последствиями, не будет стоить и ломаного гроша.

Я проникся восхищением к этому удивительному человеку.

— Вы решили задачу? — воскликнул я.

— Пока нет, Уотсон. Есть еще некоторые обстоятельства, которые так же непонятны, как и раньше. Но нам уже известно так много, что просто будет обидно не узнать всего. Мы отправимся прямо на Уайтхолл-террас и доведем дело до конца.

Когда мы пришли в дом министра по европейским делам, Шерлок Холмс заявил, что желает видеть леди Хильду Трелони Хоуп. Нас провели в приемную.

— Мистер Холмс! — сказала леди, и лицо ее порозовело от негодования.— Это просто нечестно и неблагородно с вашей стороны. Ведь я уже сказала, что хотела сохранить мой визит к вам в тайне, иначе муж подумает, что я вмешиваюсь в его дела. А вы компрометируете меня своим приходом. Ведь это доказывает, что между нами существуют деловые отношения.

— К сожалению, миледи, у меня не было иного выбора. Мне поручили найти этот исключительно важный

документ, поэтому я вынужден просить вас, миледи, передать его мне.

Леди вскочила на ноги; румянец мгновенно схлынул с прекрасного лица. Ее глаза потускнели, она зашаталась. Мне показалось, что она упадет в обморок, но огромным усилием воли она овладела собой, и лицо ее вспыхнуло от изумления и гнева:

— Вы... Вы оскорбляете меня, мистер Холмс!

— Послушайте, миледи, это бесполезно. Отдайте письмо.

Она метнулась к звонку:

— Дворецкий проводит вас.

— Не звоните, леди Хильда. Если вы это сделаете, все мои искренние попытки избежать скандала окажутся напрасными. Верните мне письмо, и все уладится. Если вы будете слушаться меня, я помогу вам. Если вы не захотите довериться мне, я вынужден буду выдать вас.

Она стояла перед ним гордая и величественная. Глаза ее встретили взгляд Холмса, как будто желали понять, что у него на уме. Она не снимала руки со звонка, но и не звонила.

— Вы пытаетесь запугать меня. Не очень благородно, мистер Холмс, прийти сюда угрожать женщине! Вы говорите, что вам кое-что известно. Что вы знаете?

— Прошу вас, миледи, сядьте. Вы ушибетесь, если упадете. Я не буду говорить, пока вы не сядете... Благодарю вас.

— Даю вам пять минут, мистер Холмс.

— Достаточно и одной, леди Хильда. Я знаю о том, что вы были у Эдуарда Лукаса, отдали ему этот документ, знаю, как вы вчера вечером хитроумно проникли в его комнату вторично и взяли письмо из тайника под ковром.

Лицо леди Хильды стало смертельно бледным. Она не сводила глаз с Холмса; у нее перехватило дыхание, она не могла произнести ни слова.

— Вы сошли с ума, мистер Холмс... Вы сошли с ума! — наконец воскликнула она.

Из кармана он вытащил маленький кусочек картона. Это была фотография женщины.

— Я захватил ее, потому что считал, что она может пригодиться,— сказал он.— Полицейский узнал вас.

Она с трудом глотнула воздух, и ее голова упала на спинку кресла.

— Послушайте, леди Хильда... Письмо у вас, но дело все же можно уладить. У меня нет никакого желания причинять вам неприятности. Мои обязанности кончатся, когда я возвращу пропавшее письмо вашему мужу. Послушайтесь моего совета и будьте откровенны со мной — здесь все ваше спасение.

Ее мужество было восхитительно. Даже в этот момент она не признавала себя побежденной:

— Я снова повторяю вам, мистер Холмс: вы находитесь во власти какой-то нелепой фантазии.

Холмс встал со стула:

— Мне жаль вас, леди Хильда. Я сделал для вас все, что мог, теперь я вижу — это было напрасно.

Он нажал кнопку звонка. Вошел дворецкий.

— Мистер Трелони Хоуп дома?

— Он будет дома, сэр, через пятнадцать минут.

Холмс взглянул на часы.

— Еще пятнадцать минут,— сказал он.— Очень хорошо, я подожду.

Едва дворецкий закрыл за собой дверь, как леди Хильда, простирая руки, бросилась к ногам Холмса; ее прекрасное лицо было залито слезами.

— О, пощадите меня, мистер Холмс! Пощадите меня!— умоляла она в порыве отчаяния.— Ради бога, не говорите ему! Я так люблю его! Мне больно причинить ему малейшую неприятность, а эта, я знаю, разобьет его благородное сердце.

Холмс поднял ее.

— Благодарю вас, миледи, что вы хоть в последний момент опомнились. Нельзя терять ни минуты. Где письмо?

Она бросилась к письменному столу, отперла его и вынула длинный голубой конверт.

— Вот оно, мистер Холмс... Лучше бы я никогда не видела его!

— Как нам теперь его вернуть? — раздумывал Холмс.— Скорее, скорее, надо найти какой-нибудь выход!.. Где шкатулка с документами?

— Все еще в спальне.

— Как удачно! Скорее, миледи, принесите ее сюда.

Через минуту она появилась, держа в руках красную плоскую шкатулку.

— Чем вы открывали ее прежде? У вас есть второй ключ? Конечно, есть. Откройте!

Из-за корсажа леди Хильда вытащила маленький ключ. Шкатулку открыли; она была полна бумаг. Холмс засунул голубой конверт в самую середину, между листками какого-то другого документа. Шкатулку заперли и отнесли обратно в спальню.

— Теперь мы готовы встретить его,— сказал Холмс.— У нас еще есть десять минут. Я беру на себя очень много, чтобы выгородить вас, леди Хильда! За это вы должны в оставшееся время честно рассказать мне всю эту странную историю.

— Я расскажу вам все, мистер Холмс! — воскликнула леди.— О, мистер Холмс, мне легче отрубить себе правую руку, чем доставить ему хоть минуту горя! Во всем Лондоне нет женщины, которая так любила бы своего мужа, как я, и все же, если бы он узнал, что я сделала, что была вынуждена сделать, он никогда не простил бы меня. Он так высоко ставит свою собственную честь, что не в состоянии забыть или простить бесчестный поступок другого. Помогите мне, мистер Холмс! Мое счастье, его счастье, наши жизни поставлены на карту!

— Скорее, миледи, время истекает!

— Еще до замужества, мистер Холмс, я написала неосторожное, глупое письмо, письмо впечатлительной влюбленной девушки. В нем не было ничего плохого, но все же мой муж счел бы его непростительным. Если бы он прочел это письмо, он перестал бы верить мне. Прошли годы с тех пор, как я написала это письмо. Я думала, что все забыто. Но вдруг этот человек, Лукас, известил меня о том, что оно попало к нему в руки и что он намерен показать его моему мужу. Я умоляла его пощадить меня. Он сказал, что возвратит мне мое письмо, если я принесу ему один документ, который, по его словам, хранится у мужа в шкатулке для депеш. У него был какой-то шпион в министерстве, который сообщил ему о существовании этого документа. Лукас уверял меня, что это ничуть не повредит моему мужу. Поставьте себя на мое место, мистер Холмс! Что я должна была делать?

— Рассказать обо всем мужу.

— Я не могла, мистер Холмс, не могла! С одной стороны, мне грозила неминуемая гибель; с другой, хоть мне и казалось ужасным взять документ, принадлежащий мужу, но все же я не вполне представляла себе, какие это будет иметь последствия в области международной политики, что же касается нашей любви и взаимного доверия, мне все казалось совершенно ясным. И я совершила кражу, мистер Холмс. Я сняла слепок с ключа, а этот человек, Лукас, сделал второй ключ. Я открыла шкатулку, взяла документ и отнесла его на Годолфин-стрит.

— И что произошло там, миледи?

— Я постучала в дверь, как было условлено. Лукас открыл. Я прошла за ним в его комнату, оставив за собой дверь полуоткрытой, потому что боялась остаться одна с этим человеком. Я помню, что, когда я входила в дом, на улице стояла какая-то женщина. Наши переговоры быстро закончились. Мое письмо лежало у него на письменном столе. Я отдала ему документ, он возвратил мне письмо. В это мгновение у двери послышался шум, в коридоре раздались шаги. Лукас быстро откинул ковер, сунул документ в какой-то тайник и снова положил ковер на место.

То, что произошло потом, было похоже на какой-то кошмар. Я видела смуглое безумное лицо, слышала голос женщины, которая кричала по-французски: «Я ждала не напрасно! Наконец-то я застала тебя с ней!» Произошла дикая сцена. Я видела, как он схватил стул, а в ее руке блеснул кинжал. Я бросилась бежать от этого ужаса, выскочила из дома и только на следующее утро из газет узнала о страшном убийстве. В тот вечер я была счастлива, потому что мое собственное письмо находилось в моих руках и я еще не сознавала, что готовит мне будущее.

Но на следующее утро я поняла, что, избавившись от одной беды, попала в другую. Отчаяние мужа, обнаружившего пропажу документа, потрясло меня. Я едва удержалась от того, чтобы не упасть к его ногам и не рассказать, что я наделала. Но ведь мне пришлось бы признаться и в том, что было раньше! В то утро я пришла к вам, и только тогда мне стала ясна вся тяжесть моего поступка. С той

минуты я все время думала, как вернуть мужу этот документ. Документ должен был находиться там, куда положил его Лукас, потому что он спрятал его до прихода этой ужасной женщины. Если бы не ее появление, я никогда не узнала бы, где находится тайник. Как проникнуть в его комнату? В течение двух дней я следила за этим домом, но ни разу дверь не оставалась открытой. Вчера вечером я сделала последнюю попытку. Вы уже знаете, как мне удалось достать письмо. Я принесла его домой и решила уничтожить, так как не знала, каким образом возвратить его мужу, не рассказав ему обо всем... Боже мой, я слышу его шаги на лестнице!

Министр по европейским делам в сильном волнении вбежал в комнату.

— Что нового, мистер Холмс, что нового? — закричал он.

— У меня есть некоторая надежда.

— Слава богу.— Его лицо просияло.— Премьер-министр завтракает со мной, могу я порадовать его? У него стальные нервы, но я знаю, что он почти не спит с тех пор, как произошло это ужасное событие... Джейкобс, попросите премьер-министра подняться сюда. Что касается вас, дорогая, едва ли вам будут интересны эти разговоры о политике. Через несколько минут мы присоединимся к вам в столовой.

Премьер-министр хорошо владел собой, но по блеску его глаз и по судорожным движениям его сухих рук я видел, что он разделяет волнение своего молодого коллеги:

— Насколько я понимаю, мистер Холмс, вы хотите нам что-то сообщить?

— Пока только отрицательное,— ответил мой друг.— Я навел справки везде, где только мог, и убедился, что оснований для волнений нет никаких.

— Но этого недостаточно, мистер Холмс. Мы не можем вечно жить на вулкане, нам нужно знать определенно.

— Я надеюсь найти письмо, поэтому я и пришел сюда. Чем больше я думаю об этом деле, тем больше я убеждаюсь, что письмо никогда не покидало пределы этого дома.

— Мистер Холмс!

— Если бы оно было похищено, его, конечно, давным-давно опубликовали бы.

— Но какой же смысл взять его, чтобы спрятать в этом же доме?

— А я не уверен, что его вообще взяли.

— Как же тогда оно исчезло из шкатулки?

— Я и не уверен, что оно исчезло из шкатулки.

— Мистер Холмс, сейчас неподходящее время для шуток! Я вас уверяю, что там его нет.

— Вы заглядывали туда со вторника?

— Нет. Да это совершенно бесцельно!

— Вы могли и не заметить его.

— Послушайте, это невозможно.

— Кто знает! Такие вещи бывали. Ведь там, наверно, есть еще документы. Оно могло затеряться среди них.

— Письмо лежало сверху.

— Кто-нибудь мог тряхнуть шкатулку, и оно переместилось.

— Нет, нет, я вынимал всё.

— Но это же легко проверить, Хоуп! — сказал премьер.— Прикажите принести шкатулку сюда.

Министр по европейским делам нажал звонок:

— Джейкобс, принесите мою шкатулку для бумаг... Мы совершенно напрасно теряем время, но если это удовлетворит вас, что ж, проверим... Спасибо, Джейкобс, поставьте ее сюда... Ключ у меня всегда на цепочке от часов. Вот все бумаги, вы видите. Письмо от лорда Мерроу, доклад сэра Чарльза Харди, меморандум из Белграда, сведения о русско-германских хлебных пошлинах, письмо из Мадрида, донесение от лорда Флауэрса... Боже мой! Что это? Лорд Беллинджер! Лорд Беллинджер!

Премьер выхватил голубой конверт у него из рук:

— Да, это оно. И письмо цело... Поздравляю вас, Хоуп!

— Благодарю вас! Благодарю вас! Какая тяжесть свалилась с моих плеч!.. Но это непостижимо... невозможно... Мистер Холмс, вы волшебник, вы чародей! Откуда вы узнали, что оно здесь?

— Потому что я знал, что больше ему быть негде.

— Не могу поверить своим глазам! — Он стремительно выбежал из комнаты.— Где моя жена? Я должен сказать

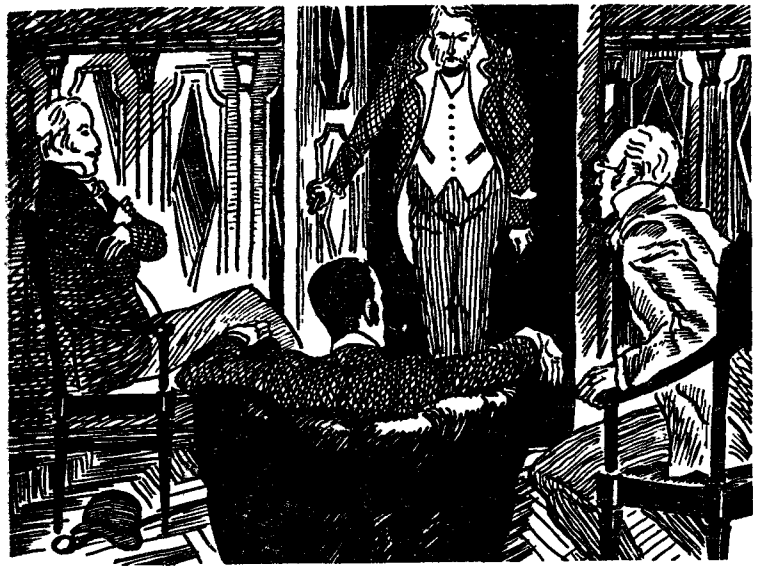
ей, что все уладилось. Хильда! Хильда! — услышали мы его голос на лестнице.

Премьер, прищурившись, посмотрел на Холмса.

— Послушайте, сэр,— сказал он,— здесь что-то кроется. Как могло письмо снова очутиться в шкатулке?

Холмс, улыбаясь, отвернулся, чтобы избежать испытующего взгляда этих проницательных глаз.

— У нас тоже есть свои дипломатические тайны,— сказал он и, взяв шляпу, направился к двери.

Три студента

В 1895 году ряд обстоятельств — я не буду здесь на них останавливаться — привел мистера Шерлока Холмса и меня в один из наших знаменитых университетских городов; мы пробыли там несколько недель и за это время столкнулись с одним происшествием, о котором я собираюсь рассказать, не слишком запутанным, но весьма поучительным. Разумеется, любые подробности, позволяющие читателю определить, в каком колледже происходило дело или кто был преступник, неуместны и даже оскорбительны. Столь позорную историю можно было бы предать забвению безо всякого ущерба. Однако с должным тактом ее стоит изложить, ибо в ней проявились удивительные способности

моего друга. В своем рассказе я постараюсь избегать всего, что позволит угадать, где именно это случилось или о ком идет речь.

Мы остановились тогда в меблированных комнатах неподалеку от библиотеки, где Шерлок Холмс изучал древние английские хартии,— его труды привели к результатам столь поразительным, что они смогут послужить предметом одного из моих будущих рассказов. И как-то вечером нас посетил один знакомый, мистер Хилтон Сомс, преподаватель колледжа Святого Луки. Мистер Сомс был высок и худощав и всегда производил впечатление человека нервозного и вспыльчивого. Но на сей раз он просто не владел собой, и по всему было видно, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

— Мистер Холмс, не сможете ли вы уделить мне несколько часов вашего драгоценного времени? У нас в колледже случилась пренеприятная история, и, поверьте, если бы не счастливое обстоятельство, что вы сейчас в нашем городе, я бы и не знал, как мне поступить.

— Я очень занят, и мне не хотелось бы отвлекаться от своих занятий,— отвечал мой друг.— Советую вам обратиться в полицию.

— Нет, нет, уважаемый сэр, это невозможно. Если делу дать законный ход, его уже не остановишь, а это как раз такой случай, когда следует любым путем избежать огласки, чтобы не бросить тень на колледж. Вы известны своим тактом не менее, чем талантом расследовать самые сложные дела, и я бы ни к кому не обратился, кроме вас. Умоляю вас, мистер Холмс, помогите мне.

Вдали от милой его сердцу Бейкер-стрит нрав моего друга отнюдь не становился мягче. Без своего альбома газетных вырезок, без химических препаратов и привычного беспорядка Холмс чувствовал себя неуютно. Он раздраженно пожал плечами в знак согласия, и наш визитер, волнуясь и размахивая руками, стал торопливо излагать суть дела.

— Видите ли, мистер Холмс, завтра первый экзамен на соискание стипендии Фортескью, и я один из экзаменаторов. Я преподаю греческий язык, и первый экзамен как раз по греческому. Кандидату на стипендию дается для перевода большой отрывок незнакомого текста. Этот отрывок печатается в типографии, и, конечно, если бы кандидат мог приготовить его заранее, у него было бы огромное преимущество перед другими экзаменующимися. Вот почему необходимо, чтобы экзаменационный материал оставался в тайне.

Сегодня около трех часов гранки текста прибыли из типографии. Задание — полглавы из Фукидида. Я обязан тщательно его выверить — в тексте не должно быть ни единой ошибки. К половине пятого работа еще не была закончена, а я обещал приятелю быть у него к чаю. Уходя, я оставил гранки на столе. Отсутствовал я более часа.

Вы, наверное, знаете, мистер Холмс, какие двери у нас в колледже — массивные, дубовые, изнутри обитые зеленым сукном. По возвращении я с удивлением заметил в двери ключ. Я было подумал, что это я сам забыл его в замке, но, пошарив в карманах, нашел его там. Второй, насколько мне известно, у моего слуги, Бэннистера, он служит у меня вот уже десять лет, и честность его вне подозрений. Как выяснилось, это действительно был его ключ — он заходил узнать, не пора ли подавать чай, и, уходя, по оплошности забыл ключ в дверях. Бэннистер, видимо, заходил через несколько минут после моего ухода. В другой раз я не обратил бы внимания на его забывчивость, но в тот день она обернулась весьма для меня плачевно.

Едва я взглянул на письменный стол, как понял, что кто-то рылся в моих бумагах. Гранки были на трех длинных полосах. Когда я уходил, они лежали на столе. А теперь я нашел одну на полу, другую — на столике у окна, третью — там, где оставил...

Холмс в первый раз перебил собеседника:

— На полу лежала первая страница, возле окна — вторая, а третья — там, где вы ее оставили?

— Совершенно верно, мистер Холмс. Удивительно! Как вы могли догадаться?

— Продолжайте ваш рассказ, все это очень интересно.

— На минуту мне пришло в голову, что Бэннистер разрешил себе недопустимую вольность — заглянул в мои бумаги. Но он это категорически отрицает, и я ему верю. Возможно и другое — кто-то проходил мимо, заметил в дверях ключ и, зная, что меня нет, решил взглянуть на экзаменационный текст. Речь идет о большой сумме денег — стипендия очень высокая, и человек, неразборчивый

в средствах, охотно пойдет на риск, чтобы обеспечить себе преимущество.

Бэннистер был очень расстроен. Он чуть не потерял сознание, когда стало ясно, что гранки побывали в чужих руках. Я дал ему глотнуть бренди, и он сидел в кресле в изнеможении, пока я осматривал комнату. Помимо разбросанных бумаг, я скоро заметил и другие следы незваного гостя. На столике у окна лежали карандашные стружки. Там же я нашел кончик грифеля. Очевидно, этот негодяй списывал текст в величайшей спешке, сломал карандаш и вынужден был его очинить.

— Прекрасно,— откликнулся Холмс. Рассказ занимал его все больше, и к нему явно возвращалось хорошее настроение.— Вам повезло.

— Это не все. Письменный стол у меня новый, он покрыт отличной красной кожей. И мы с Бэннистером готовы поклясться — кожа на нем была гладкая, без единого пятнышка. А теперь на поверхности стола я увидел порез длиной около трех дюймов — не царапину, а именно порез. И не только это: я нашел на столе комок темной замазки или глины, в нем видны какие-то мелкие крошки, похожие на опилки. Я убежден: эти следы оставил человек, рывшийся в бумагах. Следов на полу или каких-нибудь других улик, указывающих на злоумышленника, не осталось. Я бы совсем потерял голову, не вспомни я, по счастью, что вы сейчас у нас в городе. И я решил обратиться к вам. Умоляю вас, мистер Холмс, помогите мне! Надо во что бы то ни стало найти этого человека, иначе придется отложить экзамен, пока не будет подготовлен новый материал, но это потребует объяснений, и тогда не миновать скандала, который бросит тень не только на колледж, но и на весь университет. У меня одно желание — не допустить огласки.

— Буду рад заняться этим делом и помочь вам,— сказал Холмс, поднимаясь и надевая пальто.— Случай любопытный. Кто-нибудь заходил к вам после того, как вы получили гранки?

— Даулат Рас, студент-индус; он живет на этой же лестнице и приходил справиться о чем-то, связанном с экзаменами.

— Он тоже будет экзаменоваться?

— Да.

— Гранки лежали на столе?

— Насколько я помню, они были свернуты трубочкой.

— Но видно было, что это гранки?

— Пожалуй.

— Больше у вас в комнате никто не был?

— Никто.

— Кто-нибудь знал, что гранки пришлют вам?

— Только наборщик.

— А ваш слуга, Бэннистер?

— Конечно, нет. Никто не знал.

— Где сейчас Бэннистер?

— Он так и остался в кресле у меня в кабинете. Я очень спешил к вам. А ему было так плохо, что он не мог двинуться с места.

— Вы не закрыли дверь на замок?

— Я запер бумаги в ящик.

— Значит, мистер Сомс, если допустить, что индус не догадался, то человек, у которого гранки побывали в руках, нашел их случайно, не зная заранее, что они у вас?

— По-моему, да.

Холмс загадочно усмехнулся.

— Ну,— сказал он,— идемте. Случай не в вашем вкусе, Уотсон,— тут нужно не действовать, а думать. Ладно, идемте, если хотите. Мистер Сомс, я к вашим услугам.

Низкое окно гостиной нашего друга, длинное, с частым свинцовым переплетом, выходило в поросший лишайником старинный дворик колледжа. За готической дверью начиналась каменная лестница с истертыми ступенями. На первом этаже помещались комнаты преподавателя. На верхних этажах жили три студента; их комнаты находились одна над другой. Когда мы подошли, уже смеркалось. Холмс остановился и внимательно посмотрел на окно. Затем приблизился к нему вплотную, встал на цыпочки и, вытянув шею, заглянул в комнату.

— Очевидно, он вошел в дверь. Окно не открывается, только маленькая форточка,— сообщил наш ученый гид.

— Вот как! — отозвался Холмс и, непонятно улыбнувшись, взглянул на нашего спутника.— Что же, если здесь ничего не узнаешь, пойдемте в дом.

Хозяин отпер дверь и провел нас в комнату. Мы остановились на пороге, а Холмс принялся внимательно осматривать ковер.

— К сожалению, никаких следов,— сказал он.— Да

в сухую погоду их и не может быть. Слуга ваш, наверно, уже пришел в себя. Вы думаете, он так и остался в кресле, когда вы уходили? А в каком именно?

— Вон там, у окна.

— Понятно. Возле того столика. Теперь входите и вы. Я окончил осматривать ковер. Примемся теперь за столик. Нетрудно догадаться, что здесь произошло. Кто-то вошел в комнату и стал лист за листом переносить гранки с письменного стола на маленький столик к окну — оттуда он мог следить за двором на случай, если вы появитесь, и таким образом в нужную минуту скрыться.

— Меня он увидеть не мог,— вставил Сомс,— я пришел через калитку.

— Ага, превосходно! Но как бы то ни было, он устроился с гранками возле окна с этой целью. Покажите мне все три полосы. Отпечатков пальцев нет, ни одного! Так, сначала он перенес сюда первую и переписал ее. Сколько на это нужно времени, если сокращать слова? Четверть часа, не меньше. Потом он бросил эту полосу и схватил следующую. Дошел до середины, но тут вернулись вы, и ему пришлось немедленно убираться прочь; он так торопился, что не успел даже положить на место бумаги и уничтожить следы. Когда вы входили с лестницы, вы, случайно, не слышали поспешно удаляющихся шагов?

— Как будто нет.

— Итак, неизвестный лихорадочно переписывал у окна гранки, сломал карандаш и вынужден был, как видите, чинить его заново. Это весьма интересно, Уотсон. Карандаш был не совсем обычный. Очень толстый, с мягким грифелем, темно-синего цвета снаружи, фамилия фабриканта вытиснена на нем серебряными буквами, и оставшаяся часть не длиннее полутора дюймов. Найдите такой точно карандаш, мистер Сомс, и преступник у вас в руках. Если я добавлю, что у него большой и тупой перочинный нож, то у вас появится еще одна улика.

Мистера Сомса несколько ошеломил этот поток сведений.

— Я понимаю ход ваших мыслей,— сказал он,— но как вы догадались о длине карандаша?..

Холмс протянул ему маленький кусочек дерева с буквами «НН», над которыми облупилась краска.

— Теперь ясно?

— Нет, боюсь, и теперь не совсем...

— Вижу, что я всегда был несправедлив к вам, Уотсон. Оказывается, вы не единственный в своем роде. Что означают эти буквы «НН»? Как известно, чаще всего встречаются карандаши Иоганна Фабера. Значит, «НН» — это окончание имени фабриканта.

Он наклонил столик так, чтобы на него падал электрический свет.

— Если писать на тонкой бумаге, на полированном дереве останутся следы. Нет, ничего не видно. Теперь письменный стол. Этот комок, очевидно, и есть та темная глина, о которой вы говорили. Формой напоминает полую пирамидку; в глине, как вы и сказали, заметны опилки. Так, так, очень интересно! Теперь порез на столе — кожа, попросту говоря, вспорота. Ясно. Начинается с тонкой царапины и кончается дырой с рваными краями. Весьма вам признателен за этот интересный случай, мистер Сомс. Куда ведет эта дверь?

— Ко мне в спальню.

— Вы заходили туда после того, как обнаружили посягательство на экзаменационный текст?

— Нет, я сразу бросился к вам.

— Позвольте мне заглянуть в спальню... Какая милая старомодная комната. Будьте любезны, подождите немного: я осмотрю пол. Нет, ничего интересного. А что это за портьера? Так, за ней висит одежда. Случись кому-нибудь прятаться в этой комнате, он забрался бы сюда: кровать слишком низкая, а гардероб — узкий. Здесь, конечно, никого нет?

Холмс взялся за портьеру, и по его слегка напряженной и даже настороженной позе было видно, что он готов к любой неожиданности. Он отдернул портьеру, но там мы не увидели ничего, кроме нескольких костюмов. Холмс обернулся и внезапно наклонился над полом.

— Ну-ка, а это что? — воскликнул он.

На полу лежала точно такая же пирамидка из темной вязкой массы, как и на письменном столе. Холмс на ладони поднес ее к лампе.

— Ваш гость, как видите, оставил следы не только в гостиной, но и в спальне, мистер Сомс.

— Что ему было здесь нужно?

— По-моему, это вполне очевидно. Вы пришли не с той

стороны, откуда он вас ждал, и он услыхал ваши шаги, когда вы уже были у самой двери. Что ему оставалось? Он схватил свои вещи и бросился к вам в спальню.

— Господи боже мой, мистер Холмс, значит, все время, пока я разговаривал с Бэннистером, негодяй сидел в спальне, как в ловушке, а мы об этом и не подозревали?

— Похоже, что так.

— Но, возможно, все было иначе, мистер Холмс. Не знаю, обратили ли вы внимание на окно в спальне.

— Мелкие стекла, свинцовый переплет, три рамы, одна на петлях и достаточно велика, чтобы пропустить человека.

— Совершенно верно. И выходит это окно в угол двора, так что со двора одна его часть не видна совсем. Преступник мог залезть в спальню, оставить за шторой следы, пройти оттуда в гостиную и, наконец обнаружив, что дверь не заперта, бежать через нее.

Холмс нетерпеливо покачал головой.

— Давайте рассуждать здраво,— сказал он.— Как я понял из ваших слов, этой лестницей пользуются три студента, и они обычно проходят мимо вашей двери.

— Да, их трое.

— И все они будут держать этот экзамен?

— Да.

— У вас есть причины подозревать кого-то одного больше других?

Сомс ответил не сразу.

— Вопрос весьма щекотливый,— проговорил он.— Не хочется высказывать подозрения, когда нет доказательств.

— И все-таки у вас есть подозрения. Расскажите их нам, а о доказательствах позабочусь я.

— Тогда я расскажу вам в нескольких словах о всех троих. Сразу надо мной живет Гилкрист, способный студент, отличный спортсмен, он играет за колледж в регби и крикет и завоевал первые места в барьерном беге и прыжках в длину. Вполне достойный молодой человек. Его отец — печальной известности сэр Джейбс Гилкрист — разорился на скачках. Сыну не осталось ни гроша, но это трудолюбивый и прилежный юноша. Он многого добьется.

На третьем этаже живет Даулат Рас, индус. Спокойный, замкнутый, как большинство индусов. Он успешно занимается, хотя греческий — его слабое место. Работает упорно и методично.

На самом верху комната Майлса Макларена. Когда он возьмется за дело, то добивается исключительных успехов. Это один из самых одаренных наших студентов, но он своенравен, беспутен и лишен всяких принципов. На первом курсе его чуть не исключили за какую-то темную историю с картами. Весь семестр он бездельничал и, должно быть, очень боится этого экзамена.

— Значит, вы подозреваете его?

— Не берусь утверждать. Но из всех троих за него, пожалуй, я поручусь меньше всего.

— Понимаю. А теперь, мистер Сомс, познакомьте нас с Бэннистером.

Слуга был невысокий человек лет пятидесяти, с сильной проседью, бледный, гладко выбритый. Он не совсем еще оправился от неожиданного потрясения, нарушившего мирный ход его жизни. Пухлое лицо его подергивала нервная судорога, руки дрожали.

— Мы пытаемся разобраться в этой неприятной истории, Бэннистер,— обратился к нему хозяин.

— Понимаю, сэр.

— Если не ошибаюсь, вы оставили в двери ключ? — сказал Холмс.

— Да, сэр.

— Как странно, что это случилось с вами в тот самый день, когда в комнате были столь важные бумаги.

— Да, сэр, очень неприятно. Но я забывал ключ и раньше.

— Когда вы вошли в комнату?

— Около половины пятого. В это время я обычно подаю мистеру Сомсу чай.

— Сколько вы здесь пробыли?

— Я увидел, что его нет, и сейчас же вышел.

— Вы заглядывали в бумаги на столе?

— Нет, сэр, как можно!

— Почему вы оставили ключ в двери?

— У меня в руках был поднос. Я хотел потом вернуться за ключом. И забыл.

— В двери есть пружинный замок?

— Нет, сэр.

— Значит, она стояла открытой все время?

— Да, сэр.

— И выйти из комнаты было просто?

— Да, сэр.

— Вы очень разволновались, когда мистер Сомс вернулся и позвал вас?

— Да, сэр. Такого не случалось ни разу за все годы моей службы. Я чуть сознания не лишился, сэр.

— Это легко понять. А где вы были, когда вам стало плохо?

— Где, сэр? Да вот тут, около дверей.

— Странно, ведь вы сели на кресло там, в углу. Почему вы выбрали дальнее кресло?

— Не знаю, сэр, мне было все равно, куда сесть.

— По-моему, он не совсем ясно помнит, что происходило, мистер Холмс. Вид у него был ужасный — побледнел как смерть.

— Сколько вы здесь пробыли по уходе хозяина?

— С минуту, не больше. Потом я запер дверь и пошел к себе.

— Кого вы подозреваете?

— Сэр, я не берусь сказать. Не думаю, что во всем университете найдется хоть один джентльмен, способный ради выгоды на такой поступок. Нет, сэр, в это я поверить не могу.

— Благодарю вас, это все,— заключил Холмс.— Да, еще один вопрос. Кому-нибудь из трех джентльменов, у которых вы служите, вы упоминали об этой неприятности?

— Нет, сэр, никому.

— А видели кого-нибудь из них?

— Нет, сэр, никого.

— Прекрасно. Теперь, мистер Сомс, с вашего позволения осмотрим двор.

Три желтых квадрата светились над нами в сгущавшихся сумерках.

— Все три пташки у себя в гнездышках,— сказал Холмс, взглянув наверх.— Эге, а это что такое? Один из них, кажется, не находит себе места.

Он говорил об индусе, чей темный силуэт вдруг появился на фоне спущенной шторы. Студент быстро шагал взад и вперед по комнате.

— Мне бы хотелось на них взглянуть,— сказал Холмс.— Это можно устроить?

— Нет ничего проще,— ответил Сомс.— Наши комнаты — самые старинные в колледже, и неудивительно, что здесь бывает много посетителей, желающих на них посмотреть. Пойдемте, я сам вас проведу.

— Пожалуйста, не называйте ничьих фамилий! — попросил Холмс, когда мы стучались к Гилкристу.

Нам открыл высокий и стройный светловолосый юноша и, услышав о цели нашего посещения, пригласил войти.

Комната действительно представляла собой любопытный образец средневекового интерьера. Холмса так пленила одна деталь, что он решил тут же зарисовать ее в блокнот, сломал карандаш и был вынужден попросить другой у хозяина, а кончил тем, что попросил у него еще и перочинный нож. Та же самая любопытная история приключилась и в комнатах у индуса — молчаливого, низкорослого человека с крючковатым носом. Он поглядывал на нас с подозрением и явно обрадовался, когда архитектурные исследования Холмса пришли к концу. Незаметно было, чтобы во время этих визитов Холмс нашел улику, которую искал. У третьего студента нас ждала неудача. Когда мы постучали, он не пожелал нам открыть и вдобавок разразился потоком брани.

— А мне плевать, кто вы! Убирайтесь ко всем чертям! — донесся из-за двери сердитый голос.— Завтра экзамен, и я не позволю, чтоб меня отрывали от дела.

Наш гид покраснел от негодования.

— Грубиян! — возмущался он, когда мы спускались по лестнице.— Конечно, он не мог знать, что это стучу я. Но все-таки его поведение в высшей степени невежливо, а в данных обстоятельствах и подозрительно.

Реакция Холмса была довольно необычной.

— Вы не можете мне точно сказать, какого он роста? — спросил Холмс.

— По правде говоря, мистер Холмс, не берусь. Он выше индуса, но не такой высокий, как Гилкрист. Что-нибудь около пяти футов и шести дюймов.

— Это очень важно,— сказал Холмс.— А теперь, мистер Сомс, разрешите пожелать вам спокойной ночи.

Наш гид вскричал в смятении и испуге:

— Боже праведный, мистер Холмс, неужели вы оставите меня в такую минуту! Вы, кажется, не совсем понимаете, как обстоит дело. Завтра экзамен. Я обязан принять самые решительные меры сегодня же вечером. Я не могу

допустить, чтобы экзамен состоялся, если кому-то известен материал. Надо выходить из этого положения.

— Оставьте все, как есть. Я загляну завтра поутру, и мы все обсудим. Кто знает, быть может, к тому времени у меня появятся какие-то дельные предложения. А пока ничего не предпринимайте, решительно ничего.

— Хорошо, мистер Холмс.

— И будьте совершенно спокойны. Мы непременно что-нибудь придумаем. Я возьму с собой этот комок черной глины, а также карандашные стружки. До свидания.

Когда мы вышли в темноту двора, то снова взглянули на окна. Индус все шагал по комнате. Других не было видно.

— Ну, Уотсон, что вы об этом думаете? — спросил Холмс на улице.— Совсем как игра, которой развлекаются на досуге,— вроде фокуса с тремя картами, правда? Вот вам трое. Нужен один из них. Выбирайте. Кто по-вашему?

— Сквернослов с последнего этажа. И репутация у него самая дурная. Но индус тоже весьма подозрителен. Что это он все время расхаживает взад и вперед?

— Ну, это ни о чем не говорит. Многие ходят взад и вперед, когда учат что-нибудь наизусть.

— Он очень неприязненно поглядывал на нас.

— Вы бы поглядывали точно так же, если бы накануне трудного экзамена к вам ворвалась толпа ищущих развлечения бездельников. В этом как раз нет ничего особенного. И карандаши, и ножи у всех тоже в порядке. Нет, мои мысли занимает совсем другой человек.

— Кто?

— Бэннистер, слуга. Он каким-то образом причастен к этой истории.

— Мне он показался безукоризненно честным человеком.

— И мне. Это как раз и удивительно. Зачем безукоризненно честному человеку... Ага, вот и большой писчебумажный магазин. Начнем поиски отсюда.

В городе было всего четыре мало-мальски приличных писчебумажных магазина, и в каждом Холмс показывал карандашные стружки и спрашивал, есть ли в магазине такие карандаши. Всюду отвечали, что такой карандаш можно выписать, но размера он необычного и в продаже бывает редко. Моего друга, по-видимому, не особенно

огорчила неудача; он только пожал плечами с шутливой покорностью.

— Не вышло, мой дорогой Уотсон. Самая надежная и решающая улика не привела ни к чему. Но, по правде говоря, я уверен, что мы и без нее сумеем во всем разобраться. Господи! Ведь уже около девяти, мой друг, а хозяйка, помнится мне, говорила что-то насчет зеленого горошка в половине восьмого. Смотрите, Уотсон, как бы вам из-за вашего пристрастия к табаку и дурной привычки вечно опаздывать к обеду не отказали от квартиры, а заодно, чего доброго, и мне. Это, право, было бы неприятно, во всяком случае сейчас, пока мы не решили странную историю с нервным преподавателем, рассеянным слугой и тремя усердными студентами.

Холмс больше не возвращался в тот день к этому делу, хотя после нашего запоздалого обеда он долго сидел в глубокой задумчивости. В восемь утра, когда я только что закончил свой туалет, он пришел ко мне в комнату.

— Ну, Уотсон,— сказал он,— пора отправляться в колледж святого Луки. Вы можете один раз обойтись без завтрака?

— Конечно.

— Сомс до нашего прихода будет как на иголках.

— А у вас есть для него добрые вести?

— Кажется, есть.

— Вы решили эту задачу?

— Да, мой дорогой Уотсон, решил.

— Неужели вам удалось найти какие-то новые улики?

— Представьте себе, да! Я сегодня поднялся чуть свет, в шесть утра был уже на ногах, и не зря. Два часа рыскал по окрестности, отмерил, наверно, не менее пяти миль — и вот, смотрите!

Он протянул мне руку. На ладони лежали три пирамидки вязкой темной глины.

— Послушайте, Холмс, но вчера у вас было только две.

— Третья прибавилась сегодня утром. Понятно, что первая и вторая пирамидки того же происхождения, что и третья. Не так ли, Уотсон? Ну, пошли, надо положить конец страданиям нашего друга Сомса.

И действительно, мы застали несчастного преподавателя в самом плачевном состоянии. Через несколько часов

начинался экзамен, а он все еще не знал, как ему поступить — предать ли свершившееся гласности или позволить виновному участвовать в экзамене на столь высокую стипендию. Он места себе не находил от волнения и с протянутыми руками бросился к Холмсу.

— Какое счастье, что вы пришли! А я боялся, вдруг вы отчаялись и решили отказаться от этого дела. Ну, как мне быть? Начинать экзамен?

— Непременно.

— А негодяй...

— Он не будет участвовать.

— Так вы знаете, кто он?

— Кажется, знаю. А чтобы история эта не вышла наружу, устроим своими силами нечто вроде небольшого полевого суда. Сядьте, пожалуйста, вон там, Сомс! Уотсон, вы здесь! А я займу кресло посредине. Я думаю, у нас сейчас достаточно внушительный вид, и мы заставим трепетать преступника. Позвоните, пожалуйста, слуге.

Вошел Бэннистер и, увидев грозное судилище, отпрянул в изумлении и страхе.

— Закройте дверь, Бэннистер,— сказал Холмс.— А теперь расскажите всю правду о вчерашнем.

Слуга переменился в лице.

— Я все рассказал вам, сэр.

— Вам нечего добавить?

— Нечего, сэр.

— Что ж, тогда я должен буду высказать кое-какие свои предположения. Садясь вчера в это кресло, вы хотели скрыть какой-то предмет, который мог бы разоблачить незваного гостя?

Бэннистер побледнел как полотно.

— Нет, нет, сэр, ничего подобного.

— Это всего лишь только предположение,— вкрадчиво проговорил Холмс.— Признаюсь откровенно, я не сумею этого доказать. Но предположение это вполне вероятно: ведь стоило мистеру Сомсу скрыться за дверью, как вы тут же выпустили человека, который прятался в спальне.

Бэннистер облизал пересохшие губы.

— Там никого не было, сэр.

— Мне прискорбно это слышать, Бэннистер. До сих пор вы еще, пожалуй, говорили правду, но сейчас, безусловно, солгали.

Лицо слуги приняло выражение мрачного упрямства.

— Там никого не было, сэр.

— Так ли это, Бэннистер?

— Да, сэр, никого.

— Значит, вы не можете сообщить нам ничего нового. Не выходите, пожалуйста, из комнаты. Станьте вон там, у дверей спальни. А теперь, Сомс, я хочу просить вас об одном одолжении. Будьте любезны, поднимитесь к Гилкристу и попросите его сюда.

Спустя минуту преподаватель вернулся вместе со своим студентом. Это был великолепно сложенный молодой человек, высокий, гибкий и подвижный, с пружинистой походкой и приятным открытым лицом. Тревожный взгляд его голубых глаз скользнул по каждому из нас и наконец остановился с выражением неприкрытого страха на Бэннистере, сидевшем в углу.

— Закройте дверь,— сказал Холмс.— Так вот, мистер Гилкрист, нас пятеро, никого больше нет, и никто никогда не услышит о том, что сейчас здесь будет сказано. Мы можем быть предельно откровенными друг с другом. Объясните, мистер Гилкрист, как вы, будучи человеком честным, могли совершить вчерашний поступок?

Злосчастный юноша отшатнулся и с укором взглянул на Бэннистера.

— О нет, мистер Гилкрист, я никому не сказал ни слова, ни единого слова! — вскричал слуга.

— Да, это верно,— заметил Холмс.— Но ваше последнее восклицание равносильно признанию вины, и теперь, сэр,— прибавил Шерлок Холмс, глядя на Гилкриста,— вам остается одно: чистосердечно все рассказать.

Лицо Гилкриста исказила судорога, он попытался было совладать с собой, но уже в следующее мгновение бросился на колени возле стола и, закрыв лицо руками, разразился бурными рыданиями.

— Успокойтесь, успокойтесь,— мягко проговорил Холмс,— человеку свойственно ошибаться, и, уж конечно, никому не придет в голову назвать вас закоренелым преступником. Вам, наверное, будет легче, если я сам расскажу мистеру Сомсу, что произошло, а вы сможете поправить меня там, где я ошибусь. Договорились? Ну, ну, не отвечайте, если вам это трудно. Слушайте и следите, чтобы

я не допустил по отношению к вам ни малейшей несправедливости.

Дело начало для меня проясняться с той минуты, мистер Сомс, как вы объяснили мне, что никто, даже Бэннистер, не мог знать, что гранки находятся в вашей комнате. Наборщик, безусловно, отпадал,— он мог списать текст еще в типографии. Индуса я тоже исключил: ведь гранки были скатаны трубкой и он, конечно, не мог догадаться, что это такое. С другой стороны, в чужую комнату случайно попадает какой-то человек, и это происходит в тот самый день, когда на столе лежит экзаменационный текст. Такое совпадение, на мой взгляд, невероятно. И я сделал вывод: вошедший знал о лежащем на столе тексте. Откуда он это знал?

Когда я подошел к вашему дому, я внимательно осмотрел окно. Меня позабавило ваше предположение, будто я обдумываю возможность проникнуть в комнату через окно — при свете дня, на глазах у всех, кто живет напротив. Мысль, разумеется, нелепая. Я прикидывал в уме, какого роста должен быть человек, чтобы, проходя мимо, увидеть через окно бумаги, лежавшие на столе. Во мне шесть футов, и я, только поднявшись на цыпочки, увидел стол. Никому ниже шести футов это бы не удалось. Тогда у меня возникло такое соображение: если один из трех студентов очень высокого роста, то в первую очередь следует заняться им.

Когда мы вошли и я осмотрел комнату, столик у окна дал мне еще одну нить. Письменный стол представлял загадку, пока вы не упомянули, что Гилкрист занимается прыжками в длину. Тут мне стало ясно все, не хватало нескольких доказательств, и я их поспешил раздобыть.

Теперь послушайте, как все произошло. Этот молодой человек провел день на спортивной площадке, тренируясь в прыжках. Когда он возвращался домой, у него были с собой спортивные туфли, у которых, как вы знаете, на подошвах острые шипы. Проходя мимо вашего окна, он благодаря высокому росту видел на столе свернутые трубкой бумаги и сообразил, что́ это может быть. Никакой беды не случилось бы, если б он не заметил ключа, случайно забытого слугой. Его охватило непреодолимое желание войти и проверить, действительно ли это гранки. Опасности в этом не было: ведь он всегда мог притвориться,

что заглянул к вам по делу. Увидев, что это действительно гранки, он не мог побороть искушения. Туфли он положил на письменный стол. А что вы положили на кресло у окна?

— Перчатки,— тихо ответил молодой человек.

— Значит, на кресле были перчатки.— Холмс торжествующе взглянул на Бэннистера.— А потом он взял первый лист и стал переписывать на маленьком столике. Окончив первый, принялся за второй. Он думал, что вы вернетесь через ворота, которые видны в окно. А вы вернулись, мистер Сомс, через боковую калитку. Внезапно прямо за порогом послышались ваши шаги. Забыв про перчатки, студент схватил туфли и метнулся в спальню. Видите, царапина на столе отсюда малозаметна, а со стороны спальни она резко бросается в глаза. Это убедительно свидетельствует, что туфлю дернули в этом направлении и что виновный спрятался в спальне. Земля, налипшая вокруг одного из шипов, осталась на столе, комок с другого шипа упал на пол в спальне. Прибавлю к этому, что нынче утром я ходил на спортивную площадку, где тренируются в прыжках; участок этот покрыт темной глиной. Я захватил с собой комок глины и немного тонких рыжеватых опилок — ими посыпают землю, чтобы спортсмен, прыгая, не поскользнулся. Так все было, как я рассказываю, мистер Гилкрист?

Студент теперь сидел выпрямившись.

— Да, сэр, именно так,— сказал он.

— Боже мой, неужели вам нечего добавить? — воскликнул Сомс.

— Есть, сэр, но я просто не могу опомниться, так тяжело мне это позорное разоблачение. Я не спал сегодня всю ночь и под утро, мистер Сомс, написал вам письмо. Раньше, чем узнал, что все открылось. Вот это письмо, сэр: «Я решил не сдавать экзамена. Мне предлагали не так давно поступить офицером в родезийскую армию, и на днях я уезжаю в Южную Африку».

— Я очень рад, что вы не захотели воспользоваться плодами столь бесчестного поступка,— сказал Сомс.— Но что заставило вас принять такое решение?

Гилкрист указал на Бэннистера.

— Это он наставил меня на путь истинный.

— Послушайте, Бэннистер,— сказал Холмс,— из всего мной рассказанного ясно, что только вы могли выпустить

из комнаты этого молодого человека: ведь мистер Сомс оставил вас одного, а уходя, вы должны были запереть дверь. Бежать через окно, как видите, невозможно. Так не согласитесь ли вы поведать нам последнюю неразгаданную страничку этой истории и объяснить мотивы вашего поведения?

— Все очень просто, сэр, если, конечно, знать подоплеку. Но догадаться о ней невозможно, даже с вашим умом. В свое время, сэр, я служил дворецким у сэра Джейбса Гилкриста, отца этого юного джентльмена. Когда сэр Гилкрист разорился, я поступил сюда, в колледж, но старого хозяина не забывал, а ему туго тогда приходилось. В память о прошлых днях я чем мог служил его сыну. Так вот, сэр, когда мистер Сомс поднял вчера тревогу, зашел я в кабинет и вижу на кресле желтые перчатки мистера Гилкриста. Я их сразу узнал и все понял. Только бы их не увидел мистер Сомс — тогда дело плохо. Ни жив ни мертв упал я в кресло и не двигался до тех пор, пока мистер Сомс не пошел за вами. В это время из спальни выходит мой молодой хозяин и во всем признается... А ведь я его младенцем на коленях качал,— ну как мне было не помочь ему! Я сказал ему все, что сказал бы ему покойный отец, объяснил, что добра от такого поступка не будет, и выпустил его. Можно меня винить за это, сэр?

— Нет, конечно,— от всего сердца согласился Холмс, поднимаясь с кресла.— Ну вот, Сомс, тайна раскрыта, а нас дома ждет завтрак. Пойдемте, Уотсон. Я надеюсь, сэр, что в Родезии вас ждет блестящая карьера. Однажды вы оступились. Но впредь пусть вами руководят во всем лишь самые высокие устремления.

Рейгетские сквайры

В то время мой друг Шерлок Холмс еще не оправился от нервного переутомления, полученного после крайне напряженной работы весной тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года. Нашумевшая история с Нидерландско-Суматрской компанией и грандиозным мошенничеством барона Мопэртиуса слишком свежа в памяти публики и слишком тесно связана с политикой и финансами, чтобы о ней можно было рассказать в этих записках. Однако косвенным путем она явилась причиной одного редкостного и головоломного дела, которое дало возможность моему другу продемонстрировать еще одно оружие среди множества других, служивших ему в его нескончаемой войне с преступлениями.

Четырнадцатого апреля, как помечено в моих записях,

я получил телеграмму из Лиона с известием о том, что Холмс лежит больной в отеле «Дюлонж». Не прошло и суток, как я уже был у него в номере и с облегчением убедился, что ничего страшного ему не грозит. Однако тянувшееся больше двух месяцев расследование, в течение которого он работал по пятнадцати часов в день, а случалось, и несколько суток подряд, подорвало железный организм Холмса. Блистательная победа, увенчавшая его труды, не спасла его от упадка сил после предельного нервного напряжения, и в то время, как его имя гремело по всей Европе, а комната была буквально по колено завалена поздравительными телеграммами, я нашел его здесь во власти жесточайшей хандры. Даже сознание, что он добился успеха там, где не справилась полиция трех стран, и обвел вокруг пальца самого искусного мошенника в Европе, не могло победить овладевшего им безразличия.

Три дня спустя мы вернулись вместе на Бейкер-стрит, но мой друг явно нуждался в перемене обстановки, да и меня соблазняла мысль выбраться в эту весеннюю пору на недельку в деревню. Мой старинный приятель, полковник Хэйтер, который был моим пациентом в Афганистане, а теперь снял дом поблизости от городка Рейгет в графстве Суррей, часто приглашал меня к себе погостить. В последний раз он сказал, что был бы рад оказать гостеприимство и моему другу. Я повел речь издали, но, когда Холмс узнал, что нас приглашают в дом с холостяцкими порядками и что ему будет предоставлена полная свобода, он согласился с моим планом, и через неделю после нашего возвращения из Лиона полковник уже принимал нас у себя. Хэйтер был человек очень приятный, объездивший чуть ли не весь свет, и скоро обнаружилось — как я и ожидал,— что у них с Холмсом много общего.

В день нашего приезда, вечером, мы, отобедав, сидели в оружейной полковника; Холмс растянулся на диване, а мы с Хэйтером рассматривали небольшую коллекцию огнестрельного оружия.

— Да, кстати,— вдруг сказал наш хозяин,— я возьму с собой наверх один из пистолетов на случай тревоги.

— Тревоги? — воскликнул я.

— Тут у нас недавно случилось происшествие, перепугавшее всю округу. В прошлый понедельник ограбили дом старого Эктона, одного из самых богатых здешних

сквайров. Убыток причинен небольшой, но воры до сих пор на свободе.

— И никаких следов? — спросил Холмс.

— Пока никаких. Но это — мелкое дело. Обычное местное преступление, слишком незначительное, чтобы заинтересовать вас, мистер Холмс, после того громкого международного дела.

Холмс ответил на комплимент небрежным жестом, но по его улыбке было заметно, что он польщен.

— Ничего примечательного?

— По-моему, ничего. Воры обыскали библиотеку, и, право же, добыча не стоила затраченных ими трудов. Все в комнате было перевернуто вверх дном, ящики столов взломаны, книжные шкафы перерыты, а вся-то пропажа — томик переводов Гомера, два золоченых подсвечника, пресс-папье из слоновой кости, маленький дубовый барометр да клубок бечевки.

— Что за удивительный набор! — воскликнул я.

— О, воры, видимо, схватили первое, что попалось под руку.

Холмс хмыкнул со своего дивана.

— Полиция графства должна бы кое-что извлечь из этого,— сказал он.— Ведь совершенно очевидно, что...

Но я предостерегающе поднял палец.

— Вы приехали сюда отдыхать, друг мой. Ради бога, не принимайтесь за новую задачу, пока не окрепли нервы.

Холмс посмотрел на полковника с комическим смирением и пожал плечами, после чего беседа повернула в более спокойное русло. Однако судьбе было угодно, чтобы все мои старания оберечь друга пропали даром, ибо на следующее утро это дело вторглось в нашу жизнь таким образом, что было невозможно остаться в стороне, и наше пребывание в деревне приняло неожиданный для всех нас оборот. Мы сидели за завтраком, когда к нам ворвался дворецкий и, позабыв о благопристойности, задыхаясь, выпалил:

— Вы слышали новость, сэр? У Каннингемов, сэр?

— Опять ограбление? — вскричал полковник, и его рука с чашкой кофе застыла в воздухе.

— Убийство!

Полковник присвистнул.

— Бог мой! — промолвил он.— Кто убит? Мировой судья или его сын?

— Ни тот, ни другой, сэр. Убит Уильям, кучер. Пуля угодила прямо в сердце.

— Кто в него стрелял?

— Вор, сэр. Убил кучера наповал и был таков. Он успел добраться только до окна кладовой. Тут Уильям и бросился на него и нашел свою смерть, спасая добро хозяина.

— Когда это случилось?

— Вчера, сэр, около полуночи.

— А-а, в таком случае мы заглянем туда попозже,— сказал полковник, невозмутимо принимаясь за прерванный завтрак.

— Скверное дело,— добавил он, когда дворецкий ушел.— Старый Каннингем — самый влиятельный сквайр в наших местах и почтенный человек. Это его сразит. Уильям служил ему много лет и был хороший работник. Очевидно, это те же негодяи, что побывали у Эктона.

— И похитили ту чрезвычайно любопытную коллекцию?

— Именно.

— Гм! Возможно, окажется, что дело не стоит выеденного яйца. И тем не менее на первый взгляд это немного странно, не так ли? Следовало бы ожидать, что шайка грабителей, действующая в провинции, будет менять места своих налетов, а не совершать две кражи со взломом в соседних усадьбах в течение нескольких дней. Когда вчера вечером вы говорили о мерах предосторожности, помнится, мне пришло в голову, что вор или воры выбрали бы эту округу самой последней во всей Англии; из чего следует, что мне надо еще многому учиться.

— Я думаю, это был кто-то из местных. Понятно, что его привлекли именно эти усадьбы. В здешних краях они самые крупные.

— И самые богатые?

— Должны были быть. Но Эктон и Каннингемы уже несколько лет ведут тяжбу, которая высосала кровь из обоих, мне думается. Старый Эктон возбудил иск на половину имения Каннингемов, и адвокаты изрядно нажились на этом деле.

— Если это местный вор, изловить его не составит большого труда,— сказал Холмс, зевнув.— Не волнуйтесь, Уотсон, я не собираюсь вмешиваться.

— Инспектор Форрестер, сэр,— возвестил дворецкий, распахивая дверь.

В комнату вошел полицейский сыщик, быстрый молодой человек с живым, энергичным лицом.

— Доброе утро, полковник,— сказал он.— Надеюсь, я не помешал, но нам стало известно, что мистер Холмс с Бейкер-стрит находится у вас.

Полковник жестом руки показал на моего друга, и инспектор поклонился.

— Мы думали, что, возможно, вы пожелаете принять участие, мистер Холмс.

— Судьба против вас, Уотсон,— сказал Холмс, смеясь.— Мы как раз беседовали об этом деле, инспектор, когда вы пришли. Может быть, вы познакомите нас с некоторыми подробностями?

Когда он откинулся на стуле в знакомой мне позе, я понял, что все мои надежды рухнули.

— Нам не за что было ухватиться в деле с ограблением Эктона. Но здесь достаточно материала, чтобы начать расследование, и мы не сомневаемся, что в обоих случаях действовало одно и то же лицо. Взломщика видели.

— А-а!

— Да, сэр. Но он умчался быстрей оленя, как только прогремел выстрел, убивший несчастного Уильяма Кервана. Мистер Каннингем видел его из окна своей спальни, а мистер Алек Каннингем видел его с черной лестницы. Тревога поднялась без четверти двенадцать. Мистер Каннингем только что лег спать, а мистер Алек в халате курил трубку. Они оба слышали, как Уильям, кучер, звал на помощь, и мистер Алек бросился вниз посмотреть, что случилось. Входная дверь была раскрыта, и когда он сбежал по черной лестнице, то увидел перед домом двух мужчин, схватившихся друг с другом. Один из них выстрелил, другой упал, и убийца кинулся прочь прямо по саду, пролез через живую изгородь и исчез. Мистер Каннингем из окна своей спальни видел, как он выскочил на дорогу, но тут же потерял его из виду. Мистер Алек задержался посмотреть, нельзя ли помочь умирающему, и, таким образом, злодей успел скрыться. Нам известно только, что это был человек среднего роста, в чем-то темном. Другими приметами мы не располагаем, но мы ведем усиленные розыски, и если преступник — человек нездешний, он скоро будет найден.

— А что там делал этот Уильям? Он что-нибудь сказал перед смертью?

— Ни слова. Уильям жил в сторожке со своей матерью. Он был преданный слуга, и мы предполагаем, что он подошел к дому с намерением проверить, все ли благополучно. Это и понятно: кража у Эктона заставила всех быть начеку. Грабитель, видимо, только что открыл дверь — замок был взломан,— когда Уильям набросился на него.

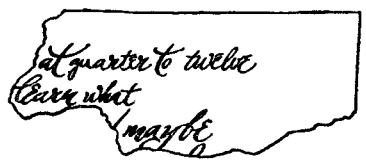
— А Уильям ничего не сказал своей матери перед уходом?

— Она очень стара и глуха, и нам ничего не удалось узнать от нее. Горе почти лишило ее рассудка, но я подозреваю, что она всегда была туповата. Однако есть одна очень важная улика. Взгляните!

Он вынул из своего блокнота клочок бумаги и расправил его на колене.

— Это было найдено у мертвого Уильяма в руке. Зажат между большим и указательным пальцами. По-видимому, это краешек какой-то записки. Обратите внимание, что указанное здесь время в точности совпадает со временем, когда бедняга встретил свою судьбу. Не то убийца вырвал у него записку, не то он у убийцы. Написанное наводит на мысль, что кого-то приглашали на свидание.

Холмс взял обрывок бумаги, факсимиле которого я здесь привожу [1].

— Если это действительно так,— продолжал инспектор,— то напрашивается весьма вероятное предположение, что этот Уильям Керван, несмотря на свою репутацию честного человека, мог быть заодно с вором. Они могли встретиться в условленном месте, вдвоем взломать дверь, после чего между ними вспыхнула ссора.

— Этот документ представляет чрезвычайный интерес,— сказал Холмс, изучая обрывок с самым сосредоточенным вниманием,— дело куда тоньше, чем я думал.

---

[1] «...Без четверти двенадцать узнаете то, что может...» (англ.) Факсимиле — точное воспроизведение чьего-либо почерка, подписи.

Он обхватил руками голову, а инспектор с улыбкой наблюдал, какое действие произвел его рассказ на прославленного лондонского специалиста.

— Ваше последнее замечание,— сказал Холмс немного погодя,— о том, что взломщик, возможно, был в сговоре со слугой и что это была записка одного к другому, в которой назначалась встреча, остроумно и не лишено правдоподобия. Однако этот документ раскрывает...

Он опять обхватил голову руками и несколько минут просидел молча, весь уйдя в свои мысли. Когда он поднял лицо, я с удивлением увидел, что щеки его порозовели, а глаза блестят, как до болезни. Он вскочил на ноги со всей прежней энергией.

— Вот что,— заявил он,— я хотел бы бегло осмотреть место, где было совершено убийство. С вашего разрешения, полковник, я покину моего друга Уотсона и вас и прогуляюсь вместе с инспектором, чтобы проверить правильность моих догадок. Я буду обратно через полчаса.

Прошло полтора часа, инспектор вернулся один.

— Мистер Холмс ходит взад и вперед по полю,— сказал он.— Он хочет, чтобы мы вчетвером отправились в усадьбу.

— К мистеру Каннингему?

— Да, сэр.

— Зачем?

Инспектор пожал плечами.

— Это мне не совсем ясно, сэр. Между нами говоря, мне кажется, что мистер Холмс еще не совсем выздоровел после своей болезни. Он ведет себя очень странно. Я бы сказал, он немного не в себе.

— Думаю, что не стоит беспокоиться,— заметил я.— Я не раз убеждался, что в его безумии есть метод.

— Скорее в его методе есть безумие,— пробормотал инспектор.— Но он горит нетерпением, и если вы готовы, полковник, то лучше пойдемте.

Холмс расхаживал взад и вперед по полю, низко опустив голову и засунув руки в карманы.

— Дело становится все интересней,— сказал он.— Уотсон, наша поездка в деревню определенно удалась. Я провел восхитительное утро.

— Вы были на месте преступления, как я догадываюсь? — спросил полковник.

— Да, мы с инспектором сделали небольшую разведку.

— И с успехом?

— Да, мы видели интересные вещи. По дороге я обо всем вам расскажу. Прежде всего мы осмотрели тело бедняги. Он действительно умер от револьверной раны, как сообщалось.

— А вы в этом сомневались?

— Все надо проверить. Мы не зря совершали свой обход. Потом мы беседовали с мистером Каннингемом и его сыном, и они смогли точно указать место, где преступник, убегая, пролез сквозь изгородь. Это было в высшей степени любопытно.

— Несомненно.

— Потом мы заглянули к матери несчастного Уильяма. От нее, однако, мы не могли добиться толку: она очень стара и слаба.

— И к какому результату привело вас ваше обследование?

— К убеждению в том, что это весьма необычное преступление. Может быть, наш теперешний визит прольет на него немного света. Я полагаю, инспектор, мы с вами единодушны в том, что этот клочок бумаги в руке убитого, на котором записано точное время его смерти, имеет огромнейшее значение.

— Он должен дать ключ, мистер Холмс.

— Он дает ключ. Кто бы ни писал записку, это был человек, поднявший Уильяма Кервана с постели в этот час. Но где же она?

— Я тщательно обыскал землю и не нашел,— сказал инспектор.

— Записку из руки Уильяма вырвали. Почему она была так нужна кому-то? Потому что она его уличала. И что он должен был с ней сделать? Сунуть ее в карман, по всей вероятности, не заметив, что уголок остался зажатым в пальцах у трупа. Если бы мы нашли недостающую часть, мы бы очень легко распутали дело.

— Да, но как нам залезть в карман преступнику, если мы не поймали самого преступника?

— Н-да, над этим стоит поломать голову. Затем вот еще что. Эту записку кто-то принес Уильяму. Кочечно, не тот, кто ее писал: ему проще было бы тогда все передать

на словах. Кто же принес записку? Или она пришла по почте?

— Я навел справки,— сказал инспектор.— Вчера вечерней почтой Уильям получил письмо.— Конверт он уничтожил.

— Отлично! — воскликнул Холмс, похлопывая инспектора по плечу.— Вы уже повидали почтальона. Работать с вами одно удовольствие. Однако вот и сторожка, и, если вы последуете за нами, полковник, я покажу вам место преступления.

Мы прошли мимо хорошенького домика, где жил убитый кучер, и вступили в дубовую аллею, которая привела нас к прекрасному старому зданию времен королевы Анны, на стене которого была выбита дата битвы при Мальплаке [1]. Следуя за Холмсом и инспектором, мы обогнули дом и подошли к боковому входу, отделенному цветником от живой изгороди, окаймлявшей дорогу. У двери на кухню дежурил полицейский.

— Распахните дверь, сержант,— приказал Холмс.— Вон на той лестнице стоял молодой Каннингем, и оттуда он видел двух мужчин, дерущихся как раз здесь, где мы стоим. Старый Каннингем смотрел из того окна — второго налево. Он говорит, что убийца побежал вон туда. За тот куст. То же самое видел и сын. Оба показывают одно направление. Затем мистер Алек выбежал из дома и склонился над раненым. Земля очень твердая, как видите, и не осталось никаких следов, которые могли бы помочь нам.

Пока он говорил, из-за угла дома показались двое мужчин; они шли к нам по садовой дорожке. Один был джентльмен почтенной наружности, с волевым лицом, изрезанным глубокими морщинами, и удрученным взглядом; другой — щеголеватый молодой человек, чья нарядная одежда и веселый, беззаботный вид составляли резкий контраст с делом, которое привело нас сюда.

— Ну как, все на том же месте? — спросил он Холмса.— Я думал, вы, столичные специалисты, шутя решаете любую головоломку. Вы не так уж проворны, как я погляжу.

---

[1] В битве при Мальплаке (11 сентября 1709 года), во время войны за испанское наследство, англичане и их союзники одержали победу над французами.

— О, дайте нам немного времени,— сказал Холмс добродушно.

— Оно вам понадобится,— ответил молодой Алек Каннингем.— У вас пока еще нет в руках ни одной нити.

— Одна есть,— вмешался инспектор.— Мы думаем, что если бы нам только удалось найти... Боже! Мистер Холмс, что с вами?

Мой бедный друг внезапно ужасно изменился в лице. Глаза закатились, все черты свело судорогой, и, глухо застонав, он упал ничком наземь. Потрясенные внезапностью и силой припадка, мы перенесли несчастного в кухню, и там, полулежа на большом стуле, он несколько минут тяжело дышал. Наконец он поднялся, сконфуженно извиняясь за свою слабость.

— Уотсон вам объяснит, что я только что поправился после тяжелой болезни. Но я до сих пор подвержен этим внезапным нервным приступам.

— Хотите, я отправлю вас домой в своей двуколке? — спросил старый Каннингем.

— Ну, раз уж я здесь, я хотел бы уточнить один не совсем ясный мне пункт. Нам будет очень легко это сделать.

— Какой именно?

— Мне кажется вполне вероятным, что бедняга Уильям пришел после того, как взломщик побывал в доме. Вы, видимо, считаете само собой разумеющимся, что грабитель не входил в помещение, хотя дверь и была взломана.

— По-моему, это вполне очевидно,— сказал мистер Каннингем внушительно.— Мой сын Алек тогда еще не лег спать, и он, конечно, услышал бы, что кто-то ходит по дому.

— Где он сидел?

— Я сидел в моей туалетной и курил.

— Какое это окно?

— Последнее налево, рядом с окном отца.

— И у вас и у него, конечно, горели лампы?

— Разумеется.

— Как странно,— улыбнулся Холмс.— Не удивительно ли, что взломщик — при этом взломщик, который недавно совершил одну кражу,— умышленно вторгается в дом в такое время, когда он видит по освещенным окнам, что два члена семьи еще бодрствуют?

— Должно быть, это был дерзкий вор.

— Не будь это дело таким необычным, мы, конечно, не обратились бы к вам,— сказал мистер Алек.— Но ваше предположение, что вор успел ограбить дом, по-моему, величайшая нелепость. Мы наверняка заметили бы беспорядок в доме и хватились бы похищенных вещей.

— Это зависит от того, какие были украдены вещи,— сказал Холмс.— Не забывайте, что наш взломщик — большой причудник и у него своя собственная линия в работе. Чего стоит, например, тот любопытнейший набор, который он унес из дома Эктонов. Позвольте, что там было?.. Клубок бечевки, пресс-папье и бог знает какая еще чепуха!

— Мы в ваших руках, мистер Холмс,— сказал старый Каннингем.— Все, что предложите вы или инспектор, будет выполнено беспрекословно.

— Прежде всего,— сказал Холмс,— я хотел бы, чтобы вы назначили награду за обнаружение преступника от своего имени, потому что, пока в полиции договорятся о сумме, пройдет время, а в таких делах чем скорее, тем лучше. Я набросал текст, подпишите, если вы не возражаете. Пятидесяти фунтов, по-моему, вполне достаточно.

— Я бы с радостью дал пятьсот,— сказал мировой судья, беря из рук Холмса бумагу и карандаш.— Только здесь не совсем правильно написано,— добавил он, пробегая глазами документ.

— Я немного торопился, когда писал.

— Смотрите, вот тут, в начале: «Поскольку во вторник, без четверти час ночи, была совершена попытка...» и т. д. В действительности это случилось без четверти двенадцать.

Меня огорчила эта ошибка, потому что я знал, как болезненно должен переживать Холмс любой подобный промах. Точность во всем, что касалось фактов, была его коньком, но недавняя болезнь подорвала его силы, и один этот маленький случай убедительно показал мне, что мой друг еще далеко не в форме. В первую минуту Холмс заметно смутился, инспектор же поднял брови, а Алек Каннингем расхохотался. Старый джентльмен, однако, исправил ошибку и вручил бумагу Холмсу.

— Отдайте это в газету как можно скорее,— сказал он,— прекрасная мысль, я нахожу.

Холмс бережно вложил листок в свою записную книжку.

— А теперь,— сказал он,— было бы неплохо пройтись всем вместе по дому и посмотреть, не унес ли чего с собой этот оригинальный грабитель.

До того как войти в дом, Холмс осмотрел взломанную дверь. Очевидно, ее открыли с помощью прочного ножа или стамески, с силой отведя назад язычок замка. В том месте, куда просовывали острие, на дереве остались следы.

— А вы не запираетесь изнутри на засов? — спросил он.

— Мы никогда не видели в этом необходимости.

— Вы держите собаку?

— Да, но она сидит на цепи с другой стороны дома.

— Когда слуги ложатся спать?

— Часов в десять.

— Как я понимаю, Уильям тоже в это время обычно был в постели?

— Да.

— Странно, что именно в эту ночь ему вздумалось не спать. Теперь, мистер Каннингем, я буду вам очень признателен, если вы согласитесь провести нас по дому.

Из выложенной каменными плитами передней, от которой в обе стороны отходили кухни, прямо на второй этаж вела деревянная лестница. Она выходила на площадку напротив другой, парадной лестницы, ведущей наверх из холла. От этой площадки тянулся коридор с дверями в гостиную и в спальни, в том числе в спальни мистера Каннингема и его сына. Холмс шел медленно, внимательно изучая планировку дома. Весь его вид говорил о том, что он идет по горячему следу, хотя я не мог представить себе даже отдаленно, чей это след.

— Любезный мистер Холмс! — сказал старший Каннингем с ноткой нетерпения в голосе.— Уверяю вас, это совершенно лишнее. Вон моя комната, первая от лестницы, а за ней комната сына. Судите сами: возможно ли, чтобы вор поднялся наверх, не потревожив нас?

— Вам бы походить вокруг дома да поискать там свежих следов,— сказал сын с недоброй улыбкой.

— И все же разрешите мне еще немного злоупотребить вашим терпением. Я хотел бы, например, посмотреть, как

далеко обозревается из окон спален пространство перед домом. Это, насколько я понимаю, комната вашего сына,— он толкнул дверь,— а там, вероятно, туалетная, в которой он сидел и курил, когда поднялась тревога. Куда выходит ее окно?

Холмс прошел через спальню, раскрыл дверь в туалетную и обвел комнату взглядом.

— Надеюсь, теперь вы удовлетворены? — спросил мистер Каннингем раздраженно.

— Благодарю вас. Кажется, я видел все, что хотел.

— Ну, если это действительно необходимо, мы можем пройти и в мою комнату.

— Если это вас не слишком затруднит.

Мировой судья пожал плечами и повел нас в свою спальню, ничем не примечательную комнату с простой мебелью. Когда мы направились к окну, Холмс отстал, и мы с ним оказались позади всех. В ногах кровати стоял квадратный столик с блюдом апельсинов и графином с водой. Проходя мимо, Холмс, к моему несказанному удивлению, вдруг наклонился и прямо перед моим носом нарочно опрокинул все это на пол. Стекло разбилось вдребезги, а фрукты раскатились по всем углам.

— Ну и натворили вы дел, Уотсон,— сказал он, нимало не смутившись,— во что вы превратили ковер!

Я в растерянности наклонился и стал собирать фрукты, догадываясь, что по какой-то причине мой друг пожелал, чтобы я взял вину на себя. Остальные присоединились ко мне, и столик снова поставили на ножки.

— Вот те на! — вскричал инспектор.— Куда же он делся?

Холмс исчез.

— Подождите здесь одну минутку,— сказал Алек Каннингем,— по-моему, ваш приятель свихнулся. Пойдемте со мной, отец, посмотрим, куда он в самом деле делся!

Они ринулись вон из комнаты, и мы остались втроем с полковником и инспектором, в недоумении глядя друг на друга.

— Честное слово, я склонен согласиться с мистером Алеком,— сказал сыщик.— Возможно, это — следствие болезни, но мне кажется...

Внезапные громкие вопли: «На помощь! На помощь! Убивают!» — не дали ему договорить. Я с содроганием

узнал голос своего друга. Не помня себя я кинулся из комнаты на площадку. Вопли перешли в хриплые, сдавленные стоны, которые неслись из той комнаты, куда мы заходили сначала. Я ворвался в нее, а оттуда в туалетную. Два Каннингема склонились над распростертым телом Шерлока Холмса; молодой обеими руками душил его за горло, а старый выкручивал ему кисть. В следующее мгновение мы втроем оторвали от него обоих, и Холмс, шатаясь, встал, очень бледный и, видимо, крайне обессиленный.

— Арестуйте этих людей, инспектор,— сказал он, задыхаясь.

— На каком основании?

— По обвинению в убийстве их кучера Уильяма Кервана.

Инспектор уставился на Холмса широко раскрытыми глазами.

— О, помилуйте, мистер Холмс,— промолвил он наконец,— я уверен, что вы, конечно, не думаете в самом деле...

— Довольно, посмотрите на их лица! — приказал Холмс сердито.

Ручаюсь, что никогда мне не приходилось видеть на человеческих физиономиях такого явного признания вины. Старший был ошеломлен и раздавлен. Его суровые, резкие черты выражали угрюмую безнадежность. А сын сбросил с себя развязность и нарочитую беспечность: злобное бешенство опасного зверя вспыхнуло в его черных глазах и исказило красивые черты. Инспектор ничего не сказал, но пошел к двери и дал свисток. Немедля явились двое полицейских.

— У меня нет выбора, мистер Каннингем,— сказал он.— Надеюсь, все это окажется нелепой ошибкой, но вы сами видите, что... А-а, вот вы как? Бросьте сейчас же!

Он ударил по руке молодого Каннингема, и револьвер со взведенным курком упал на пол.

— Спрячьте его,— сказал Холмс, проворно наступив на револьвер ногой,— он вам пригодится на суде. Но вот что действительно нам необходимо...— Он показал маленький скомканный листок бумаги.

— Записка! — вскричал инспектор.

— Вы угадали.

— Где она была?

— Там, где она должна была быть, по моим соображениям. Я все объясню вам позже. Я думаю, полковник, что вы с Уотсоном можете вернуться, я же приду самое большее через час. Нам с инспектором надо поговорить с арестованными, но я непременно буду ко второму завтраку.

Шерлок Холмс сдержал свое слово — около часу дня он присоединился к нам в курительной полковника. Его сопровождал невысокий пожилой джентльмен. Холмс представил его мне. Это был мистер Эктон, дом которого первым подвергся нападению.

— Я хотел, чтобы мистер Эктон присутствовал, когда я буду рассказывать вам о своем расследовании этого пустячного дела,— сказал Холмс,— понятно, что ему будут очень интересны подробности. Боюсь, полковник, что вы жалеете о той минуте, когда приняли под свой кров такого буревестника, как я.

— Напротив,— ответил полковник горячо,— я считаю великой честью познакомиться с вашим методом. Признаюсь, что он далеко превзошел мои ожидания и что я просто не в состоянии постичь, как вам удалось разрешить эту загадку. Я до сих пор ничего не понимаю.

— Боюсь, что мое объяснение вас разочарует, но я никогда ничего не скрываю ни от моего друга Уотсона, ни от любого другого человека, всерьез интересующегося моим методом. Но прежде всего, полковник, я позволю себе выпить глоток вашего бренди: эта схватка в туалетной у Каннингемов меня порядком обессилила.

— Надеюсь, больше у вас не было этих нервных приступов?

Шерлок Холмс рассмеялся от всей души.

— Об этом в свою очередь. Я расскажу вам все по порядку, задерживаясь на разных пунктах, которые вели меня к решению. Пожалуйста, остановите меня, если какой-нибудь вывод покажется вам не совсем ясным.

В искусстве раскрытия преступлений первостепенное значение имеет способность выделить из огромного количества фактов существенные и отбросить случайные. Иначе ваша энергия и внимание непременно распылятся, вместо того чтобы сосредоточиться на главном. Ну, а в этом деле у меня с самого начала не было ни малейшего сомнения

в том, что ключ следует искать в клочке бумаги, найденном в руке убитого.

Прежде чем заняться им, я хотел бы обратить ваше внимание на тот факт, что если рассказ Алека Каннингема верен и если убийца, застрелив Уильяма Кервана, бросился бежать мгновенно, то он, очевидно, не мог вырвать листок из руки мертвеца. Но если это сделал не он, тогда это сделал не кто иной, как Алек Каннингем, так как к тому времени, когда отец спустился вниз, на место происшествия уже сбежались слуги. Соображение очень простое, но инспектору оно не пришло в голову. Он и в мыслях не допускал, что эти почтенные сквайры имеют какое-то отношение к убийству. Ну, а в моих правилах — не иметь предвзятых мнений, а послушно идти за фактами, и поэтому еще на самой первой стадии расследования мистер Алек Каннингем был у меня на подозрении.

Итак, я очень внимательно исследовал тот оторванный уголок листка, который предъявил нам инспектор. Мне сразу стало ясно, что он представляет собой часть интереснейшего документа. Вот он, перед вами. Вы не замечаете в нем ничего подозрительного?

— Слова написаны как-то неровно и беспорядочно,— сказал полковник.

— Милейший полковник! — вскричал Холмс.— Не может быть ни малейшего сомнения в том, что этот документ писали два человека, по очереди, через слово. Если я обращу ваше внимание на энергичное «t» в словах «at» и «to» и попрошу вас сравнить его с вялым «t» в словах «quarter» и «twelve», вы тотчас же признаете этот факт. Самый простой анализ этих четырех слов даст вам возможность сказать с полнейшей уверенностью, что «learn» и «may be» написаны более твердой рукой, а «what» — более слабой.

— Боже правый! Да это ясно как день! — воскликнул полковник.— Но с какой стати два человека будут писать письмо подобным образом?

— Очевидно, дело было скверное, и один из них, не доверявший другому, решил, что каждый должен принять равное участие. Далее: ясно, что один из двух — тот, кто писал «at» и «to»,— был главарем.

— А это откуда вы взяли?

— Мы можем вывести это из простого сравнения одной

руки с другой по их характеру. Но у нас есть более веские основания для такого предположения. Если вы внимательно изучите этот клочок, вы придете к выводу, что обладатель более твердой руки писал все свои слова первым, оставляя пропуски, которые должен был заполнить второй. Эти пропуски не всегда были достаточно большими, и вы можете видеть, что второму было трудно уместить свое «quarter» между «at» и «to», из чего следует, что эти слова были уже написаны. Человек, который написал все свои слова первым, был, безусловно, тем человеком, который планировал это преступление.

— Блестяще! — воскликнул мистер Эктон.

— Но все это очевидные вещи,— сказал Холмс.— Теперь, однако, мы подходим к одному важному пункту. Возможно, вам неизвестно, что эксперты относительно точно определяют возраст человека по его почерку. В нормальных случаях они ошибаются не больше чем на три-четыре года. Я говорю — в нормальных случаях, потому что болезнь или физическая слабость порождают признаки старости даже у юноши. В данном случае, глядя на четкое, энергичное письмо одного и на нетвердое, но все еще вполне разборчивое письмо второго, однако уже теряющее поперечные черточки, мы можем сказать, что один из них — молодой человек, а другой — уже в годах, хотя еще не дряхлый.

— Блестяще! — еще раз воскликнул мистер Эктон.

— И еще есть один момент, не такой явный и более интересный. Оба почерка имеют в себе нечто общее. Они принадлежат людям, состоящим в кровном родстве. Для вас это наиболее очевидно проявляется в том, что «е» везде написано как греческое «Σ», но я вижу много более мелких признаков, говорящих о том же. Для меня нет никакого сомнения в том, что в обоих образцах письма прослеживается фамильное сходство. Разумеется, вам я сообщаю только основные результаты исследования этого документа. Я сделал еще двадцать три заключения, которые интереснее экспертам, чем вам. И все они усиливали мое впечатление, что это письмо написали Каннингемы — отец и сын.

Когда я дошел до этого вывода, моим следующим шагом было изучить подробности преступления и посмотреть, не могут ли они нам помочь. Я отправился в усадьбу

Каннингемов с инспектором и увидел все, что требовалось. Рана на теле убитого, как я мог установить с абсолютной уверенностью, была получена в результате револьверного выстрела, сделанного с расстояния примерно около четырех ярдов. На одежде не было никаких следов пороха. Поэтому Алек Каннингем явно солгал, сказав, что двое мужчин боролись друг с другом, когда прогремел выстрел. Далее, отец и сын одинаково показали место, где преступник выскочил на дорогу. Но в этом месте как раз проходит довольно широкая сырая канава. Поскольку в канаве не оказалось никаких следов, я твердо убедился не только в том, что Каннингемы опять солгали, но и в том, что на месте происшествия вообще не было никакого неизвестного человека.

Теперь мне надо было выяснить мотив этого редкостного преступления. Чтобы добраться до него, я решил прежде всего попробовать узнать, с какой целью была совершена первая кража со взломом у мистера Эктона. Как я понял со слов полковника, между вами, мистер Эктон, и Каннингемами велась тяжба. Разумеется, мне сразу же пришло на ум, что они проникли в вашу библиотеку, чтобы заполучить какой-то документ, который играет важную роль в деле.

— Совершенно верно,— сказал мистер Эктон,— насчет их намерений не может быть никаких сомнений. У меня есть неоспоримое право на половину их имения, и если бы только им удалось выкрасть одну важную бумагу, которая, к счастью, хранится в надежном сейфе моих поверенных, они, несомненно, выиграли бы тяжбу.

— Вот то-то и оно! — сказал Холмс, улыбаясь.— Это была отчаянная, безрассудная попытка, в которой чувствуется влияние молодого Алека. Ничего не найдя, они попытались отвести подозрение, инсценировав обычную кражу со взломом, и с этой целью унесли что попалось под руку. Все это достаточно ясно, но многое оставалось для меня по-прежнему темным. Больше всего мне хотелось найти недостающую часть записки. Я был уверен, что Алек вырвал ее из руки мертвого, и почти уверен, что он сунул ее в карман своего халата. Куда еще он мог ее деть? Вопрос заключался в том, была ли она все еще там. Стоило приложить усилия, чтобы это выяснить, и ради этого мы все пошли в усадьбу.

Каннингемы присоединились к нам, как вы, несомненно, помните, в саду, около двери, ведущей на кухню. Конечно, было чрезвычайно важно не напомнить им о существовании этого документа, иначе они уничтожили бы его немедля. Инспектор был уже готов сообщить им, почему мы придавали такое значение этой бумажке, как благодаря счастливейшему случаю со мной сделалось нечто вроде припадка, и я грохнулся на землю, изменив таким образом тему разговора.

— Боже правый! — воскликнул полковник, смеясь.— Вы хотите сказать, что ваш припадок был ловкий трюк и мы зря вам сочувствовали?

— С профессиональной точки зрения, это проделано великолепно! — воскликнул я, с изумлением глядя на Холмса, который не переставал поражать меня все новыми проявлениями своего изобретательного ума.

— Это — искусство, которое часто может оказаться полезным,— сказал он.— Когда я пришел в себя, мне удалось с помощью не такого уж хитрого приема заставить старого Каннингема написать слово «twelve», чтобы я мог сравнить его с тем же словом, написанным на нашем клочке.

— Каким же идиотом я был! — воскликнул я.

— Я видел, какое сочувствие вызвала у вас моя слабость,— сказал Холмс, смеясь.— И мне было очень жаль огорчать вас: ведь я знаю, как вы беспокоитесь обо мне. Затем мы все вместе отправились на второй этаж, и, после того как мы зашли в комнату младшего Каннингема и я приметил халат, висевший за дверью, я сумел отвлечь их внимание на минуту, перевернув стол, и проскользнул обратно, чтобы обыскать карманы. Но только я успел достать бумажку, которая, как я и ожидал, была в одном из них, как оба Каннингема накинулись на меня и убили бы меня на месте, если бы не ваша быстрая и дружная помощь. По правде говоря, я и сейчас чувствую железную хватку этого молодого человека у себя на горле, а отец чуть не вывернул мне кисть, стараясь вырвать у меня бумажку. Они поняли, что я знаю все, и внезапный переход от сознания абсолютной безопасности к полному отчаянию лишил их разума.

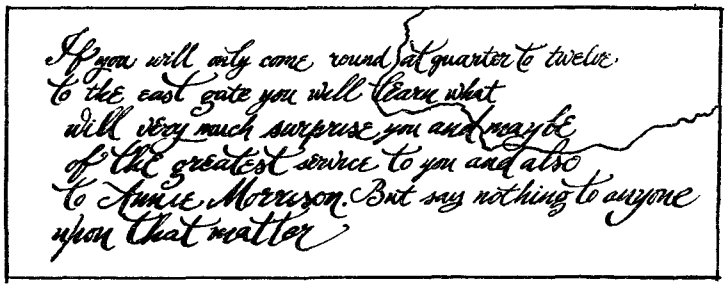
Потом у меня был небольшой разговор со старым Каннингемом по поводу мотива этого преступления. Старик

вел себя смирно, зато сын — сущий дьявол, и если бы он только мог добраться до своего револьвера, пустил бы пулю в лоб себе или кому-нибудь еще. Когда Каннингем понял, что против него имеются такие тяжкие улики, он совсем пал духом и чистосердечно во всем признался. Оказывается, Уильям тайно следовал за своими хозяевами в ту ночь, когда они совершили налет на дом Эктона, и, приобретя таким образом над ними власть, стал вымогать у них деньги под угрозой выдать их полиции.

Однако мистер Алек был слишком опасной личностью, чтобы с ним можно было вести такую игру. В панике, охватившей всю округу после кражи со взломом, он поистине гениально усмотрел возможность отделаться от человека, которого он боялся. Итак, Уильям был завлечен в ловушку и убит, и, если бы только они не оставили этого клочка бумаги и внимательнее отнеслись к подробностям своей инсценировки, возможно, на них никогда не пало бы подозрение.

— А записка? — спросил я.

Шерлок Холмс развернул перед нами записку, приложив к ней оторванный уголок [1].

— Нечто вроде этого я и ожидал найти. Конечно, мы еще не знаем, в каких отношениях были Алек Каннингем, Уильям Керван и Анни Моррисон. Результат показывает, что ловушка была подстроена искусно. Я уверен, что вам доставит удовольствие проследить родственные черты в буквах «r» и в хвостиках у буквы «g». Отсутствие точек в написании буквы «i» у Каннингема-отца тоже очень характерно... Уотсон, наш спокойный отдых в деревне, по-моему, удался как нельзя лучше, и я, несомненно, вернусь завтра на Бейкер-стрит со свежими силами.

[1] «Если вы придете без четверти двенадцать к восточному входу, то вы узнаете то, что может вас очень удивить и сослужит большую службу как вам, так и Анни Моррисон. Только об этом никто не должен знать» (англ.).

„Медные буки“

— Человек, который любит искусство ради искусства,— заговорил Шерлок Холмс, отбрасывая в сторону страницу с объявлениями из «Дейли телеграф»,— самое большое удовольствие зачастую черпает из наименее значительных и ярких его проявлений. Отрадно отметить, что вы, Уотсон, хорошо усвоили эту истину и при изложении наших скромных подвигов, которые по доброте своей вы решились увековечить и, вынужден констатировать, порой пытаетесь приукрасить, уделяете внимание не столько громким делам и сенсационным процессам, в коих я имел честь принимать участие, сколько случаям самим по себе незначительным, но зато предоставляющим большие возможности для дедуктивного метода мышления и логического синтеза, что особенно меня интересует.

— Тем не менее,— улыбнулся я,— не смею утверждать, что в моих записках вовсе отсутствует стремление к сенсационности.

— Возможно, вы и ошибаетесь,— продолжал он, подхватив щипцами тлеющий уголек и раскуривая длинную трубку вишневого дерева, которая заменяла глиняную в те дни, когда он был настроен скорее спорить, нежели размышлять,— возможно, вы и ошибаетесь, стараясь приукрасить и оживить ваши записки, вместо того чтобы ограничиться сухим анализом причин и следствий, который единственно может вызывать интерес в том или ином деле.

— Мне кажется, в своих записках я отдаю вам должное,— несколько холодно возразил я, ибо меня раздражало самомнение моего друга, которое, как я неоднократно убеждался, было весьма приметной чертой в его своеобразном характере.

— Нет, это не эгоизм и не тщеславие,— сказал он, отвечая по привычке скорее моим мыслям, чем моим словам.— Если я прошу отдать должное моему искусству, то это не имеет никакого отношения ко мне лично, оно — вне меня. Преступление — вещь повседневная. Логика — редкая. Именно на логике, а не на преступлении вам и следовало бы сосредоточиться. А у вас курс серьезных лекций превратился в сборник занимательных рассказов.

Было холодное утро начала весны; покончив с завтраком, мы сидели возле ярко пылавшего камина в нашей квартире на Бейкер-стрит. Густой туман повис между рядами сумрачных домов, и лишь окна напротив тусклыми, расплывшимися пятнами маячили в темно-желтой мгле. У нас горел свет, и блики его играли на белой скатерти и на посуде — со стола еще не убирали. Все утро Шерлок Холмс молчал, сосредоточенно просматривая газетные объявления, пока наконец, по-видимому отказавшись от поисков и пребывая не в лучшем из настроений, не принялся читать мне нравоучения по поводу моих литературных занятий.

— В то же время,— после паузы продолжал он, попыхивая своей длинной трубкой и задумчиво глядя в огонь,— вас вряд ли можно обвинить в стремлении к сенсационности, ибо большинство тех случаев, к которым вы столь

любезно проявили интерес, вовсе не представляет собой преступления. Незначительное происшествие с королем Богемии, когда я пытался оказать ему помощь, странный случай с Мэри Сазерлэнд, история человека с рассеченной губой и случай со знатным холостяком — все это не может стать предметом судебного разбирательства. Боюсь, однако, что, избегая сенсационности, вы оказались в плену тривиальности.

— Может, в конце концов так и случилось,— ответил я,— но методы, о которых я рассказываю, своеобразны и не лишены новизны.

— Мой дорогой, какое дело публике, великой, но лишенной наблюдательности публике, едва ли способной по зубам узнать ткача или по большому пальцу левой руки — наборщика, до тончайших оттенков анализа и дедукции? И тем не менее даже если вы банальны, я вас не виню, ибо дни великих дел сочтены. Человек или, по крайней мере, преступник утратил предприимчивость и самобытность. Что же касается моей скромной практики, то я, похоже, превращаюсь в агента по розыску утерянных карандашей и наставника молодых леди из пансиона для благородных девиц. Наконец-то я разобрался, на что гожусь. А полученное мною утром письмо означает, что мне пора приступить к новой деятельности. Прочтите его.— И он протянул мне помятый листок.

Письмо было отправлено из Монтегю-плейс накануне вечером.

«Дорогой мистер Холмс!

Мне очень хочется посоветоваться с Вами по поводу предложения занять место гувернантки. Если разрешите, я зайду к Вам завтра в половине одиннадцатого.

С уважением Вайолет Хантер».

— Вы знаете эту молодую леди? — спросил я.

— Нет.

— Сейчас половина одиннадцатого.

— Да, а вот, не сомневаюсь, она звонит.

— Это дело может оказаться более интересным, нежели вы предполагаете. Вспомните случай с голубым карбункулом, который сначала вы сочли просто недоразумением, а потом он потребовал серьезного расследования. Так может получиться и на этот раз.

— Что ж, будем надеяться! Наши сомнения очень скоро рассеются, ибо вот и особа, о которой идет речь.

Дверь отворилась, и в комнату вошла молодая женщина. Она была просто, но аккуратно одета, лицо у нее было смышленое, живое, все в веснушках, как яичко ржанки, а энергичность, которая чувствовалась в ее движениях, свидетельствовала о том, что ей самой приходится пробивать себе дорогу в жизни.

— Ради бога извините за беспокойство,— сказала она, когда мой друг поднялся ей навстречу,— но со мной произошло нечто настолько необычное, что я решила просить у вас совета. У меня нет ни родителей, ни родственников, к которым я могла бы обратиться.

— Прошу садиться, мисс Хантер. Буду счастлив помочь вам чем могу.

Я понял, что речь и манеры клиентки произвели на Холмса благоприятное впечатление. Он испытующе оглядел ее с ног до головы, а затем, прикрыв глаза и сложив вместе кончики пальцев, приготовился слушать.

— В течение пяти лет я была гувернанткой в семье полковника Спенса Манроу, но два месяца назад полковник получил назначение в Канаду и забрал с собой в Галифакс и детей. Я осталась без работы. Я давала объявления, сама ходила по объявлениям, но все безуспешно. Наконец та небольшая сумма денег, что мне удалось скопить, начала иссякать, и я просто ума не приложу, что делать.

В Вест-Энде есть агентство по найму «Вестэуэй» — его все знают,— и я взяла за правило заходить туда раз в неделю в поисках чего-либо подходящего. Вестэуэй — фамилия владельца этого агентства, в действительности же все дела вершит некая мисс Стопер. Она сидит у себя в кабинете, женщины, которые ищут работу, ожидают в приемной; их поочередно вызывают в кабинет, и она, заглядывая в свой гроссбух, предлагает им те или иные вакансии.

По обыкновению, и меня пригласили в кабинет, когда я зашла туда, но на этот раз мисс Стопер была не одна. Рядом с ней сидел толстый-претолстый человек с улыбчивым лицом и большим подбородком, тяжелыми складками спускавшимися на грудь, и сквозь очки внимательно разглядывал просительниц. Стоило лишь мне войти, как он подскочил на месте и обернулся к мисс Стопер.

— Подходит! — воскликнул он.— Лучшего и желать нельзя. Грандиозно! Грандиозно!

Он, по-видимому, был в восторге и от удовольствия потирал руки. На него приятно было смотреть: таким добродушным он казался.

— Ищете место, мисс? — спросил он.

— Да, сэр.

— Гувернантки?

— Да, сэр.

— А сколько вы хотите получать?

— Полковник Спенс Манроу, у которого я служила, платил мне четыре фунта в месяц.

— Вот это да! Самая что ни на есть настоящая эксплуатация! — вскричал он, яростно размахивая пухлыми кулаками.— Разве можно предлагать столь ничтожную сумму леди, наделенной такой внешностью и такими достоинствами?

— Мои достоинства, сэр, могут оказаться менее привлекательными, нежели вы полагаете,— сказала я.— Немного французский, немного немецкий, музыка и рисование...

— Вот это да! — снова вскричал он.— Значит, и говорить не о чем. Кратко, в двух словах, вопрос вот в чем: обладаете ли вы манерами настоящей леди? Если нет, то вы нам не подходите, ибо речь идет о воспитании ребенка, который в один прекрасный день может сыграть значительную роль в истории Англии. Если да, то разве имеет джентльмен право предложить вам сумму, выраженную менее чем трехзначной цифрой? У меня, сударыня, вы будете получать для начала сто фунтов в год.

Вы, конечно, представляете, мистер Холмс, что подобное предложение показалось мне просто невероятным — я ведь осталась совсем без средств. Однако джентльмен, прочитав недоверие на моем лице, вынул бумажник и достал оттуда деньги.

— В моих обычаях также ссужать юным леди половину жалованья вперед,— сказал он, улыбаясь на самый приятный манер, так что глаза его превратились в две сияющие щелочки среди белых складок лица,— дабы они могли оплатить мелкие расходы во время путешествия и приобрести нужный гардероб.

«Никогда еще я не встречала более очаровательного

и внимательного человека»,— подумалось мне. Ведь у меня уже появились кое-какие долги, аванс был очень кстати, и все-таки было что-то странное в этом деле, и, прежде чем дать согласие, я попыталась разузнать об этом человеке побольше.

— А где вы живете, сэр? — спросила я.

— В Хемпшире. Чудная сельская местность. «Медные буки», в пяти милях от Винчестера. Место прекрасное, моя дорогая юная леди, и дом восхитительный — старинный загородный дом.

— А мои обязанности, сэр? Хотелось бы знать, в чем они состоят.

— Один ребенок, очаровательный маленький проказник, ему только что исполнилось шесть лет. Если бы вы видели, как он бьет комнатной туфлей тараканов! Шлеп! Шлеп! Шлеп! Не успеешь и глазом моргнуть, а трех как не бывало.

Расхохотавшись, он откинулся на спинку стула, и глаза его снова превратились в щелочки.

Меня несколько удивил характер детских забав, но отец смеялся — я решила, что он шутит.

— Значит, мои обязанности — присматривать за ребенком? — спросила я.

— Нет, нет, не только присматривать, не только, моя дорогая юная леди! — вскричал он.— Вам придется также — я уверен, вы и протестовать не будете,— выполнять кое-какие поручения моей жены при условии, разумеется, если эти поручения не будут унижать вашего достоинства. Не много, не правда ли?

— Буду рада оказаться вам полезной.

— Вот именно. Ну, например, речь пойдет о платье. Мы, знаете ли, люди чудаковатые, но сердце у нас доброе. Если мы попросим вас надеть платье, которое мы дадим, вы ведь не будете возражать против нашей маленькой прихоти, а?

— Нет,— ответила я в крайнем удивлении.

— Или сесть там, где нам захочется? Это ведь не покажется вам обидным?

— Да нет...

— Или остричь волосы перед приездом к нам?

Я едва поверила своим ушам. Вы видите, мистер Холмс, у меня густые каштановые волосы с красноватым отливом.

Их считают красивыми. Зачем мне ни с того ни с сего жертвовать ими?

— Нет, это невозможно,— ответила я.

Он жадно глядел на меня своими глазками, и я заметила, что лицо у него помрачнело.

— Но это — обязательное условие,— сказал он.— Маленькая прихоть моей жены, а дамским капризам, как вам известно, сударыня, следует потакать. Значит, вам не угодно остричь волосы?

— Нет, сэр, не могу,— твердо ответила я.

— Что ж... Значит, вопрос решен. Жаль, во всем остальном вы нам подходите. Мисс Стопер, в таком случае мне придется познакомиться с другими юными леди.

Заведующая агентством все это время сидела, просматривая свои бумаги и не проронив ни слова, но теперь она глянула на меня с таким раздражением, что я поняла: из-за меня она потеряла немалое комиссионное вознаграждение.

— Вы хотите остаться в наших списках? — спросила она.

— Если можно, мисс Стопер.

— Мне это представляется бесполезным, поскольку вы отказались от очень интересного предложения,— резко заметила она.— Не будем же мы из кожи лезть вон, чтобы подобрать для вас такое место. Всего хорошего, мисс Хантер.

Она позвонила в колокольчик, и мальчик проводил меня обратно в приемную.

Вернувшись домой — в буфете у меня было пусто, а на столе — лишь новые счета,— я спросила себя, не поступила ли я неосмотрительно. Что из того, что у этих людей есть какие-то причуды и они хотят, чтобы исполнялись самые неожиданные их капризы? Они ведь готовы платить за это. Много ли в Англии гувернанток, получающих сотню в год? Кроме того, какой прок от моих волос? Некоторым даже идет короткая стрижка, может, пойдет и мне? На следующий день я подумала, что совершила ошибку, а еще через день перестала в этом сомневаться. Я уже собиралась, подавив чувство гордости, пойти снова в агентство, чтобы узнать, не занято ли еще это место, как вдруг получаю письмо от этого самого джентльмена. Вот оно, мистер Холмс, я прочту его.

«Медные буки», близ Винчестера.

Дорогая мисс Хантер!

Мисс Стопер любезно согласилась дать мне Ваш адрес, и я пишу Вам из дома, желая осведомиться, не переменили ли Вы свое решение. Моя жена очень хочет, чтобы вы приехали к нам,— я описал ей вас, и вы ей страшно понравились. Мы готовы платить вам десять фунтов в месяц, то есть сто двадцать в год в качестве компенсации за те неудобства, которые могут причинить наши требования. Да они не так уж и суровы. Моя жена очень любит цвет электрик, и ей хотелось бы, чтобы вы надевали платья такого цвета по утрам. Вам совершенно незачем тратиться на подобную вещь, поскольку у нас есть платье моей дорогой дочери Алисы (ныне пребывающей в Филадельфии); думаю, оно будет вам впору. Полагаю, что и просьбу занять определенное место в комнате или выполнить какое-либо иное поручение вы не сочтете чересчур обременительной. Что же касается ваших волос, то их действительно очень жаль; даже во время нашей краткой беседы я успел заметить, как они хороши, но тем не менее я вынужден настаивать на этом условии. Надеюсь, что прибавка к жалованью вознаградит вас за эту жертву. Обязанности в отношении ребенка весьма несложны. Пожалуйста, приезжайте, я встречу вас в Винчестере. Сообщите, каким поездом вы прибудете.

Искренне Ваш

Джефро Рукасл».

Вот какое письмо я получила, мистер Холмс, и твердо решила принять предложение. Однако, прежде чем сделать окончательный шаг, мне хотелось бы услышать ваше мнение.

— Что ж, мисс Хантер, коли вы решились, значит, дело сделано,— улыбнулся Холмс.

— А вы не советуете?

— Признаюсь, место это не из тех, что я пожелал бы для своей сестры.

— А что все-таки под этим кроется, мистер Холмс?

— Не знаю. Может, у вас есть какие-либо соображения?

— Я думаю, что мистер Рукасл мягкосердечный человек. А его жена, наверное, немного сумасшедшая. Вот он и старается держать это в тайне, опасаясь, как бы ее не

забрали в дом для умалишенных, и потворствует ее причудам, чтобы с ней не случился припадок.

— Может быть, может быть. На сегодняшний день это самое вероятное предположение. Тем не менее место это вовсе не для молодой леди.

— Но деньги, мистер Холмс, деньги!

— Да, конечно, жалованье хорошее, даже слишком хорошее. Вот это меня и тревожит. Почему они дают сто двадцать фунтов, когда легко найти человека и за сорок? Значит, есть какая-то веская причина.

— Вот я и подумала, что, если расскажу вам все обстоятельства дела, вы позволите мне в случае необходимости обратиться к вам за помощью. Я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что у меня есть заступник.

— Можете вполне на меня рассчитывать. Уверяю вас, ваша маленькая проблема обещает оказаться наиболее интересной за последние месяцы. В деталях определенно есть нечто оригинальное. Если у вас появятся какие-либо подозрения или возникнет опасность...

— Опасность! Какая опасность?

— Если бы опасность можно было предвидеть, то ее не нужно было бы страшиться,— с самым серьезным видом пояснил Холмс.— Во всяком случае, в любое время дня или ночи шлите телеграмму, и я приду к вам на помощь.

— Тогда все в порядке.— Выражение озабоченности исчезло с ее лица, она проворно поднялась.— Сейчас же напишу мистеру Рукаслу, вечером остригу мои бедные волосы и завтра отправлюсь в Винчестер.

Скупо поблагодарив Холмса и попрощавшись, она поспешно ушла.

— Во всяком случае,— сказал я, прислушиваясь к ее быстрым шагам на лестнице,— она производит впечатление человека, умеющего за себя постоять.

— Ей придется это сделать,— мрачно заметил Холмс.— Не сомневаюсь, через несколько дней мы получим от нее известие...

Предсказание моего друга, как всегда, сбылось. Прошла неделя, в течение которой я неоднократно возвращался мыслями к нашей посетительнице, задумываясь над тем, в какие дебри человеческих отношений может завести жизнь эту одинокую женщину. Большое жалованье, странные условия, легкие обязанности — во всем этом было

что-то неестественное, хотя я абсолютно был не в состоянии решить, причуда это или какой-то замысел, филантроп этот человек или негодяй. Что касается Холмса, то он подолгу сидел, нахмурив лоб и рассеянно глядя вдаль, но, когда я принимался его расспрашивать, он лишь махал в ответ рукой.

— Ничего не знаю, ничего! — раздраженно восклицал он.— Когда под рукой нет глины, из чего лепить кирпич?

А потом бормотал себе под нос, что, будь у него сестра, он не посоветовал бы ей принять подобное предложение.

Телеграмма, которую мы получили, прибыла поздно вечером, когда я уже собирался лечь спать, а Холмс приступил к опытам, за которыми частенько проводил ночи напролет. Когда я уходил к себе, он стоял, наклонившись над ретортой и пробирками; утром, спустившись к завтраку, я заставал его в том же положении. Он открыл желтый конверт и, пробежав взглядом листок, передал его мне.

— Посмотрите расписание поездов,— сказал он и повернулся к своим колбам.

Текст телеграммы был кратким и настойчивым:

«Прошу быть в гостинице «Черный лебедь» в Винчестере завтра в полдень. Приезжайте! Не знаю, что делать. Хантер».

— Поедете со мной? — спросил Холмс, на секунду отрываясь от своих колб.

— С удовольствием.

— Тогда посмотрите расписание.

— Есть поезд в половине десятого,— сказал я, изучая справочник.— Он прибывает в Винчестер в одиннадцать тридцать.

— Прекрасно. Тогда, пожалуй, я отложу анализ ацетона: завтра утром нам может понадобиться максимум энергии.

В одиннадцать утра на следующий день мы уже были на пути к древней столице Англии. Холмс всю дорогу не отрывался от газет, но после того, как мы переехали границу Хемпшира, он отбросил их и принялся смотреть в окно. Стоял прекрасный весенний день, бледно-голубое небо было испещрено маленькими кудрявыми облаками, которые плыли с запада на восток. Солнце светило ярко,

и в воздухе царило веселье и бодрость. На протяжении всего пути, вплоть до холмов Олдершота, среди яркой весенней листвы проглядывали красные и серые крыши ферм.

— До чего приятно на них смотреть! — воскликнул я с энтузиазмом человека, вырвавшегося из туманов Бейкер-стрит.

Но Холмс мрачно покачал головой.

— Знаете, Уотсон,— сказал он,— беда такого мышления, как у меня, в том, что я воспринимаю окружающее очень субъективно. Вот вы смотрите на эти рассеянные вдоль дороги дома и восхищаетесь их красотой. А я, когда вижу их, думаю только о том, как они уединенны и как безнаказанно здесь можно совершить преступление.

— О господи! — воскликнул я.— Кому бы в голову пришло связывать эти милые сердцу старые домики с преступлением?

— Они внушают мне страх. Я уверен, Уотсон,— и уверенность эта проистекает из опыта,— что в самых отвратительных трущобах Лондона не свершается столько страшных грехов, сколько в этой восхитительной и веселой сельской местности.

— Вас прямо страшно слушать.

— И причина этому совершенно очевидна. То, чего не в состоянии совершить закон, в городе делает общественное мнение. В самой жалкой трущобе крик ребенка, которого бьют, или драка, которую затеял пьяница, тотчас же вызовет участие или гнев соседей, и правосудие близко, так что единое слово жалобы приводит его механизм в движение. Значит, от преступления до скамьи подсудимых — всего один шаг. А теперь взгляните на эти уединенные дома — каждый из них отстоит от соседнего на добрую милю, они населены в большинстве своем невежественными бедняками, которые мало что смыслят в законодательстве. Представьте, какие дьявольски жестокие помыслы и безнравственность тайком процветают здесь из года в год. Если бы эта дама, что обратилась к нам за помощью, поселилась в Винчестере, я не боялся бы за нее. Расстояние в пять миль от города — вот где опасность! И все-таки ясно, что опасность угрожает не ей лично.

— Понятно. Если она может приехать в Винчестер встретить нас, значит, она в состоянии вообще уехать.

— Совершенно справедливо. Ее свобода передвижения не ограничена.

— В чем же тогда дело? Вы нашли какое-нибудь объяснение?

— Я придумал семь разных версий, и каждая из них опирается на известные нам факты. Но какая из них правильная, покажут новые сведения, которые, не сомневаюсь, нас ждут. А вот и купол собора, скоро мы узнаем, что же хочет сообщить нам мисс Хантер.

«Черный лебедь» оказался уважаемой в городе гостиницей на Хай-стрит, совсем близко от станции, там мы и нашли молодую женщину. Она сидела в гостиной, на столе нас ждал завтрак.

— Я рада, что вы приехали,— серьезно сказала она.— Большое спасибо. Я и в самом деле не знаю, что делать. Мне страшно нужен ваш совет.

— Расскажите же, что случилось.

— Сейчас расскажу; я должна спешить, потому что обещала мистеру Рукаслу вернуться к трем. Он разрешил мне съездить в город нынче утром, хотя ему, конечно, неведомо зачем.

— Изложите все по порядку.— Холмс вытянул свои длинные ноги в сторону камина и приготовился слушать.

— Прежде всего должна сказать, что, в общем, мистер и миссис Рукасл встретили меня довольно приветливо. Ради справедливости об этом стоит упомянуть. Но понять их я не могу, и это не дает мне покоя.

— Что именно?

— Их поведение. Однако все по порядку. Когда я приехала, мистер Рукасл встретил меня на станции и повез в своем экипаже в «Медные буки». Поместье, как он и говорил, чудесно расположено, но вовсе не отличается красотой: большой квадратный дом, побеленный известкой, весь в пятнах и подтеках от дождя и сырости. С трех сторон его окружает лес, а с фасада — луг, который опускается к дороге на Саутгемптон, что проходит примерно ярдах в ста от парадного крыльца. Участок перед домом принадлежит мистеру Рукаслу, а леса вокруг — собственность лорда Саутертона.

Мой хозяин, сама любезность, встретил меня на станции и в тот же вечер познакомил со своей женой и сыном. Наша с вами догадка, мистер Холмс, оказалась неверной.

Миссис Рукасл не сумасшедшая. Молчаливая бледная женщина, она намного моложе своего мужа, на вид ей не больше тридцати, в то время как ему дашь все сорок пять. Из разговоров я поняла, что они женаты лет семь, что он остался вдовцом и от первой жены у него одна дочь — та самая, которая в Филадельфии. Мистер Рукасл по секрету сообщил мне, что уехала она из-за того, что испытывала какую-то непонятную антипатию к мачехе. Поскольку дочери никак не менее двадцати лет, то я вполне представляю, как неловко она чувствовала себя рядом с молодой женой отца.

Миссис Рукасл показалась мне внутренне столь же бесцветным существом, сколь и внешне. Она не произвела на меня никакого впечатления. Пустое место. И сразу заметна ее страстная преданность мужу и сыну. Светло-серые глаза ее постоянно блуждают от одного к другому, подмечая их малейшее желание и по возможности предупреждая его. Мистер Рукасл в присущей ему грубовато-добродушной манере неплохо к ней относится, и в целом они производят впечатление благополучной пары. Но у женщины есть какая-то тайна. Она часто погружается в глубокую задумчивость, и лицо ее становится печальным. Не раз я заставала ее в слезах. Порой мне кажется, что причиной этому — ребенок, ибо мне еще ни разу не доводилось видеть такое испорченное и злобное маленькое существо. Для своего возраста он мал, зато у него несоразмерно большая голова. Он то подвержен припадкам дикой ярости, то пребывает в состоянии мрачной угрюмости. Причинять боль любому слабому созданию — вот единственное его развлечение, и он выказывает недюжинный талант в ловле мышей, птиц и насекомых. Но о нем незачем распространяться, мистер Холмс, он не имеет отношения к нашей истории.

— Мне нужны все подробности,— сказал Холмс,— представляются они вам относящимися к делу или нет.

— Постараюсь ничего не пропустить. Что мне сразу не понравилось в этом доме, так это внешность и поведение слуг. Их всего двое, муж и жена. Толлер — так зовут слугу — грубый, неотесанный человек с серой гривой и серыми бакенбардами, от него постоянно несет спиртным. Я дважды видела его совершенно пьяным, но мистер Рукасл, по-моему, не обращает на это внимания. Жена Толлера — высокая сильная женщина с сердитым лицом; она так же молчалива, как миссис Рукасл, но гораздо менее любезна. Удивительно неприятная пара! К счастью, большую часть времени я провожу в детской и в моей собственной комнате; они расположены рядом.

Первые два дня после моего приезда в «Медные буки» все шло спокойно. На третий день сразу после завтрака миссис Рукасл что-то шепнула своему мужу.

— Мы очень обязаны вам, мисс Хантер,— поворачиваясь ко мне, сказал он,— за снисходительность к нашим капризам, вы ведь даже остригли волосы. Право же, это ничуть не испортило вашу внешность. А теперь посмотрим, как вам идет цвет электрик. У себя на кровати вы найдете платье, и мы будем очень благодарны, если вы согласитесь его надеть.

Платье, которое лежало у меня в комнате, весьма своеобразного оттенка синего цвета, сшито было из хорошей шерсти, но, сразу заметно, уже ношеное. Сидело оно безукоризненно, как будто его шили специально для меня. Когда я вошла, мистер и миссис Рукасл выразили восхищение, но мне их восторг показался несколько наигранным. Мы находились в гостиной, которая тянется по всему фасаду дома, с тремя огромными окнами, доходящими до самого пола. Возле среднего окна спинкой к нему стоял стул. Меня усадили на этот стул, а мистер Рукасл принялся ходить взад и вперед по комнате и рассказывать смешные истории. Вы представить себе не можете, как комично он рассказывал, и я хохотала до изнеможения. Миссис Рукасл чувство юмора, очевидно, чуждо; она сидела, сложив на коленях руки, с грустным и озабоченным выражением на лице, так ни разу и не улыбнувшись. Примерно через час мистер Рукасл вдруг объявил, что пора приступить к повседневным обязанностям и что я могу переодеться и пойти в детскую к маленькому Эдуарду.

Два дня спустя при совершенно таких же обстоятельствах вся эта сцена повторилась. Снова я должна была переодеться, сесть у окна и хохотать над теми забавными историями, неисчислимым запасом которых обладал мой хозяин. И рассказчиком он был неподражаемым. Затем он дал мне какой-то роман в желтой обложке и, подвинув мой стул так, чтобы моя тень не падала на страницу, попросил почитать ее вслух. Я читала минут десять, начав

где-то в середине главы, а потом он вдруг перебил меня, не дав закончить фразы, и велел пойти переодеться.

Вы, конечно, понимаете, мистер Холмс, как меня удивил этот спектакль. Я заметила, что они настойчиво усаживали меня так, чтобы я оказалась спиной к окну, поэтому я решила во что бы то ни стало узнать, что происходит на улице. Сначала это не представлялось возможным, но потом мне пришла в голову счастливая мысль: у меня был осколок ручного зеркальца, и я спрятала его в носовой платок. В следующий раз, в самый разгар веселья, я приложила носовой платок к глазам и, чуть-чуть приспособившись, сумела рассмотреть все, что находилось позади. Признаться, я была разочарована. Там не было ничего.

По крайней мере так было на первый взгляд. Но, присмотревшись, я заметила на Саутгемптонской дороге невысокого бородатого человека в сером костюме. Он смотрел в нашу сторону. Дорога эта очень оживленная, на ней всегда полно народу. Но этот человек стоял, опершись на ограду, и пристально вглядывался в дом. Я опустила платок и увидела, что миссис Рукасл испытующе смотрит на меня. Она ничего не сказала, но, я уверена, поняла, что у меня зеркало и что я видела, кто стоит перед домом. Она тотчас же поднялась.

— Джефро,— сказала она,— на дороге стоит какой-то мужчина и самым непозволительным образом разглядывает мисс Хантер.

— Может быть, ваш знакомый, мисс Хантер? — спросил он.

— Нет. Я никого здесь не знаю.

— Подумайте, какая наглость! Пожалуйста, повернитесь и помашите ему, чтобы он ушел.

— А не лучше ли просто не обращать внимания?

— Нет, нет, не то он все время будет здесь слоняться. Пожалуйста, повернитесь и помашите ему.

Я сделала, как меня просили, и в ту же секунду миссис Рукасл опустила занавеску. Это произошло неделю назад, с тех пор я не сидела у окна, не надевала синего платья и человека на дороге тоже не видела...

— Прошу вас, продолжайте,— сказал Холмс.— Все это очень интересно...

— Боюсь, мой рассказ довольно бессвязен. Не знаю, много ли общего между всеми этими событиями. Так вот,

в первый же день моего приезда в «Медные буки» мистер Рукасл подвел меня к маленькому флигелю позади дома. Когда мы приблизились, я услышала звяканье цепи: внутри находилось какое-то большое животное.

— Загляните-ка сюда,— сказал мистер Рукасл, указывая на щель между досками.— Ну, разве не красавец?

Я заглянула и увидела два горящих во тьме глаза и смутное очертание какого-то животного. Я вздрогнула.

— Не бойтесь,— засмеялся мой хозяин,— это мой дог Карло. Я называю его моим, но в действительности только старик Толлер осмеливается подойти к нему, чтобы спустить с цепи на ночь, и да поможет бог тому, в кого он вонзит свои клыки. Ни под каким видом не переступайте порога дома ночью, ибо тогда вам суждено распроститься с жизнью.

Предупредил он меня не зря. На третью ночь я случайно выглянула из окна спальни примерно часа в два. Стояла прекрасная лунная ночь, и лужайка перед домом вся сверкала серебром. Я стояла, захваченная мирной красотой пейзажа, как вдруг заметила, что в тени буков кто-то движется. Таинственное существо вышло на лужайку, и я увидела огромного, величиной с теленка, дога рыжевато-коричневой масти, с отвислым подгрудком, черной мордой и могучими мослами. Он медленно пересек лужайку и исчез в темноте на противоположной стороне. При виде этого страшного немого стража сердце у меня замерло так, как никогда бы не случилось при появлении грабителя.

А вот еще одно происшествие, о котором мне тоже хочется вам рассказать. Вы знаете, что я остригла волосы еще до отъезда из Лондона и отрезанную косу спрятала на дно чемодана. Однажды вечером, уложив мальчика спать, я принялась раскладывать свои вещи. В комнате стоит старый комод, два верхних ящика его открыты, и там ничего не было, но нижний заперт. Я положила свое белье в верхние ящики, места не хватило, и я, естественно, была недовольна тем, что нижний ящик заперт. Я решила, что его заперли по недоразумению, поэтому, достав ключи, я попыталась его открыть. Подошел первый же ключ, ящик открылся. Там лежала только одна вещь. И как вы думаете, что именно? Моя коса!

Я взяла ее и как следует рассмотрела. Тот же оттенок волос, что и у меня, и такая же толстая. Но затем я сооб-

разила, что это не мои волосы. Как они могли очутиться в запертом ящике комода? Дрожащими руками я раскрыла свой чемодан, выбросила из него вещи и на дне его увидела свою косу. Я положила две косы рядом, уверяю вас, они были совершенно одинаковыми. Ну, разве это не удивительно? Я была в полнейшем недоумении. Я положила чужую косу обратно в ящик и ничего не сказала об этом Рукаслам: я поступила дурно, чувствовала я, открыв запертый ящик.

Вы, мистер Холмс, наверное, заметили, что я наблюдательна, поэтому мне не составило труда освоиться с расположением комнат и коридоров в доме. Одно крыло его, по-видимому, было нежилым. Дверь, которая вела туда, находилась напротив комнат Толлеров, но была заперта. Однажды, поднимаясь по лестнице, я увидела, как оттуда с ключами в руках выходил мистер Рукасл. Лицо его в этот момент было совсем не таким, как всегда. Щеки его горели, лоб морщился от гнева, а на висках набухли вены. Не взглянув на меня и не сказав ни слова, он запер дверь и поспешил вниз.

Это событие пробудило мое любопытство. Отправившись на прогулку с ребенком, я пошла туда, откуда хорошо видны окна той части дома. Окон было четыре, все они выходили на одну сторону, три просто грязные, а четвертое еще и загорожено ставнями. Там, по-видимому, никто не жил. Пока я ходила взад и вперед по саду, ко мне вышел снова веселый и жизнерадостный мистер Рукасл.

— Не сочтите за грубость, моя дорогая юная леди,— обратился ко мне он,— что я прошел мимо вас, не сказав ни слова привета. Я был очень озабочен своими делами.

Я уверила его, что ничуть не обиделась.

— Между прочим,— сказала я,— у вас наверху, по-видимому, никто не живет, потому что одно окно даже загорожено ставнями.

— Я увлекаюсь фотографией,— ответил он,— и устроил там темную комнату. Но до чего вы наблюдательны, моя дорогая юная леди! Кто бы мог подумать!

Говорил он шутливым тоном, но во взгляде его я прочла подозрение, раздражение, но не шутку.

Так вот, мистер Холмс, как только я поняла, что от меня что-то скрывают, я загорелась желанием проникнуть в эти комнаты. Это было не просто любопытство, хоть

и оно мне не чуждо. Это было чувство долга и уверенность, что, если я туда проникну, я совершу добрый поступок. Говорят, что у женщин есть какое-то особое чутье. Быть может, именно оно поддерживало эту уверенность. Во всяком случае, я настойчиво искала возможность проникнуть за запретную дверь.

Возможность эта представилась только вчера. Должна сказать вам, что, кроме мистера Рукасла, в пустые комнаты зачем-то входили Толлер и его жена, а один раз я даже видела, как Толлер вынес оттуда большой черный мешок. Последние дни он много пьет и вчера вечером был совсем пьян. Поднявшись наверх, я заметила, что ключ от двери торчит в замке. Мистер и миссис Рукасл находились внизу, ребенок был с ними, поэтому я решила воспользоваться представившейся мне возможностью. Тихо повернув ключ, я отворила дверь и проскользнула внутрь.

Передо мной был небольшой коридор с голыми стенами, и пол не был застлан ковром. В конце коридор сворачивал налево. За углом шли подряд три двери, первая и третья были отворены и вели в пустые комнаты, запыленные и мрачные. В первой комнате было два окна, а во второй — одно, такое грязное, что сквозь него еле-еле проникал вечерний свет. Средняя дверь была закрыта и заложена снаружи широкой перекладиной от железной кровати; один конец перекладины был продет во вделанное в стену кольцо, а другой привязан толстой веревкой. Ключа в двери не оставалось. Эта забаррикадированная дверь вполне соответствовала закрытому ставнями окну, но по свету, что пробивался из-под нее, я поняла, что в комнате не совсем темно. По-видимому, свет проникал туда из люка, ведущего на чердак. Я стояла в коридоре, глядя на страшную дверь, и раздумывала, что может таиться за нею, как вдруг услышала внутри шаги и увидела, как на узкую полосу тусклого света, проникавшего из-под двери, то надвигалась какая-то тень, то удалялась от нее. Безумный страх охватил меня, мистер Холмс. Напряженные нервы не выдержали, я повернулась и бросилась бежать — так, будто сзади меня хватала какая-то страшная рука. Я промчалась по коридору, выбежала на площадку и очутилась прямо в объятиях мистера Рукасла.

— Значит,— улыбаясь, сказал он,— это были вы. Я так и подумал, когда увидел, что дверь открыта.

— Ох, как я перепугалась! — пролепетала я.

— Моя дорогая юная леди! Что же так напугало вас, моя дорогая юная леди?

Вы и представить себе не можете, как ласково и успокаивающе он это говорил.

Но голос его был чересчур добрым. Он переигрывал. Я снова была начеку.

— По глупости я забрела в нежилое крыло,— объяснила я.— Но там так пусто и такой мрак, что я испугалась и убежала. Ох, как это страшно!

— И это все? — спросил он, зорко вглядываясь в меня.

— Что же еще? — воскликнула я.

— Как вы думаете, почему я запер эту дверь?

— Откуда же мне знать?

— Чтобы посторонние не совали туда свой нос. Понятно?

Он продолжал улыбаться самой любезной улыбкой.

— Уверяю вас, если бы я знала...

— Что ж, теперь знайте. И если вы хоть раз снова переступите этот порог...— При этих словах улыбка его превратилась в гневную гримасу, словно дьявол глянул на меня своим свирепым оком,— я отдам вас на растерзание моему псу.

Я была так напугана, что не помню, как поступила в ту минуту. Наверное, метнулась мимо него в свою комнату. Очнулась я, дрожа всем телом, уже у себя на постели. И тогда я подумала о вас, мистер Холмс. Я больше не могла там находиться, мне нужно было посоветоваться с вами. Этот дом, этот человек, его жена, его слуги, даже ребенок — все внушало мне страх. Если бы только вызвать вас сюда, тогда все было бы в порядке. Конечно, я могла бы бежать оттуда, но меня терзало любопытство не менее сильное, чем страх. И я решила послать вам телеграмму. Я надела пальто и шляпу, сходила на почту, что в полумиле от нас, и затем, испытывая некоторое облегчение, пошла назад. У самого дома мне пришла в голову мысль, не спустили ли они собаку, но тут же я вспомнила, что Толлер напился до бесчувствия, а без него никто не сумел бы спустить с цепи эту злобную тварь. Я благополучно проскользнула внутрь и полночи не спала, радуясь, что увижу вас. Сегодня утром я без труда получила разрешение съездить в Винчестер. Правда, мне нужно вернуться к трем часам, так как мистер и миссис Рукасл едут к кому-то в гости, поэтому я весь вечер должна быть с ребенком. Теперь вам известны, мистер Холмс, все мои приключения, и я была бы очень рада, если бы вы объяснили мне, что все это значит, и прежде всего научили, как я должна поступить.

Холмс и я затаив дыхание слушали этот удивительный рассказ. Мой друг встал и, засунув руки в карманы, принялся ходить взад и вперед по комнате. Лицо его было чрезвычайно серьезным.

— Толлер все еще пьян?— спросил он.

— Да. Его жена утром говорила миссис Рукасл, что ничего не может с ним сделать.

— Хорошо. Так вы говорите, что Рукаслов нынче весь вечер не будет дома?

— Да.

— В доме есть какой-нибудь погреб, который закрывается на хороший, крепкий замок?

— Да, винный погреб.

— Мисс Хантер, вы вели себя очень отважно и разумно. Сумеете ли вы совершить еще один смелый поступок? Я не обратился бы с подобной просьбой, если бы не считал вас женщиной незаурядной.

— Попробую. А что я должна сделать?

— Мы, мой друг и я, приедем в «Медные буки» в семь часов. К этому времени Рукаслы уедут, а Толлер, надеюсь, не проспится. Останется миссис Толлер. Если вы сумеете под каким-нибудь предлогом послать ее в погреб, а потом запереть там, вы значительно облегчите нашу задачу.

— Я это сделаю.

— Прекрасно! Тогда нам удастся поподробнее расследовать эту историю, у которой только одно объяснение. Вас пригласили туда сыграть роль некоей молодой особы, которую они заточили в комнате наверху. Тут нет никаких сомнений. Кто она? Я уверен, что дочь мистера Рукасла, Алиса, которая, если я не запамятовал, уехала в Америку. Выбор пал на вас: вы похожи на нее ростом, фигурой и цветом волос. Во время болезни ей, наверное, остригли волосы, поэтому пришлось принести в жертву и ваши. Вы случайно нашли ее косу. Человек

на дороге — это ее друг или жених, а так как вы похожи на нее — на вас было ее платье,— то, видя, что вы смеетесь и даже машете, чтобы он ушел, он решил, что мисс Рукасл счастлива и более в нем не нуждается. Собаку спускали по ночам для того, чтобы помешать его попыткам увидеться с Алисой. Все это совершенно ясно. Самое существенное в этом доме — это ребенок.

— Он-то какое отношение имеет ко всей этой истории?! — воскликнул я.

— Мой дорогой Уотсон, вы врач и должны знать, что поступки ребенка можно понять, изучив нрав его родителей. И наоборот. Я часто определял характер родителей, изучив нрав их детей. Этот ребенок анормален в своей жестокости, он наслаждается ею, и унаследовал ли он ее от своего улыбчивого отца или от матери, эта черта одинаково опасна для той бедной девушки, что находится в их власти.

— Вы совершенно правы, мистер Холмс!— вскричала наша клиентка.— Мне приходят на память тысячи мелочей, которые свидетельствуют о том, как вы правы. О, давайте не будем терять время и поможем этой бедняжке.

— Надо быть осторожным, потому что мы имеем дело с очень хитрым человеком. До вечера мы ничего не можем предпринять. В семь мы будем у вас и сумеем разгадать эту тайну.

Мы сдержали слово и ровно в семь, оставив нашу двуколку у придорожного трактира, явились в «Медные буки». Даже если бы мисс Хантер с улыбкой на лице и не ждала нас на пороге, мы все равно узнали бы дом, увидев деревья с темными листьями, сверкающими, как начищенная медь, в лучах заходящего солнца.

— Удалось?— только и спросил Холмс.

Откуда-то снизу доносился глухой стук.

— Это миссис Толлер в погребе,— объяснила мисс Хантер.— А ее муж храпит в кухне на полу. Вот ключи, кажется, такие же, как у мистера Рукасла.

— Умница!— восхищенно вскричал Холмс.— А теперь ведите нас, через несколько минут преступление будет раскрыто.

Мы поднялись по лестнице, отперли дверь, прошли по коридору и очутились перед дверью, о которой рассказывала нам мисс Хантер. Холмс перерезал веревку и снял

перекладину. Затем он хотел отпереть дверь, но ни один ключ не подходил к замку. Изнутри не доносилось ни звука, и Холмс нахмурился.

— Надеюсь, мы не опоздали,— сказал он.— Мне кажется, мисс Хантер, нам лучше войти туда без вас. Нука, Уотсон, нажмите на дверь плечом, не удастся ли нам открыть ее силой.

Старая, обшарпанная дверь тотчас же уступила нашим объединенным усилиям, и мы ворвались в комнату. Она была пуста. В ней не было ничего, кроме маленькой жесткой постели, стола и корзины с бельем. Люк на чердак был распахнут, пленница бежала.

— Здесь что-то произошло,— сказал Холмс.— Этот красавчик, очевидно, догадался о намерениях мисс Хантер и уволок свою жертву.

— Но каким образом?

— Через люк. Сейчас посмотрим, как он это сделал.— Он влез на стол.— Правильно, вот и обрывок веревочной лестницы, привязанной к карнизу. Вот как он это сделал.

— Но это невозможно,— возразила мисс Хантер.— Когда Рукаслы уезжали, никакой лестницы не было.

— Он вернулся и проделал все, что надо. Говорю вам, это умный и опасный человек. Я не удивлюсь, если услышу сейчас на лестнице его шаги. Уотсон, вам лучше приготовить свой пистолет.

Едва он произнес эти слова, как на пороге появился очень полный, крупный мужчина с толстой палкой в руке. Мисс Хантер вскрикнула и прижалась к стене, но Шерлок Холмс решительно встал между ними.

— Негодяй! — сказал он.— Куда вы дели свою дочь?

Толстяк обежал глазами комнату и затем бросил взгляд на люк.

— Это я у вас должен спросить!— закричал он.— Воры! Шпионы и воры! Я поймал вас! Вы в моей власти! Я вам покажу!— Он повернулся и бросился вниз по лестнице.

— Он пошел за собакой!— воскликнула мисс Хантер.

— У меня есть пистолет,— сказал я.

— Надо закрыть парадную дверь,— распорядился Холмс, и мы втроем побежали вниз.

Едва мы спустились, как раздался собачий лай, а затем ужасный вопль, сопровождаемый жутким рычанием.

Из соседней двери, спотыкаясь, выскочил пожилой мужчина с красным лицом и дрожащими руками.

— Боже мой!— вскричал он.— Кто-то спустил собаку. Ее не кормили целых два дня. Быстрее, не то будет поздно!

Мы с Холмсом выбежали из дома и вслед за Толлером завернули за угол. Огромный зверь с черной мордой терзал горло Рукасла, а тот корчился на земле и кричал. Подбежав к собаке, я выстрелил; она упала, но белые ее клыки так и остались в жирных складах шеи. С большим трудом мы оторвали собаку от Рукасла и понесли его, еще живого, но жестоко искалеченного, в дом. Мы положили его на диван в гостиной, послали протрезвевшего Толлера за его женой, а я попытался по мере сил и возможностей облегчить положение раненого. Мы все стояли вокруг него, когда дверь отворилась и в комнату вошла высокая худая женщина.

— Миссис Толлер! — воскликнула мисс Хантер.

— Да, мисс, это я. Мистер Рукасл отпер погреб, когда вернулся, а потом уже пошел наверх к вам. Как жаль, мисс, что вы не рассказали мне о своих намерениях. Я бы убедила вас, что вы стараетесь напрасно.

— Так! — воскликнул Холмс, пристально глядя на нее.— Значит, миссис Толлер известно об этом деле больше, чем кому-либо другому.

— Да, сэр, и я готова рассказать, что знаю.

— Тогда, пожалуйста, садитесь, а мы послушаем некоторые детали, которые, признаюсь, я еще не совсем уяснил.

— Постараюсь прояснить их,— сказала она.— Я бы сделала это и раньше, если бы сумела выбраться из погреба. Коли вмешается полиция, прошу вас помнить, что я была на вашей стороне и помогла мисс Алисе.

У мисс Алисы не было счастья с тех пор, как ее отец женился вторично. На нее не обращали внимания, с ней не считались. Но совсем плохо стало, когда у своей подруги она познакомилась с молодым мистером Фаулером. Насколько мне известно, у мисс Алисы по завещанию были собственные деньги, но уж такой робкой и терпеливой она была, что и словом не заикнулась про них, а просто передала все в руки мистера Рукасла. Он знал, что в отношении денег ему беспокоиться не о чем. Однако перспектива замужества, когда супруг может потребовать все, что принадлежит ему по закону, заставила его призадуматься и решить, что пора действовать. Он хотел, чтобы она подписала бумагу о том, что он имеет право распоряжаться деньгами, независимо от того, выйдет она замуж или нет. Она отказалась это сделать, но он не отставал до тех пор, пока у нее не сделалось воспаление мозга, и шесть недель она находилась между жизнью и смертью. Потом она поправилась, но стала как тень, а ее прекрасные волосы пришлось остричь. Правда, молодого человека это ничуть не смутило — он по-прежнему оставался ей предан, как и полагается порядочному человеку.

— Ваш рассказ значительно прояснил дело,— заметил Холмс.— Остальное я, пожалуй, в состоянии домыслить сам. Значит, мистер Рукасл применил систему насильственной изоляции?

— Да, сэр.

— И привез мисс Хантер из Лондона, чтобы избавиться от настойчивости мистера Фаулера?

— Именно так, сэр.

— Но мистер Фаулер, будучи человеком упрямым, как и подобает настоящему моряку, осадил дом, а встретившись с вами, сумел звоном монет и другими способами убедить вас, что у вас с ним общие интересы.

— Мистер Фаулер умеет уговаривать, человек он щедрый,— безмятежно отозвалась миссис Толлер.

— Ему удалось сделать так, что ваш почтенный супруг не испытывал недостатка в спиртном и чтобы на тот случай, когда ваш хозяин уедет из дома, лестница была наготове.

— Именно так, сэр, все и произошло.

— Премного вам обязан, миссис Толлер, за то, что вы разъяснили нам кое-какие непонятные вещи,— сказал Холмс.— А вот и здешний доктор и с ним миссис Рукасл! Мне думается, Уотсон, нам пора взять мисс Хантер с собой в Винчестер, так как наш status [1] представляется сейчас довольно сомнительным.

Так была раскрыта тайна страшного дома с медными буками у парадного крыльца. Мистер Рукасл остался жив, но превратился в полного инвалида, и существование его

[1] Положение (лат.).

теперь целиком зависит от забот преданной жены. Они по-прежнему живут вместе со своими старыми слугами, которым, наверное, так много известно из прошлой жизни мистера Рукасла, что у него нет сил с ними расстаться. Мистер Фаулер и мисс Рукасл обвенчались в Саутгемптоне на следующий же день после побега, и сейчас он правительственный чиновник на острове Святого Маврикия. Что же касается мисс Вайолет Хантер, то мой друг Холмс, к крайнему моему неудовольствию, больше не проявил к ней никакого интереса, поскольку она перестала быть центром занимающей его проблемы, и сейчас она трудится на посту директора частной школы в Уолсоле, делая это, не сомневаюсь, весьма успешно.

Убийство в Эбби-Грейндж

В холодное, морозное утро зимы 1897 года я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Это был Холмс. Свеча в его руке озаряла взволнованное лицо моего друга, и я сразу же понял: случилось что-то неладное.

— Вставайте, Уотсон, вставайте!— говорил он.— Игра началась! Ни слова! Одевайтесь, и едем!

Через десять минут мы оба сидели в кэбе и мчались с грохотом по тихим улицам к вокзалу Черинг-кросс. Едва забрезжил робкий зимний рассвет, и в молочном лондонском тумане смутно виднелись редкие фигуры

спешивших на работу мастеровых, Холмс, укутавшись в свое теплое пальто, молчал, и я последовал его примеру, потому что было очень холодно, а мы оба выехали натощак. И только выпив на вокзале горячего чаю и усевшись в кентский поезд, мы настолько оттаяли, что он мог говорить, а я слушать. Холмс вынул из кармана записку и прочитал ее вслух:

«Эбби-Грейндж, Маршем, Кент, 3.30 утра.

Мой дорогой м-р Холмс! Буду очень рад, если Вы немедленно окажете мне содействие в деле, которое обещает быть весьма замечательным. Это нечто в Вашем вкусе. Леди придется выпустить, все остальное постараюсь сохранить в первоначальном виде. Но, прошу Вас, не теряйте ни минуты, потому что трудно будет оставить здесь сэра Юстеса.

Преданный вам

Стэнли Хопкинс».

— Хопкинс вызывал меня семь раз, и во всех случаях его приглашение оправдывалось,— сказал Холмс.— Если не ошибаюсь, все эти дела вошли в вашу коллекцию, а я должен признать, Уотсон, что у вас есть умение отбирать самое интересное. Это в значительной степени искупает то, что мне так не нравится в ваших сочинениях. Ваша несчастная привычка подходить ко всему с точки зрения писателя, а не ученого, погубила многое, что могло стать классическим образцом научного расследования. Вы только слегка касаетесь самой тонкой и деликатной части моей работы, останавливаясь на сенсационных деталях, которые могут увлечь читателя, но ничему не научат.

— А почему бы вам самому не писать эти рассказы?— сказал я с некоторой запальчивостью.

— И буду писать, мой дорогой Уотсон, непременно буду. Сейчас, как видите, я очень занят, а на склоне лет я собираюсь написать руководство, в котором сосредоточится все искусство раскрытия преступлений. Хопкинс, по-моему, нас вызвал сегодня по поводу убийства.

— Вы думаете, стало быть, что этот сэр Юстес мертв?

— Да. По записке видно, что Хопкинс сильно взволнован, а он не тот человек, которого легко взволновать. Да, я думаю, что это убийство и тело оставлено, чтобы мы могли его осмотреть. Из-за обыкновенного самоубийства Хопкинс не послал бы за мной. Слова «леди придется выпустить» означают, вероятно, что, пока разыгрывалась трагедия, она была где-то заперта. Мы переносимся в высший свет, Уотсон: дорогая, хрустящая бумага, монограмма «Ю. Б.», герб, пышный титул. Полагаю, что наш друг Хопкинс оправдает свою репутацию и сегодня утром мы не будем скучать. Преступление было совершено до полуночи.

— Из чего вы это могли заключить?

— Из расписания поездов и из подсчета времени. Надо было вызвать местную полицию, она снеслась со Скотленд-Ярдом. Хопкинс должен был туда приехать и, в свою очередь, послать за мной. Этого хватает как раз на целую ночь. Впрочем, вот уже и Чизилхерст, и скоро все наши сомнения разъяснятся.

Проехав несколько миль по узким деревенским дорогам, мы добрались до ворот парка, которые распахнул перед нами старый привратник; его мрачное лицо говорило о недавно пережитом большом потрясении. Через великолепный парк между двумя рядами старых вязов шла аллея, заканчиваясь у невысокого, вытянутого в длину дома с колоннами в стиле Палладио по фасаду. Центральная часть здания была, несомненно, очень древней постройки и вся увита плющом; но большие широкие окна говорили о том, что ее коснулись современные усовершенствования, а одно крыло было по всем признакам совсем новое. У входа в открытых дверях мы увидели стройную молодую фигуру инспектора Стэнли Хопкинса и его возбужденное, встревоженное лицо.

— Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс. И вы тоже, доктор Уотсон. Но, право, если бы я мог начать все сначала, я бы не стал беспокоить вас. Как только леди пришла в себя, она дала такие ясные показания, что теперь уже дело за немногим. Помните луишемскую банду взломщиков?

— Троих Рэндолов?

— Именно. Отец и два сына. Это их работа. У меня нет сомнений на этот счет. Две недели назад они поработали в Сайденхэме, их там видели, и у нас теперь есть

описание их наружности. Какая дерзость? Двух недель не прошло — и вот вам новое преступление. И в одном районе. Но это они, никакого сомнения, они. На этот раз от виселицы им не уйти.

— Сэр Юстес, значит, мертв?

— Да. Они проломили ему голову кочергой от его же собственного камина.

— Сэр Юстес Брэкенстолл, как сообщил нам кучер?

— Да, он. Один из самых богатых людей в Кенте. Леди Брэкенстолл сейчас в гостиной. Бедная, что ей пришлось пережить! Она была почти мертва, когда я впервые увидел ее. Вам лучше всего, я думаю, пойти к ней и послушать рассказ обо всем этом из ее собственных уст. Потом мы вместе осмотрим столовую.

Леди Брэкенстолл оказалась женщиной необыкновенной. Редко приходилось мне видеть такую изящную фигуру, такие женственные манеры и такое прекрасное лицо. Она была блондинка с золотистыми волосами, голубыми глазами и, должно быть, восхитительным цветом лица, которое от недавних переживаний было сейчас очень бледно и измученно. На ее долю выпали не только моральные страдания, но и физические: над одним глазом у нее набух большой багровый кровоподтек, который ее горничная — высокая строгая женщина — усердно смачивала водой с уксусом. Леди лежала на кушетке в полном изнеможении, но ее быстрый, внимательный взгляд и настороженное выражение прекрасного лица показали, что страшное испытание не повлияло ни на ее разум, ни на ее самообладание. На ней был свободный, голубой с серебром халат, но здесь же, на кушетке, позади нее, лежало черное, отделанное блестками нарядное платье.

— Я уже рассказала вам все, что произошло, мистер Хопкинс,— сказала она устало.— Не могли бы вы повторить мой рассказ? Впрочем, если вы считаете, что это необходимо, я расскажу сама. Они уже были в столовой?

— Я считал, что сначала им надо выслушать ваш рассказ.

— Я вздохну свободно только тогда, когда с этим ужасом будет покончено. Мне страшно подумать, что он все еще лежит там.

Она вздрогнула и на секунду закрыла лицо руками. Широкие рукава ее халата упали, обнажив руки до локтя.

— У вас есть еще ушибы, мадам? Что это? — воскликнул Холмс.

Два ярко-красных пятна проступали на белой гладкой коже руки. Она поспешила прикрыть их.

— Это ничего. Это не имеет отношения к страшным событиям минувшей ночи. Если вы и ваш друг присядете, я расскажу вам все, что знаю. Я жена сэра Юстеса Брэкенстолла. Мы поженились около года тому назад. Думаю, не к чему скрывать, что наш брак был не из счастливых. Так скажут вам, надо думать, все соседи, даже если бы я и попыталась это отрицать. Возможно, что вина отчасти моя. Я выросла в более свободной, не скованной такими условностями обстановке Южной Австралии, и эта английская жизнь с ее строгими приличиями и чопорностью мне не по душе. Но главное в том — и это знают все,— что сэр Юстес сильно пил. Нелегко было даже час провести с таким человеком. Вообразите, что значит для чуткой и пылкой молодой женщины быть с ним вместе и днем и ночью! Это святотатство, это преступление, это подлость — считать, что такой брак нерушим. Я убеждена, что эти ваши чудовищные законы навлекут проклятие на вашу страну. Небо не позволит, чтобы несправедливость торжествовала вечно.

Она на минуту привстала, щеки у нее вспыхнули, глаза заблестели. Багровый кровоподтек показался мне еще страшнее. Сильная и нежная рука ее суровой горничной опустила ее голову на подушку, и неистовая вспышка гнева разрешилась бурными рыданиями.

Наконец она заговорила опять:

— Я расскажу вам теперь о минувшей ночи. Вы уже, возможно, заметили, что все наши слуги спят в новом крыле. В центральной части дома жилые комнаты, за ними кухня и наши спальни наверху. Горничная моя Тереза спит над моей комнатой. Больше здесь нет никого, и ни один звук не доносится до тех, кто живет в пристройке. Судя по тому, как вели себя грабители, это им было известно.

Сэр Юстес удалился к себе около половины одиннадцатого. Слуги уже легли спать. Не легла только моя горничная, она ждала у себя наверху, когда я позову ее. Я сидела в этой комнате и читала. В двенадцатом часу, перед тем как подняться наверх, я пошла посмотреть, все ли

в порядке. Это моя обязанность, как я уже объяснила вам, на сэра Юстеса не всегда можно было положиться. Я зашла в кухню, в буфетную к дворецкому, в оружейную, в бильярдную, в гостиную и, наконец, в столовую. Когда я подошла к дверям, задернутым плотными портьерами, я вдруг почувствовала сквозняк и поняла, что дверь открыта настежь. Я отдернула портьеру и оказалась лицом к лицу с пожилым широкоплечим мужчиной, который только что вошел в комнату. Дверь, большая, стеклянная, так называемое французское окно, выходит на лужайку, перед домом. У меня в руке была зажженная свеча, и я увидела за этим мужчиной еще двоих, которые как раз входили в дом. Я отступила, но мужчина набросился на меня, схватил сперва за руку, потом за горло. Я хотела крикнуть, но он кулаком нанес мне страшный удар по голове и свалил наземь. Вероятно, я потеряла сознание, потому что, когда через несколько минут я пришла в себя, оказалось, что они оторвали от звонка веревку и крепко привязали меня к дубовому креслу, которое стоит во главе обеденного стола. Я не могла ни крикнуть, ни шевельнуться — так крепко я была привязана, и рот у меня был завязан платком. В эту минуту в комнату вошел мой несчастный супруг. Он, должно быть, услышал какой-то подозрительный шум и ожидал увидеть нечто подобное тому, что представилось его глазам. Он был в ночной сорочке и брюках, но в руке держал свою любимую дубинку. Он бросился к одному из грабителей, но тот, которого я увидела первым, схватил из-за каминной решетки кочергу и ударил его со страшной силой по голове. Мой муж упал, даже не вскрикнув. Он был мертв. Сознание опять покинуло меня, но через несколько минут я очнулась. Открыв глаза, я увидела, что воры взяли из буфета все серебро и достали оттуда же бутылку с вином. У каждого в руке был бокал. Я уже говорила вам, что один из них был постарше, с бородой, два других — молодые парни. Возможно, это были отец и сыновья. Поговорив шепотом о чем-то, они ко мне подошли, чтобы проверить, крепко ли я привязана. Потом они ушли, затворив за собой дверь. Мне удалось освободить рот только через четверть часа. Я закричала, крики услыхала горничная и сбежала вниз. Проснулись и другие слуги, и мы послали за полицией. Полиция немедленно связалась с Лондоном. Вот все, что я могу сказать вам, джентльмены,

и надеюсь, что мне не придется еще раз повторять эту столь горестную для меня историю.

— Вы хотели бы что-то спросить мистер Холмс? — сказал Хопкинс.

— Нет, я не хочу больше испытывать терпение леди Брэкенстолл и злоупотреблять ее временем,— сказал Холмс.— Но прежде чем пойти осматривать столовую, я был бы рад послушать ваш рассказ,— обратился он к горничной.

— Я видела этих людей еще до того, как они вошли в дом,— сказала она.— Я сидела у окна своей комнаты и вдруг увидела у сторожки привратника трех мужчин. Ночь-то была лунная. Но ничего плохого я тогда не подумала. А через час я услышала стоны моей хозяйки, бросилась вниз и нашла ее, голубушку, привязанной в этом кресле, точь-в-точь как она вам рассказывала. Хозяин лежал на полу, а комната была забрызгана мозгами и кровью. И даже у нее на платье была кровь. От этого кто угодно в обморок упадет. Но она всегда была мужественной, мисс Мэри Фрейзер из Аделаиды. И она ни капельки не изменилась, став леди Брэкенстолл из Эбби-Грейндж. Вы очень долго расспрашивали ее, джентльмены. Видите, как она устала. Старая верная Тереза отведет ее в спальню. Ей надо отдохнуть.

Эта худая, суровая женщина с материнской нежностью обняла за талию свою хозяйку и увела ее из комнаты.

— Она прожила с ней всю жизнь,— сказал Хопкинс.— Нянчила ее, когда та была маленькой. Полтора года назад они покинули Австралию и вместе приехали в Англию. Ее зовут Тереза Райт, и таких слуг вы теперь не найдете. Вот так, мистер Холмс!

Выразительное лицо Холмса стало безучастным. Я знал, для него вместе с тайной исчезает и вся привлекательность дела. Правда, оставалось еще найти и арестовать преступников. Но дело было такое заурядное, что Холмсу не стоило тратить время. Он чувствовал примерно то же, что чувствует крупный специалист, светило в медицинском мире, когда его приглашают к постели ребенка лечить корь. Но, войдя в столовую и воочию увидев картину преступления, Холмс оживился и снова почувствовал интерес к этому делу.

Столовая была большой высокой комнатой с потолком из резного дуба, с дубовыми панелями и отличным собранием оленьих рогов и старого оружия на стенах. Напротив входа в дальнем конце комнаты находилась та самая стеклянная дверь, о которой говорила леди Брэкенстолл. Справа три окна, наполнявшие комнату холодным светом зимнего солнца. По левую сторону зияла пасть большого, глубокого камина под массивной дубовой полкой. У камина стояло тяжелое дубовое кресло с подлокотниками и резьбой внизу спинки. Сквозь отверстия резьбы был продет красный шнур, концы которого были привязаны к нижней перекладине. Когда леди освободили от пут, шнур соскочил, но узлы так и остались не развязаны.

Эти детали мы заметили позже, потому что теперь все наше внимание было приковано к телу, распростертому на тигровой шкуре перед камином.

Это был высокий, хорошо сложенный мужчина лет сорока. Он лежал на спине, с запрокинутым лицом и торчащей вверх короткой черной бородкой, скаля в усмешке белые зубы. Над головой были занесены стиснутые кулаки, а поверх рук лежала накрест его тяжелая дубинка. Его красивое, смуглое, орлиное лицо исказила гримаса мстительной ненависти и неистовой злобы. Он, видимо, был уже в постели, когда поднялась тревога, потому что на нем была щегольская, вышитая ночная сорочка, а из брюк торчали босые ноги. Голова была размозжена, и все в комнате говорило о дикой жестокости, с которой был нанесен удар. Рядом с ним валялась тяжелая кочерга, согнувшаяся от удара в дугу. Холмс внимательно осмотрел кочергу и нанесенную ею рану на голове.

— Видимо, этот старший Рэндо — могучий мужчина,— заметил он.

— Да,— сказал Хопкинс.— У меня есть о нем кое-какие данные. Опасный преступник.

— Вам будет нетрудно его взять.

— Конечно. Мы давно за ним следим. Ходили слухи, что он подался в Америку. А он, оказывается, здесь. Ну теперь ему от нас не уйти. Мы уже сообщили его приметы во все морские порты, и еще до вечера будет объявлена денежная премия за поимку. Я одного не могу понять: как они решились на такое отчаянное дело, зная, что леди опишет их нам, а мы по описанию непременно их опознаем.

— В самом деле, почему им было не прикончить и леди Брэкенстолл?

— Наверное, думали,— высказал я предположение,— что она не скоро придет в себя.

— Возможно. Они видели, что она без сознания, вот и пощадили ее. А что вы можете рассказать, Хопкинс, об этом несчастном? Я как будто слышал о нем что-то не очень лестное.

— Трезвым он был неплохой человек. Но когда напивался, становился настоящим чудовищем. Точно сам дьявол вселялся в него. В такие минуты он бывал способен на все. Несмотря на титул и на богатство, он уже дважды чуть не попал к нам. Как-то облил керосином собаку и поджег ее, а собака принадлежала самой леди. Скандал едва замя́ли. В другой раз он бросил в горничную графин. В эту самую Терезу Райт. И с этим делом сколько было хлопот! Вообще говоря, только это между нами, без него в доме станет легче дышать... Что вы делаете, Холмс?

Холмс опустился на колени и с величайшим вниманием рассматривал узлы на красном шнуре, которым леди привязали к креслу. Затем он так же тщательно осмотрел оборванный конец шнура, который был сильно обтрепан.

— Когда за этот шнур дернули, то в кухне, надо думать, громко зазвонил звонок,— заметил он.

— Да, но услышать его никто не мог. Кухня — направо, в противоположной стороне здания.

— Откуда грабитель мог знать, что звонка не услышат? Как он решился столь неосмотрительно дернуть шнур?

— Верно, мистер Холмс, верно. Вы задаете тот же вопрос, который и я много раз задавал себе. Нет сомнения, что грабители должны были хорошо знать и самый дом и его порядки. Прежде всего они должны были знать, что все слуги в этот сравнительно ранний час уже в постели и что ни один из них не услышит звонка. Стало быть, кто-то из слуг был их союзником. Но в доме восемь слуг, и у всех отличные рекомендации.

— При прочих равных условиях,— сказал Холмс,— можно было бы заподозрить служанку, в которую хозяин бросил графин. Но это означало бы предательство по отношению к хозяйке, а Тереза Райт безгранично предана ей. Но это — второстепенное обстоятельство. Арестовав Рэндола, вы без особого труда установите и его сообщников.

Рассказ леди полностью подтверждается — если требуются подтверждения — всем тем, что мы здесь видим.

Он подошел к стеклянной двери и отворил ее.

— Никаких следов, да их и не может быть: земля твердая, как железо. Между прочим, свечи на камине горели ночью.

— Да. Именно эти свечи и свеча в спальне леди послужили грабителям ориентиром.

— Что грабители унесли?

— Совсем немного. Только полдюжины серебряных приборов из буфета. Леди Брэкенстолл думает, что, убив сэра Юстеса, они испугались и не стали дочиста грабить дом, как это было наверняка задумано.

— Пожалуй, что так. Странно только, что у них хватило духу задержаться и выпить вина.

— Нервы, видно, хотели успокоить.

— Пожалуй. К этим бокалам никто не притрагивался сегодня?

— Никто, и бутылка как стояла, так и стоит на буфете.

— Сейчас посмотрим. А это что такое?

Три бокала стояли в ряд, все со следами вина. В одном на дне темнел осадок, какой дает старое, выдержанное вино. Тут же стояла бутылка, наполненная на две трети, а рядом лежала длинная, вся пропитанная вином пробка. Эта пробка и пыль на бутылке говорили о том, что убийцы лакомились не простым вином.

Холмс вдруг на глазах переменился. Куда девалась его апатия! Взгляд стал живым и внимательным. Он взял в руки пробку и стал ее рассматривать.

— Как они вытащили ее? — спросил он.

Хопкинс кивнул на выдвинутый наполовину ящик буфета. В нем лежало несколько столовых скатертей и большой пробочник.

— Леди Брэкенстолл упоминала этот пробочник?

— Нет. Но ведь она была без сознания, когда они открывали бутылку.

— Да, действительно. Между прочим, бутылку открывали штопором из складного ножа с набором инструментов. Он был длиной не более полутора дюймов. Если присмотреться к головке пробки, то видно, что штопор ввинчивался трижды, прежде чем пробка была извлечена. И штопор ни разу не прошел насквозь. Этот длинный пробочник насквозь бы пробуравил пробку и вытащил ее с первого раза. Когда вы поймаете субъекта, непременно поищите у него складной перочинный нож с многочисленными инструментами.

— Великолепно! — воскликнул Хопкинс.

— Но эти бокалы, признаюсь, ставят меня в тупик. Леди Брэкенстолл в самом деле видела, как все трое пили вино?

— Да, видела.

— Ну, тогда не о чем говорить! А все-таки вы должны признать, Хопкинс, что эти бокалы весьма примечательны. Что? Вы ничего не замечаете? Ну хорошо, пусть. Возможно, что, когда человек развил в себе некоторые способности, вроде моих, и углубленно занимался наукой дедукции, он склонен искать сложные объяснения там, где очевидно напрашиваются более простые. Эти бокалы, вероятно, ничего не значат. Всего хорошего, Хопкинс. Не вижу, чем я могу быть полезен вам. Дело как будто ясное. Сообщите мне, когда Рэндол будет арестован, и вообще о всех дальнейших событиях. Надеюсь, что скоро смогу поздравить вас с успешным завершением дела. Идемте, Уотсон. Думаю, что дома мы с большей пользой проведем время.

На обратном пути я по лицу Холмса видел, что ему не дает покоя какая-то мысль. Усилием воли он старался избавиться от ощущения какой-то несообразности и старался вести разговор так, будто все для него ясно. Но сомнения снова и снова одолевали его. Нахмуренные брови, невидящие глаза говорили о том, что его мысли опять устремились к той большой столовой в Эбби-Грейндж, где разыгралась эта полночная трагедия. И в конце концов на какой-то пригородной станции, когда поезд уже тронулся, Холмс, побежденный сомнениями, выскочил на платформу и потянул меня за собой.

— Извините меня, дорогой друг,— сказал он, когда задние вагоны нашего поезда скрылись за поворотом,— мне совестно делать вас жертвой своей прихоти, как это может показаться. Но, клянусь жизнью, я просто не могу оставить дело в таком положении. Мой опыт, моя интуиция восстают против этого. Все неправильно, готов поклясться, что все неправильно. А между тем рассказ леди точен и ясен, в показаниях горничной нет никаких противоречий, все подробности сходятся. Что я могу противопоставить

этому? Три пустых бокала, вот и все. Но если бы я подошел к делу без предвзятого мнения, если бы стал расследовать его с той тщательностью, которой требует дело de novo, если бы не было готовой версии, которая сразу увела нас в сторону,— неужели я не нашел бы ничего более определенного, чем эти бокалы? Конечно, нашел бы. Садитесь на эту скамью, Уотсон, подождем чизилхерстский поезд. А пока послушайте мои рассуждения. Только прошу вас — это очень важно,— пусть показания хозяйки и горничной не будут для вас непреложной истиной. Личное обаяние леди Брэкенстолл не должно мешать нашим выводам.

В ее рассказе, если к нему отнестись беспристрастно, несомненно, есть подозрительные детали. Эти взломщики совершили дерзкий налет в Сайденхэме всего две недели назад. В газетах сообщались о них кое-какие сведения, давались их приметы. И если бы кто-нибудь решил сочинить версию об ограблении, он мог бы воспользоваться этим. Подумайте, разве взломщики, только что совершившие удачный налет, пойдут на новое опасное дело, вместо того чтобы мирно радоваться удаче где-нибудь в недосягаемом месте? Далее, разве принято у грабителей действовать в столь ранний час или бить женщину, чтобы она молчала, хотя это самый верный способ заставить ее закричать? Не будут они и убивать человека, если их достаточно, чтобы справиться с ним без кровопролития. Не упустят они добычи и не ограничатся пустяками, если добыча сама идет в руки. Оставить бутылку вина недопитой тоже не в правилах этих людей. Не удивляют ли вас все эти несообразности, Уотсон?

— Все вместе они производят впечатление, хотя каждая в отдельности не такая уж невозможная вещь. Самое странное в этом деле, мне кажется, то, что леди привязали к креслу.

— Мне это не кажется странным, Уотсон. Они должны были или убить ее, или сделать так, чтобы она не подняла тревоги сразу же после их ухода. Но все равно, Уотсон, разве я не убедил вас, что в рассказе леди Брэкенстолл не все заслуживает доверия? А хуже всего эти бокалы.

— Почему?

— Вы можете представить себе их?

— Могу.

— Леди Брэкенстолл говорит, что из них пили трое. Не вызывает это у вас сомнения?

— Нет. Ведь вино осталось в каждом бокале.

— Но почему-то в одном есть осадок, а в других нет... Вы, наверное, это заметили? Как вы можете объяснить это?

— Бокал, в котором осадок, был, наверное, налит последним?

— Ничего подобного. Бутылка была полная, осадок в ней на дне, так что в третьем бокале вино должно быть точно такое, как и в первых двух. Возможны только два объяснения. Первое: после того, как наполнили второй бокал, бутылку сильно взболтали, так что весь отстой оказался в третьем бокале. Но это маловероятно. Да, да, я уверен, что я прав.

— Как же вы объясняете этот осадок?

— Я думаю, что пили только из двух бокалов, а в третий слили остатки, поэтому в одном бокале есть осадок, а в двух других нет. Да, именно так и было. Но тогда, ночью, в столовой было два человека, а не три, и дело сразу из весьма заурядного превращается в нечто в высшей степени интересное. Выходит, что леди Брэкенстолл и ее горничная сознательно нам лгали, что нельзя верить ни одному их слову и что, видимо, у них были очень веские причины скрыть настоящего преступника. Так что нам придется восстановить обстоятельства дела самим, не рассчитывая на их помощь. Вот что нам предстоит сделать, Уотсон. А вот и чизилхерстский поезд.

Наше возвращение очень удивило всех обитателей Эбби-Грейндж. Узнав, что Стэнли Хопкинс уехал докладывать своему начальству, Шерлок Холмс завладел столовой, запер изнутри двери и два часа занимался самым подробным и тщательным изучением места преступления, чтобы на собранных фактах возвести блестящее здание неопровержимых выводов. Усевшись в углу, я, как прилежный студент на демонстрации опыта у профессора, не отрываясь следил, как подвигается это замечательное исследование. Окно, портьеры, ковер, кресло, веревка — все было внимательно изучено и о каждом предмете сделано заключение. Тело несчастного баронета уже убрали, а все остальное оставалось на своих местах. К моему удивлению, Холмс влез на дубовую каминную полку. Высоко над

его головой висел обрывок красного шнура, все еще привязанный к звонку. Холмс долго смотрел вверх, потом, чтобы приблизиться к шнуру, оперся коленом на карниз стены и протянул руку. До шнура оставалось всего несколько дюймов. Но тут его внимание привлек карниз. Осмотрев его, он, очень довольный, спрыгнул на пол.

— Все в порядке, Уотсон. Дело раскрыто. Это будет одно из самых замечательных дел в вашей коллекции. Однако, мой дорогой, до чего я был недогадлив — ведь я чуть было не совершил самой большой ошибки в моей жизни! Теперь остается восстановить только несколько недостающих звеньев. И вся цепь событий будет ясна.

— Вы уже знаете, кто эти люди?

— Это один человек, Уотсон, один! Один, но поистине грозная фигура. Силен, как лев,— вспомните удар, который погнул кочергу. Рост — шесть футов. Проворен, как белка. Очень ловкие пальцы. Умен и изобретателен. Ведь все это представление придумано им. Да, Уотсон, мы столкнулись с замечательной личностью. Но все-таки и он оставил следы. Этот шнур от звонка — ключ к решению всего дела.

— Не понимаю.

— Послушайте, Уотсон: если бы вам понадобился этот шнур и вы бы его с силой дернули, как, по-вашему, где бы он оборвался? Конечно, там, где он привязан к проволоке. Почему же он оборвался гораздо ниже?

— Потому что он в этом месте протерся.

— Вот именно. И оборванный конец действительно потерт. У этого человека хватило ума подделать потертость ножом. Но другой конец наверху целый. Отсюда не видно. Но если встать на каминную полку, в этом легко убедиться. Он очень чисто срезан, и никаких потертостей там нет. Теперь уже можно восстановить ход событий. Неизвестный не стал обрывать шнур, боясь поднять тревогу. Чтобы обрезать его, он влез на каминную полку, но этого ему показалось мало. Тогда он оперся коленом на карниз, оставив на его пыльной поверхности след, протянул руку и обрезал шнур ножом. Я не дотянулся: еще оставалось три дюйма до шнура. Из этого я заключаю, что он по крайней мере на три дюйма выше меня. А теперь взгляните на сиденье кресла. Что это?

— Кровь.

— Кровь, вне всякого сомнения. Это одно доказывает,

что рассказ леди Брэкенстолл — вымысел от начала до конца. Если она сидела в этом кресле, когда совершалось преступление, откуда взялись на нем пятна крови? Нет, нет, ее посадили в кресло после того, как супруг ее был убит. Бьюсь об заклад, что и на черном платье леди есть такое же пятно. Это еще не Ватерлоо, Уотсон, но это уже Маренго. Начали с поражения, кончаем победой. А сейчас я хотел бы поговорить с этой няней Терезой. Но чтобы получить необходимые сведения, надо проявить большой такт.

Эта суровая австралийская няня оказалась очень интересной особой. Молчаливая, подозрительная, нелюбезная, она не скоро смягчилась, побежденная обходительностью Холмса и его добродушной готовностью выслушать все, что она скажет. Тереза и не пыталась скрыть свою ненависть к покойному хозяину.

— Да, сэр, это правда, что он бросил в меня графин. Он при мне выругал госпожу гадким словом, и я сказала ему, что, будь здесь ее брат, он не посмел бы так говорить. Тогда он и швырнул в меня графин. Да пусть бы он каждый день бросался графинами, лишь бы не обижал мою славную птичку. Как он терзал ее! А она была очень горда и никогда не жаловалась. Она и мне рассказывала не все. Вы видели на ее руках ссадины? Она не говорила мне, откуда они. Но я-то знаю, что это он проткнул ей руку длинной шпилькой от шляпы. Сущий дьявол он был, а не человек,— да простит меня бог, что я так говорю о покойнике. Когда мы встретили его в первый раз полтора года назад, он прикинулся таким ласковым, ну чисто мед! А теперь нам эти полтора года кажутся вечностью. Она, моя голубушка, только что приехала в Лондон. Первый раз оторвалась от дома. Он вскружил ей голову титулом, деньгами, обманчивым лондонским блеском. Если она и совершила ошибку, то заплатила за нее слишком дорогой ценой. В каком месяце мы с ним познакомились? Вскоре после того, как приехали. Приехали мы в июне, познакомились в июле. А поженились они в январе, в прошлом году. Да, она сейчас в своей гостиной. Конечно, она поговорит с вами. Но не мучайте ее расспросами — ведь ей столько пришлось натерпеться...

Леди Брэкенстолл полулежала на той же кушетке, но вид у нее был теперь гораздо лучше. Горничная вошла вместе с нами и сразу же стала менять примочку на лбу.

— Надеюсь,— сказала леди Брэкенстолл,— вы пришли не за тем, чтобы опять меня допрашивать.

— Нет,— сказал Холмс очень мягко.— Я не причиню вам лишнего беспокойства. У меня есть одно желание — помочь вам, ибо я знаю, сколько вам пришлось выстрадать. Отнеситесь ко мне, как к другу, доверьтесь мне, и вы не раскаетесь.

— Что я должна сделать?

— Сказать мне всю правду.

— Мистер Холмс?!

— Нет, нет, леди Брэкенстолл, это бесполезно. Вы, возможно, слышали когда-нибудь мое имя. Так вот, ставлю на карту свое имя и свою репутацию, что ваш рассказ — от первого слова до последнего — вымысел.

— Какая наглость! — воскликнула Тереза.— Вы хотите сказать, что моя госпожа солгала?

Холмс встал со стула.

— Итак, вам нечего мне сказать?

— Я все сказала.

— Подумайте еще раз, леди Брэкенстолл. Не лучше ли искренне рассказать все?

Сомнение изобразилось на ее прекрасном лице. И в ту же секунду оно снова стало непроницаемо, как маска. Видно, леди Брэкенстолл приняла какое-то решение.

— Я больше ничего не знаю.

— Очень жаль.— Холмс пожал плечами и взял шляпу.

Не сказав больше ни слова, мы оба вышли из комнаты и покинули дом.

В парке был пруд. Мой друг направился к нему. Пруд весь замерз. Но в нем была полынья, оставленная для зимовавшего здесь одинокого лебедя.

Холмс взглянул на полынью, и мы пошли к сторожке привратника. Там Холмс написал короткую записку для Стэнли Хопкинса и оставил ее у привратника.

— Попали мы в цель или промахнулись, но Хопкинс должен это знать. Иначе что он подумает о нашем повторном визите? — сказал Холмс.— Но во все подробности его еще рано посвящать. Теперь нашим местом действия будет пароходная контора линии Аделаида — Саутгемптон, которая находится, если память не изменяет мне, в конце Пэлл-Мэлл. Есть еще и вторая линия, связывающая Южную Австралию с Англией, но начнем сперва с более крупной.

Визитная карточка Холмса, посланная управляющему конторой, оказала магическое действие. Очень скоро Холмс имел все интересующие его сведения.

В июне 1895 года только одно судно этой фирмы, «Рок оф Гибралтар», прибыло в отечественный порт. Это было самое большое и лучшее их судно. В списке пассажиров значилось имя мисс Фрейзер из Аделаиды и ее горничной. Сейчас этот пароход был на пути в Австралию, где-то к югу от Суэцкого канала. Команда та же, что и в 1895 году, за одним исключением. Старший помощник, мистер Джек Кроукер, назначен капитаном на судно «Бас Рок», которое выходит из Саутгемптона через два дня. Кроукер живет в Сайденхэме, но сегодня утром должен прийти за инструкциями. Его можно подождать.

Нет, мистер Холмс не хочет его видеть, но был бы рад взглянуть на его послужной список и узнать, что он за человек. Это была поистине блестящая карьера. Во всем флоте не было офицера, которого можно было бы сравнить с капитаном Кроукером. Что до его личных качеств, то на работе он исполнителен и точен, но вне службы иногда проявляется его необузданная, горячая натура. Человек вспыльчивый, даже безрассудный, он при всем том очень добр, честен и верен долгу.

Вот что узнал Холмс в пароходной конторе линии Аделаида — Саутгемптон.

Оттуда мы отправились в Скотленд-Ярд. Но, подъехав к полицейскому управлению, Холмс не вышел из кэба, а продолжал сидеть, нахмурив брови и глубоко задумавшись. Очнувшись от размышлений, он приказал ехать на телеграф в Черинг-кросс; там отправил какую-то телеграмму. И только тогда мы вернулись на Бейкер-стрит.

— Нет, я не мог этого сделать, Уотсон,— сказал мне Холмс.— Если будет выписан ордер на арест, ничто на свете уже на сможет спасти его. В первый или во второй раз за всю мою карьеру я чувствую, что, раскрыв преступника, я причиню больший вред, чем преступник своим преступлением. Я научился быть осторожным, и уж лучше я согрешу против законов Англии, чем против моей совести. Прежде чем начать действовать, нам надо разузнать еще кое-что.

Под вечер к нам пришел инспектор Стэнли Хопкинс. Дела у него шли не очень хорошо.

— Вы ясновидящий, мистер Холмс. Право, я иногда думаю, что вы наделены сверхъестественными способностями. В самом деле, каким чудом вы могли узнать, что украденное столовое серебро на дне пруда?

— А я этого не знал.

— Но вы посоветовали мне осмотреть пруд.

— И вы нашли серебро?

— Нашел.

— Очень рад, что помог вам.

— Но вы не помогли мне! Вы только осложнили дело. Что это за взломщики, которые крадут серебро, а затем бросают его в ближайший пруд?

— Что и говорить, довольно странные взломщики. Я исходил из той мысли, что если серебро похитили люди, которые взяли его для отвода глаз, то они, конечно, постараются как можно скорее избавиться от него.

— Но как вам могла прийти в голову эта мысль?

— Я просто допустил такую возможность. Когда грабители вышли из дома, у них перед носом оказался пруд с этой соблазнительной прорубью во льду. Можно ли придумать лучшее место, чтобы спрятать серебро?

— Именно спрятать! В этом все дело! — воскликнул Хопкинс.— Да, да, теперь мне все ясно! В полночь на дорогах еще людно. Преступники побоялись, что их увидят с серебром, и бросили добычу в пруд, чтобы вернуться за ней, когда их никто не увидит. Блестяще, мистер Холмс! Это лучше, чем ваша идея похищения серебра для отвода глаз.

— Пожалуй, вы правы. Отличная версия. Мои рассуждения, конечно, абсурдны. Но вы должны признать, что именно они помогли обнаружить похищенное серебро.

— Да, сэр, да. Это ваша заслуга. Но это еще не все. Меня постигло горькое разочарование.

— Разочарование?

— Да, мистер Холмс. Сегодня утром в Нью-Йорке арестована банда Рэндола.

— Это ужасно, Хопкинс. Ваша версия лопнула. Если их арестовали в Нью-Йорке, они не могли минувшей ночью совершить убийство в Кенте.

— Для меня это страшный удар, мистер Холмс. Правда, есть еще банды из трех человек. А может, тут действовала шайка, неизвестная полиции?

— Да, конечно, вполне возможно. Что же вы теперь собираетесь делать?

— Буду продолжать поиски, мистер Холмс. Может, вы подскажете мне что-нибудь?

— Я вам уже подсказал.

— Что именно?

— Помните, для отвода глаз?

— Но мотивы, мистер Холмс, мотивы?

— Да, это, конечно, самое главное. Я вам дал идею, подумайте над ней. Возможно, она и приведет к чему-нибудь. Не останетесь ли отобедать с нами? Нет? До свидания, Хопкинс. Держите нас в курсе дела.

Только после обеда, когда со стола было убрано, Холмс снова заговорил об убийстве в Эбби-Грейндж. Он закурил трубку и протянул ноги в домашних туфлях поближе к веселому огоньку камина. Потом вдруг взглянул на часы.

— Жду событий, Уотсон.

— Когда?

— Сейчас, в ближайшие минуты. Держу пари, вы считаете, что я нехорошо поступил со Стэнли Хопкинсом.

— Я верю вашему здравому смыслу, Холмс.

— Очень любезно с вашей стороны, Уотсон. Вы вот как должны смотреть на это: я лицо неофициальное; Хопкинс — лицо официальное. Я имею право действовать по личному усмотрению, он — нет. Он должен давать ход всему, что знает, иначе он изменит служебному долгу. В сомнительном случае я не могу ставить его в такое трудное положение. Поэтому подождем, пока дело прояснится.

— А когда оно прояснится?

— Очень скоро. Сейчас вы увидите последнее действие этой маленькой, но поистине замечательной драмы.

На лестнице послышались быстрые шаги, дверь нашей комнаты распахнулась, и мы увидели перед собой молодого моряка, поразившего нас своей мужественной красотой.

Вошедший был очень высокий молодой человек, голубоглазый, с усами золотистого цвета, с кожей, опаленной тропическим солнцем; его легкая, пружинящая походка говорила о том, что он так же быстр, как и силен.

Он закрыл за собой дверь и остановился, стиснув кулаки и тяжело дыша от волнения.

— Садитесь, капитан Кроукер. Вы получили мою телеграмму?

Наш гость сел в кресло и вопросительно посмотрел сначала на Холмса, потом на меня.

— Я получил вашу телеграмму и пришел точно в назначенный час. Я знаю, вы были у нас в конторе. И я вижу — мне деваться некуда, я готов услышать самое худшее. Что вы собираетесь предпринять? Арестовать меня? Говорите, сударь! Нечего играть со мной в кошки-мышки!

— Предложите капитану сигару, Уотсон,— сказал Холмс.— Закуривайте, капитан Кроукер, и не нервничайте. Можете не сомневаться, мы бы не сидели здесь с вами и не курили бы сигары, если бы я считал вас обыкновенным преступником. Будете со мной откровенны, я, возможно, помогу вам. Нет — пеняйте на себя.

— Что вы хотите от меня узнать?

— Расскажите нам, ничего не утаивая, что произошло этой ночью в Эбби-Грейндж. Ничего не утаивая, заметьте, и ничего не скрывая. Я знаю уже так много, что, если вы хоть на дюйм уклонитесь от истины, я свистну из моего окна в этот полицейский свисток, и дело из моих рук уйдет в руки полиции.

Моряк на минуту задумался. Потом хлопнул себя по колену своей большой загорелой рукой.

— Рискну! — воскликнул он.— Не сомневаюсь, что вы человек слова и джентльмен, и я расскажу вам все. Но сперва два слова о самом важном. Что касается меня, то я ни о чем не жалею и ничего не боюсь. Доведись мне начать сначала, я бы сделал то же и гордился этим. Будь он проклят, этот зверь! Имей он десять жизней, он всеми десятью заплатил бы за свои бесчинства! Но Мэри, Мэри Фрейзер — я не могу назвать ее тем дьявольским именем... Когда я думаю, что навлек на нее беду — а ведь я готов жизнь отдать за одну ее улыбку,— душа моя начинает дрожать от страха. Но что мне оставалось делать? Вы сейчас все узнаете и тогда скажете, можно ли было поступить на моем месте иначе.

Мне придется вернуться немного назад. Вы, как видно, знаете все. И вы знаете, конечно, что мы познакомились с Мэри на пароходе «Рок оф Гибралтар», где я был старшим помощником во время ее путешествия в Англию. С первого взгляда она стала для меня единственной женщиной на свете. С каждым днем я любил ее все сильнее и сильнее. Сколько раз во время ночной вахты я опускался на колени

и в темноте целовал палубу корабля, потому что по ней ступали ее милые ножки. Она не обещала мне стать моей женой, не обманывала меня. Я ни на что не могу пожаловаться. Я любил ее, а она питала ко мне только дружеские чувства. Когда мы расстались, она была свободной женщиной. Я же потерял свою свободу навсегда.

Когда я вернулся из плавания в следующий раз, я узнал, что она вышла замуж. В самом деле, почему ей было не выйти замуж, если она встретила человека, который понравился ей? Титул и деньги — кому они подойдут больше, чем ей? Она рождена для всего изящного и прекрасного. Меня не обидело это замужество. Я не эгоист. Я даже радовался ее счастью. Я говорил себе: хорошо, что она не связала своей судьбы с нищим моряком. Как я любил Мэри Фрейзер! Я уже не думал, что увижу ее еще раз. В последнее плавание я получил повышение, но мое новое судно еще не было спущено на воду, и мне пришлось ждать месяца два. Жил я у своих в Сайденхэме. Однажды, гуляя по проселку, я встретил Терезу Райт, ее старую горничную. Она рассказала мне о ней, о нем, об их жизни. Услыхав рассказ Терезы, я чуть рассудка не лишился. Как он смел, пьяное чудовище, поднять на нее руку! Да он недостоин лизать ей подошвы! Я встретился с Терезой еще раз. А потом мы встретились с Мэри. Мы виделись с ней два раза. Больше она не захотела меня видеть. На днях я узнал, что через неделю выхожу в море. И я решил во что бы то ни стало повидать Мэри еще раз. Тереза всегда была мне другом, потому что любила Мэри и ненавидела этого негодяя почти так же, как я. От нее я и узнал привычки обитателей этого дома. Мэри обычно засиживалась с какой-нибудь книжкой в своей маленькой гостиной на первом этаже. Я пробрался ночью к ее окну и стал осторожно царапать стекло. Она не хотела мне открывать, но я знал, что она полюбила меня и не захочет, чтобы я мерз под окном. Она шепнула мне, чтобы я подошел к двери в столовую. Дверь была открыта, и я вошел в дом. Я опять услыхал из ее уст такие вещи, от которых во мне закипела кровь. Этот дикий зверь безжалостно мучил и терзал женщину, которую я любил больше жизни. Мы стояли с ней в столовой у самой двери и — небо свидетель — вели самый невинный разговор, когда он, как безумный, ворвался в комнату, гнусно обругал ее и ударил по лицу палкой.

Тогда я схватил из камина кочергу. Бой был честный. Видите, у меня на руке след его первого удара. Мой удар был вторым. Я расплющил его голову, как гнилую тыкву. Вы думаете, джентльмены, что я жалею об этом? Ничуть. На карту были поставлены две жизни: его и моя, вернее, его и ее. Потому что, останься он в живых, он бы убил ее. Разве я не прав? А что бы сделали вы на моем месте?

Когда он ударил ее, она закричала. На крик прибежала Тереза. Но с ним все уже было кончено. На буфете стояла бутылка вина, я откупорил ее и влил несколько капель в рот Мэри, потому что она была в беспамятстве. Я тоже выпил немного. Одна Тереза сохраняла ледяное спокойствие. Весь дальнейший план действий принадлежал в равной мере ей и мне. Мы решили инсценировать нападение грабителей. Пока я лазил отрезать шнур от звонка, Тереза несколько раз повторила Мэри наш план. Затем я привязал ее крепко-накрепко к креслу, потер ножом конец шнура, чтобы выглядело естественно и никто не удивлялся, как это вор мог залезть так высоко. Оставалось только взять несколько серебряных приборов, чтобы не было сомнений, что здесь были грабители. Перед уходом я наказал им поднять тревогу не раньше чем через четверть часа. Бросив в пруд серебро, я вернулся в Сайденхэм, первый раз в жизни чувствуя себя настоящим преступником. Все, что я рассказал вам, мистер Холмс,— истинная правда, хотя бы мне пришлось поплатиться за нее головой...

Некоторое время Холмс молча курил. Затем он встал, прошелся по комнате из угла в угол так же молча пожал нашему гостю руку.

— Вот что,— сказал он затем.— Я знаю, что каждое ваше слово — правда. Вы не рассказали мне почти ничего нового. Только акробат или моряк мог дотянуться с карниза до шнура, и только моряк мог завязать такие узлы, какими Мэри Фрейзер была привязана к креслу. Но она только один раз в своей жизни сталкивалась с моряками, когда ехала в Англию. Кроме того, этот моряк принадлежал, бесспорно, к ее кругу, раз она так стойко защищала его. Из этого следует, между прочим, что она полюбила этого моряка. Так что мне не трудно было найти вас.

— Я думал, что полиция никогда не разгадает нашу хитрость.

— Хопкинс и не разгадал ее. И не разгадает, сколько бы ни бился. Теперь вот что, капитан Кроукер, дело это очень серьезное, хотя я охотно признаю, что вы действовали под давлением исключительных обстоятельств. Я не могу сказать, превысили вы меру необходимой обороны или нет. Это решит английский суд присяжных. Но если вы сумеете исчезнуть в ближайшие двадцать четыре часа, обещаю вам, вы сделаете это беспрепятственно.

— А потом вы поставите в известность полицию?

— Конечно.

Лицо моряка вспыхнуло от гнева.

— Как вы могли предложить мне это? Я знаю законы и понимаю, что Мэри будет признана сообщницей. И вы думаете, я позволю, чтобы она одна прошла через этот ад? Ну нет, сэр! Пусть мне грозит самое худшее, я никуда не уеду. Прошу вас об одном, подумайте, как спасти Мэри от суда.

Холмс еще раз протянул моряку руку.

— Не волнуйтесь, это я проверял вас. Ни одной фальшивой ноты! Я беру на себя большую ответственность. Но я дал Хопкинсу нить, и если он не сумеет за нее ухватиться, не моя вина. Знаете, что мы сейчас сделаем? Мы будем судить вас, как того требует закон. Вы, капитан Кроукер,— подсудимый. Вы, Уотсон,— английский суд присяжных,— я не знаю человека, который был бы более достоин этой роли. Я судья. Итак, джентльмены, вы слышали показания? Признаете ли вы подсудимого виновным?

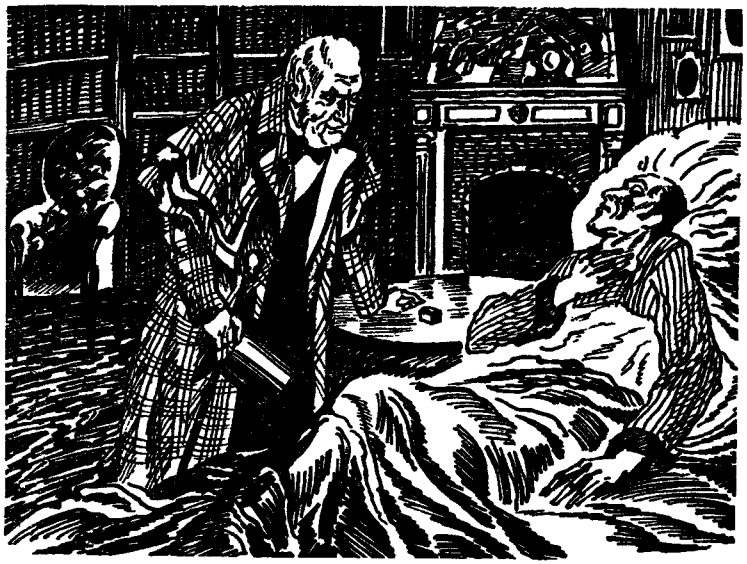
— Невиновен, господин судья! — сказал я.

— Vox populi — vox dei [1].

— Вы оправданы, капитан Кроукер. И пока правосудие не найдет другого виновника, вы свободны. Возвращайтесь через год к своей избраннице, и пусть ваша жизнь докажет справедливость вынесенного сегодня приговора.

---

[1] Глас народа — глас божий (лат.).

Шерлок Холмс при смерти

Квартирная хозяйка Шерлока Холмса, миссис Хадсон, была настоящей мученицей. Мало того, что второй этаж ее дома в любое время подвергался нашествию странных и зачастую малоприятных личностей, но и сам ее знаменитый квартирант своей эксцентричностью и безалаберностью жестоко испытывал терпение хозяйки. Его чрезвычайная неаккуратность, привычка музицировать в самые неподходящие часы суток, иногда стрельба из револьвера в комнате, загадочные и весьма неароматичные химические опыты, которые он часто ставил, да и вся атмосфера преступлений и опасности, окружавшая его, делали Холмса

едва ли не самым неудобным квартирантом в Лондоне. Но, с другой стороны, платил он по-царски. Я не сомневаюсь, что тех денег, которые он выплатил миссис Хадсон за годы нашей с ним дружбы, хватило бы на покупку всего ее дома.

Она благоговела перед Холмсом и никогда не осмеливалась перечить ему, хотя его образ жизни причинял ей много беспокойства. Она симпатизировала ему за удивительную мягкость и вежливость в обращении с женщинами. Он не любил женщин и не верил им, но держался с ними всегда по-рыцарски учтиво. Зная искреннее расположение миссис Хадсон к Холмсу, я с волнением ее выслушал, когда на второй год моей женитьбы она прибежала ко мне с известием о тяжелой болезни моего бедного друга.

— Он умирает, доктор Уотсон,— говорила она.— Он болеет уже три дня, и с каждым днем ему все хуже и хуже. Я не знаю, доживет ли он до завтра. Он запретил мне вызывать врача. Но сегодня утром, когда я увидела, как у него все кости на лице обтянулись и как блестят глаза, я не могла больше выдержать. «С вашего согласия или без него, мистер Холмс, я немедленно иду за врачом»,— сказала я. «В таком случае, позовите Уотсона»,— согласился он. Не теряйте ни минуты, сэр, иначе вы можете не застать его в живых!

Я был потрясен, тем более что ничего не слыхал о его болезни. Излишне говорить, что я тут же схватил пальто и шляпу. По дороге я стал расспрашивать миссис Хадсон.

— Я могу вам рассказать очень немного, сэр,— отвечала она.— Он расследовал какое-то дело в Розерхайте, в переулках у реки, и, вероятно, там заразился. В среду пополудни он слег и с тех пор не встает. За все эти три дня ничего не ел и не пил.

— Боже мой! Почему же вы не позвали врача?

— Он не велел, сэр. Вы знаете, какой он властный. Я не осмелилась ослушаться его. Но вы сразу увидите, ему недолго осталось жить.

Действительно, на Холмса было страшно смотреть. В тусклом свете туманного ноябрьского дня его спальня казалась достаточно мрачной, но особенно пронзил мне сердце вид его худого, изможденного лица на фоне подушек. Глаза его лихорадочно блестели, на щеках играл болезненный румянец, губы покрылись темными корками.

Тонкие руки судорожно двигались по одеялу, голос был хриплым и ломающимся. Когда я вошел в комнату, он лежал неподвижно, однако что-то мелькнуло в его глазах — он, несомненно, узнал меня.

— Ну, Уотсон, как видно, наступили плохие времена,— сказал он слабым голосом, но все же в своей прежней шутливой манере.

— *Дорогой друг!* — воскликнул я, приближаясь к нему.

— Стойте! Не подходите! — крикнул он тем резким и повелительным тоном, какой появляется у него только в самые напряженные минуты.— Если вы приблизитесь ко мне, я велю вам тотчас уйти отсюда.

— Но почему же?

— Потому что я так хочу. Разве этого недостаточно?

Да, миссис Хадсон была права, властности в нем не убавилось. Но вид у него был поистине жалкий.

— Ведь я хотел только помочь,— сказал я.

— Правильно. Хотите помочь, так делайте, что вам велят.

— Хорошо, Холмс.

Он несколько смягчился.

— Вы не сердитесь? — спросил он, задыхаясь.

Бедняга! Как я мог сердиться на него, когда он был в таком состоянии!

— Это ради вас самих,— сказал он хрипло.

— Ради меня?!

— Я знаю, что со мной. Родина этой болезни — Суматра. Голландцы знают о ней больше нас, но и они пока очень мало изучили ее. Ясно только одно: она, безусловно, смертельна и чрезвычайно заразна.

Он говорил с лихорадочной энергией, его длинные руки беспокойно шевелились, как бы стремясь отстранить меня.

— Заразная при прикосновении, Уотсон, только при прикосновении! Держитесь от меня подальше, и все будет хорошо.

— Боже мой, Холмс! Неужели вы думаете, что это может иметь для меня какое-либо значение? Я бы пренебрег этим даже по отношению к постороннему мне человеку. Так неужели это помешает мне выполнить мой долг по отношению к вам, моему старому другу?

Я снова сделал шаг в его сторону. Но он отстранился от меня с бешеной яростью.

— Я буду говорить с вами, только если вы останетесь на месте. В противном случае вам придется уйти.

Я так уважаю необычайные таланты моего друга, что всегда подчинялся его указаниям, даже если совершенно их не понимал. Но тут во мне заговорил профессиональный долг. Пусть Холмс руководит мною в любых других случаях, но сейчас я — врач у постели больного.

— Холмс,— сказал я,— вы не отдаете себе отчета в своих поступках. Больной все равно что ребенок. Хотите вы этого или нет, но я осмотрю вас и примусь за лечение.

Он злобно посмотрел на меня.

— Если мне против воли навязывают врача, то пусть это будет хотя бы человек, которому я доверяю.

— Значит, вы мне не доверяете?

— В вашу дружбу я, конечно, верю. Но факты остаются фактами. Вы, Уотсон, в конце концов только обычный врач, с очень ограниченным опытом и квалификацией. Мне тяжело говорить вам такие вещи, но у меня нет иного выхода.

Я был глубоко оскорблен.

— Такие слова недостойны вас, Холмс. Они свидетельствуют о расстройстве вашей нервной системы. Но если вы мне не доверяете, я не буду набиваться с услугами. Разрешите мне привезти к вам сэра Джаспера Мика, или Пенроза Фишера, или любого из самых лучших врачей Лондона. Так или иначе, кто-нибудь должен оказать вам помощь. Если вы думаете, что я буду спокойно стоять и смотреть, как вы умираете, то вы жестоко ошибаетесь.

— Вы мне желаете добра, Уотсон,— сказал Холмс с тихим стоном.— Но хотите, я докажу вам ваше невежество? Скажите, пожалуйста, что вы знаете о лихорадке провинции Тапанули или о формозской черной язве?

— Я никогда о них не слышал.

— На Востоке, Уотсон, существует много странных болезней, много отклонений от нормы.— Холмс останавливался после каждой фразы, чтобы собраться с силами.— За последнее время я это понял в связи с одним расследованием медико-уголовного характера. Очевидно, во время этих расследований я и заразился. Вы, Уотсон, не в силах помочь мне.

— Может быть, и так. Но я случайно узнал, что доктор Энстри, крупнейший в мире знаток тропических болезней,

сейчас находится в Лондоне. Не возражайте, Холмс, я немедленно еду к нему!

Я решительно повернулся к двери.

Никогда я не испытывал такого потрясения! В мгновение ока прыжком тигра умирающий преградил мне путь. Я услышал резкий звук поворачиваемого ключа. В следующую минуту Холмс уже снова повалился на кровать, задыхаясь после этой невероятной вспышки энергии.

— Силой вы у меня ключ не отнимете, Уотсон. Попались, мой друг! Придется вам здесь посидеть, пока я вас не выпущу. Но вы не горюйте.— Он говорил прерывающимся голосом, с трудом переводя дыхание.— Вы хотите мне помочь, я в этом не сомневаюсь. Будь по-вашему, но только дайте мне немного собраться с силами. Подождите немножко, Уотсон. Сейчас четыре часа. В шесть я вас отпущу.

— Но это безумие, Холмс!

— Всего два часа, Уотсон. В шесть вы уедете, обещаю. Потерпите?

— Вы мне не оставили выбора.

— Вот именно. Спасибо, Уотсон, я сам могу поправить одеяло. Держитесь подальше от меня. И еще одно условие, Уотсон. Вы привезете не доктора Энстри, а того, кого я сам выберу.

— Согласен.

— Вот первое разумное слово, которое вы произнесли с тех пор, как вошли сюда, Уотсон. Займитесь пока книгами вон там, на полке. Я немного устал... Интересно, что чувствует электрическая батарея, когда пытается пропустить ток через доску?.. В шесть часов, Уотсон, мы продолжим наш разговор.

Но разговору этому суждено было продолжиться задолго до назначенного часа, при обстоятельствах, потрясших меня не менее, чем прыжок Холмса к двери.

Несколько минут я стоял, глядя на безмолвную фигуру на кровати. Лицо Холмса было почти закрыто одеялом; казалось, он уснул.

Я был не в состоянии читать и стал бродить по комнате, разглядывая фотографии знаменитых преступников, развешанные по стенам. Так, бесцельно переходя с места на место, я добрался наконец до камина. На каминной полке лежали в беспорядке трубки, кисеты с табаком, шприцы,

перочинные ножи, револьверные патроны и прочая мелочь. Мое внимание привлекла коробочка из слоновой кости, черная с белыми украшениями и с выдвижной крышкой. Вещица была очень красивая, и я уже протянул к ней руку, чтобы получше ее рассмотреть, но тут...

Холмс издал крик, столь пронзительный, что его, наверное, услышали в дальнем конце улицы. Мороз пробежал у меня по коже, волосы встали дыбом от этого ужасного вопля. Обернувшись, я увидел искаженное лицо Холмса, встретил его безумный взгляд. Я окаменел, зажав коробочку в руке.

— Поставьте ее на место, Уотсон! Немедленно поставьте на место!

И только когда я поставил коробку на прежнее место, он со вздохом облегчения откинулся на подушку.

— Не выношу, когда трогают мои вещи, Уотсон. Вы же это знаете. И что вы все ходите, это невыносимо. Вы, врач, способны довести пациента до сумасшествия. Сядьте и дайте мне покой.

Этот инцидент произвел на меня чрезвычайно тяжелое впечатление. Дикая, беспричинная вспышка, резкость, столь несвойственная обычно сдержанному Холмсу, показывали, как далеко зашло расстройство его нервной системы. Распад благородного ума — что может быть печальнее? В самом подавленном настроении я тихо сидел на стуле, пока не наступил назначенный час. Холмс, по-видимому, тоже следил за часами. Как только стрелки показали шесть, он заговорил все с тем же лихорадочным возбуждением.

— Уотсон,— спросил он,— есть у вас при себе мелочь?

— Да.

— Серебро?

— Да, порядочное количество.

— Сколько полукрон?

— Пять.

— Мало, слишком мало! — воскликнул он.— Какая досада! Но вы все-таки переложите их в кармашек для часов, а все остальные деньги в левый карман брюк. Спасибо. Это вас в какой-то мере уравновесит.

Это уже было явное помешательство. Он содрогнулся и не то кашлянул, не то всхлипнул.

— Теперь зажгите газ, Уотсон. Будьте чрезвычайно осторожны, нужно открыть газ только наполовину. Умо-

ляю вас быть осторожным. Хорошо, спасибо. Нет, шторы не задергивайте. Теперь, Уотсон, видите там щипцы для сахара? Возьмите ими, пожалуйста, эту черную коробочку с камина. Осторожно поставьте ее вот сюда на стол, среди бумаг. Прекрасно! Ну, а теперь отправляйтесь и привезите мне мистера Кэлвертона Смита, Лоуэр-Бэрк-стрит, дом тринадцать.

Говоря по правде, мне совсем не хотелось бежать за врачом, так как мой бедный друг, несомненно, бредил и я боялся оставить его одного. Однако теперь он требовал привезти к нему Смита, требовал так же упорно, как прежде отказывался от всякой помощи.

— Никогда не слышал такого имени,— сказал я.

— Очень может быть, дорогой Уотсон. И возможно, вас удивит, что лучший в мире знаток этой болезни — не врач, а плантатор. Мистер Кэлвертон Смит — постоянный житель Суматры и хорошо там известен, а в Лондон он только приехал по делам. Вспышка этой болезни на его плантациях, расположенных далеко от медицинских учреждений, заставила его самого заняться изучением ее, и он добился немалых успехов. Смит очень методичный человек. Я не хотел отпускать вас раньше шести часов, зная, что вы не застанете его дома. Если вам удастся уговорить его приехать ко мне и применить свои исключительные познания в этой области медицины, он, бесспорно, мне поможет.

Я передаю слова Холмса как связное целое. На самом деле речь его прерывалась одышкой и судорожными движениями рук, свидетельствующими о муках, испытываемых им. За то время, что я у него пробыл, внешний вид его резко изменился. Лихорадочный румянец сделался ярче, глаза еще сильнее блестели из темных глазных впадин, по временам холодный пот выступал на лбу. И все же он сохранял свою спокойную, четкую речь. До последней минуты он останется самим собой!

— Вы расскажете ему подробно о моем состоянии,— сказал он.— Опишите, какое впечатление я на вас произвел, скажете, что я в бреду, что я умираю... Просто непонятно, почему все дно океана не представляет собою сплошной массы устриц,— ведь они так плодовиты... Ох, я опять заговариваюсь! Любопытно, как мозг сам себя контролирует... Что я говорил, Уотсон?

— Вы давали указания относительно мистера Кэлвертона Смита.

— Ах да, помню. Моя жизнь зависит от него, Уотсон. Постарайтесь его уговорить. Отношения у нас с ним плохие. Его племянник умер, Уотсон... Я заподозрил недоброе, и он почувствовал это. Юноша умер в страшных муках. Смит зол на меня. Любыми средствами смягчите его, Уотсон. Просите его, умоляйте, во что бы то ни стало привезите его сюда. Только он может спасти меня, только он!

— Обещаю, что привезу его с собой, даже если бы мне пришлось снести его в кэб на руках.

— Нет, это не годится. Вы должны убедить его приехать. А сами возвращайтесь раньше. Придумайте какой-нибудь предлог, чтобы не ехать с ним вместе. Не забудьте, Уотсон, не подведите меня. Ведь вы никогда меня не подводили... Можно не сомневаться, что какие-то природные силы препятствуют их размножению. Мы с вами, Уотсон, сделали все, что могли. Неужели же весь мир будет заполнен устрицами? Нет, нет, это слишком страшно. Передайте ему ваше впечатление как можно точнее.

Я ушел, унося с собой образ этого умнейшего человека, лепечущего, как дитя. Он отдал мне ключ, и мне пришла счастливая мысль взять его с собой, чтобы Холмс не вздумал запереться в комнате. Миссис Хадсон, в слезах, ждала меня в коридоре. Уходя, я слышал, как Холмс высоким, тонким голосом затянул какую-то безумную песню. Пока я на улице подзывал кэб, ко мне из тумана приблизилась темная фигура.

— Как здоровье мистера Холмса? — спросил голос.

Это был мой старый знакомый инспектор Мортон из Скотленд-Ярда, одетый в штатское.

— Очень плохо,— ответил я.

Его взгляд показался мне странным. Не будь это слишком невероятным, я подумал бы, что при свете, падающем из окна над дверью, я прочел на его лице удовлетворение.

— Да, я слышал об этом,— сказал он.

Кэб подъехал, и мы расстались.

Лоуэр-Бэрк-стрит представляла собою длинный ряд красивых домов между Ноттинг-хиллом и Кенсингтоном. Здание, перед которым остановился кэб, имело чопорный и солидный вид — старомодная железная ограда, массивная двустворчатая дверь с блестящими медными ручками.

Общему впечатлению соответствовал и величественный дворецкий, появившийся на пороге в розовом сиянии электрической люстры.

— Да, мистер Кэлвертон Смит дома. Доктор Уотсон? Хорошо, сэр, позвольте вашу визитную карточку.

Мое скромное имя и профессия, очевидно, не произвели должного впечатления на мистера Кэлвертона Смита. Через полуоткрытую дверь я услышал раздраженный, пронзительный голос:

— Кто это? Что ему нужно? Сколько раз я говорил вам, Стэплс, что, когда я работаю, мне нельзя мешать.

Послышались тихие и успокаивающие объяснения дворецкого.

— Я его не приму, Стэплс. Не терплю таких помех. Меня нет дома, так ему и скажите. Если я ему нужен, пусть придет завтра утром.

Снова тихое бормотание.

— Идите, идите, скажите ему. Пусть придет утром или совсем не приходит.

Мне представился Холмс, как он мечется по кровати и считает минуты в ожидании помощи. Тут было не до церемоний. Жизнь Холмса зависела от моей энергии и настойчивости. Прежде чем дворецкий успел передать мне ответ своего хозяина, я оттолкнул его и вошел в комнату.

Человек, сидевший в кресле у камина, с пронзительным криком ярости вскочил с места. Я увидел крупное желтое лицо с грубыми чертами, массивным двойным подбородком и злобными серыми глазами, свирепо глядевшими на меня из-под косматых рыжих бровей. На лысой розовой голове была надета бархатная шапочка, кокетливо сдвинутая набок. Череп хозяина был огромен. Но, переведя взгляд ниже, я с изумлением увидел, что тело у него маленькое, хилое, искривленное в плечах и спине, вероятно из-за перенесенного в детстве рахита.

— Что это значит? — кричал он высоким, визгливым голосом.— Что означает это вторжение? Ведь я велел вам сказать, чтобы вы пришли завтра утром.

— Простите,— сказал я,— но это дело неотложное. Мистер Шерлок Холмс...

Имя моего друга произвело удивительное действие на маленького человечка. Гнев моментально исчез, лицо сделалось напряженным и внимательным.

— Вы от Холмса? — спросил он.

— Я только что от него.

— Что с Холмсом?

— Он очень, очень болен. Поэтому-то я и приехал к вам.

Хозяин указал мне на стул и повернулся к своему креслу. В зеркале над камином мелькнуло его лицо. Я мог бы поклясться, что на нем появилась отвратительная, злобная усмешка. Но я тут же убедил себя, что это нервная судорога; через минуту, когда он снова повернулся ко мне, его лицо выражало искреннее огорчение.

— Мне больно слышать это,— сказал он.— Я встречался с мистером Холмсом только на деловой почве, но очень уважаю его как за талант, так и за человеческие достоинства. Он знаток преступлений, а я знаток болезней; он занимается злодеями, я — микробами. Вот мои заключенные,— продолжал он, указывая на ряд бутылей и банок, стоящих на столике у стены.— В этих желатиновых культурах отбывают срок наказания весьма опасные преступники.

— Зная вашу эрудицию, Холмс прислал меня к вам. Он чрезвычайно высоко ценит вас и считает, что во всем Лондоне только вы в силах оказать ему помощь.

Маленький человечек вздрогнул, и его кокетливая шапочка свалилась на пол.

— Почему же? — спросил он.— Почему мистер Холмс думает, что я могу помочь ему?

— Потому что вы знаток восточных болезней.

— Но почему он думает, что болезнь, которой он заразился, восточная болезнь?

— Потому что ему пришлось работать в доках, среди китайских матросов.

Мистер Кэлвертон Смит любезно улыбнулся и поднял свою шапочку.

— Ах вот как...— сказал он.— Я надеюсь, что дело не так опасно, как вы полагаете. Сколько времени он болеет?

— Около трех дней.

— Он бредит?

— По временам.

— Гм! Это хуже. Было бы бесчеловечным не откликнуться на его просьбу. Я очень не люблю, когда прерывают

мою работу, доктор Уотсон, но тут, конечно, исключительный случай. Я сейчас же поеду с вами.

Мне припомнилось указание Холмса.

— Меня ждут в другом месте,— сказал я.

— Хорошо, я поеду один. Адрес мистера Холмса у меня записан. Через полчаса я буду у него.

С замиранием сердца входил я в спальню Холмса. За это время могло произойти самое худшее. Однако я с огромной радостью увидел, что его состояние значительно улучшилось. Правда, лицо его все еще было мертвенно-бледным, но от бреда не осталось и следа: он говорил хотя и слабым голосом, но даже сверх обычного ясно и живо.

— Вы видели его, Уотсон?

— Да, он сейчас приедет.

— Замечательно, Уотсон, замечательно. Вы лучший из вестников.

— Он хотел вернуться со мной.

— Этого не следовало допускать, Уотсон. Это было бы просто невозможно. Спрашивал ли он о причинах болезни?

— Я сказал ему про матросов в Ист-Энде.

— Правильно! Вы сделали все, что только мог сделать настоящий друг. Теперь, Уотсон, вы можете исчезнуть со сцены.

— Я должен подождать и выслушать его мнение, Холмс.

— Конечно. Но я имею основания полагать, что он выскажет свое мнение гораздо откровеннее, если будет думать, что мы с ним одни. За изголовьем моей кровати как раз достаточно места для вас, Уотсон.

— Дорогой Холмс!

— Боюсь, что у вас нет выбора, Уотсон. В комнате негде спрятаться, и это к лучшему: это не возбудит подозрений. Но здесь, Уотсон, здесь, я думаю, мы ничем не рискуем.

Он внезапно сел на кровати. Его осунувшееся лицо было полно решимости.

— Я слышу стук колес, Уотсон. Скорее, если только вы меня любите. И не шевелитесь, что бы ни случилось. Что бы ни случилось, понятно? Не говорите, не двигайтесь. Только слушайте как можно внимательнее.

Столь же внезапно силы оставили его, и четкая, повелительная речь перешла в слабое, неясное бормотание человека, находящегося в полубреду.

Из своего убежища, в котором я так неожиданно оказался, я услышал шаги на лестнице, потом звук открываемой и закрываемой двери в спальню. А затем, к моему удивлению, последовало долгое молчание, прерываемое только тяжелым дыханием больного. Я представил себе, как наш посетитель стоит у кровати и смотрит на страдальца. Наконец это странное молчание кончилось.

— Холмс! — воскликнул Смит настойчивым тоном, каким будят спящего.— Холмс! Вы слышите меня?

Я уловил шорох, как будто он грубо тряс больного за плечо.

— Это вы, мистер Смит? — прошептал Холмс.— Я не смел надеяться, что вы придете.

Смит засмеялся.

— Ну еще бы,— сказал он.— И все же, как видите, я здесь. Воздаю добром за зло, Холмс, добром за зло.

— Это очень хорошо, очень благородно с вашей стороны. Я высоко ценю ваши знания.

Наш посетитель усмехнулся.

— К счастью, только вы во всем Лондоне и способны их оценить. Вы знаете, что с вами?

— То же самое,— сказал Холмс.

— Вот как! Вы узнаёте симптомы?

— Да, слишком хорошо.

— Что ж, очень возможно, Холмс. Очень возможно, что это оно и есть. Если так, то дело ваше плохо. Бедный Виктóр умер на четвертый день, а он был здоровый, молодой. Вам тогда показалось очень странным, что он в сердце Лондона заразился этой редкой азиатской болезнью, которую я к тому же специально изучаю. Удивительное совпадение, Холмс. Вы ловко это подметили, но не очень-то великодушно было утверждать, что здесь можно усмотреть причину и следствие.

— Я знаю, что это ваших рук дело.

— Ах вот как, вы знали? Но доказать вы ничего не могли. А хорошо ли это: сперва выдвигать против меня такие обвинения, а чуть сами оказались в беде, пресмыкаться передо мной, умоляя о помощи? Как это назвать? А?

Я услышал хриплое, затрудненное дыхание больного.

— Дайте мне воды,— прошептал он задыхаясь.

— Скоро вам крышка, милейший. Но я не уйду, не поговорив с вами. Только поэтому я и подаю вам воду. Держите! Не расплескайте. Вот так. Вы понимаете, что я вам говорю?

Холмс застонал.

— Помогите мне чем можно. Забудем прошлое...— шептал он.— Я выброшу из головы все это дело. Клянусь вам. Только вылечите меня, я все забуду.

— Что забудете?

— О смерти Виктора Сэведжа. Вы сейчас сознались в своем преступлении. Я это забуду.

— Можете забывать или помнить, как вам будет угодно. Я не увижу вас среди свидетелей. Вы будете в другом месте, мой дорогой Холмс. Вы знаете, отчего умер мой племянник, ну и ладно. Сейчас речь не о нем, а о вас.

— Да, да.

— Ваш приятель, которого вы послали за мной — не помню его имя,— сказал, что вы заразились этой болезнью в Ист-Энде, у матросов.

— Я только так могу это объяснить.

— И вы гордитесь своим умом, Холмс! Вы считаете себя таким догадливым, не правда ли? Но нашелся кое-кто поумнее вас. Подумайте-ка, Холмс, не могли ли вы заразиться этой болезнью другим путем?

— Я не могу думать. Голова не работает. Ради всего святого, помогите...

— Да, я вам помогу, помогу вам понять, что и как произошло. Я хочу, чтобы вы узнали об этом прежде, чем умрете.

— Дайте мне чего-нибудь, чтобы облегчить эти боли!

— Ага, у вас появились боли? Да, мои кули тоже визжали перед смертью. Ощущение, как при судорогах?

— Да, да, это судороги.

— Ничего, слушать они вам не помешают. Слушайте! Не припомните ли вы какое-нибудь необычное происшествие в вашей жизни, как раз перед тем, как вы заболели?

— Нет, нет, ничего.

— Подумайте хорошенько.

— Я слишком болен, чтобы думать.

— Ну, тогда я вам помогу. Не получали ли вы чего-нибудь по почте?

— По почте?

— Например, коробочку.

— Я слабею, я умираю!..

— Слушайте, Холмс! — Он, видимо, тряс умирающего за плечо. (Я едва усидел в своем убежище.) — Вы должны меня услышать! Помните коробочку из слоновой кости? Вы получили ее в среду. Вы ее открыли... помните?

— Да, да, я открыл ее, там была острая пружина. Какая-то шутка...

— Это не было шуткой, в чем вы очень скоро убедитесь. Пеняйте на себя, глупый вы человек. Кто просил вас становиться на моем пути? Если бы вы меня не трогали, я не причинил бы вам вреда.

— Вспомнил! — Холмс задыхался.— Пружина! Я оцарапался о нее до крови. Вот эта коробочка, там на столе.

— Она самая! И сейчас она исчезнет в моем кармане. Таким образом, здесь не останется ни одной улики. Ну вот, Холмс, теперь вы знаете правду и умрете с сознанием, что я вас убил. Вы слишком много знали о смерти Виктора Сэведжа, поэтому я заставил вас разделить его судьбу. Вы очень скоро умрете, Холмс. Я посижу здесь и посмотрю, как вы будете умирать.

Голос Холмса понизился почти до невнятного шепота.

— Что? — спросил Смит.— Отвернуть газ? У вас уже темно в глазах? Охотно. Я отверну газ, чтобы лучше вас видеть.— Он пересек комнату, и мгновенно ее залил яркий свет.— Не нужно ли оказать вам еще какую-нибудь услугу, мой друг?

— Спички и папиросы!

Я едва не закричал от радости. Холмс говорил своим естественным голосом, правда немного слабым, но тем самым, который я так хорошо знал. Последовала долгая пауза, и я почувствовал, что Кэлвертон Смит в безмолвном изумлении смотрит на Холмса.

— Что это значит? — спросил он наконец сухим, резким голосом.

— Лучший способ хорошо сыграть роль,— сказал Холмс,— это вжиться в нее. Даю вам слово, что все эти

три дня я ничего не ел и не пил, пока вы любезно не подали мне стакан воды. Но труднее всего было не курить. А вот и папиросы! (Я услышал чирканье спички.) Ну вот, мне сразу стало лучше. Ого, я, кажется, слышу шаги друга!

Снаружи послышались шаги, дверь открылась, и появился инспектор Мортон.

— Все в порядке. Можете его забрать,— сказал Холмс.

— Вы арестованы по обвинению в убийстве Виктора Сэведжа,— сказал инспектор.

— И можете прибавить: за покушение на убийство Шерлока Холмса,— заметил мой друг, посмеиваясь.— Чтобы зря не затруднять больного, мистер Кэлвертон Смит сам дал вам сигнал полным включением газа. Между прочим, у арестованного в правом кармане пиджака небольшая коробочка. Ее надо изъять. Благодарю вас. С ней надо обращаться очень осторожно. Положите ее сюда. Она пригодится на суде.

Послышался внезапный бросок, борьба, сопровождаемая звяканьем железа и криком боли.

— Только себя же изувечите,— сказал инспектор.— Стойте смирно!

И я услышал, как защелкнулись наручники.

— Вот как! Ловушка! — закричал высокий визгливый голос.— Это приведет на скамью подсудимых вас, Холмс, а не меня. Он просил меня приехать лечить его. Я его пожалел и приехал. Теперь он, конечно, будет утверждать, будто я сказал какую-нибудь чепуху, которую он сам придумал в подтверждение своих безумных подозрений. Можете лгать сколько хотите, Холмс. Мои слова имеют не меньший вес, чем ваши.

— Боже мой! — воскликнул Холмс.— Ведь я совершенно забыл о нем. Дорогой Уотсон, приношу вам тысячу извинений! Подумать только, что я упустил из виду ваше присутствие! Мне незачем знакомить вас с мистером Кэлвертоном Смитом — вы, сколько я понимаю, уже виделись с ним сегодня. Есть у вас кэб, инспектор? Я поеду вслед за вами, как только оденусь: мое присутствие может понадобиться полиции.

Одеваясь, Холмс съел несколько бисквитов и утолил жажду стаканом кларета.

— Никогда я, кажется, не ел и не пил с таким удовольствием,— сказал он.— Впрочем, мой образ жизни, как вам известно, не отличается регулярностью, и такие подвиги даются мне легче, чем многим другим. Мне было крайне необходимо, чтобы миссис Хадсон уверилась в моей болезни, так как ей предстояло сообщить эту новость вам, а вы должны были, в свою очередь, уведомить Смита. Вы не обиделись, Уотсон? Признайтесь, что умение притворяться не входит в число ваших многочисленных талантов. Если бы вы знали мою тайну, вы никогда не смогли бы убедить Смита в необходимости его приезда, а этот приезд был главным пунктом моего плана. Зная его мстительность, я был убежден, что он приедет взглянуть на результаты своего преступления.

— Но ваш вид, Холмс, ваше мертвенно-бледное лицо?..

— Три дня полного поста не красят человека. А остальное легко может быть устранено губкой. Вазелин на лбу, белладонна, впрыснутая в глаза, румяна на скулах и пленки из воска на губах — все это производит вполне удовлетворительный эффект. Симуляция болезней — это тема, которой я думаю посвятить одну из своих монографий. А разговор о полукронах, устрицах и прочих не относящихся к делу вещах неплохо создал иллюзию бреда...

— Но почему вы не разрешали мне приближаться к вам, раз никакой инфекции не было?

— И вы еще спрашиваете, мой дорогой Уотсон! Вы думаете, я не ценю ваши медицинские познания? Разве я мог надеяться, что ваш опытный взгляд пройдет мимо таких фактов, как отсутствие изменений температуры и пульса у умирающего? На расстоянии четырех шагов я еще мог обмануть вас. А если бы мне это не удалось, кто привез бы сюда Смита? Нет, Уотсон, не трогайте эту коробочку. Если взглянете на нее сбоку, вы сможете заметить, где именно появляется острая пружинка, когда коробку раскроешь. Очевидно, при помощи какого-нибудь приспособления вроде этого и был убит бедный Сэвидж, который стоял между этим чудовищем и наследством. Я, как вы знаете, получаю самую разнообразную корреспонденцию и привык относиться с опаской ко всем посылкам, приходящим на мое имя. Мне было ясно, что, убедив Смита в том, что его злобный план осуществился, я смогу выманить у него при-

знание. Свою болезнь я разыграл со старанием настоящего актера. Благодарю вас, Уотсон, а теперь помогите мне, пожалуйста, надеть пальто. Когда мы закончим дела в полиции, я полагаю, что не лишним будет заехать подкрепиться к Симпсону.

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Глава I

Мистер Шерлок Холмс

Мистер Шерлок Холмс сидел за столом и завтракал. Обычно он вставал довольно поздно, если не считать тех нередких случаев, когда ему вовсе не приходилось ложиться. Я стоял на коврике у камина и вертел в руках палку, забытую нашим вчерашним посетителем, хорошую толстую палку с набалдашником — из тех, что именуются «веским доказательством». Чуть ниже набалдашника было врезано серебряное кольцо шириной около дюйма. На кольце было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. Х. О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884». В прежние времена с такими палками — солидными, увесистыми, надежными — ходили почтенные домашние врачи.

— Ну-с, Уотсон, какого вы мнения о ней?

Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незаметными.

— Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас глаза на затылке!

— Чего нет, того нет, зато передо мной стоит начищенный до блеска серебряный кофейник,— ответил он.— Нет, в самом деле, Уотсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? Мы с вами прозевали его и не знаем, зачем он приходил. А раз уж нам так не повезло, придется обратить особое внимание на этот случайный сувенир. Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней образ ее владельца, а я вас послушаю.

— По-моему,— начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего приятеля,— этот доктор Мортимер — преуспевающий медик средних лет, к тому же всеми уважаемый, поскольку друзья наделяют его такими знаками внимания.

— Хорошо! — сказал Холмс.— Превосходно!

— Кроме того, я склонен думать, что он сельский врач, а следовательно, ему приходится делать большие концы пешком.

— А это почему?

— Потому что его палка, в прошлом весьма недурная, так сбита, что я не представляю себе ее в руках городского врача. Толстый железный наконечник совсем стерся — видимо, доктор Мортимер исходил с ней немало миль.

— Весьма здравое рассуждение,— сказал Холмс.

— Опять же надпись: «От друзей по ЧКЛ». Я полагаю, что буквы «КЛ» означают клуб, вернее всего, охотничий, членам которого он оказывал медицинскую помощь, за что ему и преподнесли этот небольшой подарок.

— Уотсон, вы превзошли самого себя! — сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая папиросу.— Я не могу не отметить, что, описывая со свойственной вам любезностью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, все же обладают недюжинной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой.

Я впервые услышал от Холмса такое признание, и должен сказать, что его слова доставили мне огромное удовольствие, ибо равнодушие этого человека к моему восхищению им и ко всем моим попыткам предать гласности метод его работы не раз ущемляло мое самолюбие. Кроме того, я был горд тем, что мне удалось не только овладеть методом Холмса, но и применить его на деле и заслужить этим похвалу моего друга.

Холмс взял палку у меня из рук и несколько минут разглядывал ее невооруженным глазом. Потом, явно заинтересовавшись чем-то, отложил папиросу в сторону, подошел к окну и снова стал осматривать палку, но уже через увеличительное стекло.

— Не бог весть что, но все же любопытно,— сказал он, возвращаясь на свое излюбленное место в углу дивана.— Кое-какие данные здесь, безусловно, есть, и они послужат нам основой для некоторых умозаключений.

— Неужели от меня что-нибудь ускользнуло? — спросил я не без чувства самодовольства.— Надеюсь, я ничего серьезного не упустил?

— Увы, дорогой мой Уотсон, бóльшая часть ваших выводов ошибочна. Когда я сказал, что вы служите для меня хорошим стимулом, это, откровенно говоря, следовало понимать так: ваши промахи иногда помогают мне выйти на правильный путь. Но сейчас вы не так уж заблуждаетесь. Этот человек, безусловно, практикует не в городе, и ему приходится совершать большие концы пешком.

— Значит, я был прав.

— В этом отношении — да.

— Но ведь это всё?

— Нет, нет, дорогой мой Уотсон, не всё, далеко не всё. Так, например, я бы сказал, что подобное подношение врач, скорее всего, может получить от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда перед лечебницей стоят буквы «ЧК», название «Черингкросская» напрашивается само собой.

— Возможно, что вы правы.

— Все наводит на такое толкование. И если мы примем мою догадку за рабочую гипотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего неизвестного посетителя.

— Хорошо. Предположим, что буквы «ЧКЛ» означают «Черингкросская лечебница». Какие же дальнейшие заключения можно отсюда вывести?

— А вам ничего не приходит в голову? Вы же знакомы с моим методом. Попробуйте применить его.

— Вывод очевиден: прежде чем уехать в деревню, этот человек практиковал в Лондоне.

— А что, если мы пойдем немного дальше? Посмотрите на это вот под каким углом зрения: почему ему был сделан подарок? Когда его друзья сочли нужным преподнести ему сообща эту палку в знак своего расположения? Очевидно, в то время, когда доктор Мортимер ушел из лечебницы, решив заняться частной практикой. Ему поднесли подарок, это нам известно. Предполагается, что работу в лечебнице он сменил на сельскую практику. Будут ли наши выводы слишком смелыми, если мы скажем, что подарок был сделан именно в связи с его уходом?

— Это весьма вероятно.

— Теперь отметьте, что он не мог состоять в штате консультантов лечебницы, ибо это доступно только врачу с солидной лондонской практикой, а такой врач вряд ли уехал бы из города. Тогда кем же он был? Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора [1], живущего при лечебнице, то есть немногим большая, чем роль практиканта. И он ушел оттуда пять лет назад — смотрите дату на палке. Таким образом, дорогой мой Уотсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами

[1] Куратор — младший медик, наблюдавший больных в клинике.

вырос весьма симпатичный человек около тридцати лет, нечестолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа.

Я недоверчиво рассмеялся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и пустил в потолок маленькие, плавно колеблющиеся в воздухе кольца дыма.

— Что касается последнего пункта, то тут вас никак не проверишь,— сказал я,— но кое-какие сведения о возрасте этого человека и его карьере мы сейчас отыщем.

Я снял со своей маленькой книжной полки медицинский справочник и нашел нужную фамилию. Там оказалось несколько Мортимеров, но я сразу же отыскал нашего посетителя и прочел вслух все, что к нему относилось:

— «Мортимер Джеймс, с 1882 года член Королевского хирургического общества. Гримпен, Дартмур, графство Девоншир. С 1882 по 1884 год — куратор Черингкросской лечебницы. Удостоен премии Джексона по разделу сравнительной патологии [1] за работу «Не следует ли считать болезни явлением атавистического [2] порядка?». Член-корреспондент Шведского патологического общества. Автор статей «Аномальные [3] явления атавизма» («Ланцет», 1882), «Прогрессируем ли мы?» («Вестник психологии», март 1883). Сельский врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Бэрроу».

— Ни слова об охотничьем клубе, Уотсон,— с лукавой улыбкой сказал Холмс,— зато действительно сельский врач, как вы тонко подметили. Мои умозаключения правильны. Что же касается прилагательных, то, если не ошибаюсь, я употребил следующие: симпатичный, нечестолюбивый и рассеянный. Уж это я знаю по опыту — только симпатичные люди получают прощальные подарки, только самые нечестолюбивые меняют лондонскую практику на сельскую и только рассеянные способны оставить свою палку вместо визитной карточки, прождав больше часа в вашей гостиной.

— А собака?

[1] Патология — наука о болезненных процессах в организме.

[2] Атавизм — проявление у организма каких-нибудь признаков, свойственных его далекому предку.

[3] Аномальный — странный, отклоняющийся от общего правила.

— Была приучена носить поноску за хозяином. Эта палка не из легких, собака брала ее посередине и крепко сжимала зубами, следы которых видны совершенно отчетливо. Судя по расстоянию между отметинами, для терьера такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что... Боже мой! Ну конечно, курчавый спаниель!

Говоря это, Холмс сначала расхаживал по комнате, потом остановился у оконной ниши. В его последних словах прозвучало такое твердое убеждение, что я недоуменно взглянул на него:

— Послушайте, друг мой, почему вы в этом уверены?

— По той простой причине, что я вижу собаку у наших дверей, а вот и звонок ее хозяина. Не уходите, Уотсон, прошу вас. Вы же с ним коллеги, и ваше присутствие поможет мне. Вот она, роковая минута, Уотсон! Вы слышите шаги на лестнице, эти шаги врываются в вашу жизнь, но что они несут с собой — добро или зло, неизвестно. Что понадобилось человеку науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?.. Войдите.

Наружность нашего гостя удивила меня, ибо я рассчитывал увидеть типичного сельского врача. Доктор Мортимер оказался очень высоким, худым человеком с длинным носом, торчащим, словно клюв, между серыми, близко посаженными глазами, которые ярко поблескивали за золотой оправой очков. Одет он был, как и подобает человеку его профессии, но с некоторой неряшливостью: сильно поношенный пиджак, обтрепанные брюки. Он уже сутулился, несмотря на молодые годы, и странно вытягивал шею, благожелательно приглядываясь к нам. Как только наш гость вошел в комнату, его взгляд тотчас же упал на палку в руках Холмса, и он с радостным криком потянулся за ней.

— Какое счастье! А я никак не мог вспомнить, где я ее оставил, здесь или в пароходной компании. Потерять такую вещь! Это было бы просто ужасно!

— Подарок? — спросил Холмс.

— Да, сэр.

— От Черингкросской лечебницы?

— Да, от тамошних друзей ко дню моей свадьбы.

— Ай-ай, как это скверно! — сказал Холмс, покачивая головой.

Доктор Мортимер изумленно заморгал глазами:

— А что же тут скверного?

— Только то, что вы нарушили ход наших умозаключений. Значит, подарок был свадебный?

— Да, сэр. Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта. Надо было обзаводиться собственным домом.

— Ну, вот видите, мы не так уж сильно ошиблись,— сказал Холмс.— А теперь, доктор Джеймс Мортимер...

— Что вы, что вы! У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

— И, по-видимому, человек научного склада ума?

— Я имею только некоторое отношение к науке, мистер Холмс: так сказать, собираю раковины на берегу необъятного океана познания. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с мистером Шерлоком Холмсом, а не с...

— Нет, доктор Уотсон вот — перед вами.

— Очень рад познакомиться, сэр. Ваше имя часто упоминается рядом с именем вашего друга. Вы меня чрезвычайно интересуете, мистер Холмс. Я никак не ожидал, что у вас такой удлиненный череп и так сильно развиты надбровные дуги. Разрешите мне прощупать ваш теменной шов. Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического [1] музея до тех пор, пока не удастся получить самый оригинал. Не сочтите это за лесть, но я просто завидую такому черепу.

Шерлок Холмс усадил нашего странного гостя в кресло.

— Мы с вами, по-видимому, оба энтузиасты своего дела, сэр,— сказал он.— Судя по вашему указательному пальцу, вы предпочитаете сами набивать папиросы. Не стесняйтесь, закуривайте.

Доктор Мортимер вынул из кармана табак и с поразительной ловкостью набил папиросу. Его длинные, чуть дрожащие пальцы двигались проворно и беспокойно, как щупальца у насекомого.

Холмс сидел молча, но быстрые, мимолетные взгляды, которые он бросал на нашего занятного собеседника, ясно говорили о том, что этот человек сильно интересует его.

— Я полагаю, сэр,— начал он наконец,— что вы оказа-

[1] Антропология — наука о человеке (происхождение человека, его особенности, история его развития и т. п.).

ли мне честь своим вчерашним и сегодняшним посещением не только ради обследования моего черепа?

— Нет, сэр, конечно нет! Правда, я счастлив, что мне представилась такая возможность, но меня привело к вам совсем не это, мистер Холмс. Я человек отнюдь не практической складки, а между тем передо мной внезапно встала одна чрезвычайно серьезная и чрезвычайно странная задача. Считая вас вторым по величине европейским экспертом...

— Вот как, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто имеет честь быть первым? — довольно резким тоном спросил Холмс.

— Труды господина Бертильона [1] внушают большое уважение людям с научным складом мышления.

— Тогда почему бы вам не обратиться к нему?

— Я говорил, сэр, о «научном складе мышления», но как практик вы не знаете себе равных — это признано всеми. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней...

— Так, самую малость,— ответил Холмс.— Однако, доктор Мортимер, я думаю, что вы поступите совершенно правильно, если сейчас же, без дальнейших отступлений, расскажете мне, в чем состоит дело, для разрешения которого вам требуется моя помощь.

Глава II

Проклятие рода Баскервилей

— У меня в кармане лежит один манускрипт [2],— сказал доктор Джеймс Мортимер.

— Я заметил это, как только вы вошли, — сказал Холмс.

[1] Бертильон А. (1853—1914) — французский ученый-антрополог.

[2] Манускрипт — рукопись.

— Манускрипт очень древний.

— Начало восемнадцатого века, если только не подделка.

— Откуда вам это известно, сэр?

— Разговаривая со мной, вы все время показываете мне краешек этого манускрипта дюйма в два шириной. Плох же тот эксперт, который не сможет установить дату документа с точностью до одного-двух десятилетий. Вам, может быть, приходилось читать мой небольшой труд по этому вопросу? Я датирую ваш манускрипт тысяча семьсот тридцатым годом.

— Точная дата тысяча семьсот сорок второй.— Доктор Мортимер вынул рукопись из бокового кармана пиджака.— Эта фамильная реликвия была отдана мне на сохранение сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и трагическая смерть которого так взволновала весь Девоншир три месяца назад. Я считал себя не только врачом сэра Чарльза, но и его личным другом. Это был человек властный, умный, весьма практический и отнюдь не фантазер, как ваш покорный слуга. И все же он относился к этому документу очень серьезно и был подготовлен к тому концу, который его постиг.

Холмс протянул руку, взял манускрипт и расправил его на коленях.

— Уотсон, присмотритесь к написанию буквы «д». Это одна из тех особенностей, которые помогли мне установить дату документа.

Я глянул через его плечо на пожелтевшие листы с полустертыми строками. Вверху страницы было написано: «Баскервиль-холл», а ниже стояли крупные, размашистые цифры: «1742».

— Это, по-видимому, какая-то запись.

— Да, запись одного предания, которое живет в роду Баскервилей.

— Но, насколько я понял, вы пришли посоветоваться со мной по вопросу более практическому и более близкому к нам по времени.

— Да, животрепещуще близкому! Он не терпит отлагательств, его надо решить в течение суток. Рукопись совсем короткая, и она имеет непосредственное отношение к делу. С вашего позволения, я прочту ее вам.

Откинувшись на спинку кресла, Холмс сомкнул концы пальцев и с видом полной покорности судьбе закрыл глаза. Доктор Мортимер повернулся к свету и высоким скрипучим голосом начал читать нам следующую любопытную повесть древних времен:

— «Много есть свидетельств о собаке Баскервилей, но, будучи прямым потомком Гуго Баскервиля и будучи наслышан о сей собаке от отца своего, а он — от моего деда, я положил себе записать сию историю, в подлинности коей не может быть сомнений. И я хочу, дети мои, чтобы вы уверовали, что высший судия, наказующей нас за прегрешения наши, волен и отпустить их нам с присущим ему милосердием и что нет столь тяжкого проклятия, коего нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы снова всем нам на погибель не даровать свободу темным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.

Знайте же, что во времена Великого восстания (историю его, написанную лордом Кларендоном, мужем большой учености, я всячески советую вам прочесть) владетелем поместья Баскервиль был Гуго, того же рода, и этого Гуго можно со всей справедливостью назвать человеком необузданным, нечестивым и безбожным. Соседи простили бы ему все его прегрешения, ибо святые никогда не водились в наших местах, но в натуре Гуго была наклонность к безрассудным и жестоким шуткам, что и сделало имя его притчей во языцех во всем Девоне. Случилось так, что этот Гуго полюбил (если только можно назвать его темную страсть столь чистым именем) дочь одного фермера, земли коего лежали поблизости от поместья Баскервилей. Но юная девица, известная своей скромностью и добродетелью, страшилась одного его имени и всячески его избегала. И вот однажды, а это было в Михайлов день, Гуго Баскервиль отобрал из своих товарищей шестерых, самых отчаянных и беспутных, прокрался к ферме и, зная, что отец и братья девицы находятся в отлучке, увез ее. Вернувшись в Баскервиль-холл, он спрятал свою пленницу в одном из верхних покоев, а сам, по своему обычаю, стал пировать с товарищами. Несчастная чуть не лишилась ума, слыша пение, крики и страшные ругательства, доносившиеся снизу, ибо, по свидетельству тех, кто знал Гуго Баскервиля, он был

столь несдержан на язык во хмелю, что, казалось, подобные богохульные слова могут испепелить человека, осквернившего ими уста свои. Под конец страх довел девушку до того, что она отважилась на поступок, от коего отказался бы и самый ловкий и смелый мужчина, а именно: выбралась на карниз, спустилась на землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южную стену замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на три мили.

По прошествии некоторого времени Гуго оставил гостей с намерением отнести своей пленнице еду и питье, а может статься, в мыслях у него было и нечто худшее, но увидел, что клетка опустела и птичка вылетела на волю. И тогда его обуял дьявол, ибо, сбежав вниз по лестнице в пиршественный зал, он вскочил на стол, разметал фляги и блюда и поклялся во всеуслышание отдать тело свое и душу силам зла, лишь бы настигнуть беглянку. И пока сотрапезники его стояли, пораженные бушевавшей в нем яростью, один из них, самый бессердечный или самый хмельной, крикнул, что надо пустить собак по следу. Услышав такие слова, Гуго выбежал из замка, приказал конюхам оседлать его вороную кобылу и спустить собак и, дав им понюхать косынку, оброненную девицей, поскакал следом за громко лающей сворой по залитому лунным светом болоту.

Сотрапезники его некоторое время стояли молча, не уразумев сразу, из-за чего поднялась такая суматоха. Но вот до их отуманенного винными парами рассудка дошло, какое черное дело будет содеяно на просторах торфяных болот. Тут все закричали: кто требовал коня, кто пистолет, кто еще одну флягу вина. Потом, несколько одумавшись, они всей компанией, числом в тринадцать человек, вскочили на коней и присоединились к погоне. Луна сияла ярко, преследователи скакали все в ряд по тому пути, каким, по их расчетам, должна была бежать девица, если она имела намерение добраться до отчего дома.

Проехав милю или две, они повстречали пастуха со стадом и спросили его, не видал ли он погоню. А тот, как рассказывают, сначала не мог вымолвить ни слова от страха, но потом все же признался, что видел несчастную девицу, по следам коей неслись собаки. «Но я видел и нечто другое,— присовокупил он.— Гуго Баскервиль проскакал

мимо меня на вороной кобыле, а за ним молча гналась собака, и не дай мне боже увидеть когда-нибудь такое исчадие ада у себя за спиной!»

Пьяные сквайры обругали пастуха и поскакали дальше. Но вскоре мороз пробежал у них по коже, ибо они услышали топот копыт, и вслед за тем вороная кобыла, вся в пене, пронеслась мимо них без всадника и с брошенными поводьями. Беспутные гуляки сбились в кучу, обуянные страхом, но все же продолжали путь, хотя каждый из них, будь он здесь один, без товарищей, с радостью повернул бы своего коня вспять. Они медленно продвигались вперед и наконец увидели собак. Вся свора, издавна славившаяся чистотой породы и свирепостью, жалобно визжала, теснясь у спуска в глубокий овраг, некоторые собаки крадучись отбегали в сторону, а другие, ощетинившись и сверкая глазами, порывались пролезть в узкую расселину, что открывалась перед ними.

Всадники остановились, как можно догадаться, гораздо более трезвые, чем они были, пускаясь в путь. Большинство из них не решалось сделать вперед ни шагу, но трое самых смелых или же самых хмельных направили коней в глубь оврага. И там взорам их открылась широкая лужайка, а на ней виднелись два больших каменных столба, поставленные здесь еще в незапамятные времена. Такие столбы попадаются на болотах и по сию пору. Луна ярко освещала лужайку, посреди которой лежала несчастная девица, скончавшаяся от страха и потери сил. Но не при виде ее бездыханного тела и не при виде лежащего рядом тела Гуго Баскервиля почувствовали трое бесшабашных гуляк, как волосы зашевелились у них на голове. Нет! Над Гуго стояло мерзкое чудовище — огромный, черной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак, каких когда-либо приходилось видеть смертному. И это чудовище у них на глазах растерзало горло Гуго Баскервилю и, повернув к ним свою окровавленную морду, сверкнуло горящими глазами. Тогда они вскрикнули, обуянные страхом, и, не переставая кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем, а двое других до конца дней своих не могли оправиться от столь тяжкого потрясения.

Таково, дети мои, предание о собаке, причинившей

с тех самых пор столько бед нашему роду. И если я решил записать его, то лишь в надежде на то, что знаемое меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Есть ли нужда отрицать, что многие в нашем роду умирали смертью внезапной, страшной и таинственной? Так пусть же не оставит нас провидение своей неизреченной милостью, ибо оно не станет поражать невинных, рожденных после третьего и четвертого колена, коим грозит отмщение, как сказано в Евангелии. И сему провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно.

(Написано рукой Гуго Баскервиля для сыновей Роджера и Джона, и приказываю им держать все сие в тайне от сестры их, Элизабет)».

Прочитав это странное повествование, доктор Мортимер сдвинул очки на лоб и уставился на мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил окурок в камин.

— Ну и что же? — сказал он.

— По-вашему, это неинтересно?

— Интересно для любителей сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную вчетверо газету:

— Хорошо, мистер Холмс. Теперь мы познакомим вас с более современным материалом. Вот номер «Девонширской хроники» от четырнадцатого июня сего года. В нем помещен короткий отчет о фактах, установленных в связи со смертью сэра Чарльза Баскервиля, постигшей его за несколько дней до этого.

Мой друг чуть подался вперед, и взгляд у него стал сразу внимательным. Поправив очки, доктор Мортимер начал:

— «Скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, возможного кандидата от партии либералов на предстоящих выборах, произвела очень тяжелое впечатление на весь Средний Девоншир. Хотя сэр Чарльз сравнительно недавно обосновался в Баскервиль-холле, своим радушием и щедростью он успел снискать себе любовь и уважение всех, кому приходилось иметь с ним дело. В наши дни владычества нуворишей [1] приятно знать, что потомок древнего

[1] Нувориш — человек, быстро разбогатевший, составивший себе состояние на спекуляции.

рода, знавшего лучшие времена, смог собственными руками нажить себе состояние и обратить его на восстановление былого величия своего имени. Как известно, сэр Чарльз совершал весьма прибыльные операции в Южной Африке. В противоположность тем людям, которые не останавливаются до тех пор, пока колесо фортуны не повернется против них, он, со свойственной ему трезвостью ума, реализовал свои доходы и вернулся в Англию с солидным капиталом. В Баскервиль-холле сэр Чарльз поселился всего лишь два года назад, но слухи о различных усовершенствованиях и планах перестройки поместья, прерванных его смертью, успели распространиться повсюду. Будучи бездетным, он не раз выражал намерение еще при жизни облагодетельствовать своих земляков, и у многих из здешних жителей есть личный повод оплакивать его безвременную кончину. О щедрых пожертвованиях сэра Чарльза на нужды благотворительности как в местном масштабе, так и в масштабе всего графства неоднократно упоминалось на страницах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы следствию удалось полностью выяснить обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, хотя оно все же положило конец слухам, рожденным местными суеверными умами. У нас нет никаких оснований подозревать, что смерть последовала не от естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец и, если можно так выразиться, человек со странностями. Несмотря на свое большое состояние, он жил очень скромно, и весь штат домашней прислуги в Баскервиль-холле состоял из супружеской четы Бэрриморов. Муж исполнял обязанности дворецкого, жена — экономки. В своих показаниях, совпадающих с показаниями близких друзей покойного, Бэрриморы отмечают, что здоровье сэра Чарльза за последнее время заметно ухудшилось. По их словам, он страдал болезнью сердца, о чем свидетельствовали резкие изменения цвета лица, одышка и подавленное состояние духа. Доктор Джеймс Мортимер, близкий друг и домашний врач покойного, подтвердил это в своих показаниях.

С фактической стороны все обстояло весьма просто. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение гулять перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-холла. Чета Бэрриморов показывает, что он никогда не изменял этой привычке. Четвертого июня сэр Чарльз объявил о своем

намерении уехать на следующий день в Лондон и приказал Бэрримору приготовить ему вещи к отъезду, а вечером, как обычно, отправился на прогулку, во время которой он всегда выкуривал сигару. Домой сэр Чарльз больше не вернулся. В полночь, увидев, что дверь в холл все еще открыта, Бэрримор встревожился, зажег фонарь и отправился на поиски своего хозяина. В тот день было сыро, и следы сэра Чарльза ясно виднелись в аллее. Посередине этой аллеи есть калитка, которая ведет на торфяные болота. Судя по некоторым данным, сэр Чарльз стоял около нее несколько минут, потом пошел дальше... и в самом конце аллеи был обнаружен его труп.

Тут остается невыясненным одно обстоятельство. Бэрримор показывает, что как только сэр Чарльз отошел от калитки, характер его следов изменился — по-видимому, дальше он ступал на цыпочках. В то время по болоту, недалеко от аллеи, проходил цыган-барышник, некий Мерфи. Он слышал крики, но не мог определить, в какой стороне они раздавались, так как, по собственному признанию, был сильно пьян. Никаких следов насилия на теле сэра Чарльза не обнаружено. Правда, медицинская экспертиза отмечает изменившееся до неузнаваемости лицо покойного — доктор Мортимер даже отказался сначала верить, что перед ним лежит его друг и пациент, но подобное явление нередко сопровождает смерть от удушья и упадка сердечной деятельности. Это подтвердилось в результате вскрытия, которое дало полную картину застарелого органического порока сердца. Основываясь на данных медицинской экспертизы, следствие пришло к заключению о скоропостижной смерти, что значительно облегчает положение дел, так как желательно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в Баскервиль-холле и продолжал прекрасные начинания своего предшественника, прерванные таким трагическим концом. Если б прозаически точные выводы следователя не положили конец романтическим домыслам в связи со смертью сэра Чарльза, которые передавались по всему графству из уст в уста, то Баскервиль-холлу трудно было бы найти хозяина. Как говорят, ближайшим родственником сэра Чарльза является мистер Генри Баскервиль (если он жив), сын среднего брата покойного. По последним имеющимся у нас сведениям, этот молодой человек находится в Америке. Сейчас приняты меры

к тому, чтобы разыскать его и сообщить о полученном им большом наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул ее в карман.

— Вот все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза Баскервиля, мистер Холмс.

— Вы ознакомили меня с делом, которое безусловно не лишено некоторого интереса, и я вам очень признателен за это,— сказал Шерлок Холмс.— В свое время мне приходилось читать о нем в газетах, но тогда я был так занят историей с ватиканскими камеями [1] и так старался услужить папе, что прозевал несколько любопытных дел в Англии. Значит, это все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза?

— Да.

— Тогда познакомьте меня с теми фактами, которые не попали в печать.— Он откинулся на спинку кресла, сомкнул кончики пальцев и принял вид строгого и беспристрастного судьи.

— Мне еще ни с кем не приходилось говорить об этом,— начал доктор Мортимер, явно волнуясь.— Я о многом умолчал на следствии по той простой причине, что человеку науки неудобно поддерживать слухи, рожденные суеверием. И я считаю, что газета права: усугублять и без того мрачную репутацию Баскервиль-холла — значит обрекать его на прозябание без хозяина. Руководствуясь этими соображениями, я предпочел кое о чем умолчать, ибо излишняя откровенность все равно не принесла бы пользы. Но с вами я могу говорить напрямик.

Торфяные болота — место довольно безлюдное, поэтому более или менее близкие соседи стараются почаще встречаться друг с другом. Что касается меня, то я проводил довольно много времени в обществе сэра Чарльза Баскервиля. Если не считать мистера Френкленда из Лефтер-холла да еще натуралиста мистера Стэплтона, в наших местах на протяжении многих миль не встретишь ни одного образованного человека. Сэр Чарльз любил уединение, но его болезнь сблизила нас, а общие интересы еще больше укрепили эту близость. Он привез весьма ценные научные

[1] Ватикан — дворец в Риме главы католической церкви, папы римского. Камеи — небольшие, вырезанные на ценном камне рельефные изображения лиц или предметов.

материалы из Южной Африки, и мы с ним провели много приятных вечеров, обсуждая сравнительную анатомию бушменов и готтентотов [1].

Последнее время мне с каждым месяцем становилось все яснее, что нервы сэра Чарльза напряжены до предела. Он верил в эту легенду, которую я вам прочитал, и, гуляя по своим владениям, не решался выходить на болота ночью. Вам это покажется нелепостью, мистер Холмс, но сэр Чарльз был твердо убежден, что над его родом тяготеет страшное проклятие, и действительно, примеры, которые он приводил из прошлого своей семьи, были неутешительны. Ему не давала покоя навязчивая идея о каком-то призрачном существе, и он то и дело спрашивал меня, не видал ли я чего-либо странного, когда ходил с визитами по больным, и не слышал ли собачьего лая. Последний вопрос сэр Чарльз задавал мне особенно часто, и его голос дрожал при этом от волнения.

Помню, как сейчас, недели за три до трагического события я подъехал вечером к Баскервиль-холлу. Сэр Чарльз стоял в дверях дома. Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через мое плечо с выражением предельного ужаса в глазах. Я круто обернулся и успел только мельком увидеть в самом конце аллеи какое-то животное вроде большого черного теленка. Сэр Чарльз был в таком волнении и страхе, что мне пришлось пойти туда, где оно промелькнуло, и посмотреть, куда оно делось. Но там ничего не было.

Это происшествие произвело очень тяжелое впечатление на моего друга. Я провел с ним весь тот вечер, и вот тогда-то, решив объяснить мне причину своей тревоги, он и попросил меня взять на сохранение эту рукопись, с которой я счел нужным ознакомить вас прежде всего. Я упомянул об этом маловажном случае только потому, что он приобрел некоторое значение в последующей трагедии, но в то время все это показалось мне чистейшим вздором, никак не оправдывающим волнение моего друга.

Сэр Чарльз, по моему совету, собирался в Лондон. Сердце у него было не в порядке, а страх, не дававший ему ни минуты покоя, явно сказывался на его здоровье, хотя причины этого страха были, на мой взгляд, просто вымышленные. Я рассчитывал, что несколько месяцев городской жизни подействуют на сэра Чарльза освежающе и он вернется назад новым человеком. Того же мнения был мистер Стэплтон, который проявлял всегда большую заботу о здоровье нашего общего друга. И вот в самую последнюю минуту разразилось это страшное несчастье.

Дворецкий Бэрримор, нашедший ночью тело сэра Чарльза, немедленно послал ко мне верхом конюха Перкинса. Я поздно засиделся за работой и поэтому поспел в Баскервиль-холл быстро, самое большее через час. Все факты, о которых упоминалось на следствии, были мною проверены и сопоставлены один с другим. Я прошел по следам сэра Чарльза всю тисовую аллею, осмотрел то место у калитки, где он, по-видимому, останавливался, обратил внимание на изменившийся характер его следов, убедился, что, кроме них, на мягком гравии видны только следы Бэрримора, и, наконец, тщательно обследовал тело, к которому до моего приезда никто не прикасался. Сэр Чарльз лежал ничком, раскинув руки, вцепившись пальцами в землю, и судорога так исказила его лицо, что я не сразу мог опознать труп. Физических повреждений на нем не оказалось. Но Бэрримор дал ошибочные показания на следствии. По его словам, на земле около тела не было видно никаких следов. Он просто не заметил их, а я заметил. На небольшом расстоянии от сэра Чарльза виднелись совершенно свежие и четкие...

— Следы?

— Следы.

— Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шепотом:

— Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!

[1] Бушмены и готтентоты — африканские племена.

Глава III

Задача

Признаюсь, что при этих словах мороз пробежал у меня по коже. Судя по тому, как дрожал голос у доктора, он сам был глубоко взволнован своим рассказом. Холмс подался всем телом вперед, и в глазах у него вспыхнули сухие, колючие искорки — верный признак проснувшегося интереса.

— Вы сами их видели?

— Точно так же, как вижу вас.

— И ничего об этом не сказали!

— А зачем?

— Неужели, кроме вас, их никто не видел?

— Они были шагах в тридцати от тела, и на них, вероятно, просто не обратили внимания. Я бы сам ничего не заметил, если б не вспомнил легенду.

— На болотах, должно быть, много овчарок?

— Разумеется. Но это была не овчарка.

— Вы говорите, что следы очень большие?

— Огромные.

— Но к телу сэра Чарльза они не приближались?

— Нет.

— Какая тогда стояла погода?

— Сырая, холодная.

— Но дождя не было?

— Нет.

— А что представляет собой эта аллея?

— По бокам высокая зеленая изгородь из тесно сросшихся старых тисов. Посередине — дорожка футов восьми в ширину.

— А между кустарником и дорожкой есть что-нибудь?

— Да, по обе стороны идет полоска дерна около шести футов в ширину.

— Если я правильно вас понял, в аллее есть калитка?

— Да, и эта калитка ведет на болота.

— А других выходов туда нет?

— Нет.

— Следовательно, в тисовую аллею можно попасть или прямо из дома, или через калитку, которая ведет на болота?

— Есть еще один выход — через беседку в дальнем конце.

— Сэр Чарльз дошел туда?

— Нет, он лежал шагах в пятидесяти от нее.

— Теперь, доктор Мортимер, будьте добры ответить мне на один очень важный вопрос: замеченные вами следы были не на траве, а на дорожке?

— На траве следов обычно не видно.

— Они были на той же стороне дорожки, где калитка?

— Да, на самом краю, ближе к калитке.

— Чрезвычайно интересно! Еще один вопрос: калитка была закрыта?

— Не только закрыта, но и заперта на висячий замок.

— Какой она вышины?

— Фута четыре.

— Значит, через нее можно перелезть?

— Да.

— А около самой калитки было что-нибудь обнаружено?

— Нет, ничего особенного.

— Боже мой! Неужели там не посмотрели?

— Нет, я сам смотрел.

— И ничего не нашли?

— Там трудно было что-нибудь разобрать. Сэр Чарльз, по-видимому, простоял у калитки минут пять — десять.

— Почему вы так думаете?

— Потому что пепел дважды упал с его сигары.

— Превосходно! Вот такой помощник нам под стать! Правда, Уотсон? Ну, а следы?

— Гравий был испещрен его следами. Других я не заметил.

Шерлок Холмс нетерпеливо ударил себя ладонью по колену.

— Ах, если б я сам там был! — воскликнул он.— Это, по-видимому, чрезвычайно интересное дело. Какие богатые возможности для серьезного научного расследования! Гравий — это такая страница, на которой я смог бы столько всего прочесть! А теперь она размыта дождем, затоптана башмаками любопытных фермеров... Ах, доктор Мортимер,

доктор Мортимер! Почему же вы меня сразу не позвали? Какой грех на вашей совести!

— Я не мог обратиться к вам, мистер Холмс: ведь тогда мне пришлось бы предать гласности все эти факты, а я уже объяснил, что́ меня удерживало от такого шага. Кроме того, кроме того...

— Что же вы колеблетесь?

— Есть некая область, где бессилен самый проницательный и самый опытный сыщик.

— Вы намекаете, что мы имеем дело со сверхъестественной силой?

— Я этого не говорю.

— Не «говорю», но «думаю»?

— С тех пор как произошло это несчастье, мистер Холмс, мне рассказали несколько случаев, которые трудно связать с естественным ходом вещей.

— Например?

— Я выяснил, что кое-кто из местных жителей еще до трагической смерти сэра Чарльза видел на болотах некое странное существо, в точности соответствующее описаниям баскервильского демона и не похожее ни на какое другое животное, известное науке. Все видевшие его утверждали в один голос: это страшный светящийся призрак непомерной величины. Я опросил этих людей. Их было трое: наш сосед, человек весьма трезвых взглядов на вещи, здешний кузнец и один фермер. Все они рассказывают о чудовищном привидении, почти слово в слово повторяя описание того пса, о котором говорится в легенде. Верьте мне, мистер Холмс: во всей нашей округе царит ужас, выходить на болото ночью никто не отваживается, разве только самые отчаянные смельчаки.

— И вы, человек науки, верите, что это явление сверхъестественное?

— Я сам не знаю, чему верить.

Холмс пожал плечами.

— До сих пор моя сыскная деятельность протекала в пределах этого мира,— сказал он.— Я борюсь со злом по мере своих скромных сил и возможностей, но восставать против самого прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самонадеянно с моей стороны. Однако вы не станете отрицать, что следы на гравии — вещь весьма реальная?

— Собаке, о которой говорится в предании, нельзя

отказать в реальности, если она смогла загрызть человека. И все же в ней было что-то демоническое.

— Я вижу, вы окончательно перешли на сторону мистиков, доктор Мортимер. Тогда скажите мне вот что. Если вы стали на такую точку зрения, зачем вам понадобился я? Вы говорите мне, что расследовать обстоятельства смерти сэра Чарльза бесполезно, и в то же время просите меня взяться за это.

— Я ни о чем таком вас не просил.

— Тогда чем же я могу помочь вам?

— Советом. Скажите мне, как я должен поступить с сэром Генри Баскервилем, который приедет на вокзал Ватерлоо,— доктор Мортимер посмотрел на часы,— ровно через час с четвертью.

— Это и есть наследник?

— Да. После смерти сэра Чарльза мы навели о нем справки и выяснили, что он ведет хозяйство у себя на ферме, в Канаде. Судя по отзывам, это прекрасный, достойнейший молодой человек. Я сейчас говорю не как врач, а как доверенное лицо и душеприказчик сэра Чарльза.

— Других претендентов на наследство нет?

— Нет. Единственный другой родственник, о котором нам удалось кое-что узнать, это Роджер Баскервиль, младший брат несчастного сэра Чарльза. Всех братьев было трое. Средний, умерший в молодых годах,— отец этого Генри. Младший, Роджер, считался в семье паршивой овцой. Он унаследовал баскервилевскую деспотичность и был как две капли воды похож на фамильный портрет того самого Гуго Баскервиля. В Англии Роджер не ужился и был вынужден скрыться в Центральную Америку, где и умер в 1876 году от желтой лихорадки. Генри — последний отпрыск рода Баскервилей. Через час пять минут я должен буду встретить его на вокзале Ватерлоо. Он известил меня телеграммой, что сегодня утром приезжает в Саутгемптон. Так вот, мистер Холмс, посоветуйте, как мне с ним быть?

— А почему бы ему не уехать сразу в свое родовое поместье?

— Да, такое решение напрашивается само собой. Но вспомните, что все Баскервили, которые жили там, кончали трагически. Я уверен, будь у сэра Чарльза возможность поговорить со мной перед смертью, он запретил бы мне

привозить последнего отпрыска древнего рода в это страшное место. И в то же время нельзя отрицать, что благоденствие всей нашей унылой, нищей округи зависит от того, согласится сэр Генри жить в своем поместье или нет. Если Баскервиль-холл будет пустовать, все начинания сэра Чарльза пойдут прахом. Я боюсь, как бы моя личная заинтересованность в наших местных делах не взяла надо мной верх, и поэтому обращаюсь за советом к вам.

Холмс задумался.

— В двух словах дело обстоит так,— сказал он наконец.— Вы считаете, что некая злая сила делает Дартмур небезопасным для Баскервилей. Правильно я вас понял?

— Во всяком случае, некоторые данные для таких опасений имеются.

— Так. Но если ваша теория о сверхъестественных силах правильна, то они могут погубить этого молодого человека не только в Девоншире, но и в Лондоне. Трудно представить себе дьявола с такой узкоместной властью. Ведь это не какой-нибудь член приходского управления.

— Если б вам пришлось столкнуться со всем этим самому, мистер Холмс, вы бы не стали так шутить. Значит, по-вашему, молодому человеку безразлично, где быть — в Лондоне или Девоншире? Он приезжает через пятьдесят минут. Посоветуйте, что мне делать?

— Я советую вам, сэр, позвать кэб, взять с собой своего спаниеля, который скребется у входной двери, и ехать на вокзал встречать сэра Генри Баскервиля.

— А потом?

— Потом вы будете ждать, пока я обдумаю дальнейший план действий, а до тех пор ничего ему не говорите.

— Сколько вам потребуется времени на это?

— Одни сутки. Я буду вам весьма обязан, доктор Мортимер, если вы явитесь сюда завтра в десять часов утра и приведете с собой сэра Генри Баскервиля. Мне нужно познакомиться с ним.

— Хорошо, мистер Холмс.

Он записал дату и час свидания на манжете и, так же рассеянно озираясь по сторонам, быстро вышел из комнаты.

Холмс окликнул его с площадки:

— Еще один вопрос, доктор Мортимер. Вы говорите, что привидение являлось на болотах и раньше?

— Да, об этом рассказывают трое.

— А после смерти сэра Чарльза ничего такого не было?

— Не знаю. Не слышал.

— Благодарю вас. Всего хорошего.

Холмс сел на свое место в углу дивана и улыбнулся той спокойной, удовлетворенной улыбкой, которая всегда появлялась у него на лице, когда перед ним вставала достойная его задача.

— Ухóдите, Уотсон?

— Да, если я ничем не могу вам помочь.

— Нет, друг мой, я обращаюсь к вам за помощью, когда надо приступать к действию. Но какое великолепное дело! Во многих отношениях просто из ряда вон выходящее. Когда будете проходить мимо Бредли, заверните к нему и попросите прислать мне фунт самого крепкого табака. Благодарю заранее. Постарайтесь не возвращаться до вечера. А тогда я с радостью обменяюсь с вами впечатлениями по поводу чрезвычайно интересной задачи, которую нам задали сегодня утром.

Уединение и покой были необходимы моему другу в часы напряженной умственной работы, когда он взвешивал все мельчайшие подробности дела, строил одну за другой несколько гипотез, сравнивал их между собой и решал, какие сведения существенны и какими можно пренебречь. Поэтому я провел весь день в клубе и вернулся на Бейкер-стрит только к вечеру, около девяти часов.

Я открыл дверь в гостиную и перепугался — уж не пожар ли у нас? — ибо в комнате стоял такой дым, что сквозь него еле брезжил огонь лампы. Но мои опасения были напрасны: мне ударило в нос едким запахом крепчайшего дешевого табака, отчего у меня немедленно запершило в горле. Сквозь дымовую завесу я еле разглядел Холмса, удобно устроившегося в кресле. Он был в халате и держал в зубах свою темную глиняную трубку. Вокруг него лежали какие-то бумажные рулоны.

— Простудились, Уотсон? — спросил он.

— Нет, просто дух захватило от этих ядовитых фимиамов.

— Да, вы, кажется, правы: здесь немного накурено.

— Какое там «немного»! Дышать нечем!

— Тогда откройте окно. Я вижу, вы просидели весь день в клубе?

— Холмс, дорогой мой!

— Правильно?

— Разумеется, правильно, но как вы...

Он засмеялся, глядя на мою растерянную физиономию.

— Ваше простодушие, Уотсон, поистине восхитительно! Если б вы знали, как мне приятно проверять на вас свои скромные силы! Джентльмен уходит из дому в мерзкую, дождливую погоду. Вечером он возвращается чистенький, без единого пятнышка. Цилиндр и ботинки на нем сверкают по-прежнему. Следовательно, он где-то сидел сиднем весь день. Близких друзей у него нет. Где же он был? Разве это не очевидно?

— Да, совершенно очевидно.

— Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

— Тоже весь день просидели сиднем?

— Вот и нет, я успел побывать в Девоншире.

— Мысленно?

— Совершенно верно. Мое тело оставалось здесь, в кресле, и, как это ни грустно, успело выпить за день два больших кофейника и выкурить невероятное количество табака. Как только вы ушли, я послал к Стенфорду за картой дартмурских болот, и мой дух блуждал по ним весь день. Льщу себя надеждой, что теперь я освоился с этими местами как следует.

— Карта крупного масштаба?

— Да, очень крупного.— Он развернул один сектор этой карты и положил его на колени.— Вот тот самый участок, который нас интересует. В середине стоит Баскервиль-холл.

— Окруженный лесом?

— Совершенно верно. Тисовая аллея здесь не обозначена, но я полагаю, что она идет справа, параллельно болотам. Вот эта маленькая группа строений — та самая деревушка Гримпен, где находится штаб-квартира нашего друга, доктора Мортимера. Как видите, на пять миль в окружности жилье встречается очень редко. Вот это Лефтер-холл, о котором упоминал доктор. Здесь, по-видимому, стоит дом натуралиста Стэплтона, если я правильно запомнил его фамилию. Вот это — две фермы: «Каменные столбы» и «Гнилое болото». В четырнадцати милях от них — принстаунская каторжная тюрьма. А между этими отдельными точками и вокруг них расстилаются унылые, лишенные признаков жизни болота. Вот вам сцена, на которой разыгралась эта трагедия, и, может быть, разыграется еще раз на наших глазах.

— Да, места дикие.

— Сцена обставлена как нельзя лучше. Если дьявол действительно захотел вмешаться в людские дела...

— Значит, вы тоже склонны видеть во всем этом нечто сверхъестественное?

— А разве пособники дьявола не могут быть облечены в плоть и кровь? Для начала нам придется решить два вопроса. Первый: было ли здесь совершено преступление? Второй: в чем заключается это преступление и как оно было совершено? Разумеется, если доктор Мортимер прав в своих догадках и мы имеем здесь дело с силами, которые находятся вне законов природы, тогда нам придется сложить оружие. Но прежде чем успокаиваться на этом, надо проверить до конца все другие гипотезы. Давайте-ка закроем окно, если вы не возражаете. Как это ни странно, но, по-моему, концентрация табачного дыма способствует концентрации мысли. Я еще не дошел до того, чтобы забираться в ящик во время своих размышлений, но логический вывод из моей теории именно таков. Ну как, вы успели подумать над этим делом?

— Оно не выходило у меня из головы весь день.

— И к чему же вы пришли?

— Запутанная история.

— Да, история весьма своеобразная. Особенно в некоторых деталях. Например, изменившийся характер следов. Как вы это объясняете?

— Мортимер говорил, будто бы сэр Чарльз прошел эту часть аллеи на цыпочках.

— Он только повторил слова какого-то идиота, сказанные во время следствия. Зачем это человеку может понадобиться идти по аллее на цыпочках!

— Тогда в чем же тут дело?

— Он бежал, Уотсон. Спасался, бежал со всех ног. Так бежал, что сердце у него не выдержало и он на всем бегу упал мертвый.

— Спасался? Но от кого?

— В том-то вся и загвоздка. Судя по некоторым дан-

ным, Чарльз Баскервиль потерял голову от страха, прежде чем обратиться в бегство.

— Почему вы так думаете?

— То, что его так напугало, двигалось к нему с болот. Если я не ошибаюсь — а по-видимому, все так и было, как я предполагаю,— то бежать не к дому, а от дома мог только обезумевший человек. Цыган показал на следствии, сэр Чарльз призывал на помощь, но бежал он в том направлении, где меньше всего можно было на нее рассчитывать. Потом еще одна загадка: кого он поджидал в тот вечер и почему свидание должно было состояться в тисовой аллее, а не в доме?

— Вы думаете, что он ждал кого-то?

— Посудите сами: больной пожилой человек отправился вечером на прогулку — ничего удивительного в этом нет. Но ведь в тот день было сыро, холодно. Зачем же ему понадобилось попусту стоять у калитки пять, а то и десять минут, как утверждает доктор Мортимер, обративший внимание на сигарный пепел? Между прочим, как это ни странно, но ему нельзя отказать в наблюдательности.

— Сэр Чарльз совершал такие прогулки каждый вечер.

— И каждый вечер останавливался у калитки? Вряд ли. Наоборот, есть сведения, что сэр Чарльз старался держаться подальше от болот. А в ту ночь он кого-то ждал там. И это было накануне его предполагаемого отъезда в Лондон. Видите, Уотсон, как все складывается — звено к звену! А теперь будьте любезны дать мне скрипку, и мы отложим всякое попечение об этом деле в надежде на то, что завтрашний визит доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля даст нам новую пищу для размышлений.

Глава IV

Сэр Генри Баскервиль

Мы позавтракали рано, и Холмс, облаченный в халат, приготовился к приему посетителей. Наши клиенты не опоздали ни на секунду — как только часы пробили десять,

доктор Мортимер вошел в кабинет в сопровождении молодого баронета. Последнему было лет тридцать. Небольшого роста, коренастый, крепкий, он производил впечатление очень живого, здорового человека. Выражение его лица показалось мне упрямым; карие глаза смело смотрели на нас из-под густых темных бровей. Коричневый костюм спортивного покроя и смуглая обветренная кожа свидетельствовали о том, что этот человек отнюдь не домосед и не белоручка, и в то же время спокойная, уверенная осанка выдавала в нем истинного джентльмена.

— Сэр Генри Баскервиль,— представил его нам доктор Мортимер.

— Да, он самый,— сказал баронет.— И любопытнее всего то, мистер Холмс, что если б мой друг не предложил мне посетить вас, я пришел бы к вам по собственному почину. Вы, говорят, умеете отгадывать разные ребусы, а я как раз сегодня утром столкнулся с таким, который мне не по силам.

— Присаживайтесь, сэр Генри. Если я правильно вас понял, то по приезде в Лондон с вами произошло нечто не совсем обычное?

— Я не придаю этому особого значения, мистер Холмс. По-видимому, надо мной кто-то подшутил. Но сегодня утром я получил вот это письмо, если только оно заслуживает подобного внимания.

Он положил на стол конверт, и мы стали разглядывать его. Конверт оказался самым обыкновенным, из серой бумаги. Адрес — «Отель «Нортумберленд», сэру Генри Баскервилю» — был написан крупными печатными буквами; на почтовом штемпеле стояло: «Черинг-кросс» и время отправления — вечер предыдущего дня.

— Кто-нибудь знал, что вы остановитесь в отеле «Нортумберленд»? — спросил Холмс, бросив пытливый взгляд на нашего гостя.

— Никто не знал. Я решил, где остановиться, только после встречи с доктором Мортимером.

— Но доктор Мортимер, очевидно, сам там остановился?

— Нет, я живу у знакомых,— сказал доктор.— Никто не мог знать, что мы поедем именно в этот отель.

— Гм! Значит, вашими передвижениями кто-то очень интересуется.

Холмс вынул из конверта сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его и положил на стол. Посередине страницы стояла одна-единственная фраза, составленная из подклеенных одно к другому печатных слов. Она гласила следующее: «Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот». Слова «торфяных болот» были написаны от руки, чернилами.

— Так вот, мистер Холмс,— сказал сэр Генри Баскервиль,— может быть, вы разъясните мне, что все это значит и кто проявляет такой интерес к моим делам?

— А что скажете вы, доктор Мортимер? На сей раз тут как будто нет ничего сверхъестественного?

— Да, сэр, но, может быть, письмо послано человеком, который убежден в том, что вся эта история совершенно сверхъестественна.

— Какая история? — резко спросил сэр Генри.— Вы, джентльмены, по-видимому, осведомлены о моих делах гораздо лучше, чем я сам!

— Мы посвятим вас во все, сэр Генри. Без этого вы не уйдете отсюда, поверьте моему слову,— сказал Шерлок Холмс.— А сейчас давайте займемся этим весьма любопытным документом, который был составлен и опущен в почтовый ящик вчера вечером. Уотсон, есть у нас вчерашний «Таймс»?

— Вон там, в углу.

— Будьте любезны, дайте, пожалуйста, ту страницу, где передовая статья.— Он быстро пробежал ее глазами.— «Свобода торговли»... Прекрасная передовица! Разрешите мне прочитать вслух один абзац. «Если кто-нибудь будет стараться внушить вам, что та отрасль промышленности, в которой вы лично заинтересованы, находится под защитой протекционных тарифов, держитесь подальше от таких людей, ибо рассудок должен вам подсказать, что подобная система в конце концов подорвет наш импорт и нарушит нормальную жизнь нашего острова, интересы которого дороги всем нам». Что вы об этом скажете, Уотсон? — воскликнул Холмс, радостно потирая руки.— Блестящая мысль, не правда ли?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса, как смотрят заботливые врачи на тяжело больных пациентов, а сэр Генри Баскервиль обратил ко мне недоумевающей взгляд своих карих глаз.

— Я не очень-то разбираюсь в таких вопросах, как тарифная политика,— сказал он,— но мне кажется, что мы несколько отклонились от нашей темы.

— Напротив! Мы идем по горячим следам, сэр Генри. Уотсон знаком с моим методом лучше вас, но боюсь, что смысл прочитанного отрывка ускользнул даже от него.

— Да, признаюсь, я не вижу никакой связи между ним и письмом.

— А связь, дорогой мой Уотсон, настолько тесная, что, по сути дела, одно состряпано из другого. «Если», «вам», «держитесь подальше от», «рассудок», «жизнь», «дороги». Неужели вы не догадываетесь, откуда взяты эти слова?

— Ах, черт возьми! Конечно, вы правы, какая блестящая догадка! — воскликнул сэр Генри.

— Если вы все еще сомневаетесь, то взгляните на слова «держитесь подальше от» — они вырезаны подряд.

— Ну-ка... Да, действительно!

— Знаете, мистер Холмс, я даже не представлял себе, что такие вещи возможны! — сказал доктор Мортимер, с изумлением глядя на моего друга.— Догадаться, что слова вырезаны из газетного текста, это еще туда-сюда. Но безошибочно назвать газету, и мало того — указать статью, из которой они взяты, это превосходит всякое воображение! Как вы догадались?

— Я полагаю, доктор, что вы можете отличить череп негра от черепа эскимоса?

— Разумеется, могу.

— Каким образом?

— Но ведь это мой конек! Разница между тем и другим совершенно очевидна. Надбровные дуги, лицевой угол, строение челюсти...

— А у меня тоже есть свой конек. На мой взгляд, разница между боргесом [1] на шпонах [2], которым набираются передовицы «Таймса», и слепым шрифтом дешевеньких вечерних листков не менее очевидна, чем разница между вашими неграми и эскимосами. Знание шрифтов — одно из самых элементарных требований к сыщику, хотя должен

---

[1] Боргес — один из видов типографского шрифта.

[2] Шпоны — тонкие металлические пластинки, которые употребляются в типографиях для увеличения расстояния между строками набора.

признаться, что во дни своей юности я однажды спутал «Лидского Меркурия» с «Утренними известиями». Но передовицу «Таймса» ни с чем не спутаешь, и эти слова могли быть вырезаны только оттуда. А поскольку письмо было отправлено вчера, все говорило за то, что нам следовало прежде всего заглянуть во вчерашний номер.

— Значит, мистер Холмс,— сказал сэр Генри Баскервиль,— кто-то составил это письмо, вырезав ножницами...

— Маникюрными ножницами,— перебил его Холмс.— Вы обратили внимание, какие у них короткие концы? Для того, чтобы вырезать слова «держитесь подальше от», пришлось сделать два надреза.

— Совершенно верно. Кто-то вырезал эти слова ножницами с короткими концами и наклеил их...

— Гуммиарабиком,— подсказал Холмс.

— ...и наклеил их гуммиарабиком на бумагу. Но почему же тогда слова «торфяных болот» написаны от руки?

— Потому что автор письма не нашел их в газете. Все остальные слова довольно обыкновенные, их можно встретить в любом тексте, а эти попадаются сравнительно редко.

— Весьма правдоподобное объяснение. А что еще вам удалось здесь вычитать, мистер Холмс?

— Кое-что удалось, хотя автор прилагал все старания к тому, чтобы уничтожить малейшую улику. Как вы сами можете убедиться, адрес написан крупными печатными буквами. Но такая газета, как «Таймс», редко попадает в руки простых людей. Следовательно, отсюда можно заключить, что письмо было составлено образованным человеком, который старался выдать себя за необразованного и нарочно изменил почерк, по-видимому опасаясь, как бы вы не узнали его, если не сейчас, то потом. Кроме того, обратите внимание, что слова наклеены неровно, некоторые из них выступают над строчкой. Например, слово «жизнь» сидит совсем не на месте. Это указывает на небрежность автора письма, а может быть, и на волнение или спешку. Я, пожалуй, склонен думать, что всему виной именно волнение и спешка, ибо вряд ли этот человек проявил бы небрежность в таком, по-видимому, серьезном деле. Если он действительно торопился, то интересно знать почему. Ведь письмо, опущенное вчера, так или иначе должно было застать сэра Генри в отеле. Может быть, автор его боялся какой-то помехи? Но с чьей стороны?

— Мы, кажется, вступили в область догадок,— заметил доктор Мортимер.

— Скажите лучше — в область, где взвешиваются все возможности, с тем чтобы выбрать из них наиболее правдоподобную. Таково научное использование силы воображения, которое всегда работает у специалистов на твердой материальной основе. Вы, разумеется, назовете это чистой догадкой, но я почти уверен, что адрес писался в какой-то гостинице.

— Почему вы так думаете?

— Осмотрите конверт повнимательнее, и вы увидите, что писавшему не повезло с письменными принадлежностями. Перо дважды запнулось на одном слове, и его пришлось трижды обмакнуть в чернильницу, чтобы написать такой короткий адрес. Значит, чернил было мало, на самом дне. Собственное перо и чернильницу редко доводят до такого состояния, а чтобы и то и другое отказывалось служить — это уж исключительный случай. Но, как вы знаете, в гостиницах других перьев и других чернильниц почти не бывает. Да, я, почти не колеблясь, скажу, что если б нам удалось обследовать все корзинки для бумаг во всех гостиницах поблизости от Черинг-кросса и обнаружить там остатки изрезанной передовицы «Таймса», мы сразу нашли бы автора этого странного послания... Стойте! Стойте! Что это?

Он стал внимательно вглядываться в страницу, на которой были наклеены слова, держа ее на расстоянии одного-двух дюймов от глаз.

— Ну что?

— Нет, ничего,— сказал Холмс и положил письмо на стол.— Бумага совершенно гладкая, даже без водяных знаков. Нет, мы выжали из этого любопытного письма все, что было можно. А теперь, сэр Генри, расскажите, не случилось ли с вами чего-либо из ряда вон выходящего с тех пор, как вы приехали в Лондон.

— Да нет, мистер Холмс, как будто ничего такого не случилось.

— Никто вас не подкарауливал, не выслеживал?

— Я, кажется, угодил в какой-то детективный роман,— сказал наш гость.— Кому может взбрести в голову устанавливать за мной слежку?

— Дайте срок, мы поговорим и об этом. А пока подумайте: неужели вам не о чем рассказать нам?

— Смотря по тому, что вы считаете достойным вашего внимания.

— Все, что так или иначе выходит за рамки обычного уклада жизни.

Сэр Генри улыбнулся:

— Почти все мое детство и юность прошли в Соединенных Штатах и в Канаде, поэтому английский уклад жизни мне еще в новинку. Но вряд ли у вас считается в порядке вещей, когда у человека вдруг пропадает один башмак.

— Вы потеряли один башмак?

— Друг мой,— воскликнул доктор Мортимер,— да ваш башмак просто куда-нибудь засунули! Он найдется. Стоит ли беспокоить мистера Холмса из-за таких пустяков!

— Но ведь он спрашивает, не случилось ли со мной чего-нибудь необычного.

— Совершенно верно,— сказал Холмс.— Меня интересует каждая мелочь, как бы она ни была нелепа. Значит, у вас пропал башмак?

— Да, но, может быть, его действительно куда-нибудь засунули. Вчера вечером я выставил башмаки за дверь, а утром там оказался только один. От коридорного мне так и не удалось добиться вразумительного ответа. Обиднее всего, что я купил эту пару всего лишь накануне, на Стренде, и даже не успел обновить ее.

— Вы отдали чистить новые башмаки? Зачем же это?

— Они светло-коричневые. Поэтому я велел почистить их темной ваксой.

— Значит, по приезде в Лондон вы сразу же отправились покупать башмаки?

— Я вообще ходил по магазинам. Доктор Мортимер составил мне компанию. Дело в том, что если уж человеку суждено стать владельцем большого поместья, так и одеваться надо соответственно, а я несколько пренебрегал своим туалетом, живя на Западе. В числе других вещей были куплены и эти башмаки — ценой в шесть долларов! — а вот надеть-то их так и не пришлось.

— Если это кража, то довольно бессмысленная,— сказал Шерлок Холмс.— Я, признаться, согласен с доктором Мортимером: ваш башмак скоро найдется.

— А теперь, джентльмены,— решительно заговорил баронет,— довольно мне рассуждать о том, чего я до сих пор толком не знаю. Пора вам сдержать свое слово и объяснить мне, к чему клонятся все эти разговоры.

— Законное требование,— согласился Холмс.— Доктор Мортимер, по-моему, вы должны сами все рассказать сэру Генри, как рассказывали нам.

Ободренный этой просьбой, наш ученый друг вынул из кармана рукопись и газету и повторил слово в слово свой вчерашний рассказ. Сэр Генри слушал с глубоким вниманием, время от времени прерывая доктора удивленными возгласами.

— Н-да, хорошее мне досталось наследство! — сказал он, когда длинное повествование было закончено.— О собаке я, конечно, слышал еще с детских лет. Эту легенду любили рассказывать в нашей семье, хотя до сих пор я не придавал ей никакого значения. А что касается смерти дяди, то у меня так все перепуталось в голове, что я еще ничего не могу понять. Да, по-моему, вы сами не знаете, к кому тут надо было обращаться — к священнику или к полисмену.

— Совершенно верно.

— А теперь еще это письмо, которое я получил. Оно, по-видимому, как-то связано с общим ходом событий.

— Да, судя по нему, кто-то знает гораздо лучше нас о том, что происходит на торфяных болотах,— сказал доктор Мортимер.

— И этот «кто-то», по-видимому, расположен к вам,— сказал Холмс,— если он предупреждает вас об опасности.

— А может быть, наоборот — кому-то выгодно отпугнуть меня от Баскервиль-холла?

— Это тоже не исключено... Я вам очень признателен, доктор Мортимер, что вы предложили мне такую интересную, сложную задачу. Но теперь, сэр Генри, надо решать по существу: можно ли вам ехать в Баскервиль-холл или нельзя?

— А почему бы мне туда не поехать?

— По-видимому, это небезопасно.

— Откуда же эта опасность исходит — от нашего семейного пугала или от людей?

— Вот это мы и должны выяснить.

— Как бы там ни было, но ответ мой будет таков: ни

адские силы, ни людские козни не удержат меня здесь. Я поеду в дом своих предков. Это решено окончательно.— Его темные брови сошлись в одну линию, по смуглому лицу разлилась краска. Баскервилевская неукротимость явно давала себя знать и в этом последнем отпрыске их рода.— Я еще не успел обдумать то, что мне пришлось услышать от вас. Не так-то легко сразу все усвоить и сразу решить, как быть дальше. Мне бы хотелось побыть часок одному и поразмыслить обо всем на досуге. Знаете что, мистер Холмс? Сейчас половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо к себе в отель. Что, если вы и ваш друг, доктор Уотсон, приедете к нам позавтракать часа в два? К тому времени я все-таки что-нибудь надумаю.

— Вас это устраивает, Уотсон?

— Вполне.

— Тогда мы приедем. Позвать вам кэб?

— Нет, я лучше прогуляюсь, приду немного в себя после нашего разговора.

— Я с удовольствием присоединюсь к вам,— сказал его спутник.

— Значит, в два часа мы увидимся. До скорой встречи, всего хорошего.

Мы слышали, как наши посетители спустились вниз по ступенькам и захлопнули за собой входную дверь. Холмс мгновенно преобразился — от его томности не осталось и следа, он снова стал человеком действия.

— Одевайтесь, Уотсон, скорей! Нельзя терять ни секунды.

Снимая на ходу халат, он быстро ушел к себе и через две-три минуты вернулся уже в сюртуке.

Мы сбежали вниз по лестнице на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль еще виднелись впереди, шагах в двухстах от нас. Они шли по направлению к Оксфорд-стрит.

— Догнать их?

— Ни в коем случае, друг мой! Если вы со мной не соскучитесь, то я с вами и подавно. Наши друзья правы: прогуляться в такое утро — одно удовольствие.

Он прибавил шагу, и расстояние между нами и нашими недавними посетителями мало-помалу сократилось наполовину. Продолжая сохранять эту дистанцию, мы свернули за ними на Оксфорд-стрит, потом на Риджент-стрит. Около одного из магазинов сэр Генри и доктор

Мортимер остановились, разглядывая витрину, и Холмс остановился тоже. Секунду спустя он вдруг удовлетворенно хмыкнул, и, проследив направление его внимательного взгляда, я увидел, что стоявший по ту сторону улицы кэб, в окне которого виднелся седок, медленно двинулся вперед.

— Вот его-то нам и надо, Уотсон! Пойдемте. Постараемся хотя бы разглядеть этого человека.

В ту же минуту передо мной в боковом окне кэба мелькнула густая черная борода, и чьи-то глаза смерили нас пронзительным взглядом. Сейчас же вслед за этим приоткрылось верхнее окошечко, седок что-то крикнул кэбмену, и кэб стремительно понесся по Риджент-стрит. Холмс оглянулся, ища свободный экипаж, но тщетно — свободных не было. Тогда он кинулся в самую гущу уличного движения за кэбом, который быстро исчезал у нас из виду.

— Ах, черт!— бледный от досады, еле выговорил он, вынырнув из уличного потока.— Вот не повезло! Да я сам во всем виноват. Уотсон! Уотсон! Если в вас есть хоть капля порядочности, вы занесете в свои анналы эту мою оплошность наравне с моими успехами.

— Что это за человек?

— Понятия не имею.

— Соглядатай?

— Да, очевидно, за Баскервилем кто-то следит с самого его приезда в Лондон. Иначе откуда стало известно, что он остановился в отеле «Нортумберленд»? Я рассудил так: если его выслеживали в первый день, то будут выслеживать и в дальнейшем. Вы, наверно, обратили внимание, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду?

— Да, помню.

— Мне было интересно, не слоняется ли кто-нибудь около дома, но никаких подозрительных личностей я не заметил. Мы имеем дело с умным человеком, Уотсон. Это все очень серьезно, и хотя мне до сих пор еще неясно, какие здесь действуют силы — добрые или злые,— я тем не менее непрестанно ощущаю чье-то постороннее вмешательство, чей-то точный расчет. Когда наши новые друзья ушли, я тотчас же кинулся за ними вдогонку, надеясь, что вот тут-то мне и попадется их неуловимая

тень. А этот хитрец не решился идти пешком и взял кэб, чтобы по мере надобности тянуться сзади или же обгонять их, оставаясь при этом незамеченным. Его прием имеет еще ту выгоду, что, если бы они тоже сели в кэб, он бы не потерял их из виду. Но все же одно уязвимое место в этом приеме есть.

— Кэбмен?

— Вот именно.

— Какая жалость, что мы не заметили его номера!

— Дорогой мой Уотсон! Мне, правда, нечем похвалиться на сей раз, но неужели вы допускаете хоть на одну минуту, что я не заметил номера? Пожалуйста: две тысячи семьсот четыре. Впрочем, сейчас это нам ни к чему.

— Не вижу, что вы могли еще сделать.

— Увидев его, я должен был немедленно повернуть в противоположную сторону, не спеша взять кэб и на почтительном расстоянии следовать за первым. А еще лучше было бы поехать прямо к отелю и ждать дальнейших событий там. Этот таинственный незнакомец проводил бы Баскервиля до дверей, и мы с помощью его же собственного приема могли бы проследить, куда он потом денется. А теперь наш противник поразительно ловко воспользовался моей неуместной поспешностью, которая выдала нас с головой и сбила меня со следа.

Во время этого разговора мы медленно шли по Риджент-стрит, уже не видя перед собой доктора Мортимера и его спутника.

— Теперь не имеет никакого смысла наблюдать за ними,— сказал Холмс.— Их тень исчезла и больше не появится. Надо посмотреть, какие козыри у нас на руках, и смело бить ими. Вы хорошо разглядели лицо этого человека в кэбе?

— Лицо нет, а бороду разглядел.

— Я тоже... а отсюда следует, что борода была, по всей вероятности, фальшивая. Когда умный человек пускается в такое рискованное, требующее особой осторожности предприятие, ему нужна борода для маскировки. Зайдемте сюда, Уотсон.

Холмс завернул в одну из рассыльных контор этого района, начальник которой встретил его с распростертыми объятиями.

— Ага, Уилсон, я вижу, вы не забыли, как мне посчастливилось помочь вам в том маленьком дельце!

— Что вы, сэр, разве это забудешь? Я вам обязан своим честным именем, а может, и жизнью.

— Вы преувеличиваете, друг мой! Кстати, Уилсон, мне помнится, у вас был один мальчуган, по имени Картрайт, который проявил большую сообразительность во время расследования вашего дела.

— Да, сэр, он и сейчас у меня работает.

— Нельзя ли его вызвать? Благодарю вас. И еще будьте любезны разменять мне вот эти пять фунтов.

На зов начальника явился четырнадцатилетний подросток с живым, умным лицом. Он стал перед нами, с благоговением глядя на знаменитого сыщика.

— Дайте мне «Путеводитель по гостиницам»,— сказал Холмс.— Благодарю вас. Смотри, Картрайт, вот это — названия двадцати трех гостиниц в районе Черинг-кросс. Видишь?

— Да, сэр.

— Ты обойдешь их все по очереди.

— Слушаю, сэр.

— И для начала будешь давать швейцарам по шиллингу. Вот тебе двадцать три шиллинга.

— Слушаю, сэр.

— Ты скажешь, что тебе нужно посмотреть мусор, выброшенный вчера из корзин. Объяснишь это так: одну очень важную телеграмму доставили по ошибке не в тот адрес и тебе велено ее разыскать. Понятно?

— Да, сэр.

— Но на самом деле ты будешь искать страницу газеты «Таймс», изрезанную в нескольких местах ножницами. Вот номер «Таймса», а страница нужна вот эта. Ты сможешь отличить ее от других?

— Да, сэр.

— Швейцары будут, конечно, отсылать тебя к коридорным, ты и им дашь по шиллингу. Вот тебе еще двадцать три шиллинга. В двадцати случаях из двадцати трех, вероятно, окажется, что мусор из корзин выкинут или сожжен. Но в трех остальных гостиницах тебе покажут груду бумаг, среди которых ты и поищешь эту страницу. Шансов на удачу очень мало. На всякий случай даю тебе еще десять шиллингов. К вечеру телеграфируй мне,

на Бейкер-стрит, как у тебя обстоят дела... А теперь, Уотсон, нам с вами осталось только запросить по телеграфу о кэбмене номер две тысячи семьсот четыре, после чего мы заглянем в какую-нибудь картинную галерею на Бонд-стрит и проведем там время, оставшееся до завтрака.

Глава V

Три оборванные нити

Шерлок Холмс обладал удивительной способностью отрешаться от мыслей о делах. Он весь ушел в созерцание полотен современных бельгийских художников и за два часа, по-видимому, ни разу не вспомнил о странной истории, в которую силой обстоятельств вовлекло и нас. Всю дорогу от картинной галереи до отеля «Нортумберленд» он говорил только о живописи, несмотря на то, что понятия его в этой области отличались крайней примитивностью.

— Сэр Генри Баскервиль ожидает вас наверху,— сказал нам дежурный по вестибюлю.— Он просил сразу же провести к нему гостей.

— Вы не разрешите мне посмотреть списки ваших постояльцев?— спросил Холмс.

— Пожалуйста, сэр.

После фамилии «Баскервиль» в книге были еще две записи: «Теофилиус Джонсон с семьей, из Ньюкасла» и «миссис Олдмор с горничной, из Элтона».

— Не тот ли это Джонсон, которого я когда-то знал?— сказал Холмс дежурному.— Он адвокат, седой и немного прихрамывает?

— Нет, сэр, мистер Джонсон — владелец угольных копей, еще не старый джентльмен, ваших лет.

— Вы уверены, что он не адвокат?

— Уверен, сэр. Мистер Джонсон наш частый гость, мы его знаем не первый год.

— Да? Ну, не спорю. Миссис Олдмор... Я где-то слышал эту фамилию. Простите меня за любопытство, но иной раз бывает так, что ищешь одного знакомого, а находишь другого.

— Миссис Олдмор женщина слабого здоровья, сэр. Ее муж был когда-то мэром Глостера. Она останавливается только у нас, когда приезжает в город.

— Благодарю вас. Вероятно, я спутал ее с другой леди... *Эти вопросы помогли нам установить один очень важный* факт, Уотсон,— продолжал Холмс вполголоса, пока мы поднимались по лестнице.— Теперь нам ясно, что люди, которые так интересуются нашим другом, остановились не здесь. Значит, старательно наблюдая за каждым его шагом, в чем мы уже убедились, они так же старательно избегают попадаться ему на глаза. А это говорит о многом.

— Например, о чем?

— Ну, хотя бы о том... Хэлло! Друг мой, что случилось?

Мы вышли на верхнюю площадку и столкнулись там с сэром Генри Баскервилем. Он выбежал на лестницу весь красный от гнева, держа в руках старый, пыльный башмак. У него даже язык заплетался от ярости, и когда он наконец обрел дар слова, то сразу сбился на явный американский акцент, чего мы утром за ним не заметили.

— За кого меня принимают в этом отеле — за дурачка, что ли?— закричал сэр Генри.— Не позволю с собой шутить! Если этот болван не найдет моего башмака, я устрою скандал! У меня тоже есть чувство юмора, мистер Холмс, но на сей раз здешние шутники малость пересолили.

— Все еще разыскиваете свою пропажу?

— Да, разыскиваю и не успокоюсь, пока не найду.

— Но, по-моему, вы говорили о новом светло-коричневом башмаке?

— Да, сэр. А *теперь та же история с черным.*

— Как! Неужели вы хватились и...

— Вот именно! У меня всего-навсего три пары обуви — новая светло-коричневая, старая черная и лакированные туфли, которые сейчас на мне. Вчера вечером пропал один коричневый башмак, а сегодня стащили и черный... Ну, нашли? Отвечайте же! Что вы на меня так уставились?

На площадке появился взволнованный коридорный-немец:

— Нет, сэр. Я у всех спрашивал, никто ничего не знает.

— Так вот, слушайте: или вы отыщите к вечеру мой башмак, или я пойду к управляющему и заявлю ему, что немедленно съезжаю отсюда.

— Башмак найдется, сэр... Обещаю вам, что найдется... Минутку терпения, сэр.

— Имейте в виду, это в последний раз. Я больше не допущу, чтобы меня обкрадывали в вашем воровском притоне!.. Мистер Холмс, простите, пожалуйста, что я беспокою вас такими пустяками...

— А эти пустяки заслуживают, чтобы из-за них беспокоились.

— Вы уж очень серьезно к ним относитесь!

— Как же вы сами это объясните?

— Я даже не пытаюсь объяснить. Со мной еще никогда в жизни не случалось ничего более нелепого и более странного.

— Более странного?.. Да, это, пожалуй, так,— задумчиво проговорил Холмс.

— А что вы сами об этом скажете?

— Я, собственно, еще ничего не понимаю. История очень запутанная, сэр Генри. Если ее связать со смертью вашего дяди, то из тех пятисот серьезнейших дел, которые мне приходилось распутывать, это будет, пожалуй, самое сложное. Но у меня в руках есть кое-какие нити, и одна из них непременно должна привести нас к разгадке. Мы можем потратить лишнее время, ухватившись не за ту нить, за которую следует, но рано или поздно найдем и нужную.

Мы очень приятно провели время за завтраком, лишь вскользь коснувшись тех вопросов, что свели нас четверых вместе. И Холмс только тогда осведомился о дальнейших планах Баскервиля, когда вся наша компания перешла к нему в номер.

— Я поеду в Баскервиль-холл.

— Когда?

— В конце недели.

— Я считаю ваше решение правильным,— сказал Холмс.— Теперь у меня уже нет никаких сомнений в том, что в Лондоне за вами установлена слежка. Но в таком большом городе трудно выяснить, что это за люди и что им от вас нужно. Если они действуют с дурными намерениями, вам угрожает опасность, которую мы не в силах предотвратить... Доктор Мортимер, вы знаете, что сегодня утром, когда вы от меня вышли, за вами следили?

Доктор Мортимер так и подскочил на месте:

— Следили? Кто?

— Вот этого я, к сожалению, не могу сказать. Среди ваших соседей или знакомых в Дартмуре есть кто-нибудь с окладистой черной бородой?

— Нет... впрочем, постойте... Ну конечно... У дворецкого сэра Чарльза, Бэрримора, окладистая черная борода.

— Гм! А где он сейчас?

— В Баскервиль-холле. Дом оставлен на его попечение.

— Надо проверить, действительно ли он там, а не в Лондоне.

— Как же это сделать?

— Дайте мне телеграфный бланк. «Готовы ли приезду сэра Генри». Адресуем так: «Баскервиль-холл, мистеру Бэрримору». Где у вас там ближайший телеграф? В Гримпене? Прекрасно! Вторую телеграмму пошлем в Гримпен на имя начальника конторы: «Телеграмму адресованную Бэрримору просьба передать собственные руки. Случае отсутствия направьте обратно отель «Нортумберленд» сэру Генри Баскервилю». Вот так. К вечеру мы будем знать, находится ли Бэрримор на своем посту в Девоншире или нет.

— Прекрасно,— сказал Баскервиль.— Кстати, доктор Мортимер, что собой представляет этот Бэрримор?

— Он сын покойного управляющего поместьем. Это уже четвертое поколение Бэрриморов, которое живет в Баскервиль-холле. Насколько я знаю, он и его жена вполне почтенные люди.

— Тем не менее,— сказал сэр Генри,— мне совершенно ясно, что пока Баскервиль-холл остается без хозяина, эти люди живут там припеваючи, без забот, без хлопот.

— Да, правильно.

— Бэрримор получил что-нибудь по завещанию сэра Чарльза?— спросил Холмс.

— И ему и его жене было завещано по пятисот фунтов.

— Гм! А они знали об этом раньше?

— Да. Сэр Чарльз любил говорить о своих распоряжениях на случай смерти.

— Интересный факт.

— Я надеюсь,— сказал доктор Мортимер,— что вы не станете подозревать всех, кто получил по завещанию сэра Чарльза? Мне он тоже оставил тысячу фунтов.

— Вот как! А еще кому?

— В завещании было указано много мелких сумм разным лицам в крупные пожертвования на благотворительные цели. Наследство же все отошло сэру Генри.

— А в какой сумме оно выражается?

— Семьсот сорок тысяч фунтов.

Холмс удивленно поднял брови.

— Я и не подозревал, что речь идет о таком огромном капитале,— сказал он.

— Сэр Чарльз слыл богатым человеком, но истинные размеры его состояния выяснились только после того, как мы ознакомились с ценными бумагами. Общая сумма наследства подходит к миллиону.

— Боже мой! Действительно, ради такого огромного куша можно начать рискованную игру. Еще один вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим юным другом что-нибудь случится... гипотеза не из приятных, но вы уж меня простите. Кто тогда наследует поместье?

— Поскольку младший брат сэра Чарльза, сэр Роджер, умер холостяком, Баскервиль-холл перейдет к отдаленным родственникам — к Десмондам. Джеймс Десмонд уже немолодой человек, он священник и живет в Вестморленде.

— Благодарю вас. Все эти подробности чрезвычайно любопытны. А вам приходилось встречаться с мистером Джеймсом Десмондом?

— Да, он как-то приезжал к сэру Чарльзу. Это человек очень почтенного вида и безупречного образа жизни. Я помню, что сэр Чарльз хотел обеспечить его, но он отказался от этого наотрез, несмотря на все уговоры.

— И такой скромный человек мог бы унаследовать все состояние сэра Чарльза?

— К нему перешло бы только поместье, так как оно считается родовым, а деньги он получил бы лишь в том случае, если бы теперешний их владелец не распорядился ими как-нибудь по-другому, что вполне возможно, ибо сэр Генри волен поступать с наследством по своему личному усмотрению.

— А вы уже составили завещание, сэр Генри?

— Нет, мистер Холмс, мне было не до этого: ведь я только вчера узнал, как обстоят дела. Тем не менее я считаю, что отторгать деньги от поместья и титула нельзя. Точно таких же взглядов придерживался и мой несчастный дядя. Разве хозяин Баскервиль-холла сможет восстановить былую славу своего рода, если у него не будет средств на это? Нет, где дом и земля, там должны быть и деньги.

— Совершенно правильно. Итак, сэр Генри, я тоже считаю, что вам надо без всяких отлагательств ехать в Девоншир, но с одной оговоркой: вас ни в коем случае нельзя отпускать туда одного.

— Доктор Мортимер возвращается вместе со мной.

— Но у доктора Мортимера много времени отнимает практика, да и жить он будет в нескольких милях от Баскервиль-холла. Нет, доктор при всем желании не сможет вам помочь. Вы должны взять с собой верного человека, сэр Генри, такого, который все время будет при вас.

— Мистер Холмс, неужели вы согласитесь поехать сами?

— Если дело дойдет до кризиса, я как-нибудь вырвусь к вам, но, вы сами понимаете, моя обширная практика и постоянные запросы, которые сыплются на меня со всех сторон, не позволяют мне уезжать из Лондона на неопределенное время. Сейчас, например, одно из самых уважаемых лиц в Англии находится во власти шантажиста, и отвратить грядущую катастрофу могу только я. Нет, мне никак нельзя уезжать в Дартмур.

— Кого же вы посоветуете вместо себя?

Холмс положил руку мне на плечо:

— Если за это возьмется мой друг, то вот вам человек, на которого можно положиться в трудную минуту, в чем я убедился на собственном опыте.

Это предложение свалилось на меня как снег на голову, но Баскервиль, не дожидаясь моего ответа, уже горячо тряс мне руку.

— Доктор Уотсон, как это любезно с вашей стороны!— воскликнул он.— Вы же видите, в каком я положении, а обстоятельства дела известны вам не хуже, чем мне. Если вы поедете в Баскервиль-холл и поживете там со мной, я этого никогда не забуду!

Приключения всегда таят в себе какую-то особую прелесть для меня, а слова Холмса и живость, с которой баронет откликнулся на его предложение, чрезвычайно мне польстили.

— Я с удовольствием поеду в Баскервиль-холл,— ответил я,— и не пожалею потраченного времени.

— Вы будете присылать мне подробные отчеты,— сказал Холмс.— В самый критический момент — а он неминуемо наступит — я буду руководить вашими действиями. Думаю, что отъезд можно назначить на субботу.

— Вас это устраивает, доктор Уотсон?

— Вполне.

— Значит, если отмены не будет, мы выезжаем в субботу поездом десять тридцать с Паддингтонского вокзала.

Мы встали, собираясь раскланяться, как вдруг Баскервиль вскрикнул и с торжествующим видом вытащил из-под стоявшего в углу шкафа светло-коричневый башмак.

— Вот она, моя пропажа!

— Пусть и остальные загадки разрешатся так же просто!— сказал Шерлок Холмс.

— Но все-таки это очень странно,— заметил доктор Мортимер.— Я еще перед завтраком обыскал всю комнату.

— И я тоже,— сказал Баскервиль.— Обшарил все уголки. Башмака нигде не было.

— Значит, коридорный положил его туда, пока мы завтракали.

Послали за немцем, но он ничего не мог сказать, и дальнейшие расспросы тоже ни к чему не привели. Таким образом, к серии этих быстро сменяющих одна другую и явно нелепых загадок прибавилась еще одна. Уж

не говоря о трагической смерти сэра Чарльза, перед нами протянулась цепь необъяснимых событий, совершившихся всего лишь за два дня; письмо, составленное из газетных вырезок, бородатый незнакомец в кэбе, пропажа сначала нового коричневого башмака, потом старого черного и теперь появление коричневого.

По дороге на Бейкер-стрит Холмс сидел в кэбе молча и, судя по его нахмуренным бровям и напряженному взгляду, так же, как и я, пытался привести в единую систему все эти странные и, казалось бы, не связанные один с другим факты. Весь остальной день и вечер он провел у себя в кабинете, погруженный в густые клубы табачного дыма и в размышления.

Перед самым обедом нам подали две телеграммы. Первая гласила:

«Только что сообщил Бэрримор дома Баскервиль».

Вторая:

«Обошел двадцать три гостиницы сожалению изрезанной страницы «Таймса» не нашел. Картрайт».

— Вот и оборвались сразу две нити, Уотсон. Нет ничего лучше таких дел, где все словно сговорились против тебя. Тогда-то и начинаешь входить в азарт. Ну что ж, пойдем по третьему следу.

— У вас еще есть в запасе кэбмен, который вез этого незнакомца.

— Совершенно верно. Я запросил его фамилию и адрес в Регистрационной конторе и не удивлюсь, если сейчас мы получим ответ на мой вопрос.

Задребезжавший звонок возвестил о том, что́ даже превзошло все ожидания Холмса, ибо в дверях кабинета появился рослый детина — по-видимому, не кто иной, как сам кэбмен.

— Мне сказали в конторе, что вот по этому адресу справлялись о номере две тысячи семьсот четыре,— начал он.— Я уже седьмой год езжу и никогда никаких жалоб не слыхал. Дай, думаю, сам зайду, пусть мне в глаза скажут, в чем таком я провинился.

— Вы ни в чем не провинились, любезнейший,— сказал Холмс.— Наоборот, я заплачу вам полсоверена, только ответьте мне прямо на мой вопрос.

— Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь!— ухмыльнулся кэбмен.— А что вам угодно, сэр?

— Прежде всего вашу фамилию и адрес на случай, если вы мне опять понадобитесь.

— Джон Клейтон, проживаю в Бороу, Тарпи-стрит, номер три. Кэб стоит в Шипли-Ярд, около вокзала Ватерлоо.

Шерлок Холмс записал все это.

— А теперь, Клейтон, расскажите мне про вашего седока, который наблюдал за этим домом сегодня в десять часов утра, а потом выслеживал двух джентльменов на Риджернт-стрит.

Кэбмен с удивлением воззрился на Холмса и, по-видимому, несколько оробел.

— Что ж вам рассказать, когда вы сами не хуже меня все знаете!— ответил он.— Мой седок сказал мне, что он сыщик, и не велел болтать об этом.

— Ну так вот, любезнейший, тут дело серьезное, и если вы станете скрывать что-нибудь от меня, то можете оказаться в очень неприятном положении. Значит, он назвался сыщиком?

— Да, сэр.

— А когда он заявил вам об этом?

— Когда расплачивался.

— А еще что-нибудь он говорил?

— Сказал свою фамилию.

Холмс бросил на меня победоносный взгляд.

— Свою фамилию? Весьма неосторожно с его стороны! Так как же его зовут?

— Его зовут,— сказал кэбмен,— мистер Шерлок Холмс.

Ответ кэбмена буквально сразил моего друга. В жизни своей я не видел у него такого ошеломленного выражения лица. Минуты две он не мог вымолвить ни слова, потом громко расхохотался.

— Удар, Уотсон! Меткий удар!— сказал он.— Рапира в руках противника, который не уступает мне ни в быстроте, ни в точности. На сей раз он обвел меня вокруг пальца. Значит, его зовут Шерлок Холмс, а?

— Да, сэр, он сам так сказал.

— Блистательно! Теперь расскажите мне, где вы взяли этого седока и что было дальше.

— Он кликнул меня в половине десятого утра на Трафальгар-сквер. Говорит: «Я сыщик», и посулил мне

две гинеи, если я буду в точности исполнять его приказания и ни о чем не стану расспрашивать. Ну что ж, от таких денег не отказываются. Я подвез его к отелю «Нортумберленд» и остановился там. Потом оттуда вышли двое джентльменов, кликнули кэб с биржи и поехали куда-то сюда, на вашу улицу.

— Вот к этому самому дому,— сказал Холмс.

— Может быть. Это уж моего седока надо спрашивать, ему лучше знать. Он велел мне остановиться примерно посередине квартала, и мы прождали там еще часа полтора. Потом те двое джентльменов прошли мимо нас, и мы двинулись за ними по Бейкер-стрит, свернули на...

— Это я знаю,— сказал Холмс.

— А как выехали на Риджент-стрит, он поднял верхнее окошечко и крикнул: «Гоните к вокзалу Ватерлоо!» Я стеганул свою кобылу, и через десять минут мы были на месте. Тут он дал мне две гинеи — не надул!— и пошел к вокзалу. А напоследок обернулся и говорит: «Вам, верно, любопытно знать, кого вы возили? Шерлока Холмса». Вот как это все было.

— Так, понимаю. И больше вы его не видели?

— Нет, больше не видел.

— А теперь опишите мне наружность этого мистера Шерлока Холмса.

Кэбмен почесал в затылке:

— Не так-то это легко. Лет ему будет примерно под сорок, роста среднего, ниже вас дюйма на два, сэр. Одет чисто, борода черная, лопатой, а лицо бледное. Больше, пожалуй, ничего не смогу вам сказать.

— Цвет глаз какой?

— Вот не приметил...

— Больше ничего не запомнили?

— Ничего, сэр.

— Ну хорошо. Вот ваши полсоверена. А другую половину получите, если разузнаете об этом человеке что-нибудь еще. Всего хорошего.

— Доброго здоровья, сэр. Благодарю вас.

Джон Клейтон вышел посмеиваясь, а Холмс пожал плечами и с разочарованной улыбкой повернулся ко мне.

— Третья нить тоже не выдержала,— сказал он.—

Теперь будьте добры начинать все с самого начала. Вот хитрая бестия! Узнал номер нашего дома, узнал, что сэр Генри Баскервиль поехал сюда за советом, углядел меня на Риджент-стрит, сообразил, что номер кэба взят на заметку и что кэбмена разыщут, и решил поиздеваться надо мной. Попомните мое слово, Уотсон, на сей раз мы имеем дело с достойным противником. Я потерпел поражение в Лондоне. Будем надеяться, что вы отыграетесь в Девоншире. И все-таки меня это очень беспокоит.

— Что?

— Да ваша поездка. Дело очень нехорошее, Уотсон. Нехорошее и опасное. И чем больше я о нем думаю, тем меньше и меньше оно мне нравится. Смейтесь, друг мой, смейтесь, но я буду очень рад, если вы вернетесь на Бейкер-стрит здравым и невредимым.

Глава VI

Баскервиль-холл

Сэр Генри Баскервиль и доктор Мортимер закончили все свои дела к назначенному дню, мы отправились, как и было условлено, в Девоншир. Провожая меня на вокзал, Шерлок Холмс всю дорогу давал мне напутственные указания и советы.

— Я не стану говорить вам, кого я подозреваю и какие строю догадки, Уотсон, чтобы у вас не создалось предвзятого мнения,— сказал он.— Мне нужны факты, изложенные подробнейшим образом, а уж сопоставлять их я буду сам.

— Что же вас интересует?— спросил я.

— Все, что так или иначе касается этого дела, в особенности отношения между молодым Баскервилем и его соседями, а если узнаете что-нибудь новое о смерти сэра Чарльза, то отметьте и это. За последние дни я навел кое-какие справки, но, к сожалению, результатами

похвалиться не могу. Мне удалось выяснить только одно: ближайший наследник, мистер Джеймс Десмонд, действительно прекрасный человек весьма почтенного возраста, так что это не его козни. Думаю, что мы смело можем не заниматься им в дальнейшем. Значит, остаются только те люди, которые составят непосредственное окружение сэра Генри Баскервиля.

— А не лучше ли сразу же отделаться от четы Бэрриморов?

— Ни в коем случае! Более грубую ошибку трудно совершить. Если они ни в чем не виноваты, это будет жестокой несправедливостью, а если виноваты, тогда их после не доищешься. Нет, нет! Пусть так и остаются на подозрении. Потом, если не ошибаюсь, там есть конюх, двое фермеров, наш друг доктор Мортимер, по-видимому, человек безупречной честности, и его жена, о которой нам ничего не известно. Не забудьте и натуралиста Стэплтона с сестрой — как говорят, весьма привлекательной молодой особой. Дальше идут мистер Френкленд из Лефтер-холла — тоже личность неизвестная, и двоетрое других соседей. Вот люди, которые должны находиться под вашим наблюдением.

— Постараюсь не осрамиться.

— Оружие вы взяли?

— Да, думаю, это будет не лишним.

— Безусловно. Держите револьвер при себе и днем и ночью и не ослабляйте бдительности ни на секунду.

Наши друзья уже успели запастись билетами первого класса и ждали нас на платформе.

— Нет, ничего нового,— сказал доктор Мортимер, отвечая на вопрос моего друга.— Могу только поклясться, что последние два дня слежки за нами не было. Мы все время об этом помнили, и от нашего внимания никто бы не ускользнул.

— Надеюсь, вы были неразлучны эти дни?

— Да, за исключением вчерашнего. У меня так уж заведено — по приезде в город посвящать один день целиком развлечениям, и вчера я был в музее Хирургического колледжа.

— А я пошел в парк посмотреть на гуляющих,— сказал Баскервиль.— И все обошлось благополучно.

— Тем не менее это было неблагоразумно с вашей

стороны,— сказал Холмс нахмурившись и покачал головой.— Я вас прошу, сэр Генри, не выходите без провожатых, иначе вам не миновать беды. Вы нашли другой башмак?

— Нет, сэр, он исчез бесследно.

— Вот как? Любопытно! Ну, всего вам хорошего,— добавил он, когда поезд тронулся.— Сэр Генри! Помните наставление из странной легенды, которую нам читал доктор Мортимер, и остерегайтесь выходить на торфяные болота ночью, когда злые силы властвуют безраздельно.

Я выглянул из окна и увидел вдали высокую, худощавую фигуру Холмса, который неподвижно стоял на платформе и смотрел вслед удаляющемуся поезду.

Мы двигались быстро, и я чувствовал себя как нельзя лучше. Я присматривался к моим спутникам и забавлялся спаниелем доктора Мортимера. Через каких-нибудь два-три часа земля вдоль полотна сменила бурый оттенок на красный, кирпич уступил место граниту, а разгороженные пышные луга, на которых рыжие коровы пощипывали сочную траву, свидетельствовали о том, что климат в этих местах, при всей влажности воздуха, значительно лучше, чем на востоке.

Молодой Баскервиль не отходил от окна и радостно вскрикивал при виде родных девонширских пейзажей.

— Где только мне не пришлось побывать с тех пор, как я уехал отсюда, доктор Уотсон!— сказал он.— И все-таки эти места ни с чем не сравнишь.

— Покажите нам такого девонширца, который не восхищался бы своим Девонширом.

— Тут дело не только в самом Девоншире, но и в людях, которые его населяют,— сказал доктор Мортимер.— Одного взгляда на круглый череп нашего друга достаточно, чтобы обнаружить в нем представителя кельтской[1] расы, с ее восторженностью, с ее склонностью к сильным чувствам. У покойного сэра Чарльза было совершенно редкостное строение черепа — наполовину галльское, наполовину иберийское. Сэр Генри, а ведь вы, кажется, с детства не видели Баскервиль-холла?

— Я его никогда не видел, потому что мы жили в

---

[1] Кельты — древние племена, переселившиеся на Британские острова из Европы в 4 в. до н. э.

маленьком коттедже на южном побережье. Когда отец умер, мне шел тринадцатый год, и я сразу же уехал к нашим друзьям в Америку. Эти места для меня почти так же новы, как и для доктора Уотсона, и я просто не дождусь, когда наконец появятся торфяные болота.

— Вот как! В таком случае, ваше желание исполнилось — можете любоваться ими,— сказал доктор Мортимер, показывая в окно.

Вдали за зелеными квадратами пастбищ и волнистой кромкой леса, словно фантастическое видение, возникшее во сне, показался унылый серый холм с зазубренной вершиной. Баскервиль смотрел туда не отрываясь, и эти жадные взгляды говорили о том, как много значит для него первое знакомство с суровым краем, где люди, близкие ему по крови, владычествовали так долго и оставили после себя такой глубокий след. Этот молодой человек в спортивном костюме и с явным американским акцентом сидел рядом со мной в прозаическом железнодорожном вагоне, и все же, глядя на его смуглое выразительное лицо, я чувствовал в нем истого потомка тех неукротимых и властных людей. Густые брови, тонкие ноздри и большие карие глаза свидетельствовали о гордости, отваге и силе. Если неприветливые торфяные болота поставят нас лицом к лицу с трудной и опасной задачей, то ради такого человека можно пойти на многое, ибо он смело разделит с тобой любой риск.

Поезд остановился у маленькой, захолустной станции, и мы вышли из вагона. За низким белым забором стояла коляска, запряженная парой невысоких, коренастых лошадок. Наш приезд, очевидно, был здесь большим событием, так как и сам начальник станции и носильщики — все окружили нас, предлагая свою помощь. Это было милое деревенское местечко, но, к своему удивлению, я увидел у выхода с платформы двух солдат в темных мундирах, которые стояли, опираясь на карабины, и пристально смотрели на нас. Кучер, нескладный малый с угловатыми чертами лица, снял шапку, приветствуя сэра Генри Баскервиля, и через несколько минут мы уже быстро катили по широкой белой дороге. По обе ее стороны поднимались зеленые склоны пастбищ, домики с остроконечными крышами выглядывали из густой листвы, но впереди, за пределами этого мирного, залитого солнцем края, темнея на горизонте вечернего неба, вырисовывалась сумрачная линия торфяных болот, прерываемая острыми вершинами зловещих холмов.

Наша коляска свернула на боковую дорогу, и мы начали подниматься вверх по глубоким колеям, проложенным столетия назад между высокими насыпями, на которых росли мясистые хвощи и влажный мох. Отливающий бронзой папоротник и листья ежевики поблескивали в лучах заходящего солнца. Продолжая подъем, мы проехали по узкому каменному мосту через бурную речку, которая быстро неслась между серыми валунами, обдавая их пеной. И дорога и речка вились по долине, густо заросшей дубняком и соснами.

На каждом повороте Баскервиль восторженно вскрикивал, с любопытством оглядываясь по сторонам, и закидывал нас бесчисленными вопросами. На его взгляд, все здесь было прекрасно, но я не мог отделаться от грусти, которую навевали на меня эти пастбища и взгорья, явно носившие следы осени. Желтые листья слетали на землю и, порхая, ковром устилали тропинки. Стук колес нашего экипажа постепенно замер, потонув в густом слое гниющей травы. «Печальные дары бросает природа под ноги новому владельцу Баскервиль-холла!»— подумал я.

— Смотрите!— вдруг крикнул доктор Мортимер.— Что это?

Перед нами поднималось крутое взгорье, поросшее вереском,— первый предвестник близости торфяных болот. На вершине этого взгорья, словно конная статуя на пьедестале, четко вырисовывался верховой с винтовкой наготове. Он наблюдал за дорогой, по которой мы ехали.

— Перкинс, что это значит? — спросил доктор Мортимер.

Наш возница повернулся на козлах:

— Из принстаунской тюрьмы убежал арестант, сэр. Вот уже третий день, как его разыскивают. Выставили сторожевых на всех дорогах, на всех станциях, да пока все без толку. Здешний народ очень этим недоволен, сэр.

— Почему? Ведь тому, кто наведет на след, полагается пять фунтов.

— Так-то оно так, сэр, да только на пять фунтов

надежды мало, а вот что он горло тебе перережет, это вернее. Такой человек ни перед чем не остановится, это не какой-нибудь мелкий воришка.

— Кто же он?

— Селден, который совершил убийство в Ноттинг-хилле.

Я хорошо помнил дело Селдена, потому что в свое время Шерлок Холмс занимался им, заинтересовавшись жестокостью, с которой было совершено убийство, и печатью бесцельного зверства, отмечавшей все действия этого изверга. Преступление было настолько чудовищно, что у судей зародилось сомнение в здравости рассудка Селдена, и поэтому смертную казнь ему заменили тюрьмой.

Коляска поднялась на взгорье, и перед нами раскинулись огромные просторы торфяных болот с видневшимися на них кое-где долменами [1] из обломков скал и каменными столбами. Холодный ветер, налетевший оттуда, пронизал нас до костей. Где-то там, на унылой глади этих болот, дьявол в образе человеческом, точно дикий зверь, отлеживался в норе, лелея в сердце ненависть к людям, которые изгнали его из своего общества. Лишь этого не хватало, чтобы усугубить то мрачное, что таилось в голой пустыне, расстилавшейся перед нами, в порывистом ветре и темнеющем небе. Даже Баскервиль умолк и плотнее запахнул на себе пальто.

Плодородные места остались позади и ниже нас. Мы оглянулись — лучи заходящего солнца превращали бегущие ручейки в золотые ленты, горели на поднятой плугом земле и густой чаще кустарника. Дорога, пересекающая красновато-оливковые перевалы с огромными валунами, становилась все запущеннее и суровее. Время от времени перед нами вырастали обнесенные каменными оградами коттеджи, скупые очертания которых не были скрашены даже плющом. А потом глазам нашим предстала похожая на глубокую чашу долина с чахлыми дубами и соснами, искореженными и погнутыми ветром, бушующим здесь спокон веков. Над деревьями поднимались две высокие, узкие башни. Наш возница показал на них кнутом.

— Баскервиль-холл,— сказал он.

[1] Долмены — гробницы каменного века.

Хозяин поместья встал в коляске во весь рост — щеки у него раскраснелись, в глазах вспыхнул огонь. Через несколько минут мы подъехали к узорным чугунным воротам с двумя обомшелыми колоннами, которые увенчивались кабаньими головами — гербом Баскервилей. Каменный домик привратника был ветхий, с обнажившимися стропилами, но перед ним стояло новое, еще не законченное строение — первый плод, принесенный южноафриканским золотом сэра Чарльза.

За воротами шли два ряда высоких старых деревьев; их ветви смыкались сумрачным сводом у нас над головой. Стук колес снова потонул в шорохе листьев. Баскервиль содрогнулся, глядя в длинный темный прогал аллеи, в конце которого виднелись призрачные очертания дома.

— Это случилось здесь?— тихо спросил он.

— Нет, нет, в тисовой аллее, она с другой стороны.

Молодой наследник бросил вокруг себя хмурый взгляд.

— Меня нисколько не удивляет, что, живя здесь, дядя все время ждал какой-то беды,— сказал он.— Тут кого угодно возьмет страх. Подождите, не пройдет и полугода, как я проведу сюда электричество, и вы не узнаете этих мест! У входа будут гореть фонари Эдисона и Свана [1] по тысяче свечей каждый.

За аллеей открывался широкий газон, и, обогнув его, мы подъехали к дому. В сумерках я мог разглядеть лишь массивный фасад и террасу. Все было сплошь увито плющом, оставлявшим открытыми только оконные амбразуры да овалы гербов. Две старинные зубчатые башни с бойницами поднимались над этой частью здания. Справа и слева к ним примыкали два крыла из черного гранита, позднейшей пристройки. Сквозь окна со множеством переплетов на газон лился неяркий свет, над крутой остроконечной крышей с высокими трубами вставал столб темного дыма.

— Добро пожаловать, сэр Генри! Добро пожаловать в Баскервиль-холл!

Высокий человек выступил из тени, падавшей от террасы, и открыл дверцу коляски. В освещенных

[1] Эдисон Томас (1847—1931) — знаменитый американский изобретатель. Главным образом известен усовершенствованием электрической лампочки накаливания и изобретением фонографа. Сван — один из изобретателей электрической лампочки.

дверях холла показался силуэт женщины. Она тоже подошла к нам и помогла мужчине снять наши чемоданы.

— Сэр Генри, вы не будете возражать, если я поеду прямо домой? — сказал доктор Мортимер.— Меня ждет жена.

— Останьтесь, пообедайте с нами!

— Нет, право, не могу. Дел, вероятно, тоже много накопилось. Я бы с удовольствием сам показал вам дом, но Бэрримор сделает это лучше меня — он прекрасный гид. Всего хорошего! И помните: когда бы я вам ни понадобился, днем или ночью, не стесняйтесь посылать за мной.

Стук колес постепенно замер в глубине аллеи; тяжелая дверь захлопнулась за нами.

Холл, в котором мы очутились, был очень красив — просторный, высокий, с массивными стропилами из потемневшего от времени дуба. В старинном камине с чугунной решеткой для дров потрескивали и шипели поленья. Продрогнув после долгой езды, мы с сэром Генри протянули руки к огню. Потом стали разглядывать дубовую обшивку холла, высокое, узкое окно с цветными стеклами, оленьи головы и гербы на стенах, смутно видневшиеся в неярком свете люстры.

— Я именно так и представлял себе все это,— сказал сэр Генри.— Настоящее родовое гнездо, правда? Подумать только — ведь мои предки жили в этом самом доме в течение пяти веков! Как вспомнишь об этом, так невольно настраиваешься на торжественный лад.

Его смуглое лицо горело ребяческим восторгом. Он стоял в круге света, падавшего от люстры, а длинные тени ложились по стенам и черным пологом сгущались над ним.

Бэрримор разнес наши чемоданы по комнатам и, вернувшись, почтительно склонился перед нами, как и подобало хорошо вышколенному слуге. Наружность у него была незаурядная — высокий, представительный, с окладистой черной бородой, оттенявшей бледное благообразное лицо.

— Прикажете подавать обед, сэр?

— А готово?

— Через несколько минут, сэр. Горячая вода у вас в комнатах. Мы с женой будем счастливы, сэр Генри,

остаться здесь на первых порах, но ведь при новых порядках вам потребуется большой штат.

— При каких новых порядках?

— Я хочу сказать, что сэр Чарльз вел уединенный образ жизни и мы вдвоем вполне могли обслужить его, а вы, сэр, вероятно, будете жить более широко, и вам придется налаживать все по-новому.

— Значит, вы с женой хотите получить расчет?

— Если только это не причинит вам каких-либо неудобств, сэр.

— Но ведь ваши предки в течение нескольких поколений жили в Баскервиль-холле. Мне бы очень не хотелось с первых же своих шагов здесь порывать старые семейные связи.

Я подметил следы волнения на бледном лице дворецкого.

— Нам с женой это тоже не легко, сэр. Но, сказать вам правду, мы были очень привязаны к сэру Чарльзу и до сих пор никак не оправимся после его смерти. Нам тяжело здесь оставаться. Мы уже не можем чувствовать себя в Баскервиль-холле, как прежде.

— Что же вы собираетесь предпринять?

— Я надеюсь, сэр, что нам удастся наладить какое-нибудь дело. Ведь сэр Чарльз не оставил нас своей щедростью... А теперь разрешите показать вам ваши комнаты.

Верх старинного холла был обведен галереей с перилами, на которую вела двухпролетная лестница. Оттуда вдоль всего здания тянулись два длинных коридора, куда выходили все спальни. Моя была в одном крыле со спальней Баскервиля, почти дверь в дверь. Эти комнаты оказались более современными, чем центральная часть дома, а светлые обои и множество зажженных свечей сразу же смягчили тяжелое впечатление, которое создалось у меня по приезде в Баскервиль-холл.

Однако столовая в нижнем этаже поразила нас своим сумрачным видом. Это была длинная комната с помостом для хозяйского стола, отделенным одной ступенькой от той ее части, где полагалось сидеть лицам низшего звания. В дальнем конце были хоры для менестрелей [1].

[1] Менестрель — странствующий певец и музыкант в средние века.

Высоко у нас над головой чернели огромные балки, за которыми виднелся закопченный потолок. Очень может быть, что пылающие факелы, красочность и буйное веселье стародавних пиров смягчали мрачность этой комнаты, но сейчас, когда в ней под единственной лампой с абажуром сидели два джентльмена, одетые во все черное, их голоса звучали приглушенно и настроение у них было несколько пониженное. Длинная вереница предков в самых разнообразных костюмах — начиная с вельможи эпохи королевы Елизаветы и кончая щеголем времен Регентства — взирали на нас со стен, удручая своим молчанием. Разговор за столом как-то не клеился, и я почувствовал облегчение, когда, закончив обед, мы перешли курить в бильярдную — комнату, вполне современную.

— Что и говорить, обстановка не из веселых,— сказал сэр Генри.— Ко всему этому, конечно, можно притерпеться, но сейчас я чувствую себя не в своей тарелке. Неудивительно, что мой дядюшка нервничал, живя один в таком доме. Ну что ж, давайте, пожалуй, разойдемся. Может быть, утром нам покажется здесь не так уж уныло.

Прежде чем лечь спать, я открыл штору и посмотрел в окно. Оно выходило на газон перед парадной дверью. За газоном, раскачиваясь на ветру, стонали высокие деревья. В просвете между быстро бегущими облаками проглянул месяц. В его холодном сиянии за деревьями виднелась неровная гряда скал и длинная линия мрачных болот. Я задернул штору, убедившись, что последнее мое впечатление от Баскервиль-холла ничуть не противоречит первому.

Но оно оказалось не последним. Несмотря на усталость, я все-таки не мог заснуть и, ворочаясь с боку на бок, тщетно призывал к себе сон. Где-то далеко часы отбивали каждые пятнадцать минут, и больше ничто не нарушало мертвой тишины, царившей в доме. И вдруг в глухую полночь моего слуха коснулся совершенно явственный звук, в природе которого сомневаться не приходилось. Это были рыдания, приглушенные, судорожные всхлипывания женщины, чье сердце разрывалось от горя. Я приподнялся на кровати и стал напряженно вслушиваться. Плач раздавался где-то близко, в самом доме. Я про-

ждал с полчаса, насторожившись всем своим существом, но не услышал больше ничего, кроме боя часов и шороха плюща, увивающего стены.

Глава VII

Стэплтоны из Мерripит-хаус

Свежая прелесть утра стерла из нашей памяти гнетущее впечатление, которое осталось у нас обоих после первого знакомства с Баскервиль-холлом. Когда мы с сэром Генри сели завтракать, яркий солнечный свет уже лился в узкие окна с цветными гербами на стеклах, разбрасывая по полу пестрые блики. Темная дубовая обшивка отливала бронзой в золотых лучах, и теперь нам трудно было представить, что всего лишь накануне вечером эта комната навевала на нас такое уныние.

— Дом тут ни при чем, мы, вероятно, сами во всем виноваты,— сказал баронет.— Устали с дороги, прозябли, вот нам и представилось все в мрачном свете. А за ночь мы отдохнули, чувствуем себя прекрасно, и вокруг тоже повеселело.

— Однако нельзя приписывать все только нашему настроению,— ответил я.— Скажите мне, например, неужели вы не слышали среди ночи чей-то плач, по-моему, женский?

— А вы знаете, мне тоже почудилось что-то подобное сквозь дремоту. Я долго прислушивался и потом решил, что это было во сне.

— Нет, я совершенно ясно все слышал и уверен, что плакала женщина.

— Надо сейчас же поговорить с Бэрримором.

Он вызвал дворецкого звонком и обратился к нему за разъяснениями. Мне показалось, что бледное лицо Бэр-

римора побледнело еще больше, когда он услышал вопрос хозяина.

— В доме всего две женщины, сэр Генри,— ответил Бэрримор.— Одна из них судомойка, которая спит в другом крыле, вторая — моя жена, но я уверяю вас, что она не плакала.

И все же он сказал нам неправду, потому что после завтрака мне пришлось столкнуться с миссис Бэрримор в коридоре, на ярком свету. Я увидел высокую, очень спокойно державшуюся женщину с крупными чертами лица и со строго сжатыми губами. Но глаза — красные, с припухшими веками,— выдали ее. Значит, она-то и плакала ночью, а если так, муж не мог не знать об этом. И все же он шел даже на то, что его могут уличить во лжи. Зачем? И почему она так горько рыдала?

Чем-то таинственным и мрачным веяло от этого бледного благообразного человека с черной бородой. Он первый обнаружил тело сэра Чарльза, и обстоятельства смерти старика Баскервиля были известны нам только с его слов. Неужели же мы видели Бэрримора в кэбе на Риджент-стрит? Во всяком случае, борода была точно такая. Кэбмен говорил о человеке среднего роста, но это впечатление могло быть ошибочным. Как же мне установить истину? Прежде всего надо, конечно, повидать начальника почтовой конторы в Гримпене и узнать у него, была ли наша телеграмма передана Бэрримору в собственные руки. И в том и в другом случае у меня, по крайней мере, будет что сообщить Шерлоку Холмсу.

Сэр Генри занялся после завтрака просмотром деловых бумаг, и я вполне мог располагать своим временем. Пройдя четыре мили по хорошей дороге вдоль болот, я вышел к маленькой, невзрачной деревушке, в которой мне прежде всего бросились в глаза два более солидных, чем остальные, строения — гостиница и дом доктора Мортимера. Начальник почтовой конторы, оказавшийся также и здешним лавочником, заполнил нашу телеграмму.

— Конечно, сэр,— сказал он,— я доставил ее мистеру Бэрримору, как и было указано.

— А кто ее относил?

— Мой сынишка. Джеймс, ведь ты доставил телеграмму в Баскервиль-холл, мистеру Бэрримору?

— Да, папа.

— И вручил ему самому? — спросил я.

— Нет, мистер Бэрримор был где-то на чердаке, и я отдал телеграмму его жене, а она обещала тотчас же передать ему.

— А самого мистера Бэрримора ты видел?

— Нет, сэр, я же говорю, что он был на чердаке.

— Откуда же ты знаешь, где он был, если сам его не видел?

— Ну, жена-то должна была знать, где он,— раздраженно сказал почтмейстер.— Ведь телеграмма доставлена? А если произошла какая-то ошибка, пусть мистер Бэрримор сам пожалуется.

Продолжать расспросы было бессмысленно, но мне стало ясно, что хитрая уловка Холмса ни к чему не привела и мы так и не узнаем, уезжал Бэрримор в Лондон или нет. Допустим, что уезжал. Допустим, что он — последний, кто видел сэра Чарльза в живых,— первый выследил его наследника, как только тот приехал в Англию. Что из этого следует? Действует ли Бэрримор по чьему-то наущению или у него есть свои собственные коварные планы? Какой ему смысл преследовать Баскервилей? Я вспомнил странное предостережение, составленное из газетных вырезок. Неужели это дело рук Бэрримора? А может быть, оно послано кем-то другим, кто старается помешать ему? Единственное правдоподобное объяснение дал всему этому сэр Генри, сказав, что если Баскервилей удастся отпугнуть от родового поместья, то чета Бэрриморов обеспечит себе безмятежное существование до конца дней своих. Но разве это в какой-то мере оправдывает ту глубокую и тонкую интригу, которая невидимой сетью оплетает молодого баронета? Холмс сам признал, что среди всех его сенсационных расследований это дело наиболее запутанное и сложное.

Возвращаясь безлюдной, сумрачной дорогой, я молил бога, чтобы мой друг освободился как можно скорее и, приехав сюда, снял с меня тяжелую ответственность.

Мои размышления были внезапно прерваны звуком быстрых шагов позади. Чей-то голос окликнул меня по имени. Я оглянулся, ожидая увидеть доктора Мортимера, но, к моему удивлению, за мной спешил какой-то невысокий, худощавый блондин лет тридцати пяти — сорока, с чисто выбритой, несколько постной физиономией и узким

длинным подбородком. На нем был серый костюм и соломенная шляпа. Через плечо у него висела жестяная ботаническая коробка, а в руках он держал зеленый сачок для ловли бабочек.

— Простите мне мою смелость, доктор Уотсон,— еще не отдышавшись как следует, заговорил незнакомец.— Мы здесь народ не церемонный и не дожидаемся официальных представлений. Вы, может быть, слышали обо мне от нашего общего друга, Мортимера. Я Стэплтон из Мерripит-хаус.

— Вас нетрудно узнать по коробке и сачку,— сказал я, так как мне было известно, что мистер Стэплтон натуралист.— Но как вы-то догадались, кто я такой?

— Я сидел у Мортимера, и он показал мне вас из окна своей приемной, когда вы проходили мимо. Нам с вами по дороге, и я решил догнать вас и представиться вам самолично. Надеюсь, сэр Генри не очень утомился после долгого путешествия?

— Нет, он хорошо себя чувствует, благодарю вас.

— Мы все боялись, что после печальной кончины сэра Чарльза новый баронет не захочет жить здесь. Трудно требовать от состоятельного человека, чтобы он заживо похоронил себя в такой глуши, но ведь вы сами понимаете, как много будет значить его присутствие для всей нашей округи. Я полагаю, эта история не внушила сэру Генри суеверного страха?

— Нет, не думаю.

— Вы, конечно, знаете легенду про чудовищную собаку, которая будто бы преследует род Баскервилей.

— Да, знаю.

— До чего же здешние фермеры суеверный народ! Просто поразительно! Ведь они чуть ли не все готовы поклясться, что видели на болотах это чудовище.— Стэплтон говорил с улыбкой, но я прочел в его глазах, что он относится к своим словам гораздо серьезнее.— Легенда совершенно овладела воображением сэра Чарльза, и она-то и привела его к трагическому концу.

— Каким образом?

— Когда у человека так натянуты нервы, появление любой собаки может гибельно сказаться на его больном сердце. Мне думается, что в тот вечер сэр Чарльз действительно увидел нечто подобное в тисовой аллее. Я очень

любил старика и, зная о его болезни, так и ждал какого-нибудь несчастья.

— Откуда вы знали, что у него больное сердце?

— От моего друга, Мортимера.

— Следовательно, вы думаете, что на сэра Чарльза бросилась какая-то собака и он умер от страха?

— Может быть, вы располагаете более достоверными сведениями?

— Нет, я еще не успел прийти к определенным выводам.

— А мистер Шерлок Холмс?

На секунду у меня занялось дыхание от этих слов, но спокойное лицо и твердый взгляд моего собеседника говорили о том, что он и не думал застигнуть меня врасплох своим вопросом.

— Доктор Уотсон, зачем нам прикидываться, будто мы не знаем вас? — сказал он.— Слухи о знаменитом сыщике проникли и в наши края, а разве вы можете прославлять его, сами оставаясь в тени? Мортимер не стал отрицать, что вы и есть тот самый доктор Уотсон. А если вы появились здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересовался этим делом, и мне, разумеется, любопытно знать его точку зрения.

— Увы, я не могу ответить на ваш вопрос.

— Тогда разрешите спросить: не удостоит ли он нас своим посещением?

— Сейчас он не может уехать из Лондона. У него есть другие дела.

— Какая жалость! Он мог бы пролить свет на то, что скрывается во тьме для всех нас. Но вы тоже ведете расследование, доктор Уотсон, и если я в состоянии хоть чем-нибудь содействовать вам, располагайте мной как угодно. Мне было бы достаточно одного намека, кого вы подозреваете, как намерены приступить к делу, и, может статься, я уже сейчас помог бы вам советом или указанием.

— Уверяю вас, я просто приехал погостить у своего друга, сэра Генри, и никакой помощи мне не нужно.

— Великолепно! — воскликнул Стэплтон.— Вы поступаете совершенно правильно: осторожность прежде всего! Я вполне заслужил такую отповедь за свою навязчивость и обещаю вам больше не касаться этого вопроса.

Мы подошли к тому месту, где справа от дороги начи-

налась заросшая тропинка, узкой лентой вьющаяся среди болот. Левее стоял крутой, усеянный валунами холм, на котором в древние времена велись разработки гранита. Обращенная к нам сторона этого холма представляла собой отвесный откос, густо заросший папоротником и ежевикой. Вдали, на горизонте, поднимались серые клубы дыма.

— По этой тропинке отсюда не так уж далеко до Мерripит-хаус,— сказал Стэплтон.— Пожертвуйте часом времени, и я буду иметь удовольствие представить вас своей сестре.

В первую минуту я подумал, что мне следует быть возле сэра Генри, но потом вспомнил счета и бумаги, грудой лежавшие у него на столе. Уж тут я ничем не мог ему помочь. А Холмс просил меня познакомиться с людьми, живущими по соседству с Баскервиль-холлом. Я принял приглашение Стэплтона, и мы свернули вправо.

— Замечательные здесь места! — сказал он, глядя на волнистую линию зеленых холмов, над которыми морскими валами поднимались фантастические очертания гранитной гряды.— Эти болота никогда вам не примелькаются. А сколько тайн они хранят — бескрайные, пустынные, загадочные!

— Вы хорошо их знаете?

— Я ведь здесь всего второй год. Местные старожилы, пожалуй, назовут меня новичком. Мы перебрались сюда вскоре после приезда сэра Чарльза, но я, по своему призванию, уже успел обследовать здесь каждый уголок. Смею думать, что теперь мало кто знает торфяные болота лучше меня.

— А разве это такое нелегкое дело?

— Весьма нелегкое. Вот, например, присмотритесь к той равнине с поднимающимися кое-где причудливыми холмами. Чем она, по-вашему, замечательна?

— По ней хорошо скакать галопом.

— Всякий так сказал бы на вашем месте, а между тем эта ошибка уже многим стоила жизни. Видите, сколько на ней ярко-зеленых лужаек?

— Да, это, вероятно, те места, где почва лучше?

Стэплтон рассмеялся.

— Перед вами огромная Гримпенская трясина,— сказал он.— Попади в эту трясину человек или животное — один неосторожный шаг, и все кончено. Я только вчера видел,

как туда забрел чей-то пони и, разумеется, погиб. Его голова долго виднелась над трясиной. Он все вытягивал шею, старался выбраться, но в конце концов засосало бедняжку. Там даже в засуху опасно ходить, а после осенних дождей это совсем гиблое место. И тем не менее я не раз пробирался в самое сердце Гримпенской трясины и возвращался оттуда живым. Смотрите, еще один несчастный пони!

В зеленой осоке перекатывалось и билось что-то темное. Потом над зарослями мелькнула мучительно вытянутая шея, и болота огласились страшным криком. Я похолодел от ужаса, но у моего спутника были, по-видимому, более крепкие нервы.

— Кончено! — сказал он.— Засосало. Второй за два дня, только у меня на глазах. А сколько их еще погибло! Они как повадятся туда в засуху, так и ходят до самой осени. И часто гибнут. Да, Гримпенская трясина — страшное место.

— И вы все-таки пробираетесь туда?

— Да, там есть две-три тропинки, по которым ловкий человек может пройти. Я отыскал их.

— Но зачем вам ходить в такое опасное место?

— А вон видите те холмы вдалеке? Это настоящие островки среди непролазной топи, которая мало-помалу окружила их со всех сторон. Сумейте на них пробраться, и какие там редкостные растения, какие бабочки!

— Что ж, когда-нибудь попробую.

Стэплтон с удивлением посмотрел на меня.

— Ради бога, выкиньте эту мысль из головы! — сказал он.— Ваша гибель будет на моей совести. Назад вам не вернуться, поверьте мне. Я сам только потому и осмеливаюсь туда ходить, что у меня есть сложная система примет.

— Стойте! — крикнул я.— Что это?

Негромкий, протяжный и невыразимо тоскливый вой пронесся над болотами. Воздух наполнился им, но откуда он шел, определить было невозможно. Начавшись с невнятного стона, этот звук постепенно перешел в глухой рев и опять сник до щемящего сердце стенания. Стэплтон как-то странно посмотрел на меня.

— Таинственные места эти болота,— сказал он.

— Что это такое?

— Фермеры говорят, что так воет собака Баскервилей,

когда ищет свою жертву. Мне и раньше приходилось ее слышать, но сегодня что-то уж очень громко.

Похолодев от страха, я оглядел широкую, поднимающуюся к горизонту равнину, покрытую зелеными зарослями осоки. Ни шороха, ни малейших признаков жизни на ней — только два ворона громко каркали, сидя на каменном столбе позади нас.

— Вы же образованный человек, вас такой чепухой не проведешь,— сказал я.— Как вы объясняете этот вой?

— Трясина иной раз издает очень странные звуки. То ли это ил оседает, то ли вода поднимается на поверхность, то ли еще что, кто знает?

— Нет, нет! Это был голос живого существа.

— Может быть. Вам никогда не приходилось слышать, как кричит выпь?

— Нет, не приходилось.

— В Англии эта птица попадается теперь очень редко, в сущности она почти вымерла, но на таких болотах все возможно. Я бы нисколько не удивился, если б оказалось, что до нас донесся голос одной из последних представительниц этого вида.

— В жизни не слышал более странных и жутких звуков!

— Что и говорить, места таинственные. Посмотрите на тот холм. Что это такое, по-вашему?

Крутой склон был покрыт как бы кольцами из серого камня. Я насчитал их около двадцати.

— Что это? Овчарни?

— Нет, это жилища наших почтенных пращуров. Доисторический человек густо заселял торфяные болота, а так как после него здесь никто не жил, то весь этот домашний уют остался в целости и неприкосновенности. Только крыши сняты. При желании можно пойти туда и увидеть очаг и ложе.

— Да это целый городок! Когда же он был обитаем?

— Неолитический человек [1] — точный период не установлен.

[1] Неолитический человек — человек позднейшей эпохи каменного века, культура которого характеризуется шлифованными каменными изделиями.

— А чем этот человек занимался?

— Пас стада здесь же, на склонах, а когда каменный топор начал уступать первенство бронзовой палице, научился добывать олово. Видите вон тот ров на противоположном холме? Это следы его работы. Да, доктор Уотсон, вы найдете много любопытных особенностей на наших болотах. А, простите, пожалуйста! Это, наверно, Cyclopides!

Мимо нас пролетел маленький мотылек, и Стэплтон с поразительной быстротой и ловкостью кинулся за ним в погоню. Я с ужасом увидел, что мотылек понесся прямо к трясине, но мой новый знакомый как ни в чем не бывало прыгал с кочки на кочку и размахивал своим зеленым сачком. Серый костюм и порывистые движения придавали ему самому сходство с какой-то огромной бабочкой. Я стоял, глядя на него со смешанным чувством восхищения и страха,— мне все казалось, что он вот-вот оступится и уйдет в предательскую трясину. Вдруг позади меня послышались чьи-то шаги. Я оглянулся и увидел почти рядом с собой женщину. Она появилась с той стороны, где виднелся дым, указывающий на близость Меррипит-хаус, но раньше я не мог ее заметить, ибо тропинка, по которой она шла, уходила под уклон.

Я не сомневался, что это и есть мисс Стэплтон, так как вряд ли в здешних местах приходилось рассчитывать на встречу с другими дамами. Кроме того, мне говорили о ней как о красавице, а идущая по тропинке женщина действительно поражала своей красотой — красотой не совсем обычного типа. Большее несходство между сестрой и братом трудно было себе представить. Он бесцветный блондин с серыми глазами, она брюнетка — таких жгучих брюнеток мне еще не приходилось встречать в Англии,— изящная, стройная, высокая. Ее тонкие, горделивые черты были настолько правильны, что лицо могло бы показаться безжизненным, если б не выразительный рот и быстрый взгляд прекрасных темных глаз. Идеальная фигура, нарядное платье — как странно было видеть такое существо на безлюдной тропинке, вьющейся среди торфяных болот! Когда я оглянулся, взгляд этой женщины был устремлен на Стэплтона, но она тут же ускорила шаги и подошла ко мне. Я снял шляпу, уже приготовившись объяснить свое присутствие здесь, как вдруг ее слова направили мои мысли по совершенно иному пути.

— Уезжайте отсюда! — сказала она.— Немедленно уезжайте в Лондон!

В ответ на это я мог только с ошеломленным видом воззриться на нее. Она сверкнула глазами и нетерпеливо топнула ногой.

— Зачем же мне уезжать? — спросил я.

— Не требуйте объяснений.— Она говорила тихо, быстро и чуть-чуть картавила.— Ради бога, послушайтесь моего совета! Уезжайте, и чтоб ноги вашей больше не было на этих болотах!

— Но ведь я только что приехал!

— Боже мой,— воскликнула она,— неужели вы не понимаете, что я желаю вам добра? Уезжайте в Лондон! Сегодня же! Вам нельзя здесь оставаться. Тсс! Мой брат идет! Не говорите ему ни слова... Будьте так любезны, сорвите мне вон ту орхидею. У нас здесь очень много орхидей, но вы немного опоздали: к осени они уже начинают отцветать, и здешняя природа несколько теряет свою красоту.

Стэплтон оставил погоню за мотыльком и подошел к нам, весь красный и запыхавшийся.

— А, это ты, Бэрил! — сказал он, и я не почувствовал в этом приветствии особой сердечности.

— Как ты разгорячился, Джек!

— Да, я погнался за великолепным экземпляром Cyclopides. Их здесь не часто увидишь поздней осенью. И подумай, какая жалость — не поймал!

Он говорил спокойно-небрежным тоном, а сам все время переводил свои маленькие серые глазки с сестры на меня.

— Вы, кажется, успели познакомиться?

— Да. Я говорила сэру Генри, что сейчас уже поздно любоваться красотами наших болот — орхидеи отцветают.

— Что? Как ты думаешь, кто перед тобой?

— Сэр Генри Баскервиль.

— Нет, нет,— сказал я,— не награждайте меня чужим титулом. Я всего лишь друг сэра Генри, доктор Уотсон.

Краска досады разлилась по ее выразительному лицу.

— Значит, мы говорили, не понимая друг друга,— сказала она.

— Да, у вас было не так уж много времени на разговоры,— заметил Стэплтон, продолжая пытливо глядеть на сестру.

— Я приняла доктора Уотсона за нашего соседа,—

сказала она.— А ему, должно быть, совершенно безразлично, цветут сейчас орхидеи или нет. Но вы все-таки зайдете к нам в Меррипит-хаус?

Через несколько минут мы подошли к мрачной на вид ферме, которая, вероятно, в давние времена служила жильем какому-нибудь зажиточному скотоводу, а потом была перестроена на более современный лад. Ферму окружал садик; деревья в нем, как и повсюду на болотах, были низкорослые, чахлые. Убожеством и грустью веяло от этого места. Слуга, открывший нам дверь, был под стать дому — старый, весь сморщенный, в порыжевшем сюртуке. Но самые комнаты удивили меня своими размерами и элегантностью убранства; последнее следовало, вероятно, приписать вкусу хозяйки. Я посмотрел в окно на бескрайные, усеянные гранитными валунами болота, которые тянулись до еле видной вдали линии горизонта, и не мог не подумать: «Что же привело в такую глушь этого образованного человека и его красавицу сестру?»

— Странное мы выбрали место, где поселиться? — сказал Стэплтон, будто отвечая на мои мысли.— И все-таки нам здесь хорошо. Правда, Бэрил?

— Да, очень хорошо,— ответила она, но ее слова прозвучали как-то неубедительно.

— У меня была школа в одном из северных графств,— сказал Стэплтон.— Для человека с моим темпераментом такая работа суховата, неинтересна, но что меня привлекало в ней, так это тесная близость с молодежью. Какое счастье передавать им что-то от себя самого, от своих идей, видеть, как у тебя на глазах формируются юные умы! Но судьба обернулась против нас. В школе вспыхнула эпидемия, трое мальчиков умерли. Нам так и не удалось поправить дела после такого удара, бóльшая часть моего капитала была безвозвратно потеряна. И все же, если б не разлука с моими дорогими мальчиками, я радовался бы этой неудаче, ибо для человека с моей страстью к ботанике и зоологии здесь непочатый край работы, да и сестра моя — не меньшая любительница природы. Это признание, доктор Уотсон, вы навлекли на свою голову сами: вольно же вам было устремлять из окна такой грустный взгляд на наши болота!

— Да, не отрицаю, мне действительно кажется, что жить здесь скучно не столько вам, сколько вашей сестре.

— Нет, я не скучаю,— быстро ответила она.

— Мы заняты научной работой, у нас большая библиотека и очень интересные соседи. Доктор Мортимер — весьма начитанный человек в своей области. Несчастный сэр Чарльз тоже был прекрасным собеседником. Мы с ним были очень близки, и я даже не могу вам передать, как нам тяжела эта утрата. А что вы скажете, если я нанесу сегодня визит сэру Генри? Это ему не помешает?

— Я уверен, что он будет очень рад познакомиться с вами.

— Тогда будьте добры предупредить его. Может быть, нам удастся помочь ему первое время, пока он еще не освоился на новом месте... А теперь, доктор Уотсон, давайте поднимемся наверх, я покажу вам свою коллекцию чешуекрылых. Смею думать, что более полной коллекции вы не найдете в этой части Англии. А когда мы кончим, к тому времени и завтрак будет готов.

Но я спешил к своему подопечному, сэру Генри. Унылость болот, гибель несчастного пони, загадочный вой, который ставился в какую-то связь с мрачной легендой, существовавшей в роду Баскервилей,— все это настроило меня на грустный лад. А к этим более или менее смутным впечатлениям прибавились еще и совершенно недвусмысленные слова мисс Стэплтон, которые были сказаны с такой силой убеждения, что мне не приходилось сомневаться в серьезности и глубине причин, их вызвавших. Я отказался от настойчивых приглашений к завтраку и отправился домой по той же самой тропинке.

Но, кроме этой тропинки, здесь был, очевидно, и другой, более короткий путь, ибо не успел я выйти на дорогу, как увидел перед собой мисс Стэплтон. Румянец, горевший у нее на щеках, придавал ей еще бóльшую прелесть; она сидела на придорожном камне, тяжело дыша и прижимая руку к груди.

— Мне хотелось опередить вас, доктор Уотсон, и я всю дорогу бежала,— проговорила она.— Даже шляпу не успела надеть. Я не стану задерживаться, а то брат может заметить мое отсутствие. Мне только хочется попросить у вас извинения за свою глупую ошибку: ведь я приняла вас за сэра Генри. Прошу вас, забудьте все, что я говорила. К вам это не имеет никакого отношения.

— Как же я могу это забыть, мисс Стэплтон! Судьба моего друга, сэра Генри, меня очень интересует. Скажите

мне, почему вы так настаивали на его отъезде в Лондон?

— Женский каприз, доктор Уотсон! Когда мы с вами познакомимся поближе, вы убедитесь, что я не всегда могу объяснить свои слова и поступки.

— Нет, нет! Я помню, какой у вас был взволнованный голос, я помню ваши глаза. Мисс Стэплтон, будьте откровенны со мной, прошу вас! Я, как только очутился здесь, сразу почувствовал, что вокруг меня собираются какие-то призраки. Ходишь словно по Гримпенской трясине: вот-вот увязнешь с головой на одной из этих зеленых лужаек, и никто не поможет тебе выбраться оттуда. Объясните, на что вы намекали, и я передам ваше предостережение сэру Генри.

Тень нерешительности пробежала по лицу мисс Стэплтон, но не прошло и секунды, как взгляд ее стал снова суровым, и она ответила мне:

— Вы придаете слишком большое значение моим словам, доктор Уотсон. Смерть сэра Чарльза потрясла нас с братом. Мы часто встречались с покойным, потому что его излюбленная прогулка была вот по этой тропинке, что ведет к нашему дому. Легенда о проклятии, тяготеющем над родом Баскервилей, угнетала сэра Чарльза, и когда катастрофа разразилась, я поняла, что его опасения были обоснованны. Теперь меня очень беспокоит приезд наследника сэра Чарльза, и я считаю нужным предупредить его об опасности, которая ему угрожает. Вот и все, ничего другого я не хотела сказать.

— Но в чем же, по-вашему, эта опасность?

— Вы знаете предание о собаке?

— Я не верю этому вздору!

— А я верю. Если вы имеете хоть какое-нибудь влияние на сэра Генри, увезите его отсюда. Это роковое место для Баскервилей. Мир велик. Почему сэру Генри надо жить именно здесь, где ему грозит опасность?

— Вот потому-то он и решил здесь жить. Таков характер этого человека, и, если вы не выскажетесь более определенно, вряд ли мне удастся увезти его отсюда.

— Я не могу дать вам более определенных сведений по той простой причине, что у меня их нет.

— Тогда, мисс Стэплтон, разрешите задать вам еще один вопрос. Если это все, что вам нужно было сказать мне, почему же вы боялись, как бы вас не услышал брат? По-

моему, тут нет ничего такого, что могло бы не понравиться ему или кому-нибудь другому.

— Мой брат очень не хочет, чтобы Баскервиль-холл пустовал: это повредит бедному люду, который живет здесь на болотах. Он бы страшно рассердился на меня, если бы знал, что я стараюсь как-то повлиять на сэра Генри. Но я исполнила свой долг и больше ничего не скажу. А теперь мне надо идти, не то он хватится меня и заподозрит, что я говорила с вами. Прощайте!

Она повернулась и вскоре исчезла среди валунов, а я, полный каких-то неясных страхов, направил свои шаги к Баскервиль-холлу.

Глава VIII

Первый отчет доктора Уотсона

Начиная с этого дня я буду излагать ход событий по своим письмам к мистеру Шерлоку Холмсу, которые лежат сейчас передо мной на столе. Они сохранились полностью, если не считать одного затерявшегося листка, и передадут все мои мысли и подозрения более точно, чем я мог бы сделать это сам, полагаясь только на свою память, хотя из нее еще не изгладились трагические события тех дней.

Баскервиль-холл,
13 октября

Дорогой Холмс!

По моим предыдущим письмам и телеграммам вы знаете все, что произошло за последнее время в этом самом глухом уголке мира. Чем дольше живешь здесь, тем больше и больше начинает въедаться тебе в душу унылость

этих болот, этих необъятных просторов, впрочем, не лишенных даже какой-то мрачной прелести. Стоит мне только выйти на них, и я чувствую, что современная Англия остается где-то позади, а вместо нее видишь вокруг лишь следы жилья и трудов доисторического человека. Это давно исчезнувшее племя напоминает о себе повсюду — вот его пещеры, вот могилы, вот огромные каменные глыбы, оставшиеся там, где, по-видимому, были его капища [1]. Глядя на иссеченные примитивным орудием склоны холмов, на которых темнеют эти пещеры, забываешь, в каком веке живешь, и если бы вдруг под низким сводом одной из них появилось одетое в звериную шкуру волосатое существо и вложило бы в лук стрелу с кремневым наконечником, вы почувствовали бы, что его присутствие здесь более уместно, чем ваше. Страннее всего то, что эти люди так густо заселяли здешние неплодородные места. Я не археолог, но, по-моему, это было отнюдь не воинственное, а скорее угнетенное племя, которое довольствовалось тем, от чего отказывались другие.

Однако все это не имеет никакого касательства к моему пребыванию здесь и, вероятно, нисколько не интересно такому сугубо практическому человеку, как вы. Я до сих пор не в силах забыть ваше равнодушие к вопросу о том, движется ли солнце вокруг земли или земля вокруг солнца. Так давайте же перейдем к фактам, имеющим непосредственное отношение к Генри Баскервилю.

Последние несколько дней вы не получали от меня никаких сведений по той простой причине, что рассказывать мне было не о чем. Но с тех пор произошло одно странное событие, о котором я доложу вам в свое время, а сейчас разберемся в других обстоятельствах, немаловажных для нашего дела.

Одно из этих обстоятельств — весьма существенное, хотя я почти не упоминал о нем в своих письмах,— каторжник, скрывающийся на болотах. Есть все основания предполагать, что он ушел из здешних мест, к великой радости обитателей одиноких ферм. Со времени его побега прошло две недели, и с тех пор о нем нет ни слуху ни духу. Трудно себе представить, чтобы человек мог просуществовать на болотах все это время. Правда, спрятаться там есть где.

[1] Капище — место, где совершались языческие молебствия.

Любая из каменных пещер могла бы служить ему пристанищем. Но ведь без еды не проживешь. Разве только он ловит и убивает овец. Нет, каторжник безусловно ушел из этих мест, а посему жители отдаленных ферм спят теперь спокойно.

Мы, четверо здоровых, сильных мужчин, живущих в Баскервиль-холле, в случае чего сможем постоять за себя, но признаюсь вам: думая о Стэплтонах, я беспокоюсь. Близких соседей у них нет, так что им трудно рассчитывать на чью-либо помощь. Горничная, старик лакей, сестра и брат — последний, по-видимому, отнюдь не силач,— вот и все обитатели Меррипит-хаус. Они окажутся совершенно беспомощными в руках этого ноттингхиллского убийцы, если он заберется к ним в дом. Мы с сэром Генри очень тревожились за них и хотели даже, чтобы конюх Перкинс ночевал в Меррипит-хаус, но Стэплтон не пожелал и слышать об этом.

Дело в том, что наш друг баронет начинает проявлять сильный интерес к своей прекрасной соседке. Да это и неудивительно, ибо он человек живой, деятельный, ему скучно в такой глуши, а она, надо признаться, обворожительная и красивая женщина. В ней есть какая-то экзотическая пылкость, в противоположность ее хладнокровному и совершенно бесстрастному брату. И в то же время в нем чувствуется скрытый огонь. Судя по всему, он имеет на сестру большое влияние; мне не раз приходилось ловить взгляды, которые она бросает на него во время разговора, словно ожидая одобрения своим словам. Хочу надеяться, что они ладят между собой. Такой сухой блеск в глазах и такие тонкие, поджатые губы часто говорят о твердом, а может быть, и суровом характере. Во всяком случае, этот натуралист любопытный тип и вы непременно заинтересовались бы им.

Он пришел с визитом к сэру Генри в тот же день, а на следующее утро повел нас туда, где произошло событие, связанное с легендой о беспутном Гуго. Мы прошли несколько миль в глубь болот и очутились в небольшой долине, настолько мрачной, что она сама по себе могла способствовать зарождению подобной легенды. Узкий проход между искрошившимися каменными столбами вывел нас на открытую лужайку, поросшую болотной травой. Посередине ее лежат два огромных камня, суживающиеся кверху

и напоминающие гигантские гнилые клыки какого-то чудовища. Все здесь в точности соответствует описанию той сцены, на которой разыгралась эта давняя трагедия. Сэр Генри с интересом осматривался по сторонам и все спрашивал Стэплтона, неужели тот верит в возможность вмешательства сверхъестественных сил в людские дела. Тон у него был небрежный, но он, по-видимому, относится ко всему этому очень серьезно. Стэплтон отвечал сдержанно, многого не договаривая и явно щадя чувства молодого баронета. Он рассказал нам несколько подобных случаев, когда семьи из рода в род испытывали на себе влияние каких-то недобрых сил, и после всех этих рассказов у нас создалось впечатление, что Стэплтон вместе со многими другими здешними жителями верит в легенду о собаке Баскервилей.

На обратном пути мы зашли в Меррипит-хаус позавтракать. Тогда-то сэр Генри и познакомился с мисс Стэплтон. Он увлекся ею с первой же встречи, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что это чувство взаимное. Когда мы возвращались домой, он то и дело заговаривал о ней, и с тех пор почти не проходит дня, чтобы мы не повидались со Стэплтонами. Сегодня они у нас обедают, а сэр Генри уже поговаривает о визите к ним на будущей неделе.

Казалось бы, лучшего мужа для сестры Стэплтону и желать нечего, и все же я не раз замечал, что он хмурится, когда сэр Генри оказывает ей внимание. Стэплтон, по-видимому, очень привязан к сестре, и ему будет тоскливо одному, но ведь это же верх эгоизма — препятствовать такой блестящей партии! Тем не менее факт остается фактом — Стэплтон явно не желает, чтобы эта дружба перешла в любовь, и, по моим наблюдениям, он всячески старается не оставлять их наедине. Кстати, если все дело осложнится еще и романом, то ваше наставление не спускать глаз с сэра Генри окажется почти невыполнимым. Если же я буду строго следовать данному мне указанию, подумайте, как это пошатнет мою репутацию здесь!

На днях, точнее, в четверг, у нас завтракал доктор Мортимер. Он производил раскопки кургана в Длинной низине и нашел там череп доисторического человека, что повергло его в неописуемый восторг. Второго такого энтузиаста своего дела, пожалуй, и не сыщешь. После завтрака явились Стэплтоны, и, по просьбе сэра Генри, добрейший

доктор повел нас всех в тисовую аллею показать, как все было в ту роковую ночь. Аллея эта длинная, сумрачная, с обеих сторон идут сплошной стеной подстриженные тисы и узенькие полоски дерна. В дальнем ее конце стоит полуразрушенная беседка. Как раз посередине приходится калитка, ведущая на болота, около которой старик Баскервиль стряхивал пепел с сигары. Она деревянная, покрашена белой краской и заперта на задвижку. За ней расстилаются необъятные болота. Я вспомнил вашу теорию по поводу происшедшего здесь события и попытался представить, как все это было. Стоя у калитки, Баскервиль увидел нечто, приближающееся к нему с болот, и так испугался этого видения, что потерял голову, бросился бежать и бежал до тех пор, пока не упал мертвым от изнеможения и ужаса. Он бежал длинной, темной аллеей. Но кто обратил его в бегство? Какая-нибудь овчарка с болот? Или призрачная собака — огромная, черная, безмолвная? А может быть, это дело человеческих рук? Может быть, бледный, настороженный Бэрримор знает больше, чем говорит? Туман и полная неопределенность — и все же за всем этим неотступной тенью стоит преступление.

С тех пор как я вам писал в последний раз, мне удалось познакомиться еще с одним из наших соседей — мистером Френклендом из Лефтер-холла, который живет милях в четырех к югу от нас. Это старик, седой, краснолицый и весьма желчный. Мистер Френкленд помешан на британском законодательстве и ухлопал целое состояние на всевозможные тяжбы. Он судится исключительно ради собственного удовольствия, выступая то в качестве истца, то в качестве ответчика, а такие развлечения, как вы сами понимаете, обходятся недешево. Ему вдруг взбредет в голову запретить проезд около своих владений — пусть приходской совет доказывает, что это неправильно. Потом разломает собственными руками чью-нибудь калитку и заявит, что здесь спокон веков была проезжая дорога — пусть хозяин подает на него в суд за нарушение границ чужого землевладения. Он знает назубок древнее общинное право и применяет свои знания иной раз в интересах соседней деревушки Фернворси, иной раз наперекор ей, так что жители ее попеременно то проносят его с торжеством по улицам, то предают символическому сожжению. Говорят, будто сейчас на руках у мистера Френкленда семь тяжб, которые,

по всей вероятности, съедят остатки его состояния, и он, лишенный таким образом жала, будет совершенно безобидным, мирным старичком. Во всех прочих отношениях это человек мягкий, добродушный, и я упоминаю о нем только потому, что вы требовали от меня описания всех наших соседей.

Сейчас мистер Френкленд нашел себе очень странное занятие. Будучи астрономом-любителем и обладая великолепной подзорной трубой, он по целым дням лежит на крыше своего дома и обозревает болота в надежде на то, что ему удастся обнаружить беглого каторжника. Если б мистер Френкленд употреблял свою нерастраченную энергию только на это, все было бы прекрасно, но ходят слухи, будто он собирается привлечь к ответственности доктора Мортимера за то, что тот разрыл какую-то могилу, не заручившись согласием ближайших родственников погребенного. Как вы догадываетесь, речь идет о черепе неолитического человека, обнаруженном при раскопке кургана в Длинной низине. Да, мистер Френкленд вносит некоторое разнообразие в нашу жизнь, а сейчас это нам как нельзя более кстати.

Теперь, сообщив вам все, что было можно, о беглом каторжнике, Стэплтонах, докторе Мортимере и мистере Френкленде из Лефтер-холла, я перейду к самому важному пункту и расскажу о Бэрриморах, в частности о тех странных событиях, которые произошли сегодня ночью.

Начну с телеграммы, посланной вами из Лондона с тем, чтобы удостовериться, был ли Бэрримор в тот день на месте. Вы уже знаете о моей беседе с почтмейстером, из которой выяснилось, что наша проверка ничего не дала и мы так и не получили нужных нам сведений. Я рассказал сэру Генри о своей неудаче, и он со свойственной ему непосредственностью немедленно вызвал Бэрримора и спросил его про телеграмму. Бэрримор сказал, что телеграмма была получена.

— Мальчик передал ее вам в собственные руки? — спросил сэр Генри.

Бэрримор удивленно посмотрел на него и минуту подумал.

— Нет,— сказал он.— Я тогда был на чердаке, и телеграмму принесла мне жена.

— А ответ вы написали сами?

— Нет, я сказал жене, как ответить, она спустилась вниз и написала.

Вечером Бэрримор снова вернулся к этой теме по своему собственному почину.

— Сэр Генри, я не совсем понял, почему вы расспрашивали меня о той телеграмме,— сказал он.— Неужели я в чем-нибудь провинился и потерял ваше доверие?

Сэр Генри постарался уверить Бэрримора, что это не так, и, чтобы окончательно успокоить его, подарил ему довольно много из своих старых вещей, ибо покупки, сделанные им в Лондоне, уже доставлены в Баскервиль-холл.

Меня очень интересует миссис Бэрримор. Это весьма солидная, почтенная женщина с пуританскими наклонностями и, по-видимому, не блещущая умом. Казалось бы, трудно вообразить себе существо более невозмутимое. Но вы уже знаете, что в первую ночь здесь я слышал ее горькие рыдания, и с тех пор мне не раз приходилось замечать следы слез у нее на лице. Эту женщину гложет какое-то тяжелое горе. Иной раз мне приходит в голову: может быть, это муки нечистой совести? А потом я начинаю подозревать в Бэрриморе домашнего тирана. Мне всегда казалось, что это личность сомнительная, странная, а события прошлой ночи окончательно усилили мои подозрения.

Впрочем, само по себе это происшествие не так уж значительно. Вы, вероятно, помните, что я сплю не очень крепко, а здесь, в Баскервиль-холле, когда все время приходится быть настороже, сон у меня особенно чуткий. Вчера ночью, около двух часов, я услышал крадущиеся шаги около своей комнаты. Я встал, открыл дверь и выглянул в коридор. По нему скользила чья-то длинная черная тень. Она падала от человека, который еле слышно ступал по коридору со свечкой в руке. Он был в нижней рубашке, в брюках, босиком. Я различил только его смутные очертания, но по росту догадался, что это Бэрримор. Он шел медленно, тихо, и в каждом его движении было что-то вороватое, настороженное.

Вы уже знаете из моих писем, что оба коридора пересекаются галереей, которая окружает холл. Я подождал, пока Бэрримор скроется у меня из глаз, и двинулся следом за ним. Когда я вышел на галерею, он был уже в самом конце дальнего коридора, потом в открытых дверях одной комнаты блеснул свет — значит, он вошел туда. Надо вам сказать, что эти комнаты нежилые и в них нет даже мебели, следовательно, поведение Бэрримора становилось совсем загадочным. Он стоял там, по-видимому, неподвижно, так как пламя свечи не колебалось. Стараясь шагать как можно тише, я прошел весь коридор и заглянул из-за косяка в открытую дверь.

Бэрримор стоял, притаившись, у окна, поднеся свечку к самому стеклу. Я видел его в профиль — застывшее в напряженном ожидании лицо, взгляд, устремленный в непроглядную тьму болот. Несколько минут он пристально смотрел в окно, потом тихо застонал и нетерпеливым движением загасил свечу. Я сейчас же вернулся к себе в комнату и вскоре услышал за дверью те же крадущиеся шаги. Спустя долгое время, сквозь легкий сон, до меня донеслось, как где-то повернули ключ в замке, но откуда шел этот звук, определить было трудно.

Что все сие значит, я не понимаю, но в этом мрачном доме творятся какие-то тайные дела, до сути которых мы рано или поздно доберемся. Не хочу утруждать вас изложением собственных теорий на этот счет, ибо вы просили меня сообщать вам только факты. Сегодня утром я долго говорил с сэром Генри, и мы разработали план кампании, основываясь на моих ночных наблюдениях. Но я умолчу о нем до следующего письма, которое только выиграет от этого.

Глава IX

Второй отчет доктора Уотсона

Баскервиль-холл,
15 октября

Дорогой Холмс!

Если первое время после приезда сюда ваш посланник не баловал вас новостями, то признайтесь, что теперь он наверстывает упущенное, ибо события быстро следуют одно за другим. Свой последний отчет я закончил драматическим описанием Бэрримора у окна пустой комнаты, а с тех пор у меня накопился целый ворох новостей, которые, без сомнения, сильно удивят вас. Я никак не мог предугадать, что дела примут такой оборот. За последние двое суток обстановка, с одной стороны, значительно прояснилась, с другой — стала еще сложнее. Но расскажу вам все по порядку, так, чтобы вы могли судить об этом сами.

На следующее утро после моего ночного приключения я еще перед завтраком обследовал ту комнату, куда заходил Бэрримор. Окно, в которое он так пристально смотрел, имеет одно преимущество по сравнению со всеми другими окнами дома: из него открывается самый лучший вид на болота. В просвете между двумя деревьями они лежат как на ладони, а из других окон их почти не видно. Следовательно, Бэрримор избрал это окно, чтобы высмотреть кого-то или что-то на просторах торфяных болот. Впрочем, ночь была темная, и я не знаю, на что он рассчитывал. Потом мне пришло в голову: может быть, это какая-нибудь любовная интрижка? Тогда все станет понятным — и осторожность, с какой он действовал, и страдания его жены. У человека с его внешностью есть все данные, чтобы пленить сердце какой-нибудь деревенской девушки, так что это предположение небезосновательно. Вернувшись тогда к себе в комнату, я слышал, как где-то открыли дверь.

Вероятно, Бэрримор ходил на тайное свидание. Такие мысли занимали меня все следующее утро. В дальнейшем мои подозрения могут оказаться несостоятельными, и все же, невзирая на это, я считаю необходимым сообщить их вам.

Я чувствовал, что возьму на себя слишком большую ответственность, если умолчу о событиях этой ночи, дожидаясь, пока мотивы действий Бэрримора не станут ясными. После завтрака мы с баронетом ушли в его кабинет, и там я рассказал ему все. Сверх моих ожиданий, он отнесся к этому довольно спокойно.

— Я знаю, что Бэрримор разгуливает по ночам, и давно собираюсь поговорить с ним,— сказал он.— Я несколько раз слышал его шаги в коридоре примерно в те же часы, что и вы.

— Может быть, он каждую ночь ходит к тому окну?

— Может быть. А если так, надо его выследить и посмотреть, чем он там занимается. Интересно, как бы поступил в таком случае ваш друг Холмс?

— Уверен, что он сделал бы то же самое,— сказал я.— Прокрался бы за Бэрримором и узнал, что ему там понадобилось.

— Тогда давайте сделаем это вместе.

— Но он услышит нас!

— Нет. Бэрримор туговат на ухо, и, во всяком случае, надо рискнуть. Давайте ждать его у меня в комнате.

Сэр Генри с удовольствием потер руки, видимо радуясь малейшей возможности внести какое-то разнообразие в монотонное течение жизни, которую ему приходится вести здесь.

Баронет уже успел снестись с архитектором, подготовлявшим для сэра Чарльза планы перестройки, и пригласил подрядчика из Лондона, так что в скором времени здесь надо ждать больших перемен. Из Плимута приехали декораторы и меблировщики. Судя по всему, наш друг размахнулся очень широко и не пожалеет ни трудов, ни денег, чтобы восстановить былое величие своего рода. Когда дом будет заново отделан и обставлен, для полного завершения картины баронету потребуется только жена. Между нами говоря, есть все основания предполагать, что за этим дело не станет, ибо он так увлечен своей очаровательной соседкой, мисс Стэплтон, что дальше идти некуда. Однако роман протекает не так гладко, как следовало бы ожидать при

данных обстоятельствах. Сегодня, например, на его поверхности появилась маленькая рябь, очень удивившая и расстроившая нашего друга.

После разговора о Бэрриморе сэр Генри надел шляпу и собрался идти куда-то. Я, разумеется, сделал то же самое.

— Вы со мной, Уотсон? — спросил он, как-то странно посмотрев на меня.

— Это зависит от того, куда вы идете. Если на болота, то да,— ответил я.

— На болота.

— Вы же знаете, какие мне даны распоряжения. Я не хочу мешать вам, но Холмс не велел оставлять вас одного, особенно на болотах. Вы сами это слышали.

Сэр Генри с милой улыбкой похлопал меня по плечу.

— Дорогой друг,— сказал он,— несмотря на всю свою дальновидность, Холмс не мог предугадать во всех подробностях, как сложится моя жизнь здесь. Вы меня понимаете? Уж кому другому, а вам-то наверняка не захочется мешать мне. Нет, пустите меня одного.

Посудите сами, каково было мое положение. Я растерялся, не зная, что сказать, как поступить, а тем временем сэр Генри взял свою палку и ушел.

Но стоило мне только немного поразмыслить, и меня начала мучить совесть — зачем я позволил ему уйти из-под моего наблюдения! А что, если, вернувшись в Лондон, я должен буду признаться вам, что мое попустительство довело нас до беды? Меня бросило в жар при одной мысли об этом. Еще не поздно, его можно догнать. И я сразу же отправился к Меррипит-хаус.

Я быстро шагал по дороге, не видя сэра Генри, и через несколько минут подошел к тому месту, где начинается тропинка, уводящая в глубь болот. Тут меня взяло сомнение в правильности выбранного пути, и я поднялся на холм, с которого открывается широкий вид на болота,— тот самый холм, где была когда-то каменоломня. Оттуда я сразу увидел баронета. Он шагал по тропинке примерно на расстоянии четверти мили от меня, а рядом с ним шла женщина — не кто иная, как мисс Стэплтон. Было ясно, что эти двое давно обо всем договорились и что сегодняшняя встреча не случайна. Погруженные в разговор, они шли очень медленно, и, судя по жестикуляции мисс Стэплтон, она старалась в чем-то убедить сэра Генри, который внимательно слушал ее и время от времени отрицательно качал головой. Я стоял среди валунов, не зная, как мне быть. Догнать их и нарушить эту интимную беседу немыслимо. Но в чем состоит мой долг? В том, чтобы ни на секунду не спускать глаз с сэра Генри. Выслеживать друга — крайне неприятное занятие. И все же я не видел иного выхода и решил продолжать свое наблюдение с вершины холма, а потом для очистки совести признаться баронету во всем. Правда, если б он вдруг оказался в опасности, я бы не смог ему помочь, так как был слишком далеко, но согласитесь сами — выбирать не приходилось.

Пройдя несколько шагов, наш сэр Генри и девушка остановились, увлеченные своим разговором, и тут мне вдруг стало ясно, что я не единственный свидетель их встречи. Среди валунов мелькнуло что-то зеленое. Приглядевшись, я увидел, что это зеленый лоскут на палке, а палку несет человек, идущий по направлению к тропинке. Это оказался Стэплтон со своим сачком для ловли бабочек. Он был гораздо ближе к нашей парочке, чем я, и шел прямо на нее. В эту минуту сэр Генри обнял мисс Стэплтон, но она отвернулась, стараясь вырваться из его объятий. Он нагнулся к ней, она заслонилась от него ладонью... А потом они отскочили друг от друга и оглянулись назад. Виной этому был Стэплтон, который бежал к ним со всех ног, нелепо размахивая сачком. Он отчаянно жестикулировал и, поравнявшись с влюбленными, в страшном волнении заметался перед ними. Я не мог понять, что все это значит, но, по-видимому, Стэплтон в чем-то обвинял сэра Генри, а тот оправдывался и мало-помалу начинал выходить из себя. Девушка стояла рядом, храня высокомерное молчание. Наконец Стэплтон круто повернулся, повелительно махнул сестре рукой, и та, бросив нерешительный взгляд на сэра Генри, пошла следом за братом. Порывистые жесты натуралиста свидетельствовали о том, что его гнев пал и на девушку. Баронет проводил их взглядом, потом повесил голову и медленно зашагал в обратный путь.

Я так ничего и не понял из этой разыгравшейся у меня на глазах сцены и чувствовал глубокий стыд, что был свидетелем ее без ведома моего друга. Мне не оставалось ничего другого, как сбежать с холма и встретить

баронета внизу. Лицо у него было красное от гнева, брови нахмурены — человек явно не знал, что делать, как поступить.

— Хелло, Уотсон! Откуда вас принесло? Неужели вы все-таки пошли следом за мной?

Пришлось объяснить ему все: как я почувствовал, что не могу отпустить его одного, как пошел следом за ним и оказался свидетелем их встречи и всех последующих событий. Сэр Генри сверкнул на меня глазами, но моя откровенность обезоружила его, и он рассмеялся, правда невесело:

— Уж, кажется, в такой пустыне можно было рассчитывать на уединение, так нет! Все словно сговорились и вышли полюбоваться, как я ухаживаю за девушкой! А ухаживание получилось довольно неудачное. Где вы абонировали себе место?

— Вон на том холме.

— Значит, на галерке. А ее братец устроился в первых рядах. Вы видели, как он на нас налетел?

— Да, видел.

— Вам никогда не приходило в голову, что этот субъект не в своем уме?

— Нет, не приходило.

— Мне тоже. До сегодняшнего дня я считал Стэплтона самым нормальным человеком, а теперь мне кажется, что на него надо надеть смирительную рубашку, а может, на меня. Неужели я так уж плох? Вы живете со мной не первую неделю, Уотсон. Будьте откровенны. Что мне мешает стать хорошим мужем женщины, которую я люблю?

— По-моему, ничто не мешает.

— К моему положению в обществе он не может придраться, значит, дело во мне самом. Что он имеет против меня? Я в жизни не причинил никому зла. А этот субъект даже близко меня к ней не хочет подпускать.

— Он так и сказал?

— Да, и добавил кое-что сверх этого. Знаете, Уотсон, я ведь познакомился с ней всего несколько недель назад, но мне с первой же встречи стало ясно, что эта женщина создана для меня. И она... она тоже... ей было хорошо со мной, я готов поклясться в этом! Женские глаза говорят лучше слов. Но он противился нашему сближению, и я только сегодня улучил возможность поговорить с ней

наедине. Она с радостью согласилась на это свидание, но, как вы думаете, зачем? Чтобы говорить о нашей любви? Нет, будь ее воля, она и меня заставила бы замолчать. У нее одно на языке: здесь опасно, и она не успокоится до тех пор, пока я не уеду из Баскервиль-холла. Я сказал, что после встречи с ней никуда отсюда не уеду, а если это так уж необходимо, пусть уезжает вместе со мной. Одним словом, я сделал ей предложение, но она даже не успела ответить мне, потому что в эту минуту ее милейший братец налетел на нас как сумасшедший. Он был весь белый от ярости, а его бесцветные глазки буквально метали искры. Что я себе позволил! Как я смею приставать к женщине со своими ухаживаниями, которые ничего не вызывают у нее, кроме отвращения! Я, вероятно, воображаю, что баронету все дозволено? Не будь он ее братом, я бы знал, как ему ответить! Пришлось сказать только, что ничего позорного в моих чувствах нет и что я надеюсь иметь честь назвать когда-нибудь мисс Стэплтон своей женой. Но это ничему не помогло, и под конец я тоже вышел из себя и погорячился, а горячиться не следовало, принимая во внимание, что она стояла тут же. После этого он удалился вместе с ней, как вы сами видели, а я остался один в полном недоумении. Теперь, Уотсон, объясните мне, что все это значит, и я ввек не забуду вам такого одолжения!

Я прикинул мысленно и так и эдак, но, по правде сказать, вся эта история повергла меня в не меньшее недоумение. Титул нашего друга, его богатство, молодость, характер, наружность — все говорит в его пользу, и я не знаю за ним ничего дурного, кроме, пожалуй, темного рока, тяготеющего над его семьей.

Да, странно, что предложение сэра Генри было отвергнуто с такой резкостью и даже без всякой ссылки на желание самой девушки. Странно и то, что она отнеслась ко всему происходящему столь безучастно. Впрочем, наши сомнения разрешил в тот же день сам Стэплтон. Он явился с извинениями за грубость, долго беседовал с сэром Генри в его кабинете, и ссоры как не бывало,— мы получили на будущую пятницу приглашение к обеду в Меррипит-хаус.

— Я все же не перестал сомневаться в нормальности этого человека,— сказал сэр Генри,— у меня до сих пор

стоит перед глазами его лицо, когда он накинулся на нас сегодня утром, но, надо отдать ему справедливость, извинения были исчерпывающи, к ним не придерешься.

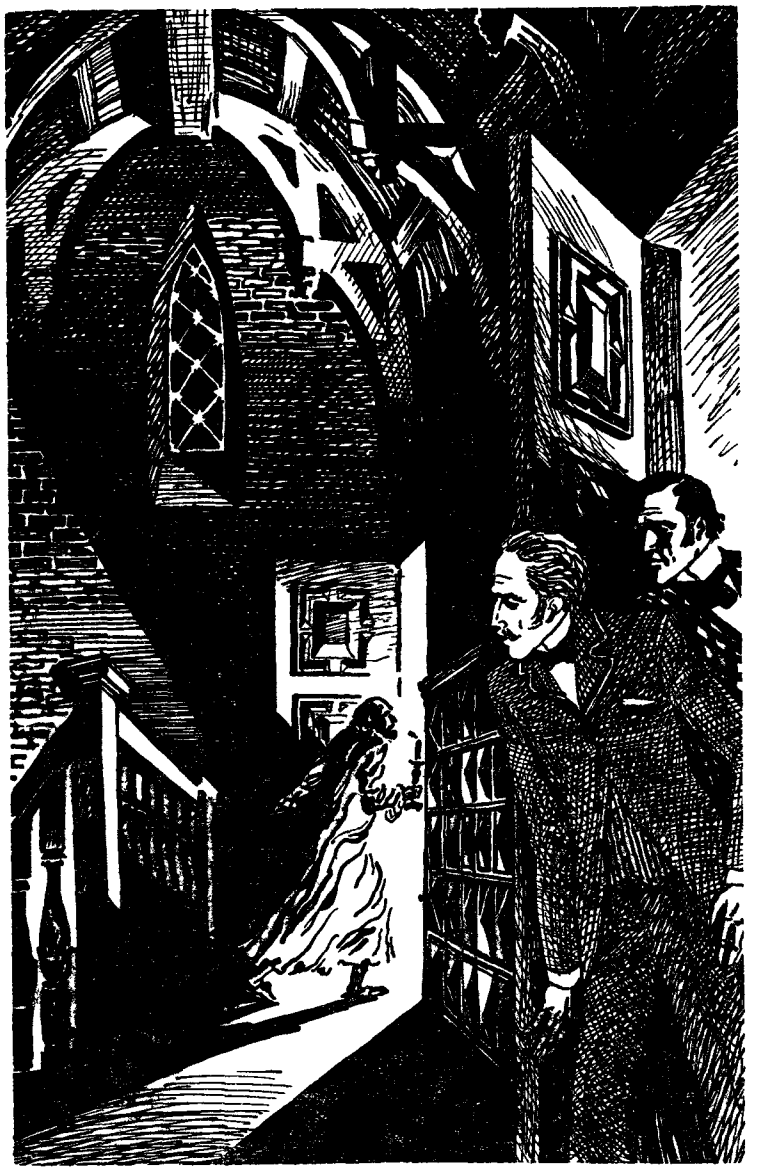
— А как он объяснил свою вспышку?

— Сестра для него все. Это понятно, и я очень рад, что он знает ей цену. Они всю жизнь прожили вместе и, если верить ему, других близких людей у него нет, так что возможность разлуки с ней приводит его в ужас. Он будто бы не догадывался о моих чувствах, а убедившись в них собственными глазами, понял, что сестру могут отнять у него, и при одной этой мысли потерял над собой всякую власть. Он очень сожалеет о случившемся и признает, что эгоистично и глупо с его стороны думать, будто бы можно удержать около себя такую красивую женщину, как мисс Стэплтон. Если разлука с ней неизбежна, то пусть уж разлучником буду я, их сосед. Так или иначе, это для него большой удар, и вряд ли ему удастся скоро примириться с ним. Но он не будет нам препятствовать, если я пообещаю молчать о своей любви в течение ближайших трех месяцев и довольствоваться только дружбой его сестры. Я пообещал, и на том дело и кончилось.

Как видите, одна из наших маленьких тайн разъяснилась. А нащупать ногами дно в этой трясине, где мы барахтаемся, дело нешуточное. Теперь нам известно, почему Стэплтон так неодобрительно относился к поклоннику своей сестры — к такому завидному поклоннику, как сэр Генри.

А теперь я потяну за другую ниточку, которую мне удалось высвободить из этого спутанного клубка. Перейдем к таинственным ночным рыданиям, к заплаканному лицу миссис Бэрримор и загадочным путешествиям дворецкого к окну, выходящему на болота. Поздравьте меня, дорогой Холмс, и скажите, что вы не разочаровались в своем помощнике. Доверие, которое вы мне оказали, послав меня сюда, вполне оправдано. Чтобы выяснить эту очередную загадку, понадобилась одна ночь.

Я говорю «одна ночь», но вернее будет сказать «две ночи», ибо в первую мы ничего не дознались. Мы с сэром Генри сидели в его комнате чуть ли не до трех часов утра, но так ничего и не услышали, кроме боя часов на лестнице. Это томительное бдение закончилось тем,

что и сэр Генри и ваш покорный слуга оба заснули, сидя в креслах. Впрочем, эта неудача нас не обескуражила, решено было попробовать еще раз. На следующую ночь мы прикрутили фитиль у лампы и сидели, куря папиросу за папиросой, в полном молчании. Время тянулось невероятно медленно, но нас подбадривал тот же азарт, какой бывает у охотника, терпеливо подстерегающего дичь у капкана.

Пробило час, два, и мы уже были готовы отчаяться, как вдруг усталости нашей словно не бывало — и я и сэр Генри оба невольно выпрямились. В коридоре послышался скрип половиц. Крадущиеся шаги поравнялись с нашей комнатой и мало-помалу замерли вдали. Баронет бесшумно открыл дверь. Мы отправились следом за нашей дичью. Она уже успела пройти галерею, а в коридоре была полная темнота. Соблюдая всяческую осторожность, мы дошли до дальнего крыла, и там перед нами промелькнула фигура высокого человека с черной бородой, который на цыпочках, ссутулив плечи, ступал по коридору. Вот он шмыгнул в ту же дверь, свеча на секунду осветила ее, а потом в темный коридор протянулся тоненький желтый луч. Мы двигались к этому лучу, пробуя каждую половицу, прежде чем ступить на нее. Мы были босиком, и все же старые половицы стонали и поскрипывали под тяжестью наших шагов. Мне казалось, что их нельзя не услышать, но, к счастью, Бэрримор действительно туг на ухо, да к тому же он был слишком поглощен своим делом.

Добравшись наконец до двери, мы заглянули в комнату. Дворецкий стоял со свечой у окна, почти прижавшись к стеклу лицом, то есть в той же позе, в какой я видел его две ночи назад.

У нас не было заранее разработанного плана действий, но баронет принадлежит к тому сорту людей, для которых решительные поступки кажутся самыми естественными. Он смело вошел в комнату. Бэрримор отскочил от окна, прерывисто переводя дух, и, мертвенно-бледный, дрожа всем телом, стал перед нами. В его темных глазах, горевших на белой маске лица, сквозил ужас. Он растерянно переводил их с меня на сэра Генри.

— Бэрримор, что вы здесь делаете?

— Ничего, сэр.— От волнения он едва ворочал язы-

ком; свеча дрожала в его руке, бросая на стены и на потолок неровные тени.— Окно, сэр... Я проверяю по ночам, все ли заперты.

— Даже на втором этаже?

— Да, сэр, во всем доме.

— Слушайте, Бэрримор,— строго сказал сэр Генри,— мы решили добиться от вас правды, так что чем скорее вы во всем признаетесь, тем лучше. Ну, довольно изворачиваться! Что вам здесь понадобилось?

Дворецкий бросил на нас беспомощный взгляд и в полном смятении стиснул руки:

— Я ничего плохого не делал, сэр! Я только посветил свечкой в окно.

— А зачем вы светили свечкой в окно?

— Не спрашивайте меня, сэр Генри... Не спрашивайте! Клянусь вам, сэр, это не моя тайна, я не могу ее выдать. Если б она касалась только меня, я ничего не стал бы скрывать от вас.

Вдруг меня осенила неожиданная мысль, и я взял свечу, которая стояла на подоконнике.

— Это, вероятно, условный знак. Сейчас посмотрим, будет ли на него какой-нибудь ответ.

Я поднес свечку к самому стеклу, так же, как делал Бэрримор, и вгляделся в непроглядный мрак ночи. Луна спряталась за облака, и в первую минуту мне удалось разглядеть только гряду деревьев, оттенявшую мутную ширь болот. И вдруг я торжествующе вскрикнул, увидев в черном квадрате окна крошечную желтую точку, прорезавшую ночную тьму.

— Вот, смотрите!

— Нет, нет сэр!..— забормотал дворецкий.— Уверяю вас, сэр...

— Перенесите свечу вправо, Уотсон!— крикнул баронет.— Видите? Там огонь тоже передвинулся... Ну, негодяй, вы все еще будете упорствовать? Ведь это сигнал! Признавайтесь: кто ваш сообщник? Что вы замышляете?

Дворецкий бросил на него явно вызывающий взгляд:

— Это мое дело, вас оно не касается. Я ничего не скажу.

— Тогда можете считать себя уволенным.

— Слушаю, сэр. Видно, ничего не поделаешь.

— Я выгоню вас с позором! Стыдитесь! Наши предки больше ста лет жили вместе под одной кровлей, а вы замыслили какой-то заговор против меня.

— Нет, нет, сэр! Не против вас!

Эти слова произнес женский голос, и, оглянувшись, мы увидели в дверях насмерть перепуганную миссис Бэрримор, которая своей бледностью могла поспорить с мужем. Эта грузная женщина в нижней юбке и в шали могла бы произвести весьма комическое впечатление, если б не ужас, написанный у нее на лице.

— Нас рассчитали, Элиза. Вот чем все кончилось!.. Пойди уложи вещи,— сказал Бэрримор.

— Джон, Джон! До чего же я тебя довела!.. Это все моя вина, сэр Генри. Он только ради меня на это пошел... ради одной меня!

— Так говорите же! В чем тут дело?

— Мой несчастный брат погибает от голода на болотах. Не можем же мы допустить, чтобы он умер у самых наших дверей! Джон подает ему знак, что еда приготовлена, а он показывает, куда ее принести.

— Значит, ваш брат и есть тот...

— ...беглый каторжник, сэр... убийца Селден.

— Это все правда, сэр,— подтвердил Бэрримор.— Я вам сказал, что не могу открыть чужую тайну, а теперь вы сами все услышали, и теперь вы знаете, что против вас мы ничего не замышляли.

Так вот как разъяснились эти загадочные ночные путешествия со свечой! Мы с сэром Генри в изумлении смотрели на миссис Бэрримор. Неужели эта флегматичная почтенная женщина — той же крови, что и один из самых страшных преступников, которых знает наша страна?

— Да, сэр, моя девичья фамилия Селден, он мой младший брат. Мы избаловали его с детских лет, потакали ему во всем, вот он и уверился, будто ему все дозволено, будто мир существует только для его удовольствия. Потом подрос, попал в дурную компанию, и словно бес вселился в нашего мальчика. Он разбил материнское сердце и смешал наше имя с грязью. А чем дальше, тем хуже и хуже — от одного преступления к другому. Что его спасло от виселицы? Только милость божия. Но для меня, сэр, он остается все тем же маленьким

кудрявым мальчуганом, с которым я играла, которого нянчила как старшая сестра. Поэтому он и убежал из тюрьмы — знал, что я здесь и что мы не откажемся помочь ему. Когда он приплелся сюда ночью, усталый, голодный, а погоня — по пятам, что нам оставалось делать? Мы впустили его, накормили, помогли всем, чем можно. Потом приехали вы, сэр, и он решил, что лучше переждать на болотах, пока суматоха не уляжется, и с тех пор скрывается там. А мы проверяем через ночь, не ушел ли, светим ему в окно, и, если он отвечает, мой муж носит на условленное место хлеб и мясо. Каждый день надеемся — может, ушел, но пока он здесь, мы его не бросим. Я женщина верующая и лгать вам не стану. Если тут есть что дурное, так муж ни в чем не виноват: он пошел на это только ради меня.

Она говорила с таким чувством, что ей нельзя было не поверить.

— Это правда, Бэрримор?

— Да, сэр Генри. Все до последнего слова правда.

— Ну что ж, я не стану вас осуждать за преданность жене. Забудьте то, что я вам говорил. Идите оба к себе, а утром мы обсудим все как следует.

Когда они ушли, мы снова посмотрели в окно. Сэр Генри открыл его настежь, и в лицо нам пахнуло холодным ночным ветром. Далеко в непроглядной тьме все еще мерцал крошечный желтый огонек.

— Удивляюсь, как он не боится!— сказал сэр Генри.

— Огонь, вероятно, только отсюда и видно.

— Может быть. Как по-вашему, где это?

— Где-нибудь около гранитных столбов.

— Мили две, не больше?

— И того не будет.

— Да, если Бэрримор носил туда еду, значит, недалеко. И он ждет сейчас, что к нему придут на его огонек. Нет, Уотсон, я пойду и поймаю этого изверга!

Та же самая мысль мелькнула и у меня. Ведь Бэрриморы не сделали нас соучастниками — мы заставили их выдать свою тайну. Этот человек опасен для общества. Такого, как он, нельзя ни жалеть, ни оправдывать. Мы должны воспользоваться представившейся нам возможностью, чтобы вернуть его туда, где он уже никому не повредит. В противном случае, за нашу оплошность

поплатятся другие — например, Стэплтоны, на которых он может напасть в любую ночь. Я думаю, что именно эта мысль подбивала сэра Генри на такой смелый поступок.

— Я пойду с вами.

— Тогда возьмите револьвер и наденьте башмаки. Надо торопиться, не то он потушит огонь и скроется.

Не прошло и пяти минут, как мы уже быстро шли по темной аллее, прислушиваясь к монотонному вою осеннего ветра и шороху осыпающихся листьев. В воздухе стоял пряный запах гнили и сырости. Луна лишь изредка показывалась из-за туч, тянувшихся по небу, а как только мы вышли на болото, заморосил мелкий дождь. Желтый огонек по-прежнему мерцал впереди.

— А вы что-нибудь прихватили с собой?— спросил я.

— Да, хлыст.

— Давайте действовать быстро, чтобы не дать ему опомниться и оказать сопротивление,— ведь он, говорят, отчаянный. Захватим его врасплох.

— Слушайте, Уотсон!— вдруг заговорил баронет.— А что бы сказал об этом Холмс? Помните? «Ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно...»

И, словно в ответ на его слова, где-то вдали, на мрачных просторах болот, возник тот странный звук, который так поразил меня несколько дней назад около Гримпенской трясины. Ветер донес до нас сначала глухое ворчание, а потом рев, мало-помалому перешедший в тоскливый вой. Эти дикие, грозные звуки повторялись в той же последовательности раз за разом, наполняя собой воздух. Баронет схватил меня за рукав, и я даже в темноте разглядел, какой мертвенной бледностью покрылось его лицо.

— Боже мой, Уотсон, что это?

— Не знаю. Говорят, что такие звуки — не редкость на болотах. Я уже слышал их.

Вой снова замер, наступила полная тишина. Мы стояли, напряженно прислушиваясь, но больше ничто не нарушало окружающего нас безмолвия.

— Уотсон,— сказал баронет,— это выла собака.

Кровь похолодела у меня в жилах, ибо голос сэра Генри дрогнул от ужаса.

— Как они объясняют этот звук?— спросил он.

— Кто?

— Здешние жители.

— Но ведь это совершенно невежественные люди! Не все ли вам равно, как они его объясняют?

— Уотсон, скажите мне, что они говорят об этом?

Минуту я колебался, но вопрос был поставлен так, что отмолчаться мне не удалось.

— Они говорят, что это воет собака Баскервилей.

Сэр Генри застонал.

— Да, так может выть только собака,— сказал он после долгого молчания,— но она где-то далеко, в той стороне.

— Я не могу определить, откуда шел этот вой.

— Его принесло ветром. А где Гримпенская трясина? Вон там?

— Да.

— Так оттуда он и шел. Бросьте, Уотсон! Вы же сами думаете, что это выла собака. Я не ребенок. Не бойтесь сказать мне правду.

— В тот раз со мной был Стэплтон. Он говорит, что так кричат какие-то птицы.

— Нет, это собака. Боже мой! Неужели во всех этих небылицах есть хоть доля правды? Неужели мне угрожает какая-то неведомая опасность? Вы не верите в это, Уотсон?

— Нет, нет!

— А все-таки одно дело — смеяться над такими глупостями в Лондоне и совсем другое — слышать этот вой, стоя в темноте на болотах. А мой дядя? Ведь около его тела нашли собачьи следы. Все одно к одному. Я далеко не трус, Уотсон, но у меня кровь стынет в жилах от этих звуков. Потрогайте мою руку.

Она была холодна, как мрамор.

— Ничего, завтра все пройдет.

— Нет, этого воя мне никогда не забыть. Что же нам теперь делать?

— Повернем домой?

— Ни за что! Ловить этого негодяя так ловить. Мы с вами охотимся за каторжником, а чудовищная собака, наверно, охотится за нами. Пойдемте, Уотсон! Пусть все исчадия ада ринутся сюда на болота, все равно отступать нельзя.

Спотыкаясь на каждом шагу, мы медленно двинулись дальше. И справа и слева от нас громоздились неясные в темноте очертания скалистых холмов. Впереди по-прежнему маячил маленький желтый огонек. Нет ничего обманчивее расстояния в кромешной тьме. Огонек мерцал то у самого горизонта, то всего в нескольких шагах от нас. Но наконец мы разглядели источник света и поняли, что теперь до него недалеко. Это была оплывшая свечка, вставленная в расселину между камнями, которые защищали ее от ветра и от посторонних глаз, оставляя открытой только с той стороны, где был Баскервиль-холл. Наше приближение скрывал большой гранитный валун. Мы притаились за ним и осторожно выглянули наружу. Странно было видеть эту одинокую свечу среди болот! Желтый язычок пламени, отсвечивающий на камнях,— и ни признака жизни вокруг.

— Что же теперь делать?— прошептал сэр Генри.

— Подождем здесь. Он, вероятно, где-нибудь поблизости. Может быть, сейчас покажется.

Я не успел договорить, как мы увидели его. В расселине, где горела свеча, появилось страшное, изборожденное следами пагубных страстей лицо, в котором не было ничего человеческого. Такое лицо, облепленное грязью, заросшее щетиной, все в космах спутанных волос, вполне могло бы быть у одного из тех дикарей, которые жили когда-то на склонах этих холмов. Огонек свечи отражался в хитрых маленьких глазках, злобно бегавших по сторонам, точно глаза зверя, заслышавшего в темноте шаги охотников. Что-то, вероятно, возбудило его подозрение. То ли у них с Бэрримором был какой-то неизвестный нам условный знак, то ли он почувствовал, что дело неладно, но я сразу подметил следы страха на его отвратительной физиономии. Он мог каждую секунду погасить свечу и скрыться в темноте. Я выбежал вперед, сэр Генри за мной. Каторжник с воплем швырнул в нас камнем, который разлетелся на куски, ударившись рядом о валун. Я успел только разглядеть, что он приземистый, широкоплечий. К счастью, в эту минуту из-за туч показалась луна. Мы кинулись вверх по холму, а каторжник мчался по другому его склону, с ловкостью горного козла прыгая по камням. Удачный выстрел мог бы ранить его, но я захватил с собой револьвер только для защиты, а не для того, чтобы стрелять в спину невооруженному человеку.

И я и сэр Генри были неплохие бегуны, однако мы вскоре поняли, что нам не догнать его. Он долго виднелся впереди, освещенный ярким лунным светом, и наконец почти исчез, превратившись в маленькую точку, быстро движущуюся по склону отдаленного холма. Расстояние между нами все увеличивалось. Наконец мы окончательно выбились из сил, сели на камни и стали смотреть вслед его удаляющейся фигуре.

И вот тут-то произошло нечто странное и совершенно неожиданное. Мы уже поднялись, решив оставить бесполезную погоню. Луна была справа от нас; неровная вершина гранитного столба четко вырисовывалась на фоне ее серебряного диска. И на этом столбе я увидел человеческую фигуру, стоявшую неподвижно, словно статуя из черного дерева. Не думайте, Холмс, что это была галлюцинация. Я, как никогда, мог положиться на свое зрение! Насколько мне удалось разглядеть, это был высокий, худой человек. Он стоял, чуть расставив ноги, скрестив руки на груди, опустив голову, и словно в раздумье смотрел на царство торфа и гранита, которое лежало перед ним. Вот таким и представляется мне дух здешних болот! Это был не каторжник. Он стоял далеко от места, где тот скрылся, да и ростом он был выше. Вскрикнув от неожиданности, я повернулся к баронету и схватил его за руку. Секунды, которая понадобилась мне на это, было достаточно — человек исчез. Острая вершина гранитного столба по-прежнему врезалась в лунный диск, но неподвижной, безмолвной фигуры на ней уже не было.

Я сразу же решил, что надо пойти туда и осмотреть этот столб, но он стоял довольно далеко от нас, а баронету было не до приключений — он все еще не мог успокоиться после страшного воя, напомнившего ему о мрачном семейном предании. К тому же сам он ничего не видел, и, следовательно, его не могло взволновать это странное зрелище.

— Наверно, часовой. Со времени побега болота так и кишат ими,— сказал он.

Возможно, что сэр Генри был прав, но мне так хотелось окончательно убедиться в этом! Сегодня мы дадим

знать принстаунским властям, где скрывается беглый каторжник. Но все-таки жалко, что нам не удалось поймать его самим и с торжеством водворить обратно в тюрьму!

Таковы события последний ночи, и вы, дорогой Холмс, должны признать, что вам представлен полный отчет о них. Бóльшая часть моих рассказов, конечно, не имеет никакого отношения к нашему делу, но я считаю нужным сообщать в своих письмах все факты — выбирайте из них те, которые сослужат вам службу. Кое-какие успехи у нас все же есть. Мы узнали теперь всю подоплеку поведения Бэрриморов, а это значительно прояснило обстановку. Но тайна торфяных болот, тайна их странных обитателей остается по-прежнему неразгаданной. Может быть, в следующем письме мне удастся немного приоткрыть над ней завесу. А лучше всего было бы, если б вы приехали сюда сами.

Глава X

Отрывки из дневника доктора Уотсона

До сих пор я вполне обходился в своем повествовании отчетами, которые Шерлок Холмс получал от меня в первые дни после моего приезда в Баскервиль-холл. Теперь же мы подошли к такому моменту, когда я вынужден оставить этот способ и снова положиться на свою память, подкрепив ее выписками из собственного дневника. Эти два отрывка подведут нас вплотную к тем событиям, которые навеки запечатлелись у меня в мозгу.

Я остановился на описании нашей неудачной погони за каторжником и на том, что за ней последовало. Продолжаю свой рассказ на другое утро.

16 октября. Туманный серый день, моросит дождь.

Над Баскервиль-холлом низко нависли тучи; время от времени гряда их редеет, и тогда сквозь просветы вдали виднеются мрачные просторы торфяных болот, на которых поблескивают серебром склоны холмов и мокрые валуны. И дóма и под открытым небом — всюду одинаково тоскливо. После пережитого ночью баронет находится в мрачном настроении. Я сам ощущаю какую-то тяжесть на сердце, и меня гнетет предчувствие неминуемой беды — предчувствие тем более страшное, что объяснить его я не в силах.

А разве оснований для беспокойства нет? Стоит только вспомнить цепь событий, которые все указывают на присутствие каких-то темных сил, действующих здесь. Смерть последнего хозяина Баскервиль-холла, в точности совпадающая с семейным преданием, толки среди фермеров о странном существе, которое то и дело появляется на болотах. Да я собственными ушами дважды слышал звуки, похожие на отдаленный собачий лай. Нельзя же в самом деле поверить, что все это — вне законов природы! Призрачная собака, которая оставляет следы на земле и громко воет? Нет, это невыносимо! Стэплтон, а за ним и Мортимер могли поддаться общему настроению, но если у меня есть какое-нибудь достоинство, так это здравый смысл, и я никогда не стану предаваться суеверию. Для этого надо опуститься на уровень развития здешних фермеров, которые, не довольствуясь рассказами о какой-то свирепой собаке, наделяют ее пламенем, пышущим из глаз и пасти. Холмс не стал бы даже слушать подобные бредни, а я представляю здесь его персону. Однако факты остаются фактами: мне пришлось дважды слышать этот вой. А что, если по болотам действительно бегает какая-то огромная собака? Ведь тогда все станет понятным! Но где она прячется, что она ест, откуда она взялась, почему никто не видел ее днем? Надо сознаться, что, давая всему этому правдоподобное объяснение, мы наталкиваемся на не меньшие трудности. Но даже если оставить собаку в стороне — как объяснить то, что было в Лондоне? Неизвестный в кэбе, письмо, автор которого заклинал сэра Генри не выходить на торфяные болота? Уж в этом-то нет ничего сверхъестественного, хотя и то и другое можно в одинаковой степени приписать и дру-

жеским и враждебным силам. Но где он сейчас, этот друг или враг? Остался ли в Лондоне или последовал за нами сюда? Неужели... Неужели его-то я и видел на вершине гранитного столба?

Правда, он всего лишь мелькнул у меня перед глазами, но кое-что я все же приметил и готов подтвердить это под присягой. Он не из здешних жителей — теперь я знаю всех соседей сэра Генри. Он выше Стэплтона и гораздо худее Френкленда. Его можно было бы принять за Бэрримора, но Бэрримор оставался дома, и я уверен, что ему не удалось бы прокрасться за нами незамеченным. Следовательно, здесь, так же как и в Лондоне, нас выслеживает какой-то неизвестный. Мы до сих пор не можем отделаться от него. Если б мне удалось поймать этого человека, тогда все наши недоумения сразу бы разъяснились. Вот моя цель, и я приложу все свои силы, чтобы достигнуть ее.

Первым моим побуждением было поделиться своими планами с сэром Генри. Но, поразмыслив, я решил вести игру самостоятельно и поменьше говорить об этом. Баронет молчалив и погружен в свои мысли. Вой, который мы слышали на болотах, очень на него подействовал. Я решил не усугублять его беспокойства, но оружия не сложу и буду действовать на свой страх и риск.

Сегодня после завтрака у нас разыгралась небольшая сцена. Бэрримор попросил у сэра Генри разрешения поговорить с ним, и они ушли в кабинет. Сидя в бильярдной, я слышал их повышенные голоса и прекрасно догадывался, о чем там идет речь. Вскоре дверь кабинета раскрылась, и баронет позвал меня.

— Бэрримор в обиде на нас,— сказал сэр Генри.— С нашей стороны, видите ли, было нечестно преследовать его шурина, тайну которого он выдал нам по собственной воле.

Дворецкий стоял бледный, но держал себя в руках.

— Я, может быть, погорячился, сэр, но в таком случае прошу прощения. Но все же меня очень удивило, когда я услышал ваши шаги на рассвете и узнал, что вы хотели поймать Селдена. Незачем мне наводить людей на его след — ему, несчастному, и без того плохо.

— Если б вы действительно выдали Селдена по собственной воле, это было бы совсем другое дело,— сказал баронет.— Но ведь вы, вернее, ваша жена признались во всем только под нашим нажимом. Вам ничего другого не оставалось.

— Я не думал, что вы воспользуетесь моим признанием, сэр Генри. Никак не думал.

— Селден опасен для общества. Ведь он ни перед чем не остановится, по его физиономии видно! Вспомните, как редко здесь встречается жилье. Взять хотя бы мистера Стэплтона — в случае нападения ему надеяться не на что, разве только на собственные силы. Нет, пока этого человека не посадят под замок, мы не можем чувствовать себя в безопасности!

— Селден никого не тронет, сэр, клянусь вам! Для здешних жителей он теперь не страшен. Поверьте мне, сэр Генри, через несколько дней все будет улажено и он уедет в Южную Америку. Умоляю вас, не сообщайте полиции, что Селден все еще здесь, на болотах. Его уже перестали искать, и он может спокойно дождаться парохода. Если вы донесете на него, нам с женой несдобровать. Прошу вас, сэр, не обращайтесь в полицию!

— Уотсон, что вы на это скажете?

Я пожал плечами:

— Если этот человек уберется из Англии, налогоплательщики вздохнут свободнее.

— А вдруг он натворит каких-нибудь бед до отъезда?

— Нет, сэр! Ведь не безумный же он! Мы дали ему все, что нужно. А новое преступление выдаст его с головой.

— Это верно,— сказал сэр Генри.— Хорошо, Бэррримор...

— Да благословит вас бог, сэр! Как я вам благодарен! Если Селдена поймают, моя жена не перенесет такого горя.

— Выходит, Уотсон, мы с вами укрываем уголовного преступника. Но у меня, кажется, не хватит теперь духу выдать его. Хорошо, покончим на этом. Вы можете идти, Бэрримор.

Пробормотав дрогнувшим голосом несколько слов благодарности, дворецкий пошел к дверям, но на пороге вдруг остановился.

— Вы так хорошо со мной обошлись, сэр, что мне хочется как-то отблагодарить вас,— нерешительно на-

чал он.— Я кое-что знаю, сэр Генри... может быть, напрасно я так долго молчал, но это выяснилось, когда следствие было уже закончено. Я еще ни с кем не говорил об этом... Речь идет о смерти сэра Чарльза.

Мы с баронетом так и подскочили на месте.

— Вам известны обстоятельства его смерти?

— Нет, сэр.

— Тогда что же?

— Я знаю, почему он стоял у калитки в такой поздний час. У него было свидание с женщиной.

— Свидание с женщиной! У сэра Чарльза!

— Да, сэр.

— Кто она такая?

— Имени ее я вам не скажу, сэр. Я знаю только первые буквы: «Л.Л.».

— Откуда вам это известно, Бэрримор?

— Сэр Генри, в то утро ваш дядюшка получил письмо. На его имя обычно приходило очень много писем, ведь он был человек известный и славился своей добротой. К нему каждый обращался со своим горем. Но в то утро пришло только одно письмо, почему я его и запомнил. Почерк на конверте был женский, и на штемпеле стояло: «Кумби-Треси».

— Дальше?

— Я бы не вспомнил больше об этом письме, если б не жена. Несколько недель тому назад она принялась за уборку в кабинете сэра Чарльза — в первый раз после его смерти — и нашла в глубине камина листок бумаги. Бóльшая часть его превратилась в пепел, но один маленький кусочек — самый конец — уцелел, и слова еще можно было разобрать, хотя чернила посерели от огня, а бумага обуглилась. Это была, наверно, только приписка, и мы прочли вот что: «Умоляю вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера». Внизу стояли две буквы: «Л.Л.».

— Вы сохранили этот обрывок?

— Нет, сэр. Он рассыпался у меня в руках.

— А до этого сэр Чарльз получал письма, написанные тем же почерком?

— Не знаю, сэр, не обращал внимания. Да и это письмо запомнилось мне только потому, что оно было единственное в тот день.

— И вы не знаете, кто такая «Л.Л.»?

— Нет, сэр, понятия не имею. Но я думаю, что если б нам удалось разыскать эту леди, мы бы узнали кое-какие подробности о смерти сэра Чарльза.

— Я просто не понимаю вас, Бэрримор! Как можно было скрывать до сих пор такие важные сведения?

— Видите ли, сэр, сразу же вслед за этим на нас самих свалилась беда. Кроме того, мы с женой очень любили сэра Чарльза и не забывали его благодеяний. Зачем, думаем, ворошить старое? Нашему несчастному хозяину это уже не поможет, а когда в дело замешана женщина, тут надо действовать осторожно. Ведь даже самые достойные люди...

— По-вашему, это может оскорбить его память?

— Да, сэр, я решил, что ничего хорошего из этого не получится. Но вы были так добры к нам... Мне не захотелось скрывать от вас то, что знаю.

— Хорошо, Бэрримор, можете идти.

Когда дворецкий вышел, сэр Генри повернулся ко мне:

— Ну, Уотсон, что вы скажете об этом новом луче света?

— По-моему, он еще больше сгустил темноту.

— Да, верно. Но если б нам удалось выследить эту «Л.Л.», тогда все бы прояснилось. Мы теперь знаем, что есть женщина, которой многое известно, а это уже серьезное достижение! Надо только найти ее. Что ж нам теперь делать?

— Немедленно сообщить обо всем Холмсу. Может быть, это наведет его на нужный след. Я почти уверен, что он сейчас же приедет сюда.

Я ушел к себе и написал Холмсу подробный отчет о событиях сегодняшнего утра. Мой друг, по-видимому, очень занят последнее время, так как письма с Бейкер-стрит становятся все реже и все короче. В них ни словом не упоминается о моих отчетах, а о цели моей поездки сюда — лишь вскользь. Дело о шантаже, вероятно, поглощает все силы Холмса. Но последние события, безусловно, привлекут его внимание и снова пробудят в нем интерес к нашему расследованию. Как бы мне хотелось, чтобы он был здесь!

17 октября. Сегодня весь день льет дождь; тяже-

лые капли шуршат в густом плюще, падают с карнизов. Я вспомнил каторжника, скрывающегося в глубине мрачных, открытых небу торфяных болот. Бедняга! Каковы бы ни были совершенные им преступления, теперешние его муки в какой-то мере искупают их. А потом вспомнился мне и тот, другой человек... Лицо, мелькнувшее в окне кэба, темная фигура, словно вырезанная на лунном диске. Неужели этот неуловимый соглядатай, этот пособник тьмы тоже бродит сейчас, под таким ливнем?

Вечером я надел непромокаемый плащ и отправился в глубь болот, рисуя в своем воображении страшные картины. Дождь хлестал мне в лицо, в ушах свистел ветер. Да хранит господь тех, кто блуждает сейчас около Гримпенской трясины! В такую погоду даже взгорья превращаются здесь в сплошную топь. Я отыскал гранитный столб, на котором стоял тот одинокий созерцатель, и с его неровной, уступчатой вершины оглядел расстилавшиеся внизу унылые болота. Дождевые потоки заливали эти бурые низины, тяжелые, свинцово-серые тучи низко стлались над землей, а сквозь их обрывки проступали причудливые очертания холмов. Вдали, по левую руку от меня, над деревьями ложбины поднимались чуть видные в тумане узкие башни Баскервиль-холла. Только они одни и говорили о присутствии человека в этих местах, если не считать доисторических пещер, ютившихся на склонах холмов. И нигде ни малейшего следа того незнакомца, одинокую фигуру которого я видел на этой самой вершине две ночи назад!

На обратном пути меня догнал доктор Мортимер, ехавший в своей тележке со стороны Гнилой топи. Все это время доктор был к нам очень внимателен, и не проходило почти ни одного дня, чтобы он не заглянул в Баскервиль-холл справиться, как мы поживаем. Доктор усадил меня к себе в тележку и предложил подвезти домой. Он очень огорчен пропажей своего спаниеля. Собака убежала на болота и не вернулась. Я утешал доктора как мог, а сам, вспоминая пони, увязшего в Гримпенской трясине, думал, что Мортимеру вряд ли придется увидеть когда-нибудь свою собачонку.

— Кстати, доктор,— сказал я, трясясь вместе с ним по рытвинам дороги,— вы, вероятно, знаете здесь всех, кто находится в радиусе ваших разъездов?

— Думаю, что всех.

— Тогда вы, может быть, скажете мне полное имя и фамилию женщины, инициалы которой «Л.Л.»?

Мортимер задумался, потом ответил:

— Нет. Правда, за цыган и работников на фермах я не могу ручаться, но среди самих фермеров и джентри [1] такие инициалы как будто ни к кому не подходят. Хотя постойте,— добавил он после паузы,— есть некая Лаура Лайонс — вот вам «Л.Л.». Но она живет в Кумби-Треси.

— Кто она такая?— спросил я.

— Дочь Френкленда.

— Как! Дочь этого старого чудака?

— Совершенно верно. Она вышла замуж за художника по фамилии Лайонс, который приезжал сюда на этюды. Он оказался негодяем и бросил ее. Впрочем, насколько я слышал, нельзя сваливать всю вину на одну сторону. Отец отрекся от нее, потому что она вышла замуж без его согласия, а может быть, и не только поэтому. Одним словом, два греховодника — и старый и молодой — допекали несчастную женщину как могли.

— Чем же она живет?

— Старик Френкленд, вероятно, дает ей кое-что, разумеется не много, так как его собственные дела находятся в плачевном состоянии. Но каковы бы ни были ее прегрешения, нельзя же было позволять ей скатываться все ниже и ниже. Эта история стала известна здесь, и соседи — а именно Стэплтон и сэр Чарльз — помогли ей, дали возможность честно зарабатывать на жизнь. Я тоже кое-что пожертвовал. Мы хотели, чтобы она выучилась печатать на машинке.

Мортимер спросил, почему меня это интересует, и я кое-как удовлетворил его любопытство, стараясь не вдаваться в подробности, ибо нам совершенно незачем посвящать в свои дела лишних людей.

Завтра утром я съезжу в Кумби-Треси, и если мне удастся повидать эту даму с весьма сомнительной репутацией, миссис Лауру Лайонс, мы сделаем большой шаг вперед к тому, чтобы одной загадкой стало у нас меньше

---

[1] Джентри — мелкопоместные дворяне в Англии.

Между прочим, ваш покорный слуга мало-помалу превращается в мудрого змия: когда Мортимер зашел уж слишком далеко в своих расспросах, я осведомился, к какому типу принадлежит череп Френкленда, и спас положение — вся остальная часть пути была посвящена лекции по краниологии [1]. Годы, проведенные в обществе Шерлока Холмса, не прошли для меня даром.

Чтобы покончить с описанием этого унылого, дождливого дня, упомяну еще об одном разговоре, на сей раз с Бэрримором. Этот разговор дал мне козырь в руки, с которого я и пойду в нужную минуту.

Мортимер остался у нас, и после обеда они с баронетом затеяли партию в экартэ [2]. Дворецкий подал мне кофе в кабинет, и я воспользовался этим, чтобы задать ему несколько вопросов.

— Ну, Бэрримор, что поделывает ваш милый родственник? Уехал или все еще прячется на болотах?

— Не знаю, сэр. Хоть бы поскорее уехал! Ведь сколько мы с ним хватили горя! Я ничего о нем не знаю с тех пор, как отнес ему в последний раз еду, а это было третьего дня.

— А тогда вы его видели?

— Нет, сэр, но я потом проверил — еды на месте не оказалось.

— Раз еды не было, значит, он все еще там.

— Да как будто так, сэр, если только ее не взял тот, другой человек.

Моя рука с чашкой замерла на полдороге, и я во все глаза уставился на Бэрримора:

— Так вы знаете, что там есть кто-то другой?

— Да, сэр, на болотах прячется еще один человек.

— Вы его видели?

— Нет, сэр.

— Откуда же вы о нем знаете?

— Мне говорил про него Селден недели полторы назад. Этот человек тоже скрывается, но, по-моему, он не из каторжников... Не нравится мне это, доктор

[1] Краниология — наука, изучающая черепа людей и животных.

[2] Экартэ — карточная игра.

Уотсон, совсем не нравится! — с неожиданной силой вырвалось вдруг у Бэрримора.

— Слушайте, друг мой! Я здесь действую исключительно в интересах вашего хозяина. Я только затем и приехал, чтобы помочь ему. Скажите мне прямо: что, собственно, вам не нравится?

Минуту Бэрримор колебался, точно сожалея о своей вспышке или же не находя подходящих слов для выражения обуревающих его чувств.

— Да все, что там делается, сэр!— воскликнул он наконец, показав на залитое дождевыми потоками окно, которое выходит на болота.— Не к добру это. Там замышляют черное дело, поверьте моему слову! Мне теперь хочется только одного: чтобы сэр Генри поскорее уехал отсюда в Лондон.

— Да что вас так напугало?

— А вы вспомните смерть сэра Чарльза! Мало ли что там следователь наговорил! Прислушайтесь ночью, что делается на болотах. Ведь люди ни за какие деньги не согласятся выйти туда после захода солнца... А этот человек, который там прячется и кого-то выслеживает,— кого он выслеживает? Что все это значит? Нет, для тех, кто носит имя Баскервилей, это добром не кончится, и я не дождусь того дня, когда новые слуги сэра Генри заступят мое место и мне можно будет уехать отсюда!

— Расскажите мне про этого человека,— сказал я.— Что вы о нем знаете? Что говорил Селден? Ему известно, где тот прячется и зачем?

— Селден видел его раза два, но он осторожный, хитрый. Сначала Селден принял его за полицейского, а потом убедился, что тут нечто совсем другое. По виду он джентльмен, но что ему там нужно, никак не поймешь.

— А где он прячется?

— Селден говорит, что в старых пещерах на склонах холма — знаете, там есть каменные пещеры, где в древности жили люди.

— А чем он питается?

— Селден подглядел, что к нему ходит какой-то мальчишка. Он, наверно, носит ему еду и все прочее из Кумби-Треси.

— Хорошо, Бэрримор. Мы еще с вами поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

Когда дворецкий вышел, я остановился у окна и посмотрел сквозь мутное стекло на бегущие по небу облака и на деревья, которые трепал ветер. Если в такую погоду неуютно даже в доме, то каково же в каменной пещере на болотах! Какой ненавистью надо пылать, чтобы устроить засаду в таком месте и в такое время! И что побудило этого человека пойти на столь тяжкое испытание?

В одной из этих пещер таится самая суть той задачи, которая так мучит меня. Клянусь, не пройдет и дня, как я сделаю все, что в человеческих силах, и доберусь до разгадки этой тайны!

Глава XI

Человек на гранитном столбе

Отрывки из моего дневника, составившие последнюю главу, подвели нас вплотную к 18 октября, то есть к тому числу, начиная с которого все эти невероятные события быстро двинулись к своей страшной развязке. Происшествия последних дней настолько врезались мне в память, что я могу рассказывать о них, не прибегая к своим записям.

Итак, начнем с того дня, в канун которого я выяснил два обстоятельства первостепенной важности. Первое: что миссис Лаура Лайонс из Кумби-Треси писала сэру Чарльзу Баскервилю и назначила ему свидание в том самом месте, где он встретил свою смерть (причем в тот же условленный час), и второе: что человека, скрывающегося на болотах, следует искать в каменных пещерах на склоне холма. Я чувствовал, что теперь только недостаток мужества и сообразительности может помешать мне разгадать эти две загадки.

В тот вечер мне не удалось рассказать баронету о миссис Лайонс, так как доктор Мортимер допоздна засиделся с ним за картами. Но на другой день во время завтрака я поделился с ним своим открытием и предложил съездить со мной в Кумби-Треси. Сначала он охотно согласился на это, но, поразмыслив, мы решили, что лучше мне поехать одному. Чем официальнее будет обставлен этот визит, тем меньших результатов мы добьемся. И я не без угрызений совести оставил сэра Генри дома, а сам отправился на эти новые розыски.

Подъехав к Кумби-Треси, я велел Перкинсу придержать лошадей и навел справки о леди, которую мне предстояло допросить. Отыскать ее дом оказалось нетрудно — он стоял в самом центре деревни. Служанка, открывшая дверь, без дальнейших церемоний ввела меня в гостиную, где за пишущей машинкой сидела женщина. Она с приятной улыбкой поднялась мне навстречу, но, увидев перед собой незнакомца, нахмурилась, снова села к столу и осведомилась о цели моего посещения.

С первого взгляда миссис Лайонс поразила меня своей красотой. Светло-карие глаза, каштановые волосы, нежный румянец на щеках, правда усыпанных веснушками,— румянец того восхитительного оттенка, что таится в самом сердце белой розы. Повторяю, первое впечатление было очень сильное. Однако, присмотревшись, я настроился на критический лад. В этом лице было что-то неприятное, грубое — его совершенную красоту портили то ли безвольные складки у рта, то ли жесткость взгляда. Но все эти мысли пришли мне в голову задним числом. В первую же минуту я просто почувствовал, что передо мной сидит очень красивая женщина и эта женщина спрашивает меня, зачем я пришел. И мне только тогда стало ясно, насколько щекотлива цель моего визита.

— Я имею удовольствие знать вашего батюшку,— сказал я.

Начало было довольно неудачное, и леди сразу же дала мне понять это.

— У меня нет ничего общего с моим отцом,— сказала она.— Я ничем ему не обязана и не могу считать его друзей своими друзьями. Он не обременяет себя отцов-

скими заботами. Если б не покойный сэр Чарльз Баскервиль и некоторые другие сердобольные люди, мне пришлось бы голодать.

— А я как раз хочу поговорить с вами о покойном сэре Чарльзе Баскервиле.

Веснушки ярко выступили на ее побледневшем лице.

— Что именно вас интересует?— спросила она, и ее пальцы нервно потрогали клавиши машинки.

— Вы были знакомы с ним?

— Я же говорю, что я многим ему обязана. Если мне удалось стать на ноги, то это объясняется главным образом тем участием, которое он проявлял к моей судьбе.

— Вы с ним переписывались?

Леди метнула на меня быстрый взгляд, и в ее светло-карих глазах вспыхнул злой огонек.

— Объясните мне цель этих расспросов,— резко сказал она.

— Цель их может быть только одна: избежать неприятной для вас огласки. Давайте поговорим здесь, иначе это уже будет не в нашей власти, а тогда выйдет хуже.

Она побледнела еще больше и долго молчала. Потом вдруг посмотрела на меня и сказала дерзким, вызывающим тоном:

— Хорошо, я согласна. Что вы хотите знать?

— Вы переписывались с сэром Чарльзом?

— Да, я писала ему раза два, благодарила за его великодушие и деликатность.

— Даты этих писем вы помните?

— Нет.

— А вы встречались с ним лично?

— Считанное число раз, во время его приездов в Кумби-Треси. Сэр Чарльз был очень скромный человек, он не любил выставлять напоказ свои добрые дела.

— Вы редко с ним переписывались, редко встречались, тем не менее он был настолько посвящен в ваши дела, что даже оказывал вам помощь! Как же это так?

Она ответила на мой каверзный вопрос не задумываясь:

— Мне помогали общими силами и другие джентльмены, которые знали мою печальную историю. Один

из них был мистер Стэплтон, сосед и близкий друг сэра Чарльза. Он проявил ко мне исключительную доброту, и сэр Чарльз через него познакомился со мной.

Я уже знал, что сэр Чарльз Баскервиль не раз поручал Стэплтону вести свои благотворительные дела, и поэтому счел такое объяснение вполне правдоподобным.

— Теперь скажите: в своих письмах к сэру Чарльзу вы не настаивали на личном свидании?

Она гневно вспыхнула:

— Я считаю такой вопрос неуместным, сэр!

— Простите, сударыня, но я вынужден повторить его.

— Хорошо, я отвечу: конечно, нет!

— Даже в день смерти сэра Чарльза?

Румянец в мгновение ока схлынул с ее щек; лицо, смотревшее на меня, покрылось мертвенной бледностью. Пересохшие губы дрогнули, и я скорее увидел, чем услышал еще одно «нет».

— Вам явно изменяет память. Я могу даже процитировать одну фразу из вашего письма. Там было сказано: «Умоляю вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера».

Мне показалось, что еще секунда — и миссис Лайонс потеряет сознание, но она поборола себя огромным усилием воли.

— Значит, нет на свете порядочных джентльменов? — вырвалось у нее.

— Вы несправедливы к сэру Чарльзу: он исполнил вашу просьбу. Но иной раз можно прочесть даже сожженное письмо. Теперь вы признаётесь, что писали ему в тот день?

— Да, писала. Я не стану отказываться!— воскликнула она, вкладывая всю душу в свои слова.— Мне нечего стыдиться этого письма. Я просила его о помощи. Я была уверена, что если мне удастся поговорить с ним, он не откажется поддержать меня.

— Но почему вы назначили такой час для встречи?

— Я узнала, что он уезжает на другой день в Лондон, возможно на несколько месяцев. А раньше я не могла прийти, на это у меня были свои причины.

— Зачем же вы назначили свидание в парке? Разве нельзя было устроить его в доме?

— По-вашему, женщина может явиться одна в такой поздний час в дом холостяка?

— Хорошо. Что же было, когда вы пришли на свидание?

— Я никуда не ходила.

— Миссис Лайонс!

— Клянусь вам всем, что для меня свято, я не ходила туда! Мне помешали.

— Что же вам помешало?

— Это мое личное дело, я не могу говорить о нем.

— Следовательно, вы назначили свидание сэру Чарльзу в том самом месте, где его постигла смерть, и даже в тот же самый час, но сами туда не пошли?

— Это святая правда.

Все мои дальнейшие ухищрения ни к чему не привели, она продолжала стоять на своем.

— Миссис Лайонс,— сказал я, заканчивая этот длинный и безрезультатный допрос,— вы не хотите говорить начистоту и тем самым берете на себя большую ответственность. Ваше положение весьма щекотливое. Если я обращусь к помощи полиции, вы убедитесь, насколько все это скомпрометирует вас. Допустим, что вы ни в чем не виноваты, но тогда зачем вам понадобилось с первых же слов отказываться от своего письма, которое было послано сэру Чарльзу в день его смерти?

— Я боялась, что из этого будут сделаны ложные выводы и меня вовлекут в неприятную историю.

— А почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

— Если вы читали его, вам это должно быть ясно самому.

— Я не говорил, что читал все письмо.

— Вы привели на память целую фразу.

— Только постскриптум. Я уже сказал вам, что письмо было сожжено, мне не удалось прочитать его целиком. Повторяю свой вопрос еще раз: почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

— Это касается только меня.

— Тогда вы тем более должны остерегаться публичного расследования.

— Хорошо, я расскажу вам все. Если слухи о моей

горькой судьбе дошли и до вас, то вы должны знать, что я вышла замуж опрометчиво и имею все основания сожалеть об этом.

— Да, я кое-что слышал.

— С тех пор муж, которого я ненавижу, не перестает преследовать меня своими домогательствами. Закон на его стороне, и мне каждый день грозит опасность, что он принудит меня к совместной жизни. Перед тем как написать письмо сэру Чарльзу, я узнала, что могу получить свободу, но для этого требовались деньги. Свобода даст мне все: душевное спокойствие, счастье, самоуважение — решительно все! Великодушие сэра Чарльза было хорошо известно, и я думала: если рассказать ему о своем горе, он не откажется помочь.

— Так почему же вы не пришли на свидание?

— Потому что за это время я успела получить помощь из других рук.

— Тогда надо было написать вторично и объяснить, почему вы не можете прийти!

— Я так бы и сделала, если б не прочла на следующее утро в газетах о его смерти.

Рассказ получался довольно связный, и мои вопросы не могли поколебать его правдоподобие. Проверить все это можно было бы только одним способом: узнать, начала ли миссис Лайонс бракоразводное дело вскоре после трагической смерти сэра Чарльза.

Она вряд ли осмелилась бы солгать, что не была на свидании, так как ей пришлось бы поехать в Баскервиль-холл в шарабане и вернуться в Кумби-Треси только к рассвету. Такую поездку не сохранишь в тайне. Следовательно, она говорит правду или по крайней мере часть правды.

Я ушел от нее, сбитый с толку и удрученный своей неудачей. Опять передо мной та глухая стена, которая вырастает на всех моих путях к намеченной цели. И все же, вспоминая лицо этой женщины и ее поведение во время нашего разговора, я все больше и больше убеждался, что она многое утаила от меня. Почему она вдруг так побледнела? Почему мне приходилось силой вырывать у нее каждое слово? Почему она не поехала на свидание, назначенное на тот час, когда произошла трагедия? Уж наверно, причины всего этого не так просты,

как ей хотелось внушить мне. Да, тут ничего нельзя было поделать! Приходилось идти по другим следам, которые вели к каменным пещерам на болотах.

Но следы эти были в высшей степени неясные, в чем я убедился на обратном пути, проезжая мимо холмов, испещренных остатками жилья доисторического человека. Бэрримор сказал, что неизвестный прячется в одной из заброшенных пещер, но ведь тут они попадаются всюду! Впрочем, кроме указаний Бэрримора, у меня были и свои собственные соображения, так как я сам видел этого человека на вершине гранитного столба. Следовательно, оттуда и надо начинать поиски. Я обследую каждую пещеру в этом месте и в конце концов найду ту, которая мне нужна. Если незнакомец попадется мне, я заставлю его назвать себя, заставлю признаться, почему он так упорно преследует нас. Пусть даже для этого придется пригрозить ему револьвером. Он улизнул от Холмса на многолюдной Риджент-стрит, но здесь, на пустынных болотах, это ему не удастся. Если же я найду ту самую пещеру, а ее обитателя там не окажется, что ж — буду ждать его возвращения, когда бы он ни пришел. Холмс упустил этого человека в Лондоне. Как же я буду торжествовать, если мне удастся настигнуть его и тем самым взять верх над моим учителем!

Счастье столько раз изменяло нам во время этого расследования, но теперь оно обернулось ко мне лицом. И вестником удачи был не кто иной, как седовласый, румяный мистер Френкленд, который встретил меня у своей садовой калитки, выходившей на проезжую дорогу.

— Добрый день, доктор Уотсон! — крикнул он с необычной для него приветливостью. — Дайте лошадям передохнуть! Зайдите, порадуйтесь вместе со мной, выпьем по стаканчику вина.

После всего, что я слышал об отношении мистера Френкленда к родной дочери, у меня не могло быть особо дружеских чувств к нему, но мне хотелось во что бы то ни стало отослать Перкинса домой, и такой предлог оказался как нельзя более кстати. Я вылез из коляски, велел передать сэру Генри, что вернусь к обеду, и последовал за Френклендом прямо в столовую.

— Сегодня у меня торжественный день, сэр, настоящий праздник! — объявил он, радостно похохатывая. — Я выиграл два судебных процесса. Теперь здешняя публика поймет, что закон есть закон и что в моем лице она имеет дело с человеком, который не побоится обрушить его возмездие на головы непокорных. Я добился права свободного проезда через парк старика Мидлтона — через самый парк, сэр! — в каких-нибудь ста шагах от его дверей! Ну, что вы на это скажете? Мы еще проучим наших магнатов, будь они прокляты! Пусть знают, что им никто не позволит безнаказанно попирать общинные права! Кроме того, я закрыл доступ в лес, где здешняя публика повадилась устраивать пикники. Эти негодяи ведут себя так, будто права частной собственности не существует! Они воображают, что им всюду можно оставлять пустые бутылки и клочки бумаги. Оба дела закончены, доктор Уотсон, и оба в мою пользу. У меня давно не было такого счастливого дня — с тех самых пор, как я притянул к ответу сэра Джона Морленда за браконьерство, когда он охотился на кроликов в своем собственном загоне.

— Как же это вам удалось?

— Обратитесь к судебным архивам, сэр, вы не пожалеете потраченного времени. «Френкленд против Морленда». Дело слушалось в Лондоне. Оно обошлось мне в двести фунтов, но я его выиграл!

— И что это вам дало?

— Ничего, сэр, ровным счетом ничего. Я горжусь тем, что у меня нет личной заинтересованности в этих делах. Я только выполняю свой общественный долг. Не сомневаюсь, что сегодня ночью жители деревушки Фернворси сожгут на костре мое чучело. В последний раз, когда они это затеяли, я потребовал, чтобы полиция положила конец такому безобразию. Но ведь полицейские власти в нашем графстве ведут себя совершенно позорно, сэр! Я вправе рассчитывать на их защиту, а они мне ее не оказывают! Подождите, дело «Френкленд против полиции» привлечет к себе внимание общества. Я предупреждал, что местным властям придется пожалеть о своем возмутительном отношении ко мне, и вот мои слова уже сбылись.

— Каким же образом? — спросил я.

Старик бросил на меня многозначительный взгляд:

— Им до смерти хочется узнать одну вещь, а мне кое-что известно. Но я ни за какие блага в мире не *стану помогать этим негодяям!*

Я уже давно подыскивал предлог, чтобы поскорее отделаться от этого болтуна, но последние его слова меня заинтересовали. Однако мне был хорошо известен строптивый нрав старого греховодника; я знал, что стоит только проявить интерес к его рассказу, как он замолчит, и поэтому спросил совершенно равнодушным тоном:

— Наверно, опять браконьерство?

— Ха-ха! Нет, друг мой, тут дело гораздо серьезнее. А что, если оно касается беглого каторжника?

Я так и вздрогнул:

— Вы знаете, где он прячется?

— Точного места, может быть, и не знаю, а навести полицию на его след могу. Неужели вам не приходило в голову, что изловить этого человека удастся лишь тогда, когда мы узнаем, кто носит ему пищу, и проследим за ее доставкой?

Старик был настолько близок к истине, что мне стало не по себе.

— Да, правильно,— сказал я.— Но почему вы думаете, что каторжник все еще прячется на болотах?

— Потому что я собственными глазами видел того, кто носит ему еду.

У меня сжалось сердце при мысли о Бэрриморе. Если он попадет во власть этого злобного, пронырливого старикашки, его дело плохо. Но, услышав дальнейшее, я вздохнул свободнее.

— *Представьте себе, еду носит ребенок!*— продолжал Френкленд.— Я каждый день его вижу в подзорную трубу, которая у меня на крыше. Он ходит одной и той же дорогой, в одно и то же время. К кому?— спрашивается. Конечно, к каторжнику!

Вот она, удача, наконец-то! Но я даже виду не подал, насколько это меня интересует. Ребенок! Бэрримор говорил, что нашему неизвестному прислуживает какой-то мальчишка. Значит, Френкленд напал на след этого человека, а каторжник тут совершенно ни при чем. Если б я мог выпытать у старика все, что ему известно, это избавило бы меня от долгих и утомительных поисков. Но моими козырями в игре по-прежнему оставались недоверие и полное равнодушие:

— А мне кажется, что это сын какого-нибудь здешнего пастуха. Наверно, носит обед отцу.

Малейшее противоречие выбивало искры из властного старика. Он злобно сверкнул на меня глазами и весь ощетинился, словно разъяренная кошка.

— Вам так кажется, сэр?— И, протянув руку, он показал на расстилавшиеся перед нами болота:— А тот гранитный столб вы видите? Так! А невысокий холм позади него, с кустами терновника? Это самое каменистое место на всех болотах. Что там делать пастухам? Ваше предположение просто нелепо, сэр!

Я кротко согласился, что не учел этого обстоятельства. Моя покорность понравилась Френкленду, и он пустился в дальнейшие разглагольствования:

— Можете быть уверены, сэр, что я никогда не делаю поспешных заключений. Я вижу этого мальчишку с узелком не впервые. Каждый день, а то и два раза на дню он... постойте, доктор Уотсон!.. Это обман зрения или же по склону вон того холма что-то движется?

И действительно, я даже на расстоянии нескольких миль разглядел на тускло-зеленом склоне маленькую темную точку.

— Пойдемте, сэр, *пойдемте!*— крикнул Френкленд, кидаясь вверх по лестнице.— Вы увидите его собственными глазами!

На плоской крыше стояла укрепленная на треноге подзорная труба весьма внушительных размеров. Френкленд припал к ней и разразился восторженным воплем:

— Скорей, доктор Уотсон, скорей! Пока он не скрылся за холмом!

В самом деле, вверх по склону медленно карабкался мальчик с узелком за плечами. Вот он выбрался на гребень холма, и я совершенно ясно увидел, как его нескладная фигурка, одетая в отрепья, выступила на холодной синеве неба. Мальчик украдкой огляделся по сторонам, видимо проверяя, не следят ли за ним, и скрылся за холмом.

— Ну что, прав я или нет?

— Действительно, мальчик, и, вероятно, у него есть причины пробираться туда тайком.

— А что это за тайные причины, об этом догадался бы даже полицейский констебль. Но я им ни единым словом не обмолвлюсь, и вас, доктор Уотсон, тоже прошу — молчите. Понимаете? Ни единого слова!

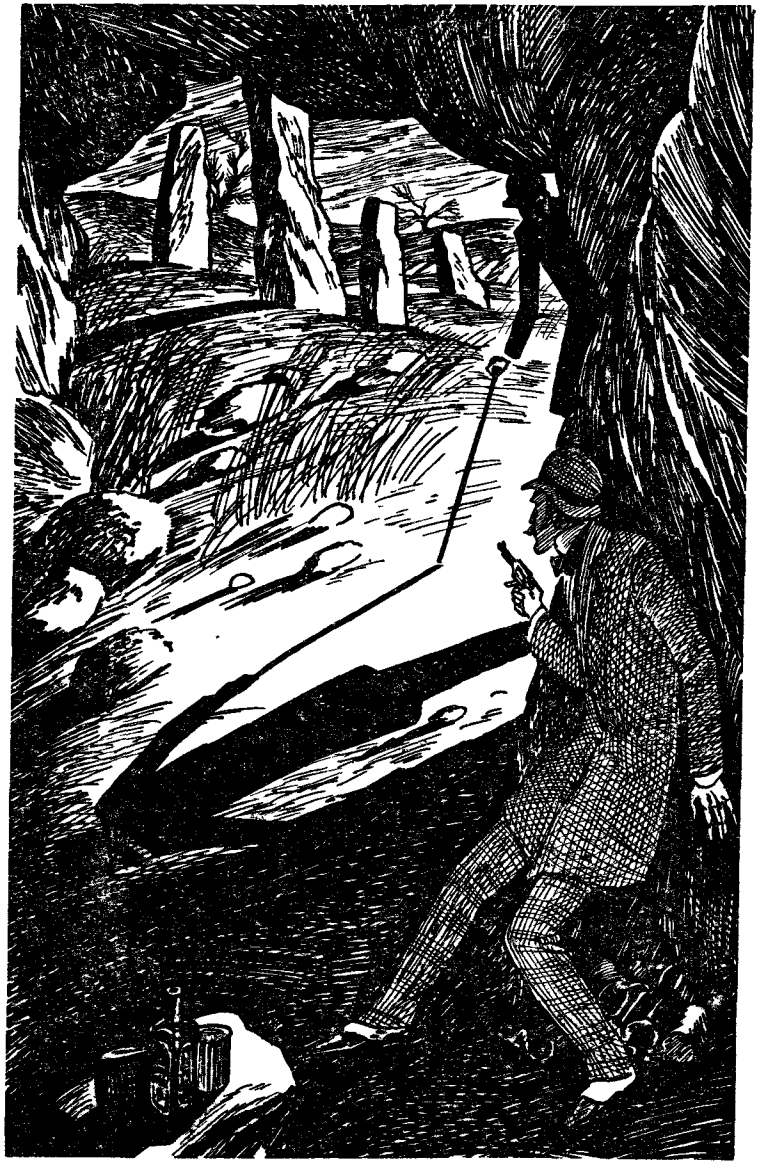
— Как вам будет угодно.

— Они пренебрегают мной самым возмутительным образом. Когда все обстоятельства дела «Френкленд против полиции» выплывут на свет божий, по стране пронесется волна негодования. Нет, пусть не рассчитывают на мою помощь! Они бы палец о палец не ударили, если б эти мерзавцы вздумали сжечь вместо чучела меня самого... Как, вам пора уходить? Неужели вы не поможете мне распить вот этот графин в честь такого радостного события?

Но я не поддался ни на какие мольбы, а когда старик заявил, что хочет проводить меня домой, уговорил его отказаться от этого намерения. Пока он мог видеть меня я шел по дороге, но потом свернул напрямик к тому каменистому холму, за которым скрылся мальчик.

Все складывалось как нельзя лучше, и я поклялся мысленно, что если мне не удастся воспользоваться счастливым случаем, дарованным судьбой, то виной этому будет все что угодно, только не отсутствие энергии и настойчивости с моей стороны.

Когда я взобрался на вершину, солнце уже садилось, и пологие склоны холма с одного бока были золотисто-зеленые, с другого — тонули в серой тени. Вдали, над самым горизонтом, низко стлалась мглистая дымка, из которой проступали фантастические очертания Лисьего столба. Кругом ни звука, ни движения. Только какая-то большая серая птица — не то чайка, не то кроншнеп — высоко парила в синем небе. Она и я — мы были единственными живыми существами между огромным небосводом и расстилающейся под ним пустыней. Голые просторы болот, безлюдье, неразгаданная тайна и важность предстоящей мне задачи — все это пронизало холодом мое сердце. Мальчугана нигде не было видно. Но между холмами, у самых ног, ютились древние каменные пещеры, и в середине их круга была одна, уцелевшие своды которой могли служить защитой в непогоду.

У меня забилось сердце, когда я увидел ее. Вот в этой норе, должно быть, и прячется тот человек. Наконец-то моя нога ступит на порог его убежища — он у меня в руках!

Я крадучись подходил к этой каменной дыре — точь-в-точь как Стэплтон, когда его сачок уже занесен над бабочкой! И, подойдя ближе, с удовлетворением убедился, что место здесь обжитое. К отверстию, служившему входом, вела еле заметная среди камней тропинка. Из самой пещеры не доносилось ни звука. Неизвестный или притаился там, или же рыщет по болотам. Нервы у меня были натянуты до предела в ожидании предстоящей встречи. Отбросив в сторону папиросу, я сжал рукоятку револьвера, быстро подошел ко входу и заглянул внутрь. Пещера была пуста.

Но чутье не обмануло меня: тут явно кто-то жил. На каменном ложе, где когда-то почивал неолитический человек, лежали одеяла, завернутые в непромокаемый плащ. В примитивном очаге виднелась кучка золы. Рядом с ним стояли кое-какие кухонные принадлежности и ведро, до половины налитое водой. Груда пустых консервных банок свидетельствовала о том, что здесь живут уже не первый день, а когда глаза мои привыкли к полутьме, я разглядел в углу железную кружку и початую бутылку виски. Посередине лежал плоский камень, служивший столом, а на нем — маленький узелок, вероятно тот самый, который я разглядел в подзорную трубу у мальчишки за спиной. В узелке был хлеб и две консервные банки — одна с копченым языком, другая с персиками в сиропе. Осмотрев все это, я хотел было положить узелок обратно, как вдруг сердце у меня так и ёкнуло: на камне лежал листок бумаги, на котором было что-то написано. Я взял его и, с трудом разобрав карандашные каракули, прочел следующее:

Доктор Уотсон уехал в Кумби-Треси.

Минуту я стоял неподвижно с запиской в руках и раздумывал над смыслом этого краткого послания. Выходит, что незнакомец охотится не за сэром Генри, а за мной? Он выслеживает меня не сам, а приставил ко мне кого-то другого — может быть, этого мальчика? И вот его последнее донесение. С тех пор как я живу

здесь, за каждым моим шагом, вероятно, ведется слежка. Ведь все это время меня не оставляло ощущение, что здесь действуют какие-то невидимые силы и что они осторожно и умело стягивают вокруг нас тончайшую сеть, легкое прикосновение которой мы чувствуем на себе лишь изредка, в самые критические минуты.

Эта записка, вероятно, не единственная. Я огляделся по сторонам, но ничего больше не нашел. Не удалось мне обнаружить и какие-либо следы, по которым можно было бы судить об этом человеке, избравшем себе столь странное жилье, или о его намерениях. О нем можно было сказать только то, что он, по-видимому, спартанец в своих привычках и не придает особого значения жизненным удобствам. Вспомнив ливни последних дней и посмотрев на зияющую дыру в своде пещеры, я понял, насколько этот человек поглощен своим делом, если ради него он мирится даже с таким неуютным пристанищем. Кто же он — наш злобный враг или ангел-хранитель? И я дал себе клятву не выходить из пещеры, не узнав всего до конца.

Солнце уже пряталось, и небо на западе горело золотом. Отсветы заката ложились красноватыми пятнами на разводья далекой Гримпенской трясины. Вдали поднимались башни Баскервиль-холла, а в стороне от них еле виднелся дымок, встающий над крышами Гримпена. Между ним и Баскервиль-холлом, за холмом, стоял дом Стэплтонов. Золотой вечерний свет придавал всему столько прелести и безмятежного покоя! Но мое сердце не верило миру, разлитому в природе, и трепетало от той страшной неизвестности, которую таила в себе неминуемая, приближающаяся с каждой секундой встреча. Нервы у меня были натянуты, но я сидел, полный решимости, в темной пещере и с угрюмым упорством ждал возвращения ее обитателя.

И наконец я услышал его. Вот камень попал ему под каблук. Еще раз... еще... шаги все ближе, ближе... Я отскочил в самый темный угол и взвел курок револьвера, решив не показываться на свет до тех пор, пока мне не удастся хоть немного рассмотреть этого человека. Снаружи все смолкло; по-видимому, он остановился. Потом шаги послышались снова, и вход в пещеру заслонила чья-то тень.

— Сегодня такой чудесный вечер, дорогой Уотсон,— сказал хорошо знакомый мне голос.— Зачем сидеть в духоте? На воздухе гораздо приятнее.

Глава XII

Смерть на болотах

Минуту или две я стоял, не веря своим ушам, и не мог перевести дух от неожиданности. Потом дар речи вернулся ко мне, и я почувствовал, как огромная тяжесть спала у меня с плеч. Этот холодный, язвительный голос мог принадлежать только одному человеку во всем мире.

— Холмс!— крикнул я.— Холмс!

— Выходите,— сказал он,— и, пожалуйста, поосторожнее с револьвером.

Я вылез из пещеры и увидел его. Холмс сидел на камне и с озорным блеском в серых глазах смотрел на мою изумленную физиономию. Он сильно похудел за это время, но вид у него был бодрый, спокойный, лицо — бронзовое от загара. Строгий спортивный костюм, кепи — ни дать ни взять турист, странствующий по болотам! Он даже остался верен своему поистине кошачьему пристрастию к чистоплотности: гладко выбритые щеки, рубашка без единого пятнышка. Как будто все это происходило на Бейкер-стрит!

— Кто другой мог бы так обрадовать меня своим появлением!— сказал я, крепко пожимая ему руку.

— А заодно и удивить?

— Да, вы правы.

— Но, уверяю вас, друг мой, удивились не вы один. Я и не подозревал, что вам удалось найти мое временное пристанище, и никак не думал застать вас здесь. Это выяснилось всего лишь за двадцать шагов до пещеры.

— Вы узнали мои следы?

— Нет, Уотсон! Боюсь, что это непосильная задача — различить ваши следы среди множества других,

которые существуют на свете. Если же в будущем вы захотите как-нибудь провести меня, то советую вас сначала переменить табачный магазин, ибо стоит только мне увидеть папиросу с маркой «Бредли. Оксфорд-стрит», как я сразу же догадаюсь, что мой друг Уотсон находится где-то поблизости. Вон он, ваш окурок, валяется около тропинки. Вы, вероятно, бросили его в ту минуту, когда решили взять приступом мое пустое жилье?

— Совершенно верно.

— Так я и думал... И, зная ваш дотошный характер, догадался, что вы устроили в пещере засаду и ждете возвращения ее обитателя, держа револьвер наготове. Так вы в самом деле приняли меня за преступника?

— Я не знал, кто вы такой, но решил выяснить.

— Великолепно, Уотсон! А как вам удалось отыскать мое жилье? Вы, вероятно, увидели меня во время погони за каторжником, когда я по собственной оплошности позволил луне светить мне в спину?

— Да, я вас увидел тогда.

— И стали обыскивать все пещеры подряд, пока не наткнулись на эту?

— Нет, меня навел на след ваш мальчишка — за ним тут кое-кто наблюдает.

— А! Старый джентльмен с подзорной трубой! Я видел, как солнце поблескивает на ее линзе, и сначала не мог догадаться, что это за штука.— Он встал и заглянул в пещеру.— Ага, Картрайт уже побывал здесь. Что это за бумажка? Так вы ездили в Кумби-Треси?

— Да.

— Повидаться с миссис Лаурой Лайонс?

— Совершенно верно.

— Прекрасно! В своих розысках мы с вами, очевидно, двигались по параллельным линиям. Что ж, теперь надо поделиться добытыми сведениями, и тогда у нас будет более или менее ясное представление об этом деле.

— Я страшно рад, что вы здесь! У меня уже нервы начали сдавать под бременем всех этих тайн и ответственности, которая лежала на мне. Но как вы сюда попали и что вы здесь делаете? А я-то думал, что Холмс сидит на Бейкер-стрит и трудится над делом о шантаже!

— Я хотел, чтобы вы именно так и думали.

— Значит, вы пользуетесь моей помощью и в то же

время не доверяете мне!— рассердился я.— Это незаслуженно, Холмс!

— Друг мой, и в теперешнем деле и во многих других ваша помощь была для меня бесценна. Если вам кажется, что я вас как-то надул, умоляю, не сердитесь! Откровенно говоря, я пошел на это отчасти ради вас же самих. Я чувствовал, что вы подвергаетесь опасности, и приехал сюда лично расследовать это дело. Если б я был вместе с сэром Генри и с вами, моя точка зрения ничем не отличалась бы от вашей, да и противники наши были бы начеку. Приезд в Баскервиль-холл меня очень связал бы, а так я мог действовать совершенно свободно, оставаясь за кулисами и готовясь выступить на сцену в самую критическую минуту.

— Но зачем вам понадобилось скрываться и от меня?

— Если б вы знали, что я здесь, это ничему бы не помогло и, может быть, даже кончилось моим разоблачением. Вам, наверно, захотелось бы рассказать мне что-нибудь или же вы, по свойственной вам доброте, вдруг вздумали бы обставлять меня здесь удобствами. Зачем подвергаться ненужному риску? Я привез с собой Картрайта — помните мальчугана из Рассыльной конторы?— и он великолепно обслуживает меня. А вы знаете мои скромные требования: кусок хлеба, чистый воротничок, что еще человеку нужно? Кроме того, Картрайт — это лишняя пара глаз и лишняя пара ног, весьма быстрых. То и другое оказалось для меня просто кладом.

— Значит, все мои отчеты писались впустую!— сказал я дрогнувшим голосом, вспомнив, сколько труда и гордости этим трудом было вложено в них.

Холмс вынул из кармана пачку писем:

— Вот ваши отчеты, друг мой, изученные самым тщательным образом, в чем вы можете не сомневаться. Я так хорошо все устроил, что они попадали ко мне с опозданием только на один день. Примите мои горячие поздравления. Упорство и наблюдательность, которые вы проявили в таком необычайно трудном деле, выше всякой похвалы.

Я все еще никак не мог примириться с тем, что меня так ловко провели, но теплые слова Холмса рассеяли мою досаду. Кроме того, в глубине души я чувствовал правоту моего друга и признавал, что в интересах дела мне не следовало знать о его появлении в здешних местах.

— Ну, то-то же!— сказал он, глядя на мое просветлевшее лицо.— А теперь расскажите мне о своем визите к миссис Лауре Лайонс. Я сразу догадался, к кому вы поехали, ибо теперь мне уже ясно, что это единственный человек в Кумби-Треси, от которого мы можем кое-чего добиться. Откровенно говоря, если б вы не побывали там сегодня, я, по всей вероятности, отправился бы к ней завтра сам.

Солнце уже спряталось, над болотами сгустились сумерки. В воздухе сразу похолодало, и мы перешли в пещеру. И там, сидя в полутьме рядом с Холмсом, я рассказал ему о своем разговоре с миссис Лайонс. Он так заинтересовался им, что многое мне пришлось повторять по два раза.

— Это все очень важно,— сказал Холмс, когда я кончил.— Дело чрезвычайно сложное, и в нем был один пробел, который до сих пор мне никак не удавалось заполнить. Вы, вероятно, знаете, что Стэплтон в большой дружбе с миссис Лайонс?

— Нет, о дружбе я ничего не слыхал.

— Это факт. Они встречаются, обмениваются письмами — вообще между ними полное согласие, что дает нам крупный козырь в руки. Если б пустить этот козырь в ход, чтобы воздействовать на его жену...

— Его жену?

— Теперь я поделюсь кое-чем с вами в обмен на ваши открытия. Женщина, которую он выдает здесь за миссис Стэплтон, на самом деле его жена.

— Боже мой, Холмс! Вы уверены в этом? Тогда как же он допустил, чтобы сэр Генри влюбился в нее?

— Романтические чувства сэра Генри грозят бедой только самому сэру Генри. Как вы заметили, Стэплтон всячески оберегает ее от ухаживаний баронета. Повторяю, эта леди не сестра, а жена Стэплтона.

— Но зачем понадобились такие хитросплетения?

— А вот зачем: Стэплтон предвидел, что она будет гораздо полезнее ему в роли свободной женщины.

Все мои неясные подозрения, всё подсказанное чутьем вдруг выплыло наружу и сомкнулось вокруг натуралиста. От этого спокойного, бесцветного человека

в соломенной шляпе и с сачком для ловли бабочек веяло чем-то грозным. Выдержка и терпение, сопряженное с хитростью, на губах улыбка, а в сердце черная злоба...

— Значит, это и есть наш противник? Значит, он и выслеживал нас в Лондоне?

— Да, так я разгадал эту загадку.

— А предостережение... Его прислала она?

— Совершенно верно.

Из мрака, в котором я так долго блуждал, выступили наполовину увиденные, наполовину угаданные мною очертания чудовищного злодейства.

— Неужели это верно, Холмс? Откуда вы узнали, что она его жена?

— В первую свою встречу с вами Стэплтон настолько увлекся, что поведал вам часть своей биографии, о чем, вероятно, не перестает жалеть до сих пор. У него действительно была школа на севере Англии. А ведь отыскать учителя — самое простое дело. На этот предмет существуют школьные агентства, которые дадут вам сведения о любом лице, связанном с этой профессией. Я навел справки и вскоре узнал, что действительно в одной школе разыгрались очень неприятные события и что директор ее — фамилия у него была другая — скрылся вместе с женой. Все их приметы совпадали в точности. А когда мне стало известно его увлечение энтомологией [1], тут уж я совсем перестал сомневаться.

Тьма, окутывавшая меня, мало-помалу начинала редеть, но многое еще оставалось в тени.

— Если эта женщина его жена, то при чем тут миссис Лаура Лайонс? — спросил я.

— Это один из пунктов, на который вы сами пролили некоторый свет. После вашей поездки в Кумби-Треси многое стало ясным. Я, например, не знал, что миссис Лайонс хочет развестись с мужем. Она, вероятно, рассчитывает на брак со Стэплтоном — ведь ей невдомек, что он женат.

— А когда она узнает правду?

— Тогда эта леди может оказаться весьма полезной для нас. Нам обоим нужно завтра же повидать ее. А теперь, Уотсон, как вы думаете, не пора ли вам вернуться к своим обязанностям? Ваше место в Баскервиль-холле.

[1] Энтомология — отдел зоологии, посвященный насекомым.

Последние красные отблески заката погасли на западе, и на болота спустилась ночь. В лиловатом небе слабо мерцали редкие звезды.

— Еще один, последний, вопрос, Холмс, — сказал я, вставая. — Нам нечего скрывать друг от друга. Что все это значит? К чему он ведет?

Холмс ответил мне глухим голосом:

— К убийству, Уотсон... хладнокровно обдуманному убийству. Не допытывайтесь о подробностях. Стэплтон затягивает в свои сети сэра Генри, а я затягиваю его самого. Он почти у меня в руках, с вашей помощью. Теперь нам угрожает только одна опасность — он может нанести удар первым. Еще день, самое большее два, и у меня все будет готово, а до тех пор берегите сэра Генри, как любящая мать бережет больного ребенка. Ваше отсутствие сегодня вполне простительно, и все же я бы, пожалуй, предпочел, чтобы вы не оставляли его... Слышите?

Страшный протяжный вопль, полный ужаса и муки, пронесся над безмолвными болотами. Я слушал его и чувствовал, как у меня стынет кровь в жилах.

— Боже мой! Что это? Что это такое?

Холмс вскочил с места, и его высокая фигура заслонила от меня вход в пещеру. Он стал там, пригнувшись, вытянув шею, напряженно вглядываясь в темноту, и только успел бросить мне шепотом:

— Тише! Тише!

Этот крик, поразивший нас своей пронзительностью, шел из глубины беспросветно темных болот. Но вот он послышался ближе, явственнее...

— Где это? — шепнул Холмс, и по тому, как дрогнул у него голос — у него, у человека с железными нервами! — я понял, что этот вопль проник ему в самую душу. — Где кричат, Уотсон?

— По-моему, в той стороне. — Я протянул руку, показывая в темноту.

— Нет, вон там!

Мучительный крик снова пронесся в безмолвной ночи, но теперь он был еще ближе, еще громче. И к нему примешивались какие-то другие звуки — глухое низкое

рычание, напоминающее чем-то непрестанный рокот моря.

— Это собака!— крикнул Холмс.— Бежим, Уотсон, бежим! Боже мой! Только бы не опоздать!

Он бросился в темноту, я следом за ним. И вдруг где-то впереди, за валунами, раздался отчаянный вопль, потом глухой, тяжелый стук. Мы остановились, прислушиваясь. Но больше ничто не нарушало давящей тишины безветренной ночи.

Я увидел, как Холмс, словно обезумев, схватился за голову и топнул ногой о землю:

— Он опередил нас, Уотсон! Мы опоздали!

— Нет, этого не может быть!

— Чего я медлил, дурак! И вы тоже хороши, Уотсон! Оставили Баскервиля одного, и вот чем все кончилось! Нет, если поправить ничего нельзя, я все равно отомщу негодяю!

Не разбирая дороги, мы бросились туда, откуда донесся этот страшный крик. Мы взбирались вверх по склонам, сбегали вниз, натыкались в темноте на валуны, продирались сквозь заросли дрока. С вершины каждого холма мой друг быстро оглядывался по сторонам, но болота покрывал густой мрак, и на их угрюмой шири нельзя было приметить ни малейшего движения.

— Вы что-нибудь видите?

— Ничего.

— Подождите! Что это?

До нас донесся приглушенный стон. Он шел откуда-то слева. Каменная гряда круто обрывалась там вниз, переходя в усеянный валунами склон, и среди валунов лежало что-то темное. Мы подбежали ближе, и темный предмет принял более ясные очертания. Это был человек, лежащий на земле лицом вниз. Он словно готовился сделать кульбит — подвернутая под каким-то невероятным углом голова, приподнятые плечи, округленная линия спины. Нелепость этой позы помешала мне в первую минуту осознать, что его стон был предсмертным. Мы стояли, наклонившись над ним, и не слышали ни хрипа, не могли уловить ни шороха. Холмс тронул неподвижное тело, вскрикнул в ужасе и тут же отдернул руку. Зажженная спичка осветила его окровавленные пальцы и страшную лужу, медленно расплывавшуюся из-

под разбитого черепа мертвеца. И сердце у нас замерло — при свете спички мы увидели, что перед нами лежит сэр Генри Баскервиль!

Разве можно было забыть этот необычный красновато-коричневый костюм — тот самый, в котором баронет впервые появился на Бейкер-стрит! Нам достаточно было секунды, чтобы узнать его, а потом спичка вспыхнула и погасла так же, как погасла в нас последняя искра надежды. Холмс застонал, и я даже в темноте разглядел, какой бледностью покрылось его лицо.

— Мерзавец! Мерзавец! — Руки у меня сами собой сжались в кулаки.— Холмс, я никогда не прощу себе, что оставил его на произвол судьбы!

— Моя вина больше, Уотсон. Я пожертвовал жизнью клиента только ради того, чтобы подытожить, так сказать, закруглить, это дело. Я не помню другого такого удара за всю свою практику. Но кто мог знать, кто м о г знать, что, несмотря на все мои предостережения, он рискнет выйти один на болота!

— И мы слышали его крик — боже мой, какой крик!— и не могли сразу прийти ему на помощь! Но куда делась эта чудовищная собака — виновница его смерти? Может быть, она и сейчас где-нибудь здесь? И где Стэплтон? Он ответит за это!

— Да, он ответит за все, об этом я позабочусь. И дядя и племянник — оба убиты. Один умер от страха, только увидев перед собой это чудовище, которое он считал сверхъестественным существом, другой погиб, спасаясь от него бегством. Но теперь нам надо доказать, что между этим человеком и собакой есть связь. Мы слышали ее вой, но это еще не доказательство, так как сэр Генри, вероятно, разбился при падении. И все же, клянусь, как ни хитер наш противник, а завтра он будет у меня в руках!

Потрясенные внезапной непоправимой бедой, положившей столь грустный конец нашим долгим и нелегким трудам, мы стояли возле изуродованного тела. Потом, когда из-за туч показалась луна, поднялись на каменную гряду, с которой упал наш несчастный друг, и оглядели оттуда серебрившиеся в лунном свете болота. Вдали, где-то около Гримпена, виднелся желтый огонек.

Он мог гореть только в уединенном жилище Стэплтонов. Я с проклятием погрозил в ту сторону кулаком:

— Чего мы ждем? Надо схватить его немедленно!

— Дело еще не закончено, а он человек осторожный, хитрый. Мало ли что мы знаем, а вот попробуйте доказать это. Один неосторожный шаг — и негодяй ускользнет от нас.

— Так что же тогда делать?

— На завтра забот у нас хватит. А сегодня нам остается только оказать последнюю услугу несчастному сэру Генри.

Мы спустились по крутому откосу и подошли к бесформенной черной груде, лежавшей на посеребренных луной камнях. При виде этого мучительно скорченного тела сердце у меня сжалось от боли и глаза заволокло слезами.

— Придется послать за помощью, Холмс. Мы не донесем его до дому... Боже мой, что с вами? Вы сошли с ума!

Холмс вскрикнул и наклонился над телом сэра Генри. И вдруг начал приплясывать, с хохотом тряся мне руку. Неужели это мой строгий, всегда такой сдержанный друг? Вот что бывает, когда скрытое пламя прорывается наружу!

— Борода! У него борода!

— Борода?

— Это не сэр Генри!.. Боже, да это мой сосед — каторжник!

Мы с лихорадочной быстротой перевернули тело, и окровавленная борода уставилась теперь прямо в холодный яркий лик луны. Сомнений быть не могло! Низкий лоб, глубоко запавшие, как у обезьяны, глаза. Это было то же лицо, которое при свете свечи мелькнуло передо мной в расселине,— лицо убийцы Селдена!

И тут я понял все. Я вспомнил, что баронет подарил Бэрримору чуть ли не весь свой старый гардероб. Значит, Бэрримор отдал его Селдену, чтобы тот переоделся к отъезду. Башмаки, рубашка, кепи — все носил когда-то сэр Генри. Правда, трагедия оставалась трагедией, но ведь этот человек так или иначе заслужил смерть по законам нашей страны. Сам не свой от радости, я объяснил Холмсу, как все это получилось.

— Значит, несчастный погиб из-за костюма,— сказал он.— Собаке, конечно, дали понюхать какую-нибудь вещь сэра Генри — по всей вероятности, тот самый башмак, который был украден в отеле,— и пустили ее по следам каторжника. Остается невыясненным только одно: каким образом Селден увидел в темноте, что за ним кто-то гонится?

— Наверно, услышал.

— Услышал, что по болотам бегает собака, и стал звать на помощь, рискуя быть пойманным? Нет, каторжника этим не напугаешь. Так вот: как Селден мог увидеть, что за ним гонится собака?

— А по-моему, есть вещи более странные. Почему эту собаку... предполагая, что наши догадки правильны...

— Я ничего такого не предполагаю.

— Хорошо. Почему эту собаку выпустили на болота сегодня ночью? Вряд ли она всегда пользуется такой свободой. Стэплтон, вероятно, ждал, что сэр Генри придет сюда.

— Моя загадка труднее. На вашу мы скоро получим ответ, а моя, вероятно, так и останется неразгаданной. А теперь давайте решим, что нам делать с этим несчастным. Нельзя же оставлять его здесь на съедение лисицам и коршунам.

— Пусть полежит в какой-нибудь пещере, пока мы не сообщим в полицию.

— Правильно. Туда-то мы его во всяком случае донесем. Смотрите, Уотсон! Что это? Неужели он сам? Нет, какова дерзость!.. Ни слова о наших подозрениях, ни единого слова! Не то все мои планы рухнут.

Из глубины болот к нам приближался человек. Он курил сигарету, огонек которой тускло мерцал вдали. Луна ярко освещала его, и я сразу узнал щуплую фигуру и быструю, подпрыгивающую походку натуралиста. Увидев нас, он остановился, потом снова зашагал вперед.

— Доктор Уотсон! Неужели это вы? Вот уж никак не думал встретить вас ночью на болотах! Боже мой, что это? Что случилось? Нет, не может быть! Неужели это наш друг, сэр Генри?

Стэплтон пробежал мимо меня и нагнулся над трупом...

Я услышал прерывистый вздох, сигара выпала из его руки на землю.

— Кто... кто это? — запинаясь, пробормотал он.

— Это Селден, каторжник, сбежавший из принстаунской тюрьмы.

Стэплтон повернул к нам мертвенно-бледное лицо. Ему стоило громадного усилия воли овладеть собой и ничем не выдать своего удивления и разочарования. Его пристальный взгляд остановился сначала на Холмсе, потом на мне.

— Боже мой, какой ужас! Как это случилось?

— Должно быть, свалился вон с того откоса и сломал себе шею. Мы с приятелем гуляли по болотам и услышали чей-то крик.

— А я на этот крик и вышел из дому. Меня беспокоил сэр Генри.

— Почему именно сэр Генри? — не удержался я.

— Он должен был зайти к нам сегодня и почему-то не пришел, что меня очень удивило. А когда я услышал на болотах крики, то, естественно, встревожился за него. Кстати, — Стэплтон снова перевел взгляд с меня на Холмса, — кроме этих криков, вы ничего не слышали?

— Нет, — сказал Холмс. — А вы?

— Тоже нет.

— Тогда зачем об этом спрашивать?

— Ах, вы же знаете, что у нас тут рассказывают о призрачной собаке и тому подобных чудесах! Здешние фермеры говорят, будто бы она бегает каждую ночь по болотам. Вот я и интересуюсь: может быть, вы слышали ее?

— Нет, мы ничего такого не слышали, — сказал я.

— А как вы объясняете гибель этого несчастного?

— Я уверен, что у него помутился рассудок от страха, от постоянной опасности быть пойманным. Вероятно, бегал по болотам в припадке сумасшествия и в конце концов упал под откос и сломал себе шею.

— Да, это вполне правдоподобно, — сказал Стэплтон и вздохнул с явным облегчением. — А что об этом думаете вы, мистер Шерлок Холмс?

— Какая догадливость! — сказал мой друг, отвесив ему низкий поклон.

— Мы давно вас поджидаем, с тех самых пор, как здесь

появился доктор Уотсон. И вы вовремя приехали — как раз к трагедии.

— Да, в самом деле! Я уверен, что мой друг даст ей правильное объяснение. А я уеду завтра в Лондон с неприятным осадком в душе.

— Как! Вы завтра уезжаете?

— Собираюсь.

— Но ваш приезд, конечно, прольет свет на все эти события, которые поставили нас буквально в тупик

Холмс пожал плечами:

— Успех не всегда дается нам в руки. При расследовании надо опираться на факты, а не на легенды и слухи. У меня что-то ничего не получается из этого дела.

Мой друг говорил самым естественным и самым спокойным тоном. Стэплтон взглянул на него внимательно, пристально. Потом обратился ко мне:

— Я охотно предложил бы перенести тело к нам в дом, но моя сестра так перепугается, что, пожалуй, лучше этого не делать. Давайте прикроем ему чем-нибудь лицо и оставим здесь. До утра с ним ничего не случится.

Так и было сделано. Мы с Холмсом отклонили предложение Стэплтона зайти в Мерripит-хаус и, предоставив ему возвращаться домой в одиночестве, пошли к Баскервиль-холлу. Пройдя несколько шагов, мы оглянулись и увидели его фигуру, медленно удаляющуюся в глубь болот, а дальше, позади нее, единственное черное пятно на посеребренном луной склоне — там, где лежал погибший такой страшной смертью человек.

— Наконец-то мы схватились врукопашную! — сказал Холмс, шагая рядом со мной. — Но какая выдержка! Как быстро он овладел собой! А ведь удар был поистине ошеломляющий — увидеть, что твоей жертвой пал совсем не тот человек, которого ты намечал. Я, Уотсон, говорил вам об этом в Лондоне и повторяю сейчас: нам еще не приходилось скрещивать рапиры с более достойным противником.

— Все-таки жалко, что он вас увидел!

— Я сначала сам об этом пожалел. Но, в конце концов, что ж поделаешь!

— А как вы думаете, встреча с вами отразится на его планах?

— Да, он будет действовать с еще большей осторожностью или же решится на какой-нибудь отчаянный шаг.

Как и большинство незаурядных преступников, Стэплтон, вероятно, слишком полагается на свою хитрость и воображает, что обвел нас вокруг пальца.

— Почему же вы не хотите арестовать его?

— Мой дорогой Уотсон! Вы человек действия. Ваши инстинкты толкают вас на самые решительные меры. Ну хорошо, допустим, что ночью он будет арестован. А что это даст нам? Мы ничего не сможем доказать. Вот в чем дьявольская хитрость этого замысла! Если б пособником Стэплтона был человек, мы бы раздобыли кое-какие улики, но попробуйте вытащить на свет божий огромного пса! Разве это поможет нам затянуть петлю на шее его хозяина?

— Но ведь состав преступления налицо?

— Ничего подобного! Всё это одни догадки и предположения. Нас поднимут на смех в суде, если мы явимся туда с такой фантастической историей и подкрепим ее такими уликами.

— А сэр Чарльз?

— Найден мертвым, следов насильственной смерти не обнаружено. Мы-то с вами знаем, что он умер от страха, и знаем, что его напугало. Но как убедить в этом тех двенадцать тупиц, которые будут присяжными заседателями? На чем основано предположение, что тут замешана какая-то собака? Где следы ее укусов? Мы с вами опять-таки знаем, что собаки не кусают мертвых и что сэр Чарльз умер до того, как она на него кинулась. Но ведь это надо д о к а з а т ь, а доказывать нам нечем.

— Ну, а сегодняшняя ночь?

— Она ничего особенного не дала. Прямой связи между собакой и гибелью каторжника все-таки нет. Никто этой собаки не видел. Правда, мы ее слышали, но у нас нет доказательств, что она гналась за каторжником. Полное отсутствие мотивировки! Нет, друг мой, факт остается фактом: состава преступления мы установить не можем, но чтобы сделать это, стоит пойти на любой риск.

— Что же вы намерены предпринять?

— Я возлагаю большие надежды на миссис Лауру Лайонс. Когда истинное положение дел станет ей известно, она окажет нам серьезную помощь. Кроме того, у меня есть и другой план. Но не надо загадывать вперед, хотя я все-таки надеюсь, что завтра победа будет за мной.

Больше мне ничего не удалось выведать от Холмса, и до самых ворот Баскервиль-холла он шел молча, погруженный в свои думы.

— Вы зайдете?

— Да. Теперь уж не имеет смысла скрываться. Но еще одно слово, Уотсон. Не говорите сэру Генри о собаке. Пусть приписывает смерть Селдена тем же причинам, которые старался подсказать нам Стэплтон. Так ему будет легче перенести то испытание, что ждет его завтра, когда он пойдет обедать в Меррипит-хаус, если я правильно цитирую ваш последний отчет.

— Но меня тоже туда звали.

— Тогда вам придется отказаться от приглашения. Пусть идет один, это легко устроить... Ну-с, так. К обеду мы, наверно, опоздали, но к ужину пришли в самый раз.

Глава XIII

Сети расставлены

Сэр Генри не столько удивился, сколько обрадовался своему новому гостю, так как был уверен, что, узнав о событиях последних дней, Шерлок Холмс не усидит в Лондоне. Тем не менее баронет изумленно поднял брови, когда выяснилось, что мой друг явился без багажа и даже не дает себе труда объяснить его отсутствие. Холмса тут же снабдили всем необходимым, и за поздним ужином мы поведали баронету ту часть своих приключений, которую ему следовало знать. Но до этого мне пришлось выполнить одну тяжкую обязанность — сообщить Бэрримору и его жене о гибели Селдена. Дворецкий принял это известие с нескрываемым чувством облегчения, но миссис Бэрримор горько плакала, закрыв лицо передником. В глазах всего мира этот Селден был преступником, чем-то средним между дьяволом и зверем, а она по-прежнему видела в нем озорного мальчугана, ребенка, цеплявшегося в детстве за ее руку. Поистине чудовищем должен быть человек, если не найдется женщины, которая оплачет его смерть!

— С тех пор как вы уехали, Уотсон, я все сижу дома и пропадаю с тоски,— сказал баронет.— Надеюсь, такое послушание мне зачтется? Если б не данное вам слово не выходить на болота, я бы провел вечер гораздо веселее, потому что Стэплтон прислал мне записку с приглашением.

— Да, вы провели бы вечер гораздо веселее, я в этом не сомневаюсь,— сухо сказал Холмс.— Кстати, вы, вероятно, не цените, что, глядя на человека со сломанной шеей, мы оплакивали вас?

Сэр Генри широко открыл глаза:

— Это почему же?

— Потому, что злосчастный каторжник был в костюме с вашего плеча. Он получил его от Бэрримора, у которого могут быть из-за этого серьезные неприятности с полицией.

— Нет, вряд ли. Насколько я помню, там не было никаких меток.

— Ну что ж, его счастье, да и ваше тоже, поскольку вы все замешаны в противозаконных деяниях. В сущности говоря, мне как добросовестному сыщику следовало бы немедленно арестовать всю вашу компанию. Обличающим документом могут послужить письма Уотсона.

— Расскажите лучше, как обстоит наше дело? — спросил баронет.— Удалось ли вам разобраться в этой путанице? Мы с Уотсоном с чем приехали, с тем и сидим — ничего не разузнали.

— Я думаю, что в самом ближайшем будущем многое выяснится. Дело на редкость трудное и запутанное. Для меня некоторые пункты до сих пор покрыты мраком... Но он рассеется, непременно рассеется.

— Уотсон, вероятно, уже рассказывал вам о том, что мы слышали на болотах. Так что это не пустое суеверие. Мне в свое время приходилось иметь дело с собаками, и тут меня не проведешь — собачий вой нельзя не узнать. Если вам удастся надеть намордник на этого пса и посадить его на цепь, то я буду считать вас величайшим сыщиком в мире.

— Будет он и в наморднике, будет и на цепи, только помогите мне.

— Я сделаю все, что вы прикажете.

— Прекрасно! Но я потребую слепого повиновения, без всяких «зачем» и «почему».

— Как вам будет угодно.

— Если вы соглашаетесь на это, тогда мы разрешим нашу задачу. Я не сомневаюсь, что...

Холмс осекся на полуслове и устремил пристальный взгляд куда-то поверх моей головы. Лампа светила ему прямо в лицо — неподвижное, застывшее, словно лицо классической статуи. Оно было олицетворением тревоги и настороженности.

— Что случилось? — в один голос воскликнули мы с сэром Генри.

Холмс перевел взгляд на нас, и я почувствовал, что он старается подавить свое волнение. Его лицо по-прежнему ничего не выражало, но глаза светились торжеством.

— Простите меня, но я не мог сдержать свой восторг,— сказал он, показывая на портреты, висевшие на противоположной стене.— Уотсон утверждает, что я ничего не смыслю в живописи, но это в нем говорит чувство соперничества, так как мы расходимся в своих оценках произведений искусства. А портреты на самом деле великолепные.

— Рад слышать,— сказал сэр Генри, с удивлением глядя на моего друга.— Я в картинах мало что понимаю. Вот лошадь или бычок — другое дело. Но кто бы мог подумать, что у вас есть время интересоваться искусством!

— Не беспокойтесь, хорошую вещь я всегда замечу. Бьюсь об заклад, что вон та дама в голубом шелковом платье — кисти Неллера. А толстый джентльмен в парике, безусловно, написан Рейнольдсом. Это, вероятно, фамильные портреты?

— Да, все до одного.

— И вы знаете их по именам?

— Бэрримор долго натаскивал меня по этому предмету, и я, кажется, могу ответить свой урок без запинки.

— Кто этот джентльмен с подзорной трубой?

— Это контр-адмирал Баскервиль, служивший в Вест-Индии. А вон тот, в синем сюртуке и со свитком в руках, сэр Вильям Баскервиль, председатель комиссии Палаты общин при Питте [1].

— А этот кавалер напротив меня, в черном бархатном камзоле с кружевами?

---

[1] Питт Вильям-старший (1708—1778) — английский государственный деятель; с 1766 по 1768 год премьер-министр.

— О! С ним вы должны познакомиться. Это и есть виновник всех бед — злодей Гуго, положивший начало легенде о собаке Баскервилей. Мы его, вероятно, не скоро забудем.

Я смотрел на портрет с интересом и некоторым недоумением.

— Боже мой! — сказал Холмс. — А ведь по виду он такой спокойный, тихонький. Правда, в глазах есть что-то бесовское. Но я представлял себе вашего Гуго эдаким дюжим молодцом с разбойничьей физиономией.

— Портрет подлинный, в этом не может быть ни малейших сомнений. Сзади на полотне написано его имя и дата — тысяча шестьсот сорок седьмой год.

Весь остальной вечер Холмс говорил мало, но портрет беспутного Гуго словно приковывал его к себе, и за ужином он почти не отрывал от него глаз. Однако ход мыслей моего друга стал ясен мне только тогда, когда сэр Генри ушел к себе. Холмс захватил свечу со своего ночного столика и, вернувшись вместе со мной в пиршественный зал, поднес ее к потемневшему от времени портрету.

— Вы ничего особенного не замечаете?

Я долго рассматривал широкополую шляпу с плюмажем, белый кружевной воротник и длинные локоны, обрамляющие суровое узкое лицо. Это лицо никто не упрекнул бы ни в грубости черт, ни в жестокости выражения, но в поджатых тонких губах, в холодном, непреклонном взгляде было что-то черствое, чопорное, беспощадное.

— Он никого вам не напоминает?

— В нижней части лица есть что-то общее с сэром Генри.

— Да, пожалуй, чуть-чуть есть. Но подождите минутку!

Он встал на стул и, держа свечку в левой руке, прикрыл согнутой правой широкополую шляпу и длинные локоны.

— Силы небесные! — воскликнул я вне себя от изумления.

С полотна на меня смотрело лицо Стэплтона.

— Ага! Разглядели? Мои-то глаза привыкли отделять самое лицо от того, что его обрамляет. Умение проникать взором за маскировку — основное качество сыщика.

— Поразительно! Как будто его портрет!

— Да, любопытный пример возврата к прошлому и в

физическом и в духовном отношении. Вот так начнешь изучать фамильные портреты и, пожалуй, уверуешь в переселение душ. Он тоже Баскервиль, это совершенно очевидно.

— И метит в наследники.

— Безусловно. Этот случайно попавшийся мне на глаза портрет помог нам восполнить один из самых трудных пробелов. Теперь мы его поймали, Уотсон, теперь мы его поймали! И клянусь вам, завтра к ночи он будет биться в наших сетях, как бьются его бабочки под сачком. Булавка, пробка, ярлычок — и коллекция на Бейкер-стрит пополнится еще одним экземпляром.

Холмс громко расхохотался и отошел от портрета. В тех редких случаях, когда мне приходилось слышать его смех, я знал, что это всегда предвещает какому-нибудь злодею большую беду.

Одеваясь на следующее утро, я выглянул в окно и увидел Холмса, который, оказывается, встал еще раньше и уже успел куда-то отлучиться.

— Да, денек у нас будет хлопотливый,— сказал он, радостно потирая руки в предвкушении всех этих хлопот.— Скоро начнем действовать. Сети уже расставлены. А к вечеру будет видно, запуталась в них эта большая зубастая щука или же ускользнула на волю.

— Вы уже успели побывать на болотах?

— Я дошел до Гримпена и дал оттуда телеграмму в Принстаун о смерти Селдена. Думаю, что никого из вас не станут беспокоить по этому делу. Кроме того, я связался с моим верным Картрайтом, который от тревоги за меня, по всей вероятности, не замедлил бы умереть на пороге пещеры, как собака на могиле своего хозяина.

— С чего же мы сегодня начнем?

— Прежде всего повидаем сэра Генри. Да вот и он сам!

— С добрым утром, Холмс! — сказал баронет.— Вы похожи на генерала, который обсуждает с начальником штаба план предстоящего сражения.

— Так оно и есть. Уотсон явился за приказаниями.

— Я тоже.

— Прекрасно. Если не ошибаюсь, наши друзья Стэплтоны пригласили вас сегодня к обеду?

— Надеюсь, что вы тоже пойдете? Они люди гостеприимные и будут очень рады вам.

— К сожалению, мы с Уотсоном должны уехать в Лондон.

— В Лондон?

— Да. При данных обстоятельствах нам лучше быть там.

Лицо у баронета вытянулось:

— А я-то думал, что вы не покинете меня до конца! Откровенно говоря, в Баскервиль-холле не так-то уютно одному.

— Друг мой, вы должны повиноваться мне бесприкословно и делать все, что я от вас потребую. Скажите вашим друзьям, что мы пришли бы с удовольствием, но неотложные дела призывают нас в Лондон. Впрочем, мы скоро вернемся в Девоншир. Вы не забудете передать им это?

— Если вы настаиваете.

— Уверяю вас, другого выхода нет.

По тому, как баронет нахмурился в ответ на эти слова, я понял, что он обиделся и считает наш отъезд дезертирством.

— Когда вы думаете выехать? — холодно спросил он.

— Сразу же после завтрака. Мы доедем на лошадях до Кумби-Треси, но Уотсон оставит вам свои вещи в залог, так что ждите его обратно. Уотсон, напишите записочку Стэплтону, извинитесь, что не можете у них быть.

— Мне тоже захотелось уехать в Лондон,— сказал баронет.— Почему я должен сидеть здесь один?

— Потому, что вам нельзя покидать свой пост. Потому, что вы дали слово слушаться меня во всем, а теперь я говорю вам: оставайтесь здесь.

— Хорошо, я останусь.

— Еще одна просьба. Поезжайте в Меррипит-хаус на лошадях. Отошлите экипаж обратно и скажите Стэплтонам, что домой вы пойдете пешком.

— Пешком, через болота?

— Да.

— Но ведь вы же сами столько раз удерживали меня от этого!

— А теперь можете идти совершенно спокойно. Я настаиваю на этом только потому, что уверен в вашем мужестве.

— Хорошо, я так и сделаю.

— И если вы хоть сколько-нибудь дорожите жизнью,

не сворачивайте с тропинки, которая ведет от Меррипит-хаус к Гримпенской дороге, тем более что это ближайший путь к Баскервиль-холлу.

— Все будет исполнено в точности.

— Вот и хорошо. А мы постараемся выехать сразу же после завтрака, чтобы попасть в Лондон днем.

Меня очень удивила эта программа действий, хотя я помнил, как накануне вечером Холмс предупреждал Стэплтона о своем отъезде. Но кто бы мог подумать, что ему придет в голову ехать вместе со мной, да еще в такое время, которое он сам считал критическим! Впрочем, мне не оставалось ничего другого, как беспрекословно повиноваться моему другу, и вскоре мы простились с опечаленным баронетом, а через два часа, отослав шарабан домой, вышли на станционную платформу в Кумби-Треси. Там нас ждал небольшого роста мальчик.

— Какие будут приказания, сэр?

— Садись в поезд, Картрайт, и поезжай в Лондон. Как только приедешь, сейчас же дай от моего имени телеграмму сэру Генри Баскервилю. Запроси его, не нашел ли он где-нибудь мою записную книжку, которую я потерял. Если нашел, пусть вышлет ее заказной бандеролью на Бейкер-стрит.

— Слушаю, сэр.

— А сейчас узнай в станционной конторе, нет ли там чего на мое имя.

Мальчик вскоре вернулся с телеграммой; Холмс прочитал ее и протянул мне. Там было написано следующее:

«Телеграмму получил. Выезжаю ордером на арест. Буду пять сорок. Лестрейд».

— Это ответ на мою утреннюю. Лестрейд — лучший сыщик-профессионал, нам может понадобиться его помощь... Ну-с, Уотсон, время у нас есть, и я думаю, что сейчас самое время нанести визит вашей знакомой миссис Лауре Лайонс.

План кампании, составленный Холмсом, прояснялся для меня с каждой минутой. С помощью баронета он убедит Стэплтона, что нас нет здесь, а на самом деле мы вернемся к тому времени, когда наша помощь будет больше всего нужна. Если сэр Генри упомянет о телеграмме, полученной от Холмса из Лондона, это рассеет последние подозрения Стэплтона. И я уже видел мысленно, как наши

сети все туже и туже стягиваются вокруг зубастой щуки.

Миссис Лаура Лайонс сидела у себя в рабочей комнате. Шерлок Холмс приступил к разговору с такой прямотой и откровенностью, что у нее широко открылись глаза от изумления.

— Я расследую обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля,— начал он.— Мой друг, доктор Уотсон, передал мне все, что вы ему сообщили в связи с этим и о чем предпочли умолчать.

— О чем же я умолчала? — дерзко спросила она.

— Вы признались, что вызывали сэра Чарльза к калитке к десяти часам вечера. Как мы знаем, он умер именно в тот час и на том самом месте. Вы умолчали о связи, существующей между этими двумя фактами.

— Между ними не существует никакой связи.

— В таком случае, совпадение получилось поистине поразительное. Но я думаю, что в конце концов мы эту связь установим. Я буду с вами совершенно откровенен, миссис Лайонс. Речь идет об убийстве, а улики по этому делу таковы, что под следствием может оказаться не только ваш друг, мистер Стэплтон, но и его жена.

Миссис Лайонс вскочила с кресла:

— Его жена!

— Это уже ни для кого не тайна. Особа, которую он выдает за свою сестру, на самом деле его жена.

Миссис Лайонс опустилась в кресло и с такой силой впилась пальцами в его ручки, что ногти у нее побелели.

— Его жена! Его жена... Но ведь он холостяк!

Шерлок Холмс пожал плечами.

— Докажите мне это! Докажите! И если сможете...— Яростный блеск ее глаз говорил лучше всяких слов.

— За доказательствами дело не станет,— сказал Шерлок Холмс, вынимая из кармана какие-то бумаги.— Вот фотография этой супружеской четы, снятая четыре года назад в Йорке. На обороте надпись: «М-р и м-с Ванделер», но вы, конечно, узнаете и его и эту женщину, если вам приходилось встречаться с ней. Дальше — три документа, подписанные людьми, заслуживающими всяческого доверия. Это описание мистера и миссис Ванделер, которые содержали некогда частную школу «Сент-Оливер». Прочтите их, и у вас не останется ни малейших сомнений в том, что это действительно знакомые вам люди.

Миссис Лайонс мельком просмотрела лежавшие перед ней бумаги и перевела взгляд на нас. Отчаяние превратило ее лицо в неподвижную маску.

— Мистер Холмс,— сказала она,— этот негодяй обещал жениться на мне, если я получу развод. Значит, нельзя верить ни одному его слову? Значит, он все время обманывал меня? Но зачем? Зачем? Я думала, что он печется только обо мне. А выходит, я была орудием в его руках. Чего ради хранить верность человеку, который так лжет? Чего ради выгораживать его? Пусть поплатится за свое злодейство! Спрашивайте меня о чем угодно, я ничего не утаю. В одном клянусь вам: когда я писала то письмо, мне и не снилось, что это погубит сэра Чарльза, моего лучшего друга!

— Я верю каждому вашему слову, сударыня,— сказал Шерлок Холмс.— Вам, вероятно, очень тяжело рассказывать об этом. Давайте сделаем так: я буду говорить сам и, если ошибусь в чем-нибудь существенном, вы меня поправите. Письмо было написано по наущению Стэплтона?

— Под его диктовку.

— Он, вероятно, говорил вам, что сэр Чарльз возьмет на себя все издержки по бракоразводному процессу?

— Да.

— А потом, когда письмо было отослано, убедил вас не ходить на свидание?

— Он сказал, что перестанет уважать самого себя, если деньги на процесс даст кто-то другой. Клялся, что, несмотря на всю свою бедность, отдаст последнее пенни, лишь бы уничтожить препятствие, которое отделяет нас друг от друга.

— Он, по-видимому, весьма последователен в своих поступках! Итак, о дальнейших событиях вы ничего не слышали и узнали о смерти сэра Чарльза только из газет?

— Да.

— И Стэплтон взял с вас слово, что вы никому не скажете о предполагавшемся свидании?

— Да. Он сказал, что смерть сэра Чарльза произошла при весьма загадочных обстоятельствах и, если о письме узнают, я буду взята на подозрение. Он запугал меня, и я решила молчать.

— Так, понимаю. Но вы все-таки подозревали что-то?

Миссис Лайонс опустила глаза, видимо не решаясь ответить.

— Я хорошо знаю этого человека,— сказала она наконец.— Но если б он не обманул меня, я бы его не выдала.

— В общем, вы счастливо отделались,— сказал Шерлок Холмс.—Он был в ваших руках и прекрасно знал это, а вы все-таки остались живы. Последние месяцы вы ходили по краю бездны. А теперь, миссис Лайонс, разрешите пожелать вам всего хорошего. Но мы еще, вероятно, увидимся...

— Ну вот, все мало-помалу выясняется, туман редеет,— сказал Холмс, когда мы снова вышли на станционную платформу к приходу лондонского экспресса.— Скоро я смогу пункт за пунктом воссоздать это преступление — пожалуй, самое сенсационное преступление нашего времени. Криминалисты скажут, что нечто подобное уже было, и, конечно, вспомнят убийство в Гродно, на Украине, в 1866 году и Андерсона из Северной Каролины, но у теперешнего нашего дела есть некоторые совершенно своеобразные черты. Мы даже сейчас не можем предъявить прямые улики этому коварному хитрецу. Но помяните мое слово, Уотсон: к тому времени, когда мы ляжем спать, все будет выяснено.

Лондонский экспресс с грохотом подкатил к станции, и из вагона первого класса выскочил на платформу маленький коренастый человек, напоминающий чем-то бульдога. Мы поздоровались, и по той почтительности, с какой Лестрейд относился к моему товарищу, мне стало ясно, что он многое понял с тех пор, как они начали работать вместе. Я прекрасно помнил, сколько презрения вызывали когда-то у этого практика логические выкладки нашего любителя теорий.

— Ну как, крупное дело? — спросил Лестрейд.

— Такого давно не бывало,— сказал Холмс.— У нас в запасе два часа свободного времени. Давайте употребим его на обед, а потом, Лестрейд, мы угостим вас чистейшим ночным воздухом Дартмура и поможем вам прочистить горло от лондонского тумана. Никогда здесь не были? В таком случае, вы не скоро забудете свое первое знакомство с этими местами.

Глава XIV

Собака Баскервилей

Одним из недостатков Шерлока Холмса — если только это можно назвать недостатком — было то, что он никогда и ни с кем не делился своими планами вплоть до их свершения. Такая скрытность объяснялась отчасти властной натурой этого человека, любившего повелевать окружающими и поражать их воображение, отчасти профессиональной осторожностью, не позволявшей ему рисковать без нужды. Как бы то ни было, эта черта характера Шерлока Холмса доставляла много неприятностей тем, кто работал с ним в качестве его агентов или помощников. Я сам часто страдал от нее, но то, что мне пришлось вытерпеть за это долгое путешествие в темноте, превзошло все мои прошлые муки. Нам предстояло нелегкое испытание, мы были готовы нанести последний, решающий удар, а Холмс упорно молчал, и я мог только догадываться о его планах. Мое нервное напряжение дошло до предела, как вдруг в лицо нам пахнуло холодным ветром, и, глянув в темноту, на пустынные просторы, тянувшиеся по обеим сторонам узкой дороги, я понял, что мы снова очутились на болотах. Каждый шаг лошадей, каждый поворот колес приближал нас к развязке всех этих событий.

В присутствии возницы, нанятого в Кумби-Треси, нельзя было говорить о деле, и мы, несмотря на все свое волнение, беседовали о каких-то пустяках. Я облегченно вздохнул, когда в стороне от дороги показался коттедж Френкленда, от которого оставалось две-три мили до Баскервиль-холла и до того места, где должна была разыграться заключительная сцена трагедии. Не останавливаясь у подъезда, мы проехали к калитке в тисовой аллее, расплатились с возницей, отправили его обратно в Кумби-Треси, а сами пошли по направлению к Меррипит-хаус.

— Вы с оружием, Лестрейд?

Маленький сыщик улыбнулся:

— Раз на мне брюки, значит, и задний карман у них

есть, а раз есть задний карман, значит, он не пустует.

— Вот и прекрасно! Мы с Уотсоном тоже приготовились ко всяким неожиданностям.

— Я вижу, вы настроены очень серьезно, мистер Холмс. А что от нас теперь требуется в этой игре?

— Требуется терпение. Будем ждать.

— Действительно, места здесь не очень веселые! — Сыщик повел плечами, глядя на мрачные склоны холмов и туман, озером разлившийся над Гримпенской трясиной.— А вон где-то горит огонек.

— Это Меррипит-хаус — конечная цель нашего путешествия. Теперь попрошу вас ступать как можно тише и говорить шепотом.

Мы осторожно шагали по тропинке, которая вела к дому, но ярдов за двести от него Холмс остановился.

— Дальше не надо,— сказал он.— Вот эти валуны послужат нам прекрасной ширмой.

— Здесь и будем ждать?

— Да, устроим засаду. Станьте вот сюда, Лестрейд. Уотсон, ведь вы бывали в доме? Расположение комнат знаете? Вон те окна с переплетом — что это?

— По-моему, кухня.

— А следующее, ярко освещенное?

— Это столовая.

— Шторы подняты. Вы лучше меня знаете, как туда пройти. Загляните в окно — что они там делают? Только, ради бога, тише! Как бы вас не услышали.

Я подкрался на цыпочках к низкой каменной ограде, окружающей чахлый садик Стэплтонов, и, пробираясь в ее тени, дошел до того места, откуда можно было заглянуть в незанавешенное окно.

В комнате были двое мужчин — сэр Генри и Стэплтон. Они сидели друг против друга за круглым столом, ко мне в профиль, и курили сигары. Перед ними стояли чашки с кофе и вино. Стэплтон оживленно говорил о чем-то, но баронет сидел бледный и слушал его невнимательно. Ему, вероятно, не давала покоя мысль о скором возвращении домой по зловещим болотам.

Но вот Стэплтон встал и вышел из комнаты, а сэр Генри подлил себе вина в стакан и откинулся на спинку стула, попыхивая сигарой. Я услышал скрип двери, потом похрустывание гравия на тропинке. Шаги приближались

ко мне. Выглянув из-за стены, я увидел, что натуралист остановился у небольшого сарая в углу сада. Звякнул ключ в замке, и в сарае послышалась какая-то возня. Стэплтон пробыл там не больше двух минут, снова звякнул ключом, прошел мимо меня и исчез в доме. Я увидел, что он вернулся к своему гостю; осторожно пробравшись к товарищам, я рассказал им все это.

— Значит, женщина не с ними? — спросил Холмс, когда я кончил.

— Нет.

— Тогда где же она? Ведь, кроме кухни и столовой, все окна темные.

— Право, не знаю.

Я уже говорил, что над Гримпенской трясиной стлался густой белый туман. Он медленно полз в нашу сторону, окружая нас и справа и слева низким, но плотным валом. Лившийся сверху лунный свет превращал его в мерцающее ледяное поле, над которым, словно черные пики, вздымались верхушки отдаленных гранитных столбов. Холмс повернулся в ту сторону и, глядя на эту медленно подползающую белую стену, нетерпеливо пробормотал:

— Смотрите, Уотсон, туман движется прямо на нас.

— А это нехорошо?

— Хуже некуда! Туман — единственное, что может нарушить мои планы. Но сэр Генри там не задержится. Уже десять часов. Теперь все — и наш успех и даже его жизнь — зависит от того, выйдет ли он прежде, чем туман доползет до тропинки, или нет.

Ночное небо было чистое, без единого облачка. Звезды холодно поблескивали в вышине, луна заливала болота мягким неверным светом. Прямо перед нами смутно чернели очертания дома с остроконечной крышей, словно ощетинившейся трубами, которые четко выступали на звездном небе. Широкие золотые полосы падали из окон нижнего этажа в сад и дальше, на болота. Одна из них вдруг погасла. Слуги вышли из кухни. Теперь лампа горела только в столовой, где те двое — убийца-хозяин и ничего не подозревающий гость — покуривали сигары и продолжали свой разговор.

Белая волокнистая пелена, затянувшая почти все болото, с каждой минутой приближалась к дому. Первые прозрачные клочья уже завивались у золотистого квадрата освещенного окна. Дальняя стена сада совсем исчезла в этой клубящейся мгле, над которой виднелись только верхушки деревьев. Вот белесые кольца показались с обеих сторон дома и медленно слились в плотный вал, и верхний этаж с крышей всплыл над ним, точно волшебный корабль на волнах призрачного моря. Холмс яростно ударил кулаком о камень, за которым мы стояли, и вне себя от нетерпения топнул ногой:

— Если он не появится через четверть часа, тропинку затянет туманом, а через полчаса мы уже не сможем разглядеть собственную руку в этой тьме.

— Отойдем немного назад, там выше.

— Да, пожалуй, так и сделаем.

По мере того как туман надвигался на нас, мы отступали все дальше и дальше, пока не очутились в полумиле от дома. Но сплошное белесое море, посеребренное сверху луной, подбиралось и туда, продолжая свое медленное, неуклонное наступление.

— Мы слишком далеко зашли, — сказал Холмс. — Это уже рискованно: его могут настигнуть прежде, чем он дойдет до нас. Ну, будь что будет, останемся здесь.

Он опустился на колени и приложил ухо к земле.

— Слава богу! Кажется, идет!

В тишине болот послышались быстрые шаги. Пригнувшись за валунами, мы напряженно всматривались в подступавшую к нам мутно-серебристую стену. Шаги все приближались, и вот из тумана, словно распахнув перед собой занавес, выступил тот, кого мы поджидали. Увидя над собой чистое звездное небо, он с удивлением осмотрелся по сторонам. Потом быстро зашагал по тропинке, прошел мимо нас и стал подниматься вверх по отлогому склону, начинавшемуся сразу за валунами. На ходу он то и дело оглядывался через плечо, видимо остерегаясь чего-то.

— Тсс! — шепнул Холмс и щелкнул курком. — Смотрите! Вот она!

В самой гуще подползающего к нам тумана послышался мерный, дробный топот. Белая стена была от нас уже ярдах в пятидесяти, и мы трое вперили в нее взгляд, не зная, какое чудовище появится оттуда. Стоя рядом с Холмсом, я мельком взглянул ему в лицо — бледное, взволнованное, с горящими при лунном свете глазами. И вдруг оно пре-

образилось: взгляд стал сосредоточен и суров, рот приоткрылся от изумления. В ту же секунду Лестрейд вскрикнул от ужаса и упал ничком на землю. Я выпрямился и, почти парализованный тем зрелищем, которое явилось моим глазам, потянулся ослабевшей рукой к револьверу. Да! Это была собака, огромная, черная как смоль. Но такой собаки еще никто из нас, смертных, не видывал. Из ее отверстой пасти вырывалось пламя, глаза метали искры, по морде и загривку переливался мерцающий огонь. Ни в чьем воспаленном мозгу не могло бы возникнуть видение более страшное, более омерзительное, чем это адское существо, выскочившее на нас из тумана.

Чудовище неслось по тропинке огромными прыжками, принюхиваясь к следам нашего друга. Мы опомнились лишь после того, как оно промчалось мимо. Тогда и я и Холмс выстрелили одновременно, и раздавшийся вслед за этим оглушительный рев убедил нас, что по меньшей мере одна из пуль попала в цель. Но собака не остановилась и продолжала мчаться вперед. Мы видели, как сэр Генри оглянулся, мертвенно-бледный при свете луны, поднял в ужасе руки и замер в этой беспомощной позе, не сводя глаз с чудовища, которое настигало его.

Но голос взвывшей от боли собаки рассеял все наши страхи. Кто уязвим, тот и смертен, и если она ранена, значит, ее можно и убить. Боже, как бежал в ту ночь Холмс! Я всегда считался хорошим бегуном, но он опередил меня на такое же расстояние, на какое я сам опередил маленького сыщика. Мы неслись по тропинке и слышали непрекращающиеся крики сэра Генри и глухой рев собаки. Я подоспел в ту минуту, когда она кинулась на свою жертву, повалила ее на землю и уже примеривалась схватить за горло. Но Холмс всадил ей в бок одну за другой пять пуль. Собака взвыла в последний раз, яростно щелкнула зубами, повалилась на спину и, судорожно дернув всеми четырьмя лапами, замерла. Я нагнулся над ней, задыхаясь от бега, и приставил дуло револьвера к этой страшной светящейся морде, но выстрелить мне не пришлось — исполинская собака была мертва.

Сэр Генри лежал без сознания там, где она настигла его. Мы сорвали с него воротничок, и Холмс возблагодарил судьбу, убедившись, что он не ранен и что наша помощь подоспела вовремя. А потом веки у сэра Генри дрогнули

и он слабо шевельнулся. Лестрейд просунул ему между зубами горлышко фляги с коньяком, и через секунду на нас глянули два испуганных глаза.

— Боже мой! — прошептал баронет.— Что это было? Где оно?

— Его уже нет,— сказал Холмс.— С привидением, которое преследовало ваш род, покончено навсегда.

Чудовище, лежавшее перед нами, поистине могло кого угодно испугать своими размерами и мощью. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастиф, а, видимо, помесь — поджарый, страшный пес величиной с молодую львицу. Его огромная пасть все еще светилась голубоватым пламенем, глубоко сидящие дикие глаза были обведены огненными кругами. Я дотронулся до этой светящейся головы и, отняв руку, увидел, что мои пальцы тоже засветились в темноте.

— Фосфор,— сказал я.

— Да, и какой-то особый препарат,— подтвердил Холмс, потянув носом.— Без запаха, чтобы у собаки не исчезло чутье. Простите нас, сэр Генри, что мы подвергли вас такому страшному испытанию. Я готовился увидеть собаку, но никак не ожидал, что это будет такое чудовище. К тому же нам помешал туман, и мы не смогли оказать псу достойную встречу.

— Вы спасли мне жизнь.

— Подвергнув ее сначала опасности... Ну как, можете встать?

— Дайте мне еще один глоток коньяку, и тогда все будет в порядке. Ну вот! Теперь с вашей помощью я встану. А что вы намерены делать дальше?

— Пока оставим вас здесь — вы уже достаточно натерпелись за сегодняшнюю ночь,— а потом кто-нибудь из нас вернется с вами домой.

Баронет попробовал подняться, но не смог. Он был бледен как полотно и дрожал всем телом. Мы подвели его к валуну. Он сел там, дрожа всем телом, и закрыл лицо руками.

— А теперь нам придется уйти,— сказал Холмс.— Надо кончить начатое дело. Дорога каждая минута. Состав преступления теперь налицо, остается только схватить преступника... Держу пари, в доме его уже не окажется,— продолжал Холмс, быстро шагая рядом с нами по тропинке.— Он не мог не слышать выстрелов и понял, что игра проиграна.

— Ну что вы! Это было далеко от дома, к тому же туман приглушает звуки.

— Можете не сомневаться, что он кинулся следом за собакой, ведь ее надо было оттащить от тела. Нет, мы его уже не застанем! Но на всякий случай надо обшарить все уголки.

Входная дверь была открыта настежь, и, вбежав в дом, мы быстро осмотрели комнату за комнатой, к удивлению дряхлого слуги, встретившего нас в коридоре. Свет горел только в столовой, но Холмс взял оттуда лампу и обошел с ней все закоулки в доме. Человек, которого мы искали, исчез бесследно. Однако на втором этаже дверь одной из спален оказалась запертой.

— Там кто-то есть! — крикнул Лестрейд.

В комнате послышался слабый стон и шорох. Холмс ударил ногой чуть повыше замка, и дверь распахнулась настежь. Держа револьверы наготове, мы ворвались туда.

Но дерзостного негодяя, за которым мы охотились, не оказалось и тут. Вместо него глазам нашим предстало нечто до такой степени странное и неожиданное, что мы замерли на месте.

Эта комната представляла собой маленький музей. Ее стены были сплошь заставлены стеклянными ящиками, где хранилась коллекция мотыльков и бабочек — любимое детище этой сложной и преступной натуры. Посередине поднималась толстая подпорка, подведенная под трухлявые балясины потолка. И у этой подпорки стоял человек, привязанный к ней простынями, которые укутывали его с головы до ног, так что в первую минуту даже нельзя было разобрать, кто это — мужчина или женщина. Одно полотнище шло вокруг горла, другое закрывало нижнюю часть лица, оставляя открытыми только глаза, которые с немым вопросом смотрели на нас, полные ужаса и стыда. В мгновение ока мы сорвали эти путы, вынули кляп, и к нашим ногам упала не кто иная, как миссис Стэплтон. Голова ее опустилась на грудь, и я увидел красный рубец у нее на шее от удара плетью.

— Мерзавец! — крикнул Холмс.— Лестрейд, где коньяк? Посадите ее на стул. Такие пытки кого угодно доведут до обморока!

Миссис Стэплтон открыла глаза.

— Он спасся? — спросила она.— Он убежал?

— От нас он никуда не убежит, сударыня.

— Нет, нет, я не про мужа. Сэр Генри... спасся?

— Да.

— А собака?

— Убита.

У нее вырвался долгий вздох облегчения:

— Слава богу! Слава богу! Негодяй! Смотрите, что он со мной сделал! — Она засучила оба рукава, и мы увидели, что ее руки все в синяках.— Но это еще ничего... это ничего. Он истерзал, он опоганил мою душу. Пока у меня теплилась надежда, что этот человек любит меня, я все сносила, все: дурное обращение, одиночество, жизнь, полную обмана... Но он лгал мне, я была орудием в его руках! — Она не выдержала и разрыдалась.

— Да, сударыня, у вас нет никаких оснований желать ему добра,— сказал Холмс.— Так откройте же, где его искать. Если вы были его сообщницей, воспользуйтесь случаем загладить свою вину — помогите нам.

— Он может спрятаться только в одном месте, больше ему некуда деваться,— ответила она.— В самом сердце трясины есть островок, на котором был когда-то рудник. Там он и держал свою собаку, и там у него все приготовлено на тот случай, если придется бежать.

Холмс посветил в окно лампой. Туман, словно белая вата, лип к стеклу.

— Смотрите,— сказал он.— Сегодня ночью никто не сможет пробраться на Гримпенскую трясину.

Миссис Стэплтон рассмеялась и захлопала в ладоши. Глаза ее сверкнули недобрым огнем.

— Туда-то он найдет дорогу, а обратно не выберется! — воскликнула она.— Разве в такую ночь разглядишь вехи? Мы ставили их вместе, чтобы наметить тропу через трясину. Ах, почему я не догадалась убрать их сегодня! Тогда он был бы в вашей власти!

При таком тумане о погоне нечего было и думать. Мы оставили Лестрейда полновластным хозяином Меррипит-хаус, а сами вместе с сэром Генри вернулись в Баскервиль-холл. Скрывать от него историю Стэплтонов больше было нельзя. Узнав всю правду о любимой женщине, он мужественно принял этот удар.

Однако пережитое ночью потрясение не прошло даром для баронета. К утру он лежал без памяти в горячке под надзором доктора Мортимера. В дальнейшем им обоим было суждено совершить кругосветное путешествие, и только после него сэр Генри снова стал тем же веселым, здоровым человеком, какой приехал когда-то в Англию наследником этого злополучного поместья.

А теперь мое странное повествование быстро подходит к концу. Записывая его, я старался, чтобы читатель делил вместе с нами все те страхи и смутные догадки, которые так долго омрачали нашу жизнь и завершились такой трагедией.

К утру туман рассеялся, и миссис Стэплтон проводила нас к тому месту, где начиналась тропинка, ведущая через трясину. Эта женщина с такой охотой и радостью направляла нас по следам мужа, что нам только тогда и стало ясно, как страшна была ее жизнь. Мы расстались с ней на узкой торфяной полоске, полуостровом вдававшейся в трясину. Маленькие прутики, воткнутые то там, то сям, намечали тропу, извивающуюся зигзагом от кочки к кочке, между затянутыми зеленью окнами, которые преградили бы путь всякому, кто был незнаком с этими местами. От гниющего камыша и покрытых илом водорослей над трясиной поднимались тяжелые испарения. Мы то и дело оступались, уходя по колено в темную зыбкую топь, мягкими кругами расходившуюся на поверхности. Вязкая жижа присасывалась к нашим ногам, и ее хватка была настолько сильна, что казалось, чья-то цепкая рука тянет нас в эти мерзостные глубины. На глаза нам попалось только одно-единственное доказательство, что не мы первые идем по этому опасному пути. На кочке, поросшей болотной травой, лежало что-то темное. Потянувшись туда, Холмс сразу ушел по пояс в тину, и если б не мы, вряд ли ему удалось бы когда-нибудь почувствовать под ногой твердую землю. Он держал в руке старый черный башмак. Внутри была метка: «Мейерс. Торонто».

— Из-за такой находки стоило принять грязевую ванну. Вот он, пропавший башмак нашего друга!

— Брошенный второпях Стэплтоном?

— Совершенно верно. Он дал собаке понюхать его, когда наводил ее на след сэра Генри, и так и убежал с ним,

а потом бросил. Теперь мы, по крайней мере, знаем, что до этого места он добрался благополучно.

Но больше нам ничего не удалось узнать, хотя догадываться мы могли обо многом. Разглядеть на тропинке следы не было никакой возможности — их сразу же затягивало тиной. Мы решили, что они обнаружатся на более сухом месте, однако все поиски были тщетны. Если земля говорила правду, то Стэплтону так и не удалось добраться до своего убежища на островке, к которому он стремился в ту памятную нам туманную ночь. Этот холодный, жестокий человек был навеки погребен в самом сердце зловонной Гримпенской трясины, засосавшей его в свою бездонную глубину.

Мы нашли немало его следов на опоясанном топью островке, где он прятал своего страшного сообщника. Огромный ворот и шахта, до половины заваленная щебнем, говорили, что когда-то здесь был рудник. Рядом с ним стояли развалившиеся лачуги рудокопов, которых, вероятно, выгнали отсюда ядовитые болотные испарения. В одной из этих лачуг мы нашли кольцо в стене, цепь и множество обглоданных костей. Здесь, вероятно, Стэплтон и держал своего пса. Среди мусора валялся скелет собаки с оставшимся на нем клочком рыжей шерсти.

— Боже мой! — воскликнул Холмс.— Да это спаниель! Бедный Мортимер больше никогда не увидит своего любимца. Ну что ж, теперь, я думаю, этот островок открыл нам все свои тайны. Спрятать собаку было нетрудно, а вот попробуйте заставить ее молчать! Отсюда и шел этот вой, от которого людям даже днем становилось не по себе. В случае крайней необходимости Стэплтон мог бы перевести собаку в сарай, поближе к дому, но на такой риск можно было пойти только в самую критическую минуту, в расчете на близкую развязку. А вот эта паста в жестянке — тот самый светящийся состав, которым он смазывал своего пса. Его натолкнуло на эту мысль не что иное, как легенда о чудовищной собаке Баскервилей, и он решил разделаться таким способом с сэром Чарльзом. Теперь неудивительно, что злосчастный каторжник с воплями пустился наутек, когда эдакое страшилище выскочило на него из темноты. Точно так же поступил и наш друг, да и мы сами были недалеки от этого. Стэплтон хитро придумал! Уж не говоря о том, что собака помогла бы ему убить его жертву,

кто из здешних фермеров решился бы поближе познакомиться с ней? С такой тварью достаточно и одной встречи. А ведь ее многие видели на болотах. Я говорил об этом в Лондоне, Уотсон, и повторяю опять: нам никогда не приходилось иметь дело с человеком более опасным, чем тот, кто лежит теперь там! — И он показал на зеленобурую трясину, уходившую вдаль, к пологим склонам торфяных болот.

Глава XV

Взгляд назад

Был конец ноября. Ненастным, туманным вечером мы с Холмсом сидели у пылающего камина в кабинете на Бейкер-стрит. Со времени трагедии, которая завершила нашу поездку в Девоншир, мой друг успел расследовать два очень серьезных дела. В первом из них ему удалось разоблачить полковника Эпвуда, замешанного в скандале, разыгравшемся за карточным столом в клубе «Патриций», во втором — полностью снять с несчастной мадам Монпенсье обвинение в убийстве падчерицы, молоденькой мадемуазель Карэр, которая, как известно, полгода спустя объявилась в Нью-Йорке и благополучно вышла там замуж. После успешного разбора двух таких трудных и серьезных дел Холмс был в прекрасном расположении духа, и, пользуясь этим, я решил выведать у него некоторые подробности загадочной баскервильской истории. Я терпеливо ждал своего часа, зная, что Холмс не любит держать в голове сразу по нескольку дел и что его ясный, логический ум не станет отвлекаться от текущей работы ради воспоминаний о прошлом.

В эти дни в Лондоне как раз были сэр Генри и доктор Мортимер, готовившиеся к далекому путешествию, которое врачи предписали баронету для укрепления расшатанной нервной системы. Утром они нанесли нам визит, так что у меня был хороший повод завести разговор на нужную тему.

— С точки зрения человека, именующего себя Стэплтоном, события разворачивались как по-писаному,— начал Холмс,— но нам все это казалось чрезвычайно сложным, потому что мы не имели тогда ни малейшего понятия, чем он руководствуется в своих действиях, и знали только кое-какие факты. С тех пор у меня было два разговора с миссис Стэплтон, и все разъяснилось. Думаю, что теперь загадок уже нет. Можете посмотреть мои заметки по этому делу в картотеке под литерой «Б».

— А может, вы изложите ход событий просто по памяти?

— С удовольствием, хотя и не ручаюсь, что вспомню все подробности. Когда сосредоточишься на чем-нибудь одном, прошлые помыслы улетучиваются из головы. Адвокат, знающий назубок свое очередное дело и ломающий из-за него копья в суде, недели через две начисто все забывает. Так и у меня: каждое новое расследование вытесняет из памяти предыдущее, и мадемузель Карэр своей персоной заслонила в моем сознании Баскервиль-холл. Завтра передо мной, может быть, встанет следующая загадка, которая, в свою очередь, заслонит очаровательную француженку и шулера Эпвуда. Но я все-таки постараюсь изложить вам всю эту историю, а если я что-нибудь забуду, вы мне подскажете.

Наведенные справки окончательно убедили меня, что фамильный портрет не лгал и что этот человек действительно из рода Баскервилей. Он оказался сыном того Роджера Баскервиля, младшего брата сэра Чарльза, которому пришлось бежать в Южную Америку, где он и женился, и после него остался сын, носивший отцовскую фамилию. Сей небезызвестный вам молодчик женился на некой Бэрил Гарсиа, одной из красавиц Коста-Рики, растратил казенные деньги и, переменив фамилию на Ванделер, бежал в Англию, где вскоре открыл школу в восточной части Йоркшира. Этот род деятельности он избрал потому, что сумел воспользоваться знаниями и опытом одного учителя, с которым познакомился в пути. Но его компаньон, Фрезер, был в последней стадии чахотки и вскоре умер. Дела школы шли все хуже и хуже, а конец у нее был совсем бесславный. Супруги Ванделер сочли за благо переменить фамилию и с тех пор стали именоваться Стэплтонами. В дальнейшем Стэплтон вместе с остатками своего состояния, новыми планами на будущее и страстью к энтомологии перебрался на юг Англии. Я наводил справки в Британском музее и выяснил, что Ванделер считался признанным авторитетом в своей области и что его имя было присвоено одной ночной бабочке, описанной им еще в Йоркшире.

Теперь мы дошли до того периода его жизни, который оказался столь интересным для нас. Этот человек, по-видимому, разузнал, что между ним и крупным поместьем стоят всего лишь две жизни. Когда он собрался в Девоншир, его планы были, вероятно, еще весьма туманны, но недобрый замысел зрел — недаром он с самого начала выдал свою жену за сестру. Мысль воспользоваться ею в качестве приманки овладела им сразу, хотя он, может быть, еще и не представлял себе, как все сложится в дальнейшем. Его цель была — получить поместье; ради этого он не стеснялся в средствах и шел на любой риск. Итак, для начала надо было поселиться как можно ближе к Баскервиль-холлу, а потом завязать дружеские отношения с сэром Чарльзом и с другими соседями.

Баронет сам рассказал ему предание о собаке и таким образом ступил на свой смертный путь. Стэплтон, как я его по-прежнему буду называть, знал, что у старика больное сердце и что сильное потрясение может убить его. Все это он слышал от доктора Мортимера. Кроме того, ему было известно, что сэр Чарльз — человек суеверный и придает большое значение этой мрачной легенде. Изворотливый ум Стэплтона немедленно подсказал ему способ, каким можно убить баронета и остаться самому вне подозрений.

Выработав план действий, Стэплтон приступил к его осуществлению со всей изощренностью, свойственной его натуре. Заурядный преступник удовольствовался бы в таком случае просто злой собакой, но Стэплтона осенила гениальная мысль — сделать из нее исчадие ада. Он купил этого пса в Лондоне у Росса и Менгласа, на Фулхем-роуд, выбрав самого крупного и самого свирепого из всех, какие там были. Потом приехал с ним в Девоншир по северной линии и сделал немалый конец пешком через болота, чтобы провести его домой незаметно. Во время своих экскурсий за бабочками он нашел путь в глубь Гримпенской трясины, а более надежного места для собаки нельзя и придумать. Он посадил ее там на цепь и стал ждать удобного случая.

Но такой случай долго не представлялся: сэра Чарльза нельзя было выманить ночью за пределы поместья. Стэплтон не раз подстерегал старика, держа собаку наготове, но все было тщетно. Вот во время этих бесплодных блужданий по болотам он, вернее, его сообщник и попался на глаза кое-кому из тамошних фермеров, и легенда о чудовищном псе получила новое подтверждение. Тогда Стэплтон возложил все свои надежды на жену, но на сей раз она проявила неожиданную твердость характера. Миссис Стэплтон наотрез отказалась пускать в ход свои чары против старика, зная, что это может погубить его. Ни угрозы, ни даже — увы! — побои, ничто не помогало. Она не хотела принимать участие в кознях мужа, и на время Стэплтон оказался в тупике.

Но выход из этого тупика был найден. Сэр Чарльз проникся дружескими чувствами к Стэплтону и послал его в качестве своего посредника к миссис Лауре Лайонс. Выдав себя за холостяка, тот совершенно покорил эту несчастную женщину и дал ей понять, что женится на ней, если она добьется развода. И тут же вскоре выяснилось, что надо действовать безотлагательно: сэр Чарльз собрался в Лондон по настоянию доктора Мортимера, с которым Стэплтон для видимости соглашался. Нельзя было терять ни минуты, иначе жертва могла ускользнуть. Стэплтон заставил миссис Лайонс написать сэру Чарльзу письмо, в котором она умоляла старика дать ей возможность повидаться с ним накануне его отъезда из Баскервиль-холла. Потом под благовидным предлогом он уговорил ее не ходить на свидание, и вот долгожданный случай представился.

Вернувшись вечером из Кумби-Треси, Стэплтон успел сбегать за собакой, смазал ее этим адским составом и привел на то место, куда должен был прийти старик. Собака, натравленная хозяином, перемахнула через калитку и помчалась за несчастным баронетом, который с криками бросился бежать по тисовой аллее. Представляю себе, какое это было страшное зрелище! Кругом темнота, и в этой темноте за тобой мчится что-то огромное со светящейся мордой и огненными глазами. Сердце у баронета не выдержало, и он упал мертвый в самом конце аллеи. Собака неслась за ним по узкой полоске дерна, и поэтому на дорожке не было никаких следов, кроме человеческих.

Когда сэр Чарльз упал, она, вероятно, обнюхала его, но не стала трогать мертвеца и убежала. Вот эти следы и заметил доктор Мортимер. Стэплтон подозвал своего пса и поторопился увести его назад, в глубь Гримпенской трясины. Таково происхождение этой загадки, которая сбила с толку полицию, переполошила всех окрестных жителей и, наконец, была представлена на наше рассмотрение.

Вот и все, что касается смерти сэра Чарльза Баскервиля. Вы понимаете, с какой дьявольской хитростью этот человек обделал свое дело! Ведь уличить преступника не представлялось возможным! Соучастник у него был только один, причем такой, который не выдаст, а непостижимый, фантастический характер всего замысла и вовсе запутывал расследование. Обе женщины, замешанные в это дело, миссис Стэплтон и миссис Лаура Лайонс, подозревали, кто истинный виновник смерти сэра Чарльза. Миссис Стэплтон знала, что муж строит козни против старика, знала и о существовании собаки. Миссис Лайонс не имела ни малейшего понятия ни о том, ни о другом, но ее поразило, что смерть сэра Чарльза совпала по времени с несостоявшейся встречей у калитки, о которой, кроме Стэплтона, никто не знал. Но обе они были всецело под его влиянием, и он мог не бояться их. Таким образом, первая половина задачи была выполнена успешно, оставалась вторая — куда более трудная.

Очень возможно, что сначала Стэплтон даже не подозревал о существовании наследника в Канаде. Но он не замедлил узнать об этом от своего приятеля, доктора Мортимера, который заодно уведомил его и о дне приезда Генри Баскервиля. Прежде всего ему пришла в голову мысль, нельзя ли будет разделаться с этим молодым канадцем в Лондоне, до того как он приедет в Девоншир. Жене Стэплтон больше не доверял, помня, что она отказалась завлечь в свои сети старика Баскервиля. Оставлять ее надолго одну он тоже не решался — так можно было совсем утратить над ней власть. Пришлось ехать в Лондон вместе. Они остановились, как я потом выяснил, в отеле «Мексборо», на Кревен-стрит, куда Картрайт тоже заходил в поисках изрезанной страницы «Таймса». Стэплтон держал жену взаперти в номере, а сам, приклеив фальшивую бороду, ходил по пятам за доктором Мортимером —

на Бейкер-стрит, на вокзал, в отель «Нортумберленд». Миссис Стэплтон подозревала, какие планы строит ее супруг, но она испытывала такой страх перед ним — страх, рожденный его жестокостью,— что не решалась написать сэру Генри о грозящей ему опасности. Если бы письмо попало в руки Стэплтона, кто бы мог поручиться за ее жизнь? В конце концов, как мы уже знаем, она пошла на хитрость: вырезала нужные слова из газеты и написала адрес измененным почерком. Письмо дошло до баронета и послужило ему первым предостережением.

Стэплтону нужно было во что бы то ни стало раздобыть какую-нибудь вещь из туалета сэра Генри на тот случай, если придется пускать собаку по его следу. Действуя, как всегда, быстро и смело, он не стал медлить, и мы можем не сомневаться, что и коридорный и горничная в отеле получили щедрую мзду за оказанную ему помощь. Увы! Первый башмак оказался ненадеванным и, следовательно, был непригоден. Он вернул его и взамен получил другой. Из этого факта я сделал очень важный вывод. Мне стало ясно, что мы имеем дело с настоящей собакой, ибо только этим можно было объяснить старания Стэплтона получить старый башмак. Чем нелепее и грубее кажется вам какая-нибудь деталь, тем большего внимания она заслуживает. Те обстоятельства, которые на первый взгляд лишь усложняют дело, чаще всего приводят вас к разгадке. Надо только как следует, не по-дилетантски, разобраться в них.

На другое утро наши друзья пожаловали к нам, а Стэплтон следовал за ними издали в кэбе. Судя по многим признакам и хотя бы по тому, что он знал меня в лицо, знал и мой адрес, его карьера не ограничивалась баскервильским делом, я в этом почти уверен. Так, например, за последние три года в западных графствах было совершено четыре крупных ограбления, а преступников обнаружить не удалось. Последнее из них — это было в Фолкстон-корт в мае месяце — не обошлось без кровопролития. Грабитель в маске уложил выстрелом из револьвера мальчика-слугу, который застиг его. Теперь я не сомневаюсь, что Стэплтон поправлял таким способом свои расстроенные финансовые дела и что он уже давно был опасным преступником.

В его находчивости и дерзости мы могли убедиться в то утро, когда он так ловко улизнул от нас и потом

назвался моим же именем, прекрасно зная, что я доберусь до этого кэбмена. И тогда Стэплтон понял: в Лондоне рассчитывать на успех нечего, так как за это дело взялся я. Он уехал в Дартмур и стал ждать приезда баронета...

— Постойте! — перебил я Холмса.— Вы совершенно точно изложили весь ход событий, но один пункт все же для меня неясен. Что стало с собакой, когда ее хозяин уехал в Лондон?

— Вопрос очень существенный, я сам этим интересовался. У Стэплтона, конечно, был какой-то сообщник, хотя вряд ли он делился с ним всеми своими планами — это значило бы полностью отдаться в его власть. Помните слугу в Меррипит-хаус, старика Антони? Он жил у Стэплтонов несколько лет, еще в то время, когда у них была школа, и, конечно, знал, что они муж и жена. Так вот, этот самый Антони исчез бесследно, в Англии его нет. Обратите также внимание на то, что имя Антони встречается у нас довольно редко, а в Испании и в Латинской Америке Антонио попадаются на каждом шагу. Старик говорил по-английски не хуже миссис Стэплтон, но с тем же странным акцентом. Я сам видел, как он ходил в глубь Гримпенской трясины по тропинке, намеченной Стэплтоном. Поэтому весьма вероятно, что в отсутствие хозяина собаку кормил слуга Антони, хотя, может статься, ему было невдомек, с какой целью ее здесь держат.

Итак, Стэплтоны вернулись в Девоншир, а вскоре туда приехали и вы с сэром Генри. Теперь скажу несколько слов о себе. Вы, вероятно, помните, что, разглядывая письмо, присланное сэру Генри, я заинтересовался, есть ли на нем водяные знаки. Я поднес листок к глазам и уловил легкий запах — от него пахло духами «Белый жасмин». Есть семьдесят три сорта духов, которые опытный сыщик должен уметь отличать один от другого. Я на собственном опыте убедился, что успешное расследование преступлений не раз зависело именно от этого. Если пахнет жасмином, значит, автор письма женщина, а к тому времени Стэплтоны уже начинали интересовать меня. Итак, я понял, что собака существует на самом деле, и догадался, кто преступник, еще до своей поездки в Девоншир.

За Стэплтоном надо было установить слежку. Но если б я следил за ним, находясь в вашем обществе, он бы сразу насторожился. Пришлось обмануть всех, в том числе и вас.

Я сказал, что останусь в Лондоне, а сам поехал следом за вами. Лишения, которые мне пришлось испытать, вовсе не так страшны, как вам кажется. Впрочем, подобные пустяки не должны мешать нашей работе. Я жил, собственно, в Кумби-Треси, а пещеру на болотах навещал лишь в тех случаях, когда требовалось быть поближе к месту действия. Картрайт приехал в Девоншир вместе со мной и, расхаживая повсюду под видом деревенского мальчика, оказал мне большую помощь. Кроме того, он снабжал меня едой и чистым бельем и следил за вами, когда я был занят Стэплтоном. Так что, как видите, все нити были у меня в руках.

Вы уже знаете, что ваши отчеты немедленно пересылались с Бейкер-стрит в Кумби-Треси. Я очень много из них почерпнул, особенно из того, где сообщался единственный подлинный эпизод из биографии Стэплтонов. После этого мне уже нетрудно было установить личность их обоих, и я понял, с кем имею дело. Однако расследование осложнялось одним побочным обстоятельством — бегством каторжника и связью между ним и Бэрриморами. Но вы распутали и этот узел, хотя я уже сам пришел к тем же выводам на основе собственных наблюдений.

К тому времени, когда вы отыскали меня в пещере на болотах, картина преступления стала окончательно ясна, но выносить это дело на суд присяжных было преждевременно. Даже неудачное покушение Стэплтона на сэра Генри, закончившееся гибелью злосчастного каторжника, не давало прямых улик. Оставался единственный выход: схватить его на месте преступления, выставив сэра Генри в качестве приманки. Баронет должен был идти один, якобы никем не охраняемый. Так мы и сделали и ценой тяжелого потрясения, пережитого нашим другом, не только завершили расследование, но и довели Стэплтона до гибели. Подвергнув своего клиента такому испытанию, я, конечно, вполне заслужил упрек в плохом ведении дела, но кто мог знать заранее, какое страшное, ошеломляющее зрелище предстанет нашим глазам, кто мог предвидеть, что ночью будет туман и собака выскочит из него прямо на нас! Мы достигли цели дорогой ценой, но оба врача — и специалист по нервным болезням, и доктор Мортимер — уверяют меня, что сэр Генри скоро поправится. Путешествие поможет нашему другу не только укрепить расшатанные нервы, но и залечить сердечные раны. Ведь ему пришлось так обмануться в миссис Стэплтон, к которой он питал такие искренние и глубокие чувства! Это его больше всего и угнетает.

Теперь мне остается рассказать, какую роль сыграла она в этой мрачной истории. Я не сомневаюсь, что Стэплтон совершенно подчинил ее своему влиянию. Чем это объяснить? Любила она его или боялась — или и то и другое? Ведь эти чувства вполне совместимы. Во всяком случае, он действовал наверняка. Миссис Стэплтон согласилась выдать себя за его сестру, но стать прямой пособницей убийства все же отказалась наотрез, и тут ему пришлось убедиться, что его власть над ней не безгранична. Она не раз пыталась предупредить сэра Генри о грозящей ему опасности, но делала это так, чтобы не подвести мужа. Стэплтон, по-видимому, был способен на ревность, и когда баронет начал проявлять нежные чувства к даме своего сердца, Стэплтон не выдержал, хотя это входило в его планы, и выдал в бешеной вспышке всю страстность своей натуры, до тех пор тщательно скрываемую. Тем не менее он продолжал поощрять ухаживания сэра Генри, рассчитывая, что тот будет частым гостем в Меррипит-хаус и рано или поздно попадется ему в лапы. Но в самую решительную минуту жена взбунтовалась. Она прослышала о гибели беглого каторжника и узнала, что в тот вечер, когда сэр Генри должен был прийти к обеду, собаку перевели в сарай во дворе. Последовала бурная сцена. Миссис Стэплтон назвала мужа преступником и впервые услышала от него, что у нее есть соперница. Былая преданность уступила место ненависти. Стэплтон понял, что жена его выдаст, и связал ее, чтобы она не могла предостеречь сэра Генри. Все его расчеты основывались на том, что, узнав о смерти баронета, в графстве вспомнят о проклятии, тяготеющем над родом Баскервилей, а тогда он снова добьется от жены повиновения и заставит ее молчать. Стэплтон и тут просчитался. Его судьба была решена и без нашего вмешательства. Женщина, в жилах которой течет испанская кровь, не простила бы ему измены...

Вот и все, дорогой мой Уотсон. А если вам нужен более подробный отчет об этом из ряда вон выходящем деле, то мне придется заглянуть в свои записи. Но я, кажется, ничего существенного не упустил.

— Неужели Стэплтон надеялся, что сэр Генри тоже умрет от страха при виде этого пугала?

— Собака была совершенно дикая, кроме того, он держал ее впроголодь. Если б сэр Генри не умер на месте, то, во всяком случае, такое страшное зрелище могло бы парализовать его силы и он не оказал бы никакого сопротивления.

— Да, пожалуй. Теперь остается только один вопрос. Если бы Стэплтон доказал свои права на владение Баскервиль-холлом, как бы ему удалось объяснить тот факт, что он, наследник, жил под чужим именем да еще так близко от поместья? Неужели это не возбудило бы подозрений?

— На этот вопрос я вряд ли смогу вам ответить — вы слишком многого от меня требуете. Моя сфера деятельности — прошлое и настоящее. Что человек собирается делать в будущем, это я не берусь решать. По словам миссис Стэплтон, ее супруг думал об этом не раз. Он мог найти три выхода. Первый: уехать в Южную Америку, установить там свою личность в британском консульстве и затребовать наследство оттуда, не приезжая в Англию. Второй: проделать все это в Лондоне, предварительно изменив себя до неузнаваемости. И третий: выдать за наследника подставное лицо, снабдив его всеми необходимыми документами, а себе выговорив за это известную часть доходов. Зная Стэплтона, мы можем не сомневаться, что тот или иной выход из положения был бы найден.

А теперь, друг мой, обратимся мыслями к предметам более приятным. Несколько недель такого тяжелого труда дают нам право на свободный вечер. Я взял ложу в оперу. Вы слышали де Рецке в «Гугенотах»? Так вот, будьте любезны собраться в течение получаса. Тогда мы заедем по дороге к Марцини и не спеша пообедаем там.

Содержание

Корней Чуковский. О Шерлоке Холмсе 5
Союз рыжих. *Перевод М. и Н. Чуковских* 19
Тайна Боскомской долины. *Перевод М. Бессараб* 44
Скандал в Богемии. *Перевод Н. Войтинской* 69
Пять зернышек апельсина. *Перевод Н. Войтинской* 95
Человек с рассеченной губой. *Перевод М. и Н. Чуковских* . . 115
Голубой карбункул. *Перевод М. и Н. Чуковских* 139
Пестрая лента. *Перевод М. и Н. Чуковских* 160
Обряд дома Месгрейвов. *Перевод Д. Лившиц* 187
Последнее дело Холмса. *Перевод Д. Лившиц* 209
Пустой дом. *Перевод Д. Лившиц* 229
Пляшущие человечки. *Перевод М. и Н. Чуковских* 255
Черный Питер. *Перевод Н. Емельянниковой* 283
Шесть Наполеонов. *Перевод М. и Н. Чуковских* 304
Второе пятно. *Перевод Н. Емельянниковой* 324
Три студента. *Перевод Н. Явно* 353
Рейгетские сквайры. *Перевод Т. Рузской* 371
«Медные буки». *Перевод Н. Емельянниковой* 392
Убийство в Эбби-Грэйндж. *Перевод Л. Борового* 417
Шерлок Холмс при смерти. *Перевод В. Штенгеля* 440
Собака Баскервилей. Повесть. *Перевод Н. Волжиной* . . . 457
Глава I. Мистер Шерлок Холмс . . . . . —
Глава II. Проклятие рода Баскервилей 464
Глава III. Задача 476
Глава IV. Сэр Генри Баскервиль 484
Глава V. Три оборванные нити 497
Глава VI. Баскервиль-холл 507
Глава VII. Стэплтоны из Меррипит-хаус 517
Глава VIII. Первый отчет доктора Уотсона 530
Глава IX. Второй отчет доктора Уотсона 538
Глава X. Отрывки из дневника доктора Уотсона . . 554
Глава XI. Человек на гранитном столбе 564
Глава XII. Смерть на болотах 578
Глава XIII. Сети расставлены 591
Глава XIV. Собака Баскервилей 602
Глава XV. Взгляд назад 613

Для старшего возраста

Артур Конан Дойл

ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

ИБ № 2638

Ответственный редактор
Н. В. Шерешевская
Художественный редактор
М. Д. Суховцева
Технический редактор
Н. Ю. Крапоткина
Корректоры
К. И. Каревская и Н. А. Сафронова

Сдано в набор 15/V 1978 г. Подписано к печати 10/XI 1978 г. Формат 84×108 1/32. Бум. типогр. № 2. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 32,76. Уч.-изд. л. 33,71. Тираж 300 000 (150 001—300 000) экз. Заказ № 2590. Цена 1 р. 20 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Экспериментальная типография ВНИИ полиграфии Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-51, Цветной бульвар, 30. Отпечатано с диапозитивов Экспериментальной типографии ВНИИ полиграфии ордена Трудового Красного Знамени ф-ке «Детская книга» № 1. Москва, Сущевский вал, 49.

Конан Дойл А.

К64 Записки о Шерлоке Холмсе: Рассказы и повесть/Пер. с англ.; Предисловие К. Чуковского; Рис. Л. Непомнящего.— М.: Дет. лит., 1978.—623 с., ил. (Б-ка приключений и науч. фантастики).

В пер.: 1 р. 20 к.

Рассказы и повесть «Собака Баскервилей» классика английской литературы Артура Конан Дойла с одним общим героем — прославленным сыщиком Шерлоком Холмсом.

К $\frac{70803—548}{М101(03)78}$ 441—78 И (Англ)

